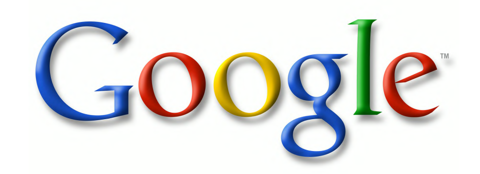
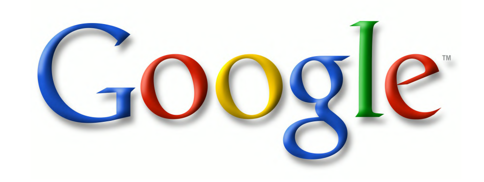
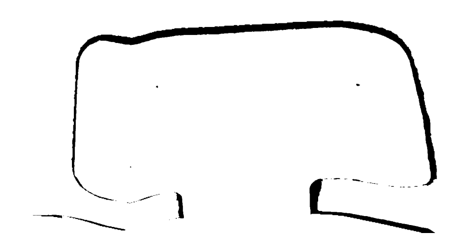
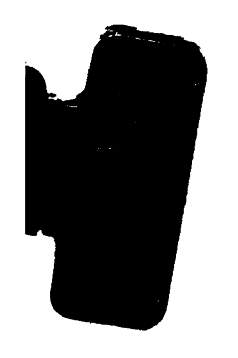
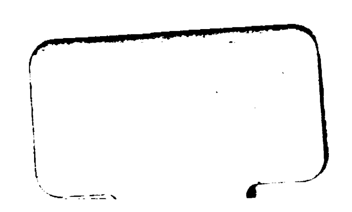

VE RI
TAS

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

КНИГА VIII.

МОСКВА.

1883.

Редакція и главная контора журнала: Леонтьевскій п., 21.

ОТДѢЛЕНІЯ КОНТОРЫ:

Въ Москвѣ — Петровскія торговыя линіи.

Въ С.-Петербургѣ — при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°.

Въ Кіевѣ — при типографіи И. Н. Кушнерева и К°, Елисаветинская улица, д. Михельсона.

Keller

Printed in Germany

ОГЛАВЛЕНІЕ.

МАГИСТРЪ и ФРОСЯ.

Ихъ первые шаги въ жизни.

ПОВѢСТЬ.

I.

Въ то время, когда маленькія государства южной Германіи старались переварить добровольный союзъ съ Пруссіей, отеческая любовь которой простиралась до того, что нѣкоторые государи въ случаѣ несогласія съ ней не смѣли назначать даже офицеровъ въ отрядъ, дежурившій у ихъ собственнаго кабинета,—они должны были назначаться изъ Берлина, гдѣ происходила безпрестанная муштровка войскъ,—вся Пруссія представляла страну, наполненную воинственными кликами, точно наканунѣ похода или на другой день послѣ побѣды. Такъ оно въ дѣйствительности и было. Недавно только смолкли пушки въ Богеміи, а французскіе шовинисты съ горечью задавали себѣ вопросъ: когда они потерпѣли пораженіе—при Ватерло или подъ Садовой? Бисмаркъ начиналъ затмевать Наполеона III, и въ Берлинѣ не даромъ рисовали его съ громадною головой; весь онъ представлялъ одну каску, а изъ-за его плеча выглядывало лицо очень напоминавшее будущаго германскаго императора. Если парижскій властелинъ думалъ только объ укрѣпленіи своей династіи, то берлинскій — о возвеличеніи Пруссіи на счетъ закабаленной Германіи. Въ этомъ случаѣ онъ исполнялъ единственно божественную волю Провидѣнія, и потому побѣда витала надъ его головой.

Пруссаки выпили все пиво въ Богеміи, но она не унывала; она варила новое и радовалась, что его можно будетъ наконецъ влить въ новые мѣха,—конечно, если Венгрія вмѣстѣ съ Австрі-

ей не наступить на нее. А Венгрія имѣла много причинъ ненавидѣть славянское племя.

Вѣна еще носила трауръ по своимъ безславно погибшимъ сынамъ, и шумная жизнь ея была отравлена воспоминаніемъ о недавнемъ пораженіи; но Бейстъ предлагалъ реформу за реформой и народъ встрепенулся; онъ украсилъ вѣнками и засыпалъ розами могилу, гдѣ были погребены борцы за народныя права въ 1848 году,—теперь онъ получилъ ихъ. И когда сгорѣла дочь Альбрехта, среди народа ходили толки о томъ, что Богъ покаралъ принца за то, что онъ первый скомандовалъ стрѣлять въ ихъ представителей, собравшихся передъ дворцомъ.

Такъ вотъ въ такое-то именно время Петръ Ивановичъ и Евфросія Васильевна совершали свое путешествіе по Европѣ. Курьерскій поѣздъ примчалъ ихъ изъ Швейцаріи въ Вѣну, и въ дождливый, пасмурный вечеръ маленькая каретка подвезла ихъ къ одной изъ лучшихъ гостиницъ на Грабенъ. Кучеръ соскочилъ съ козелъ, позвонилъ и отперъ дверцы.

— Brrr... verfluchtes Wetter! — пробормоталъ онъ, сливая воду съ широкихъ полей своей шляпы.

Въ это время цѣлая стая голодныхъ кельнеровъ устремилась внизъ по лѣстницѣ, готовая самымъ любезнымъ образомъ обобрать пріѣзжихъ. Петръ Ивановичъ, зная по опыту, какъ дорого обходится извощикъ, если съ нимъ расплачивается швейцаръ, подалъ возницѣ два флорина. Тотъ, порывшись въ портмоне, вынулъ оттуда цѣлую ленту маленькихъ запачканныхъ бумажонокъ.

— Что это?—спросилъ Соколовъ.

— Ochtzig kreizer *),—отвѣтилъ извощикъ.

Къ нимъ подошелъ одинъ изъ кельнеровъ и, тыкая жирнымъ пальцемъ въ бумажки, обязательно пояснилъ, что теперь, послѣ войны, они имѣютъ «cupferpapiere», ассигнаціи въ десять крейцеровъ. Петръ Ивановичъ съ видомъ отвращенія сжалъ въ рукѣ эти бумажонки. «Несчастная Австрія!—сказалъ онъ, оборачиваясь къ Фросѣ.—Она должна погибнуть, а славянскія племена отойти къ намъ!» И онъ, гордо поднявъ голову, пошелъ вверхъ по лѣстницѣ, точно побѣдитель.

Кельнеры, слѣдовавшіе за нимъ съ его маленькими чемоданами и саками, пересмѣивались: даже на нихъ отразилось возбужденіе, охватившее разбитый при Садовой народъ; они ин-

*) Въ Вѣнѣ простой народъ говоритъ *o* вмѣсто *a*.

стинктивно поняли Петра Ивановича и не хотѣли вторично никому покоряться. Одинъ изъ нихъ забѣжалъ впередъ и распахнулъ передъ Соколовымъ дверь роскошнаго помѣщенія.

Петръ Ивановичъ чуть не вскрикнулъ отъ удивленія, когда кельнеръ объявилъ ему цѣну. Ища подходящаго по своимъ средствамъ номера, они поднимались все выше и выше, съ каждою лѣстницей гордая осанка его исчезала и передъ дверью номера въ третьемъ этажѣ онъ сгорбился и едва переводилъ духъ отъ усталости. «О, эти проклятые австрійцы! — думалъ онъ.— Нѣтъ, они должны погибнуть!»

Когда кельнеръ удалился, Петръ Ивановичъ, обернувшись къ своей спутницѣ, сердито проговорилъ:

— Отвратительно, что васъ въ вашей гимназіи ничему не учатъ! Ты такъ выражаешься по-нѣмецки, что насъ тотчасъ вездѣ принимаютъ за русскихъ.

Фрося съ удивленіемъ посмотрѣла на него.

— Да вѣдь я ничего не говорила! Говорилъ ты одинъ.

— Ну, не теперь, такъ прежде, — замѣтилъ Петръ Ивановичъ:—это все равно.

Онъ бросилъ на столъ шляпу и бумажникъ, потомъ взялъ въ руки эти злополучные «achtzig kreizer» и, разсматривая ихъ, презрительно замѣтилъ:

— Австріи не спасетъ и Бейстъ отъ подобной дряни! Эти жалкіе австрійцы для того и созданы, чтобъ ихъ колотили.

Фрося вспомнила, что на какой-то станціи она видѣла каррикатуру: Бейстъ только-что проснулся, съ широко раскрытыми глазами, съ всклокоченной головой; въ одной рукѣ онъ держалъ что-то, а другую высоко поднялъ со знаменемъ, на которомъ красовалось слово: «Reformen!» А надпись внизу гласила... Впрочемъ, надписи она не поняла.

Я не стану описывать наружность моихъ героевъ,—я оставлю это до болѣе удобнаго времени, потому что въ номерѣ стояла одна только свѣча, да и та на низенькомъ столикѣ, вслѣдствіе чего голова Фроси вытянулась на стѣнѣ, носъ и губы представляли подобіе консоля, а изогнутая спина Петра Ивановича напоминала верблюда. Онъ усердно возился съ саками. Всю дорогу отъ Montreux онъ былъ страшно не въ духѣ. «Что бы это значило?»—думала Фрося. Она смертельно устала и не чувствовала ни малѣйшей охоты нагибаться и возиться съ чѣмъ бы то ни было.

— Да помоги же! — проговорилъ Петръ Ивановичъ такимъ тономъ, что Фрося быстро вскочила и стала помогать ему.

— Фи!—брезгливо протянулъ онъ.—Я выпачкалъ обо что-то пальцы! Что это?

И онъ поднялъ вверхъ какую-то вещь.

— Это мой дождевой плащъ, — отвѣчала она поспѣшно.— Я должно-быть выпачкала его, когда выходила изъ кареты.

— Твой дождевой плащъ,—замѣтилъ Петръ Ивановичъ,— совершенно новая вещь! Нѣтъ, я начинаю думать, что аккуратность—не женское свойство.

Фрося молчала.

Этотъ плащъ была первая вещь, которую подарилъ ей Петръ Ивановичъ. Вѣдь они были всего два мѣсяца женаты. И Фрося невольно вспомнила, что, надѣвая ей плащъ, онъ имѣлъ такой торжествующій видъ, точно накидывалъ ей на плечи порфиру. Ей сдѣлалось неловко и она молчала.

— Ты сердишься?—спросилъ Петръ Ивановичъ.

— Не знаю!— отвѣчала она.

— Но согласись со мной, что ты очень неаккуратна,—продолжалъ онъ:—я вѣчно долженъ былъ убирать за тобой. Развѣ это моя обязанность?

«Положительно онъ невыносимъ сегодня,—думала Фрося.— Что за мелочность! И что можетъ быть хуже—напоминать другъ другу о взаимныхъ обязанностяхъ по поводу разныхъ мелочей!» Главное, что ее разсердило, это—упрекъ, относящійся къ тому времени, когда она чувствовала себя такой счастливой и думала, что онъ испытываетъ то же самое, а между тѣмъ онъ сердился на нее и, если не дѣлалъ замѣчаній, то, быть-можетъ, только изъ вѣжливости.

Человѣку ужасно непріятно разочаровываться въ настоящемъ; но если тѣнь падаетъ на то прошлое, воспоминаніе о которомъ намъ особенно дорого, тогда это становится невыносимымъ.

Фрося испытывала недоумѣніе и какой-то еще не ясно сознанный страхъ передъ чѣмъ-то.

Петръ Ивановичъ молча ходилъ по комнатѣ, пока кельнеръ принесъ подносъ съ кофейникомъ.

— Я буду наливать кофе,—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, это моя обязанность,—отвѣчала Фрося.

— Ну, ну, ишь какая сердитая,—сказалъ онъ, улыбаясь:—

сейчасъ, точно порохъ, вспыхнетъ! Вѣдь ты знаешь, я хочу тебя видѣть совершенствомъ.

— И потому стану тебя донимать мелочами, не правда ли?— отвѣчала она.

— Мелочи! — заговорилъ Петръ Ивановичъ.—Да вѣдь вся жизнь слагается изъ мелочей, и намъ, какъ бѣднымъ людямъ, нельзя забывать этого.

— Но я не хочу такой жизни!—съ жаромъ заговорила Фрося.— Я бывала бѣдна, очень бѣдна, но я этого не чувствовала. Мы съ братомъ не ссорились, а смѣялись надъ нашей бѣдностью.

— Не сравнивай меня, пожалуйста, со своимъ братомъ!— замѣтилъ онъ раздражительно.

Фрося откинулась на спинку дивана, а Петръ Ивановичъ молча пилъ свой кофе большими глотками. Потомъ онъ всталъ, взялъ шляпу и вышелъ изъ комнаты.

«Вотъ и исторія!»—думала она, глядя ему вслѣдъ.

У нея не было ни отца, ни матери; у нея былъ только братъ, котораго она страстно любила. Какъ могло случиться, что эти двое людей, которые были ей такъ дороги, ненавидѣли другъ друга? А между тѣмъ это былъ фактъ, который не составлялъ для нея тайны. Она уживалась съ нимъ, зная прекрасно, что именно она-то и была причиной дурныхъ отношеній между ними, и до сегодняшняго дня сознаніе это было единственнымъ темнымъ облакомъ на свѣтломъ горизонтѣ ея счастья; но въ ней жила увѣренность, что отношенія эти измѣнятся, какъ только они узнаютъ другъ друга, и онъ, ея братъ, убѣдится, что она счастлива. Конечно, пасмурная погода виновата въ томъ, что онъ не въ духѣ. Только зачѣмъ онъ на нее сердится! Она не можетъ платить ему тѣмъ же,—она не можетъ даже заставить себя сердиться на человѣка, котораго любитъ и которому вѣритъ.

Какая-то невѣроятная усталость чувствовалась ею во всемъ тѣлѣ. Они ѣхали двое сутокъ и эту послѣднюю ночь совсѣмъ не спали: было такъ холодно; имъ безпрестанно приходилось мѣнять вагоны, баварскіе кондуктора грубы и не поддаются даже на взятки.

Она подошла къ окну, открыла его, сѣла на широкій подоконникъ и стала смотрѣть внизъ. Посреди площади, противъ оконъ, возвышалась колонна; ея фантастическіе барельефы, освѣщенные мерцающимъ свѣтомъ фонарей, загадочно рисовались на

темномъ фонѣ ночи. На противоположной сторонѣ виднѣлись широкія окна кофейной, залитыя яркимъ свѣтомъ, и мокрая мостовая отражала ихъ въ себѣ, точно кофейная продолжалась на улицу или улица входила въ нее.

Съ тѣхъ поръ, какъ за молодою женщиной захлопнулась дверца вагона въ Петербургѣ, это былъ первый вечеръ, что она оставалась одна, обуреваемая какими-то смутными, неуловимыми, но все же непріятными чувствами. Сырость отъ падающаго дождя коснулась ея обонянія, и она вспомнила Петербургъ, своего брата, своихъ пріятелей съ такой поразительной ясностью, на какую способно только сердце, удаленное отъ близкихъ, дорогихъ людей. На мгновенье она совершенно забылась.

— Kann ich gnädige Frau alles weg nehmen! — раздался за ней голосъ.

Фрося обернулась. Передъ ней стоялъ кельнеръ. Ей надо было отвѣчать по-нѣмецки, и затрудненіе, съ какимъ она произнесла фразу, тотчасъ напомнило ей, что она чужая въ городѣ.

Петръ Ивановичъ не возвращался еще.

Фрося подошла къ дивану и въ изнеможеніи опустилась на него. Свѣтъ отъ фонарей, освѣщавшихъ колонну, рисовалъ на противоположной стѣнѣ узоры колеблющейся отъ вѣтра ажурной занавѣски: они то двигались, расплываясь, то замирали безъ движенія. Подобно имъ и мысли Фроси переходили съ предмета на предметъ, но, покорныя недавно пережитому счастью, онѣ безпрестанно рисовали ей картину путешествія изъ Петербурга на Женевское озеро. Неужели это она, Фрося, была такъ счастлива и видѣла такъ много прекраснаго? Неужели это она?

Вотъ передъ нею разстилаются необозримыя болотистыя равнины, покрытыя то льдомъ, то снѣгомъ. Сѣрый тусклый день окуталъ тощіе остатки вырубленнаго лѣса и маленькія, черныя избы; онѣ уныло смотрятъ на проѣзжающихъ. Какое-то щемящее чувство непреодолимой тоски охватываетъ при видѣ этихъ печальныхъ равнинъ, точно туманъ, покрывающій ихъ, нависъ надъ всѣми вашими помыслами и заслонилъ всѣ ваши надежды; вы мало - помалу начинаете чувствовать себя безпомощною частицей этого неизмѣримаго болота. Неужели-жь вамъ никогда не вынырнуть изъ него?

Но вотъ природа постепенно мѣняется. Снѣга совсѣмъ нѣтъ. Весна даетъ себя чувствовать и въ крикѣ птицъ, и въ мягкой, нѣжной, чуть пробивающейся зелени, которая подобно моху лѣ-

нится по отлогостямъ холмовъ, обращенныхъ на югъ. Ландшафтъ безпрестанно мѣняется: вотъ долина, усѣянная избами, вотъ холмы, покрытые густымъ лѣсомъ, а вотъ и единственный въ то время тоннель въ Россіи, который сдѣланъ былъ на утѣху проѣзжающей публики; вотъ старый городъ съ узкими улицами: это—древняя столица Литвы; изъ вагона видна зубчатая верхушка Остробрамы.

Темнѣетъ. Входитъ чиновникъ и отбираетъ паспорты. Они подъѣхали къ Вержболову. Ихъ заперли въ вагонахъ и у дверей стали жандармы съ обнаженными шашками.

Что такое? Что случилось?—испуганно спрашиваютъ со всѣхъ сторонъ.

Кто-то бѣжалъ изъ Россіи, кого-то ищутъ.

Вошли жандармы и стали сурово спрашивать у каждаго его фамилію. Фрося замѣтила, что не только она, но многіе не сразу могли сказать свое имя. Жандармы удалились, и всѣ тревожно переглянулись. Со всѣхъ сторонъ слышатся вопросы: «Гдѣ онъ? Кто онъ? Нашли ли?... Нѣтъ, видно раньше проскользнулъ».

Какой-то господинъ, стоя у окна, вздохнулъ и перекрестился.

Конецъ роднымъ картинамъ!

Эйдкуненъ. Высокая темная зала со сводами. Петръ Ивановичъ ушелъ мѣнять деньги. Фрося была единственная женщина, переѣхавшая въ этотъ день границу. Она сидитъ одна. Противъ нея нѣмецкіе офицеры пьютъ пиво изъ большихъ высокихъ кружекъ.

Вдругъ раздалось: «Виватъ, виватъ!» Какого-то господина ведутъ подъ руки, множество кружекъ поднялось вверхъ, и пиво плещетъ черезъ ихъ края. Фрося съ любопытствомъ подходитъ ближе.

Виновникъ торжества былъ берлинскій студентъ, пріѣхавшій повидаться съ родными, и его за непрописку паспорта въ Петербургѣ задержали на границѣ. Онъ почти не говорилъ по-русски. «Verfluchtes Russband! Verfluchtes slavisches Land!»—кричалъ онъ, потрясая кулакомъ въ воздухѣ. «Hoch, hoch!—раздается со всѣхъ сторонъ.—Виватъ, виватъ!»

Одинъ изъ нихъ бросилъ кружку на полъ и при взрывѣ общаго восторга съ остервенѣніемъ сталъ топтать ее ногами. У Фроси мурашки забѣгали по спинѣ при видѣ этого нѣмецкаго ликованья.

Какъ жаль, что они переѣхали границу ночью! Ей думается, что потому-то не находитъ она въ душѣ своей отголоска

тѣхъ восторговъ, какимъ она предавалась въ Петербургѣ при одной только мысли о своей поѣздкѣ. Но сонъ насильно закрываетъ ей глаза.

«Кёнигсбергъ!»—прокричалъ кондукторъ. Фрося проснулась и всматривается въ этотъ первый чужой городъ, но, кромѣ станціи, ничего не видитъ. Еще очень рано, и густой туманъ повисъ надъ окрестностью. Дальше Фрося жадно смотритъ на прусскую землю: какъ она желта, глинпста и однообразна. Да почему пруссаки теперь такъ сильны, если у нихъ земля сѣрая, а природа жалкая и даже убогая? Этотъ вопросъ невольно возникъ въ ея душѣ; и, какъ бы въ отвѣтъ на него, раздается: «Виватъ, виватъ!» Съ ними ѣдетъ прусскій генералъ и кажется ей, что и желѣзная дорога, и станція, и даже сама Пруссія—все это создано для него. Какъ только длинная, остроносая фигура его показывалась на платформѣ, всѣ бѣжали и кричали: «Виватъ, виватъ!» Въ Крейцѣ его встрѣтилъ цѣлый полкъ драгунъ; окна дрожали отъ ихъ оглушительныхъ возгласовъ.

А вотъ и Берлинъ, который прежде, по выраженію Гейне, былъ только мѣстомъ для города; однако съ тѣхъ поръ, какъ Бисмаркъ началъ отливать свинцовыя голушки, а вся Европа съ напряженіемъ слѣдить, кто ими подавится, Берлинъ несомнѣнно сталъ городомъ. Интересно знать, подавится ли когда-нибудь Бисмаркъ и чѣмъ именно?

Они ночевали въ старой, узкой улицѣ противъ заброшеннаго монастыря. Въ гостиницѣ было такъ холодно, что только любовь могла согрѣть ихъ. Рано утромъ они спѣшатъ на дебаркадеръ, чтобъ ѣхать во Франкфуртъ.

О, чудное время! О, дивныя мѣста!... Фрося впивается глазами въ эти горы, въ эти развалины замковъ на горахъ. Никакая картина, никакое описаніе не можетъ дать понятія объ этихъ мѣстахъ. Съ одной стороны Рейнская долина, вся зеленая, цвѣтущая, гдѣ человѣческія жилища тонутъ въ роскошныхъ садахъ и виноградникахъ, безконечно тянется по правую сторону дороги и тамъ, далеко, сливается съ голубымъ горизонтомъ. Налѣво видъ безпрестанно мѣняется: вотъ городъ съ красивыми остроконечными крышами, а вотъ три горы и на вершинѣ каждой изъ нихъ развалины древнихъ замковъ.

Отсюда хищные бароны властвовали надъ народомъ. Спускаясь внизъ изъ своихъ замковъ, они наводили ужасъ на до-

лины. Съ тѣхъ поръ прошло много вѣковъ, неумолимое время засыпало рвы, народъ засадилъ неприступныя горы виноградниками. Нѣмецкіе поэты воспѣли любовь и свободу въ самыхъ чудныхъ, сладкихъ стихахъ, а широкій полукафтанъ, длинныя кудри и черная шляпа съ перомъ обольщали не только Гретхенъ, но даже и баронессъ. Почему, однако, бритыя баронскія головы такъ страстно лѣзутъ подъ желѣзную шапку? Почему для нихъ громъ пушекъ пріятнѣе музыки Бетховена?—Это видъ развалинъ поддерживаетъ въ нихъ воинственный духъ... Нѣтъ, нѣтъ, нужно срыть ихъ до основанія, а то поэты начнутъ воспѣвать кривыя ноги кавалериста и статую Гёте придется одѣть въ военный мундиръ.

Розовыя, прозрачныя облака ходили въ этотъ день по небу. Какъ живо она помнитъ однѣ развилины, гдѣ солнце, ворвавшись въ полуразвалившуюся башню, освѣтило ихъ такимъ яркимъ заревомъ, что это былъ точно пожаръ безъ дыма и пламени. И эти горы, эти зáмки, эта роскошная Рейнская долина—все проносится, какъ дивный сонъ, подъ сладкій шепотъ любви.

Поѣздъ мчится, какъ стрѣла. Она до того жадно смотрѣла изъ окна вагона, что у нея голова закружилась отъ усталости. И теперь передъ ея умственнымъ взоромъ проносится еще разъ эта чудная картина.

Во Франкфуртѣ они ѣдутъ осматривать Жидовскую улицу. Вѣка столпились на ней и угрюмо смотрятъ съ узкихъ, потемнѣвшихъ зданій. Они тѣсно прижались другъ къ другу; здѣсь прятались такъ же тѣсно сомкнутые, вѣками гонимые сыны Израиля, безъ связи съ настоящимъ, съ проклятымъ прошедшимъ, одушевленные однимъ страстнымъ желаніемъ вырвать у будущаго право на существованіе. Думали ли они тогда, что потомки ихъ такъ тѣсно сомкнутся съ гонителями подъ однимъ непобѣдимымъ знаменемъ: «биржа, спекуляція?» А здѣсь все говоритъ о ихъ прежней жизни: все бѣдно, все печально! Вонъ на стѣнѣ одного дома въ видѣ барельефа изображена цапля: она склонила голову и приподняла одну изъ своихъ длинныхъ лапъ; никогда свѣтъ не видывалъ болѣе печальной птицы. Это умоляющій еврей передъ средневѣковымъ судилищемъ.

Этажи нависаютъ одинъ надъ другимъ. Она съ трепетнымъ недоумѣніемъ смотритъ на эту старину, и чудится ей, что эти хмурыя верхушки рухнутъ когда-нибудь и погребутъ подъ своими развалинами такихъ праздныхъ зѣвакъ, какъ они. Скорѣй, ско-

рѣй отсюда,—туда, гдѣ новый городъ разбѣжался во всѣ стороны отъ старыхъ воротъ, которыя одиноко стоятъ теперь! Валы снесены и на мѣстѣ ихъ воздвигнуты прекрасныя зданія, а дикій, вѣчно юный, вѣчно зеленый виноградъ непроницаемою шапкой прикрылъ эту сѣдую старую дверь.

Майнъ все такъ же покоится въ гранитныхъ берегахъ, все то же свѣтитъ солнце, но Франкфуртъ уже не тотъ—не вольный городъ свободной Германіи! Въ гостиницѣ, гдѣ они остановились, они видѣли Пруссію: она представляла бочку Данаидъ, куда старикъ Франкфуртъ, тряся головой, вмѣстѣ съ Германіей несъ свои сокровища.

За Франкфуртомъ природа разнообразна и капризна. Поѣздъ мчится. Жадные взоры путешественниковъ перебѣгаютъ съ одной стороны на другую. Картины быстро мѣняются; вдали—то справа, то слѣва—виднѣются горы.

Солнце садится.

— Рейнъ!—закричалъ кто-то и всѣ бросились къ окнамъ.

Съ одной стороны отвѣсная крутизна, а съ другой, внизу, далеко сверкающая полоска воды, освѣщенная пурпурными лучами заходящаго солнца.

Въ Базелѣ Рейнъ шумно катится въ каменныхъ берегахъ; онъ ежеминутно напоминаетъ о своей силѣ и быстротѣ; онъ боится, чтобъ его не прогнали изъ этого города, гдѣ каждая пядь земли цѣнится на вѣсъ золота и гдѣ дома, подобно вавилонской башнѣ, стремятся къ небу. Здѣсь давно произошло смѣшеніе языковъ, но ни одна башня не рухнула. За Базелемъ горы тѣснились со всѣхъ сторонъ; онѣ то какъ будто приближались, то убѣгали и точно громоздились одна на другую, «чтобъ увидать, какъ мы счастливы», говорилъ ей Петръ Ивановичъ.

Весь этотъ день Фрося находилась въ сильномъ возбужденіи; она ожидала чего-то удивительнаго и безпрестанно испытывала то сильную радость, то какой-то неизъяснимый страхъ.

Начались тоннели. Передъ послѣднимъ изъ нихъ въ вагонахъ зажгли огонь, и, когда поѣздъ вылетѣлъ изъ мрака насильственной ночи, она вскрикнула и закрыла глаза. Это было дѣйствительно грандіозное зрѣлище: они находились высоко надъ землей; къ югу вершины Савойскихъ горъ, покрытыя снѣгомъ, отливали всѣми цвѣтами радуги; внизу узкою полосой сверкало Женевское озеро; Dent du Midi, высоко поднявъ свою голову, вѣчно закутанную бѣлымъ покрываломъ, замыкалъ на востокѣ

сжатый горизонтъ; а на западѣ, гдѣ заходящее солнце разсыпало свои лучи по снѣжнымъ верхушкамъ, нельзя было ничего разсмотрѣть: тамъ стояли огненные столбы и миріады искръ вертѣлись и кружились въ нихъ.

Они медленно спускались внизъ и наконецъ поѣхали по берегу Женевскаго озера. Ночь сгущалась. Вершины горъ точно сомкнулись надъ ихъ головами. Когда поѣздъ останавливался и оглушительный стукъ колесъ смолкалъ, какіе-то неясные голоса неслись отовсюду: это было безконечное эхо звуковъ; имъ некуда было уйти и они, чаруя слухъ, нѣжно дрожали въ воздухѣ.

Представьте себѣ молодую, впечатлительную женщину, которая никогда не выѣзжала изъ Петербурга, которая ничего не видѣла, кромѣ кочковатыхъ равнинъ Новгородской губерніи, и вдругъ въ продолженіе четырехъ дней она переносится въ Швейцарію, изъ зимы въ лѣто, отъ убогой природы къ роскошнымъ картинамъ. Здѣсь, на берегу озера, которое точно сжато со всѣхъ сторонъ, она ощутила непреодолимый страхъ: эти горы задавили ее, и, не имѣя силъ справиться съ массой впечатлѣній, нахлынувшихъ на ея молодую душу, она почувствовала тоску. Ночью въ Montreux ей приснились родныя безконечныя равнины, а когда она подбѣжала къ окну и увидала Савойскія горы, то невольно отъ души воскликнула:

— Уѣдемъ, уѣдемъ отсюда!

Но они остались.

Черезъ три недѣли, когда она взошла на Гліонъ и горизонтъ раздвинулся передъ ея восхищеннымъ взоромъ, она поняла, что люди здѣсь, подобно птицамъ, должны были возлюбить свободу и скорѣй умереть, чѣмъ отдать ее.

Спустившись въ подземелье Шильонскаго замка, она могла убѣдиться, какъ чудно описалъ Байронъ видъ съ бойницъ на озеро,—эту воду, которая яркою полосой точно поднимается туда, къ западу, и сливается съ Юрою. Имя Байрона высоко вырѣзано на колоннѣ, у которой каменный полъ вытоптанъ былъ подъ ногами Бонивара; а выше имени Байрона красуется имя М...на. Бѣдный М.!.. онъ подставилъ деревянную лѣстницу и написалъ свое пустое имя выше имени Байрона. Онъ уподобился тому пауку, который орломъ былъ занесенъ на вершину горы. И не нужно порыва вѣтра, чтобы сдуть его,—тряпка его сниметъ!... Путешественники хохотали, а провожатый увѣрялъ всѣхъ, что

это имя написалъ русскій. Неизвѣстно, былъ ли то русскій, но несомнѣнно, что то былъ жалкій человѣкъ.

Два мѣсяца въ Montreux прошли какъ сладкій сонъ. Любовь и удивленіе Фроси къ Петру Ивановичу не только не уменьшились, но, напротивъ, еще болѣе усилились. Они были неразлучны. Онъ познакомилъ ее съ исторіей Швейцаріи; онъ такъ много говорилъ и ей такъ сладко было слушать его.

Когда они сѣли въ вагонъ, чтобъ ѣхать въ Вѣну, Петръ Ивановичъ торжественно произнесъ:

— Теперь праздникъ кончился, и мы примемся за работу.

Фрося не испугалась этихъ словъ: праздникъ ли, работа ли— все ей улыбалось вмѣстѣ съ нимъ, все должно было быть прекрасно. Она написала нѣсколько писемъ въ Петербургъ, гдѣ безсвязно описывала природу и на каждой страницѣ прибавляла: «Я счастлива, счастлива, счастлива!» Въ этотъ короткій промежутокъ времени они не успѣли задать другъ другу никакихъ серьезныхъ вопросъ. Онъ считалъ себя призваннымъ совершать великія дѣла, и она, конечно, не сомнѣвалась въ этомъ.

Въ Цюрихѣ, гдѣ они остановились на нѣсколько часовъ, былъ купленъ дождевой плащъ и возложенъ ей на плечи. Этотъ первый подарокъ роковымъ образомъ нарушилъ гармонію ея отношеній къ Петру Ивановичу.

Порывъ вѣтра вздулъ занавѣску, тѣни на стѣнѣ затрепетали, задвигались и приняли самыя фантастическія очертанія. Мысли Фроси закружились и потеряли всякую связь. Въ ушахъ ея поднялся шумъ и звонъ. Она въ горахъ. Громъ и молнія. Dent du Midi закачалъ своею верхушкой,—онъ силился сбросить съ себя сѣрое облако. Это не громъ гремитъ, а Петръ Ивановичъ ссорится съ ея братомъ. Вотъ молнія сверкнула передъ самыми ея глазами. Она съ усиліемъ открываетъ ихъ.

Петръ Ивановичъ нагнулся надъ ней съ лампой въ рукахъ.

— Ты бредила,—сказалъ онъ.

Фрося встала, но голова ея кружилась, и она повалилась на диванъ.

Петръ Ивановичъ засуетился и, сильно встревоженный, помогъ ей раздѣться. Она горѣла, какъ въ огнѣ, и едва могла держать прямо голову.

Призванный докторъ посмотрѣлъ ея горло и объявилъ, что это только маленькая простуда, что назавтра die gnädige Frau будетъ здорова и весела, какъ майскій день.

Майскій день проснулся пасмурнымъ и слезливымъ и, когда послѣ трехъ часовъ появилось солнце и заглянуло въ комнату на третьемъ этажѣ, обитательница ея сидѣла задумавшись на диванѣ. Передъ нею лежала почтовая бумага, и она грызла перо. Она хотѣла написать брату что-нибудь такое, что̀ бы навѣкъ успокоило его.

Но развѣ онъ имѣлъ причину безпокоиться?

Конечно.

II.

Теперь при свѣтѣ дня я постараюсь описать наружность Евфросіи Васильевны. Она была сильная блондинка съ роскошными свѣтлыми волосами, которые, увы, она всегда стригла и только теперь, по просьбѣ мужа, стала отпускать въ косу. У нея были большіе, выразительные глаза неопредѣленнаго цвѣта и черныя, почти сросшіяся, брови. Эти рѣзко очерченныя брови и легкая складка надъ переносицей составляли странный контрастъ съ почти дѣтскимъ очертаніемъ ея губъ и подбородка; но это же придавало особенную прелесть и измѣнчивость ея физіономіи. Когда она закрывала глаза, на ея лицо точно падала тѣнь отъ бровей и рѣсницъ, и въ гимназіи, гдѣ она воспитывалась, дѣти, умѣющія подмѣчать всѣ особенности, говорили въ такихъ случаяхъ, что ея лицо посыпалось пепломъ. Когда же она поднимала глаза, они очаровывали своимъ блескомъ и прелестью выраженія. Ростъ и сложеніе ея не возбуждали никакихъ споровъ и замѣчаній,—они вполнѣ гармонировали съ ея наружностью, съ ея походкой, легкой и граціозной.

Отца она лишилась очень рано; мать умерла, когда ей исполнилось тринадцать лѣтъ, и она осталась на попеченіи своего брата Пимена. Онъ былъ десятью годами старше ея и только-что кончилъ въ то время курсъ въ технологическомъ институтѣ. Послѣдніе три года своего ученья Фрося провела въ одномъ изъ лучшихъ петербургскихъ пансіоновъ.

Что это стоило ея брату, достаточно сказать, что года два послѣ ея выпуска онъ все еще выплачивалъ долги. Но ему никогда ни на минуту не пришлось пожалѣть объ этомъ: она оказалась прекрасной сестрой, нѣжной и любящей. Горячее чувство взаимной привязанности между этими двумя молодыми людьми воспитало въ нихъ готовность къ жертвамъ и чуткое отношеніе ко всѣмъ своимъ недостаткамъ. Каждый изъ нихъ старался не

оказаться ниже того высокаго уваженія, какое они чувствовали другъ къ другу.

Пименъ Васильевичъ былъ сосредоточенъ и молчаливъ. Трудовая жизнь рано наложила на него свою печать. Онъ не искалъ ни съ кѣмъ сближенія, никогда не старался проникнуть въ чужую душу, не напрашивался на довѣріе; онъ жилъ своей собственной жизнью, понять которую никого не звалъ. Онъ производилъ впечатлѣніе человѣка физически сильнаго, но не умнаго и даже грубоватаго. Когда онъ надѣвалъ свою рабочую кожанную куртку, его легко было принять за простого работника, и въ этомъ отношеніи онъ рѣзко отличался отъ сестры своей: ее нельзя было смѣшать съ толпой. Легкая, гибкая, нѣсколько застѣнчивая, она съ первыхъ минутъ знакомства уже заставляла чувствовать присутствіе той женственной нѣжности и почти дѣтскаго довѣрія къ людямъ, которое такъ чаруетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ часто заставляетъ страдать обладательницъ этихъ свойствъ. Ее считали умной дѣвушкой, но наивной. Наивностью находили въ ней способность все идеализировать и самые обыкновенные поступки объяснять необыкновенными причинами, конечно, всегда хорошими. Въ ней жило какое-то безпокойное стремленіе къ совершенствованію и постоянное недовольство собою, вслѣдствіе чего всѣ, окружающіе ее, казались ей гораздо лучше, чѣмъ они были на самомъ дѣлѣ. Еще въ гимназіи, гдѣ она училась серьезно и старательно, она пріобрѣла фанатическую вѣру въ то, что образованіе ведетъ къ совершенству и что если наука сама по себѣ высока и священна, то всякій жрецъ науки стоитъ уже на извѣстной высотѣ и имѣетъ право на особенныя почести и уваженіе.

Въ то время еще не было высшихъ курсовъ, и дѣвушка не могла воочію убѣдиться, какъ мало величія у большинства оффиціальныхъ представителей науки. Этой вѣры еще ничто не поколебало въ ней въ то время, когда она въ первый разъ встрѣтилась съ Петромъ Ивановичемъ. Это случилось въ одномъ домѣ, гдѣ она часто бывала, потому что сдружилась въ гимназіи съ дочерью хозяина. Еще до знакомства съ нимъ ей уже говорили о Петрѣ Ивановичѣ, какъ о человѣкѣ очень образованномъ. Онъ былъ магистръ, пріѣхавшій въ Петербургъ защищать докторскую диссертацію.

Въ ту пору, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, русское общество далеко не представляло тѣхъ рѣзкихъ разграниченій,

которымъ оно подверглось въ позднѣйшее время. Можно было встрѣтить людей уважающихъ другъ друга съ совершенно различными политическими мнѣніями. Съ положительностью можно сказать, что все тогдашнее общество, въ которомъ еще не умеръ пылъ первыхъ преобразованій, вѣрило въ свои силы, въ свою коллективную честность, въ свое презрѣніе къ нечистымъ способамъ наживы и подсаживанію другъ друга. Конечно, и тогда уже намѣчались тѣ характерныя черты, которыя потомъ раздѣлили общество на двѣ половины: одна—честная, трудолюбивая, проникнутая серьезною любовью къ обществу и его интересамъ, другая—развращенная, хищная, сильная своей многочисленностью, а главное—своей беззастѣнчивостью въ выборѣ средствъ для побѣды надъ противниками. Это роковое недоумѣніе образовало цѣлую пропасть, гдѣ тонетъ все, что дорого для каждаго культурнаго русскаго человѣка, глядя въ которую, чувствуешь невыразимый ужасъ и свое полное безсиліе засыпать эту пропасть, или перекинуть черезъ нее мостъ.

Фрося не имѣла еще ровно никакихъ установившихся убѣжденій. Для нея Петръ Ивановичъ явился жрецомъ науки, молодымъ, блестящимъ, красивымъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что раньше, чѣмъ она его узнала близко, она уже смотрѣла на него съ благоговѣніемъ и страхомъ. Да и почему ему было и не быть тѣмъ Моисеемъ, который долженъ вести ее въ обѣтованную землю знаній и совершенствованія: она никогда не смотрѣла на жизнь какъ на арену только однихъ удовольствій и наслажденій.

Все способствовало къ укрѣпленію въ ней высокаго мнѣнія о Петрѣ Ивановичѣ. Въ домѣ, гдѣ она часто встрѣчала его, всѣ, начиная съ хозяина, были отъ него въ восторгѣ и считали чуть ли не геніемъ. Даже Пименъ нашелъ его умнымъ и пріятнымъ человѣкомъ. Нельзя было не поддаться этому общему настроенію, тѣмъ болѣе, что Петра Ивановича окружалъ ореолъ особенной таинственности. О немъ говорили какъ о человѣкѣ, который никогда не женится; онъ самъ о себѣ туманно выражался, что никогда не свяжетъ ни съ кѣмъ своей трудовой жизни. Ну, развѣ это не заманчиво для горячей женской головы? А воображеніе у Фроси было самое пылкое; она безпрестанно забѣгала впередъ во всѣхъ своихъ предположеніяхъ. Все таинственное и непонятное возбуждало въ ней какой-то священный трепетъ. Когда въ дѣтствѣ нянька разсказала ей о Страшномъ Су-

дѣ, то Богъ представился ей такимъ неумолимымъ и страшнымъ, что она почувствовала себя великой грѣшницей. Она боялась войти въ церковь,—ей все представлялось, что правосудіе небесное должно разразиться надъ ней; она горячо отмаливала всѣ свои грѣхи и преступленія. Въ двѣнадцать лѣтъ ее первый разъ повели смотрѣть восковыя фигуры. Вошедши въ залу, гдѣ помѣщались статуи, ей почудилось, что она вступила въ какой-то невѣдомый ей міръ, гдѣ всѣ эти люди живутъ своей собственной жизнью, таинственной и непонятной ей. Она долго не могла уснуть и когда заснула, то ей приснилось, что она сама стоитъ окаменѣлая въ нишѣ.

Вслѣдствіе этой особенности своего характера, она оцѣнивала людей и поступки ихъ съ чисто-субъективной, иногда черезчуръ идеализированной точки зрѣнія: она смотрѣла на все своими внутренними глазами. Сама склонная къ жертвамъ, чего только не воображала она, узнавъ, что Петръ Ивановичъ не можетъ ни на комъ жениться. То думала она, что онъ, защищая какое-нибудь любимое существо, убилъ врага своего и теперь подъ гнетомъ тайны не желаетъ связать свою жизнь съ другою; то онъ посвятилъ свою жизнь на служеніе обществу; то влюбился онъ въ науку до того, что не хочетъ связать себя съ женщиной. Сначала въ ея мысляхъ Петръ Ивановичъ всегда былъ одинъ, но потомъ мало-помалу, совершенно незамѣтно для самой себя, она уже не могла думать о немъ иначе, какъ въ связи со своей собственной особой. Малѣйшее облачко на челѣ его заставляло ее задумываться.

Когда онъ явился къ ней просить благословенія для защиты диссертаціи, она преисполнилась гордостью и хотѣла, во что бы то ни стало, идти съ нимъ вмѣстѣ, чтобы первой его поздравить, но Петръ Ивановичъ не позволилъ ей этого сдѣлать.

Она осталась и ждала его, какъ побѣдителя; но вечеромъ того же дня онъ явился блѣдный, взволнованный и началъ громить университетъ.

— Это ничтожная корпорація оффиціальныхъ юристовъ!— говорилъ онъ.—Вмѣсто того, чтобъ идти на встрѣчу человѣку съ живыми мыслями, она готова собственноручно задушить его!... Я могу перенести,—воскликнулъ онъ,—всякое горе, всякій ударъ судьбы, если его мнѣ не причинили люди вслѣдствіе злобы и зависти, вслѣдствіе тупоголоваго невѣжества!... Вы видите передъ собой человѣка несчастнаго, но несчастнаго не отъ соб-

ственной слабости, а потому, что онъ дерзнулъ поднять завѣсу и освѣтить тотъ мракъ, откуда вышли всѣ эти корифеи, всѣ эти цѣнители. Думаете ли вы, Евфросія Васильевна, что можно быть сколько-нибудь выдающимся изъ ряда убогой дѣйствительности и что вамъ не усѣютъ путь терніями?—Никогда, никогда!

Ну, извольте остаться равнодушной къ подобнымъ словамъ и какъ не захотѣть раздѣлить судьбу этого великаго страдальца! Она готова была кинуться передъ нимъ на колѣна и плакать отъ умиленія. А онъ, видя, какое дѣйствіе производятъ слова его, продолжалъ:

— Но мы поборемся,—мы покажемъ, что мы такое! Мы поѣдемъ за границу и напишемъ вотъ эдакую книгу!

Онъ развелъ ладони рукъ вершка на четыре: книга обѣщала быть дѣйствительно объемистой.

— Пусть они закусятъ себѣ языки до крови, тупоголовые зоилы! Вы мнѣ вѣрите?—спросилъ онъ въ заключеніе.

Еще бы она ему не вѣрила, — ему, магистру, который изъ любви къ чему-то не хочетъ даже жениться! Да еслибъ онъ сказалъ, что захватитъ всѣхъ въ свою ладонь, она бы только пожелала сама попасть въ число тѣхъ жалкихъ песчинокъ.

Всю ночь послѣ его ухода она не могла сомкнуть глазъ: сознаніе, что онъ ѣдетъ за границу писать свою книгу, а она остается одна, убивало ее. И наконецъ, когда она совершенно измучилась отъ любви къ нему, онъ объявилъ, что женатъ и не можетъ назвать ее своей женой. Бѣдная дѣвочка! Извѣстіе это не испугало, но, напротивъ, обрадовало ее: она увидѣла, что отъ нея зависитъ облегчить ему бремя его тяжелой жизни, и почти со слезами на глазахъ умоляла его не отталкивать ея, позволить любить себя. И Петръ Ивановичъ позволилъ; но братъ... Ахъ, какой это былъ ужасный день! Они ушли въ кабинетъ, а она осталась въ столовой. Что они тамъ говорили, неизвѣстно, только Пименъ вышелъ блѣдный, съ трясущейся челюстью. Братъ и сестра нѣсколько минутъ молча стояли другъ противъ друга.

— Ну что? — спросила Фрося и голосъ ея дрожалъ, какъ натянутая струна.

— Онъ тебя не любитъ. Онъ отказывается отъ тебя,—произнесъ Пименъ Васильевичъ.

Фрося протянула руки впередъ. Она хотѣла что-то сказать, зрачки ея расширились, губы поблѣднѣли и она, какъ подкошенный цвѣтокъ, повисла на его рукахъ.

Когда она открыла глаза, то увидала надъ собой испуганныя лица Пимена и Петра Ивановича. Братъ ея тотчасъ ушелъ, а онъ сталъ увѣрять, что съ нимъ обошлись грубо и дерзко, но что теперь онъ никому не отдастъ ея.

Пименъ не оправдывался. Онъ ничего не говорилъ. Она не знала, что произошло между ними, но видимо братъ боялся за нее и не довѣрялъ ему. Ее это ужасно огорчало. Она ни на секунду не раскаявалась, что рѣшилась на такую трудную жизнь, ей только хотѣлось навсегда успокоить брата; и именно теперь, когда Петръ Ивановичъ опять ушелъ куда-то, ни слова ей не сказавши, и когда она сама точно чего-то начинала бояться, ей хотѣлось успокоить брата. Какъ она его любила въ настоящую минуту! Она вынула недавно полученное письмо и поднесла его къ губамъ. Нѣтъ, письма его, какъ ни были они для нея дороги, очень мало удовлетворяли ее,—Пименъ не умѣлъ писать такъ, чтобы письмо отразило его всего. Въ этомъ отношеніи они были необыкновенно похожи другъ на друга: Фрося тоже не умѣла писать. Въ глубинѣ души ея жило что-то такое, чего она никакъ не могла вытащить наружу и передать бумагѣ.

Можетъ-быть этимъ нѣсколько объясняется ея чрезмѣрное восхищеніе Петромъ Ивановичемъ: тотъ говорилъ какъ соловей; нѣсколько писемъ, которыя онъ написалъ ей, представляли его во весь ростъ. Конечно, здѣсь нужно принимать не обыкновенную мѣру, а ту, которая существовала въ воображеніи одного и преданномъ сердцѣ другого.

Пробило четыре часа, когда Петръ Ивановичъ явился. Онъ былъ очень удивленъ, узнавъ, что она до сихъ поръ не обѣдала.

— Что ты дѣлала?—спросилъ онъ.

— Я хотѣла писать брату, но голова у меня трещитъ и я не въ состояніи написать ему такъ, чтобъ это письмо успокоило его окончательно на мой счетъ.

— Я думаю, ему нечего безпокоиться... Разъ ты рѣшилась со мною ѣхать, ты за себя никому не отвѣчаешь.

Онъ пожалъ плечами и отошелъ къ окну.

Фрося съ удивленіемъ посмотрѣла ему вслѣдъ: о какой отвѣтственности говоритъ онъ? Она положила перо и, откинувшись на спинку кресла, не сводила глазъ съ его фигуры. Петръ Ивановичъ обернулся и поймалъ ея взглядъ:

— Каково тебѣ, Фрося?—спросилъ онъ.

— Мнѣ ничего. А ты, кажется, не въ духѣ?

— Я, дѣйствительно, не въ духѣ,—отвѣчалъ онъ

— Можно мнѣ узнать причину?

— Если хочешь или, лучше сказать, если можешь меня выслушать, я скажу тебѣ, такъ какъ это болѣе всего тебя касается.

У Фроси забилось сердце и она слегка поблѣднѣла.

Петръ Ивановичъ замѣтилъ это.

— Ты заранѣе пугаешься, моя милочка,—сказалъ онъ, проведя рукою по ея лбу.— Голова твоя такъ горяча, что мнѣ не слѣдовало бы говорить тебѣ объ этомъ сегодня.

— Ахъ, нѣтъ, пожалуйста, непремѣнно сегодня,—я не могу, не хочу ждать! Я такъ странно настроена. Я точно въ ожиданіи чего-то ужаснаго.

— Не безпокойся, ради Бога, не безпокойся! Все дѣло въ томъ, что я сейчасъ встрѣтилъ нѣкоторыхъ моихъ знакомыхъ. У меня съ ними ѣсть дѣла и они будутъ приходить ко мнѣ, а мнѣ не хотѣлось бы ставить тебя въ неловкое положеніе: имъ извѣстна моя печальная обстановка. Если ты будешь здѣсь, со мной, это неизбѣжно поведетъ къ разнымъ двусмысленностямъ, которыя ни въ какомъ случаѣ не должны тебя касаться.

— Что же мнѣ дѣлать?—спросила она.

— Я думаю нанять для тебя въ какомъ-нибудь семействѣ комнату. Ты поживешь тамъ одна и потомъ мы опять поселимся вмѣстѣ. Ахъ, милочка, ты не можешь себѣ представить, какъ мнѣ непріятно все это и съ какой гордостью я бы представилъ тебя всякому, какъ жену свою!

Этихъ словъ, сказанныхъ съ неподдѣльнымъ чувствомъ, было достаточно, чтобы всѣ тревожныя ожиданія и опасенія мгновенно рушились. Она увидала, что представляется случай доказать Петру Ивановичу, что она можетъ стать выше всякихъ маленькихъ неудобствъ и что у нея хватитъ мужества перенести даже что-нибудь худшее.

— Ты напрасно такъ сильно безпокоишься о моей репутаціи, другъ мой! Я съумѣю такъ себя поставить, что твои товарищи должны будутъ держать себя въ моемъ присутствіи какъ въ присутствіи всякой благовоспитанной женщины... Право, не стоитъ тратить деньги для того, чтобы гости твои не подумали обо мнѣ чего-нибудь оскорбительнаго. Ужь если я рѣшилась раздѣлить съ тобою счастье и несчастье, ты напрасно хочешь оберегать меня, какъ неразумнаго ребенка. Право, — съ увлеченіе

емъ продолжала она, — тѣ женщины, о которыхъ ты мнѣ разсказывалъ и которыя шли за своими мужьями и въ изгнаніе, и на смерть, навѣрное отвернулись бы отъ той, которую могутъ смутить такіе пустяки. Я ничего не боюсь, увѣряю тебя. Не думай обо мнѣ дурно!

— О, голубушка, именно потому, что я высокаго о тебѣ мнѣнія, что я такъ сильно люблю тебя и уважаю, я не хочу подвергать тебя разнымъ случайностямъ. Ты такъ молода еще и такъ полна самоотверженности, что я не считаю себя въ правѣ причинять тебѣ огорченія. Твое положеніе очень трудное...

— Но если я не чувствую этой трудности?

— Скажи лучше, что умѣешь съ достоинствомъ переносить, а не сознавать его нельзя.

Фрося задумалась.

— Видишь,—начала она,—я какъ-то не могу понять, почему ты желаешь оградить меня отъ того, чего я совсѣмъ не боюсь? Почему ты хочешь, чтобъ я жила отдѣльно?... Тогда моя жизнь будетъ тяжелѣе теперешней. Самое дорогое для меня — это возможность всегда тебя видѣть и всегда говорить съ тобой. Я легко себѣ представляю, какъ странно я буду себя чувствовать, когда ты станешь приходить ко мнѣ урывками, и я не буду знать, радоваться ли твоему приходу или печалиться, что черезъ нѣсколько часовъ ты уйдешь. Нѣтъ, для меня послѣднее будетъ хуже перваго и потому лучше оставимъ говорить объ этомъ.

Она зажала ему ротъ рукою.

— Я никого и ничего не боюсь, потому что, по моему убѣжденію, я не дѣлаю ничего дурного.

И въ самомъ дѣлѣ, почему ей было не вѣрить, что Петръ Ивановичъ имѣлъ въ виду только одну ее? Она вполнѣ вѣрила ему и чувствовала, что можетъ многое принести ему въ жертву; но въ настоящемъ случаѣ она считала лишнимъ заставлять себя страдать,—кому отъ этого какая польза?... Она поняла и оцѣнила его деликатность,—поняла, какъ тяжело ему было сообщить ей, что имъ нужно разстаться. Но развѣ человѣкъ, такъ много учившійся и съ такими высокими стремленіями, можетъ бояться за себя? — Конечно, нѣтъ. Только такую ничтожную дѣвочку безъ всякихъ знаній можетъ возмущать несправедливость общественнаго мнѣнія. Но она желаетъ быть достойной его и тѣхъ высокихъ цѣлей, къ которымъ онъ стремится.

Она была не мало удивлена, когда Петръ Ивановичъ отвелъ ея руку отъ своихъ губъ и сказалъ:

— Дорогая моя, я вполнѣ тебя понимаю, но есть причины, о которыхъ ты позволишь мнѣ умолчать,—эти причины обязываютъ насъ на время разстаться.

И Фрося умолкла.

Вечеромъ они долго бродили по улицамъ Вѣны. Когда Фрося, по возвращеніи домой, принялась снова за письмо, то она почувствовала, что хотя голова ея освѣжилась послѣ прогулки на свѣжемъ воздухѣ, однако ей было труднѣе прежняго написать брату. Что за таинственныя причины? Почему ей нельзя узнать ихъ? Въ чемъ она можетъ помѣшать ему? Развѣ она не лозинка, укрывшаяся подъ тѣнью дуба?

Фрося сидѣла молча и думала.

Петръ Ивановичъ, ходившій по комнатѣ, вдругъ остановился противъ нея.

— Ты желаешь знать, зачѣмъ намъ нужно на время разстаться?

— Конечно, хочу,—проговорила она съ живостью.

— Здѣсь, въ Вѣнѣ, теперь жена моя. Я бы не желалъ дать ей поводъ уличить меня въ чемъ-нибудь. Ты понимаешь?...

Фрося ничего не поняла. Эта жена его представлялась ея воображенію какимъ-то миѳическимъ чудовищемъ, чѣмъ-то въ родѣ Минотавра. Съ ней нужно было открыто бороться, а никакъ не дѣлать ей уступокъ. Еслибъ она знала, что во всей Вѣнѣ нельзя было отыскать госпожи Соколовой и что Петръ Ивановичъ призвалъ на помощь ея имя, чтобы лучше обставить необходимость поселиться съ ней на разныхъ квартирахъ!...

На другой день онъ опять съ утра скрылся. Въ два часа онъ явился и объявилъ, что комната для нея отыскана. Они наскоро пообѣдали и отправились на ея новую квартиру въ Alserstrasse.

Имъ отворила дверь молоденькая, красивая дѣвушка; но, увидавъ ихъ, она вдругъ ахнула, закрыла лицо передникомъ и убѣжала. На смѣну ей явилась женщина въ темномъ платьѣ. У нея были большіе черные глаза и блѣдное лицо. Она молча повела ихъ въ приготовленныя комнаты.

— Это сестра моя, — обратился къ ней Петръ Ивановичъ, когда они переступили порогъ большой комнаты, довольно опрятно меблированной; изъ этой комнаты вела дверь въ небольшую конурку безъ печи, носившую названіе кабинета.

Фрося, не приготовленная къ подобной рекомендаціи, вспыхнула и отвернулась.

Хозяйка отвѣтила что-то и упомянула фамилію «Сватекъ».

Петръ Ивановичъ протянулъ Фросѣ руку, поклонился хозяйкѣ и, любезно улыбаясь, скрылся изъ комнаты.

Госпожа Творшекъ пошла провожать его.

Молодая дѣвушка, убѣжавшая при ихъ появленіи, влетѣла въ комнату, встала противъ Фроси, подбоченилась и торжественно проговорила:

— Вы совсѣмъ не похожи на своего брата! Aber gar keine Aenlichkeit!

Фрося покраснѣла до корней волосъ. Она закусила губы и слезы выступили на ея глазахъ.

III.

Петръ Ивановичъ съ юношескою поспѣшностью сбѣжалъ съ лѣстницы въ Alserstrasse, гдѣ осталась его подруга. У него было очень много дѣла и потому онъ могъ позволить себѣ избавиться отъ Фроси на нѣкоторое время,—не торчать же ему вѣчно при ней, да еще въ такомъ глупомъ положеніи, когда никто не можетъ зайти къ нему!

Онъ вспомнилъ, что не сообщилъ ей адреса своей квартиры; а о томъ, что онъ неожиданно отрекомендовалъ ее сестрой, онъ даже и не думалъ: развѣ иначе могло быть? Она ко многому должна будетъ привыкать, если рѣшилась раздѣлить судьбу такого удивительнаго, но несчастнаго человѣка. Да, онъ считалъ себя гонимымъ судьбой: онъ могъ по справедливости воскликнуть: «Гдѣ тотъ домъ, въ которомъ я родился?»—и даже болѣе: «Гдѣ тѣ бронзовые амуры, которые поддерживали пологъ надъ моей колыбелью?»—и еще: «Гдѣ моя геніальность?» Но этого послѣдняго вопроса онъ не задавалъ себѣ,—онъ считалъ себя достаточно геніальнымъ.

Когда узнали, что у Ивана Петровича Соколова, предсѣдателя гражданской палаты въ большомъ губернскомъ городѣ, родился сынъ, Петръ Ивановичъ Соколовъ, всѣ поспѣшили въ тотъ же день поздравить дорогого, милаго, гостепріимнаго Ивана Петровича. Подчиненные явились въ полной формѣ. Купцы принесли даянія. Всѣ тяжущіяся стороны вздохнули и перекрестились: если онъ, не имѣя дѣтей, дралъ съ живого и съ мертваго,—что же

будетъ теперь? Гастрономы заранѣе смаковали обѣдъ на предстоящихъ крестинахъ. Крестить долженъ былъ самъ «ихъ превосходительство» губернаторъ съ женой богатаго откупщика.

Старый Соколовъ нѣсколько дней плакалъ отъ умиленія. Отъ перваго брака у него не было дѣтей, а теперь молодая, прекрасная Серафима поднесла ему наслѣдника. «Да какъ страдала, голубушка, какъ страдала!»—всхлипывая, разсказывалъ онъ болѣе важнымъ гостямъ и тутъ же развертывалъ бумагу и показывалъ дарственную запись женѣ на пять сотъ душъ.

Сынъ росъ. Уже съ двухъ лѣтъ онъ былъ геніемъ. Дивлюсь, право, откуда берется у насъ такъ много ординарныхъ и даже пошлыхъ людей, когда съ незапамятныхъ временъ въ каждой культурной русской семьѣ росло по генію, а иногда даже и по два! Можно безъ преувеличенія сказать, что какъ только стало извѣстно слово геній на Руси, ими можно было огородъ городить.

Итакъ, Петръ Ивановичъ росъ геніемъ. Въ три года онъ декламировалъ стихи «Муха»; въ семь лѣтъ онъ получилъ трехъ гувернеровъ, между которыми не было ни одного русскаго; въ восемь лѣтъ его повезли въ Москву показать столицу или, лучше, столицѣ показать его. Тамъ, указывая на памятникъ Минину и Пожарскому, отецъ воскликнулъ:

— Тебѣ тоже воздвигнутъ подобный памятникъ!

Сынъ былъ не прочь отъ этого, — онъ желалъ только, чтобъ его памятникъ былъ весь вылитъ изъ золота. И, должнобыть, отецъ принялъ это желаніе близко къ сердцу и задумалъ воздвигнуть ему на свой счетъ золотую статую, потому что взяточничество его достигло своего полнаго апогея. Стоны и мольбы раздавались ежедневно въ палатѣ, пока, въ одинъ прекрасный день, министръ, вслѣдствіе безчисленнаго множества доносовъ, не удалилъ его. Иванъ Петровичъ, получивъ это роковое извѣстіе, легъ на диванъ, да такъ и не всталъ съ него: онъ былъ тученъ и умеръ отъ удара.

Петру Ивановичу было тогда одиннадцать лѣтъ. Его мать, красивая и еще молодая женщина, завертѣлась въ вихрѣ удовольствій, помѣстила сына въ пансіонъ, а сама уѣхала въ Петербургъ, гдѣ безумно расточала награбленное богатство. Она была полной, безконтрольной попечительницей своего ребенка и такъ усердно опекла его, что послѣдніе годы въ гимназіи мальчикъ жилъ на правахъ репетитора въ пансіонѣ. Сознаніе того, что онъ геній, спасло Петра Ивановича отъ многихъ искушеній. Само-

любію его не было границъ, и онъ учился по почамъ, чтобы быть первымъ. Никто не могъ сравниться съ нимъ въ умѣньѣ декламировать и говорить; директоръ называлъ его «нашъ славный витія». Когда онъ узналъ о погибели всего своего достоянія, онъ плакалъ навзрыдъ и возненавидѣлъ мать. Онъ не пошелъ проститься съ нею, даже когда она передъ смертью умоляла его объ этомъ.

Онъ кончилъ гимназію съ первой золотой медалью. Ему ненавистенъ сталъ городъ, гдѣ нѣкогда его родители жили богато и гдѣ онъ остался одинокимъ, безпріютнымъ молодымъ человѣкомъ; онъ уѣхалъ въ другой университетскій городъ и тамъ поступилъ на филологическій факультетъ. Въ это время онъ былъ вполнѣ убѣжденъ въ своей геніальности и мнилъ сдѣлаться поэтомъ. Идеала у него никогда не было, потому что съ самаго юнаго возраста онъ привыкъ восхищаться собой и своими талантами.

Впослѣдствіи, уже на студенческой скамьѣ, онъ безъ малѣйшей борьбы и разочарованій достигъ увѣренности, что все, что̀ бы онъ ни дѣлалъ, прекрасно и что, кромѣ того, онъ, какъ человѣкъ много потерявшій, имѣетъ болѣе другихъ правъ на завоеваніе себѣ самаго высокаго положенія въ свѣтѣ. Жизнь представлялась ему ареной борьбы не изъ-за идей, а только изъ-за личнаго удовлетворенія. Для него одинаково были велики и Вашингтонъ, и Наполеонъ; нѣтъ, Наполеонъ былъ выше, потому что онъ болѣе понималъ честолюбіе въ достиженіи чего-нибудь, чѣмъ въ отреченіи. Отрекаться онъ ни отъ чего никогда не желалъ; и слезы волненія, и стыдъ за самого себя, и стремленіе быть лучше никогда не посѣщали его. Онъ любилъ себя такимъ, каковъ онъ есть, и не сомнѣвался, что жизнь создана для людей подобныхъ ему. Онъ ненавидѣлъ тѣхъ смѣшныхъ субъектовъ, которые никакъ не умѣютъ вколотить себя въ извѣстныя рамки и вѣчно куда-то стремятся и чего-то ищутъ. Онъ всегда опредѣленно зналъ, что ему нужно и, имѣя иногда самыя маленькія побужденія, никогда не переставалъ считать себя большимъ человѣкомъ. Сказать, что центръ міра находился въ немъ самомъ, это—слишкомъ: въ груди его было мало простора, и его маленькое сердце билось своими собственными печалями и радостями. Міръ могъ волноваться, страдать, жить и умирать, а онъ бралъ только то изъ него, что было ему выгодно, что могло удовлетворить его тщеславіе. Онъ ненавидѣлъ мать за потерю состоя-

нія: она помѣшала ему еще въ гимназіи сдѣлаться знаменитымъ, онъ долженъ былъ работать, а работа, какъ извѣстно, убиваетъ геній. Онъ чувствовалъ себя способнымъ мстить ей даже за гробовой доской.

Когда въ пансіонѣ онъ писалъ стихъ къ именинамъ директора, услужливый учитель пѣнія перекладывалъ ихъ на музыку, и, слушая свое творчество, онъ чувствовалъ себя великимъ поэтомъ. Онъ не могъ запретить существовать Байрону и Пушкину, но онъ считалъ себя имъ равнымъ, и кто не восхищался его стихами, того онъ презиралъ. Всѣ восхищались его произведеніями, потому что въ пансіонѣ никто, кромѣ его, и писать не умѣлъ. Его маленькое «я» вѣчно въ немъ скакало, кукурекало и стремилось раздуться изъ лягушки въ вола; въ немъ вѣчно бился непризнанный геній. Что можетъ быть ужаснѣе этого?

Бѣда, если вы человѣкъ нервный, горячій, и вамъ дорого что-нибудь въ этомъ мірѣ: передъ подобными господами вы будете или тупо молчать, или отвѣчать невпопадъ, потому что они оглушительно прогорланятъ надъ самымъ вашимъ ухомъ о своихъ вожделѣніяхъ. И все-то имъ извѣстно, все они знаютъ, все взвѣсили и перечувствовали. Они безъ церемоніи доберутся до самаго больного мѣста въ душѣ вашей и станутъ теребить его своими холодными пальцами. Самая живая въ нихъ струнка— это поклоненіе силѣ, противъ которой нельзя возстать безъ самопожертвованія. Это люди, которые никогда не борются; но если побѣда одержана, они съ ловкостью клоуна могутъ вскочить въ колесницу и беззастѣнчиво направить ее по своему собственному усмотрѣнію. Ничего, что дверь, куда они стремятся, узка и низка,— они обрубаютъ верхъ и постромки и сдѣлаютъ это съ тѣмъ большею легкостью, что вѣдь не они провели ее черезъ всѣ трудности тернистаго пути. Самое сильное чувство, которое они могутъ проявить, это—злоба, которая родилась въ нихъ изъ источника самообожанія; эта злоба жестокая, неумолимая; ее все питаетъ и ничто не можетъ насытить, потому что не во власти человѣка дать другому то, чего въ немъ нѣтъ, влить душу въ пустое пространство, разогрѣть ледъ, зажечь искру Божію, гдѣ ничто не теплится. И всегда кто-нибудь долженъ за это отвѣчать, потому что ихъ маленькое «я» хочетъ быть великимъ, хочетъ силы, ищетъ поклоненія и не можетъ отрѣшиться отъ себя.

Находясь на филологическомъ факультетѣ и видя, что всѣ устремляются на юридическій и медицинскій, Петръ Ивановичъ

возмечталъ, что жертвуетъ собой для блага Россіи, и, конечно, она, эта Россія, должна ему воздать сторицею за всѣ его труды. Онъ носился съ филологіей и до того лѣзъ съ нею въ глаза одному своему товарищу, что тотъ возненавидѣлъ ее и сталъ заниматься медициной. Между тѣмъ самъ онъ сдѣлался филологомъ только изъ-за того, что получилъ стипендію. Петръ Ивановичъ былъ, кромѣ того, человѣкъ съ изящной внѣшностью; это изящество и было причиной его женитьбы.

На третьемъ курсѣ онъ давалъ уроки въ одномъ богатомъ, знатномъ домѣ, и дочь хозяевъ, засидѣвшаяся въ дѣвахъ барышня, обратила на него свои благосклонные взоры. Петръ Ивановичъ, по свойственной ему самонадѣянности, просмотрѣлъ самое главное, а именно, что Полина Ивановна считала его самымъ подходящимъ колпакомъ для избавленія себя отъ докучливой дѣвичьей жизни. Въ городѣ перестали восхищаться ею; хотя она была еще очень хороша, но она присмотрѣлась всѣмъ и не была замужемъ. А главное—она сгорала любовью къ одному важному сановнику, и ей нуженъ былъ мужъ, и этимъ мужемъ сталъ Петръ Ивановичъ. Совершилось все это безъ шума, почти безъ огласки, и ему предложили сдѣлаться сверхштатнымъ чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ. Петръ Ивановичъ согласился, но съ тѣмъ, что онъ будетъ готовиться по юридическому факультету и выдержитъ впослѣдствіи экзаменъ.

Никто ему не воспрепятствовалъ достигать какой угодно ученой степени, ему только нельзя было оставаться студентомъ; конечно, о гражданскомъ подвигѣ пребывать на филологическомъ факультетѣ не было и помину,—ему представлялась болѣе блестящая перспектива.

Петръ Ивановичъ не былъ влюбленъ въ свою невѣсту. Замѣтивъ расположеніе къ себѣ Полины, онъ взвѣсилъ всѣ выгоды женитьбы на барышнѣ, которая хотя и была много старше его, но имѣла хорошую родню и большое состояніе; а главное—онъ былъ убѣжденъ, что ни одна женщина не можетъ остаться къ нему равнодушной, и дѣйствовалъ вполнѣ разсчетливо. Какъ ни была испорчена его невѣста, но когда послѣ вѣнца дверцы кареты захлопнулись за ними, сердце ея невольно забилось и неиспытанное ею чувство страсти и робости охватило ее, и еслибы Петръ Ивановичъ хотя на время вышелъ изъ состоянія самонаблюденія и не съ достоинствомъ и самонадѣянностью, а со страстью и самозабвеніемъ предъявилъ ей права мужа, мо-

жетъ-быть она-бъ не устояла, и сановникъ, если не навсегда, то на время могъ бы исчезнуть изъ ея помысловъ.

Ничего подобнаго не случилось. Полина, думавшая, что внушила ему серьезную страсть, поняла свою ошибку и возненавидѣла его съ первыхъ дней замужства, какъ человѣка протянувшаго черезъ нее руку къ ея состоянію и положенію въ свѣтѣ. Она сразу поставила его въ невозможное положеніе. Родители ея едва удостоивали его вниманіемъ. Товарищей своихъ онъ не рѣшался принимать иначе, какъ у себя въ кабинетѣ. Нечего перечислять тѣ маленькія непріятности изъ-за разныхъ мелочей, которымъ нѣтъ названій, но которыя тѣмъ несноснѣе, что ихъ нельзя ни предвидѣть, ни предотвратить; но вмѣстѣ взятыя онѣ безпрестанно напоминаютъ человѣку о его ложномъ положеніи. Петръ Ивановичъ силился держать себя съ достоинствомъ; онъ часто протягивалъ руку, и рука оставалась висѣть въ воздухѣ,—ее не пожимали; или небрежно приглашалъ обѣдать кого-нибудь и получалъ въ отвѣтъ насмѣшливую улыбку.

Цѣлый годъ прошелъ для него въ кропотливой борьбѣ безъ взрывовъ отчаянія и злобы. Это была не буря,—для бури не было достаточной глубины,—это было волненіе въ грязной лужѣ, неспособное подвинуть человѣка ни на что рѣшительное, сегодня ухватиться за эфемерное право супруга для того, чтобы завтра увидать его растоптаннымъ ногой чужого. Въ этой лужѣ нужно было или потонуть, или выйти запачканнымъ, но Петръ Ивановичъ все еще колебался. Онъ грозилъ, бѣсновался, плакалъ, просилъ прощенья и до того надоѣлъ женѣ, что она предложила ему деньги съ требованіемъ, чтобъ онъ немедленно уѣхалъ. Петръ Ивановичъ возмутился, но деньги все-таки взялъ и отправился въ другой университетскій городъ.

Тутъ онъ едва съ ума не сошелъ отъ отчаянія, но злоба противъ жены поддержала его. Это было второе несчастье въ его жизни. Ну, развѣ судьба была къ нему благосклонна?

Упорно работая надъ юридическими науками, онъ вышелъ побѣдителемъ изъ своего положенія. Экзаменъ держалъ онъ блистательно, а его кандидатскую диссертацію потомъ, немножечко добавивши и подправивши, засчитали за магистерскую и выбрали доцентомъ. Онъ читалъ лекціи не только за одного, но даже за двухъ профессоровъ, потому что въ русскихъ университетахъ каѳедры часто пустуютъ и послушный доцентъ, подобно тихому теленку, всегда можетъ сосать двухъ матерей.

Сначала все шло прекрасно. Умѣнье говорить гладко и хорошо привлекло въ его аудиторію толпу студентовъ, и въ это время своей популярности одну лекцію онъ началъ словами:

— Мнѣ дорога русская молодежь!

Цѣлый взрывъ аплодисментовъ былъ отвѣтомъ на это заявленіе молодого доцента, и казалось, что его послѣдующіе шаги должны были уподобиться шествію тріумфатора; но аудиторія къ концу года стала замѣтно рѣдѣть,—поговаривали, что онъ совсѣмъ не готовится къ лекціямъ, что онъ выѣзжаетъ больше на фразахъ. Студенты раздѣлились на соколистовъ и антисоколистовъ; обращеніе Петра Ивановича съ ними радикально измѣнилось: онъ уже не начиналъ своихъ лекцій словами: «Мнѣ дорога русская молодежь»,—а когда разыгралась студенческая исторія вслѣдствіе тѣхъ вѣчныхъ недоразумѣній, которыя яркою полосой проходятъ черезъ исторію всѣхъ русскихъ университетовъ, Петръ Ивановичъ держалъ себя такъ двусмысленно, что возбудилъ противъ себя и студентовъ, и профессоровъ. Соколисты быстро превратились въ трехъ солистовъ, которые продолжали пѣть ему гимны и приводить на лекціи студентовъ первокурсниковъ, благо что всегда есть такіе, которые присматриваются и прислушиваются, пока рѣшатъ выбрать себѣ подходящій факультетъ. Петръ Ивановичъ чувствовалъ, что почва колеблется подъ его ногами. Въ душу его стала закрадываться нелюбовь къ молодежи. Уязвленное самолюбіе не давало ему покоя.

Подъ вліяніемъ всего этого онъ задумалъ написать грандіозную диссертацію. Она должна была называться «основы государственности». Въ ней онъ силился доказать необходимость строжайшаго отношенія къ молодежи, и, дѣлая логическіе выводы изъ его посылокъ, можно было придти къ блистательному выводу, что молодежь слѣдуетъ держать чуть ли не въ желѣзныхъ клѣткахъ. Но вѣдь это была не юридическая диссертація?— Вѣрно; но развѣ Петръ Ивановичъ былъ простой юристъ?—Онъ былъ юристъ, подбитый классическимъ образованіемъ. Онъ говорилъ, что прошелъ основательно два факультета и потому могъ черпать свѣдѣнія для подтвержденія своихъ доводовъ изъ двухъ различныхъ міровъ. Не въ его характерѣ было рыться и копаться въ источникахъ,—онъ считалъ себя призваннымъ освѣтить сферу интересовъ болѣе близкихъ къ новѣйшему времени, сферу болѣе жизненную, затрогивающую самыя насущныя потребности общества и гдѣ болѣе пытливый и дальновидный умъ

могъ открыть комбинаціи, долженствующія принесть въ будущемъ обновленіе. Если при началѣ своей профессорской дѣятельности онъ мечталъ быть кумиромъ молодежи, то теперь мысли его парили гораздо выше. Иногда онъ видѣлъ себя во главѣ людей, стоящихъ несравненно выше тѣхъ жалкихъ профессоровъ, которые дерзали игнорировать его. Диссертація его принадлежала всѣмъ факультетамъ; она должна была возвѣстить міру еще неслыханныя вещи; она могла сдѣлать переворотъ въ умахъ людей, власть имѣющихъ.

Одно только смущало его: гдѣ ему защищать свою диссертацію? Университетъ, пріютившій его, въ послѣднее время сталъ на него коситься: здѣсь не было надежды на успѣхъ, ему оставалось мало выбора. Онъ былъ въ двухъ провинціальныхъ святилищахъ науки, въ третій не хотѣлъ ѣхать,—тотъ находился въ его родномъ городѣ. Однако изъ этого родного города пришла ему помощь. Разоренное состояніе отца его попало въ конкурсъ и послѣ того, какъ уже многіе успѣли обогатиться имъ, два члена конкурса поссорились, вслѣдствіе чего нужно было вспомнить о наслѣдникѣ и прислать ему три тысячи, сохранившіяся отъ расхищенія. Петръ Ивановичъ, несказанно обрадованный, уѣхалъ въ Петербургъ защищать диссертацію.

Профессора петербургскаго юридическаго факультета пришли въ великое недоумѣніе, прочитавши этотъ удивительный трудъ. Многіе утверждали, что это даже не диссертація, а скорѣе журнальная статья съ претензіей на ученую подкладку. Голоса раздѣлились, и Петръ Ивановичъ былъ допущенъ къ защитѣ; но, взошедши на каѳедру, онъ выказалъ столько же наглости, сколько невѣжества. Профессора увидѣли, что это та бодливая корова, которая, къ счастью, не имѣетъ еще рогъ; но онъ подавалъ всѣ надежды пріобрѣсть ихъ, и если ужь суждено этому случиться, то пусть профессора не приложатъ къ этому рукъ своихъ. И ему не дали докторской степени.

Мы знаемъ, какъ принялъ это Петръ Ивановичъ и какъ эта неудача послужила только къ увеличенію въ душѣ Фроси благоговѣйнаго удивленія къ нему.

Но каковы были его отношенія къ Фросѣ и вообще къ женщинѣ? Онъ, подобно большинству мужчинъ, никогда серьезно не задумывался надъ другой половиной рода человѣческаго. Если онъ встрѣчалъ двухъ грязныхъ субъектовъ: мужчину и женщину, то послѣдняя возбуждала въ немъ гораздо больше отвращенія,

чѣмъ первый. Его взглядъ на женщинъ можно было формулировать приблизительно слѣдующими ходячими фразами: женщина должна смягчать, одушевлять, вліять на мужчину посредствомъ душевныхъ силъ. Какого рода эти душевныя силы, откуда она должна черпать ихъ, онъ никогда объ этомъ не думалъ; одно ему было ясно, что эти душевныя силы были что-то особое отъ ума и образованія, точно душа существуетъ сама по себѣ, и одной половинѣ рода человѣческаго суждено развить умъ и голову, а другой — душу. И мужчины всегда въ правѣ располагать этой женскою душой по своему произволу... Отдѣливъ душу отъ головы, ее трудно подвергнуть правильному, систематическому анализу, и въ опредѣленіи свойствъ ея каждый мужчина дѣлаетъ такія произвольныя умозаключенія, что можно прослѣдить душу въ коротенькихъ юпкахъ и обтянутыхъ трико ножкахъ канканерки и въ жизни самоотверженной матери семейства. Выходитъ на повѣрку, что по понятіямъ одного—есть душа, а по понятіямъ другого—совсѣмъ бездушіе, и такъ далѣе до безконечности; и что хотя въ принципѣ душа и признается чѣмъ-то болѣе высокимъ и прекраснымъ, но на практикѣ всѣ эти высшія свойства должны иногда подчиняться самой грубой физической силѣ, и надъ бѣдными женщинами издавна тяготѣетъ желѣзный законъ, по которому всѣ ихъ будто бы высокія свойства вполнѣ подчиняются силѣ лицемѣрнаго послушанія и самаго рабскаго страха передъ мужчинами. И душа мгновенно низводится въ прахъ, если женщина преступитъ хоть одну изъ безчисленнаго множества заповѣдей, начертанныхъ на скрижаляхъ завѣта, дарованныхъ ей сильными. Было бы странно думать, что существуютъ одинаковые законы и приличія для всѣхъ людей. Законъ — вещь крайне эластичная, и если одна половина людей пишетъ законы для другой, то тѣмъ несчастнымъ, для которыхъ они пишутся, приходится выносить на своей спинѣ не только свои, но и пороки пишущихъ.

Петръ Ивановичъ думалъ, что хорошо знаетъ женщинъ. Онъ дѣлилъ ихъ на четыре разряда: на свѣтскихъ, къ которымъ принадлежали двѣ ненавистныя ему тигрицы, мать и жена; второй разрядъ—провинціальныя кисейныя барышни, которыя вѣчно хихикаютъ, садятся по нѣскольку штукъ въ одно кресло и часто цѣлуютъ другъ друга за неимѣніемъ мужчинъ; третій разрядъ — нигилистки: этихъ онъ зналъ больше изъ романовъ; наконецъ, женщины полусвѣта, которыхъ онъ презиралъ,

потому что потерялъ состояніе, а его лично онѣ не могли оцѣнить.

Фрося съ перваго же знакомства озадачила и сбила его съ толку: она не подошла ни подъ одинъ изъ этихъ типовъ; и онъ передъ ней невольно задумался. Было что-то чарующее въ ея неподдѣльной простотѣ и той твердости, съ какой она отстаивала свои симпатіи. Сначала ему захотѣлось только узнать ее, а потомъ онъ почувствовалъ страстное желаніе овладѣть этой дѣвственной натурой, добиться любви ея. Хотя онъ чувствовалъ, что для этого ему слѣдуетъ держаться на извѣстной высотѣ, но развѣ онъ былъ не достаточно высокъ? Она отдавала ему только должное, и притомъ какая другая женщина подходила больше ея къ его несчастному положенію: она была молода, неопытна и способна на самоотверженную любовь. Петръ Ивановичъ это прекрасно чувствовалъ. Конечно, не будь онъ женатъ, сталъ бы онъ обращать вниманіе на женщинъ, подобныхъ Фросѣ! Для него были открыты двери болѣе фешенебельныхъ гостиныхъ, чѣмъ гостиная Пимена. Но онъ былъ женатъ, онъ жаждалъ болѣе человѣческихъ отношеній къ женщинѣ, онъ зналъ, гдѣ нужно искать такую, которая съумѣетъ пойти за нимъ, несмотря на его женитьбу, и нашелъ. Пимена, до послѣдняго столкновенія съ нимъ, онъ считалъ человѣкомъ ограниченнымъ и потому игнорировалъ его,—съ этой стороны онъ не боялся помѣхи,—и хотя Фрося представлялась ему женщиной, въ душѣ которой онъ могъ твердою рукой начертить всѣ свои взгляды и убѣжденія, онъ трусливо откладывалъ признаніе въ своей женитьбѣ. Сознательно увлекая ее, ему и въ голову не приходило, что онъ, какъ хищникъ, подстерегалъ дѣвочку, заранѣе зная, что сладость побѣды достанется только ему одному. Но вѣдь ему предстояла поѣздка за границу, слѣдовательно на время они спрячутся, а о дальнѣйшемъ что заботиться? Если какое сомнѣніе и закрадывалось ему въ душу, онъ эгоистично прогонялъ его, вооружаясь различными оправданіями. Вѣдь онъ столько лѣтъ велъ отшельническую жизнь, онъ такъ глубоко несчастливъ, и неужели ему отказаться отъ любви, которая сама стучится къ нему?

И между тѣмъ, какъ будущее представлялось Петру Ивановичу въ туманѣ и чувство къ Фросѣ носило на себѣ отпечатокъ слѣпой страсти и желанія во что бы то ни стало овладѣть ею, она была преисполнена горячей вѣры въ него. Шесть не-

дѣль, проведенныхъ имъ съ нею въ Швейцаріи, прошли, какъ для всѣхъ новобрачныхъ,—они не разставались. Онъ жалѣлъ, что средства не позволяютъ продлить съ нею путешествіе,—такъ много оно представляло ему заманчивости. А главное—она умѣла его слушать, и, когда онъ говорилъ ей, то чувствовалъ себя геніальнымъ и никогда въ жизни не встрѣчалъ онъ болѣе пламеннаго и восторженнаго слушателя.

Однако ему нужно было ѣхать въ Вѣну,—онъ имѣлъ туда рекомендательныя письма; потомъ ему нужно было приняться за работу, чтобы наказать юридическій факультетъ Петербургскаго университета. Теперь онъ чувствовалъ ненависть не только къ Петербургскому, но и ко всѣмъ университетамъ Россійской имперіи. О, еслибъ его спросили, что съ ними дѣлать, онъ стеръ бы ихъ съ лица земли, а на мѣсто Петербургскаго университета поставилъ бы себѣ памятникъ. Онъ былъ несчастный человѣкъ! Еще не остыли первые порывы страсти, какъ онъ долженъ былъ приниматься за работу.

Въ Вѣнѣ онъ сталъ даже сердиться на Фросю: ему хотѣлось быть съ ней, но не хватало твердости признать открыто въ ней свою жену; между тѣмъ онъ убѣдился, что Фрося не такая женщина, съ которой можно поступать, какъ ему вздумается.

Повидавшись по рекомендательному письму съ однимъ изъ немаловажныхъ русскихъ людей въ Вѣнѣ, онъ встрѣтилъ тамъ цѣлую толпу своихъ соотечественниковъ. Это была, по-истинѣ, компанія, созданная для Петра Ивановича. Тутъ былъ и литераторъ, несомнѣнно убѣжденный въ своей геніальности. Было здѣсь и нѣсколько русскихъ докторовъ, слушая которыхъ, не знаешь чему дивиться: ихъ невѣжеству или той наивной дерзости, съ какой они судили и рядили о томъ, что имъ было совершенно неизвѣстно. Ихъ присылали учиться медицинѣ, но вѣнскія «fasche Mädeln» имѣли объ этомъ предметѣ свое собственное мнѣніе. Былъ тутъ и придурковатый русскій князь, что носился съ проектомъ объединенія всѣхъ славянскихъ земель и постоянно посѣщалъ сходки. Все это были люди геніальные, убѣжденные въ томъ, что трудъ есть удѣлъ людей посредственныхъ и бездарныхъ. Ихъ окружала свита, состоящая изъ братьевъ славянъ, которые подобострастно внимали имъ въ чаяніи разжиться хоть двадцатью флоринами.

Петру Ивановичу вся эта компанія особенно нравилась: на него здѣсь смотрѣли вверхъ, его слушали, ему аплодировали. Его

познакомили съ однимъ очень важнымъ сановникомъ, который удивлялся, зачѣмъ ему оставаться въ скромной роли доцента, когда его способностямъ можетъ открыться широкая дорога.

Петръ Ивановичъ тотчасъ почувствовалъ необходимость скрыть свои отношенія къ Фросѣ. За эти нѣсколько дней онъ пріобрѣлъ даже нѣкоторую небрежность относительно ея: такъ, онъ не только не навѣщалъ ея, но не послалъ даже своего адреса.

Однажды князь уговорилъ его идти на частный митингъ, куда должны были собраться славяне всѣхъ національностей. Здѣсь, на этомъ митингѣ, много толковали о томъ, что чехи должны завоевать себѣ права, что теперь самое подходящее для этого время, что пока еще политика реформъ Бейста не ослабѣла и Венгрія... и т. д., и т. д.

Послѣ нѣсколькихъ ораторовъ князь пространно говорилъ о сліяніи славянскихъ племенъ въ одно цѣлое. Петръ Ивановичъ воодушевился, вышелъ на каѳедру и произнесъ рѣчь. Онъ совѣтовалъ всѣмъ славянамъ принять одинъ языкъ—русскій, подобно тому, какъ одно время французскій языкъ былъ не только европейскимъ, но почти всемірнымъ. Онъ говорилъ увѣренно, громко и заслужилъ аплодисменты. Когда онъ сошелъ съ каѳедры, къ нему приблизился старичокъ съ сѣдой бородой и заговорилъ на ломанномъ русскомъ языкѣ:

— Вы намъ, молодой человѣкъ, предлагаете принять русскій языкъ и ссылаетесь на то, что одно время почти весь міръ говорилъ по-французски. Но Франція подарила міру великія идеи— и міръ заговорилъ ея языкомъ. А что же сдѣлала для насъ Россія? За что мы примемъ ея языкъ?

— Мы васъ объединили! —съ гордымъ достоинствомъ отвѣчалъ Петръ Ивановичъ.

Но старикъ заговорилъ что-то такое, что Петръ Ивановичъ возмутился и прекратилъ разговоръ.

Никто изъ его знакомыхъ не могъ сказать, кто былъ этотъ старикъ, и Петръ Ивановичъ рѣшилъ, что, вѣрно, «проклятый полякъ».

Это былъ какъ разъ пятый день, что онъ не былъ у Фроси.

А что она?

IV.

Увы, она уже плакала. Слова молодой дѣвушки оскорбили ее. Какъ могъ онъ рѣшиться поставить ее въ такое двусмыслен-

ное положеніе? Развѣ могла она не покраснѣть, если ее, не предупредивши, отрекомендовали сестрой? Развѣ деликатно было оставить ее одну среди незнакомыхъ женщинъ? Она была разсержена, оскорблена и твердо рѣшила не позволять въ другое время производить надъ собой подобные безцеремонные эксперименты и не входить ни въ какія сношенія съ этой противной дѣвчонкой. Она заперлась и вплоть до самаго утра ничего не требовала и не позволяла никому войти въ свою комнату.

На другой день она только-что успѣла умыться и одѣться, къ ней постучались, и противная дѣвчонка, улыбающаяся и вся красная, внесла ей кофе.

— Тетки моей нѣтъ дома,—объявила она тотчасъ и, немного помолчавъ, спросила:—вы—барышня?

Фрося отвѣтила утвердительно.

— О, какъ вы мнѣ нравитесь!—воскликнула она на ломанномъ нѣмецкомъ языкѣ.—Какіе у васъ чудные волосы!

Она вдругъ подсѣла къ Фросѣ на диванъ и, заглядывая ей въ глаза, причемъ ея хорошенькое личико освѣтилось дѣтской довѣрчивой улыбкой, проговорила:

— Будьте моимъ другомъ!

Фрося нѣсколько отодвинулась и съ улыбкой смотрѣла на нее.

— Сколько вамъ лѣтъ?—спросила она.

— Мнѣ восемнадцать.

— И мнѣ восемнадцать!

— Ахъ, какъ это хорошо!—воскликнула дѣвушка и, сжавъ Фросю въ объятіяхъ, наивно спросила:—У васъ есть geliebter *).

Вопросъ этотъ такъ смутилъ и озадачилъ Фросю, что она не нашлась что отвѣтить; а дѣвушка значительно прошептала:

— У меня есть!

И тутъ же пояснила, что ея geliebter — двоюродный братъ-студентъ, Herr Сватекъ. Онъ ходитъ къ ея теткѣ и думаетъ, что та оставитъ ему все свое состояніе; но этого никогда не будетъ, потому что состояніе тетка отдастъ ея родному брату, Августу, а студенту достанется только семьсотъ гульденовъ, ей самой— тысяча и все, что находится въ домѣ.

— Все это будетъ мое,—сказала она, обводя глазами комнату,—и я буду такъ счастлива со своимъ Карломъ! Онъ меня любитъ.

---

*) Любезный.

Раздался звонокъ. Терезія,—такъ звали дѣвушку,—вскочила и бросилась въ переднюю. Фрося осталась одна. Она уже не думала, что та хотѣла оскорбить ее: повидимому, это былъ совершенно простосердечный ребенокъ. Петръ Ивановичъ не шелъ. Что ей было дѣлать? Она не боялась одиночества,—въ Петербургѣ она всегда была одна, такъ какъ братъ ея находился вѣчно на работѣ; но тамъ она имѣла книги, имѣла занятія, она знала, наконецъ, городъ, имѣла знакомыхъ подругъ; а здѣсь что она будетъ дѣлать? Она начала ходить изъ одной комнаты въ другую. Окна ея помѣщенія были обращены на югъ; въ двѣнадцать часовъ жара стала нестерпимой. Она завѣсила шторы и, стоя посреди комнаты, невольно задала себѣ вопросъ: «Неужели подобное одиночество долго продлится? Эта жена его, которая ничего не дала ему кромѣ страданій, съумѣла однако стать поперекъ ихъ взаимному благополучію; но зачѣмъ поддаваться ей, зачѣмъ?»

Постучалась хозяйка и спросила, желаетъ ли она кушать отдѣльно, или пойдетъ на ихъ половину.

Опять сюрпризъ, къ которому Фрося не была приготовлена. Значитъ онъ не придетъ за ней, чтобъ идти куда-нибудь вмѣстѣ обѣдать. Она колебалась, но изъ-за плеча тетушки выглядывало личико племянницы: она сложила руки и посылала ей умоляющій взглядъ; и Фрося рѣшила идти къ нимъ. За обѣдомъ она невольно наслаждалась той радостью, какую она доставляла Терезіи; это проглядывало во всѣхъ поступкахъ дѣвушки. Она быстро подала ей кресло, развернула ей салфетку и, хотя держала себя серьезно, но каріе глаза ея улыбались и она безпрестанно опускала подъ столъ руку и трогала колѣни Фроси.

Видно было, что эту дѣвушку не баловали: она получила меньше другихъ супу, самый дурной кусокъ мяса, а отъ послѣдняго блюда должна была встать, потому что не кончила заданнаго ей урока. Фросѣ стало ужасно неловко видѣть взрослую дѣвушку наказанной; она ѣла не поднимая глазъ и боясь взглянуть на Терезію, которая у станка дошивала палевую лайковую перчатку. Когда Фрося кончила обѣдъ и уходила къ себѣ, Терезія только мелькомъ взглянула на нее, но ея выразительные каріе глаза сказали многое сердцу Фроси.

Вечеромъ, когда Терезія принесла ей опять кофе, Фрося, не зная, чѣмъ бы доказать дѣвушкѣ, что она ей сочувствуетъ, подарила ей голубую ленту. Подарила и даже испугалась своего

поступка, потому что Терезія пришла въ такой восторгъ, что подхватила ее на руки и, несмотря на сопротивленіе, протащила нѣсколько разъ по комнатѣ.

Весь вечеръ эта богемская дѣвушка не покидала ея мыслей. Она только недавно была привезена изъ своего родного края въ Вѣну: тамъ у нея умерла мать, о которой она не могла говорить безъ слезъ; тамъ былъ просторъ для нея, ласки и свобода, а здѣсь—эта суровая тетка, эта жизнь полная труда; здѣсь, несмотря на то, что она уже выросла и у нея есть женихъ, ее наказываютъ въ присутствіи постороннихъ лицъ.

На другой день Петръ Ивановичъ не приходилъ и не присылалъ даже своего адреса. Фрося начинала волноваться. Неужели это можетъ продолжаться долго? Вѣдь она такъ одинока, поставлена въ такое глупое положеніе... Быть въ совершенно чужомъ городѣ, безъ всякихъ занятій—вѣдь это равняется тюремному заключенію! Если онъ не идетъ, значитъ у него есть какіе-нибудь интересы, есть знакомства; а она сидитъ тутъ одна и вечеромъ ей даже не съ кѣмъ прогуляться.

На третій день съ самаго утра жара была невыносимая. Фрося, какъ только увидала Терезію, тотчасъ стала жаловаться на духоту. Терезія очень внимательно выслушала ее и куда-то исчезла. Черезъ полчаса она уже тащила маленькую жестяную ванну, а еще черезъ нѣскольо минутъ на собственной спинѣ внесла цѣлую путень *) воды. Фрося ахнула отъ удивленія и благодарности; но Терезія объявила, что она ежедневно должна таскать воду, а когда тетка моетъ бѣлье, то ей приходится разъ шесть спуститься внизъ и обратно, такъ что ночью у нея спина болитъ. Бѣдная дѣвочка! Она могла болѣть только ночью. Терезія не придавала ровно никакого значенія тому, что сдѣлала для иностранки, которая... ахъ! какъ ей нравится; она будетъ таскать ей воду каждый день и ей не нужно никакой за это платы. Нельзя было не тронуться этимъ наивнымъ проявленіемъ любви, и Фрося до глубины души была имъ тронута. Обѣ молодыя и нѣжныя, съ большой наклонностью къ самоотверженности, онѣ на порогѣ жизни уже столкнулись съ суровой дѣйствительностью, и это связало ихъ.

На четвертый день Фрося увидала, что Терезія надѣла шляпку и собиралась выйти.

---

*) Родъ ушата, которымъ въ Вѣнѣ носятъ воду изъ фонтана.

— Вы куда?—спросила она ее.

— Я за виномъ.

— И я съ вами,—проговорила Фрося.

— За виномъ?—воскликнула Терезія.

— За виномъ,—отвѣчала Фрося, надѣвая шляпку.

Терезія запрыгала отъ восторга.

— Всегда будете ходить со мной?—спросила она, когда онѣ очутились на улицѣ.

— Всегда, пока я живу у васъ,—отвѣчала Фрося.

— О-о,—воскликнула Терезія,—если мы замѣшкаемся въ городѣ, тетка не будетъ бранить меня,—я не могу очень скоро идти, потому что вы со мной. Правда, не могу?

— Конечно, не можете,—отвѣчала Фрося.

— Теперь,—продолжала Терезія,—я все буду смотрѣть на часы и ждать вечера.

Улица, на которой онѣ жили, находилась въ форштадтѣ. Имъ предстояло пройти гласисъ, который въ то время между Gothische Kirche и Mariahilfstrasse былъ совсѣмъ еще не застроенъ и почти не освѣщенъ. Вдали темной, безформенною массой возвышался городъ, а двойной рядъ фонарей на Ringstrasse, подобно огненной лентѣ, обвивалъ его. Терезія болтала безъ умолку; Фрося мало ее слушала,—она чувствовала безпокойное возбужденіе, точно она затерялась среди невѣдомой ей пустыни, гдѣ есть, однако, одна свѣтлая точка, одна путеводная звѣзда, но ей неизвѣстно было, гдѣ она; и эта точка былъ Петръ Ивановичъ. Гдѣ онъ? Почему онъ ее покинулъ? Она безпокойно всматривалась въ каждаго проходящаго мужчину: не онъ ли, не онъ ли? Какъ жаль, что она не могла разсмотрѣть тѣхъ, которые шли по ту сторону улицы. Нѣкоторые нагибались и нагло заглядывали ей въ лицо.

— Не смотрите по сторонамъ, и васъ никто не тронетъ,—замѣтила ей Терезія.

Она приняла сосредоточенный видъ простой крестьянской дѣвушки, которая отлично понимаетъ намѣреніе господъ-мужчинъ, но готова всегда отразить ихъ и, если понадобится, то даже и кулаками.

— Пойдемте на Грабенъ,—попросила ее Фрося.

На улицахъ была такая толкотня, что Терезія взяла ее подъ руку, чтобъ имъ не потерять другъ друга. Фрося, которая дома относилась покровительственно къ своей спутницѣ, теперь чувствовала, что находится подъ ея охраной. Терезія съ серьезнымъ

видомъ, съ корзинкой на рукѣ, безцеремонно расталкивала толпу; раза два она рѣзко огрызнулась на толкавшихъ ее мужчинъ, но никто не сказалъ ей ни одной любезности.

На Грабенъ онѣ пошли медленнѣе. Фрося увидала колонну, которая такъ поразила ее своей странной формой и безчисленнымъ множествомъ барельефовъ. Она засмотрѣлась на нее, когда Терезія толкнула ее локтемъ и, указывая глазами въ глубь ярко освѣщенной кофейной, произнесла:

— А вонъ и братъ вашъ!

Фрося вздрогнула.

Онѣ остановились и она изъ-за плеча Терезіи съ сильно бьющимся сердцемъ разсматривала общество, въ которомъ онъ находился.

Общество было не маленькое; между ними находилось нѣсколько женщинъ. Петръ Ивановичъ казался необыкновенно оживленнымъ; онъ разсказывалъ что-то съ особыми жестикуляціями, которыя были свойственны ему одному. На столѣ, у котораго они сидѣли, стояло множество бутылокъ.

— Хотите, я позову его къ вамъ?—обратилась къ ней Терезія.—Я войду и скажу: сестра ваша здѣсь.

— Уйдемте,—проговорила Фрося,—ради Бога, уйдемте! Насъ замѣтятъ...

Первая жгучая мысль, охватившая ее, была: отчего этимъ женщинамъ можно быть въ его обществѣ, а ей нельзя? Отчего она должна стоять въ сторонѣ отъ его интересовъ и его знакомыхъ? «Неужели только потому, что она не обвѣнчана съ нимъ?»

Рука ея, лежавшая на рукѣ Терезіи, дрожала, губы ея были сжаты. Онѣ миновали еще одну освѣщенную кофейную и углубились въ узкую темную улицу. Фросѣ казалось, что тамъ за ними остался свѣтъ и жизнь, остались ея права на радости, а она идетъ въ могилу,—идетъ туда, гдѣ ее ждетъ тоска и одиночество.

— Какъ онъ смѣетъ такъ поступать со мной?—воскликнула она по-русски.

Терезія оглянулась на нее.

— Что вы сказали?—спросила она и, не дождавшись отвѣта, прибавила:—Тетка съ самаго начала не вѣрила, что онъ братъ вашъ.

— А, не вѣрила?—повторила Фрося машинально.

— А я сейчасъ повѣрила.

— Вы сейчасъ повѣрили?—сказала Фрося и подумала: «хоть бы она замолчала!»

— Если-бъ онъ былъ вашъ geliebter,—продолжала невозмутимо Терезія,—онъ не кидалъ бы васъ одну, онъ бы вами гордился,—вы очень хорошенькая! Я всегда иду съ Карломъ подъ руку, и онъ такъ гордо выступаетъ.

Она подхватила Фросю и, поднявъ вверхъ свой маленькій носикъ, зашагала, представляя, какъ ходитъ съ ней ея Карлъ. Онѣ шли по гласису, и потому можно было себѣ позволить маленькую вольность. Фрося, хотя на сердцѣ ея скребли кошки, не могла не разсмѣяться.

Когда онѣ вернулись домой, тетушка замѣтила, что Fräulein совсѣмъ разбалуетъ ея племянницу; но сквозь ея неудовольствіе проглядывала явная радость: ей льстили хорошія отношенія иностранки къ ея племянницѣ.

Фрося, оставшись одна, бросилась на кровать, закинула вверхъ руки и предалась горькимъ думамъ:

Вотъ какую жизнь она сама себѣ избрала! Она шла наперекоръ желаніямъ брата: развѣ не говорилъ онъ ей, что она слишкомъ молода для такой трудной жизни? Какія трудности подразумѣвалъ онъ?... Она была очень неопытна въ подобныхъ вещахъ,—не знала, какимъ образомъ живутъ люди, судьба которыхъ не была настолько благопріятна, чтобы позволить имъ обойти три раза вокругъ аналоя... Неужели они обречены на вѣчную ложь, на вѣчно-скучное существованіе вдали отъ всѣхъ живыхъ интересовъ? Она не можетъ, она неспособна лгать,—всякая ложь будетъ медленно отравлять ее. Она способна взойти на башню и всему свѣту закричать: «Я—его любовница,—я, Евфросія Акимова, и горжусь тѣмъ, что люблю его,—люблю, несмотря на то, что онъ женатъ!» Отчего, если она не можетъ быть Соколова, не оставаться ей Акимовой? А то сдѣлаться ничѣмъ, ничѣмъ,—прозябать въ качествѣ никому ненужной сестры, съ которой онъ стыдится показаться людямъ!... Она хотѣла жить съ нимъ, знать его интересы, дѣлить съ нимъ его радости и горе. Какъ можетъ онъ быть веселъ въ то время, когда она—одна, одна, брошенная, никому ненужная? Развѣ она хуже тѣхъ женщинъ, которыя сидѣли съ нимъ тамъ, въ кофейной? Она лучше ихъ! Онъ говорилъ, что она лучше всѣхъ въ мірѣ. Неужели это тотъ крестъ, который ей придется нести всю жизнь? Нѣтъ, она его не хочетъ, не хочетъ такого креста: онъ

черезчуръ малъ и черезчуръ больно давитъ. Но не жена разлучила ихъ, — нѣтъ, онъ самъ ушелъ, потому что ему скучно съ ней, потому что онъ не желаетъ ввести ее въ общество; она это чувствуетъ, она не можетъ помириться съ этимъ. Какъ можно привыкнуть къ унизительной мысли, что два мѣсяца тому назадъ она была Акимова и куда бы она ни явилась въ сопровожденіи брата или Петра Ивановича, ее спокойно рекомендовали ея именемъ; а теперь избѣгаютъ ввести ее въ общество, теперь она—ничто! Но какое ей дѣло до того, что объ ней думаютъ,—какое ей дѣло? Пусть о ней говорятъ, что она безнравственна, но пусть она имѣетъ извѣстное имя. Она должна жить съ нимъ, а приходящіе къ нему могутъ думать о ней, что имъ угодно. Она не уронитъ себя никакимъ безтактнымъ поступкомъ. Да если онъ разъ рѣшился имѣть другую жену, онъ долженъ взять на себя долю неудобствъ, какими сопровождается подобная рѣшимость. Когда она думала о предстоящей ей жизни съ Петромъ Ивановичемъ, она никогда не воображала, что жизнь ея будетъ усѣяна розами; мысли ея о неудобствахъ предстоящаго ей пути принимали часто грозный характеръ: она приготовилась къ граду насмѣшекъ и оскорбленій; но все же она надѣялась открыто имѣть право укрываться на груди своего возлюбленнаго. Если же человѣкъ, которому она отдала свою жизнь, ставитъ ее въ ложное положеніе и даже, какъ ей казалось, избѣгаетъ показаться съ ней на улицѣ, то не значитъ ли это, что онъ стыдится своихъ отношеній къ ней?... Придя къ такому печальному выводу, она уткнулась лицомъ въ подушки и рыдала, рыдала горько и больно, пока не почувствовала полнаго изнеможенія и пока сонъ не овладѣлъ ею.

Наконецъ Петръ Ивановичъ явился. Онъ разсыпался въ тысячѣ извиненій, увѣрилъ ее, что прислалъ ей черезъ посыльнаго адресъ, но не знаетъ, почему она не получала его, говорилъ громко, двигался шумно, но, видя, что Фрося холодно принимаетъ его оправданія, онъ обиженно замѣтилъ:

— Ты вѣчно на меня за что-нибудь сердишься. Зайдешь къ тебѣ, чтобъ отдохнуть, освѣжиться, а встрѣчаешь только недовольныя мины!

Фросю это взорвало.

— Я никогда не обѣщала служить для тебя какимъ-то освѣжающимъ средствомъ. Если ты можешь цѣлый день дѣлить время занятій съ друзьями, то и освѣжаться можешь съ ними же!

— Это упрекъ?—спросилъ онъ.

Фрося подошла къ нему близко; глаза ея сверкали.

— Я желаю знать, — начала она, — почему ты пять дней оставлялъ меня совершенно одну въ незнакомомъ мнѣ городѣ? Чѣмъ я заслужила подобное обращеніе?

— Я былъ очень занятъ.

— Но вы имѣли время бесѣдовать въ кофейной съ вашими друзьями и знакомыми дамами.

— Ты ревнуешь?—проговорилъ онъ.—Ревнуетъ, ревнуетъ дѣвочка!—добавилъ онъ, улыбаясь, и протянулъ къ ней руки.

Но Фрося отстранила ихъ.

— Я не ревную,—отвѣчала она все такъ же запальчиво,—но я не хочу, чтобъ меня прятали! Я хочу считаться или женой вашей, или Акимовой,—слышите? Я не потерплю другихъ отношеній,—другія отношенія унижаютъ женщину!

Петръ Ивановичъ насильно привлекъ ее къ себѣ. Онъ соскучился; онъ скоро избавитъ себя отъ этихъ несносныхъ знакомствъ. Всѣ они—пошляки. Онъ поселится съ ней, и они заживутъ прекрасною жизнью,—такой, о которой она мечтаетъ. Она будетъ изучать языки,—вѣдь она, глупенькая, ни одного не знаетъ, какъ слѣдуетъ. Завтра онъ принесетъ ей нѣмецкіе лексиконы и договоритъ учителя.

Онъ такъ много говорилъ, что подъ конецъ Фрося даже почувствовала себя пристыженной: какъ могла она сомнѣваться въ немъ? Все это—отъ бездѣлья; еслибъ она была занята эти дни, она бы не замѣтила, какъ пролетѣло время. Онъ оставилъ ее совершенно успокоенной, несмотря на то, что въ этотъ разъ не было ничего сказано о его женѣ. Причина ея переселенія на другую квартиру канула въ вѣчность,—о ней не вспоминалось больше; это былъ точно подводный камень, который обѣ стороны, не сговариваясь, старались обойти.

А. Шабельская.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ.

VII *).

Счастливый случай доставилъ въ наши руки рядъ документовъ, касающихся одной деревни и воспроизводящихъ ея исторію въ теченіе почти трехсотъ лѣтъ. Мы хотимъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы дать читателю возможность окинуть однимъ бѣглымъ взглядомъ тотъ процессъ, какимъ развивалось сѣверное крестьянское землевладѣніе. Сжатое изложеніе исторіи этой деревни можетъ послужить вмѣсто резюме для нашего труда,—резюме не въ видѣ отвлеченныхъ положеній, а въ видѣ конкретныхъ фактовъ. Конечно, отдѣльный случай не можетъ охватить собой всѣхъ сторонъ предмета, но онъ довольно удачно передаетъ существеннѣйшія его черты.

Деревня, о которой пойдетъ рѣчь — Пожарище, Матигорской волости, верстахъ въ 5—6 отъ Холмогоръ. Окрестности Холмогоръ—одинъ изъ пунктовъ самаго стараго заселенія края; московское завоеваніе нашло тамъ богатыхъ и сильныхъ своеземцевъ, въ которыхъ крестьянство сливалось съ боярствомъ. До сихъ поръ, несмотря на всѣ перевороты, какимъ подвергался сѣверъ, по волостямъ около Холмогоръ крестьяне сохранили въ своемъ типѣ что-то гордое, независимое, обличающее кровь старинныхъ родовитыхъ вотчинниковъ. Надо думать, что крестьяне Комаровы, первоначальные владѣльцы Пожарища, принадлежали къ сильнымъ родамъ края, иначе они не могли бы раздобыть себѣ льготныя царскія грамоты, по которымъ мы и получили возможность составить представленіе о болѣе раннихъ судьбахъ деревни.

Принадлежа къ Матигорской волости, деревня Пожарище отступала отъ нея на довольно значительное разстояніе. Она стояла на крутомъ берегу Двины. Напоромъ вешнихъ водъ деревенскую землю валило въ рѣку, сдирало льдомъ и заносило пескомъ. Остальная земля деревни, лежавшая не на берегу, прилегала къ «мокредямъ» и оттого хлѣбъ часто позябалъ отъ холодныхъ тумановъ, поднимавшихся съ тѣхъ мокредей. Однимъ словомъ, съ этой стороны деревня Пожарище была самая типичная сѣверная деревня.

Комаровы усѣлись на мѣстѣ съ 1566 г., вѣроятно, просто по праву вольной заимки. Грамотой царя Ивана Васильевича деревня дана была имъ на льготу на пять лѣтъ, а потомъ была положена въ сошное тягло: писецъ князь Василій Звенигородскій (1587 г.) написалъ ее въ «трехъ обежкахъ малыхъ». А между тѣмъ владѣльцы Пожарища успѣли прикупить пожню отъ Быстрокурской волости, «что прилегла къ той ихъ деревнѣ межу ихъ пожень»; за ними оказываются также и «старое ихъ владѣнье по ихъ крѣпостямъ», оброчныя тони на морскомъ берегу и лѣшіе путики. Во время междуцарствія пострадало и Пожарище: «польскіе и литовскіе люди и русскіе воры повоевали и животы и статки пограбили», а къ тому же волостные и посадскіе люди начали вырубать лѣса, которые защищали деревню отъ напора вешней воды и льда. «И отъ того ихъ насильства та ихъ деревня и досталь пустѣетъ и крестьяне имъ въ тое деревню называть не можно и самимъ имъ жити невозможно,—такъ жалуются Комаровы царю,—и платячи съ тое деревни всякіе доходы и службы и мірскіе разметы охудали и одолжали великими долги» *). Царь дозволяетъ Пожарищу со всѣми его прикупными угодьями отписаться отъ Матигорской и Быстрокурской волостей (послѣдняя тянула ихъ къ себѣ за купленную пожню) и «велѣлъ имъ быть особно отъ тѣхъ волостей»; крестьянамъ же тѣхъ волостей «въ тое ихъ деревню да и въ прикупную поженку и во всякія угодья въ сошное тягло по писцовымъ книгамъ и по ихъ волостнымъ веревнымъ вступаться никоими дѣлы и мірскою волостною ровностью и веревью ихъ земель тое деревни и прикупные поженки веревить не велѣли».

Такимъ образомъ по писцовымъ книгамъ Мирона Вельяминова Пожарище было записано особь-статьей.. Былъ въ деревнѣ тогда

---

*) Грамота царя Михаила Θеодоровича 1615 г.

все-таки еще одинъ дворъ Васкинъ да Ондрюшкинъ Ивановыхъ, дѣтей Комарова—«пашни паханые... середніе земли семь четвертей да худые земли четверть безъ третника, сѣна сорокъ копенъ, въ живущемъ полвыти и полполтрети выти» и т. д.

Въ половинѣ 17-го вѣка Комаровыхъ и ихъ деревню постигло новое бѣдствіе. Пришли разбоемъ гайдуки, поубивали десять человѣкъ Комаровскаго рода, «купчія и оброчныя и всякія старинныя писмянныя крѣпости прадѣдовъ и дѣдовъ ихъ и животы и платье все пограбили и дворъ со всѣми хоромы и скотъ и хлѣбъ сожгли». «А послыша тотъ разбой и грабежъ и пожаръ и ихъ разоренье, что у нихъ вотчинные письменные крѣпости пограблены ябедники и горланы перекупкою изъ наддачи рыбные ловли и сѣнные покосы (оброчные) у нихъ отнимаютъ и убытчатъ ихъ напрасно и вотчины ихъ пустошатъ»,—такъ жаловались Комаровы,—Алексѣй Михайловичъ далъ имъ новую грамоту, подтверждающую ихъ права *). Хлопотали объ этой грамотѣ Комаровъ и племянникъ его Савинъ: надо думать, что деревня уже распалась на два двора.

Изъ жалобы Комаровыхъ на ябедниковъ и горлановъ и проч. замѣтно, что существовали неудовольствія между владѣльцами деревни и ихъ волостными сосѣдями. Оно и не могло быть иначе: волость не могла не коситься на Комаровыхъ за то, что они успѣли высвободиться изъ общаго тягла и такимъ образомъ занять относительно льготное положеніе. Но по актамъ не видно, чтобъ она предпринимала какія-нибудь открытыя наступательныя дѣйствія на своихъ счастливыхъ сосѣдей до начала 18-го вѣка,—вѣроятно, не разсчитывала на успѣхъ. Но съ началомъ 18-го вѣка, когда правительство заявило новый принципъ, «чтобы никто не былъ въ избылыхъ», Матигорская волость начала искъ противъ Комаровыхъ съ цѣлью привлечь ихъ въ общее тягло. Она жалуется, что «Комаровъ съ товарищами тое Пожарской деревни, которая приписана по писцовымъ книгамъ къ ихъ Матигорской волости, въ равенство не кладетъ и съ ними не равняется, подводъ не возитъ, службъ не служитъ и хочетъ быть отъ всего въ облегченіи». Поэтому проситъ, «чтобъ у нихъ Комаровъ съ товарищи ту Пожарскую деревню сверить въ правду и сверя приверстать съ ними челобитчики въ равенство и всякіе подати съ той деревни платить и службы служить и подводы

*) Грамота царя Алексѣя Михайловича 1665 г.

возить нынѣ и впредь по вся годы съ ними же челобитчики вмѣстѣ». Конечно, здѣсь говорится о податномъ, а не о земельномъ равенствѣ. Какъ ни объясняли Комаровы, что они не равняются съ Матигорской волостью, а платятъ подати и служатъ службы особь-статьей, въ силу жалованныхъ грамотъ, ничто не помогало,—времена были уже другія, неблагопріятныя особь-статьямъ. «По указу великаго государя велѣно земли и всякія угодья свервить, чтобъ никто ни въ чемъ въ-избыльцѣ не былъ... А прежніе ихъ великихъ государей грамоты нынѣшнимъ его великаго государя указамъ не примѣръ», объясняетъ судъ. По рѣшенію суда, Комарову съ товарищами велѣно быть «посполитно съ волостными, а не особнякомъ, и службы служить и доходы платить, считаясь по своимъ тягламъ» *).

Въ это время, то-есть въ началѣ XVIII вѣка, деревня Пожарище съ внутренней стороны представляла слѣдующій видъ. Дольщиковъ, сколько можно заключить по актамъ, было пятеро. Три доли остались въ рукахъ коренного рода Комаровыхъ. Четвертая доля принадлежала боярскому сыну Шешенину, которому она досталась отъ бабки, урожденной Комаровой, получившей землю отъ своего рода въ приданое. Пятая доля была во владѣніи посадскихъ людей Устюга Великаго, Королевыхъ, унаслѣдовавшихъ тоже черезъ бабку долю Савина, племянника Комаровыхъ (выше упомянуто, что Комаровъ и Савинъ хлопотали о царской грамотѣ). Вообще, можно сказать, что деревня Пожарище въ эти полтораста лѣтъ (съ половины XVI до начала XVIII в.) не раздробилась такъ, какъ дробились деревни менѣе зажиточныхъ владѣльцевъ: въ подобныхъ случаяхъ лишніе члены выдѣлялись съ денежнымъ обезпеченіемъ и уходили въ города или пріобрѣтали себѣ другія земли.

Изъ актовъ не видно точнаго отношенія долей всѣхъ деревенскихъ совладѣльцевъ. Замѣтно только, что четыре доли были полныя, съ участіемъ во всѣхъ орамыхъ и сѣнокосныхъ, коренныхъ и прикупныхъ земляхъ, въ поскотинахъ, рыбныхъ ловляхъ, въ лѣсахъ затульныхъ (защищающихъ деревню отъ вешнихъ водъ) и десятинныхъ, въ морскихъ тоняхъ и лѣшихъ путикахъ,—однимъ словомъ, во всемъ, что изстари потягло къ деревнѣ. Доля же боярскаго сына была неполная, лишь въ нѣкоторыхъ поляхъ и пожняхъ (впредь съ участіемъ въ осталь-

*) Рѣшеніе архангельскаго ратушскаго правленія 1706 г.

ныхъ угодьяхъ), всего-на-все 17 веревн. саженъ, между тѣмъ какъ одинъ дворъ Комаровыхъ сидѣлъ на пятидесяти саженяхъ, другой—на двойномъ количествѣ. Вообще, разобраться въ ихъ владѣніи довольно трудно, съ одной стороны—вслѣдствіе отрывочности извѣстій, съ другой—вслѣдствіе того, что у нихъ была масса угодій или общихъ у всей деревни (кромѣ тѣхъ, которыя вообще никогда не дѣлились, какъ-то: лѣсовъ, тонь, путиковъ), или въ складствѣ у нѣкоторыхъ совладѣльцевъ. Угодій общихъ и въ складствѣ было у каждаго значительно больше, чѣмъ раздѣленныхъ: родственная связь печища еще чувствовалась слишкомъ живо.

То обстоятельство, что волость навязала-таки Комаровымъ общее тягло, видимо, сильно измѣняло ихъ положеніе. Владѣльцы Пожарища начинаютъ сбывать свои доли. Въ это время Баженины дѣятельно занимались пріобрѣтеніемъ земель, и они скупили доли Пожарищенской деревни. У насъ есть купчія, по которымъ Баженины пріобрѣли доли двухъ дворовъ Комаровыхъ, затѣмъ доли боярскаго сына и посадскихъ людей. Какъ перешла пятая доля, мы не знаемъ; но уже въ 1711 г. Баженинъ является владѣльцемъ всей деревни.

Пріобрѣтя Пожарище, Баженинъ тотчасъ же принимается за то, чтобы высвободить его изъ волостного тягла. Онъ начинаетъ хлопотать, чтобы платить по-старому, особо, «подобно тому, какъ плачу я съ вотчинной своей Вавчужской деревни и съ покупной Ухтъ-Островской особо-жь кромѣ волостныхъ крестьянъ..., а Матигорской волости соцкому и крестьянамъ съ тое Пожарищной деревни по тяглу въ общемъ платежѣ отказать и впредь, чтобы съ ними никакими платежами для ихъ излишнихъ волостныхъ расходовъ не быть». Такъ какъ Баженины были сильнѣе Комаровыхъ, а главное—сильны личнымъ благоволеніемъ царя, то судебный приговоръ и былъ отмѣненъ въ ихъ пользу.

Но когда умерли Баженины-кораблестроители, умеръ и Петръ Великій, волостной міръ опять началъ притягивать Пожарищенскую деревню, перешедшую къ наслѣдникамъ Баженинымъ, въ общее тягло. Въ 1726 г. Баженины входятъ въ такую сдѣлку съ міромъ Матигорской волости: они даютъ обязательство платить съ Пожарищенской деревни съ пяти верверей, вѣчно и безспорно, все, что будетъ приходиться по мірскимъ разрубнымъ книгамъ, но съ своей стороны берутъ и отъ міра обязательство не спрашивать больше, чѣмъ съ пяти вервей, «и на ту землю съ ве-

ревкой не ходить и не верить вѣчно-жъ». Но въ 1748 г. еще новое поколѣніе Баженныхъ опять даетъ обязательство въ міръ Матигорской волости платить «по мірскимъ разрубнымъ съ крестьянами врядъ» уже съ семи вервей (въ соотвѣтствіи съ настоящими размѣрами деревни, на которой разсѣвалось до 15 четвертей ячменя и ставилось до 3.000 кучъ сѣна), причемъ снова обязываютъ крестьянъ «съ веревкой не ходить». Взаимныя обязательства исполняются до 1779 г.; съ этого года Баженины отказываютъ платить волостные разрубы и начинается, по жалобѣ міра, дѣло, о которомъ мы говорили выше. Дѣло это кончилось въ пользу міра; а между тѣмъ подошли послѣдніе года XVIII стол.—эпоха общаго изгнанія купцовъ и посадскихъ людей изъ деревень.

Когда тяжба съ міромъ кончилась неблагопріятно для Бажениныхъ и они присуждены были къ уплатѣ всей накопившейся за ними значительной недоимки, то вмѣсто денегъ они отдали въ міръ часть Пожарищенской деревни. Остальная земля оставалась пока за Бажениными. Но такъ какъ имъ, въ качествѣ посадскихъ людей, нельзя уже было дольше держаться въ деревнѣ, то они стали продавать землю по кускамъ. Человѣка два-три мѣстныхъ богатыхъ крестьянъ скупили эти земли, а такъ какъ купчихъ нельзя было писать, то писали полюбовныя отступныя письма съ формальной явкой ихъ въ присутственномъ мѣстѣ. Часть полученной отъ Бажениныхъ земли міръ, по приказу начальства, роздалъ тогда же малоземельнымъ крестьянамъ, которые немедля продали свои надѣлы упомянутымъ скупщикамъ Баженинской земли. Но самое интересное то, что, наконецъ, міръ, «по общественному приговору», имъ же продалъ «въ вѣчное владѣніе» всю нерозданную еще часть Пожарищенской земли, которая должна бы была идти «въ надѣленіе скудныхъ крестьянъ».

Такимъ образомъ, Пожарищенская деревня, отошедшая въ девяностыхъ годахъ отъ Бажениныхъ, тотчасъ же очутилась въ рукахъ двухъ-трехъ богатыхъ крестьянъ, которые усѣлись въ ней въ качествѣ вотчинниковъ, обороняя ее отъ всякихъ притязаній. Но они могли уберечь ее лишь до 30-го года, когда міръ началъ настоятельно требовать ее для раздѣла по душамъ. Владѣльцы Пожарища жаловались въ судъ, ссылаясь на свои документы, но даже холмогорскій уѣздный судъ не нашелъ возможнымъ рѣшить дѣло въ ихъ пользу, такъ какъ документы, на

которые они ссылались, были составлены послѣ межевой инструкціи *).

Тщетно обращались владѣльцы Пожарища отъ одной судебной инстанціи къ другой,—всюду получалось одно рѣшеніе: «раздѣлить на души».

Мы отряхнули пыль вѣковъ отъ найденныхъ нами хартій и изложили, въ назиданіе читателя, буде отъищется таковой, заключающіяся въ этихъ хартіяхъ правдивыя сказанія. Сказанія, конечно, правдивы; вмѣстѣ съ тѣмъ они и новы, такъ какъ вносятъ въ исторію русскаго крестьянскаго землевладѣнія новые факты, неизвѣстные до сихъ поръ наукѣ. И правдивы, и новы—все это такъ. Но ни то, ни другое—ни правдивость, ни новизна—сами по себѣ не оправдываютъ ихъ преподнесенія читателю въ видѣ журнальной статьи. Необходимы иныя raison d'être: необходимо, чтобъ эти правдивые и новые факты вносили что-нибудь дѣйствительно новое въ общественное сознаніе, помогая ему такъ или иначе въ его роковой борьбѣ съ проклятыми вопросами. Можетъ ли наша работа оказаться состоятельной, если къ ней приложить критеріумъ этого рода?

Вся внѣшность нашей работы, загроможденной мелочными фактическими подробностями, говоритъ противъ. Но мы все-таки надѣемся показать читателю, что работа эта, несмотря на видимое преобладаніе въ ней археологическаго интереса, далеко не такъ, какъ кажется, удалена отъ живыхъ интересовъ современности.

Вотъ уже больше двадцати лѣтъ, какъ наша поземельная община встала во главѣ цѣлой группы проклятыхъ вопросовъ изъ наиболѣе скребущихъ по душѣ современнаго русскаго человѣка. Поскольку настоящей правды, поскольку простой случайности было въ такой краеугольной постановкѣ вопроса объ общинѣ—рѣшать не беремся. Фактъ въ томъ, что община служила знаменемъ и лозунгомъ, что на ней сходились и расходились партіи, формировались направленія. Правда, знакомство съ общиной далеко не шло въ параллель съ сознаніемъ ея исключительно важнаго значенія; но кого винить въ томъ, что земля наша хоть и велика, но такъ необильна общественной энергіей?...

---

*) Дѣло холмогорскаго уѣзднаго суда 1833 г. по прошенію крестьянъ Ивана Водомѣрова, Осипа Якимова и вдовы Матрены Берденниковой о предоставленіи имъ въ потомственное владѣніе пожарищенской земли.

Мы имѣемъ смѣлость утверждать, что работа наша, несмотря на ея мелочность, должна внести нѣкоторое движеніе въ историческую разработку вопроса объ общинѣ. Разработка эта застоялась до невозможности. Съ трудомъ вѣрится, чтобы можно было такъ много говорить и, повидимому, такъ много интересоваться предметомъ и въ то же время такъ поразительно мало знать о немъ. Знакомство съ настоящимъ, правда, понемногу подвигается впередъ; но для прошлаго только переворачиваются время отъ времени давнымъ-давно собранные и извѣстные факты, причемъ не замѣчается никакого движенія ни въ ширину, въ смыслѣ захвата новаго матеріала, ни въ глубину, въ смыслѣ разработки стараго. А нужно ли доказывать, что только знакомство съ явленіемъ въ процессѣ его развитія можетъ дать о немъ настоящее понятіе? Могутъ указать на работу г. Соколовскаго: «Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ»,—чего же еще, если есть цѣлая исторія предмета? Но въ томъ-то и бѣда, что это совсѣмъ не исторія сельской поземельной общины: тутъ вышло нѣкоторое недоразумѣніе съ заглавіемъ. Мы отдаемъ все должное труду г. Соколовскаго,—труду, разсчитанному на потребности нашего интеллигентнаго общества и прекрасно ихъ удовлетворяющаго,—но тѣмъ не менѣе трудъ этотъ—совсѣмъ не исторія нашей сельской общины. Онъ посвященъ главнымъ образомъ выясненію тѣхъ экономическихъ и бытовыхъ условій, которыя такъ или иначе должны были вліять на форму землевладѣнія; собственно общинѣ посвящена незначительная часть работы, да и то въ понятіи общины для автора сливались разнообразныя формы соціальныхъ организацій, даже не однѣхъ только поземельныхъ. Впрочемъ, употребляя такъ неопредѣленно слово община, г. Соколовскій только продолжалъ традицію другихъ болѣе раннихъ изслѣдователей, которые всегда употребляли это слово въ самыхъ различныхъ, совершенно произвольныхъ, смыслахъ: если акты, относящіеся до того низшаго слоя древне-русскаго общества, который соотвѣтствуетъ современному крестьянству, давали намекъ или указаніе на какой-нибудь внѣсемейный союзъ, какого бы характера, содержанія и цѣлей онъ ни былъ,—все шло за общину. Да оно и не мудрено. Нѣкто сказалъ по поводу труда г. Соколовскаго, что этотъ трудъ пораженъ органическимъ недостаткомъ, заключающимся въ томъ, что авторъ писалъ исторію предмета, существа котораго онъ не зналъ,—и нѣкто, конечно, правъ. Но это же самое замѣчаніе приложимо, и въ еще несравненно боль-

шей степени, ко всѣмъ другимъ попыткамъ—правда, только эпизодическимъ—разъяснить исторію русской общины.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ хаосѣ невыясненныхъ понятій и неустановившихся терминовъ, въ связи съ извѣстными благопріятствующими теченіями общественной мысли, возникъ и пустилъ крѣпкіе корни въ общественномъ сознаніи миѳъ объ исконности существующей формы поземельной общины. Мы говоримъ «миѳъ», такъ какъ эта исконность на самомъ дѣлѣ не имѣетъ за себя достаточныхъ научныхъ основаній, а лишь вѣру,—вѣру очень понятную, если принять во вниманіе всю совокупность условій, но все-таки вѣру, и ничего больше. Ниже мы займемся этой стороной дѣла поближе, здѣсь же скажемъ только, въ избѣжаніе недоразумѣній, что мы подвергаемъ сомнѣнію исконность лишь существующей формы поземельной общины, а никакъ не исконность общинности, общиннаго или коллективнаго принципа, нѣкогда полновластно заправлявшаго жизнью. Это двѣ совершенно различныя вещи, которыя никакъ не слѣдуетъ смѣшивать.

Въ какой просакъ попадали и попадаютъ изслѣдователи съ своей слѣпою вѣрой въ исконность существующей формы поземельной общины, видно на примѣрѣ сѣвера. Надо замѣтить, что сѣверъ издавна обращалъ на себя особенное вниманіе всѣхъ, интересующихся народомъ вообще, общиной въ частности, да и понятно. На сѣверѣ община—преобладающая форма земельнаго владѣнія въ такой степени, что въ предѣлахъ Архангельской губерніи, можно сказать, нѣтъ личной земельной собственности; на сѣверѣ почти не было крѣпостного права, извратившаго народную душу,—на сѣверѣ, слѣдовательно, самостоятельное крестьянство могло сохранить въ наибольшей чистотѣ исконныя формы своего быта. Профессора съ каѳедръ указывали на сѣверъ, который одинъ только сохранилъ въ неприкосновенности первобытную общинную организацію *); книжная наука черпала девять десятыхъ своихъ свѣдѣній объ исторіи общины изъ актовъ, относящихся до сѣвера. Нѣтъ ничего удивительнаго, что изслѣдователь, приступая къ изученію общины въ той или другой сѣверной мѣстности, былъ предвзято и всецѣло убѣжденъ въ исконности и первобытности того явленія, которое онъ долженъ былъ изучать. А извѣстно, какъ легко наблюдаемое явленіе получаетъ свою окра-

*) Ст. *Лялоша:* „Община Олонецкой губерніи“ (*Отеч. Записки* 1874 г., № 2).

ску отъ того или другого угла зрѣнія наблюдателя. Оттого и община въ подобныхъ изслѣдованіяхъ являлась съ такими аттрибутами, которые должны были несомнѣнно свидѣтельствовать о ея первобытности, о незапятнанности, съ какой она донесла свою архаическую чистоту до нашихъ дней. Такою является община Олонецкой губерніи въ изслѣдованіи г. Ляloша, такою же и община Архангельской губерніи въ изслѣдованіи г. Сергѣева *). Г. Сергѣевъ далъ даже схему того процесса, какимъ эта первобытная форма переходитъ въ другія болѣе позднія формы. Всѣ эти выводы, эта одноцвѣтная окраска—одно большое заблужденіе, и ничего больше. Наша работа показываетъ, что сѣверная община, даже въ тотъ относительно короткій промежутокъ времени, который захватываетъ достовѣрная исторія (т. е. приблизительно съ XIV вѣка), пережила нѣсколько фазисовъ. Формулируемъ ихъ.

Начало достовѣрной исторіи застаетъ на сѣверѣ господство задружной формы какъ въ семьѣ, такъ и въ организаціи поземельной собственности. Въ *Отеч. Запискахъ* была помѣщена статья г. Краснопёрова: «Антошкина община». Статья эта—описаніе одной удивительно сохранившейся архаической задруги: съ трудомъ вѣрится, чтобы въ нашъ вѣкъ желѣзныхъ дорогъ, кулачества и т. д. еще держались какимъ-то чудомъ эти обломки иныхъ, отдаленныхъ, соціальныхъ формацій. Г. Краснопёровъ называетъ описываемую имъ организацію общиной; но тутъ мы опять встрѣчаемся съ тѣмъ же произвольнымъ и въ высшей степени научно-неудобнымъ употребленіемъ терминовъ: это—не община, а задруга, семейная коммуна (Gaubkommunia, по западной терминологіи). Большая родовая семья въ нѣсколько десятковъ человѣкъ, состоящая изъ многихъ простыхъ семей, живетъ въ нѣсколькихъ домахъ, группирующихся около одного центральнаго дома, служащаго сборнымъ мѣстомъ для всей коммуны: въ центральномъ домѣ сбираются для ѣды, для общихъ хозяйственныхъ занятій, для совѣщанія о дѣлахъ и, наконецъ, просто для развлеченія. Въ этомъ домѣ живетъ старшій, который дѣлается старшимъ, большею частью, въ силу естественнаго старшинства, иногда по выбору. Земля и хозяйственный инвентарь — общая собственность этой семейной коммуны; трудъ—общій, какъ обще и потребленіе. Коммуна уже сама заботится объ удовлетвореніи всѣхъ потребностей ея членовъ. Вотъ главнѣйшія черты этой формы, — чер-

*) *Дѣло* 1880 года, № 4, ст. „Очерки общиннаго владѣнія въ Архангельской губерніи".

ты, въ которыхъ можно узнать сербскую задругу, какъ ее рисуютъ югославянскіе этнографы, современную Антошкину общину и наконецъ ту организацію, на которую указываютъ намъ сѣверные акты болѣе ранняго періода (стр. 14—16). Такимъ образомъ первый фазисъ организаціи земельнаго владѣнія на сѣверѣ, въ предѣлахъ достовѣрной исторіи, есть фазисъ коллективной собственности семейныхъ коммунъ. Кто не знакомъ съ цѣлымъ нашей работы, тотъ можетъ сказать, что мы допускаемъ то же самое смѣшеніе понятій, въ которомъ упрекаемъ другихъ, т. е. смѣшиваемъ семью съ общиной. Но это не такъ. Мы утверждаемъ, что на сѣверѣ, въ указанный нами періодъ, не было другой единицы поземельной организаціи, кромѣ печища, нераздѣльной собственности родовой семьи. Всѣ большіе территоріальные союзы, какъ-то: волости, погосты и т. д.—не были единицами поземельной организаціи, поземельными общинами. Мы не утверждаемъ, что таково было исконное или первобытное положеніе вещей, такъ какъ вообще избѣгаемъ всякихъ гадательныхъ утвержденій или отрицаній; утверждаемъ только, что таково оно было въ изслѣдуемой мѣстности и въ указанный періодъ. Печище заключало въ себѣ лишь воздѣланную землю, пахатную и сѣнокосную, обыкновенно съ нѣкоторыми промысловыми угодьями, варницами, морскими и рѣчными тонями, лѣшими путиками и т. п. Внѣ печищъ лежала незахваченная подъ эксплуатацію дикая земля, которая не входила въ районъ никакихъ общинъ, а была просто-напросто Божья. Впрочемъ, бояре уже въ новгородскій періодъ успѣли позахватить себѣ куски дикой земли, а позже московскіе государи старались установить право своей верховной собственности на всю дикую землю.

Второй фазисъ въ исторіи поземельной организаціи на сѣверѣ—деревня съ долевымъ владѣніемъ. Печище, семейная коммуна, разложившись, образовала тотъ особый типъ, изъ котораго могла выработаться современная община, какъ при другихъ условіяхъ могла выработаться и индивидуальная земельная собственность. Дѣло въ томъ, что печище, дробясь и дѣлясь, все-таки продолжало смотрѣть на себя, со стороны поземельныхъ отношеній, какъ на цѣлое, до дѣлежа—простое, послѣ дѣлежа—сложное. Каждый участникъ дѣлежа получалъ не опредѣленный кусокъ земли, который бы онъ могъ выдѣлить изъ цѣлаго, а лишь право на извѣстную долю въ каждомъ изъ лоскутовъ, полей и угодій, входящихъ въ деревню. Такимъ образомъ каждый

изъ крестьянскихъ (въ противоположность бобыльскимъ) дворовъ деревни представлялъ собою какую-нибудь дробь деревенской единицы. Дворъ былъ настоящимъ собственникомъ своей доли: могъ распоряжаться ею по произволу, лишь съ тѣми ограниченіями, какія проистекали изъ права выкупа, принадлежащаго родственникамъ и деревенскимъ совладѣльцамъ, складникамъ позже, также и изъ вмѣшательства государства, дававшаго на тягловой міръ. Право отчужденія долей повело къ тому, что родовая схема деревни мало-помалу пропитывалась посторонними элементами, не имѣющими между собой кровныхъ связей. Но тѣмъ не менѣе патріархальная традиція деревни держалась: посторонніе, какъ и родственники, являлись представителями идеальныхъ долей деревенскаго цѣлаго. Если кто-нибудь изъ дольщиковъ находилъ, что владѣемый имъ участокъ не соотвѣтствуетъ его идеальной долѣ, онъ могъ требовать передѣла; такимъ образомъ деревенскіе дольщики время отъ времени передѣливались, перервнивались. Отсюда видно, что этотъ второй фазисъ организаціи земельной собственности на сѣверѣ—долевая деревня—заключалъ въ себѣ зародыши общиннаго владѣнія, также какъ и зародыши современнаго индивидуальнаго владѣнія. Сѣверная деревня развила послѣднюю сторону и перешла такимъ образомъ въ третій фазисъ—подворно-участковое владѣніе индивидуальнаго характера. Причинъ, въ силу которыхъ сѣверная деревня попала на этотъ путь, нельзя свести къ чему-нибудь одному: тутъ участвовало и естественное ослабленіе родовыхъ традицій, и давленіе государства, и вторженіе въ деревню посторонняго, не крестьянскаго владѣнія, но главною причиной было размноженіе населенія и земельная тѣснота, зависящая отъ естественныхъ препятствій къ расширенію запашекъ.

Указанныхъ нами фазисовъ нельзя связать съ точно опредѣленными эпохами: въ разныхъ пунктахъ, при разныхъ условіяхъ они наступали разновременно. Такъ было и съ фазисомъ обособленнаго земельнаго владѣнія индивидуальнаго характера. Отдѣльные случаи такого владѣнія могли встрѣчаться и при господствѣ въ земельной организаціи печищной формы: всегда лицо могло выдѣляться изъ родовой семьи, устраиваясь со своей семьей на обособленномъ участкѣ земли и кладя такимъ образомъ основаніе новой деревни, новому печищу. Но и въ качествѣ правила эта форма земельнаго владѣнія появляется въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ очень рано, еще въ то время, когда долевая орга-

низація деревни была въ полномъ разцвѣтѣ. Такъ въ нѣкоторыхъ старинныхъ волостяхъ около Холмогоръ она водворилась относительно очень давно,—преобладаніе ея въ этихъ мѣстностяхъ замѣтно по актамъ 17-го вѣка и даже раньше. Доказательствомъ можетъ служить, между прочимъ, любопытная книга Крестинина: «Историческій опытъ о сельскомъ старинномъ домостроительствѣ двинскаго народа въ сѣверѣ» (1779 г.). Книга эта представляетъ собой исторію одного крестьянскаго рода (Вахониныхъ), извлеченную изъ документовъ, сохранившихся въ этомъ роду. Изъ нея видно, что даже во второй половинѣ 16-го вѣка можно было пріобрѣтать не доли деревень, а отдѣльные лоскуты деревенской земли—характерный признакъ разрушенія деревенской организаціи. Дальнѣйшее же изложеніе ясно свидѣтельствуетъ, что крестьяне, герои Крестининскаго повѣствованія, являются полными собственниками своихъ земельныхъ участковъ въ позднѣйшемъ смыслѣ слова. А между тѣмъ въ иныхъ мѣстностяхъ долевая деревня сохранилась даже до конца 18-го столѣтія, какъ показываютъ судебныя дѣла о деревенскихъ складникахъ. Но, вообще, надо полагать, что долевая деревня начала энергически разлагаться со второй половины 17-го вѣка: 18-й вѣкъ является фазисомъ господства на сѣверѣ личнаго землевладѣнія, хотя остатки долевого владѣнія еще сказываются кое въ чемъ, какъ, напримѣръ, въ раздѣленіи земель на статьи *).

Личное землевладѣніе привилось быстро,—корни его лежали въ прошломъ. Поземельная деревня рушилась, то-есть распалась на свои составные элементы. Порвалась сила тѣхъ путъ, частью нравственныхъ, частью юридическихъ, которыя связывали ее въ одно цѣлое. Правда, и ранній деревенскій дольщикъ былъ собственникомъ своей доли; но его права наталкивались на стѣсняющія его права деревни. Только теперь онъ узналъ, что такое полная собственность. Права его находили себѣ признаніе и со стороны государства: оно не разъ дѣлало попытки ограничить въ свою пользу права крестьянъ на ихъ землю, но въ концѣ концовъ уступало и требовало только, чтобы соблюдаемы были извѣстныя формальныя условія при переходѣ земельной собственности изъ однѣхъ рукъ въ другія. Процессъ обезземеленія однихъ и скопленіе земли въ рукахъ другихъ теперь быстро двинулся; повидимому, все шло къ насажденію того типа силь-

---

*) *Крестининъ*, стр. 38—40.

наго крестьянскаго хозяйства, держащагося на бобыляхъ, захребетникахъ и козакахъ, который составляетъ идеалъ нѣкоторыхъ русскихъ европейцевъ. Но вдругъ на сценѣ появляется deus ex machina въ видѣ правительства, измѣнившаго свои взгляды на крестьянское землевладѣніе, и все получаетъ иной видъ. Землевладѣніе нашего сѣвера вступаетъ въ свой четвертый и послѣдній общинный фазисъ.

Когда имѣешь передъ глазами отчетливую историческую перспективу явленія, забавно слышать, какъ изслѣдователи сѣверной общины увѣряютъ въ ея первобытномъ характерѣ. Тутъ заблужденіе очевидно. Но далеко не такъ очевидно оно, когда дѣло идетъ объ исконности и первобытности существующей формы поземельной общины вообще. Мы выше выразились, что считаемъ эту исконность миѳомъ, который держится лишь вѣрой въ него. Наше сословное утвержденіе, особенно въ виду исключительной важности затрогиваемаго имъ предмета, можетъ показаться простой задорной фразой. На самомъ дѣлѣ оно есть плодъ долгихъ соображеній и мучительныхъ колебаній, въ которыхъ субъективный элементъ привычной вѣры болѣзненно боролся съ все возрастающимъ сомнѣніемъ, навязываемымъ фактами. Вотъ итоги нашихъ сомнѣній.

Та историческая перспектива въ развитіи формъ поземельной организаціи, которую мы установили для избраннаго нами района, едва ли можетъ быть поколеблена въ своихъ существенныхъ чертахъ: она покоится на многочисленныхъ и несомнѣнныхъ историческихъ свидѣтельствахъ. Но тутъ является вопросъ: районъ, избранный нами для изслѣдованія, т. е. крайній сѣверъ, бывшая Двинская земля, не представляетъ ли собой исключенія въ ряду другихъ областей Русской земли? Не выработалъ ли онъ подъ тяготѣніемъ какихъ-либо исключительныхъ условій исключительнаго жизненнаго склада, не имѣющаго ничего общаго съ общерусскимъ складомъ жизни?

Вопросъ этотъ задается не впервые. Онъ выдвинутъ былъ на сцену во время знаменитаго спора Бѣляева съ г. Чичеринымъ объ общинѣ. Такъ какъ спорящимъ сторонамъ по неволѣ приходилось ссылаться главнымъ образомъ на акты, относящіеся до Двинской земли,—за недостаткомъ актовъ изъ другихъ районовъ, — то естественно, что пришлось натолкнуться на этотъ вопросъ. Его выдвинулъ Бѣляевъ, когда былъ вынужденъ къ тому доводами г. Чичерина; но такъ какъ онъ не привелъ ни-

чего въ доказательство того, что Двинская земля есть исключеніе, то г. Чичеринъ легко отпарировалъ его возраженія. Было бы утомительно вдаваться въ подробности этого спора, да и незачѣмъ; мы полагаемъ, что самый этотъ вопросъ въ значительной степени праздный вопросъ. Каждый областной районъ, замкнутый въ свои территоріальныя, этнографическія, историко-политическія грани, конечно, есть исключеніе, если смотрѣть на него съ общерусской точки зрѣнія. Но что такое эта общерусская точка зрѣнія? Не страдала ли всегда наша историческяя наука тѣмъ, что слишкомъ часто отожествляла общерусскую точку зрѣнія съ центрально-московской? Отчего Двинская земля должна быть какимъ-то сугубымъ исключеніемъ—рѣшительно не видно. Правда, она имѣетъ свои особенности, особенности рельефно выраженныя: по отношенію къ исторіи землевладѣнія, главнѣйшая, и очень типичная, ея особенность заключается въ сильномъ развитіи въ ней класса мелкихъ собственниковъ, своеземцевъ, позднѣйшихъ черносошныхъ государевыхъ крестьянъ *). Но и это ея отличіе количественнаго, а не качественнаго характера: новгородскія писцовыя книги показываютъ, что своеземцы были всюду, только чѣмъ ближе къ югу, къ центру, тѣмъ сильнѣе преобладалъ помѣстный и крупно-вотчинный характеръ землевладѣнія. Если же теперь обратиться прямо къ исторіи формъ поземельной организаціи, то, собственно говоря, даже не понадобится ставить и вопроса о томъ, составляла ли Двинская земля исключеніе. Писцовыя книги предупреждаютъ всякіе вопросы и сомнѣнія. Разсматривая писцовыя книги Двинской земли, рядомъ съ писцовыми книгами остальныхъ новгородскихъ областей, убѣждаешься съ очевидностью, что имѣешь дѣло съ однимъ и тѣмъ же строемъ

*) Въ первой части нашей работы мы возражали тѣмъ изъ нашихъ ученыхъ, которые полагаютъ, что своеземцы, или земцы, составляли какое-то особое сословіе съ военнымъ и замкнутымъ характеромъ и переносили свой особый характеръ даже на землю, которая стоитъ на какихъ-то особыхъ правахъ и не выходитъ изъ ихъ сословія. Ученые опирались на одинъ актъ въ новгородскихъ купчихъ („Юридическіе акты“, № 71, XXIII), собственно на одно выраженіе этого акта: „А буде Тируну не до земли и помимо земца не продати“. Мы дали выше свое толкованіе на это выраженіе. Послѣ того мы нашли въ нашемъ собраніи древнихъ актовъ несомнѣнное доказательство того, что „Тирунова земля“ есть простая крестьянская земля, стоящая въ волостной верви съ остальной крестьянскою землей, а не какая-нибудь особенная своеземческая, состоящая яко бы на особыхъ правахъ: нашъ актъ—того же самаго 15-го вѣка, а указаніе мѣста не позволяетъ сомнѣваться, что тутъ дѣло идетъ о той же землѣ, которая указывается въ напечатанныхъ актахъ.

поземельныхъ отношеній. Та же маленькая деревня съ однимъ, двумя или нѣсколькими дворами, составляющая очевидно центръ поземельной организаціи; та же волость или погостъ—территоріальный союзъ съ административнымъ характеромъ. Нигдѣ никакихъ указаній на поземельную общину современнаго типа. Такимъ образомъ всякое предположеніе о томъ, что на новгородскомъ сѣверѣ господствовала поземельная община, въ извѣстномъ намъ современномъ смыслѣ слова, было бы не только произвольнымъ, но и прямо идущимъ въ разрѣзъ несомнѣннымъ историческимъ свидѣтельствамъ, не допускающимъ двусмысленныхъ толкованій.

Мы говоримъ, что на сѣверѣ не было поземельной общины, т. е. не было ея внѣ деревни. Конечно, деревня въ одинъ дворъ не могла быть общиной, развѣ въ томъ условномъ смыслѣ, въ какомъ г. Краснoперовъ назвалъ Антошкиной общиной найденную имъ семейную коммуну; но и къ деревнѣ въ два-три родственныхъ двора, образовавшихся изъ разложенія одного двора, какова бы ни была организація поземельныхъ отношеній между этими дворами, тоже странно и дико, съ современной точки зрѣнія, было бы прилагать названіе поземельной общины. Конечно, всякій ученый и не ученый, кто говоритъ объ исконной русской поземельной общинѣ, очень далекъ отъ того, чтобы представлять ее въ подобномъ видѣ. На самомъ же дѣлѣ внѣ этой мизерной деревни искать общины негдѣ.

Но не то ли же самое мы видимъ, когда перейдемъ и за границы Новгородской области, въ настоящій районъ Московскаго центра? Писцовыя книги и тутъ показываютъ, что единицей поземельной организаціи тоже служитъ деревня: волости или другія большія территоріальныя единицы уже по тому одному не могутъ быть сочтены за формы поземельной организаціи, что все это было сплошь разбито между помѣщиками и крупными вотчинниками. Деревня же въ XVI вѣкѣ, внѣ Новгородскаго района, представляла такой видъ. Въ Пермскомъ краѣ деревня въ большинствѣ случаевъ тоже въ одинъ дворъ, въ Тверскомъ уѣздѣ, среднимъ числомъ, въ 3 двора, въ Суздальскомъ уѣздѣ—4½ двора, въ Дмитровскомъ уѣздѣ — 5½ дворовъ, въ Рязанскомъ — больше 10 *). Но при сопоставленіи этихъ цифръ не навязывается ли само собой предположеніе, что и эта деревня развилась пу-

*) *Соколовскій:* „Очеркъ исторіи сельской общины“, стр. 55; *Пискаревъ:* „Древнія грамоты и акты Рязанскаго края“.

темъ того же процесса, какимъ и деревня Новгородской области, т. е. путемъ разложенія двора, и только дальше успѣла уйти въ своемъ развитіи? Акты, которые и тутъ говорятъ о полу-деревнѣ, о трети, о жеребьи (т. е. $^1/_{16}$) и т. д., показываютъ, что и этой деревнѣ былъ свойственъ первоначальный долевой характеръ поземельной организаціи.

Не даетъ ли все это основаніе предполагать, что не извѣстная намъ поземельная община, а именно долевая деревня, которая развилась изъ разложившагося родового двора, была нѣкогда господствовавшимъ типомъ поземельной организаціи также и внѣ района Новгородской области? По крайней мѣрѣ гипотеза эта, какова бы она ни казалась на первый взглядъ, едва ли не болѣе всякихъ другихъ гипотезъ оправдывается историческими свидѣтельствами. Можетъ-быть большая разработка фактовъ, относящихся до центра, и опровергаетъ эту гипотезу; но для сѣвера едва ли что-нибудь можетъ быть измѣнено существенно. Кажется, уже пора если не сдать въ архивъ, то по крайней мѣрѣ подвергнуть тщательному историко-критическому анализу догматъ объ исконности и первобытности существующей формы поземельной общины. Въ самомъ дѣлѣ, какой смыслъ твердить объ этой исконности, когда на безчисленную массу фактовъ, безусловно отрицающихъ общину для болѣе ранняго періода, все трудолюбіе нашихъ ученыхъ могло открыть только два прямыхъ факта въ ея пользу—лишь отъ XVI-го и нѣсколько больше отъ XVII вѣка? Да и то часть этихъ фактовъ толкуется въ пользу общины по недоразумѣнію, а именно всѣ факты, гдѣ говорится о ровняніи, о ровности. Сѣверные акты показываютъ, что старинныя выраженія, повидимому, такія ясныя и несомнѣнныя, какъ «давно веревка для ровности не бывала» (то-есть не было верленія земли), «ровняться промежъ себя землями» — совсѣмъ не значитъ измѣрять землю для передѣла или вообще передѣливаться землей, а значитъ просто измѣрять землю для податного уравненія.

Современная община развилась изъ разложившейся долевой деревни, полагаемъ мы. Когда, подъ тяготѣніемъ какихъ условій?—По аналогіи съ сѣверомъ, надо думать, что разложеніе хрупкой организаціи деревни шло по мѣрѣ усиленія того внутренняго давленія, которое вытекало изъ размноженія населенія и увеличивающагося размѣра поселеній: размноженіе населенія и расширеніе поселеній влекло за собой ослабленіе родовыхъ тради-

цій и вмѣстѣ съ тѣмъ массу практическихъ неудобствъ, которыя мы въ своемъ мѣстѣ (когда разсматривали процессъ разложенія сѣверной деревни) подвергли подробному анализу. Но для того, чтобы разложившаяся деревня перешла въ общину, существеннымъ условіемъ была правовая оторванность земледѣльца отъ земли.

Высказывая это послѣднее предположеніе, мы очень далеки однако отъ мысли г. Чичерина, что общинная форма землевладѣнія была создана правительствомъ или помѣщиками. Не говоримъ уже объ апріорной несообразности этой мысли: противъ нея есть и несомнѣнныя историческія свидѣтельства. Вотъ одинъ изъ упомянутыхъ нами двухъ фактовъ отъ XVI вѣка, свидѣтельствующихъ объ общинѣ. По писцовой книгѣ Шелонской пятины 1500—1501 г., въ Ужинскомъ погостѣ, принадлежащемъ великому князю, 90 дворовъ рыболововъ высѣваютъ «въ сухія лѣта, коли вода мала, 27 коробовъ ржи, да они-жь пашутъ у погоста на полѣ на водопойнѣ на пазбѣ 90 участковъ полосами, а сѣютъ на тѣхъ участкахъ 90 коробовъ овса коли вода борзо сойдетъ; да у нихъ же 90 участковъ, кошенныхъ полосами же, а ставится на тѣхъ на всѣхъ участкахъ сѣна 2700 копенъ, на участокъ по 30 копенъ» *). Есть ли какія-нибудь основанія предполагать, что общинное владѣніе здѣсь завелось въ силу какого-нибудь внѣшняго давленія?—Ни малѣйшихъ; напротивъ, все, что извѣстно объ организаціи народнаго труда на сѣверѣ, заставляетъ предполагать, что мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ совершенно самобытнымъ. Фактъ, приведенный выше, чрезвычайно любопытный. Прежде всего бросается въ глаза его исключительный характеръ. Посреди мелкихъ земледѣльческихъ деревень въ одинъ—три двора, сплошь покрывающихъ собою всю громадную область новгородскихъ пятинъ, мы наталкиваемся время отъ времени на относительно бóльшія поселенія рыболововъ. Если теперь рыболовныя поселенія сѣвера сплошь переплетены разнообразными артельными организаціями, причемъ часто цѣлыя такія села, иногда очень большія, составляютъ сплошныя артели, то почти несомнѣнно, что каждое изъ рыболовныхъ поселеній новгородскихъ пятинъ также составляло между собой артельный союзъ. Вотъ одно изъ такихъ поселеній, ловя артельно рыбу, въ то же время пашетъ и коситъ на берегу, «коли вода

---

*) *Соколовскій*: „Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи“, стр. 82.

мала», «коли вода борзо сойдетъ», т. е. прилагаетъ тѣ же артельныя начала и къ способу владѣнія землей. Но тутъ мы наталкиваемся на ту сторону предмета, на которую мы до сихъ поръ еще не имѣли случая указать. Всѣмъ, что мы говорили о поземельной деревенской организаціи, мы ничуть не отрицали существованія въ болѣе отдаленныя эпохи другихъ болѣе широкихъ поземельныхъ и иныхъ соціальныхъ организацій, остатки которыхъ мы видимъ до сихъ поръ въ козачьихъ общинахъ, въ артеляхъ и братствахъ. Эти соціальныя организаціи могли вліять на зарожденіе и развитіе настоящей общины, примѣръ чего мы и видимъ въ только-что приведенномъ фактѣ. Но несомнѣнные историческіе факты показываютъ, что главное русло того процесса, которымъ шло развитіе нашей общины, не тутъ, а именно въ деревнѣ съ ея долевымъ владѣніемъ.

Намъ выше не разъ уже случалось указывать на то, что долевая деревня заключала въ себѣ въ зародышѣ обѣ позднѣйшія формы землевладѣнія, какъ участковую, такъ и общинную. Какъ развилось изъ разложившейся долевой деревни участковое землевладѣніе, видно на примѣрѣ сѣвера. Теперь является вопросъ: какъ могло развиться изъ него землевладѣніе общинное? Можно указать на слѣдующія стороны долевой деревенской организаціи, какъ на такія, изъ которыхъ могло вырости владѣніе общинное. Во-первыхъ, долевая деревня представляла собой одно поземельное цѣлое; во-вторыхъ, каждый дольщикъ былъ владѣльцемъ лишь идеальной доли этого поземельнаго цѣлаго, а не какого-либо опредѣленнаго земельнаго участка; въ-третьихъ, дольщики, при извѣстныхъ указанныхъ нами условіяхъ устраивали уравниваніе или передѣлъ своихъ земель. При наличности указанныхъ сторонъ, существовало только одно препятствіе для перехода долевой деревенской организаціи въ настоящую общинную: это—право собственности крестьянъ на ихъ землю. Пока крестьяне оставались собственниками своихъ долей, едва ли возможенъ былъ переходъ къ общинѣ, даже допуская существованіе всѣхъ остальныхъ благопріятствующихъ условій. Но разъ крестьяне были лишены права собственности, которое переходило въ постороннія руки,—переходъ отъ долевой организаціи къ общинной былъ вполнѣ естественнымъ. Долевая деревня сама собой обращалась въ общину современнаго типа. Указываемъ съ настойчивостью на то, что деревня обращалась въ общину именно сама собой: нѣтъ ни малѣйшей надобности предполагать участіе въ этомъ переходѣ

какого-либо посторонняго вліянія или вмѣшательства со стороны помѣщиковъ или государства,—въ виду равенства повинностей крестьяне непремѣнно должны были сами поровнять землю.

Мы говорили о томъ, что деревня крестьянъ-собственниковъ, лишенныхъ государствомъ своихъ правъ на землю, должна была превратиться въ общину. Но въ Московскомъ государствѣ была масса порядчиковъ (половниковъ), которые садились на владѣльческую землю по временному договору. Какъ же было у нихъ?— Сохранились историческія свидѣтельства, указывающія, что половники сначала садились на доли деревень, т. е. что долевая деревня существовала и на владѣльческихъ земляхъ: на такихъ доляхъ, конечно, сидѣли и половники писцовыхъ книгъ. Но при увеличеніи размѣра деревень скоро должны были сказаться неудобства такой организаціи владѣнія, и даже скорѣе, чѣмъ въ деревняхъ крестьянъ-собственниковъ, такъ какъ тутъ не было той сильной скрѣпы и поддержки, какую давала деревнѣ послѣднихъ кровная связь. Такимъ образомъ переходъ отъ долевой организаціи деревни къ общинной и въ деревняхъ крестьянъ-порядчиковъ являлся также естественно необходимой дальнѣйшею ступенью процесса. Первоначальный договоръ на извѣстную долю деревни долженъ былъ смѣниться договоромъ на равное участіе въ пользованіи землями и угодьями поселенія. По крайней мѣрѣ такой характеръ отношеній заставляетъ предполагать второй изъ двухъ, открытыхъ нашими учеными, фактовъ объ общинѣ отъ XVI вѣка: «А землями и луги и лѣсомъ верстатися крестьянамъ межъ себя самимъ поровну, а не черезъ землю, чтобъ въ крестьянѣхъ межъ себя спору и брани не было никоторыми дѣлы. А на пустые выти называть жилцовъ на льготу отъ отцовъ дѣтей, отъ дядь племянниковъ или кто небуди за волостной порядитца» *).

Мы очень далеки отъ мысли, что владѣльцы придумали общину и въ болѣе отдаленное время вводили ее насильно на своихъ земляхъ, какъ бы можно было, пожалуй, заключить и изъ только-что приведеннаго факта, еслибъ онъ стоялъ особнякомъ. Но все-таки едва ли можно отрицать, что позже владѣльцы принимали участіе въ ея поддержкѣ и распространеніи, такъ какъ общинная форма землевладѣнія вполнѣ совпадала съ ихъ выго-

---

*) *Бѣляевъ*: „О поземельномъ владѣніи въ Московскомъ государствѣ“ („Временникъ Московскаго Общества исторіи и древностей“, кн. II).

дами и удобствами. Напримѣръ, Забѣлинъ въ своей статьѣ: «Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ»—приводитъ распоряженіе владѣльца о передѣлѣ земель между крестьянами. Еще позднѣе правительство взяло на себя распространеніе общины.

Правительство, какъ мы видѣли, ввело общину не только въ Архангельской губ., но, вѣроятно, и на другихъ сѣверныхъ окраинахъ, гдѣ сохранились государственные крестьяне; оно же вводило ее и на южныхъ окраинахъ, какъ показываетъ хорошо извѣстный намъ примѣръ Харьковской губерніи.

Не рискуя попасть подъ упрекъ въ злоупотребленіи словомъ, можно сказать, что права собственности архангельскихъ крестьянъ на землю были ихъ исконными правами. Конечно, только часть этихъ правъ могла опереться на изстаринное владѣніе новгородскихъ земцевъ; остальная часть была позднѣйшаго происхожденія и болѣе смѣшаннаго въ юридическомъ смыслѣ характера. Но сила не въ происхожденіи и не въ характерѣ правъ, а въ томъ, что правительство, какъ московское, такъ и петербургское, всегда признавало ихъ за настоящія права собственности—и тогда, когда держалась долевая деревня, и тогда, когда владѣніе получило индивидуальный характеръ — и давало имъ свою санкцію. Акты отчужденія крестьянами своихъ земель всегда имѣли оффиціальное значеніе и позже обязательно закрѣплялись въ правительственныхъ учрежденіяхъ. Но правительство рѣшилось пройти къ утвержденію излюбленнаго имъ принципа по обломкамъ всѣхъ этихъ правъ и — прошло, хотя не безъ колебаній и временныхъ уклоненій. Насколько законными были всѣ эти права въ глазахъ самого правительства, видно изъ слѣдующаго: въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, гдѣ у владѣльца хватало энергіи провести свои права черезъ всѣ бури налетавшихъ время отъ времени законовъ и указовъ, правительство въ концѣ концовъ само вставало на защиту этихъ правъ. Намъ извѣстенъ одинъ такой случай*), но можетъ-быть ихъ можно найти по губерніи и еще два-три. Выше мы изло-

---

*) Ненокотскій посадскій человѣкъ Кологріевъ владѣлъ землей по купчей, явленной у крѣпостныхъ дѣлъ въ 1763 г. Въ 1852 г., при обмежеваніи земель посада, губернское правленіе признало этотъ документъ законнымъ. Такимъ образомъ его земля ускользнула отъ передѣла, тогда такъ земли всѣхъ остальныхъ старыхъ собственниковъ были передѣлены (изъ дѣлъ ненокотской ратуши).

жили тотъ процессъ, какимъ государство лишило крестьянъ права собственности на землю и перевело ихъ изъ подворно-участковаго владѣнія къ общинному. Аналогичный примѣръ мы знаемъ и на югѣ—по Харьковской губерніи.

Эта южная окраина Московскаго государства, такъ-называемая Слободская Украина, представлялась во многихъ отношеніяхъ не только не сходной, но и прямо противоположной той сѣверной его окраинѣ, которой посвящена наша работа. Но тутъ, какъ и тамъ, водворилось наслѣдственное землевладѣніе на правахъ собственности (такъ-называемое малорусское старозаимочное, по царскимъ грамотамъ козакамъ, и великорусское четвертное, по царскимъ же грамотамъ служилымъ людямъ). И здѣсь первый ударъ личному землевладѣнію нанесенъ былъ при императрицѣ Екатеринѣ II межевыми инструкціями. Но оно все-таки держалось, пока въ 1814 г. харьковскій генералъ-губернаторъ не предложилъ казенной палатѣ «въ видахъ бездоимочнаго взноса податей и чтобы дать средства къ пропитанію» «во всѣхъ казенныхъ селеніяхъ (бывшихъ козачьихъ) всѣ имѣющіяся и обмежеванныя къ онымъ земли раздѣлить между поселянами уравнительно по числу душъ..., чтобъ казенные поселяне никакъ не смѣли ни продавать своихъ участковъ, ни закладывать, ниже какимъ бы то ни было образомъ переводить въ постороннія руки». Однако еще въ 1829 г. командированный сенаторъ, осмотрѣвъ лично многія волости губерніи, нашелъ «весьма неуравнительное владѣніе землями, причемъ одни крестьяне имѣютъ оной весьма много, тогда какъ у другихъ вовсе таковой нѣтъ, причемъ допускается уступка земель постороннимъ лицамъ». Сенаторъ настойчиво предлагалъ, чтобы казенная палата, «по случаю наступающаго весенняго времени, поспѣшила бы предписать всѣмъ волостнымъ правленіямъ, чтобы произвели между собой уравненіе землями». Тогда казенная палата сдѣлала необходимое предписаніе, «чтобъ всюду земли были подѣлены по числу ревизскихъ душъ, посколько на каждую уравнительно причитаться будетъ» *). Такія распоряженія повторялись до тѣхъ поръ, пока уравнительное владѣніе не водворилось наконецъ почти повсемѣстно. Однимъ словомъ, повторилась та же исторія, которую мы детально разсматривали на сѣверѣ. Такимъ образомъ общинное владѣніе у государственныхъ крестьянъ Харьковской губ. есть

*) Свѣдѣнія эти заимствованы нами изъ интересной статьи г. Шиманова „Кіевская старина“ (кн. XI и XII журн. *Кіевская Старина*).

также продуктъ позднѣйшаго образованія и административныхъ распоряженій. Не вправѣ ли мы связывать съ этимъ обстоятельствомъ той неутѣшительной картины, какую представляетъ современная община этой мѣстности? Вотъ главнѣйшія черты этой картины, какой она представляется по свѣдѣніямъ мѣстнаго земства: частые передѣлы не позволяютъ удобрять землю; запасныхъ участковъ для новыхъ членовъ нѣтъ; непривычные къ передѣламъ и вообще къ измѣренію земли, крестьяне не могутъ контролировать дѣлильщиковъ, которые, изъ корыстныхъ видовъ, допускаютъ злоупотребленія, обдѣляя неимущихъ и прирѣзывая земли состоятельнымъ; волостное начальство и горланы захватываютъ участки убылыхъ душъ и не выпускаютъ ихъ изъ своихъ рукъ *). Всѣ эти и подобныя явленія едва ли возможны тамъ, гдѣ община имѣетъ за собой исторію.

Трудно не признавать и не цѣнить всей той массы преимуществъ, какія имѣетъ общинная форма землевладѣнія передъ индивидуальной. Но въ то же время можно думать, что все громадное значеніе этихъ преимуществъ съ трудомъ окупаетъ тотъ вредъ, какой проистекаетъ отъ насилій надъ жизнью,—насилій, являющихся не результатомъ коллизіи, иногда неизбѣжной, внутреннихъ силъ соціальнаго организма, а результатомъ извнѣ идущаго произвольнаго усмотрѣнія. Форма землевладѣнія есть такая сторона народной жизни, которую нельзя затрогивать, не касаясь самыхъ интимныхъ глубинъ народной души, самой сути ея правовыхъ и нравственныхъ идей. «Старая правда» рушится подъ ударами насилія; а гдѣ возьмутся тѣ зиждительныя силы, которыя создадутъ «новую правду», если это насиліе есть дѣйствительно грубое внѣшнее насиліе, камнемъ врывающееся въ органическій процессъ жизни? Глубокое потрясеніе основъ, выражающееся пониженіемъ въ народѣ уровня права и нравственности, неизбѣжно.

Но если это справедливо даже въ томъ случаѣ, когда произвольное усмотрѣніе ставитъ цѣлью ввести въ жизнь такую форму, какъ община,—форму, съ одной стороны имѣющую корни въ прошломъ, а съ другой стороны представляющую несомнѣнныя преимущества для настоящаго и будущаго,—то насколько справедливѣе все сказанное въ томъ случаѣ, когда оно не имѣетъ за собой всѣхъ этихъ смягчающихъ условій?

*) „Отчеты и доклады харьковской уѣздной земской управы очередному уѣздному земскому собранію 25 мая 1882 г.", стр. 68—70.

А между тѣмъ что же мы видимъ?—Передъ нами та же злосчастная Архангельская губернія, которой почему-то удалось сдѣлаться ареной безконечныхъ административныхъ мѣропріятій. Каждые два-три, много пять лѣтъ тамъ происходитъ смѣна администраторовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ административныхъ принциповъ. Замѣчательно, что мѣстная администрація никогда не обходится безъ принциповъ, обязательно затрогивающихъ именно тѣ коренныя стороны народной жизни, которыя должны бы были быть, повидимому, наиболѣе оберегаемы отъ колебаній. Наприм., въ послѣдніе десятокъ-полтора лѣтъ можно было наблюдать переходъ отъ заботъ о водвореніи общественной разработки земли до заботъ о водвореніи наслѣдственнаго землевладѣнія включительно. Въ 1869 году губернаторъ Качаловъ разсылалъ циркуляры, въ которыхъ предлагалъ крестьянамъ дѣлать обществами росчисти лѣсовъ, заводить общественныя орудія и т. п. Послѣдніе же годы представляютъ цѣлый рядъ мѣръ, клонящихся къ насажденію участковаго землевладѣнія. Совершенно ясный и давній законъ о лѣсныхъ росчистяхъ (именно указъ 15 декабря 1820 г.), предоставляющій эти росчисти въ сорокалѣтнее пользованіе расчистившаго ихъ крестьянина съ тѣмъ, чтобы потомъ онѣ поступали въ общество, начинаетъ толковаться такъ, что росчисти эти должны оставаться въ полную, наслѣдственную собственность владѣльца: такимъ образомъ земли, уже отошедшія къ общинамъ, снова возвращаются въ частное владѣніе. Право расчистокъ распространяется и на лицъ не крестьянскаго сословія, причемъ размѣры участковъ, вмѣсто крестьянскихъ 15 десятинъ, расширяются до 200 десятинъ на душу и т. д. *). Все это очевидныя стремленія къ водворенію снова того строя, съ которымъ правительство такъ энергически боролось всего какихъ-нибудь 50—100 лѣтъ тому назадъ. Неужели въ теченіе одного вѣка не достаточно одного такого грандіознаго эксперимента in anima vili и нужно снова бередить организмъ, въ которомъ только-что успѣлъ привиться ростокъ новой формы?

Ни для кого не тайна, что архангельская администрація въ своемъ сочувствіи къ участковому землевладѣнію не составляетъ какой-нибудь аномаліи въ общемъ теченіи административной жизни. И въ центральныхъ административныхъ сферахъ не разъ проявлялось желаніе содѣйствовать смѣнѣ общиннаго владѣнія

---

*) *Русскій Курьеръ* 1882 г., № 204; *Недѣля* 1882 г., №№ 29 и 30.

участковымъ. Такъ, наприм., когда составлялись владѣнныя записи въ малорусскихъ губерніяхъ, въ концѣ семидесятыхъ годовъ, былъ негласный циркуляръ тогдашняго министра государственныхъ имуществъ, гр. Валуева, предписывавшій склонять государственныхъ крестьянъ-общинниковъ къ участковому владѣнію,—циркуляръ, вслѣдствіе котораго, дѣйствительно, крестьяне кое-гдѣ оставили общину. Конечно, это не единичный случай подобнаго вмѣшательства. Вотъ и теперь, когда по поводу переселеній разсылаются запросы губернаторамъ, въ числѣ вопросныхъ пунктовъ есть и вопросъ о лучшей формѣ землевладѣнія, которую слѣдуетъ предписать переселенцамъ.

Колебанія правительства въ сторону новаго радикальнаго вмѣшательства въ жизнь народа, въ организацію его землевладѣнія, находятъ себѣ много сторонниковъ и въ обществѣ. Въ средѣ нашихъ земствъ, часто очень благожелательно относящихся къ народу, то и дѣло раздаются голоса, взывающіе къ такому вмѣшательству и къ разрушенію общины. Нельзя не назвать этихъ стремленій, если даже они вытекаютъ и изъ совершенно чистаго источника, пагубно легкомысленными. Вѣдь такъ не трудно понять, какой смутой въ умахъ, какимъ расшатываніемъ правовыхъ представленій сопровождается такое вмѣшательство, если только допустить, что народная жизнь не есть пустота, которую можно по произволу наполнять какимъ угодно содержаніемъ. Только одной высшей, абсолютной правдой,—той правдой, которая олицетворялась въ крестьянской реформѣ,—можетъ быть оправдано подобное вмѣшательство. Тамъ же, гдѣ руководящимъ стимуломъ вмѣшательства является не такая высшая правда, а произвольное усмотрѣніе,—мнѣніе, какими бы аттрибутами вѣскости оно ни казалось окруженнымъ въ данную минуту,—касаться во имя его основъ народной жизни значитъ совершать нѣчто такое, за что исторія не замедлитъ потребовать расплаты.

А. Ефименко.

„ДОШУТИЛАСЬ“.

(повѣсть.)

IX *).

Въ концертъ Марья Алексѣевна явилась, когда уже вся зала была полна. Котикова съ мужемъ ждали ее и закивали ей. Мефистофель-демонъ (странное сочетаніе, могущее имѣть мѣсто лишь въ головкѣ Марьи Алексѣевы) осклабился тоже, увидя ее. Она сразу ему понравилась, какъ никто, и онъ мечталъ уже объ интрижкѣ. Его уродливый носъ, висѣвшій надо ртомъ и двигавшійся, точно на пружинѣ, при каждомъ словѣ, а при улыбкѣ кривившійся на бокъ, не внушалъ ему серьезныхъ опасеній. Онъ считалъ себя молодцомъ-мужчиною, способнымъ заполонить всѣ женскія сердца.

Концертъ начался. Пѣлъ Б. съ капеллою русскую, грустную пѣсню. Его разбитый уже, но мягкій, задушевный голосъ, которымъ онъ владѣлъ мастерски, растрогалъ молодую женщину. Она опустила голову и перебирала вѣеръ, въ душѣ подпѣвая мотиву. Но, почувствовавъ себя неловко, она инстинктивно подняла глаза и встрѣтилась съ глазами мужа. Онъ стоялъ въ дверяхъ гостиной, среди другихъ слушателей, выплывшихъ изъ игорной, и впился въ нее глазами, точно собирался заглянуть въ ея душу. Его щеки казались осунувшимися, глаза впалыми. Ей стало жутко, но она пересилила себя и, перегнувшись черезъ Котикову къ Мефистофелю-демону, заговорила съ нимъ кокетливо. Но вскорѣ, пошептавшись съ Котиковою, помѣнялась съ нею мѣстами и, склонивъ близко головку къ сосѣду, улыбаясь, стала слушать его нашептыванья. Но она ничего

*) *Русская Мысль*, кн. VII.

не слыхала: шумъ въ ушахъ и біеніе сердца мѣшали ей слышать и его слова, и слова пѣсни; звуки сами—и тѣ, сливаясь, болѣзненно отдавались въ ея душѣ. Она думала о томъ, прервать ли испытаніе, или продолжать.

Василій Николаевичъ чувствовалъ себя все хуже и хуже. Онъ боялся дурноты, обморока или удара. Кровь шумѣла у него въ ушахъ, приливала горячимъ потокомъ къ головѣ, затемняла глаза, заливала мозгъ, лишая его способности соображать, взвѣшивать.

«Нашла кѣмъ увлечься... Боже мой, да неужели я хуже этой рожи? Впрочемъ, чувство не разбираетъ,—это своего рода сумашествіе, болѣзнь. Можетъ-быть просто тянетъ страсть,—ну, онъ и кажется ей красавцемъ... Я не по ней, говоритъ она давно. Чѣмъ я лучше, что смѣю требовать ея любви? Не лучше, но мужъ, потому и имѣю право на нее, связанъ съ нею узами долга, клятвою... Ха-ха-ха! Точно онѣ понимаютъ значеніе, великую тайну обряда,—думалось ему.—Имъ платье подвѣнечное, бѣлые башмаки—вотъ для нихъ смыслъ вѣнчанья».

Когда первое отдѣленіе кончилось и она пошла съ уродомъ подъ руку по залѣ, нарочно проходя мимо мужа, онъ не выдержалъ и позвалъ ее, назвавъ «Марьей Алексѣевной».

Она извинилась и отошла къ нему въ уголъ.

— Поѣдемте,—промолвилъ онъ.

— Поѣзжайте, а я остаюсь. Я васъ не держу.

Она хотѣла отойти, но онъ схватилъ ее за руку, забывъ, что ихъ видятъ всѣ.

— Вы поѣдете,—я вамъ приказываю!

Ея пальцы хрустнули, она чуть не крикнула отъ боли, но любезно улыбалась, кланяясь кому-то.

— Оставьте меня,—вамъ до меня не должно быть дѣла. Я свободна, и вы свободны; я васъ не стѣсняю, не мѣшаю,—не мѣшайте и вы мнѣ,—съ улыбкою шептала она, будто любовно.

— Я вашъ мужъ,—я имѣю право... Вы поѣдете сейчасъ,—прошипѣлъ онъ, не сознавая сказаннаго.

— Вы забыли ваше благоразуміе,—на насъ глядятъ.

Она высвободила руку изъ его разомъ ослабѣвшихъ пальцевъ и отошла къ своему демону съ индюшечьимъ носомъ.

«Ни за что не уѣдетъ,—рѣшила она.—Именно теперь ни за что».

Всю вторую перемѣну она не спускала глазъ съ двери, но мужъ не показывался.

«Слѣдитъ откуда-нибудь,—подумала она и еще больше стала заигрывать съ индюкомъ и хохотать до того громко, что Котикова остановила ее:

— Да будетъ вамъ бѣсноваться!

«Спится мнѣ младешенькѣ...»—пѣлъ пѣвецъ жалостливо, разставивъ руки и потрясая пюп въ тактъ.

Марья Алексѣевна взглянула на его чисто-русскій овалъ лица, распущенные по плечамъ русые кудри, плохо гармонировавшіе съ бархатнымъ костюмомъ и бриллiантовыми перстнями поверхъ перчатокъ, и вдругъ сдѣлала открытіе, поразившее ее. Пѣвецъ былъ похожъ на мужа. То же красивое лицо съ окладистою бородой, ростъ, сложеніе,—то же выраженіе самодовольства и увѣренности. Та разница только, что этотъ—блондинъ, а тотъ—брюнетъ. «А совсѣмъ бояринъ русскій, только кафтана не хватаетъ».

«Милый другъ по сѣничкамъ похаживаетъ, — выводилъ пѣвецъ.—Спи, спи, моя милая...»—закрывалъ онъ глаза, спуская голось до самыхъ тихихъ нотъ.

«Ахъ, и мой Вася такъ говоритъ мнѣ, голубчикъ, миленькій!»—думала Марья Алексѣевна, умиляясь на воображаемую въ углу фигуру мужа.

«Загонена, забранена, рано выдадена...»—подхватилъ хоръ и замиралъ, постепенно растягивая послѣднія слова.

Громъ рукоплесканій отвѣтилъ ему. Затопали, застучали стульями.

Марья Алексѣевна успокоилась. Чувствовалась потребность примиренья, душевнаго согласія, тишины. Разумъ яснѣлъ все болѣе и болѣе, колебанія насчетъ примиренья овладѣвали ею все сильнѣе.

Пѣвецъ удалился въ отведенную ему комнату выпить воды.

Красавецъ-органистъ кокетничалъ и игралъ чудными глазами на дамъ перваго ряда, переговариваясь съ басомъ и рисуясь профилемъ и зубами.

— Что онъ гримасничаетъ? Противно! — громко вымолвила Марья Алексѣевна.

Котикова дернула ее за платье.

— Что вы кричите?

— А пусть слышитъ. Онъ—дуракъ, ничего больше.

Красавецъ плавно поворачивалъ голову, скользя бархатнымъ взглядомъ по ножкамъ дамъ перваго ряда, въ томъ числѣ и Марьи Алексѣевны. Она спрятала ноги.

— Ахъ, онъ такъ хорошъ, что ему простительно,—пропѣла Котикова, глядя на него въ лорнетъ, и выставила ноги.

Красавецъ благодарно повелъ на нее глазами и нагнулся надъ нотами, щеголяя волнистою гривой.

— Я положительно въ него влюблюсь, — тянула Котикова, лукаво скосившись на своего мужа, вытиравшаго лобъ платкомъ. Онъ былъ красенъ, какъ его шелковый платокъ.

Марья Алексѣевна презрительно окинула ее глазами.

«Жалкая, пустая, глупая!... Тоже хочетъ мужа заставить ревновать. А она-то сама лучше?»

Появился пѣвецъ. Захлопали. Бойкій мальчикъ въ перчаткахъ, съ серебряною цѣпочкой на бархатной курткѣ, подалъ ему палочку. Роздалась прелюдія. Публика задвигалась, заволновалась; пронесся шепотъ...

— Ахъ, мое любимое, слушайте! Съ ума сойдете,—шепнула Козочкиной Котикова.

Марья Алексѣевна отставила губку и поморщилась.

«Поскорѣй бы кончалось».

Хоръ какъ-то дрогнулъ и замеръ, уставившись на пѣвца. Б. строго, съ достоинствомъ, повелъ глазами направо, налѣво, взглянулъ на публику. Котикова встряхнулась и задвигалась безпокойно. Многіе переглянулись и воззрились въ пѣвца съ улыбкою пріятнаго ожиданія.

X.

— «А изъ рощи, рощи темной...»—съ аккомпанпментомъ органа и капеллы пѣлъ Б. Аккорды звучно разносились по залѣ; резонансъ былъ чудесный. На улицѣ, подъ окнами, толпились мѣщане, солдаты, кухарки; извощики—и тѣ слушали, поднявъ кверху замороженныя лица и тихо шлепая руковицами.

«Не течетъ рѣка обратно...» — грустно-страстно, отчетливо звучало по комнатамъ.

Прислуга, поваръ въ бѣломъ колпакѣ и фартукѣ, ихъ жены— всѣ собралось слушать эту любимую пѣсню. Марья Алексѣевна, недовѣрчиво отнесшаяся къ словамъ Котиковой и начавшая слушать съ пренебреженіемъ и зѣвотою, затаила дыханіе. Она вспоминала, какъ мужъ говорилъ съ кѣмъ-то объ этой пѣснѣ и выразился такъ, что «эту глупую пѣсню пѣть только прачкамъ подъ стать, сидя у воротъ, щелкая сѣмечки въ сумеркахъ и и ожидая любезнаго съ гармоникою».

«Ну, да, конечно, отъ него и ждать другого нечего. Онъ и романовъ никогда не читаетъ, и не любитъ, когда она что-нибудь чувствительное играетъ, вродѣ: «La prière d'une vierge». Ему все Бетховена подавай, да серьезныя статьи, вродѣ: «Наука и женщина». Онъ и ее хотѣлъ пріучить читать серьезныя вещи— Дреппера, Дарвина, Бокля, Милля; но она отдѣлалась. Очень ей нужно знать, какъ тамъ другіе смотрятъ на все! У нея свой взглядъ. Авторъ книги: «Наука и женщины»—женщина и городитъ такую чушь, что кухня, мытье, машина скоро затрутся скелетами, черепами, трупами, научными изслѣдованіями, разными должностями... Вздоръ! Это значитъ и любить нужно перестать, потому что любовь присуща, главнымъ образомъ, женщинѣ, неразрывна съ нею. Это ея жизнь, душа, все... Пусть кто хочетъ наряжается въ панталоны и идетъ рѣзать людей, копаться въ ихъ кишкахъ (ее повело), а она всегда останется вѣрна себѣ. Вася это называетъ отсталостью... Пусть. Еще успѣетъ и начитаться, и впередъ уйти, а пока для нея одно нужно: любовь и ласка. Да и онъ-то самъ: «Дума, городъ, отвѣтственность, представитель, вліяніе»—вѣдь все это слова. А попробуй я серьезно охладѣть къ нему,—поглядѣла бы. Теперь-то и то ужь...»

«А изъ рощи, рощи...»—въ третій разъ, тихо, медленно, съ выраженіемъ серьезной строгости и вмѣстѣ таинственности, радостнаго забытья, неслось по залѣ.

Марья Алексѣевна точно на парусахъ плыла вслѣдъ за этими звуками. На душѣ ея совсѣмъ просвѣтлѣло, улеглось. Колебанія исчезли, сгладились, замѣнились твердою рѣшимостью. Внутри ея стало вдругъ тепло, тепло, словно туда проникли весенніе солнечные лучи. Воображеніе рисовало ей природу: птички щебечутъ въ зелени, соловей, лѣсъ, солнце, небо безпредѣльное, необозримыя пространства полей и луговъ... Весело, живо... И она съ Васею въ лодкѣ, поетъ: «А изъ рощи, рощи темной». Онъ слушаетъ, соглашается, что глубокій смыслъ скрытъ въ этой пѣснѣ, и гладитъ ее по головкѣ, называя ее «свѣтлою умницей». Щекамъ ея дѣлалось жарко, глаза неестественно щурились, мигали. Она забылась до того, что чуть не сложила на груди руки и не подняла глаза къ потолку.

Не успѣло это отдѣленіе окончиться, какъ она полетѣла въ игорную. «Гдѣ онъ?—Нѣтъ». Она въ буфетъ, въ столовую,— нигдѣ нѣтъ.

«Играетъ вѣрно на билліардѣ внизу».

— Вы кого ищете, мужа?... Ушелъ давно,—раздалось около нея.

Мировой, шутъ гороховый!

— Что вы сдѣлали съ нимъ? Онъ на себя не похожъ. Охъ, барыня, берегите его,—грѣхъ будетъ.

Ея сердце ёкнуло.

«Ушелъ, ушелъ... Поставилъ-таки на своемъ».

У нея ноздри заходили, поднялись.

«Хоть бы предупредилъ,—такая небрежность! Тѣмъ лучше,—есть къ чему придраться. Чего ей жалѣть его, когда онъ ее не жалѣетъ! А она, дура, расчувствовалась. Никогда больше не поддастся глупому сердцу; надо слушаться холоднаго разсудка».

Она вернулась въ залу. Тамъ двигали стульями, слышался смѣхъ, шутки, споръ. Ей противна стала суета, никому ненужная возня. Куда спѣшатъ, чему радуются? Все—мишура, фальшь, напускное. «Жить спѣшатъ».

Она злобно оглянулась на стоявшую рядомъ пару.

«Отъ нечего дѣлать... Ахъ, какъ всѣ они противны!»

У нея начинала дрожать грудь. Чудовъ ей сдѣлался отвратителенъ. Она готова была обругать его. «Все изъ - за него!» Она прикрыла ухо вѣеромъ, чтобы не слышать говора, смѣха окружающихъ, шарканья ногъ по полу, шуршанья шлейфовъ. «О, какъ она ненавидѣла все и всѣхъ!»

Третье отдѣленіе она просидѣла какъ во снѣ, не понимая ничего. Въ ушахъ бились слова: «ушелъ, ушелъ»; въ головѣ былъ хаосъ.

«А если онъ спитъ, забылъ думать о ней, дѣла до нея нѣтъ?»

Она поминутно открывала часы; руки и ноги у нея холодѣли, въ вискахъ бились жилы. Музыкантъ-красавецъ казался ей уродомъ; взглядъ мальчика, стоявшаго ближе всѣхъ къ ней, крошечнаго, худенькаго, блѣдненькаго, завитого, который возбуждалъ въ ней прежде жалость, теперь злилъ ее. Она насилу досидѣла до конца. Котикова пригласила ее ужинать, и она съ радостью согласилась.

XI.

Козочкинъ все время проходилъ по кабинету, то схватываясь за голову, то прикладывая руку къ сердцу, какъ-то странно замиравшему, такъ что по временамъ его совсѣмъ не слышно

было. Жена его разлюбила, обманываетъ, для него не оставалось сомнѣнія. Онъ наблюдалъ ее нарочно, и убѣдился въ этомъ. Онъ—жалкій, несчастный человѣкъ; ему немыслима жизнь безъ нея. Сегодня,—нѣтъ, сегодня онъ не владѣетъ собою, а завтра онъ объяснится, и если... Въ первый разъ за два года въ немъ шевельнулось сожалѣніе и раскаяніе въ женитьбѣ, въ невозможности вернуть прошлое, поправить ошибку. «Да, это была ужасная ошибка. Онъ думалъ, что знаетъ ее, считая только избалованною, наивной дѣвушкою. Онъ не зналъ, что она—пустая, легкомысленная женщина, безъ принциповъ, воли, разсудка и сердца. Не чувство въ ней, а распущенность, разнузданность страстей. Много было дѣвушекъ, а ни одну онъ не выбралъ. Всѣ онѣ хорошія матери, жены, подруги мужьямъ, а эта только и думаетъ быть ему любовницею. Да, вотъ слово!... И вмѣстѣ съ тѣмъ, со всѣми этими порочными наклонностями, недостатками, онъ любитъ ее и разлюбить, забыть не сможетъ. Любитъ еще сильнѣе въ эти мучительные дни. Разойтись, дать ей свободу?...» Онъ хрустнулъ пальцами. Глаза его, потемнѣвъ, безъ блеска, остановились на одной точкѣ.

«Захочетъ уйти, и такъ уйдетъ, если полюбитъ не шутя. Для такихъ нѣтъ ни долга, ни чести, нѣтъ обязанностей и понятія о нихъ; не нужно для нея и развода. Замужъ если захочетъ выйти второй разъ, — не легче будетъ отъ того, что онъ ее свяжетъ, не давъ развода... настоящаго: она возненавидитъ его, оставитъ память дурную,—разбираетъ она развѣ, что я человѣкъ, не скотъ, не собака, по-человѣчески чувствую и живу? Ей люди не нужны,—ей нужна фантазія; она живетъ фантазіей, а не дѣйствительностью! Ну, и пусть... Чего бы ни стоило, все отдастъ, развяжетъ ей руки на всѣ четыре стороны. А онъ-то самъ что же?... Онъ?—Ну, онъ смотрѣть будетъ на нихъ и любоваться, радоваться... Женится опять?—Нѣтъ. Одна ошибка служитъ урокомъ на всю жизнь. Она все взяла отъ него, унесла съ собой—и душу его, и сердце, кровь, помыслы... Ничего не осталось!... Одинъ умъ,—сухой, холодный умъ. Да, онъ—эгоистъ, и самонадѣянный эгоистъ; но вѣдь онъ любитъ ее больше себя, больше жизни. И все-таки какъ же отказаться отъ нея, какъ жить? Гдѣ взять для этого силы?»

Онъ сѣлъ, уронилъ на столъ голову и остался недвижимъ. Онъ никогда не плакалъ. Но тутъ слезы прорвались наружу и катились по лицу, бородѣ, смачивая тонкое полотно рубашки.

Онъ—сильный, крѣпкій мущина—плакалъ, какъ дитя, безсильно всхлипывая и глатая соленыя слезы. Это были первыя и послѣднія слезы, слезы прощанья съ нею, отрѣшенья отъ нея, отъ прошлаго, счастливаго, чѣмъ жилъ, дышалъ, мыслилъ... Это было прощанье съ жизнью, со всѣмъ, что дорого, свято, во что вѣрилъ, во имя чего трудился.

XII.

Часы равнодушно тюкали; свѣчка, не шевеля пламенемъ, отбрасывала отблескъ на полъ, оставляя въ полумракѣ углы и его склоненную надъ столомъ здоровую, плечистую фигуру; сверчокъ смѣло трещалъ въ щели у двери, одинъ, въ отвѣтъ часамъ, нарушая тишину спавшаго дома. Изъ-за притворенной двери доносился храпъ и сопѣнье сладко спавшей горничной.

Василій Николаевичъ поднялся. Лицо его было мокро, но глаза сухи, тверды, непреклонны. Онъ ровнымъ, быстрымъ шагомъ подошелъ къ двери, заперся и, вынувъ листъ почтовой бумаги, сталъ писать своимъ красивымъ, крупнымъ, отчетливо-твердымъ почеркомъ, не останавливаясь, не подбирая словъ. Потомъ вложилъ листъ въ конвертъ, написалъ адресъ, отложилъ письмо въ сторону, выдвинулъ ящикъ. Движенья его были спокойны, лицо холодное, застывшее. Онъ взялъ револьверъ, оглядѣлъ зарядъ. «Завтра онъ узнаетъ, объяснится и... Уѣхать, похоронить себя?... Бросить все—службу, пользу?... Онъ—честный, онъ стоитъ высоко, на него надѣются, отъ него ждутъ многаго. Начать и не кончить, изъ малодушія не довести мечту до осуществленія... «Мечту»... Одна была мечта, и нѣтъ ея,—разбита въ прахъ, и осколковъ не осталось,—не жаль... Ни на что онъ не годенъ теперь. Пуля—вотъ исходъ самый вѣрный, благодарный... Успокоить и ее, и себя однимъ ударомъ».

Онъ поднялъ руку, но вдругъ встрепенулся,—ему почудился звонокъ... «Не приливъ крови,—нѣтъ».

Онъ мгновенно спряталъ револьверъ, накинулъ шубу, схватилъ шапку и, безъ калошъ, кинулся по лѣстницѣ на дворъ.

Звонокъ повторился. Кучеръ было выскочилъ, но онъ ему сказалъ, что самъ отворитъ. У калитки звучали голоса... мужской голосъ. У Василья Николаевича зашумѣло въ ушахъ. Онъ взялся за палку, придерживавшую калитку. Ему пришла мысль размозжить голову своему сопернику. «Засудятъ, сошлютъ, тамъ

медленная смерть въ кандалахъ... А если оправдаютъ, все едино—одинъ смыслъ, одинъ конецъ».

Эти несвоевременныя мысли, какъ вихрь, крутились у него въ мозгу, пока онъ похолодѣвшими руками отодвигалъ запоръ.

Марья Алексѣевна, блѣднѣе обыкновеннаго при голубомъ свѣтѣ мѣсяца, выплывшаго изъ-за застилавшей его тучки, въ бѣломъ платкѣ, откинутомъ со лба, съ чуть колеблющимися завитушками, стояла лицомъ къ Чудову, провожавшему ее. Мефистофель-демонъ, низко наклонясь надъ нею и держась обѣими руками за борты шубы, горячо говорилъ что-то. У Василья Николаевича подкосились ноги отъ этихъ словъ. Но жена не слышала изліяній индюка. Она даже не могла на него сердиться,—до того ея дума и помыслы были полны другимъ. Она взглядывала вверхъ на окна, думая тамъ увидѣть свѣтъ, признакъ того, что мужъ ее ждетъ, но все было темно въ окнахъ, и домъ казался погруженнымъ въ спокойный сонъ.

— Ни одна женщина не производила на меня такого впечатлѣнія,—шипѣлъ индюкъ, поводя кончикомъ носа.—Я вамъ клянусь—на край вселенной убѣгу, если прикажете. Завтра вы будете на вечерѣ? Пріѣзжайте, ради Бога, я вамъ долженъ передать важное... Жизнь и смерть будетъ зависѣть отъ этого.

Марьѣ Алексѣевнѣ было ужасно смѣшно отъ этихъ напыщенныхъ признаній.

«Что еслибъ онъ сталъ еще на колѣни и Вася увидѣлъ!—подумала она.—Вотъ былъ бы эффектъ. Ужь тогда головой бы ручалась за драму».

Калитка съ шумомъ отворилась и передъ ними предсталъ Василій Николаевичъ, блѣдный, съ надвитою на глаза шапкой, съ трясущейся челюстью и распахнутою шубой на груди. Ноздри его были какъ-то втянуты внутрь. Онъ, казалось, не дышалъ и вотъ-вотъ кинется на нихъ. Ей даже показался въ рукавѣ шубы, въ сжатой рукѣ, револьверъ. Въ первую минуту она испугалась, но потомъ, совладѣвъ съ собой, юркнула въ калитку, шепнувъ уроду:

— Merci, à demain donc.

Мужъ и соперникъ стояли лицомъ къ лицу. Василій Николаевичъ чуть не кинулся душить этого наглеца. Чудовъ насмѣшливо приподнялъ шляпу-цилиндръ и откланялся съ ехидною улыбкой. Василій Николаевичъ обезумѣлъ отъ этой улыбки. Онъ, какъ звѣрь, кинулся на Чудова, схватилъ его за шиворотъ шу-

бы. «Храбрый любовникъ» ужаснулся виду «ревниваго мужа»,— онъ думалъ, что ему тутъ «капутъ» на мѣстѣ, и заоралъ благимъ матомъ:

— Сторожъ!

На углу улицы показался мужикъ въ овчинномъ тулупѣ, закутанный башлыкомъ. Брякнула колотушка разъ, другой и—пошла писать трещотка, разнося успокоивающіе свои звуки по городу и водворяя тишину и порядокъ.

Василій Николаевичъ опомнился, ужаснулся своего поступка и вдругъ этотъ ужасъ заставилъ его сдѣлать новый ужасъ: онъ толкнулъ соперника своего мощною рукой, и тщедушный, безсильный, изжившійся, бойкій на словахъ и храбрый лишь въ дѣлахъ любви, Донъ-Жуанъ полетѣлъ носомъ въ снѣгъ и уперся въ него руками въ элегантныхъ шведскихъ перчаткахъ отъ Бонне. Ни слова, ни звука не было сказано между ними, но они поняли другъ друга безъ этого и оцѣнили по достоинству одинъ другого.

Храбрецъ вскочилъ на ноги и, опасаясь новаго нападенія отъ стоявшаго неподвижно «атлета» (какъ онъ обозвалъ Василья Николаевича), подобралъ полы шубы и зашагалъ, чуть не забывъ поднять цилиндръ, откатившійся далеко подъ горку.

«Sacrebleu! Однако, это опасная штучка,—тутъ и обжечься легко,— разсуждалъ онъ, стаскивая никуда негодныя, мокрыя перчатки. — Хорошо, что никого не было... Придется поскорѣй уѣхать изъ этого нецивилизованнаго городишки, гдѣ не умѣютъ уважать чувства достоинства постороннихъ людей».

Василій Николаевичъ, не шевелясь, глядѣлъ ему вслѣдъ. Онъ былъ радъ этой минутной вспышкѣ. «Если узнаютъ,—разскажутъ... Пусть, — думалъ онъ, — ему все равно: онъ исчезнетъ съ лица земли и не услышитъ, какъ будутъ трепать его имя грубые, ничего непонимающіе, люди. А она... она скоро перемѣнитъ это имя на другое. Его никто понять не въ состояніи, тѣмъ болѣе она. Да и онъ не разскажетъ, коли есть частица самолюбія,—за себя стыдно станетъ. Неужели, будь онъ холостякомъ, онъ бы былъ такимъ же пошлякомъ, не задумался бы разрушить счастье семьи ради минутнаго развлеченія, удовлетворенія животнаго инстинкта?—Нѣтъ и нѣтъ!»

— Гдѣ ты пропадаешь?... Тутъ обкрадутъ и никто не увидитъ! — крикнулъ онъ на сторожа и пошелъ отъ дома. Ему было жарко,—нуженъ былъ моціонъ, воздухъ, чтобъ отрезвиться.

Сторожъ отошелъ и подумалъ, что «неужто-жъ это былъ воръ, что баринъ поколотилъ сейчасъ? Въ енотовой шубѣ,—мудрено что-то...» Колотушка опять застучала и тяжелые шаги прозвучали у дома, гдѣ въ опьяненіи раздѣвалась Марья Алексѣевна, ожидая съ стѣсненнымъ сердцемъ результата встрѣчи.

«La donna e mobile...»—мурлыкалъ Чудовъ, уже оправившійся отъ смущенія, всходя на ступени своей гостиницы и чувствуя себя опять героемъ, побѣдителемъ прекраснаго пола.

XIII.

Козочкинъ подозвалъ извощика, сѣлъ и тотчасъ почувствовалъ ужасную слабость во всемъ тѣлѣ.

— Куда-съ?—освѣдомился извощикъ.

— Все равно, прямо,—буркнулъ онъ и сдѣлалъ неопредѣленный жестъ рукою.

Извощикъ покатилъ по шоссе, къ вокзалу. Сани раскатывались, ныряя въ ухабахъ. Козочкинъ тупо глядѣлъ на спину возницы, на ходъ пристяжной, съ коротко-подвязаннымъ хвостомъ, и толстыя, шершавыя ноги. Мѣсяцъ ясно выдѣлялся на темно-синемъ фонѣ морознаго неба и лучи его разсыпались милліонами жемчужинъ и брилліантовъ по снѣжной равнинѣ. Звѣзды водили хороводы, весело мигая на ѣхавшихъ. Извощикъ что-то заговорилъ, повернувъ лицо съ замерзшею бородой и краснымъ носомъ. На Козочкина пахнуло водкой и онъ уткнулся носомъ въ воротникъ.

«Вотъ направо кладбище. Завтра и его повезутъ сюда... Нѣтъ, послѣ-завтра, черезъ три дня. Счастливый извощикъ! у него жена-дура, семья,—онъ покоенъ; у бѣдняги все сгорѣло на дняхъ, и все-таки онъ—счастливый. Пьяница, цѣлый день на морозѣ, пріѣдетъ измерзшій, завалится спать съ трубкой и—счастливъ, не задается вопросами, сомнѣніями. А отъ трубки сѣно, на которомъ спитъ, вспыхнетъ и—пожаръ. До тла сгоритъ опять, поставитъ новый срубъ и—опять счастливъ. А онъ... У него всего вдоволь и... умереть тянетъ. Странно; все—чушь, шиворотъ навыворотъ. Старуха слѣпая, что ходитъ къ нимъ на дворъ за хлѣбомъ, и та боится... А онъ радъ, ему не жалко жизни, ничего не жаль.

«А вѣдь жена будетъ плакать. Ей черное къ лицу... вуаль креповый; нищимъ милостыню будетъ раздавать, приговаривая: «помяните раба Божія Василія...»

Онъ усмѣхнулся и, захвативъ въ зубы кусокъ мѣха, рванулъ нѣсколько волосъ и плюнулъ.

— Эй, милые!—словно въ отвѣтъ на его размышленіе раздался счастливый голосъ возницы и онъ хлестнулъ залѣнившуюся пристяжную.—Сказываютъ, намеднись, тутъ волка видѣли,—продолжалъ онъ, неловко выговаривая захолодѣвшими губами.

Василій Николаевичъ промолчалъ и еще плотнѣе запахнулся въ шубу.

«Что ему волки?... Бабы стая цѣлая накинулась сейчасъ, только бы перекрестился,—не все ли одно, какой конецъ... А извощику страшно,—дѣти, жена-дура останется, сироты безъ поддержки...»

Ему припомнилось, какъ они съ женою разъ катались послѣ ссоры. Онъ ее обнялъ, а она спрятала личико въ его шубу. Она сказала тогда, что если они разойдутся, то имъ обоимъ не жить... Какъ скоро проходитъ все!... Все—ложь, слова, самообманъ, игра того же воображенія».

Вдали свистнулъ локомотивъ.

«Какой поѣздъ? — Да, почтовый... Вотъ исходъ, — чего же искать? Цѣль одна, а какъ и гдѣ—разницы нѣтъ. Обезобразитъ его, и не узнаетъ никто... Мигъ одинъ. А дѣла?—Не сданы, не въ порядкѣ, на немъ отвѣтственность. Что это ноги какъ щипетъ! Ахъ, да онъ безъ калошъ... И это хорошо,—простудится».

Онъ сталъ перебирать пальцами, чтобъ отогрѣться, но тотчасъ перестал опять и выставилъ ихъ изъ-подъ шубы.

«Что за вздоръ? На что нужно? Все равно, сейчасъ конецъ. Только доѣхать».

Окна вокзала, блестя издали, манили къ себѣ. Въ эту минуту тамъ зажигаютъ лампы, суетятся, вносятъ самоваръ, гремятъ чашками; на столѣ булки горячія. Тѣ же лица, тѣ же движенія, рѣчи, тотъ же скрипъ двери на платформу, мельканіе фигуръ съ фонарями, ключами...

«А жизнь-то самая—не то же ли однообразіе? Не тотъ же ли хаосъ—душевный міръ каждаго человѣка? У кого тамъ гладко, установлено разъ и не измѣняется ни при какихъ условіяхъ? У него перваго было гладко, вложено въ извѣстныя рамки,—гладко до этой минуты, и только эти два дня все перевернули на изнанку, спутали и разобраться нельзя, да и не нужно. Къ чему? Кому отъ того польза?

«Гдѣ это собака воетъ? Это меня она хоронитъ... Къ низу мордою—мертвецъ, къ верху—пожаръ. Сейчасъ, близко уже, два шага. Десятки жизней несутся сюда въ этихъ вагонахъ и унесутъ, раздавятъ своею тяжестью одну жизнь». Онъ вздрагивалъ. Голова была тяжела и вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней ощущалась какая-то странная пустота.

«Долговъ нѣтъ у него, жена—одна наслѣдница; онъ, какъ перстъ, одинъ,—она обезпечена. Судить станутъ и пусть,—они всѣ ему мелки, жалки съ своимъ счастьемъ, беззаботностью, мелкими будничными интересами. Онъ счастливъ, что развяжется съ ними, перестанетъ имѣть дѣло, не увидитъ ихъ больше,—ни удивленья ихъ, ни сожалѣнія, ни насмѣшекъ, ни холоднаго соболѣзнованія». Въ душѣ его было покойно и тихо, страшно тихо. Онъ взглянулъ на небо.

«Что тамъ ожидаетъ? Лучшее средство заставить себя вѣрить—рѣшиться умереть. Послѣднія минуты, сознаніе неизбѣжности столкновенія съ «этимъ» — приносятъ вѣру въ то, надъ чѣмъ тѣшился раньше въ другихъ.

«Трусливое, неблагодарное созданіе—человѣкъ! Гдѣ это они ѣдутъ? Сани стучатъ... Да, по мостику. Какъ хорошо, что у нихъ дѣтей нѣтъ. Никакихъ обязательствъ,—ничто не удерживаетъ. А обязательства службы?»

Онъ махнулъ рукой.

«Да, онъ еще по картамъ долженъ... Карточный долгъ — долгъ чести. Два рубля шестьдесятъ три копѣйки. Все пятно... Ахъ, вздоръ, все вздоръ! Одно не вздоръ—это «то» и «тамъ».

Онъ въ изнеможеніи откинулся на спинку саней и закрылъ глаза.

— Пріѣхали!—послышалось надъ нимъ.

Онъ очнулся. Они стояли у вокзала. Направо—стѣна извозщичьихъ парныхъ саней, съ сидѣньемъ изъ сѣна въ мѣшкахъ толстаго холста; налѣво—крыльцо съ кишащими на немъ солдатами, служителями, извозщиками. Въ дверяхъ застрялъ толстякъ-помѣщикъ съ чемоданомъ и подушкою, перетянутой ремнемъ. За нимъ, въ распахнутую дверь, видны прилавки, ящики, тюки... Несетъ махоркою, дегтемъ, сивухою, лукомъ.

— Василій Николаевичъ!... Сколько лѣтъ, батюшка?—захрипѣлъ толстякъ.

«Сейчасъ подойдетъ, ухватится за край шубы и... конца не будетъ».

— Назадъ!... Скорѣе!—промолвилъ Козочкинъ.

Возница подобралъ возжи, стегнулъ лошадей. Они помчались. Василій Николаевичъ глубже опустился въ сани и свѣсилъ голову на грудь.

Толстякъ спасъ его отъ смерти подъ вагонами. Надолго ли? Зачѣмъ? «Чтобъ умереть подъ пулей?... Не смѣшно ли?»

XIV.

«Куда же это онъ дѣвался? — думала Марья Алексѣевна, сидя на постели, обхвативъ руками колѣна и положивъ на нихъ подбородокъ.—Опять въ клубъ доигрывать, въ отместку мнѣ?»

Она приказала Дунящѣ разбудить кучера и узнать, въ клубѣ ли баринъ? Пока Дуняша исполняла приказаніе, барыня ходила въ волненіи по комнатѣ, — ей время это казалось вѣчностью, — и успокоилась лишь тогда, когда хлопнула калитка.

Оказалось, что барина въ клубѣ нѣтъ. Марья Алексѣевна испугалась.

— Такъ гдѣ же онъ?—спросила она Дуняшу.

— Незнаю-съ,—отвѣтила та.

«Вотъ смѣхъ-то: то баринъ барыню ищетъ, то она его»,— подумала Дуняша, съ слипавшимися глазами, и, завалившись, захрапѣла, какъ убитая.

Марья Алексѣевна провела мучительную ночь. Воображеніе ея разыгралось до-нельзя и рисовало ей мужа уже разбитымъ, искалѣченнымъ, съ оторванными ногами, руками, головою, перерѣзаннымъ туловищемъ. Она рвала на себѣ волосы, кляла себя, Чудова, Котикову,—«они были главною причиной несчастія»,— со слезами кидалась передъ образами, прося небо возвратить ей Васю цѣлымъ, давала обѣты, клятвы исправиться, наложить на себя эпитимію и говѣть два раза въ годъ, чтобы снять съ себя грѣхъ, наставить свѣчей на три рубля и т. д. И въ то же время обдумывала, какого повара позвать готовить, въ случаѣ чего, успѣютъ ли ей сшить въ два дня траурное платье, чепчикъ вдовій, кого позвать. «Молодая, интересная вдовушка», — она себѣ не могла вообразить этого, — и тутъ же называла себя «подлою» за то, что такія мысли ей приходятъ въ голову въ такія минуты. Всю ночь она не сомкнула глазъ. Во всю жизнь не мучилась она такъ. Она то и дѣло взглядывала на часы. Пробило пять, шесть, начинало свѣтать. Марья Алексѣевна, разбитая безсонни-

цей и волненіемъ, физически и нравственно, упала лицомъ въ подушки и замерла. Слезы обильно текли, смачивая подушку. Въ семь часовъ, когда уже встала Дуняша и убирала комнаты, раздался слабый звонокъ на дворѣ. Марья Алексѣевна вскочила; кровь отлила отъ ея сердца къ головѣ. Она затаила дыханіе и, рискуя простудиться, высунулась въ форточку. Ей почудилось, что мужа привезли съ вокзала мертваго, изуродованнаго.

«Слава тебѣ, Господи, живъ, цѣлехонекъ! — перекрестилась она, узнавъ его шаги.—Но гдѣ же онъ могъ пропадать?» Опять враждебное чувство шевельнулось, дрогнули губки, надулись, въ глазахъ легло задорное выраженіе.

Она юркнула подъ одѣяло и притворилась спящей. Тяжелые шаги подвигались къ двери. Онъ вошелъ въ шубѣ, шапкѣ, медленно сбросилъ шубу на кушетку, шапку на полъ, покачиваясь, подошелъ къ постели, взялъ графинъ и съ жадностью сталъ пить.

«Боже мой, да онъ пьянъ!»

Ужасная мысль прорѣзала ей мозгъ.

«Онъ былъ... Онъ былъ... Боже мой, Боже!»—чуть не закричала она, схватываясь руками за грудь и надавливая ее до боли. Василій Николаевичъ раздѣвался, съ трудомъ ворочая руками и сбрасывая на полъ вещи; потомъ грузно упалъ на постель, тяжело дыша. Отъ него сильно пахло виномъ. Глаза его отяжелѣли, покраснѣли, потускнѣли какъ-то, щеки втянулись внутрь; волосы въ безпорядкѣ падали на лицо; борода была всклокочена.

Марья Алексѣевна почувствовала отвращеніе, ужасъ, отчаяніе. Она долго пролежала, широко раскрывъ глаза и испуганно, безсмысленно глядя передъ собою на печку.

«Я убью себя, я убью себя, не переживу»,—твердила она мысленно.

— Гдѣ вы были, негодный человѣкъ?—вдругъ крикнула она и вскочила на постели.

— Отвѣчайте,—продолжала она, стиснувъ зубы, но, вспомнивъ, что Дуняша можетъ слышать, шепотомъ добавила:

— Мы—чужіе, я вамъ не жена... Я васъ не люблю, презираю!

Она остановилась, ожидая отвѣта; но онъ лежалъ, какъ пластъ, закинувъ одну руку подъ голову и свѣсивъ другую съ кровати. Лицо его было красно.

«О, эти руки,—какъ она любила ихъ цѣловать...»

— Боже мой, Боже мой, я съума сойду!

Она схватилась за голову, сжала виски.

— Я другого люблю, знайте это, а васъ ненавижу!—громкимъ, трагическимъ шепотомъ промолвила она и, упавъ лицомъ на одѣяло, въ ноги постели, зарыдала.

«Все для нея кончено,—у нея нѣтъ больше мужа. Умереть осталось, умереть».

Василій Николаевичъ не двигался.

«Комедіантка, актриса!»—вертѣлось у него на языкѣ, но онъ не могъ имъ шевельнуть,—онъ прилипъ къ гортани. Въ головѣ путались, сплетались обрывки мыслей, воспоминаній, безъ конца, безъ начала... Мучительныя картины проносились... Въ ушахъ звучали слова:

«Король... уголъ... не любитъ... коньякъ... нá-пе... измѣнила... двойка... умереть... транспортъ... разлюбила...»

Въ груди тѣсно, давило что-то и грудь, и голову, и глаза, душило за горло.

Онъ заснулъ, громко храпя и открывъ ротъ.

Марья Алексѣевна вскочила и убѣжала въ кабинетъ. Онъ былъ ей противенъ. Тамъ она, какъ тигрица въ клѣткѣ, начала бѣгать изъ угла въ уголъ. То хваталась за голову и стонала: «Боже мой, Господи, Господи»,—то останавливалась и, вперивъ глаза на образъ, шептала: «Пошли мнѣ смерть, дай умереть, возьми меня!»

Она быстро выхватила ящикъ; глаза упали на револьверъ.

«Нѣтъ, ни за что. Можетъ есть надежда,—не все потеряно. Не можетъ быть, чтобъ онъ «тамъ» былъ. Вѣдь это она его завела, одна она, и все-таки... нѣтъ, она не проститъ... У нея не было дурныхъ намѣреній, она изъ любви, и такъ отплатить... О, Господи!»

Прежній, честный, высоко стоящій идеалъ, Вася, окруженный ореоломъ добродѣтели, исчезалъ въ туманѣ. Горечь, отчаяніе все ближе подступали къ горлу, просясь наружу слезами. Но слезъ не было больше и выдавить ихъ насильно она не могла.

«Господи, а давно-ль они были такъ счастливы? Завидовали имъ, ставили въ примѣръ...»

Она открыла средній ящикъ.

«Что это?—Письмо... его рука... на ея имя...»

Она рванула конвертъ.

«Маня, прощай, не поминай лихомъ. Я не хочу мѣшать тебѣ, я любилъ тебя больше жизни. Будь свободна, счастлива! В. К.».

Она выронила листокъ, схватилась за сердце.

«Отравился... Онъ былъ въ аптекѣ, за ядомъ...»

Она открыла ротъ, чтобы крикнуть, но опомнилась и стала размышлять.

«Давно бы умеръ тогда. Можетъ ядъ медленный, опіумъ, хлороформъ,—уснетъ и не проснется... Можетъ теперь ужь я его убила, я, я!»

Она кинулась въ спальню, боясь подойти къ постели. Она думала тамъ найти одинъ холодный трупъ, а она мертвецовъ боялась до смерти.

«Дышетъ, какъ всегда. Что мнѣ въ голову пришло. Такъ гдѣ же онъ былъ? Письмо ничего не значитъ,—могъ раздумать. На вокзалѣ пили, а тамъ цѣлымъ обществомъ... Съ пьяныхъ глазъ все на умъ пойдетъ. Онъ рѣдко пьянѣетъ. Что онъ долженъ выпить, чтобы дойти до такого состоянія?...»

Она одѣлась и, убаюкивая себя разными соображеніями и догадками, стала ждать, пока онъ встанетъ. Болѣе всего ее утѣшала твердость Васиныхъ убѣжденій и взглядовъ.

XV.

Козочкинъ проснулся часовъ въ 12 съ ужасною головною болью. Виски точно клещами давило, на головѣ точно лежали пудовики; онъ едва волочилъ ноги отъ слабости и боли во всемъ тѣлѣ, говорилъ хрипло. Пришли изъ думы съ бумагами, но онъ отослалъ назадъ и, пославъ за сельтерскою водой, заперся въ кабинетѣ.

Марья Алексѣевна притихла и слушала у двери, но ничего не могла услыхать, и пугалась не на шутку, отходя съ сжимающимся сердцемъ.

Въ два часа пріѣхалъ старичокъ знакомый. Козочкинъ его не принялъ, но жена приняла, въ надеждѣ узнать что-нибудь о мужѣ. Дѣйствительно, съ первыхъ словъ, болтунъ заговорилъ о томъ, что былъ чрезвычайно удивленъ и озадаченъ вчера поведеніемъ уважаемаго Василья Николаевича: онъ явился поздно въ клубъ, часа въ 3—4, не раньше...

— Такъ онъ тамъ былъ?—крикнула она невольно съ заблиставшими отъ радости глазами.

— Да-съ, и мало того—усѣлся играть въ штоссъ съ извѣстнымъ шулеромъ Давыдовымъ...

«Такъ онъ шулеръ?—подумала она.—Скажите...»

— И проигралъ восемьсотъ рублей,—протянулъ съ ужасомъ болтунъ, прикладывая палецъ къ носу для усиленія впечатлѣнія.—Мало того-съ, выпилъ цѣлую бутылку коньяку, одинъ-съ... Вѣдь это что-съ?... Хоть бы вы наложили свое veto. Этакъ голова треснетъ. Немудрено, что онъ боленъ. Лучше бы вамъ денежки на наряды пригодились.

— Ахъ, Богъ съ ними, съ этими нарядами! — промолвила она томно и подумала:

«Ахъ, бѣдный попочка! Все изъ-за меня. Такъ вотъ онъ гдѣ былъ! Какъ же онъ меня любитъ послѣ этого!... Надо пожалѣть. Сегодня же вечеромъ объяснюсь, скажу Котиковой, что не поѣду въ клубъ».

Почему вечеромъ, а не утромъ, рѣшить не трудно: вечеромъ обстановка болѣе подходящая, — сумракъ располагаетъ къ объясненіямъ всякаго рода. Тогда сердце бываетъ мягче; дневной, холодный свѣтъ убиваетъ чувства и заставляетъ дѣйствовать разсудокъ. Вечерній полумракъ, напротивъ, волнуетъ воображеніе, поднимаетъ чувства. Тогда все кажется возможнѣе, розовѣе, достижимѣе.

Болтунъ выболтался и исчезъ, точно дѣло сдѣлалъ; но молодая женщина готова была его расцѣловать: онъ снялъ такую тяжесть съ ея души. «Но неужели это все отъ ревности? Такъ что же онъ молчитъ? Даже теперь сцены не сдѣлалъ никакой. Ужь тогда она просто не знаетъ, что и придумать, просто выбилась изъ силъ. А покориться участи, жить какъ кисель, тянуть день за днемъ—развѣ есть какая возможность? Умрешь со скуки».

Она стала надѣвать шляпу, напѣвая.

«А если онъ безъ нея тутъ?... Вздоръ, не станетъ, не объяснившись. Еслибъ задумалъ серьезно, то положилъ бы на столъ письмо. Да, вѣдь, она изорвала его». Она приблизилась къ двери. Мужъ ходилъ, шурша туфлями, по комнатѣ... Вотъ подошелъ къ двери, щелкнулъ ключомъ.

Марья Алексѣевна спряталась за другую дверь. Онъ прошелъ въ спальню, тяжело ступая и возя подошвами.

«За объясненіемъ, вѣрно. Ничего, пусть помучается еще немного».

Она вбѣжала въ кабинетъ, схватила револьверъ и, нарочно стукнувъ входною дверью, будто вошла только, отправилась въ спальню.

Увидя ее, мужъ хотѣлъ спросить, куда она идетъ, но сдержался и вышелъ. Она сунула револьверъ подъ матрацъ и перекрестилась.

— Спасенъ теперь... Пусть ищетъ.

Она, стуча каблуками, вышла изъ дому, напѣвая: «А изъ рощи, рощи темной...»

— Дуняша, я не приду до вечера!—крикнула она, хотя никакой Дуняши не было въ корридорѣ.

Мужъ бросился къ шубѣ и, натянувъ ее кое-какъ, просунулъ ноги въ туфляхъ въ калоши, нахлобучилъ шапку. Онъ рѣшился прослѣдить за нею и тогда уже рѣшиться на что-нибудь. Марья Алексѣевна чуть не бѣжала. Онъ слѣдовалъ въ отдаленьи. У него было отличное зрѣніе. Онъ видѣлъ, какъ она вошла въ гостиницу и исчезла.

Онъ схватился рукой за уголъ стѣны.

«Къ нему!—простоналъ онъ и поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ.— Проклятый!... Убить... Кого убить: его, ее?—Нѣтъ, себя».

Онъ дотащился до гостиницы. У него оставался еще лучъ надежды.

— Здѣсь Пузановъ остановился?—спросилъ онъ, разумѣя толстяка.

Онъ зналъ, что не здѣсь,—это былъ предлогъ.

— Никакъ нѣтъ-съ.

— А кто же стоитъ въ первомъ?

— Господинъ Чудовъ.

— А...

Онъ повернулся и сталъ спускаться съ лѣстницы.

— Ваша супруга здѣсь!—послышалось вслѣдъ.

Онъ чуть не ударилъ нахала, но отвѣтилъ:

— Знаю.

«Господи, лакеи—и тѣ знаютъ!—подумалъ онъ съ горечью и тоскою.—Маня, Маня, что ты сдѣлала съ собою, со мной? Позоръ! Чѣмъ смыть это пятно?—Смертью... До чего дожилъ. А все любовь».

Онъ засмѣялся. Нищій, проходившій мимо, посмотрѣлъ на него и, снявъ шапку, поклонился низко.

«Насмѣшникъ... Кому онъ кланяется, передъ кѣмъ шапку снялъ?—Передъ моимъ горемъ и... моими рогами...»

Злость душила его. Онъ бы съ радостью разорвалъ на части сердце.

«Истуканъ, — говорила она, — безчувственный, ничѣмъ не проймешь... Да, истуканъ, но только съ сердцемъ дурака, сумашедшею головой».

Онъ изумился, не найдя револьвера.

«Не запряталъ ли куда въ пьяномъ видѣ? Ну, да все равно послѣ,—не уйдетъ».

Онъ, какъ безжизненный, опустился бокомъ на диванъ и положилъ голову на его спинку. Все было откинуто въ сторону, все взвѣшено, обдумано и слово «смерть» кровавыми, роковыми буквами стояло вмѣсто надписи. Вопросъ заключался лишь въ томъ, насколько еще продолжить испытаніе, отложить конецъ. Онъ до того уже свыкся съ этою мыслью, что она ему удовольствіе доставляла, успокоивала его какъ-то, придавала бодрость. Ею все темное назади стиралось, сглаживалось, ею освѣщалось все впереди. «Гдѣ впереди?—Тамъ... Онъ знаетъ, гдѣ».

«Жизнь красна любовью; теперь онъ сознаетъ это, а прежде смѣялся. Это всегда такъ... до поры, до времени. Безъ нея и дѣло теряетъ цѣну. Безъ нея ни уваженія не нужно, ни пользы, ни значенія. Собственно она придаетъ всему силу и смыслъ. Ахъ, какъ поздно онъ понялъ это! Отчего не зналъ раньше? Умираютъ же другіе отъ любви... Да, но тѣ молодые, а онъ... «отжилъ», сказала она какъ-то. Да, отжилъ, доживаетъ, а она пусть начинаетъ съизнова».

Хлопнула дверь. Она! Вотъ она роковая минута крови, смерти, минута расплаты, разсчета за необдуманное прошлое.

Онъ собралъ послѣднія силы и потащился въ «ея» комнату. «Что-то тутъ будетъ послѣ его смерти?»

Марья Алексѣевна оглянулась и покраснѣла.

«Начинается».

— Куда вы ходили?—проронилъ онъ блѣдными, сухими губами, ясно и отчетливо.

— По дѣлу,—отвѣтила она, приглаживая волосы и слѣдя за нимъ въ зеркало.

Онъ глядѣлъ на нее съ злобной страстью.

— Знаю ваши дѣла,—знаю, гдѣ вы были... Въ гостинницѣ, въ номерѣ.

Онъ весь дрожалъ и держался за столъ, боясь упасть.

Она глянула на него прямо, съ вызывающимъ выраженіемъ.

— Да, въ номерѣ.

Эта откровенность поразила его. Онъ ожидалъ смущенія, испуга, виноватаго вида.

— Въ какомъ номерѣ—знаю... Въ первомъ.

— Можетъ быть. Это васъ не касается.

Онъ схватилъ ея руку, сжалъ и, потомъ рванувъ, отбросилъ отъ себя.

— Будешь ты отвѣчать, негодная?

Онъ былъ страшенъ. Глаза налились кровью, дыханье со свистомъ вырывалось изъ груди. Она наслаждалась и въ то же время ей было жутко.

«Вотъ она трагедія!»

— Пожалуйста, не такъ страшно,—я не изъ пугливыхъ,— покривила она губами, стараясь выразить презрѣніе, хотя, на самомъ дѣлѣ, готова была разрыдаться отъ жалости къ нему.

«Ну, чего она не скажетъ прямо, что была у Котиковой?... Нѣтъ, подождетъ немножко».

— И потомъ... что это за допросы? Вы не инквизиторъ, кажется.

Она отвернулась, чтобы не видѣть этихъ, полныхъ муки, глазъ, изможденнаго лица. Сердце ей твердило, что пора кончить, но любопытство удерживало.

— У кого ты была, у кого?—прохрипѣлъ онъ, дѣлая къ ней шагъ. Ему становилось страшно за себя.

Она окинула его гордымъ, величественнымъ взглядомъ, но сама отодвинулась отъ него къ кровати. Ее пугало его выраженіе свирѣпости, жестокости.

«А все-таки кончитъ тѣмъ, что свалится на колѣни и станетъ ноги цѣловать, какъ тогда».

— У любовника была, вотъ у кого!—прошипѣлъ онъ, поднимая кулаки.

— Вы съ ума сошли... Какъ вы смѣете меня оскорблять безъ повода? Вы видѣли, что ли?

Онъ захохоталъ дико, отрывисто, громко, закинувъ голову и схватившись за волосы. У нея холодъ побѣжалъ по спинѣ.

«Что съ нимъ?... Чего онъ смѣется?»

— Оскорбилъ... Примѣрная... Ха-ха-ха... Сама къ любовн... Ха-ха-ха... Коли не на глазахъ... Не видѣлъ,—сердце видѣло... Ха-ха-ха!... Оскорбилъ... Оно кровью истекло... по каплѣ...

Въ голосѣ его слышалось рыданье муки.

— А она утѣшаетъ... Добрая, милая, прелесть моя!... Ха-ха-ха... Я убью тебя! — вдругъ прохрипѣлъ онъ, кидаясь на нее. Его глаза точно выскочить собирались изъ орбитъ.

Марья Алексѣевна взвизгнула. Она не ожидала такого перехода. Этотъ крикъ отнялъ у него послѣдній разумъ. Онъ вдругъ почувствовалъ себя не человѣкомъ, а звѣремъ, со всѣми его кровожадными инстинктами. Марья Алексѣевна отскочила, приложивъ руки къ щекамъ. Но онъ кинулся на нее и принялся ее душить за горло, хрипя, задыхаясь и хохоча какъ безумный. Минута— и она была бы задушена... Выраженіе мольбы въ ея глазахъ спасло ее, вернуло ему разсудокъ. Онъ отскочилъ отъ нея, съ безумнымъ испугомъ въ глазахъ, и вдругъ, упавъ на колѣни, страшно зарыдалъ, сжимая ее руками и пряча лицо въ складкахъ ея платья.

Марья Алексѣевна, не помня себя, упала на кровать и недвижно глядѣла на него, на его трясущуюся спину, голову, ноги... У нея волосы становились дыбомъ, сердце перестало биться... Онъ былъ страшный, чужой для нея, новый, не прежній Вася, съ мягкимъ взглядомъ, ласковымъ голосомъ. Только теперь поняла она, что съ этимъ человѣкомъ нельзя шутить, играть комедію. Она чувствовала себя такою мелкою, ничтожною передъ нимъ,—виноватою, презрѣнною... Въ эту минуту только поняла она и оцѣнила всю силу его любви—и всю мелочность, эгоизмъ, безсердечность своей душонки. Она была гадка себѣ, не смѣла къ нему прикоснуться, и въ то же время чувствовала, что она уже не та, что между ними порвано что-то и что онъ дальше для нея, чѣмъ былъ прежде. Она его боялась, боялась этой любви, которой жаждала раньше. Но вѣдь она не желала «такого» проявленія этой страсти,—она ждала другого.

Въ ней точно оборвалось что и упало. «Что имъ говорить, о чемъ?... Они не поймутъ теперь одинъ другого».

Ей стало больно, тяжело, тоскливо. Она тихо высвободилась изъ его рукъ и промолвила:

— Пусти.

Онъ поднялъ голову. Въ глазахъ стояли слезы.

— Куда?

Голосъ опять тихій, мягкій, почти молящій.

Она отстранила его, отошла.

— Я тебѣ прощаю твое оскорбленье и твой порывъ, потому что ты не помнилъ. Я не заводила любовниковъ, — я чиста передъ тобою, какъ была, но...

— Ты разлюбила меня, ты его любишь?—простоналъ онъ.

— Я... я никого не люблю... Я была у Котиковой: она въ гостинницѣ у своей пріѣзжей знакомой; мы сговорились на вечеръ сегодня, и я раздумала, ходила сказать, но... Но и ты... оставь меня.

Она повернулась и пошла.

— Маня!—раздалось за ней.

Ея сердце дрогнуло, но она не оглянулась и заперлась въ угловой. Тамъ она сѣла на диванъ, закрылась руками и, прислонившись щекою къ спинкѣ, замерла такъ.

«Удушить, убить»—вертѣлось у нея въ мозгу, въ ушахъ, въ сердцѣ, которое своимъ учащеннымъ біеніемъ, казалось, тоже повторяло эти слова.

XVI.

— Барыня, вы тутъ?—окликнула ее Дуняша часа черезъ два, удивившись, что въ домѣ тишина и никто не спрашиваетъ обѣдать.

— Что тебѣ?... Оставь меня въ покоѣ. Я занята,—отозвалась Марья Алексѣевна.

— Барыня, пожалуйте сюда. Съ бариномъ что-то...

Марья Алексѣевна выскочила.

— Что, гдѣ?

— Я сейчасъ зашла въ спальню,—думала, вы тамъ,—спросить насчетъ обѣда. А баринъ тамъ на постели стонетъ и говоритъ что-то вслухъ. Я испугалась.

Марья Алексѣевна бросилась въ спальню. Мужъ лежалъ на постели ничкомъ, свѣсивъ ноги, и бредилъ отрывочно, неразборчиво. Онъ метался и горѣлъ. Испуганная Марья Алексѣевна послала за докторомъ, съ помощью Дуняши раздѣла мужа, не приходившаго въ себя, и уложила, накрывъ потеплѣе холодныя, какъ ледъ, ноги. Онъ все раскрывался и отбивался, когда она старалась спрятать подъ одѣяло его руки.

Пріѣхавшій докторъ нашелъ горячку и выразилъ опасеніе.

— Спасите его, спасите, я на васъ молиться буду!—вскрикчала въ отчаяньи Марья Алексѣевна, схватывая его руки и цѣлуя ихъ, не помня себя.

«Она была виновата. Умри онъ, это падетъ на ея совѣсть. Но если даже не это,—развѣ она въ силахъ потерять его, разстаться? Она живетъ имъ, въ немъ все ея счастье».

Разладъ, пропасть, отчужденность отодвинулись на заднiй планъ. «Теперь онъ ближе ей, дороже, чѣмъ когда-либо».

На другой день собрали консилiумъ, нашли сильнѣйшее разстройство всей нервной системы и подрывъ физическихъ силъ. Марья Алексѣевна чуть съ ума не сошла и, при всѣхъ, разразилась истерикою, начавъ биться головой объ стѣну. Насилу удалось ее успокоить. Но она была неутѣшна и кричала, что умретъ съ нимъ вмѣстѣ, проклянетъ ихъ, если они не спасутъ его. Тѣ, конечно, не обидѣлись, потому что нашли ее въ невмѣняемомъ состоянiи.

Много дней и ночей провела она у постели мужа безъ сна, безъ пищи. Она осунулась, поблѣднѣла и, какъ тѣнь, неслышно, бродила по комнатѣ, то приготовляя ему питье, то поправляя подушку, то давая лѣкарство.

Василiй Николаевичъ не приходилъ въ сознанiе и все бормоталъ непонятное. Но она одна понимала: онъ бредилъ ея измѣною, тѣмъ, что она разлюбила его, и все въ этомъ родѣ. За эти дни она сдѣлалась еще краше, женственнѣе. Глубокая, серьезная морщина появилась между бровями, глаза глядѣли строго и грустно. Она рѣшила умереть въ одинъ день съ нимъ и даже приготовила стаканъ съ мышьякомъ, что купила для отравы мышей. Но она надѣялась, что онъ выживетъ, потому что твердо вѣрила и горячо молилась. То прежнее все была комедiя, игрушка; дѣйствительность, жизнь дала себя знать лишь въ эти нѣсколько дней убiйственнаго, тревожнаго ожиданiя участи.

Докторъ, два раза въ день навѣщавшiй больного, удивлялся ея энергiи, неутомимости и совѣтовалъ беречься, но она только усмѣхалась иронически и горько.

«Глупый! Беречься... къ чему, для кого, для чего? Впрочемъ, вѣдь онъ не знаетъ, что они связаны на жизнь и на смерть. Ему потому и въ диковинку».

Она по цѣлымъ часамъ сидѣла у постели, подложивъ руку подъ голову мужа, не дыша и не спуская глазъ съ его исхудалаго, измѣненнаго болѣзнью, лица. «Дорогiя черты!» Она не уставала любоваться ими, точно вдоволь хотѣла наглядѣться, изучить на память каждый изгибъ, каждую черту. «Она его по-

губила, она его убила, она полжизни, быть-можетъ, отняла, хотя и выздоровѣетъ онъ. Быть-можетъ, она душу его убила, все свѣтлое души. Чѣмъ исправить, пополнить, какъ вернуть, какъ сдѣлать, чтобы забылось?» Она мысленно, въ сотый разъ, испрашивала у него прощенья, молила жить, точно онъ могъ слышать. «Лучше бы онъ и вправду задушилъ ее тогда. Она этого стоила. Чѣмъ вздумала шутить... безбожная! Видно, что она-то не понимаетъ, какъ любятъ истинные, высоконравственные люди. Гдѣ ей дорости до него? Какъ былинкѣ до солнца... Дай ему выжить только, Господи, и она всю жизнь положитъ на то, чтобы, кромѣ счастья и покоя, онъ ничего не зналъ. Она отъ всего отречется ради него, измѣнитъ образъ жизни, привычки, взгляды,—она станетъ его эхомъ».

И она думала искренно: болѣзнь мужа, какъ прямое слѣдствіе ея поступка, потрясла ее глубоко, заставивъ серьезно остановиться на тѣхъ вопросахъ, о которыхъ прежде судила поверхностно, легко, съ насмѣшкой и недовѣріемъ относясь къ нимъ.

«Но если онъ умретъ, если умретъ! Она молода еще, хочется ей жить еще, жить съ нимъ, его любовью, и доказать ему, что и она способна давать что-либо другое, кромѣ несчастья, горя и болѣзней».

Это былъ день, въ который ожидали кризиса.

Марья Алексѣевна склонилась головой на подушку, рядомъ съ головою мужа; рука ея держала его руку; вдругъ она ощутила слабое пожатіе. Сердце стукнуло и затихло. Она подняла голову и встрѣтила взглядъ мужа—кроткій, благодарный.

— Маня, любишь?—прошепталъ онъ, слабо улыбаясь.

Она обхватила его руками, прильнула къ нему.

— Люблю, живу тобою, умру съ тобою,—прошептала она въ отвѣтъ.—Прости меня... Я хотѣла испытать...

— Ахъ, Маня, я думалъ, что умру,—такъ ты меня подкосила сразу. Милая, дорогая, ненаглядная моя кошечка!

Онъ хотѣлъ ее обнять, но она выскользнула, припала лицомъ къ его ногамъ, поцѣловала и закричала въ истеричномъ припадкѣ, свалившись на бокъ и держась за горло руками. Ее душили спазмы,—дышать было нечѣмъ. Испуганный, слабый, онъ приподнялъ ее, привлекъ на грудь и старался влить воды въ ея стиснутые зубы.

Она билась, колотилась головой о стаканъ. Острая, щемящая боль сосала ей сердце, сжимало его тисками.

— Что ты, Богъ съ тобой!—твердилъ онъ, стараясь поцѣлуемъ заглушить ея крики.

— Я—гадкая. Ты не вѣришь мнѣ, презираешь!—твердила она сквозь рыданья.—Я наложу на себя руки.

— Вѣрю, люблю, еще больше люблю, обожаю! — лепеталъ онъ, насилу удерживая ее слабыми руками и покрывая жгучими поцѣлуями ея волосы, глаза, руки, шею.

Долго, долго не могъ онъ успокоить ее. Наконецъ, она стихла, взглянула на него... Ихъ губы слились... Они объяснились, кризисъ миновалъ благополучно, и давно не были они такъ счастливы, какъ въ этотъ вечеръ.

Онъ не скрылъ отъ нея объ эпизодѣ съ Чудовымъ, она нервно хохотала и дала ему клятву больше не шутить и не испытывать его страсть, подвергая его пыткамъ, доводящимъ до сумашедшаго дома, до больницы, до могилы. Прошлое вернулось во всей своей прелести и красотѣ, жизнь ихъ потекла прежнимъ мирнымъ, счастливымъ теченіемъ, и онъ удивлялся только, какъ у него хватило духу запятнать подобными грязными подозрѣніями свою чистую, безцѣнную жену, сокровище его души и сердца, звѣзду, освѣщавшую кроткимъ, яснымъ сіяніемъ его жизненный путь. Что же касается Мани, то любопытство, тщеславіе и жажда сильныхъ ощущеній были удовлетворены черезъ край.

XVII.

Прошло полгода. Зазеленѣла весна. Природа встрепенулась и весело набиралась свѣжихъ силъ. Наша героиня также пополнѣла, похорошѣла, посвѣжѣла и съ радостью встрѣчала лѣто. Ей надоѣлъ холодъ, захотѣлось лѣса съ самоваромъ, уединенныхъ прогулокъ съ мужемъ, поѣздокъ въ шарабанѣ за городъ. Она всю зиму выѣзжала, кружилась, но и это уже наскучило,—понадобилось разнообразіе, перемѣна впечатлѣній, удовольствій. Она давно уже забыла о катастрофѣ. Они жили дружно, не ссорясь, и молодая супруга уже начинала уставать тишиною, безъ бурь и грозъ, и придиралась то къ тому, то къ другому. Василій Николаевичъ снова сдѣлался прежнимъ невозмутимымъ, покойнымъ, серьезно-дѣловымъ человѣкомъ. Исчезли порывы и слѣды кровавой ссоры. Опять появились газета и моська, клубъ, карты и сигара.

Жену тяготило это и, чтобъ разогнать скуку, начинавшую овладѣвать ею, она придумывала всевозможныя занятія и увеселенія: наряжалась въ маски и пугала бабъ, копавшихъ гряды, сама копалась въ огородѣ, не разгибаясь, возилась съ курами, утками, поросятами; бѣгала на рынокъ съ корзинкою, въ платочкѣ, рисуясь этимъ передъ другими хозяйками въ шляпкахъ, съ кухарками по пятамъ. Мѣсила пироги, выучилась доить, съ недѣлю одна готовила въ кухнѣ и даже мыла полъ, ползая на колѣняхъ. Это ей доставляло удовольствіе, она гордилась собою. То вдругъ все бросала, хныкала, ругалась съ прислугою, приставала къ мужу; или, забравшись съ ногами на кушетку, углублялась въ книгу, махнувъ рукой на цыплятъ, кухню, огородъ, на все.

Настало лѣто. Запѣли соловьи, рожь наливалась, колосилась, волновалась, какъ море. Въ лугахъ косили сѣно, и запахъ его носился въ воздухѣ, вмѣстѣ съ запахомъ розъ и жасмина. Огородъ процвѣталъ, радуя сердце хозяйки. Въ парникахъ поспѣвали дыни, арбузы; въ саду наливались яблоки, вишни; кусты украшались вѣтками ягодъ. Всего было вдоволь въ саду Козочкиныхъ. Марья Алексѣевна вставала съ солнцемъ, полола, собирала, поливала, варила, солила, ворошила сѣно. А по вечерамъ бѣгала взапуски съ моською, или тормошила мужа и тащила его въ бесѣдку изъ акацій. Тамъ было такъ хорошо цѣловаться,—даже кучеръ, работавшій подъ бокомъ, не могъ видѣть. Она страстно любила таинственность. Но Василій Николаевичъ мало сочувствовалъ ея восторгамъ. Онъ возился съ клумбами, цвѣтами, горшками, лейками и мочалками, пересаживая, высаживая, подвязывая, курилъ папиросу за папиросою; въ клубъ онъ не ходилъ, но зато ложился спать съ курами.

«А тутъ только-что мечтать время».

Словомъ, молодая женщина опять начинала находить, что жизнь ея неполна, и искала, чѣмъ бы ее наполнить.

XVIII.

Былъ чудный вечеръ—теплый, тихій. Солнце садилось, золотя небосклонъ. Миріады мошекъ кружились въ воздухѣ, предвѣщая хорошую погоду. Козочкины только отпили чай въ бесѣдкѣ, обтянутой холстомъ съ кумачевыми полосами. Въ бесѣдкѣ стояли корзинки съ растеніями, гнутый стальной диванчикъ. Дикій виноградъ обвивалъ столбы у входа, заслоняя рас-

тенія отъ припека. Изъ саду неслось благоуханіе. Соловей щелкалъ въ сосѣднемъ саду, на липѣ.

Марья Алексѣевна, въ бѣломъ капотѣ, съ подвитыми волосами, полулежала на диванчикѣ съ книгою. Послѣ жаркаго дня она чувствовала истому, лѣнь, слабость въ тѣлѣ. Она млѣла. Глаза, полузакрывшись, были устремлены на согнутую спину мужа, рѣзавшаго траву ножницами.

Она только-что прочла такую огненную сцену, такую сцену, что у нея самой кровь ключомъ закипѣла.

«Какъ онъ можетъ заниматься подобнымъ вздоромъ?—думалось ей о мужѣ.—Такой вечеръ, воздухъ нѣгою дышетъ, а тутъ... трава и ножницы».

Она подкралась къ нему и, навалившись на него сзади, запрокинула его голову и стала цѣловать. Отъ сильнаго движенія онъ упалъ и выронилъ ножницы.

— Ахъ, ну, что это? — съ сердцемъ выговорилъ онъ.—Не мѣшай, пожалуйста. Никогда не дастъ дѣломъ заняться.

Марья Алексѣевна покраснѣла.

— Тютичка, да вѣдь какую сцену я сейчасъ прочла, еслибы ты зналъ!

— Тебѣ бы только сцены... Налей-ка мнѣ лучше чаю, если не остылъ.

— Ну, да... А тебѣ цвѣты и ножницы, — надулась она и подумала:

«Не стоило и подходить, — избаловала ласкою. Ему цвѣты гораздо дороже меня».

Василій Николаевичъ кончилъ и принялся мести.

«Ну вотъ, такъ и знала... Ахъ, тоска!»

Она закрылась книгою, чтобы не видѣть. Черезъ четверть часа онъ вошелъ въ бесѣдку и, отдуваясь, сталъ отирать вспотѣвшій лобъ. Рукава его были запачканы землей и зеленью.

— Что же чай? Я просилъ налить.

— Ахъ, тютичка, виновата, забыла.

— Ахъ, какая ты! Ужь пора бы забыть романъ, помнить о болѣе существенномъ. До старости будешь въ облакахъ летать.

Онъ протянулъ руку къ чайнику, но она ударила его по рукѣ и налила сама.

«До старости, скажите!... Что-жь, я ужь начинаю старѣться, что ли?»

— Ты самъ знаешь, что я хорошая хозяйка и помню обо всемъ,—обидчиво вымолвила она.

— Ну, да, конечно. А все романъ прежде хлѣба и щей. Какъ бишь его... аббатъ-то этотъ — Баррей, Паррей — что̀ Золя-то написалъ?

— Селлерей,—передразнила она. — Если я помѣшалась на романѣ, то ты на цвѣточныхъ и огородныхъ сѣменахъ.

— Я и говорю, — шутливо добавилъ онъ и хотѣлъ погладить ее.—Ахъ ты, смѣшная!

«Опять! Надо его заставить забыть это слово».

— Пожалуйста оставьте. Сами говорите, не любите нѣжностей,—отстранилась она.—Вотъ рубашку лучше ежедневно пачкать,—это показываетъ высшія стремленія... Для васъ жизнь въ птицахъ и цвѣтахъ заключается, а для меня—въ романѣ. Ну, и нечего, значитъ, говорить,—давно извѣстно и переизвѣстно.

— Ты бы лучше парникъ сходила полила,—перебилъ онъ, сморкаясь.—Засохло все.

Марья Алексѣевна вскочила и, бросивъ книгу на полъ, убѣжала въ садъ, въ свою бесѣдку. Она была раздражена, взбѣшена, уязвлена до глубины души.

«Она ли не примѣрная хозяйка—и ей напоминаютъ, надъ ней смѣются. Любятъ вязаться съ этимъ,—ну, и поливай самъ. Опять такой сталъ, какъ былъ. Ничего не помогло тогда. Видно ужь, горбатаго исправитъ одна могила. Вотъ возьметъ и утонится завтра, какъ купаться пойдетъ».

Стемнѣло. Въ кухнѣ зажегся огонь, мѣсяцъ всплылъ и озарилъ блестящимъ, серебристымъ сіяніемъ весь садъ, съ трепещущими тополями, усыпанными кирпичомъ дорожками, прудомъ; роса заиграла алмазами. Деревья, кусты принимали фантастичныя формы и обманывали зрѣніе. Пугало, стоявшее на огородѣ съ распростертыми руками, облаченное въ старый сюртукъ барина и старую лѣтнюю шляпу съ широкими полями, казалось великаномъ-чудищемъ. При сильномъ вѣтрѣ, рукава махали, какъ крылья, пугая воронъ и воробьевъ, собиравшихся на грядахъ съ горохомъ. Большой стогъ сѣна, стоявшій на углу, въ лощинкѣ, подъ которою проходила труба, для стока воды, казался скалою, или вулканомъ. Вдали палъ туманъ и заволокъ окрестность для глазъ. Въ полѣ гдѣ-то трещалъ коростель; отъ деревянной пристройки дома падала широкая тѣнь. Собака гремѣла цѣпью и кольцомъ по веревкѣ и жалобно визжала, просясь на волю.

—

Марья Алексѣевна, какъ привидѣніе, шагала по дорожкѣ, заложивъ руку за спину и приподнявъ платье. Ея серги сіяли при свѣтѣ мѣсяца, волосы казались золотыми. Она слушала, какъ пѣлъ соловей въ окнѣ сосѣдняго дома, и ждала, что мужъ придетъ къ ней погулять. Вотъ раздался скрипъ калошъ, лай моськи,—это онъ шелъ. Она вихремъ понеслась къ нему, деспотично обвила его рукою свою шею, сама обняла за талію и прижалась головой къ его плечу, поглядывая на свои ножки въ лиловыхъ башмачкахъ съ бѣленькими пуговками. Она хотѣла, чтобъ онъ ихъ замѣтилъ.

Но мужъ не замѣчалъ и говорилъ объ огородѣ, коровѣ, сѣнѣ, дровахъ.

Она не слушала и улыбалась чему-то въ себѣ.

— Пойдемъ,—шепнула она, увлекая его.

— Куда?

— Туда.

Она указала на темную бесѣдку.

— Да нѣтъ же. Опять глупости?...—сгримасничалъ онъ.

— Опять кривляться?—крикнула она.

— Да вѣдь прискучитъ одно и то же. Все одна пѣсня.

— Какая еще пѣсня?

— Какая?—«А изъ рощи, рощи...»

— Пѣснь любви—и несется... пѣсня нѣги, пѣсня страсти,—затянула она, откинувъ голову, и ущипнула его.

— Ахъ, да будетъ же! Я уйду. Ну, попробовали бы тебя пичкать однимъ сладкимъ, такъ навѣрное бы горькаго захотѣла. Какъ ты этого не возьмешь въ толкъ?

Она ничего не хотѣла брать въ толкъ.

— Ну, такъ завтра я отравлюсь,—буркнула она рѣшительно, обрывая цвѣтокъ шиповника и жуя его.

— И отлично сдѣлаешь... Пожалуйста!

— Ты думаешь, я шучу?

— О...

Этотъ тонъ снисходительной усмѣшки кололъ ее, какъ цѣлая коробка булавокъ. Она отошла, но тотчасъ, подпрыгнувъ, обняла его за шею и пригнула къ себѣ.

— Нѣтъ, попочка, я все шучу.

Она стала его цѣловать въ щеку, кусая ее. Онъ стоялъ съ видомъ жертвы и морщился.

— Что-жь ты меня не цѣлуешь? Цѣлуй, противный!...

Она подставила губки и вытянула ихъ. Онъ поцѣловалъ.

— Развѣ такъ?... Ишь, на воздухъ какъ-то.

Ему вдругъ пришло въ голову, какъ она его разъ спросила серьезно: что это значитъ: «онъ держалъ ее въ объятіяхъ»—и какъ онъ хохоталъ тогда до коликъ надъ ея наивностью.

Говоря все это, она вертѣла его голову, закрывъ руками уши, такъ что онъ пересталъ окончательно слышать.

— Да ты уши-то пусти. Ахъ, Боже мой, схватитъ за уши и держитъ! Думаетъ, очень пріятно; вѣдь я—не моська. Да и больно,—попробуй сама.

Онъ повторилъ эту операцію надъ нею.

— Ай!—пискнула она.—Съ ума сошелъ?... Сравнилъ меня съ собою. Никогда больше не подойду, слышите?

— Когда ты угомонишься, скажи пожалуйста, и человѣкомъ сдѣлаешься?

— А теперь я кто по-вашему?

— Теперь?... Теперь ты—фантазія ходячая.

Она улыбнулась. Это «поэтичное сравненіе» ей было лестно. Она опять уцѣпилась за него и склонила голову на его плечо. Чудная ночь располагала не къ ссорѣ, а къ миру, изліяніямъ.

— Милый, посмотри на меня!—томно промолвила она, спустя минуту, останавливая его.

— Смотрю.

— Хорошенькая я при мѣсяцѣ? Лучше, чѣмъ такъ?

— Ахъ, да перестань! Сама знаешь вѣдь,—что-жь спрашивать?

— Что знаешь? Я знаю, что ты охладѣлъ ко мнѣ.

— Ну, опять повтореніе стараго!—махнулъ онъ рукой.—Съ тобой и говорить нельзя.

— И не говори... А о коровахъ я не хочу говорить. Хочешь знать содержаніе «Аббата Мурэ?»

— Ну его къ Богу!

— Фу, чурбанъ, въ тебѣ и искры поэзіи нѣтъ. Убирайся!

— Сумашедшая,—промолвилъ онъ.—Ноги промочишь.

А Марья Алексѣевна гикала, скакала, чуть не кувыркалась по сѣну, прячась отъ моськи, и потомъ выскакивала, летѣла за ней по лугу, забывъ о лиловыхъ башмачкахъ. Ей необходимо было излить свое возбужденіе, найти исходъ «жизни», бившей въ ней ключомъ. Моська въ карьеръ носилась по мокрой травѣ, поджавъ хвостъ, и, высунувъ языкъ, лаяла особеннымъ,

тонкимъ голоскомъ. Этимъ она выражала свой восторгъ. Запыхавшись, задохнувшись, молодая женщина подбѣжала къ мужу и, обхвативъ его сзади за талію, стала кружиться съ нимъ.

— Ахъ, Боже мой!—отбивался онъ съ отчаяніемъ и, оторвавъ ее отъ себя, оттолкнулъ такъ, что она чуть на ногахъ удержалась.

Она вспыхнула.

— Тебѣ бы Лукерью-кухарку въ жены надо, вотъ кого!—выпалила она со злости.—Такая же мямля, размазня...

Онъ зѣвнулъ.

— Спать пора,—вели давать кушать.

— Да нѣтъ же, погоди. Посмотри, какая ночь. «Что за ночь, за луна...»—запѣла она, страстно сжимая его руки.

— Вотъ я тебѣ моську оставлю, ты ей и распѣвай.

— Вася, я тебя безумно люблю,—безумно, безумно!

— Кушать, кушать... Послѣ разскажешь.

Она сверкнула глазами.

— Никогда больше не подойду!—топнула она.—Не стану я спать, нарочно пойду босикомъ по росѣ, простужусь и умру. Вотъ и знайте тогда.

Онъ скрылся за калиткой, и шаги его скоро раздались на лѣстницѣ.

Она сѣла у дерева, на скамью, и прислонилась къ нему затылкомъ. «Ни за что она не пойдетъ спать... вотъ на зло ему...»

«Аббатъ Мурэ... Альбина — какъ они наслаждались!... И она бы согласилась... Мигъ—и тамъ умереть... среди цвѣтовъ. Вотъ она — поэтическая смерть... Ахъ, какъ скучно имѣть такого мужа!... Что, еслибъ у нея былъ мужъ чеченецъ? Поцѣловалъ бы и потомъ въ грудь... кинжаломъ... Брр!... А прохладно становится...»

Она повела плечами.

«Ахъ, еслибъ опять повторить эту сцену!»

Она вспомнила его рыданія, страшное лицо, когда онъ кинулся на нее.

«Уфъ!...»

Она озябла и тихо пошла домой, размышляя.

Мужъ уже былъ въ постели и засыпалъ, но, при входѣ ея, открылъ глаза.

— Нагулялась?

— Нагулялась!—отрывисто отвѣтила она.

«Капризница,—подумалъ онъ,—опять надулась. Пусть,—не буду обращать вниманія. Пройдетъ».

— Куда ты?—спросилъ онъ, видя, что она, раздѣвшись и распустивъ косу, уходила.

— Упиваться «Аббатомъ Мурэ!»—отчеканила она.

Василій Николаевичъ пожалъ плечами.

«Ахъ, несчастная, несчастная!... Нѣтъ, ужъ ея теперь не передѣлаешь. Что-жь, пусть упивается. Только бы людьми не упивалась, а романами...»

Онъ обнялъ моську подъ одѣяломъ и заснулъ.

XIX.

Черезъ часъ, когда уже онъ спалъ сномъ праведныхъ и видѣлъ во снѣ клумбы и ножницы, онъ былъ внезапно разбуженъ. Въ ногахъ его стояла блѣдная Дуняша и дергала его за одѣяло. Постель жены была пуста.

— Что тебѣ?—спросилъ онъ, и сердце его упало.

Предчувствіе подсказало недоброе.

— Барыня что-то кричитъ, не знаю...—пролепетала она.

Онъ накинулъ халатъ и бросился въ комнаты, забывъ о неприличіи костюма. Сонъ соскочилъ съ него сразу.

— Что ты, Маня?

Она лежала въ креслѣ, въ кабинетѣ, откинувъ голову, и то извивалась, то вытягивалась, сжимая судорожно кулаки. Мертвенная блѣдность осунувшагося лица, закатившіеся бѣлки глазъ, стаканъ съ осадкомъ чего-то бѣлаго на днѣ — все не оставляло сомнѣнія...

Василій Николаевичъ помертвѣлъ самъ и, приблизивъ къ себѣ ея лицо, прошепталъ:

— Что ты сдѣлала, говори...

Онъ схватилъ ея руку, холодную и блѣдную, сжималъ ее и глядѣлъ на нее полными ужаса зрачками.

— Прости... Не любишь... Умираю я... я... Ахъ, Боже!...—застонала она, корчаясь въ судорогахъ.

— Чѣмъ?—глухо простоналъ онъ и понюхалъ стаканъ.

— Мышьякомъ... Прости...

— Господи!

Онъ заломилъ руки, кинулся въ переднюю, гдѣ за дверью стояла Дуняша съ колотившимися отъ страха зубами.

— Доктора, доктора!... Извощика!—крикнулъ онъ.

Та опрометью кинулась внизъ, воя и причитая.

Онъ вернулся къ женѣ и схватилъ ее на руки, глядя на нее помутившимися глазами.

— Зачѣмъ?... И я съ тобою, и я, — вѣдь я люблю тебя... больше всего въ свѣтѣ...—лепеталъ онъ, прижимая ее къ себѣ.

Онъ былъ близокъ къ помѣшательству.

«Съ чего, какая причина?» — вертѣлось у него въ головѣ. Онъ, казалось, думалъ оживить ее объятіями, согрѣть дыханіемъ, вложить въ нее жизнь силою своего чувства, вдохнуть силы поцѣлуемъ.

Онъ ее зналъ всегда за отчаянную, но этого не могъ допустить. Она его съ перваго года всегда пугала, и онъ привыкъ на это смотрѣть какъ на шутку, глупость, капризъ. Онъ впился холодными губами въ ея губки и замеръ. «Что это?—она укусила?... Бредъ, галлюцинація?... Начало сумашествія?»

— А не больше цвѣтовъ и ножницъ?—вдругъ прозвучало у него надъ ухомъ, и ему стало горячо у щеки.

На него глядѣло смѣющееся личико съ коралловыми губками. Лукаво щурились глазки...

— Я шутила, попочка,—засмѣялась она:—это сахаръ (она указала на стаканъ), а это—пудра. Какъ ты не замѣтилъ? А очень испугался?... Ха-ха-ха!...

Она тряхнула головкой, и пудра посыпалась съ ея лица на его халатъ.

«Вотъ будетъ ласкать теперь, зацѣлуетъ», подумала она.

Онъ выпустилъ ее и сѣлъ на диванъ, закрывъ глаза рукою.

Она прыгнула къ нему на колѣни.

-- Ты не сердишься?

Онъ всталъ, отстранилъ ее и холодно проронилъ:

— Такъ не шутятъ... Такъ убиваютъ на смерть.

Она хотѣла засмѣяться, глядя на его мелькавшія изъ подъ халата ноги, но сдержалась и опустила голову.

«Вотъ и пошутила. Ахъ, дура!»

Пріѣхалъ докторъ. Василій Николаевичъ сказалъ, что у него лихорадка.

Докторъ прописалъ 20 гранъ хины и уѣхалъ съ пятирублевкою въ рукѣ. А Марья Алексѣевна лежала на диванѣ въ кабинетѣ и... плакала, ругая себя.

Мужъ три дня не говорилъ съ нею, но на третій, когда она увидѣла во снѣ что-то страшное и расплакалась, онъ сталъ ее успокоивать, и примиреніе состоялось.

XX.

Прошелъ еще мѣсяцъ. Козочкины, Котиковы и нѣсколько человѣкъ близкихъ знакомыхъ собрались въ лѣсъ прощаться съ лѣтомъ. Корзины, наполненныя яйцами, сыромъ, молокомъ, жареною говядиною съ огурцами, бутылками съ виномъ и чайными припасами, были разложены на коврѣ, на ровной полянкѣ, окруженной деревьями; разведенъ костеръ и поставленъ самоваръ. Пока все приводили въ порядокъ, общество разбрелось по лѣсу—кто за грибами, кто за ягодами. Козочкины собирали хворостъ и елки для костра. Елки трещали, вспыхивали краснымъ и синимъ пламенемъ, разбрасывали огненныя брызги. Марью Алексѣевну это ужасно занимало. Дымъ отгонялъ комаровъ и прямымъ столбомъ поднимался къ небу поверхъ деревьевъ, не разстилаясь по сторонамъ, такъ какъ было очень тихо. Солнце красноватымъ заревомъ освѣщало верхушки деревьевъ; начинало попахивать сыростью и свѣжестью ночи. Вдали слышались мычаніе коровъ, блеяніе козъ и овецъ,—гнали домой стадо. Бичъ пастуха и рожокъ подпаска гулко разносились по лѣсу и повторялись эхомъ... На противоположной сторонѣ лѣса начиналъ обрисовываться блѣдный ликъ мѣсяца. Всѣмъ было весело, болтали, смѣялись, пѣли пѣсни хоромъ. Голосокъ Марьи Алексѣевны, какъ серебро, выдѣлялся изъ хора и велъ его за собою. Она сидѣла противъ мужа и встрѣчалась съ нимъ глазами поминутно. Оба были счастливы.

Когда все было съѣдено, выпито, подгулявшая компанія стала собираться домой. Бутылки, въ знакъ памяти, были оставлены на деревьяхъ. Мѣсяцъ уже взошелъ и ярко свѣтилъ, падая на веселыя, румяныя лица, озаренныя широкою улыбкой счастья и беззаботности; поднявшійся вѣтерокъ развѣвалъ волосы, ленты шляпъ, мантильи. Всѣ высыпали на дорогу и рѣшили еще пройтись. Экипажи были отосланы на опушку, а сами господа, попарно, пошли въ глубь лѣса. Имъ не было ничего страшно. У всѣхъ были здоровыя палки, кулаки; вино имъ придало бодрость, энергію и увѣренность. Платья и башмаки были мокры, мантильи и пальто пропитались влагой, но они не помышляли о простудѣ. Те-

перь разговоръ былъ уже не общій, и шли всѣ не гурьбою, а отдѣльно, парами, подъ ручку, именно съ тѣмъ, съ кѣмъ хотѣлось быть въ эту минуту; разговоръ велся тихо. Котикова шла съ Петровымъ, ея мужъ велъ какую-то перезрѣлую дѣвицу, а Марья Алексѣевна прицѣпилась къ своему обожаемому кумиру, Васѣ. Повиснувъ на его рукѣ, она молчала и, изрѣдка взглядывая на него, глубоко вздыхала отъ полноты счастья. Ей хотѣлось жить, упиваться этими ночными звуками, пахучимъ лѣснымъ воздухомъ. Моську баринъ несъ подъ мышкой, и собачонка тоже, казалось, раздѣляла ихъ восхищеніе: томно жмурилась и зѣвала, поднимая языкъ къ нёбу. Марьѣ Алексѣевна пришла въ голову пьеса: «Бѣдовая бабушка» и куплетъ: «а коль дѣтей у насъ не будетъ, такъ мы собачекъ заведемъ». И она залилась веселымъ смѣхомъ. Она замедлила шагъ и отстала далеко отъ компаніи.

«Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, она, Вася и моська—это нераздѣльное тріо. Больше имъ никого не надо. И еслибъ они были втроемъ въ лѣсу, было бы еще лучше. Вотъ бы построить на этой полянкѣ избушку и жить. Она бы надѣла сарафанъ, доила коровъ, а онъ бы—рубашку кумачную и косилъ сѣно. Моська бы за лягушками гонялась. Чудо! А зимой занесетъ сугробами, волки воютъ, а они сидятъ на лежанкѣ, обнявшись, и моська посреди. Ахъ, блаженство!»

— Поцѣлуй меня,—протянула она, поднимаясь на цыпочки.

— Нельзя,—увидятъ.

— А, ну ихъ совсѣмъ. Пусть видятъ. Мы—мужъ и жена, имѣемъ законное право. Вѣдь я—твоя жена, понимаешь?... жена, жена!—трясла она его за плечи обѣими руками.

— Неприлично,—нѣтъ.

— Ну, такъ за кустъ пойдемъ,—тамъ не видно.

— Перестань, пожалуйста!

Онъ удвоилъ шагъ, поспѣвая за компаніей.

Она смолкла и больше ни слова не проронила. Стали разсаживаться.

— Я съ вами!—промолвила Марья Алексѣевна и вскочила въ экипажъ мирового, шутника.

Она хотѣла сперва съ Петровымъ сѣсть, но вспомнила о «катастрофѣ!»

— Ну, такъ вы, Василій Николаевичъ, ступайте ко мнѣ!—позвала ея мужа Котикова. Они исчезли подъ верхомъ пролетки.

Марья Алексѣевна закусила губу.

«Съ женою не прилично цѣловаться, а это прилично?... Хорошо, будемъ знать».

Она легла спать молча, не простившись, и весь другой день проходила съ сжатыми губами и опущенными глазами.

XXI.

Собравшись вечеромъ въ клубъ, Василій Николаевичъ хватился плаща и не нашелъ его. Марья Алексѣевна вошла въ кабинетъ и остановилась въ дверяхъ.

— Гдѣ мой плащъ, Маня?

— Не знаю, — пропустила она сквозь стиснутые зубы, а сама подумала: «поищи, поищи».

Кликнули Дуняшу.

— Гдѣ плащъ?

— Я не знаю-съ.

— Что-жь, его украли, что ли?

— Не знаю-съ... Онъ тутъ висѣлъ.

— Да самъ знаю, что тутъ висѣлъ... Найди!

Поиски остались тщетными. Василій Николаевичъ надѣлъ пальто и двинулся къ двери.

— Ну, прощай,—нагнулся онъ къ женѣ,—прикладывайся.

«Слишкомъ самонадѣянно», подумала она и не двинулась, заслоняя дверь руками.

— Вы не пойдете,—я васъ не пущу.

Онъ изумился.

— Это что значитъ?

— Я не хочу, чтобы вы шли. Сидите дома,—я же сижу.

— Тебѣ тоже никто не мѣшаетъ идти въ гости.

— Не хочу и... васъ не пущу.

— Да что за глупости?... Пусти, говорю.

Онъ старался отцѣпить ея руки отъ двери, но ея пальцы точно прилипли.

Онъ крякнулъ и, постоявъ надъ нею, пошелъ къ другой двери. Она однимъ прыжкомъ кинулась за нимъ и затворила дверь на ключъ, спрятавъ его въ карманъ.

Онъ пожалъ плечами.

— Что, вотъ и безсиленъ передъ мною,—дразнила она, щелкая языкомъ и дѣлая злую гримасу.

— Да съ чего ты?

— Съ того...

Онъ поглядѣлъ на нее и усмѣхнулся.

— Твои прихоти мнѣ ужь начинаютъ надоѣдать.

Онъ положилъ шапку, раздѣлся и усѣлся набивать папиросы.

— Съ носомъ!—дразнила она, стоя опять у первой двери и злыми глазами слѣдя за нимъ.

— Успокойтесь,—скоро перестанете мною тяготиться!—продолжала она, раздражаясь его молчаніемъ и шуршаньемъ табаку по гильзамъ.

Она скрылась и, черезъ секунду, явилась съ его портретомъ въ рукѣ.

— Получите назадъ!... Отдавайте мой.

Она кинула его на столъ, такъ что стекло треснуло пополамъ, и сорвала свой со стѣны.

Онъ нисколько не удивлялся. Сцена съ портретомъ повторялась еженедѣльно, да и вспышки подобнаго рода были ему не внovѣ.

— Снимайте кольцо обручальное, отдавайте,—я вамъ не жена больше, знать васъ не хочу... Отдавайте!—стукнула она рукой по столу. Ей стало больно, и она обозлилась еще больше.

Василій Николаевичъ поблѣднѣлъ. Ему становилось не въ мочь. «Въ клубѣ всѣ ждутъ для партіи, а онъ—на-те!—шагу не смѣетъ сдѣлать, потому что супруга изволитъ капризничать и дурить надъ нимъ, вертѣть имъ какъ мальчишкой».

Марья Алексѣевна смолкла, но вдругъ коробка съ табакомъ и ватой полетѣла на полъ. Моська, спавшая на коврѣ, у кресла, взвизгнула и стала встряхиваться, облизываться, морщась отъ табаку. Василій Николаевичъ разсердился.

«Нѣтъ, ужь это выходитъ за предѣлы всякаго брагоразумія».

— Уйди, оставь меня въ покоѣ! — крикнулъ онъ. — Это глупо.

Марья Алексѣевна захихила, тихонько, ехидно.

— Тебѣ нравится бѣситься,—ну, и бѣсись въ спальнѣ, а сюда не показывайся, не трогай меня.

Ея губы передернулись.

— И уйду, не стану жить съ вами! А вы оставайтесь съ Котиковой, цѣлуйтесь...

Онъ обомлѣлъ.

— Отдавайте кольцо,—мы въ послѣдній разъ видимся.

— И убирайся, коли ты такая глупая. Чѣмъ вѣчно ссориться, лучше совсѣмъ не видѣться. Не умру безъ тебя.

— Ха-ха-ха!... Еще бы. А кто ревновалъ, ревѣлъ, какъ дуракъ? Не пожалѣйте своихъ словъ,—поздно будетъ.

«О, какъ она любила его, какъ хотѣлось кинуться цѣловать его руки, ноги!» Но она знала, что мучитъ его, сама мучилась, и это ей доставляло какое-то жгучее наслажденіе боли.

Онъ дрожащими руками отряхалъ съ сюртука табакъ, взялся за шапку, надѣлъ ее.

— Такъ вы уходите? Вамъ все равно?... Не увидите меня, предупреждаю. Уходите?... Вы меня не любите, значитъ?

Онъ поспѣшно повязывалъ шарфъ.

— Злодѣй, безсердечный!—глухо вымолвила она, хотя душа ея рвалась къ нему и твердила самыя нѣжныя слова любви.— Постылый!

— Знаю... Нечего повторять,—отвѣтилъ онъ, кладя папиросы въ портсигаръ.

— Ничего вы не знаете. Узнайте теперь, безъ шутокъ,— довольно шутить. Ненавистный, слышите?... Не-на-вистный!

— Ну, такъ убирайтесь отъ меня вонъ, къ тому, кто милъ!— крикнулъ онъ, обозлившись не на шутку.

Онъ схватилъ пальто и пошелъ къ двери.

Она сдѣлала движенье кинуться за нимъ.

— Вася!

Онъ не обернулся.

— Вася!—отчаянно-тоскливо повторила она съ рыданьемъ въ голосѣ.

Она обезумѣла. Въ глазахъ ея запрыгали круги, комната пошла кругомъ... Молоты били въ вискахъ, въ темени... Руки сжались, протянулись къ нему. «Сейчасъ, сейчасъ она упадетъ въ обморокъ».

— Вернись, вернись... Ну, такъ, прощай! Прощай!—протянула она съ какимъ-то изступленнымъ, дикимъ выраженіемъ.

Она дернула ящикъ стола. Василій Николаевичъ оглянулся. Что-то щелкнуло, блеснуло, раздался пронзительный, двойный крикъ, раздирающій душу.

Паденье чего-то... Глухой стукъ чего-то по ковру.

Онъ не успѣлъ добѣжать до нея, какъ она уже лежала на коврѣ, съ безсмысленно открытыми глазами. Страхъ, отчаяніе, ужасъ, недоумѣніе и раскаяніе отражались въ этихъ чудныхъ,

синихъ глазахъ, уже подернувшихся завѣсою смерти и могильнаго мрака.

Казалось, они спрашивали: «зачѣмъ, отчего, съ какою цѣлью?»

Струйка свѣжей, горячей крови бѣжала по виску, окрашивая золотистые, мягкіе волосики. Изъ поблѣднѣвшихъ, полуоткрытыхъ губъ вылетѣли чуть слышныя слова:

— Вася... Господи... Богъ наказалъ... Это была... шут...ка.

Она теряла сознаніе.

Съ глухимъ стономъ проклятья себѣ, всему свѣту, всей жизни, бросился къ ней несчастный мужъ и обхватилъ ее руками...

Вотъ и жажда драмы, жажда сильныхъ ощущеній.

Нервная, страстная, впечатлительная фантазёрка, жаждущая жизни, стала невольною самоубійцей. Не помышляя о смерти, она думала лишь возобновить интересную, разжигающую сцену прошлаго. Но, конечно, не думала о томъ, что револьверъ, разряженный наканунѣ, можетъ быть опять заряженъ, что этою новою шуткой она разобьетъ жизнь мужа, какъ разбила свою безпокойную, хорошенькую головку, свое мягкое, воспріимчивое, любящее, но больное, изуродованное ложнымъ направленіемъ, сердце.

Василій Николаевичъ остался живъ, но потерялъ разсудокъ. Знакомые жалѣютъ его, навѣщаютъ изрѣдка въ больницѣ душевно-больныхъ и, съ прискорбнымъ терпѣніемъ, выслушиваютъ въ сотый разъ исторію, давно извѣстную, возбудившую толки и волненіе, давно уже надоѣвшую всѣмъ и позабытую, сданную въ архивъ.

— Не вините, не судите ее строго,—обыкновенно оканчиваетъ онъ:—она не хотѣла вѣдь огорчить меня; она только шутила, моя милая шалунья-дѣвочка...

И страшно звучатъ эти слова сумашедшаго. И невольно прошибаетъ слеза, при видѣ этого изможденнаго душевною мукой, сѣдого, чуть живого человѣка; и невольно вспоминается всѣмъ здоровый, краснощекій, кудрявый красавецъ-брюнетъ, всѣми уважаемый и дѣльный работникъ на пользу общества.

А. Алексѣева.

ИСТОРІЯ КОЗАЧЕСТВА ВЪ ПАМЯТНИКАХЪ ЮЖНОРУССКАГО НАРОДНАГО ПѢСЕННАГО ТВОРЧЕСТВА *).

II.

Борьба козаковъ съ поляками.

(*Окончаніе.*)

Збаражская осада.—Насмѣшки надъ поляками. — Дума о походѣ въ Молдавію. — Нечай, народный богатырь второй войны Хмельницкаго. — Берестечское пораженіе.—Дума о состояніи народа послѣ второй войны. — Татарское опустошеніе 1653 года и присоединеніе Малороссіи къ Россіи.—Ропотъ на Хмельницкаго.—Дума о смерти Богдана Хмельницкаго.

Въ польскихъ историческихъ повѣствованіяхъ XVII вѣка разсказывается, что при осадѣ поляковъ подъ Збаражемъ, происходившей въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ 1649 года, русскіе отпускали насмѣшки надъ стѣсненными до крайности и терпѣвшими голодъ польскими панами. Образчики такихъ насмѣшекъ передаются тогдашними писателями въ польскихъ и латинскихъ переводахъ. Собственно нѣтъ у насъ никакой думы или пѣсни, о которой бы ясно и несомнѣнно можно было сказать, что она относится къ этой осадѣ непосредственно. Но слѣды воспоминанія объ этомъ событіи, намъ кажется, можно видѣть въ одной пѣснѣ, которая должна быть приспособленною къ этому событію передѣлкою обрядной весенней пѣсни. Въ южнорусскихъ веснянкахъ есть обычный мотивъ, что дѣвицы насмѣхаются надъ молодцами и изображаютъ ихъ въ комическомъ положеніи. Тѣмъ же веснянкамъ присущи припѣвы, повторяемые послѣ извѣстнаго количества стиховъ. Въ числѣ такихъ припѣвовъ, послѣ каждыхъ двухъ стиховъ пѣсни, есть такой:

Выступцемъ
Тихо иду,
А вода по камѣню,
А вода по бѣлому
Ище тихше

*) *Русская Мысль*, кн. VII.

Въ одномъ изъ варіантовъ этой пѣсни припѣвъ этотъ измѣняется такъ:

Выступцемъ,
Пане Вишневецькій,
Воеводо грецькій,
Да выведи танчикъ
По нѣмецьки!

(То-есть: мѣрнымъ ходомъ, панъ Вишневецкій, отважный воевода! пустись-ка въ плясъ по-нѣмецки!)

Далѣе слѣдуетъ пѣсня съ повтореніемъ такого припѣва послѣ каждыхъ двухъ стиховъ: изображается, какъ молодцы сидѣли подъ клѣтушкою и облупливали собакъ: они поломали свои ножи и тянули зубами собачьи шкуры [104]).

Полагаемъ, что эта пѣсня, по формѣ своей и по голосу несомнѣнно хороводная весенняя, была вначалѣ насмѣшкою надъ тѣми поляками, которые, будучи осаждены подъ Збаражемъ, дошли до такой степени голода, что ѣли собакъ, кошекъ, мышей, грызли зубами сапожную кожу. На это отношеніе нашей веснянки къ збаражской осадѣ 1649 года указываетъ имя воеводы Вишневецкаго, подъ которымъ легко узнать знаменитаго князя Іеремію—героя этой осады, свирѣпаго и лютаго врага русскаго на-

---

[104]) Ой що-то за хижка
Тамъ на вырбжку.
Выступцемъ,
Пане Вишневецькій
Воеводо грецькій
Да выведи танчикъ
По нѣмецьки!
Пбдъ тою хижкою
Паничи сидѣли
Выступцемъ и проч.
Паничи сидѣли,
Собакъ лупили,
Выступцемъ и проч.
Собакъ лупили,
Ножи поламали,
Выступцемъ и проч.
Ножи поламали,
Зубами тягали,
Выступцемъ,
Пане Вишневецькій,
Воеводо грецькій,
Да выведи танчикъ
По нѣмецьки!

рода и православной вѣры. Есть того времени извѣстіе, что во время збаражской осады былъ онъ раненъ въ ногу; и вотъ поэтому-то настоящая пѣсня приглашаетъ его пуститься въ плясъ по-нѣмецки.

Замѣтимъ между прочимъ, что козаки и поляки въ тѣ времена называли битву танцемъ въ переносномъ смыслѣ. Южнорусскіе люди, участвовавшіе въ войнѣ подъ Збаражемъ и издѣвавшіеся тамъ надъ стѣсненными врагами, сложили эту пѣсню, а возвратившись въ свои домы, передали ее своимъ семьямъ; и такъ эта пѣсня, переходя отъ бабушекъ ко внучкамъ, утратила, для послѣдующихъ поколѣній, свой первоначальный смыслъ и осталась до сихъ поръ простою веснянкою, но сохранивши нѣкоторыя черты, которыя и теперь еще могутъ указывать на ея происхожденіе. Иначе, какъ въ веснянку, пѣсню чисто дѣвичью, могло попасть имя воеводы Вишневецкаго съ приглашеніемъ пуститься въ плясъ по-нѣмецки, посреди какихъ-то молодцовъ, которымъ пришлось грызть зубами собачьи шкуры?

Зборовскій миръ, постановленный Хмельницкимъ съ польскимъ королемъ Яномъ-Казимиромъ, не покончилъ борьбы южнорусскаго народа съ Польшею, но еще создалъ новые поводы къ недоразумѣніямъ и кровопролитіямъ. Весь южнорусскій народъ единодушно поднялся за свою свободу, домогаясь всеобщаго уравненія подъ формою козачества, а по силѣ Зборовскаго договора получали желанную свободу только сорокъ тысячъ въ значеніи привилегированнаго сословія. Остальные во время войны считавшіе себя козаками обращались въ посполъство или чернь, то-есть простонародіе, которому тогдашнія общественныя условія угрожали прежнимъ, быть-можетъ еще и болѣе тяжелымъ, порабощеніемъ. Изъ этого посполъства люди, не мирившіеся съ своимъ положеніемъ, порывались въ козаки, то-есть на свободу. Дѣлаться свободнымъ въ тотъ вѣкъ въ Украинѣ значило то же, что сдѣлаться козакомъ, иначе, по нашему способу выраженія, стать военнымъ человѣкомъ. Иного пути въ тѣ времена и быть не могло; вездѣ желавшіе сбросить съ себя какое бы ни было ярмо должны были браться за оружіе. Въ Украинѣ всякая война способствовала пріобрѣтенію свободы для извѣстнаго числа людей именно потому, что тогда удобнѣе было и льготнѣе людямъ изъ посполъства вступать въ козачество, и существовавшимъ въ Украинѣ властямъ было тогда желательно увеличеніе числа военныхъ людей; а кто только вступалъ въ козаки, тотъ уже счи-

талъ себя вольнымъ человѣкомъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока неблагопріятныя условія не вернули его силою къ прежнему положенію. Оттого всякая внѣшняя война въ Украинѣ для многихъ была болѣе или менѣе популярнымъ дѣломъ. Такъ было и въ 1650 году, когда Хмельницкій двинулъ свои силы на Молдавію. Грубые, драчливые инстинкты естественно господствовали издавна въ козачествѣ, какъ въ военномъ обществѣ, рядомъ съ другими болѣе высокими и нравственными побужденіями, а въ послѣднее время развивались при побратимствѣ съ татарами и высказались ярко въ этомъ походѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, объясняетъ намъ побужденія къ этому походу въ козацкой громадѣ малорусскій старинный повѣствователь, котораго правдивое сказаніе, дошедши до насъ, получило названіе «Лѣтописи Самовидца» (стр. 16). Посполитые люди увеличивали собою козацкія силы и шли въ походъ съ реэстровыми въ качествѣ охотнаго войска въ видахъ стать вольными людьми.

Объ этомъ-то походѣ сохранилась дума, извѣстная въ печати по двумъ варіантамъ: одинъ—въ Сборникѣ Максимовича (изд. 1849 года, стр. 71), другой — въ Сборникѣ Метлинскаго (стр. 391—395).

По своему духу, эта дума отклоняется отъ поэзіи всенародной къ поэзіи козацкой, принимая это слово въ смыслѣ близкомъ къ военно-сословному. Здѣсь не то, что въ прежнихъ думахъ и пѣсняхъ, гдѣ Хмельницкій является народнымъ заступникомъ, двигателемъ народныхъ потребностей для всѣхъ южнорусскихъ людей, вообще доступныхъ и дорогихъ,—здѣсь козаки идутъ за своимъ гетманомъ, сами не зная зачѣмъ идутъ; ни съ кѣмъ изъ нихъ онъ не совѣтуется, а они слѣпо ему повинуются; одному Богу предоставляютъ они знать, зачѣмъ любимый предводитель ведетъ ихъ [105]). Недавняя слава слишкомъ, видно, ослѣпила ихъ, просвѣчиваетъ уже обычный въ исторіи примѣръ, когда толпа, недавно оживленная единодушнымъ порывомъ борьбы за свою свободу, сразу и легко становится способною попасть подъ деспо-

---

[105]) Изъ низу Днѣпра тихій вѣтеръ вѣе, повѣвае;
Вôйсько козацькее у походъ выступае;
Тôлькô Богъ святый знае,
Що Хмелницькій думае-гадае,
Объ тôмъ не знали нѣ сотники,
Нѣ отаманы курѣнныи, нѣ полковники;
Тôлькô Богъ святый знае,
Що Хмелницькій думае-гадае (Макс.).

тизмъ того, кто руководилъ ею въ этой прошлой борьбѣ. По варіанту Метлинскаго приводится черта, намекающая на то, какого рода частные интересы могли тогда подвигать многихъ, которые тогда пошли за Хмельницкимъ въ Молдавію. «За нимъ козаки идутъ—какъ молодыя пчелы гудутъ; у иного нѣтъ ни сабли булатной, ни пищали семипядной: тотъ взваливаетъ на плечи дубину и поспѣшаетъ въ войско за гетманомъ Хмельницкимъ [106])». Здѣсь, конечно, надобно разумѣть такихъ, которые по силѣ Зборовскаго договора не вошли въ козацкое званіе и теперь спѣшили на войну, чтобъ инымъ путемъ, черезъ вступленіе въ охотное войско, снова сдѣлаться козаками. За самимъ Хмельницкимъ дума не знаетъ какого-нибудь нравственнаго побужденія къ этой войнѣ, а набрасываетъ на него тотъ поэтическій отсвѣтъ, какой въ сказкахъ и былинахъ дается древнимъ богатырямъ. У Хмельницкаго развернулась охота къ браннымъ подвигамъ; онъ вызываетъ на бой «Василія Молдавскаго» и заранѣе требуетъ отъ него уступокъ, если не захочетъ съ нимъ биться. Прибывши, по варіанту Максимовича, въ Хотинъ [107]), а по варіанту Метлинскаго—въ Сороку [108]), Хмельницкій посылаетъ къ Василію Молдавскому требовать, по первому варіанту, половину Волосчины [109]), а по другому—волошскихъ городовъ, либо же полумисковъ, наполнен-

---

[106]) А ще самъ зъ города Чигирина рушавъ.
За нимъ козаки йдуть,
Якъ ярая пчола гудуть,
Который козакъ не мае въ себе
Нѣ шаблѣ булатнои,
Нѣ пищали семипъядnои,
Той козакъ кій на плечи забирае
За гетьманомъ Хмелницькимъ у охотне вôйсько поспѣшае (Метл.).

[107]) Якъ до Днѣстра прибували,
Черезъ три перевозы переправу мали,
Самъ Хмелницькій напередъ рушавъ,
До Хотіна прибувавъ,
У старшого копитана на кватирѣ ставъ,
До Василя Молдавського листы посылавъ.

[108]) Пôдъ городомъ Сорокою шанцѣ копавъ,
У шанцяхъ курѣнемъ ставъ,
И ще отъ своихъ рукъ листы писавъ,
До Василя Молдавського посылавъ.

[109]) Що ты со мною будешъ гадати?
Чи будешъ биться,
Чи будешъ мириться?
Чи на перемирье будешъ пріймати,
Чи славнои Волосчины половину отдавати?

ныхъ червонцами [110]). По варіанту Максимовича, Василій Молдавскій посылаетъ просить помощи у польскаго короннаго гетмана Потоцкаго. Дума заставляетъ Василія Молдавскаго обращаться къ Потоцкому въ такомъ точно тонѣ, въ какомъ, въ другой думѣ, говорятъ съ этимъ самымъ Потоцкимъ козаки послѣ Корсунской побѣды. «Ахъ ты Потоцкій! Умъ у тебя-то бабій! Ты хлопочешь только о дорогихъ напиткахъ да о пирушкахъ. Зачѣмъ не удерживаешь Хмельницкаго? Вотъ уже началъ онъ орать конскими копытами землю молдавскую и поливать молдавскою кровью [111]). Но въ варіантѣ Метлинскаго Васичь Молдавскій, прежде своего обращенія къ Потоцкому, отвѣчаетъ Хмельницкому отказомъ на богатырскіе запросы послѣдняго и притомъ дѣлаетъ замѣчаніе, что приличнѣе было бы Хмельницкому, считая себя меньшимъ, покориться Василю Молдавскому, какъ старѣйшему [112]). Такой отвѣтъ раздражилъ Хмельницкаго; подступаетъ онъ къ городу Сорокѣ и говоритъ такую рѣчь: «О городъ, городъ Сорока! Не испугать тебѣ моихъ дѣтей козаковъ! Я покорю тебя, я возьму съ тебя немалыя сокровища, обогащу тѣмъ свою голытьбу, стану выдавать ей мѣсячное жалованье, каждому по битому та-

---

[110]) Чи будешъ со мною биться,
Чи мириться?
Чи городы свои волоськи уступати?
Чи червôнцями полумиски сповняти?
Чи будешъ гетьмана Хмелницького благати?

[111]) Василій Молдавській тее зачувавъ,
До Потоцького листы посылавъ,
Словами промовлявъ:
Гетьмане Потоцькій!
У тебе розумъ жѣноцькій!
Ты за дорогими напитками, бенкетами уганяешъ,
Чомъ ты Хмелницького не единаешъ?
Уже почавъ вôнъ землю кôнськими копытами орати,
Кровью молдавською поливати.

[112]) Господарь волоській листы читае,
Назадъ отсылае,
И въ листахъ приписуе:
Пане гетмане Хмелницькій,
Батю Зиновъ Богдане Чигиринській!
Не буду я съ тобою нѣ биться
Нѣ мириться,
Нѣ городôвъ тобѣ своихъ волоськихъ уступати,
Нѣ червôнцями полумискôвъ сповняти;
Не лучше бъ тобѣ покорітися меншому
Не нужли (нижли) менѣ тобѣ старшому!

леру» [113]). Видно, надежда на поживу была приманкой въ охотное войско неимущимъ; голь, какъ мы уже видѣли и прежде, отправлялась на войну какъ на промыселъ, чтобы тамъ добычею отъ непріятеля поправить скудное житіе свое. Въ предшествовавшій передъ тѣмъ годъ, 1649, южнорусы таки достаточно поживились грабежомъ панскаго и шляхетскаго достоянія (шарпаниною добръ панскихъ и шляхетскихъ), но очень многое изъ добытаго было скоро спущено съ рукъ московскимъ и волоскимъ купцамъ, устремившимся въ Украину покупать за безцѣнокъ вещи, которыхъ значенія цѣнить не умѣли продавцы. Кромѣ того былъ большой отливъ народонаселенія на войну въ 1649 году, и поэтому много пахатныхъ полей оставалось не обработанными: на слѣдующій годъ почувствовалась скудость и дороговизна хлѣба. Не мудрено, если условія тѣхъ лѣтъ дѣлали возможнымъ появленіе голи, бросившейся за поживою въ Молдавію, гдѣ Хмельницкій надѣлялъ ее на счетъ чужой земли. Вслѣдъ затѣмъ въ думѣ неподробно упоминается о сожженіи и разграбленіи Сочавы. Тогда, по разсказу думы, сочавцы, еще не повидавши въ глаза Хмельницкаго, убѣгають въ Ясы, извѣщають господаря о вторженіи козаковъ и грозять отдаться подъ власть иного властителя, если Василь не постоитъ за нихъ. Василь ѣдетъ изъ Ясъ въ Хотинъ и оттуда посылаетъ письмо къ Потоцкому [114]).

[113]) ...Хмелницькій якъ сіи слова зачувавъ,
Такъ вôнъ самъ на доброго коня сѣдавъ,
Коло города Сороки поѣзжавъ,
На городъ Сороку поглядавъ,
И ще съ-тиха словами промовлявъ:
—Эй городе, городе Сороко!
Ще ты моимъ козакамъ дѣтямъ не заполоха.
Буду я тебе доставати,
Буду я зъ тебе великіи скарбы мати,
Свою голоту сповняти,
По битому тарелю на мѣсяць жалованья давати.—
Отъ-тогдѣ-то Хмелницькій якъ похвалився,
Такъ гараздъ и учинивъ:
Городъ Сороку у недѣлю рано задобѣдья взявъ,
На рынку обѣдъ пообѣдавъ,
Къ полуднѣй годинѣ до города Сичавы припавъ,
Городъ Сичаву огнемъ запалявъ
И мечемъ сплюндровавъ.

[114]) Отъ-тогдѣ-то сочавцѣ гетьмана Хмелницького у-вôчи не видали,
Усѣ до города Ясъ повтѣкали,
До Василя Молдавського съ-тиха словами промовляли:
Эй Василю Молдавській,

Обращеніе господаря къ Потоцкому въ варіантѣ Метлинскаго [115]) приводится образнѣе, чѣмъ въ варіантѣ Максимовича, который, должно-быть, есть позднѣйшее сокращеніе и въ немъ уже многія существенныя черты выпали изъ думы. Слѣдуетъ затѣмъ— въ томъ же варіантѣ Метлинскаго—отвѣтъ Хмельницкому отъ Потоцкаго, котораго дума называетъ «кролемъ» польскимъ (не беремся рѣшать—ошибка ли это, или же дается ему такой титулъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ южноруссы въ насмѣшку звали польскихъ пановъ королькамн или королевенятами). Польскій коронный гетманъ вспоминаетъ, какъ Хмельницкій когда-то побѣдилъ его. Дума говоритъ о пятнадцати рыцаряхъ, высланныхъ къ Жолтой Водѣ, которыхъ перебилъ Хмельницкій. Кромѣ того, въ думѣ сообщается, что трехъ сыновей Потоцкаго Хмельницкій, взявши въ плѣнъ, отдалъ въ неволю турецкому султану, наконецъ самого отца ихъ, Потоцкаго, продержалъ три дня прикованнымъ къ пушкѣ [116]). Здѣсь одинъ изъ многихъ образчиковъ того, какъ

Господарю нашъ волоській!
Чи будешъ за насъ одностойно стояти,
Будемъ тобѣ голдовати;
Колижъ не будешъ за насъ одностойно стояти,
Будемъ иншому пану голдовати.
Отъ-тогдѣ-то Василь Молдавській,
Господарь волоській,
Пару коней у колясу закладавъ,
До города Хотинѣ отъѣзжавъ,
У Хвилецького копитана станцѣею ставъ,
Тогдѣ-жъ-то отъ своихъ рукъ листы писавъ,
До Ивана Потоцького кроля польского посылавъ.

[115]) Щожъ то въ васъ гетьманъ русинъ
Хмелницькій всю мою землю волоську обрушивъ,
Все мое поле копьемъ изъоравъ,
Усѣмъ моимъ волохамъ якъ галкамъ съ плечъ головки знявъ,
Где були въ полѣ стежки-дорôжки,
Молдавськими головками повымощовавъ;
Где були въ полѣ глыбоки долины,
Волоськовю кровію повыповнювавъ.

[116]) Оттогдѣ Иванъ Потоцькій,
Кролю польскій,
Листы читае, назадъ отсылае
А въ листахъ припнсуе:
Эй Василю Молдавській
Господарю волоській,
Колижъ ты хотѣвъ на своѣй Украинѣ проживати,
Було-бъ тобѣ Хмелницького у-вѣчнѣ часы не займати,
Бо дався менѣ гетьманъ Хмелницькій добре гараздъ знати:
У первѣй войнѣ

въ историческихъ пѣснопѣніяхъ искажаются дѣйствительныя события, оставляя, однако, на себѣ слѣды правды. Гетманы польскіе отправили противъ Хмельницкаго отрядъ, который чуть не весь былъ истребленъ козаками при Жолтыхъ Водахъ: это въ думѣ выражается въ образѣ высылки пятнадцати рыцарей, которыхъ перебилъ Хмельницкій. Сынъ короннаго гетмана Потоцкаго, Стефанъ, былъ убитъ въ Желтоводской битвѣ, а самъ гетманъ, отецъ его, взятъ въ плѣнъ подъ Корсуномъ и отданъ татарамъ. Вмѣсто одного сына въ думѣ явилось любимое сказочною поэзіей число три, а потомъ ихъ троихъ Хмельницкій отсылаетъ турецкому султану. На этихъ вымышленныхъ сыновей дума переноситъ—впрочемъ, въ измѣненномъ видѣ—то, что на самомъ дѣлѣ случилось со старымъ Потоцкимъ. О прикованіи Потоцкаго къ пушкѣ говорятъ и нѣкоторыя украинскія лѣтописи: фактъ сомнительный, хотя подобные пріемы практиковались въ козацкой жизни; но едва ли Хмельницкій, человѣкъ, получившій и образованіе и лоскъ, могъ позволить себѣ такую грубость.

Варіантъ Максимовича оканчивается сокращеннымъ воспоминаніемъ о подвигахъ Хмельницкаго и прославленіемъ его времени. «Тогда-то была честь и слава, тогда былъ и строй добрый въ войскѣ, не давали мы себя на посмѣяніе, а топтали ногами непріятеля» [117]). Это окончаніе быть-можетъ взято сюда изъ другой думы, или присоединено къ думѣ о молдавскомъ походѣ уже послѣ кончины Богдана Хмельницкаго, когда воспоминанія о немъ были еще очень свѣжи и дороги въ противоположность съ тѣмъ общественнымъ разстройствомъ, какое наступило въ Украинѣ тотчасъ послѣ его смерти.

На Жовтѣй Водѣ
Пятьнадцять моихъ лыцарѣвъ стрѣчавъ,
Невеликій имъ отвѣтъ дававъ,
Всѣмъ якъ галкамъ съ плечъ головки поздоймавъ,
Трохъ сынôвъ моихъ живцемъ узявъ,
Турецькому салтану въ подарунку одôславъ
Мене Ивана Потоцького три днѣ на приковѣ край пушки державъ,
А нѣ пити менѣ нѣ ѣсти не дававъ.

[117]) То панъ Хмелницькій добре учинивъ
Польщу засмутивъ,
Волощину побѣдивъ,
Гетьманщину звеселивъ.
Въ-той часъ була честь слава,
Вôйськовая справа.
Сама себе на смѣхъ не давала,
Непріятеля пôдъ ноги топтала.

Вторая война Хмельницкаго съ Польшею совсѣмъ иначе кончилась для козачества, чѣмъ первая. Козаки были жестоко поражены подъ мѣстечкомъ Берестечкомъ и Хмельницкій принужденъ былъ заключить съ поляками бѣлоцерковскій миръ, по которому рубежи края, гдѣ допускалось существованіе козачества, ограничены были кіевскимъ воеводствомъ вмѣсто прежнихъ трехъ воеводствъ: кіевскаго, черниговскаго и брацлавскаго. Такимъ образомъ, наперекоръ народному стремленію распространить козачество на всѣ южнорусскія земли, остававшіяся въ непосредственной власти панства и шляхетства, пришлось потерять и то, что уже по Зборовскому договору состояло во владѣніи козацкаго гетмана. Само собою разумѣется, новыя условія, какія возникали послѣ бѣлоцерковскаго мира, еще менѣе могли обѣщать спокойствія въ будущемъ, чѣмъ тѣ, которыми народъ былъ недоволенъ послѣ мира зборовскаго.

Вторая война не могла уже создать въ народѣ такихъ пѣсенъ, какія создала первая война,—пѣсенъ, въ которыхъ слышатся и восторгъ побѣды и поруганіе надъ побѣжденнымъ тираномъ. Въ пѣсняхъ этой эпохи отразилась поэзія пораженія. Народнымъ героемъ этой эпохи представляется Нечай, лицо, извѣстное въ исторіи подъ именемъ брацлавскаго полковника Данила Нечая. Пѣсня о пораженіи и смерти этого козацкаго вождя распространена повсюду въ западной части южнорусскаго края. Народъ любитъ эту личность. Давнія событія сбились между собою, смѣшались въ народной памяти и Нечай представляется какъ бы главнымъ богатыремъ въ бывшей когда-то борьбѣ съ ляхами. Въ мѣстахъ, гдѣ поются о Нечаѣ пѣсни, составились и различныя представленія объ этой личности: то онъ—верховный предводитель козаковъ противъ ляховъ, то онъ — соперникъ Хмельницкаго. Въ мѣстечкѣ Берестечкѣ, гдѣ сохранились вещественные памятники эпохи пораженія козаковъ, одни изъ мѣстныхъ обывателей на вопросъ: что означаютъ на ихъ поляхъ окопы и курганы, отвѣчали, что здѣсь когда-то бились козаки съ ляхами и у козаковъ былъ тогда главный богатырь Нечай, который здѣсь и погибъ. Другіе, тамъ же, разсказывали, что на ихъ поляхъ когда-то бились другъ противъ друга двое козацкихъ предводителей: одинъ—Нечай, другой—Хмельницкій.

Но какъ ни видоизмѣнились въ теченіе долгаго времени прежнія преданія о Нечаѣ, какъ ни исказилась въ современныхъ представленіяхъ историческая дѣйствительность, а все-таки несо-

мнѣнно, что Нечай пѣсенъ и преданій есть Данило Нечай, брацлавскій полковникъ погибшій въ битвѣ съ поляками, происходившей въ февралѣ 1651 года въ мѣстечкѣ Красномъ. Едва ли мы ошибемся, если въ лѣтописяхъ нашихъ отыщемъ причины, почему именно этотъ, а не другой какой-нибудь изъ сподвижниковъ Хмельницкаго, сталъ пѣсеннымъ народнымъ героемъ этой эпохи второй войны козаковъ съ поляками. Въ 1650 году народъ сильно взволновался противъ исполненія Зборовскаго договора, по которому сокращалось число козаковъ сорока тысячами, а не входившіе въ составленный козацкій реэстръ предавались снова произволу пановъ. Нечай заступался за народъ, Нечай сталъ на челѣ недовольной громады, Нечай отважно заговорилъ съ гетманомъ и Хмельницкій, который вообще не любилъ себѣ противорѣчій и расправлялся рѣшительными способами со всякимъ, кто осмѣлится не слушать его повелѣній, долженъ былъ перенести эту оппозицію и даже, по возможности, мирволить народнымъ стремленіямъ. Понятно, что такого человѣка, какимъ былъ Нечай, народъ любилъ и передалъ свою любовь къ его имени грядущимъ своимъ поколѣніямъ. Вѣроятно, это и было причиною, почему имя это вошло въ народную поэзію. Въ пѣсняхъ, однако, удержалось воспоминаніе не о его энергическомъ заступничествѣ за народъ, а о его смерти въ бою за народное дѣло. Смерть—любимый мотивъ козацкихъ пѣсенъ; смерть завершаетъ подвиги и поприще героя и чтущіе его память невольно обращаются къ этому грустному, но торжественному и замѣчательнѣйшему моменту славной жизни богатыря.

Намъ извѣстно множество варіантовъ пѣсни о смерти Нечая. Пять ихъ (стр. 403, подъ литерами: а, б, в, г, д) напечатаны въ Сборникѣ Метлинскаго, два въ Сборникѣ Максимовича изд. 1834 г. (стр. 97—101), одинъ въ Сборникѣ галицкихъ пѣсенъ Вацлава изъ Олеска (стр. 482), одинъ въ Сборникѣ галицкихъ же пѣсенъ Жеготы Паули (стр. 145): оба послѣдніе соединены въ собраніи галицкихъ пѣсенъ, помѣщенномъ въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей» (1863 г., ч. III, стр. 7); сверхъ того у насъ въ рукахъ было два писанныхъ варіанта, изъ которыхъ одинъ былъ записанъ мною въ Волынской губерніи, другой г. Руданскимъ въ Подольской. Наконецъ, въ изданіи «Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа», напечатанныхъ въ 1874 году, гг. Антоновичемъ и Драгомановымъ, помѣщено 38 варіантовъ (конечно, со включеніемъ приведенныхъ

выше) этой пѣсни, показывающихъ, до какой степени популярно было воспѣваемое въ ней лицо.

Всѣ эти варіанты замѣчательно сходны между собою и различаются другъ отъ друга сравнительно большею или меньшею полнотою. Если мы сравнимъ содержаніе пѣсни съ извѣстіями о битвѣ и смерти брацлавскаго полковника у современныхъ ему дѣеписателей, то смѣло можемъ сказать, что мало такихъ пѣсенъ, въ которыхъ бы отразилась до такой точности историческая дѣйствительность, какъ въ пѣснѣ о Нечаѣ. Во всѣхъ варіантахъ за Нечаемъ удерживается одинъ типъ, одинъ характеръ. Это—козакъ во всей полнотѣ козацкой натуры, отважный, разгульный, безпечный и безразсудный. Свойства эти общенародныя, а потому народъ ихъ легко извиняетъ и даже они возбуждаютъ къ герою болѣе сочувствія. Нечай на масленицѣ гуляетъ съ «кумасею», попиваетъ съ нею вино и не обращаетъ вниманія на предостереженія, которыя ему дѣлаются.

На него внезапно нападаютъ ляхи, онъ ихъ не боится, самонадѣянно пускается въ битву, совершаетъ чудеса храбрости и погибаетъ подъ наплывомъ огромнаго числа непріятелей.

Первый образъ въ этой пѣснѣ тотъ, что козаки обращаются къ Нечаю съ совѣтомъ, чтобъ онъ стерегся и убѣжалъ бы съ ними [118]). «Не бойтесь козаки,—отвѣчаетъ Нечай,—я поставилъ сторожу по всѣмъ путямъ» [119]). По другому варіанту онъ восклицаетъ: «какъ я могу убѣгать отсюда и топтать ногами свою козацкую славу! У меня есть Шпакъ, онъ молодецъ; онъ мнѣ даетъ знать когда нужно убѣгать» [120])! Этотъ Шпакъ есть то самое лицо, которое въ исторіи Веспасіяна Коховскаго, описывавшаго своего времени событія, значится подъ именемъ Шпаченка (сына Шпакова) сотника. Обстоятельство, что въ пѣснѣ сохранилось вѣрно собственное имя, имѣвшее второстепенное участіе въ сообщаемомъ пѣснею событіи, придаетъ въ нашихъ гла-

---

[118]) Ой изъ темного лѣсу изъ Чорного гаю,
Ой крикнули козаченьки: утѣкай (или втѣкаймо) Нечаю!
(У Жеготы Паули первый стихъ такъ:
У Краснѣмъ при ставѣ зъ Зеленого гаю (географическая точность!)

[119]) Ой не бôйтесь не бôйтесь паны отаманы:
Я поставивъ стороженьку усѣма шляхами.

[120]) Якъ я маю козакъ Нечай звôдсѣль утѣкати,
Славу свою козацькую пôдъ ноги топтати!
Ой е у мене Шпакъ, Шпакъ... Отъ-той добрый хлопець,
Отъ-той менѣ дае знати коли утѣкати!

захъ большую важность самому народному произведенію: сохранились такія черты, которыя могли только составлять принадлежность самой древней редакціи, слѣдовательно пѣсня мало подвергалась искаженіямъ въ послѣдующія времена, по крайней мѣрѣ въ лучшихъ своихъ варіантахъ.

Далѣе въ пѣснѣ Шпакъ говоритъ, что онъ не успокоиваетъ его, Нечая, на счетъ опасностей, что во всякомъ случаѣ подобно ему быть наготовѣ — держать коня своего подъ сѣдломъ, а саблю подъ епанчою [121]), чтобъ можно было обороняться отъ ляховъ, когда тѣ явятся рубить Нечая. По галицкимъ варіантамъ Нечай посылаетъ молодца провѣдать о ляхахъ и молодецъ, сбѣгавши до Полоннаго, извѣщаетъ, что ляховъ идетъ сорокъ тысячъ безъ единаго [122]) (эпическое число). Здѣсь Полонное — идеальная мѣстность, какъ и въ думѣ о расправѣ съ жидами; иначе, еслибы разумѣть мѣстечко Волынской губерніи, носящее это названіе, то Нечаю не зачѣмъ было посылать туда гонца на провѣдки при тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ онъ тогда находился.

Нечай не обращаетъ вниманія на угрожающія вѣсти. Онъ ставитъ въ городѣ караулъ, а самъ идетъ пить медъ-вино и ѣсть щуку-рыбу къ кумѣ [123]), называемой по одному варіанту Хмельницкою [124]), а по другому Ведельскою, по третьему кумой любасею, то-есть кумою любезною [125]). Вдругъ взглядываетъ онъ

---

[121]) А я тебе, мôй Нечаю, не убезпечаю,
Держи коня, держи въ сѣдлѣ для свого звычаю.
Ой я тебе мôй Нечаю неубезпечаю,
Держи свою шабелечку да пôдъ опанчею.
Коли прийдуть тебе ляхи, Нечаю, рубати,
Що бы ся мавъ, мôй Нечаю, чимъ обороняти!

[122]) Сѣдлай, сѣдлай, малый хлопче, коня вороного,
А побѣжи въ чисте поле—чи йде ляшкôвъ много?
Вертается малый хлопець ажъ изъ Полонного,
А йде ляшкôвъ сорокъ тысячъ тôлько безъ одного.

[123]) Ой поставивъ Нечай козакъ да сторожу (въ др. вар. три сторожи) въ мѣстѣ,
А самъ пôшовъ до кумоньки щуку-рыбу ѣсти (Метл. вар. подольскій).

[124]) Козакъ Нечай, козакъ Нечай на тее не дбае,
Да съ кумою, Хмелницькою, медъ-вино кругляе;
Ой поставивъ козакъ Нечай да сторожу въ мѣстѣ,
А самъ пôшовъ до кумоньки щуки-рыбы ѣсти (Макс.).

[125]) Да съ кумою любасею медъ-вино кругляе.
(У Антон. и Драг., стр. 66: но съ кумою Ведельскою медъ-вино кружляе.)

въ оконную форточку и видитъ ляховъ: ихъ тамъ такъ много, какъ куръ на рынкѣ [126]).

По варіанту Метлинскаго, Нечаю приносятъ вѣсть, что поставленная имъ въ городѣ сторожа уже пропала [127]). Нечай приказываетъ сѣдлать коня и вмѣстѣ съ своимъ джурою выѣзжаетъ на битву [128]). Во всѣхъ варіантахъ битва изображается сходными чертами. Нечай рубитъ ляховъ какъ капусту [129]), кладетъ ихъ какъ снопы [130]) въ четыре ряда [131]), сбиваетъ съ коней какъ солому [132]), кровь течетъ рѣкою [133]); наконецъ, Нечаевъ конь уже

---

[126]) Якъ погляне козакъ Нечай у вôкно въ кватирку,
Ажъ тамъ ляшкôвъ вражихъ сынôвъ якъ курей по рынку (вар. волынс., Макс.)

или:

Подивиться козакъ Нечай въ горѣшню кватирку,
А вже ляхôвъ вражихъ сынôвъ повнѣсенько въ рынку.
(Чт. 1863 г., III, 8.)

[127]) Ой сѣвъ же да Нечаенко да щуки-рыбы ѣсти,
Охъ и прилетѣли до Нечаенка да не мудрыи вѣсти.
Охъ иже ты, Нечаенко, да медъ-вино кругляешъ,
А вже твоѣй стороженьки да на мѣсцѣ не мае.

[128]) Ой крикнувъ да Нечаенко да на джуру малого:
Сѣдлай, джуро, коня вороного, а пôдъ мене гнѣдого.
Ой подтягай, да малый хлопче, да попруги истуга:
Буде на ляхôвъ да на тихъ панôвъ велика потуга.

Или:

Сѣдлай собѣ вороного, менѣ буланого,
Да будемо выѣздити зъ мѣста головного.

[129]) Не вспѣвъ Нечай, не вспѣвъ козакъ на коника сѣсти,—
Якъ взявъ ляшкôвъ вражихъ сынôвъ на капусту сѣкти.
(Метл., вар. волынск.)

[130]) Проѣхався козакъ Нечай отъ башты до башты,
Дай ставъ ляшкôвъ вражихъ сынôвъ якъ снопики класти.

[131]) Обернувся козакъ Нечай отъ брамы до брамы,
Выклавъ ляшкôвъ вражихъ сынôвъ у чотыри лавы.
(По вар. Ант. и Драг., стр. 67.)

Или:

Переѣхавъ козакъ Нечай вôдъ брамы до брамы,
Сколотивъ ляшеньками якъ вовкъ вôвцями.
(Вар. подольск. Метл., Макс.)

[132]) Ой проѣхавъ козакъ Нечай отъ дому до дому:
Почавъ класти вражихъ ляхôвъ съ коней якъ солому.
(Вар. волынск., галицк.)

[133]) Повернувся козакъ Нечай на лѣвее плече,
А вже зъ ляхôвъ вражихъ сынôвъ кровъ рѣчками тече.
(Макс., волынск., подольск., галицк.)

Или:

А за нимъ же Нечаенкомъ кровавая рѣчка тече.
(Метл., 3.)

не можетъ выскочить изъ кучи ляшскихъ труповъ и козакъ приходитъ въ опасное положеніе отъ избытка собственной побѣды [134]). Черты эти составляютъ главные признаки пѣсни о пораженіи Нечая, но переносятся иногда и въ пѣсни о Перебійносѣ, Морозенкѣ, Саввѣ Чаломъ, такъ что могутъ съ перваго взгляда показаться типическими пѣсенными изображеніями битвы вообще; но, присмотрѣвшись внимательнѣе, легко замѣтить, что въ пѣсняхъ о всѣхъ личностяхъ, кромѣ Нечая, черты эти являются случайно, и во многихъ варіантахъ пѣсенъ объ этихъ личностяхъ ихъ нѣтъ, тогда какъ онѣ неизбѣжны во всѣхъ варіантахъ пѣсни о пораженіи Нечая.

По варіанту Метлинскаго, Нечай, видя за собою множество враговъ, пытается бѣжать, а панъ Потоцкій пустился за нимъ въ погоню [135]); по всѣмъ другимъ варіантамъ, на самомъ мѣстѣ боя конь Нечаевъ споткнулся и въ это мгновеніе поймалъ его за чуприну, по однимъ варіантамъ, панъ Потоцкій [136]), по другимъ — панъ Калиновскій [137]), по третьимъ же — панъ Хмѣлевскій [138]), а по галицкимъ — какой-то неизвѣстный ляхъ, называемый въ пѣснѣ бранною кличкой [139]).

Или:
За нимъ рѣчка кровавая, що й конемъ не втече.
(ibid., 4.)

[134]) Повернувся козакъ Нечай на правую руку,—
Не выскочить Нечаевъ кôнь изъ ляцького трупу.
(Варіанты: галицкіе, волынскій, подольскій.)
Или:
Конь вороный самъ молодый да не выскочить зъ трупу.
(Метл., 3.)

[135]) Ой бросився козакъ Нечай зъ мѣста утѣкати,
За нимъ, за нимъ панъ Потоцькій да почавъ здоганяти.
Ой побігъ же да Нечай козакъ въ полѣ на долину,
Да исхвативъ панъ Потоцькій Нечая ззаду за чуприну.
(Метл., 405.)

[136]) Ой пôткнувся Нечаевъ кôнь на малу тычину,
Пойнявъ ёго панъ Потоцькій съ коня за чуприну.
(Вацл. из. Олеск.)

[137]) Гей пôткнувся пôдъ Нечаемъ да кôнь на корыню,
Добравъ го ся Калиновській съ верха за чуприну.
(Żeg. Pauli, 144.)

[138]) Пôмавъ ёго панъ Хмѣлевській съ заду за чуприну.
(Вар. волынск.)

[139]) Пошпотався пôдъ Нечаемъ коникъ на купинку:
Зловивъ ляшокъ скурвый сынокъ ёго за чупринку.
(Чт. 1863, III. 8.)

Схватившій за чуприну Нечая ляхъ заговариваетъ съ нимъ съ издѣвками и сравниваетъ его съ хмѣлемъ [140]). Козакъ Нечай, находясь уже въ рукахъ враговъ, кричитъ своимъ козакамъ [141]), а по галицкому варіанту—своему брату [142]), чтобы передали поклонъ его женѣ: пусть выкупаетъ его, по крайней мѣрѣ его тѣло [143]); посылаетъ также поклонъ матери, несчастной женщинѣ [144]); будетъ она только плакать, да уже ничего не выплачетъ: надъ ея сыномъ вьется черный воронъ [145]).

Поляки не хотѣли брать ни серебра, ни золота за его тѣло [146]): они изрубили его и пускали по водѣ [147]). Осталась только голова Нечая и катается по рынку.

Тогда козаки стали думать, гдѣ имъ похоронить голову козака Нечая, и говорятъ они: похоронимъ ее, братцы, въ церкви Св. Варвары. Пріобрѣлъ ты себѣ, козакъ Нечай, великую славу! По другому варіанту, козаки хоронятъ его на могилѣ и садятъ надъ нимъ калину [148]). Это погребеніе головы Нечая встрѣчаемъ

---

[140]) А що теперъ, козакъ Нечай, що теперъ думаешъ,
Що зъ ляшками и съ панками вôйну починаешъ?
Чи не ты той хмель хмель, що по тычки вьешься?
Чи не ты той козакъ Нечай, що зъ ляшками бьешься?
Чи не ты той хмель, хмель, що у пивѣ граешъ?
Чи не ты той козакъ Нечай, що ляшкôвъ рубаешъ?
Чи не ты той хмель, хмель, що у пивѣ киснешъ?
Чи не ты той козакъ Нечай, що ляшенькôвъ тиснéшъ?
Годѣ тобѣ, годѣ, хмелю, да по тыну виться;
Годѣ тобѣ, козакъ Нечай, вражій сыну, изъ ляшками биться!

[141]) Ой который козаченько буде зъ васъ у мѣстѣ:
Поклонѣться моѣй жѣнцѣ несчастнѣй невѣстѣ.
(У Жеготы).

[142]) Гей зобачивъ козакъ Нечай свого брата въ мѣстѣ:
Поклонися моѣй жѣнцѣ, а своѣй невѣсцѣ (Żeg. 144).

[143]) Мае вона, нехай бере срѣбла злота досыть,
Нехай мене выкупляе и остáнку просить.

[144]) Вы молодѣ козаченьки, чи не були въ мѣстѣ:
Поклонѣться матусенькѣ несчастнѣй невѣстѣ.

[145]) Нехай вона плаче да вже не выплаче,
Бо надъ сыномъ надъ Нечаемъ чорный воронъ кряче.

[146]) Не хотѣли вражи ляхи срѣбла-злота брати,
А волѣли Нечаенка въ дрôбный макъ сѣкати.

[147]) Ой не дбали вражи ляхи на козацьку вроду
Рвали тѣло по кусочку, пускали на воду (Макс.).

[148]) Не за довгій довгій часъ за малу годинку,
Качаеться Нечаева головка по рынку.
Стали тогдѣ козаченьки думати-гадати:
Где козаченька Нечая голову сховати.
Поховаймо, паны братцѣ, въ церквѣ у Варвары.

только въ варіантѣ, записанномъ нами на Волыни, и въ другомъ, напечатанномъ у Метлинскаго. Въ другихъ нѣтъ о погребеніи, а въ одномъ изъ варіантовъ у Метлинскаго все тѣло убитаго Нечая козаки похоронили въ польскомъ костелѣ [149]). Это, быть-можетъ, позднѣйшее искаженіе. У Максимовича послѣ всего задаются Нечаю такіе вопросы: гдѣ его вороные кони, окованныя повозки, суконныя и шелковыя одежды? На эти вопросы слѣдуютъ такого рода отвѣты: его вороные кони у польнаго гетмана, его повозки завезены въ кусты верболоза подъ Берестечкомъ, а его одежды забрали и истребили ляхи. Но эти стихи собственно принадлежатъ къ другой пѣснѣ, къ пѣснѣ о Берестечскомъ пораженіи, и относятся не къ Нечаю, а къ Хмельницкому, имя котораго здѣсь замѣнилось Нечаемъ, что̀ вполнѣ естественно, такъ какъ вообще берестечское дѣло приписывается въ народномъ преданіи Нечаю, хотя дѣйствительнаго Нечая во время Берестечской битвы уже не было на свѣтѣ.

Пораженіемъ и смертью Нечая не ограничилась память объ этомъ козакѣ-богатырѣ въ произведеніяхъ народного пѣсеннаго творчества. Еще въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія привелось мнѣ увидѣть записанную неизвѣстнымъ любителемъ пѣсню о Нечаѣ совсѣмъ иного склада и пошиба, чѣмъ та, которая описываетъ его пораженіе и смерть въ Красномъ. Черезъ нѣсколько времени услышалъ я самъ изъ устъ народа первую половину этой пѣсни, но не съ именемъ Нечая, а съ неопредѣленнымъ именемъ козака. Первая половина (именно та, которую слышалъ я въ народѣ) изображаетъ пріѣздъ козака къ своей возлюбленной, встрѣчу его дѣвицею, угощеніе и грусть дѣвицы, чувствующей, что козакъ пріѣхалъ съ нею прощаться передъ походомъ [150]). Вторая половина (которую я не слыхалъ, а толь-

---

Зажилъ еси, козакъ Нечай, великои славы!
По варіанту, записан. въ Харьковской губ. (Антон. и Драгом., стр. 81).
Ой нуможъ мы премилее браття думати-гадати:
Где намъ сее тѣло Нечаево бѣло где намъ его поховати.
Гей зойдемось, премилее браття, на высоку могилу,
Да выкопаемъ, премилее браття, глыбокую яму,
Да посадимъ, премилее браття, червону калину,
Гей щобъ зайшла лыцарськая слава на всю Украину!

[149]) Похоронили его тѣло у польськѣмъ костѣлѣ,
А сами розойшлися козаченьки по своѣй господѣ.
(Метл. 405.)

[150]) Ой по горамъ по долинамъ,
По козацькимъ украинамъ,

ко читалъ въ спискѣ) изображаетъ, какъ входятъ отецъ и мать этой дѣвицы, оказывающейся уже прямой невѣстою Нечая. Родители дѣвицы спрашиваютъ Нечая, когда имъ ждать его для вѣнчанія съ ихъ дочерью. Нечай загадочно говоритъ, что быть-можетъ его поджидаютъ къ себѣ волны и стелятъ ему бѣлую постель, и онъ ляжетъ на ней спать и станетъ поджидать къ себѣ милую, но она, черноокая, не придетъ къ нему [151]). Слова Не-

---

Сивъ голубонько лѣтае,
Собѣ пароньки шукае,
Ой тожъ Нечай похожае,
Въ свистѣлочку выгравае,
Чи менѣ, каже, жениться,
Чи менѣ, каже, журиться?
Чи менѣ листы писати?
Будуть мене люди знати.
Напишу я дрбблнѣ листы
Да положу за пазуху,
Кониченька осѣдлаю,
Кониченька вороного,
Да пбдъ себе молодого.
Ѣде козакъ дорогою
Свѣтить мѣсяць дббровою.
Ты, мѣсяцю, свѣти ясно,
Ты, конику, бѣжи страшно!
Ой ставъ мѣсяць примеркати,
Ставъ коничокъ приставати,
До дворика привертати.
Выйшла съ двора миленькая,
Голубонька сивенькая;
Взяла коня за уздечку,
А милого за ручечку,
Повела коня въ ставницю,
А милого у свѣтлицю,
Дала коню вбвса й сѣна,
А милому меду й вина,
Сама сѣла въ кбнець стола,
Сама сѣла задумала,
Карѣ очи зарюмала.
Чого, мила, задумала,
Карѣ очи зарюмала?
Чи жаль тобѣ вбвса й сѣна,
Чи жаль тобѣ меду й вина?
Не жаль менѣ вбвса й сѣна,
Не жаль менѣ меду й вина;
А жаль менѣ миленького
Голубонька сивенького.

[151]) Ой и выйшовъ старый батенько,
Ще й старая ненька...
Ой колижъ тебе, нашъ зятеньку,

чая о томъ, что его поджидаютъ волны, какъ намъ кажется, по своему смыслу состоятъ въ связи съ тѣмъ мѣстомъ въ пѣснѣ о смерти Нечая, гдѣ говорится, что ляхи рвали по кусочку его тѣло и бросали въ воду.

По стихосложенію обѣ половины отличны между собою и могли быть, отдѣльно каждая, самобытными пѣснями и притомъ козацко-бытовыми съ нарицательнымъименемъ козака, замѣнившимся впослѣдствіи собственнымъ именемъ Нечая, потому что въ народномъ представленіи онъ сдѣлался идеаломъ козака. Это особенно возможно предположить относительно первой половины.

Въ томъ предположеніи, что имя Нечая, какъ идеала козацкой красоты, легко замѣнять могло нарицательное имя козака, подкрѣпляетъ насъ еще и то, что въ одной пѣснѣ соколъ купается съ орломъ и спрашиваетъ орла, не бывалъ ли онъ на Дунаѣ, не слыхалъ ли про Нечая? За тѣмъ говорится, что уже три дня и три недѣли прошло съ тѣхъ поръ, какъ убили Нечая [152]). Слѣдуетъ послѣ того варіантъ очень распространенной пѣсни о томъ, какъ убитый въ степи козакъ посылаетъ своего коня къ роднымъ извѣстить, что онъ женился, и при этомъ въ переносномъ смыслѣ вмѣсто новобрачной изображается могила. Въ галицкомъ варіантѣ безъ предисловія о соколѣ и орлѣ эта пѣсня прямо относится къ Нечаю [153]).

До домоньку ждати,
До домоньку ждати
Бѣлу постѣль стлати
Съ донькою вѣнчати.
Ой Богъ знае, святѣ знають
Да що починають,
Ой Богъ знае, може хвилѣ
Мене пôджидають...
Пôджидають Нечаенка
Постѣль стелють бѣлу,
А я ляжу на нихъ спати,
Пôджидати милу.
А я буду пôджидати,
Да й просплю до ночи,
Да й не прійдуть да до мене
Мои чорнѣ очи.

152) Соколъ зъ орломъ купаеться,
Соколъ въ орла пытаеться,
Чи бувъ, орле, на Дунаѣ,
Чи що чувавъ про Нечая,
А вже три днѣ, три недѣлѣ
Якъ Нечая въ войнѣ вбили.

153) А вже три днѣ, три недѣлѣ

Выше было замѣчено, что въ народныхъ воспоминаніяхъ о старинѣ битва подъ Берестечкомъ приписывается то Нечаю, то Хмельницкому, но имя Нечая усвоено болѣе Хмельницкаго. Въ пѣснѣ о Берестечской битвѣ нѣсколько лицъ, пѣвшихъ эту пѣсню, произносили имя Нечая, и только одно лицо (послѣ нашего замѣчанія, что вмѣсто Нечая вѣроятно поютъ Хмельницкій), согласилось съ этимъ замѣчаніемъ, такъ какъ дѣйствительно знало, что подъ Берестечкомъ воевалъ противъ поляковъ Хмельницкій [154]). Эту пѣсню слышалъ я не въ иномъ какомъ мѣстѣ, какъ въ самомъ Берестечкѣ. Нѣкоторые стихи этой пѣсни (въ которой, безъ всякаго сомнѣнія, имя Нечая вставлено анахронизмомъ вмѣсто имени Хмельницкаго), встрѣчаются въ варіантахъ приведенной выше пѣсни о пораженіи и смерти Нечая въ Красномъ. Седьмой и восьмой стихи являются, хотя нѣсколько въ иномъ видѣ, одиннадцатымъ и двѣнадцатымъ стихами варіанта пѣсни о Нечаѣ, помѣщеннаго въ Сборникѣ Метлинскаго подъ зна-

---

Якъ Нечая въ войнѣ вбили
Надъ нимъ коникъ зажурився,
Копытами въ землю вбився.
Не стôй, коню, надо мною,
Бо я вижу вѣрность твою.
Бѣжи, коню, дорогою,
Зеленою дубравою,
Якъ прибѣжишъ до-домоньку,
Тамъ ударь ты копытами
Передъ нашими воротами;
Выйде отець—утѣшиться,
Выйде мати—засмутиться.
— Где-жъ ты, коню, подѣвъ Ивана,
Мого сына твого пана?—
— „Насъ ляшеньки догонили,
Твого сына съ собовъ взяли.
Но ты, мати, не журися,
Взявъ вôнъ собѣ дружиноньку
Высокую могилоньку“ (Żeg. Pauli, I. 145).

[154]) Выступали козаченьки зъ высокои горы,
Попереду козакъ Нечай на воронѣмъ конѣ.
Ступай, коню, дорогою широко ногами!
Недалеко Берестечко и орда за нами.
Стережися, пане Яне, якъ Жовтои Воды:
Йде на тебе сорокъ тысячъ хорошои вроды.
Якъ ставъ джура, якъ ставъ малый коника сѣдлати—
Стали пôдъ тимъ кониченькомъ нôженьки дрôжати.
Заговорить козакъ Нечай до коня словами:
Не доторкайсь, вражій коню, до землѣ ногами!
Чи не ты той хмель зеленый, що коло тычки вьешься?

комъ *б* [155]). Стихи одиннадцатый и двѣнадцатый сходны съ тридцать-девятымъ и сороковымъ перваго изъ варіантовъ, напечатанныхъ у Максимовича [156]), стихи пятнадцатый и восьмнадцатый похожи на стихи девятнадцый и двадцать-четвертый второго варіанта у Максимовича [157]). Ясно, что двѣ народныя пѣсни, относившіяся ко второй войнѣ Хмельницкаго противъ поляковъ: пѣсня о пораженіи и смерти Нечая въ Красномъ и пѣсня о несчастномъ для козаковъ сраженіи подъ Берестечкомъ—сбивались въ одну, и при этомъ имя Хмельницкаго замѣнялось, даже не-кстати, именемъ Нечая, именемъ болѣе любимымъ народомъ.

Есть основаніе отнести къ Берестечскому пораженію пѣсню, записанную на Волыни и самими пѣвцами относимую къ этому событію [158]). Пѣсня эта представляетъ черты, напоминающія об-

---

Чи не ты той козакъ Нечай, що зъ ляхами бьешься?
Ой не я той хмель зеленый, по тычки не вьюся,
Ой не я той козакъ Нечай, зъ ляхами не бьюся.
А где-жъ твои, Нечаенку, вороныи конѣ?
У гетмана Потоцького стоять на пригонѣ!
А гдежъ твои, Нечаенку, кованыи возы?
Подъ мѣстечкомъ Берестечкомъ заточенѣ въ лозы!
Що я зъ вами, вражи ляхи, не по правдѣ бився.
Якъ припустивъ коня вороного—мôстъ менѣ вломився!

155) Гей а выскочивъ козакъ Нечаенко самъ коника сѣдлати;
Гей пôдъ конниченькомъ пôдъ вороненькимъ стали ноженьки дрôжати!

156) Чи не той-то хмель, хмель, що высоко вьеться!
Чи не той-то козакъ Нечай, що зъ ляшками бьеться?

157) Ой гдежъ твои, Нечаенку, кованыи возы?
Пôдъ мѣстечкомъ Берестечкомъ заточенѣ въ лозы.
Ой гдежъ твои, Нечаенку, вороныи конѣ?
У гетьмана у польного стоять на пригонѣ!
Ой гдѣжъ твои, Нечаенку, суквѣ, блаватасы?
Гей посѣкли, порубали ляхи въ шабельтасы!
(Максим. Сб. изд. 1834, стр. 100.)

158) Кину перомъ, лыну орломъ, конемъ поверну,
А до свого отамана таки прибуду.
Чоломъ, чоломъ, нашъ гетьмане, чоломъ батьку нашъ!
А вже нашого товариства багацько не машъ!
Ой якъ же вы, паны молодцѣ, ой якъ вы ставали,
Що вы свое товариство на-вѣки втеряли?
Становились, нашъ гетьмане, плечемъ о-плече.
Ой якъ крикнуть вражи ляхи: у пень посѣчемъ!
Ой щожъ вы, паны молодцѣ, що за здобычъ мали?
Вели коня у нарядѣ, а ляхи отняли!
Зима прійшла—хлѣба нема: тожъ намъ не хвала!
Весна прійшла, лѣсъ розвила, всѣхъ насъ покрыла.

стоятельства того времени, когда, послѣ страшнаго пораженія, нанесеннаго козакамъ и возставшему съ ними народу, остатки сражавшихся подъ Берестечкомъ сходились съ своими полковниками къ Хмельницкому: по свидѣтельству польскихъ дневниковъ, это происходило въ Паволочи. Стихи девятый и десятый о какомъ-то конѣ—непонятны, относясь къ какому-то неизвѣстному для насъ обстоятельству. Что касается до двухъ послѣднихъ стиховъ этой пѣсни, то здѣсь выражается печальное состояніе Украины зимою послѣ несчастной второй войны Хмельницкаго противъ Польши, и потомъ поправленіе народнаго дѣла весною, когда вспыхнуло опять возстаніе.

Самый крупный памятникъ эпохи послѣ второй войны козаковъ съ поляками при Хмельницкомъ—дума о состояніи Украины послѣ Бѣлоцерковскаго договора и о возстаніи южнорусскаго народа въ 1652 году. Дума эта извѣстна намъ по двумъ варіантамъ: одинъ напечатанъ у Кулиша въ «Запискахъ о Южной Руси», другой—въ Сборникѣ Максимовича въ изданіи 1849 года по списку, доставленному ему г. Мурзакевичемъ. Въ подробностяхъ есть въ этихъ варіантахъ отличія, но въ содержаніи и тонѣ—полное единство. Дума заключаетъ въ себѣ послѣдовательно слѣдующіе предметы:

а) Угнетеніе южнорусскаго народа отъ польскихъ жолнѣровъ, послѣдовавшее оттого, что Хмельницкій допустилъ въ Украинѣ квартировать польскимъ войскамъ.

б) Первое столкновеніе козаковъ съ ляхами въ корчмѣ.

в) Посланіе козаковъ къ Хмельницкому съ просьбою дозволить начать возстаніе и отвѣтъ Хмельницкаго.

г) Воззваніе Хмельницкаго и изгнаніе поляковъ.

Дума начинается вопросомъ: хорошо ли сдѣлалъ Хмельницкій, постановивши съ ляхами договоръ въ Бѣлой Церкви и дозволивши имъ вступить въ Украину [159]), по варіанту Максимовича, на четыре мѣсяца [160]).

Послѣ этого вопроса описывается народное отягощеніе. Хмель-

---

[159]) Ой чи гараздъ чи добре нашъ панъ гетьманъ Хмелницькій учинивъ.
Що зъ ляхами мостивыми панами у Бѣлѣй Церкви замиривъ,
Да велѣвъ ляхамъ мостивымъ панамъ по козакахъ по мужикахъ стацѣею стояти (Кул. „Зап." I. 51).

[160]) Ой чи добре панъ Хмелницькій починавъ
Якъ зъ Берестецького року всѣхъ панôвъ-ляхôвъ на Украину на чотырѣ мѣсяцѣ высылавъ (Макс., 74).

ницкій допустилъ стацію. Этимъ именемъ назывался постой войска, но подъ понятіе о стаціи подводились всякія повинности и поборы, налагаемые съ народа въ пользу войска, квартировавшаго въ краѣ; говорилось не только стоять стаціею, но говорилось также—давать стацію, брать стацію. Стація былъ предметъ въ высшей степени противный народу, тѣмъ болѣе, что польскіе жолнѣры, подъ предлогомъ стацій, совершали надъ жителями крайнія неистовства и нахальства, и оттого въ одномъ варіантѣ вмѣсто слова стація [161]) употреблено слово кривда [162]).

Обращеніе жолнѣровъ съ жителями подъ предлогомъ стаціи изображается такъ: когда наступилъ четвертый мѣсяцъ, паны-ляхи стали отбирать и у козаковъ и у мужиковъ ключи отъ кладовыхъ и сдѣлались хозяевами надъ козацкимъ и мужицкимъ достояніемъ [163]). Нахальство ихъ пошло далѣе: ляхъ отсылаетъ хозяина на конюшню, а самъ ложится съ его женою [164]). Бѣдный хозяинъ со двора черезъ окно видитъ, что̀ творится у него въ домѣ, и съ горя идетъ, по варіанту Кулиша, въ кабакъ [165]), а по варіанту Максимовича—въ корчму [166]) пропивать послѣднюю бездѣлицу, какую удалось ему передъ тѣмъ пріобрѣсть. Но ляхъ и тамъ ему не даетъ покоя. Хочется ляху знать: что̀ про него и про его братію говорятъ козаки и мужики [167]); ляхъ, словно

---

[161]) Да не велѣвъ великои стаціи вымышляти.

[162]) А нѣ козаку, а нѣ мужику жоднои кривды починати.

[163]) Стало на четвертый мѣсяць повертати,
Стали паны-ляхи способъ прибирати,
Отъ козацькихъ и отъ мужицькихъ комбръ ключи отбирати,
Надъ козацькимъ надъ мужицькимъ добромъ господарями знахожатись.

[164]) Хозяина на конюшню отсылае,
А самъ и зъ ёго жоною на подушкахъ спочивае.

[165]) То козакъ альбо мужикъ изъ конюшнѣ прихождае,
У кватирку погладае,
Ажъ ляхъ мостивый панъ ище зъ ёго жоною на подушкахъ спочивае.
То вôнъ однпъ осьмакъ у карманѣ мае,
Пôйде съ тоски да съ печалѣ въ кабакъ
Да й той прогуляе.

[166]) То вже не одинъ козакъ доброго клича и лучшои руки
Одинъ шостакъ розгадавъ,
Да й той къ катовѣй матерѣ въ корчмѣ прогулявъ.

[167]) То ляхъ мостивый панъ отъ сна уставае юлицею иде,
Казавъ бы якъ свиня нескребена по череду ухомъ веде,
Ище слухае, прислухае:
Чи не судить ёго где козакъ альбо мужикъ...

свинья, прикладываетъ свое ухо къ корчмѣ и подслушиваетъ [168]); и вѣроятно онъ услышалъ тогда что-то очень непріятное: вскочилъ ляхъ въ корчму и схватилъ козака за чубъ [169]); козакъ принимаетъ видъ смиренія, наливаетъ вина, какъ будто подноситъ ляху, вдругъ ударяетъ его стклянницею промежъ глазъ, хватаетъ въ свою очередь ляха за чубъ и прикасается дубиною къ его ребрамъ [170]). «Ахъ ляхи, вы ляхи, господа вы милостивые! Отобрали вы у насъ ключи и стали хозяевами у насъ въ домахъ; ужъ хоть бы вы не совались-то въ нашу бесѣду» [171]). Такъ, по варіанту Кулиша, говоритъ козакъ ляху; по варіанту же Максимовича, раздраженный козакъ припоминаетъ, въ тонѣ издѣвки, преступныя отношенія ляховъ къ женамъ козацкимъ [172]).

Дума живо переноситъ насъ въ условія изображаемаго времени. Выведенный изъ терпѣнія оскорбленіями, насиліями и поруганіями, русскій бѣжитъ въ корчму, но не за тѣмъ только, чтобъ тамъ залить свое горе: корчма — обычное мѣсто сходбищъ, а слѣдовательно удобное и для совѣщаній и мѣропріятій; понятно, что насильникамъ ляхамъ корчма кажется самымъ опаснымъ мѣстомъ и оттого-то какъ ни ругаются они надъ порабощеннымъ русскимъ народомъ, а боятся корчмы и шпіонятъ за толпою на-

---

[168]) То ляхъ до корчмы прихожае,
Якъ свиня ухо до корчмы прикладае.

[169]) А слухае ляхъ що козакъ про ляхôвъ розмовляе,
То ляхъ у корчму вбѣгае и козака за чубъ хватае.

[170]) То козакъ козацькій звычай знае,
То будто до ляха медомъ и оковитою горѣлкою прпиивзе,
А тутъ ляха за чубъ хватае,
И склянницею межи очи морськае,
И келепомъ по рѐбрахъ торкае (Макс., 75).
Или:
То ему здаеться що ёго козакъ медомъ шклянкою, або горѣлки чаркою витае,
Ажъ ёго козакъ межи очи шклянкою шмагае.
(Кул. „Зап. о Южн. Руси". I.)

[171]) Эй ляхи вы ляхи,
Мостивыи паны!
Хотяжъ вы отъ насъ ключи поотбирали,
И стали надъ нашими домами господарями,
Хотяжъ бы вы на нашу кумпанію не нахождали!

[172]) Не лучше-бъ тобѣ, ляше, превражій сыну,
На Украинѣ съ козацькою жѣнкою спати,
А нѣжъ у корчму вхождати?
Да вжежъ на Украинѣ не одна жôнка курку зготовала,
Тебе, ляха кручого сына, на нôчъ чекала.

рода, который тамъ собирается. Не удивительно, если и первое столкновеніе русскихъ съ своими утѣснителями происходитъ въ корчмѣ. Собравшись тамъ, русскіе совѣщаются, какъ имъ избавиться отъ враговъ ляховъ; тѣмъ временемъ ляхъ ихъ подслушиваетъ, вбѣгаетъ къ нимъ, и тутъ случайно полагается начало новому народному столкновенію. Вслѣдъ за этимъ приключеніемъ съ ляхомъ въ корчмѣ дума сообщаетъ, что козаки и мужики сходятся гдѣ-то между собою на совѣтъ и пишутъ къ Хмельницкому: «или вели намъ бѣжать подъ державу москаля, или позволь произвести великій мятежъ!» Но Хмельницкій не дозволяетъ имъ ни того, ни другого и только намекомъ даетъ имъ понять, что въ скоромъ будущемъ измѣнится порядокъ дѣлъ [173]). Такъ по варіанту Максимовича. И нельзя не видѣть, какъ вѣрно здѣсь напечатлѣлась въ народной поэзіи сущность дѣйствительности давняго времени. Мы знаемъ изъ историческихъ источниковъ, что нахальства польскихъ жолнѣровъ въ разныхъ мѣстахъ Южной Руси вызвали отдѣльныя вспышки возстанія, кончившіяся истребленіемъ утѣснителей. Другіе южноруссы, не отваживаясь подвергать свою судьбу невѣрному исходу борьбы, предпочитали убраться заранѣе изъ родины въ южныя степи Московскаго государства, гдѣ такимъ образомъ положено было начало Слободской Украины. Хмельницкій не одобрялъ ни того, ни другого; нѣсколько храбрыхъ его сподвижниковъ въ первыхъ двухъ войнахъ съ Польшею, и въ числѣ ихъ миргородскій полковникъ Гладкій, были казнены смертію за потачку народнымъ волненіямъ. Хмельницкій считалъ долгомъ благоразумной политики до поры до времени, скрѣпя сердце, мирволить поработителямъ и вмѣстѣ съ ними укрощать преждевременныя народныя движенія.

[173]) То ужежъ то и козаки и мужики
У недѣлю рано Богу помолившись листы писали,
И въ листахъ добре докладали,
И до пана Хмелницького у Полонне посылали.
Гей пане Хмелницькій
Отамане Чигиринській
Батьку козацькій!
Звели намъ пôдъ москалей утѣкати,
Або звели намъ зъ ляхами великій бунтъ зрывати.
То Хмелницькій листы читае,
До козакôвъ словами промовляе:
Гей стôйте дѣти,
Ладу ждѣте!
Не благословляю васъ нѣ пôдъ москаля тѣкати,
Нѣ зъ ляхами великого бунта зрывати.

Самъ народъ понималъ тогдашнее свое положеніе и, по варіанту Кулиша, бесѣда южнорусскаго народа съ козацкимъ гетманомъ представляется до нѣкоторой степени искреннею и сердечною. Дума сознаетъ опрометчивость козаковъ и сравниваетъ ихъ съ малыми дѣтьми за то, что они преждевременно стали собираться, затѣвать возстаніе и обращаться къ гетману съ просьбою одобрить ихъ предпріятіе [174]). Собственно козаки не просятъ у гетмана помогать возстанію, а только возносятъ болѣзненныя жалобы па свое горькое положеніе [175]). И Хмельницкій съ своей стороны не огорчаетъ ихъ прямымъ запрещеніемъ, а подаетъ дружелюбный совѣтъ подождать немного — до весны, до Свѣтлаго Воскресенія, когда, Богъ дастъ, придетъ весна и соберется во множествѣ вся голытьба [176]).

Окончаніе думы заключаетъ воззваніе Хмельницкаго, послѣдовавшее въ 1652 году, и вслѣдъ затѣмъ — народное возстаніе и изгнаніе ляховъ изъ Украины. Хмельницкій обращается, повидимому, къ запорожцамъ, такъ какъ приглашаетъ козаковъ прибывать въ Украину, слѣдовательно обращается къ такимъ, которые находятся не въ самой Украинѣ [177]). По варіанту Мак-

---

174) Тогдѣ козаки стали у радѣ якъ малыи дѣти,
Отъ своихъ рукъ листы писали,
До гетьмана Хмелницького посылали,
А въ листахъ прикисовали.

175) Пане гетьмане Хмелницькій,
Батьку Зиновъ нашъ Чигиринській!
За що ты на насъ такій гнѣвъ положивъ,
На що ты на насъ такій ясыръ наславъ?
Уже-жъ мы теперъ нѣ въ чому волѣ не маемъ;
Ляхи мостивыи паны отъ насъ ключи поотбирали,
И стали надъ нашими домами господарями.

176) Эй козаки дѣти, друзѣ, небожата,
Пôдождѣте вы мало, трохи, не-багато,
Якъ отъ святои Покровы до Свѣтлого тридневного Воскресенія,
Якъ дасть Богъ що прійде весна красна,
Буде наша голота рясна.

177) Тогдѣ-то панъ Хмелницькій добре дбавъ,
Козакôвъ до схôдъ сонця въ походъ выпроважавъ,
И стиха словами промовлявъ:
Эй козаки, дѣти друзѣ,
Прошу васъ, добре дбайте,
На славну Украину прибувайте,
Ляхôвъ мостивыхъ панôвъ у пень рубайте,
Кровъ ихъ лядську у полѣ съ жовтымъ пѣскомъ мѣшайте,
Вѣры святои христіяньскои у поругу не подайте.
(Кул., З. о Ю. Р. I. 54.)

симовича, самъ Хмельницкій пріѣзжаетъ къ козакамъ, выбираетъ по три и по четыре изъ курѣня, потомъ слѣдуетъ приглашеніе браться за дубье да за оглобли и въ «ночку-четвертоньку» загонять ляховъ какъ кабановъ [178]). Это, по своему смыслу, могло относиться къ массѣ украинскихъ мужиковъ, которыхъ должны возбудить прибывшіе къ нимъ козаки. Выраженіе «ночка-четвертонька» не вполнѣ ясно, но можетъ быть здѣсь какой-то не досказанный намекъ на батогское дѣло, гдѣ въ іюнѣ 1652 года было истреблено огромное скопище вооруженныхъ поляковъ, собравшихся противъ южноруссовъ. На томъ полѣ, гдѣ тогда были истреблены поляки, есть урочище, называемое «Четвертонька».

Въ варіантѣ Максимовича словами воззванія Хмельницкаго выражается исполненіе козаками гетманскаго приказа [179]), а далѣе изображается въ комическомъ видѣ бѣгущій отъ народнаго мщенія лляхъ: онъ заползаетъ въ кустъ; мимо куста скачетъ козакъ и замѣчаетъ, что кустъ чего-то дрожитъ; отжирѣвшій ляхъ лежитъ тамъ и по своей толстотѣ представляетъ подобіе съ букомъ, въ какомъ бѣлье бучатъ; козакъ, завидя ляха, соскакиваетъ съ коня, хватаетъ ляха за чубъ и задѣваетъ его дубиною по ребрамъ. «О лучше-бъ мои глаза стали на затылкѣ,—говоритъ несчастный ляхъ,—чтобъ я могъ изъ-за рѣки Вислы глядѣть назадъ себя въ Украину» [180]). По варіанту Кулиша, здѣсь козакъ съ ироніею припоминаетъ врагамъ ихъ волокитство за козацкими

---

[178]) То вжежъ Хмелницькій до козакôвъ пріѣзжае,
Словами промовляе:
Гей нуте, дѣти по три по чотырѣ зъ куренѣвъ уставайте,
И до дрючкôвъ и до оглобель хватайте,
И ляхôвъ-панôвъ у нôчку-четвертоньку такъ якъ кабанôвъ загоняйте! (Макс. 76).

[179]) То уже-жъ изъ куренѣвъ по три по чотырѣ вставали,
До дрючкôвъ и до оглобель хватали,
И ляхôвъ-панôвъ такъ якъ кабанôвъ у нôчку-четвертеньку загоняли.

[180]) То уже-жъ одинъ козакъ лугомъ бѣжить,
Коли дивиться на кущъ, ажъ кущъ дрôжить,
Коли дивиться у кущъ, ажъ у кущѣ ляхъ якъ жлукто лежить.
То козакъ козацькій звычай знае
Изъ коня вставае,
И ляха за чубъ хватае,
И келеномъ по ребрамъ торкае,
То ляхъ до козака словами промовляе:
„Лучше-бъ, козурю, могли мои очи на потылицѣ стати,
Такъ бы я могъ изъ-за рѣки Вислы на Украину поглядати".
(Макс., 77.)

женами, то-есть то, что изо всѣхъ оскорбленій должно было для сердца козака отзываться всего больнѣе [181]).

Варіантъ Кулиша ведетъ повѣствованіе далѣе и кончается характеристическимъ описаніемъ разговора козаковъ съ ляхами, которыхъ они бросаютъ въ рѣку Вислу. Враги, прежде нахальные и высокомѣрные, теперь становятся кроткими, покорными; они унижаются передъ козаками, называютъ ихъ родными братьями, умоляютъ ихъ пустить за Вислу хоть въ однѣхъ рубашкахъ. Козаки говорятъ имъ: когда-то надъ этой рѣкою козаковали наши дѣды и спрятали на днѣ этой рѣки большіе клады. Когда найдете эти клады и подѣлитесь съ нами, тогда мы будемъ съ вами жить какъ съ родными братьями. Ступайте: вамъ дорога одна—до самаго дна! [182]).

И въ этой думѣ, какъ въ другихъ народныхъ произведеніяхъ, рѣка Висла назначается рубежомъ между Польшею и Русью. Козаки правый берегъ этой рѣки считаютъ какъ бы наслѣдствен-

---

[181]) То козакъ ляха за кущомъ знахождае,
Келепомъ межи плечи наганяе,
И стиха словами промовляе:
Эй ляхи-жъ вы ляхи,
Мостивыи паны.
Годѣ-жъ вамъ по закущамъ валяться,
Пора до нашихъ жѣнокъ на опочивокъ идти.
Уже наши жѣнки и подушки поперебивали,
Васъ, ляхôвъ, мостивыхъ панôвъ, ожидали.
(Кул., З. о Ю. Р. I. 55.)

[182]) Тогдѣ-то ляхи козакôвъ рôдными братами узывали:
Ой козаки, рôднѣ братцѣ,
Коли-бъ вы добре дбали,
Да насъ за Вислу рѣчку хоть у въ однихъ сорочкахъ пускали.
Оттогдѣ-то ляхамъ Богъ погодивъ,
На рѣчцѣ Вислѣ лѣдъ обломивъ;
Тогдѣ козаки ляховъ ратовали,
За патлы хватали,
Да ще й далѣ пôдъ лѣдъ пôдпихали,
И съ-тиха словами промовляли:
Эй ляхи-жъ вы ляхи,
Мостивыи паны!
Колись наши дѣды надъ сею рѣчкою козаковали,
Да въ сѣй рѣчцѣ скарбы поховали,
Якъ будете скарбы находити,
Будемъ зъ вами пополамъ дѣлити;
Тогдѣ будемъ зъ вами за родного брата жити.
Ступайте. Тутъ вамъ дорога одна
До самого дна.
(Кул., З. о Ю. Р. I. 56.)

нымъ достояніемъ русскаго народа и сохраняютъ преданіе о томъ, что ихъ дѣды когда-то жили и были свободными (козаковали) на берегахъ Вислы. То было вѣковое, глубокоукоренившееся вѣрованіе.

Въ 1653 году происходила третья война Хмельницкаго съ поляками. Она началась по поводу молдавскихъ дѣлъ, въ которыя ввязался сынъ Хмельницкаго Тимоѳей, поддерживавшій своего тестя на молдавскомъ господарствѣ и погибшій отъ непріятельскаго оружія. За нимъ и самъ отецъ гетманъ принялъ участіе съ татарами, своими союзниками. Поляки были на противной сторонѣ. Осенью польскій король Янъ-Казимиръ со всѣми панами Рѣчи Посполитой былъ осажденъ козаками и татарами подъ Жванцемъ. Полякамъ тогда приходилось такъ же плохо, какъ подъ Зборовомъ въ 1649 году, но они спасли себя тѣмъ, что купили у хана унизительный для себя миръ, обязавшись платить ему ежегодную дань, а для козаковъ обѣщали возстановить силу Зборовскаго договора, но вмѣстѣ съ тѣмъ дали дозволеніе татарамъ въ продолженіе шести недѣль разорять южнорусскій край и уводить въ неволю плѣнниковъ. Это событіе, происходившее въ декабрѣ 1653 года, почти совпадаетъ съ присоединеніемъ Украины къ Московскому государству, и оба эти событія отразились въ народномъ воспоминаніи единою пѣснею; въ ней изображается прежде горе бѣдной Украины: некуда ей дѣться; орда потоптала коньми малыхъ дѣтей, старыхъ людей изрубила, а взрослыхъ погнала въ полонъ [183]). Затѣмъ отъ лица украинца говорится, что служилъ онъ прежде пану католику, а теперь во вѣки не станетъ ему служить; служилъ онъ также и пану бусурману, но теперь станетъ служить восточному царю. Пѣсня оканчивается такою картиною: ляхъ ходитъ на рынкѣ, пожимаетъ саблю, но козакъ не боится ляха, не снимаетъ передъ нимъ шапки. Ляхъ берется за плеть, а козакъ за дубину: вотъ тутъ тебѣ, вражій сынъ, будетъ съ душой твоей разлука! [184]).

---

[183]) Зажурилась Украина, що нѣгде прожити:
Вытоптала орда кôньми маленькіи дѣти,
Малыхъ потоптала, старыхъ порубала,
А молодыхъ середульшихъ у полонъ забрала.
Или:
Зажурилась Украина що нѣгде ся дѣти,
Гей вытоптала орда кôньми маленькіи дѣти,
Ой маленькихъ вытоптала, великихъ забрала,
Назадъ руки постягала, пôдъ хана погнала.

[184]) Ой служивъ же я служивъ пану католику,

Въ этомъ разореніи южнорусскаго края, совершенномъ въ 1653 году, а можетъ-быть вообще въ томъ дружелюбіи, съ какимъ гетманъ относился не разъ и къ крымскому хану и постоянно къ Оттоманской Портѣ, и находился въ дружескихъ связяхъ съ мусульманами—надобно искать источника нерасположенія къ нему въ народѣ, которое просвѣчивалось разомъ съ горячею любовью и уваженіемъ. По крайней мѣрѣ есть пѣсня, гдѣ имя Хмельницкаго произносится, какъ имя врага, а не защитника южнорусскаго народа. Такую пѣсню отыскалъ г. Кулишъ и помѣстилъ въ «Запискахъ о Южной Руси» (ч. 1, стр. 322) [185]). Другой варіантъ, очень похожій на предыдущій, былъ записанъ мною и напечатанъ въ «Малорусскомъ Сборникѣ» г. Мордовцева (стр. 185) [186]). Третій варіантъ, очень отличный отъ двухъ предыдущихъ, записанъ былъ покойнымъ Аѳ. Вас. Маркевичемъ и напечатанъ въ «Сборникѣ историческихъ пѣсенъ» Антоновича и Драгоманова (ч. 2, стр. 116) [187]). По всѣмъ тремъ варіантамъ про-

---

А теперъ ёму служити не буду до вѣку;
Ой служивъ же я служивъ пану бусурману,
А теперъ служити стану восточному царю.
Ходить ляшокъ по рыночку, шабельку стискае,
Козакъ ляха не боиться, шапки не снимае,
Ось ляшокъ до канчука, а козакъ до дрюка:
Теперъ тобѣ, вражій сыну, съ душею розлука!
(Макс. изд. 1834 г. стр. 108; ср. Малор. и Червонор., Д. и П., стр. 47;—Сб. Антон. и Драг. I. 74, 234.)

[185]) Ой богдай Хмеля-Хмелницького
Перва куля не минула!
Що велѣвъ брати парубки й дѣвки
И молодѣ молодицѣ.
Парубки йдуть спѣваючи,
А дѣвчата рыдаючи,
А молодыи молодицѣ
Старого Хмеля проклинаючи:
Ой богдай Хмеля Хмельницького
Перва куля не минула!

[186]) Ой Хмеле, Хмельниченку
Учинивъ еси ясу,
И мѣжъ панами великую трусу!
Богдай тебе, Хмельниченку, перва куля не минула,
Що велѣвъ ордѣ брати дѣвки й молодицѣ,
Парубки йдуть гукаючи, а дѣвчата спѣваючи,
А молодѣ молодицѣ старого Хмеля проклинають:
Богдай тебе, Хмельниченку, перва куля не минула!

[187]) Выйди, Василю, на могилу,
Поглянь, Василю, на Украину;
Що Хмелницького вбйсько йде,

износится проклятіе Хмельницкому: по второму изъ приведенныхъ варіантовъ за то, что велѣлъ ордѣ забирать въ полонъ дѣвокъ и молодыхъ женщинъ, а въ первомъ изъ этихъ варіантовъ хотя собственно не говорится, что Хмельницкій велѣлъ ихъ забирать именно ордѣ, но г. Кулишъ сообщаетъ, что Кондратъ Тарануха, проговорившій ему эту пѣсню, какъ отрывокъ какой-то большой, имъ уже позабытой, объяснилъ, что, по сохранившемуся народному преданію, Хмельницкій отдавалъ народъ въ ясыръ татарамъ и пѣсня эта однозначительна по своему смыслу съ такимъ преданіемъ. Въ третьемъ же варіантѣ, гдѣ нѣтъ помина объ ордѣ и о забираніи народа, проклятіе на Хмельницкаго исходитъ исключительно отъ однѣхъ вдовъ: изъ всего народа недовольны гетманомъ только женщины, оставшіяся вдовами послѣ своихъ мужей, сложившихъ головы въ продолжительной борьбѣ съ поляками.

Послѣднее произведеніе народнаго творчества объ эпохѣ Хмельницкаго—это дума о смерти гетмана, извѣстная въ двухъ варіантахъ, изъ которыхъ одинъ былъ напечатанъ въ Сборникахъ Максимовича (1834 г., стр. 44—47, и 1849 г., стр. 78—81), другой въ Сборникѣ Метлинскаго (стр. 395—399). Оба варіанта въ подробностяхъ изложенія довольно отличны, но единая основа показывается сразу.

«Запечалился сѣдой гетманъ Хмельницкій. Нѣтъ при немъ ни сотниковъ, ни полковниковъ. Приходитъ ему время умирать». Такъ начинается дума. Хмельницкій приказываетъ своему писарю Выговскому (передѣланному въ Луговскаго) писать универсальные листы, разсылать по полкамъ и сотнямъ и созывать на раду старшинъ [188]).

Що все парубочки да дѣвочки,
Да безчастныи удовички.
Парубочки йдуть—у дудочки грають,
А дѣвочки йдуть—пѣснѣ спѣвають,
А удовички йдуть—сильно рыдають,
Да Хмелницького проклинають:
Богдай того Хмелницького перва куля не минула,
А другая устрелила,
У серденько уцѣлила!

[188]) Зажурилася Хмельницького сѣдая голова,
Що при ёму нѣ сотникôвъ, нѣ полковникôвъ нема.
Часъ приходить умѣрати,
Нѣкому поради дати.
Поклике вôнъ на Ивана Луговського

По варіанту Метлинскаго мѣсто, гдѣ былъ сборъ созываемыхъ на раду, названо Загребельною могилой [189]). Проходили праздники одинъ за другимъ: прошла Пасха, прошли Вознесеніе, Духова Недѣля, дни Петра и Павла, Ильи Пророка,—козаки не увидали своего гетмана. И вотъ, собравшись на раду, порѣшили они идти въ Субботово, мѣстопребываніе Хмельницкаго. Онъ имъ (вѣроятно, еще прежде) хвалился устроить тамъ ярмарокъ на день Спаса Преображенія [190]).

Козаки пришли оттуда въ Суботово, увидали Хмельницкаго, воткнули въ землю свои копья, сняли съ себя шапки и отдавали низкій поклонъ своему гетману, спрашивая, что ему отъ нихъ нужно [191]). Хмельницкій объявляетъ, что онъ сталъ старъ, болѣзненъ, уже не въ силахъ гетманствовать и велитъ имъ учинить выборъ новаго гетмана изъ своей среды. Козаки отвѣчаютъ, что не хотятъ выбирать, а желаютъ, чтобъ онъ имъ указалъ [192]). Хмельницкій указалъ имъ на Выговскаго. Козаки за-

---

Писаря вôйськового:
Иванъ Луговськiй,
Писарь вôйськовый!
Скорѣйше бѣжи,
Да листы пиши:
Щобъ сотники, полковники до мене прибували,
Хоть мало порады давали (Макс.).

[189]) До Загребельной могилы прибували.

[190]) Хвалився панъ гетманъ Хмельницькій,
Батю Зиновъ Богдану Чигиринськiй,
У городѣ Суботовѣ
На Спаса Преображеніе ярмарокъ закликати.

[191]) До города Суботова прибували,
Хмельницького стрѣчали,
Штыхы въ суходôлъ встромляли,
Шлики съ себе скидали:
Хмельницькому низькiй поклонъ отдали.
Пане гетьмане Хмельницькiй,
Батю Зиновъ нашъ Чигиринськiй,
На що ты насъ потребуешъ?

[192]) Прошу васъ, добре дбайте,
Собѣ гетмана наставляйте!
Вже я часъ отъ часу хорѣю,
Междо вами гетьмановати не здолѣю,
То велю я вамъ междо собою козака на гетманство обѣрати,
Буде междо вами гетмановати,
Вамъ козацьки порядки давати.
Тогдѣ-то козаки съ-тиха словами промовляли:
Пане гетьмане Хмельницькiй,
Батю Зиновъ нашъ Чигиринськiй!

мѣтили, что этотъ человѣкъ живетъ близко съ ляхами, будетъ держаться ихъ стороны, а козаковъ начнетъ ставить ни во что [193]). Хмельницкій указалъ имъ на Павла Тетеренка. Но и того не захотѣли козаки. Хмельницкій спрашиваетъ, кого же хотятъ они? Козаки объявили, что желаютъ сына Хмельницкаго Юраска, названнаго въ думѣ по варіанту Метлинскаго Еврахомъ [194]).

Такимъ образомъ излагается это дѣло въ думѣ по варіанту Метлинскаго, который вообще позднѣйшей редакціи и отзывается черезчуръ уже простонароднымъ тономъ, сложившись уже въ то время, когда дума могла быть достояніемъ исключительно простонародія. Въ варіантѣ Максимовича чувствуется какъ-то болѣе старая редакція, проникнутая козацкимъ тономъ.

По варіанту Максимовича, Хмельницкій, еще не давая козакамъ приглашенія къ выбору гетмана, по своему усмотрѣнію прямо указываетъ сразу на четырехъ полковниковъ, годныхъ, по его мнѣнію, быть допущенными къ выбору: Антона Волочая Кіевскаго, Грицька Костыря Миргородскаго, Хвилона Чичая Кропивянскаго и Мартина Пушкаря Полтавскаго [195]). Кромѣ полтавскаго полковника, которымъ тогда дѣйствительно былъ Мартинъ Пушкарь, прозвища остальныхъ совсѣмъ не тѣ, какія носили извѣстные намъ

Не можемъ мы сами междо собою козаками гетьмана обôбрати,
А жолаемъ отъ вашои милости послыхати.

[193]) Есть у мене Иванъ Луговській
Который у мене дванадцать лѣтъ за джуру пробувавъ,
Всѣ мои козацьки звычаи пôзнавъ,
Буде междо вами козаками гетмановати,
Буде вамъ козацьки порядки давати.
Тогдѣ-то козаки стиха словами промовляли:
Пане гетьмане Хмельницькій
Батю Зиновъ нашъ Чигиринській,
Не хочемъ мы Ивана Луговського:
Иванъ Луговській близько ляхôвъ мостивыхъ панôвъ живе,
Буде зъ ляхами мостивыми панами накладати,
Буде насъ козакôвъ за-не-вôщо мати.

[194]) Тогдѣ-то Хмельницькій стиха словами промовляе:
— „Эй козаки, дѣти, друзѣ!
Коли вы не хочете Ивана Луговського,
Есть у мене Павелъ Тетеренко“.
— Не хочемъ мы Павла Тетеренка.—
— „Дакъ скажѣть,—говорить,—кого вы жолаете?“
— Мы, кажуть, жолаемъ Евраха Хмельниченка (Метл.).

[195]) Коли хочете, панове, Антона Волочая кіевського,
Або Грицька Костыря миргородського,
Або Хвилона Чичая кропивянського,
Або Мартина Пушкаря полтавського.

полковники тѣхѣ полковъ, о которыхъ въ думѣ упоминается. Но крещеныя имена ихъ были именно тѣ, что и здѣсь въ думѣ. Такъ кіевскимъ полковникомъ былъ Ждановичъ, по имени Антонъ, миргородскимъ—Лѣсницкій, по имени Григорій, кропивянскимъ—Джеджалій, по имени Филонъ. Максимовичъ очень удачно объяснилъ, что въ думѣ удержаны не оффиціальныя, значащіяся по всѣмъ тогдашнимъ документамъ, а народныя прозвища этихъ лицъ, такъ какъ обыкновенно у малоруссовъ мимо оффиціальнаго или документальнаго прозвища человѣку дается еще какая-нибудь народная, иначе—уличная, кличка и по такой кличкѣ человѣкъ бываетъ болѣе извѣстенъ, чѣмъ по своему родовому документальному прозвищу. Козаки отвергаютъ всѣхъ четырехъ лицъ, предложенныхъ гетманомъ, и объявляютъ желаніе избрать его сына Юрася [196]). Хмельницкій представляетъ, что онъ еще молодъ, не знаетъ козацкихъ обычаевъ [197]).

Но козаки отвѣчаютъ, что будутъ держать около него старыхъ людей, которые будутъ его наставлять, сами обѣщаются оказывать ему уваженіе и вспоминать о своемъ батькѣ, старомъ гетманѣ [198]). Хмельницкій, услышавши это, очень обрадовался, кланялся сѣдою головою, проливалъ слезы. Вскорѣ потомъ,—говоритъ далѣе дума,—онъ заболѣлъ еще тяжелѣе, со всѣми прощался и отдалъ душу милосердому Богу [199]). По варіанту Метлинскаго, козаки кладутъ бунчукъ и булаву, возводятъ сына Хмельницкаго въ гетманское достоинство, палятъ изъ пищалей, поздравляютъ новаго гетмана [200]).

[196]) А хочемъ мы сына твоего Юруся молодого,
Козака лейстрового.

[197]) Вôнъ, панове, молодцѣ, молодый розумъ мае,
Звычаѣевъ козацькихъ не знае.

[198]) Будемъ мы старыхъ людей биля ёго держати,
Будуть вони ёго научати,
Будемъ мы ёго добре поважати,
Тебе, батька нашого гетьмана, вспоминати (Макс.).

[199]) То Хмелницькій тее зачувавъ,
Великую радость мавъ,
Сѣдою головою поклонъ отдававъ,
Слёзы проливавъ.
Скоро пôсля того ще й гôршъ Хмелницькій занемогавъ,
Опрощенье со всѣми бравъ
Милосердому Богу душу отдавъ (Макс.).

[200]) ... Бунчукъ, булаву положили,
Еврася Хмельниченка на гетманство настановили.
Тогдѣ изъ рôзныхъ пищаль погрôмали.
Хмельниченка гетьманомъ поздоровляли (Метл., 398).

По варіанту Метлинскаго, Хмельницкій посылаетъ своего сына на Ташлыкъ и приказываетъ ему: если онъ тамъ не будетъ долго гулять, то застанетъ отца въ живыхъ, а иначе—не застанетъ. «Еврась» долго гулялъ на рѣкѣ Ташлыкѣ и не засталъ отца въ живыхъ [201]). Въ своей основѣ это исторически вѣрно, по крайней мѣрѣ, Хмельницкій отправилъ сына на Ташлыкъ въ находившійся тамъ козацкій обозъ («Лѣтопись Самов.» изданія 1847 г., стр. 27.—«Лѣтопись Грабянки», стр. 152).

Погребеніе Хмельницкаго, по варіанту Метлинскаго, происходитъ гдѣ-то на высокой горѣ, въ Штомыномъ дворѣ, и сопровождается тѣми пріемами, какіе обыкновенно приводятся въ думахъ при описаніи козака умершаго въ степи [202]). Поэтичнѣе и правдивѣе оно изображено по варіанту Максимовича отрицательнымъ сравненіемъ тучъ и вѣтровъ съ козацкою скорбію объ умершемъ гетманѣ [203]).

По обоимъ варіантамъ дума, сообщивши о смерти и погребеніи Богдана Хмельницкаго, заглядываетъ въ дальнѣйшія страницы исторіи. По варіанту Метлинскаго, козаки почитали гетманомъ

---

[201]) Оттогдѣ Хмелницькій якъ благословеніе сыновѣ сдавъ
Такъ и въ домъ отправився и сказавъ ему:
Гледижъ, говорить, сыну мой,
Якъ будешь немного Ташлыкомъ рѣкою гуляти,
На бубны, на цуромки выгравати,
Такъ будешь отця живого заставати!
А якъ будешь много Ташлыкомъ рѣкою гуляти,
На бубны цуромки выгравати;
Такъ не будешъ отця живого заставати!
Тогдѣжъ Еврась, гетьманъ молодый,
Ташлыкомъ рѣкою довго гулявъ,
На бубны цуромки выгрававъ,
До дому пріѣзжавъ,
И отця живого не застававъ.

[202]) Тогдѣ-то велѣвъ у Штомыномъ дворѣ
На высокой горѣ
Гробъ копати.
Тогдѣжъ-то козаки штыхами суходолъ копали,
Шлыками землю выносили,
Хмельницького похоронили,
Изъ розныхъ пищаль подзвонили,
По Хмельницькому похоронъ учинили.

[203]) Не чорныи тучи ясне сонце заступали,
Не буйныи вѣтры въ темнѣмъ лузѣ бушовали:
Козаки Хмельницького ховали,
Батька свого оплакали.
(Макс., изд. 1849 г., стр. 81.)

сына Богданова только до тѣхъ поръ, пока слышали надъ собою старую голову Хмельницкаго; но когда не стало послѣдняго, они сказали ему: не идетъ тебѣ гетмановать надъ нами козаками, а идетъ тебѣ наши козацкіе курѣни подметать [204]). По варіанту Максимовича, послѣ Хмельницкаго полтора года держалъ булаву «Луговскій», т. е. Выговскій, а потомъ сотники и полковники собравшись избрали гетманомъ Юруся Хмельниченка, и козаки произносили желаніе, чтобы далъ имъ Богъ жить при молодомъ гетманѣ, какъ жили при старомъ, вкушать отъ него хлѣбъ-соль, разорять города турецкіе, добывать рыцарской славы козацкому войску [205]).

И по тому и по другому варіанту, дума вѣрна здѣсь исторіи: варіантъ Метлинскаго касается болѣе ранняго, варіантъ Максимовича—нѣсколько болѣе поздняго времени. Дѣйствительно, козацкіе старшины, угождая старику Богдану, дали ему слово возвести на гетманское достоинство его сына, но тотчасъ послѣ кончины Богдана избрали Выговскаго, а въ 1569 году, когда Выговскій, отпавши отъ царя, соединился съ поляками, отступились отъ него и избрали гетманомъ Юрія Хмельницкаго.

Мы разсмотрѣли весь находившійся въ нашемъ распоряженіи запасъ памятниковъ народной пѣсенности, относящійся къ эпохѣ Богдана Хмельницкаго. Многое, безъ сомнѣнія, унесено потокомъ времени еще тогда, когда наука не оцѣнивала важности простонародныхъ поэтическихъ произведеній и никому не являлась охо-

---

204) ... Козаки поки старую голову Хмельницького зачували,
Поты и Еврася Хмельниченка за гетьмана почитали;
А якъ не стали старои головы Хмельницького зачувати,
Не стали и Еврася Хмельниченка за гетьмана почитати.
Эй Еврасю Хмельниченку, гетьмане молодый!
Не подобало-бъ тобѣ надъ нами, козаками, гетьмановати,
А подобало-бъ тобѣ наши козацьки куренѣ пôдмѣтати.
(Метл., 399.)

205) Не багато Луговській гетьмановавъ,
Пôвтора года булаву державъ.
Скоро сотники, полковники прибували,
Юруся Хмельниченка гетьманомъ поставляли.
„Дай Боже,—козаки промовляли,—
За гетьмана молодого
Жити якъ за старого
Хлѣба-солѣ ёго вживати,
Города турецьки плюндровати,
Славы лыцарсьтва козацькому вôйську доставати.
(Макс. 1849 г., стр. 81.)

та ихъ записывать и предавать печати. Но было бы слишкомъ самонадѣянно утверждать, что этнографія уже исчерпала всю народную сокровищницу въ этомъ отношеніи; вѣроятно, въ краѣ, населенномъ южноруссами, найдется не одинъ уголокъ, въ которомъ случайно собиратель народныхъ памятниковъ услышитъ неизвѣстную еще намъ какую-нибудь старинную пѣсню или думу о событіяхъ славной эпохи Хмельницкаго.

Н. Костомаровъ.

Въ новыхъ владѣніяхъ Черногоріи.

Ульцинъ (Dulcigno) *).

Отъ Бара до Доброй-воды.—Общій видъ.—Въ корчмѣ.—Община Мрковичей.—Видъ изъ-подъ горы Можура. — Встрѣча.—Наверху Можура.—Старый Ульцинъ.—Община Братица.—Двѣ сироты.—Ульцинъ: положеніе города; улицы; неопрятность; дома—на славу.—Въ крѣпости.—Всюду разрушенье и упадокъ. — Какъ Ульцинъ взятъ турками и новые его жители арнауты дѣлаются моряками.—Торговый флотъ.—Постройка судовъ на паяхъ.—Капитанъ Беддюли.—Корпоративный духъ ульцинянъ.—Общая характеристика ихъ.—Семейныя отношенія.—Школа.—Составъ населенія и цифровыя данныя.

Путь отъ Бара до Ульцина (6 пѣшихъ часовъ) представляетъ настоящую прогулку. Вы съ удивленіемъ любуетесь великолѣпіемъ картинъ и роскошью природы. Единственно, что напоминаетъ присутствіе человѣка на этой высотѣ, это — жалкая мазанка, служащая корчмой, въ которую едва можно пролѣзть; мечеть безъ минарета, похожа скорѣе на какой-то заброшенный магазинъ, и магометанское кладбище, не огороженное, заросшее бурьяномъ, на которомъ въ безпорядкѣ торчатъ надгробные камни. Кое-гдѣ вдали виднѣются бѣлые домики, ласкающіе глазъ своимъ свѣтлымъ видомъ и окружающею ихъ благодатью.

Остановимся здѣсь на минуту, чтобы перевести духъ послѣ подъема въ гору и дать отдыхъ ногамъ послѣ страшной турецкой мостовой, которая хуже всякой природной дороги. Мазанка оказывается состоящею изъ двухъ отдѣленій. Въ одномъ отдѣленіи собственно корчма, гдѣ на земляномъ полу постлана рогожка; въ углу, также на землѣ, очагъ; передняя стѣнка состоитъ изъ досокъ, которыя могутъ выдвигаться и задвигаться, а передъ нею помостъ въ одну доску, на которомъ разложенъ товаръ для продажи: спички зажигательныя, свертокъ табаку,

*) *Русская мысль*, кн. VII.

коробка съ мелкимъ сахаромъ желтаго цвѣта, графинъ съ ракіей и рядомъ съ нимъ нѣсколько маленькихъ стаканчиковъ; вверху, вродѣ украшенія, кусокъ бѣлаго, уже загрязненнаго, коленкора и пучки *опуты* (узенькіе ремешки изъ бараньей невыдѣланной кожи для опанокъ). Хозяинъ-арнаутъ съ бритою головой, въ затасканной красной шапочкѣ, въ курткѣ и штанахъ домотканнаго бѣлаго сукна, плотно прилегающихъ къ тѣлу. Ему лѣтъ 40, но онъ смотритъ какъ-то старчески, изможденно. Въ другомъ отдѣленіи, совершенно темномъ, его жена, еще довольно моложавая, копошится около чего-то; въ дверяхъ показалась дѣвочка лѣтъ восьми, смуглая, съ сухимъ красивымъ личикомъ, карими глазами и каштановыми природными локонами, падающими на плечи; на ней нѣтъ ничего, кромѣ грязной рубашонки: за нее держится братишка лѣтъ двухъ.

По виду хозяина можно было бы принять за магометанина; но по семейной обстановкѣ видно, что нѣтъ: дѣйствительно, онъ оказывается католикомъ и прибылъ сюда откуда-то издалека, изъ Дибры или Уштюба.

— Какъ же вы попали сюда?—спрашиваю его.

— Да все у насъ не мирно было; пошли какія-то подати на войско,—берутъ и деньгами, и натурой; сына—уже взрослаго мальчика, такъ что скоро женить бы — убили; думаю: пойду, куда глаза глядятъ, да вотъ и пришелъ сюда, поселился въ Барѣ,—и хорошо мнѣ было первые два года, — привелъ жену съ дочкой, купилъ домишко и сталъ кое-какъ перебиваться. Вдругъ и тутъ стали брать на войско и меня самого гнали; а какъ я пойду, когда мнѣ домишко не на кого оставить! Я не пошелъ; меня *оплячкали*, а послѣ пришли черногорцы, стали рушить Баръ, пошла прахомъ и моя хижина. Съ тѣхъ поръ вотъ и живу здѣсь. И не знаю, чьи мы теперь: царскіе ли, княжевы ли, или цесаревы (австрійскіе).

Я ему объяснилъ; онъ выслушалъ, но не повѣрилъ.

— Ужь и не знаю, какъ это будетъ: магометане говорятъ, что опять турки возьмутъ насъ; попы говорятъ, что мы—цесаревы, а теперь конечно черногорскіе.

Видимо, что ему совершенно все равно, только бы оставили его въ покоѣ. Я напился воды, потомъ выпилъ ракіи и чернаго кофе, который оказался лучше, чѣмъ во многихъ городскихъ корчмахъ, и взялъ двѣ опуты, чтобы лучше укрѣпить опанки на ногахъ, заплатилъ за все 12 крейцеровъ и, собираясь въ путь, по-

дѣлился съ дѣтьми кое-чѣмъ изъ имѣвшейся провизіи и далъ нѣсколько крейцеровъ. Они скрылись къ матери, но черезъ минуту дѣвочка выбѣжала, обняла меня и потомъ обѣими ручонками стала гладить по лицу: таковъ восточный способъ выраженія благодарности.

Отсюда начинается община Мрковичей, состоящая изъ нѣсколькихъ селъ, разбросанныхъ по всему плато и въ боковыхъ долинахъ. Это—богатое и чрезвычайно сильное племя, до 3.000 душъ обоего пола, которое ведетъ свой родъ изъ Черногоріи, а теперь всѣ магометане. Они рѣзко отличаются отъ окружающаго населенія, особенно отъ арнаутъ, крупнымъ ростомъ и крѣпкимъ сложеніемъ, и въ то же время славятся юначествомъ. Большая часть ихъ переселилась изъ села Мрке въ Пиперахъ (недалеко отъ Подгорицы). Одинъ родъ цѣликомъ переселился изъ верхней Цермницы: это были *граболянцы*, отъ которыхъ осталась и церковь ихъ Св. Петка, Граболянская: она стоитъ невредима и въ ней служатъ два раза въ годъ: 26 іюля—на *малую Петку* и 14 октября—на *большую*. Затѣмъ прибывали изъ разныхъ мѣстъ, но все черногорцы, и они этимъ гордятся. Магометанство приняли нѣкоторые такъ недавно, что многіе изъ живыхъ сами были христіанами.

Въ воспоминаніе этого они наканунѣ Рождества *налагаютъ бадникъ* (небольшое деревцо, которое сжигается на очагѣ, въ сопровожденіи извѣстныхъ обрядовъ: исключительная особенность православныхъ сербовъ) и покупаютъ на этотъ случай вина и ракіи, какъ для поливанія его, такъ и для угощенія посѣтителей изъ православныхъ. Они почитаютъ также день Св. Николая, а на Троицынъ день ходятъ на Румію съ процессій православныхъ, чтобы поклониться чудотворному кресту, который обыкновенно въ тотъ день выносятъ туда и который прежде находился въ ихъ рукахъ, когда они были еще христіанами (объ этомъ крестѣ мы скажемъ при концѣ).

Когда предполагалось провести границу Черногоріи между Барскимъ и Ульцинскимъ округами и турецкіе коммиссары въ смѣшанной разграничивающей коммиссіи хотѣли, сколько возможно, оттягать къ себѣ и съ этою цѣлью путали названія мѣстностей, Мрковичи всегда становились на сторону черногорцевъ и изобличали ложь турокъ.

Отъ Доброй-воды вплоть подъ Можуръ, верстъ 10, приходится идти все черезъ Мрковичи. Прямо на пути новое село Ку-

не съ мечетью на отдѣльномъ возвышеніи, а около въ долинахъ разбросаны дома. Нивы окружены лѣсомъ и всѣ почти подъ орошеніемъ. Отсюда еще одинъ спускъ и идете по уваламъ, по каменистой дорогѣ, но не утомляетесь, потому что глазъ вашъ всюду отдыхаетъ на роскошной зелени, обступающей васъ со всѣхъ сторонъ, и вдали виднѣющіяся горы съ темными, вдающимися въ нихъ, долинами всѣ покрыты зеленью и лѣсомъ, а у подошвы горъ виднѣются нѣсколько селъ. Равнина идетъ, постепенно спускаясь, такъ далеко, что исчезаетъ наконецъ въ туманѣ, какъ будто обрываясь, виднѣются только обступающія ее по бокамъ вершины горъ и надъ всею этою панорамой, представляющей хаотическое смѣшеніе горъ и наполненныхъ туманомъ углубленій, высится гигантскій конусъ Руміи, окруженный цѣлою толпой низшихъ конусовъ. Какъ стражи стоятъ они около Руміи и, чѣмъ дальше отъ нея, спускаются все ниже и ниже. Часть ихъ, въ видѣ отдѣльныхъ холмовъ, разметалась у подошвы главнаго конуса на равнинѣ, а другіе, составивъ неразрывную цѣпь, тянутся дальше по направленію къ Скадру, составляя одинъ хребетъ по срединѣ перешейка между моремъ и Скадарскимъ озеромъ: за нимъ лежитъ такъ-называемая Краина. Передъ нами поднимается Можуръ, который идетъ отъ моря поперекъ къ упомянутому хребту, а потомъ заворачиваетъ и идетъ параллельно ему; въ промежуткѣ между ними пробиваетъ себѣ путь рѣчка Мегуредъ или, правильнѣе, Медьуречъ (Междурѣчье) съ прелестной Шасскою долиной и впадаетъ въ Бояну у Св. Георгія. По ней и идетъ въ настоящее время черногорская граница.

Подъемъ на Можуръ со стороны Бара не трудный, потому что начинается съ высокой равнины. Какъ разъ при началѣ подъема навстрѣчу мнѣ идетъ цѣлый караванъ конныхъ и пѣшихъ мужчинъ и женщинъ. Всѣ они въ бѣломъ: мужчины—въ извѣстномъ уже своемъ суконномъ костюмѣ; женщины—подъ покрываломъ, спускающимся до колѣнъ, и въ темныхъ широкихъ штанахъ вродѣ юпки; а у другихъ — длинныя рубашки и изъ-подъ нихъ только виднѣются узкія бѣлыя панталоны; на ногахъ опанки или башмаки съ заостренными носками. Лицо не закрыто ни у одной. У нѣкоторыхъ на шеѣ ожерелья изъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ; елекъ (родъ корсета) также расшитъ золотомъ по красной шелковой матеріи и серебряный широкій поясъ съ массивною пряжкой, по срединѣ которой нѣсколько крупныхъ сердоликовъ. Другія одѣты просто.

— Селамаликъ!—говорю я имъ, предполагая, что они, какъ магометане, не захотятъ принять сербскаго привѣтствія, а можетъ-быть и не знаютъ по-сербски.

— Добра̀ ти срѣтя, господи́не!—отчеканилъ одинъ изъ шедшихъ впереди, и начались обычные распросы: откуда и куда идешь, веселъ ли князь, здорово ли все въ Цетиньи, что новаго и т. под.,—совершенно какъ въ Черногоріи. Это и были старые черногорцы Мрковичи, возвращавшіеся изъ Ульцина съ базара, а пустившійся со мной въ разговоръ былъ Юсуфъ-барьянтаръ, съ которымъ я уже прежде видѣлся въ Барѣ. При прощаньи онъ наказалъ мнѣ непремѣнно посѣтить его.

Наконецъ, мы на верху перевалили черезъ Можуръ, составляющій природную стѣну между Баромъ и Ульциномъ. Тутъ совершенно голо; груды известняка, нагроможденныя природой, смѣшиваются съ искуственными нагроможденіями, сдѣланными для защиты, между коими остатки соломы и сѣна, служившихъ логовищемъ, кругомъ разныя нечистоты, осколки разбитой посуды, обрывки одежды, сломанныя подковы, пустые патроны. Все показываетъ, что здѣсь еще недавно стоялъ военный лагерь. Это были турецкіе шанцы, которые виднѣются всюду на всемъ протяженіи Можура.

Подъ Можуромъ оканчивается сербскій элементъ и, перейдя его, вы вступаете уже въ область населенную одними арнаутами, гдѣ не услышите ни слова сербскаго.

Прежде, чѣмъ спуститься съ Можура на другую сторону, своротимъ съ дороги и пойдемъ по его хребту къ морю; тутъ гдѣ-то, говорятъ, былъ Старый Ульцинъ, но когда онъ былъ—не знаетъ ни народное преданіе, ни исторія.

Пройдя часъ по гребню, вы доходите до края его; подъ вами море и у самаго берега нѣсколько островковъ, собственно скалъ, оторвавшихся отъ материка, и на одномъ изъ нихъ разрушенная крѣпость. Мнѣ не привелось быть внутри ея, но по наружности она похожа на всѣ другія. Интереснѣе остатки какихъ-то построекъ на самомъ хребтѣ, какъ разъ противъ этой крѣпости. Остатки эти представляютъ только стѣны и основанія стѣнъ, по которымъ, однако, можно видѣть цѣлый планъ.

Спустившись внизъ, вы вступаете на обширную равнину, почти отвѣсно возвышающуюся надъ моремъ футовъ на 500. Здѣсь также есть слѣды построекъ, но уже болѣе близкаго къ намъ времени, о которыхъ осталось темное преданіе у народа. Го-

ворятъ, здѣсь копали и находили большія сокровища; а теперь на нѣкоторыхъ только мѣстахъ уцѣлѣло основаніе стѣнъ изъ тесаннаго камня съ известью и нѣсколько надгробныхъ плитъ. Это былъ монастырь. Кто произвелъ это разрушеніе и куда дѣвался весь матеріалъ? Варвары, разрушая, довольствуются тѣмъ, что уносятъ все цѣнное; камень имъ ненуженъ, какъ бы ни былъ отлично обдѣланъ. Слѣдовательно, это не дѣло варваровъ; а камни отсюда, по словамъ народа, всѣ отнесены на островъ и послужили для постройки крѣпости. Такими цивилизованными варварами были венеціянцы, которые, въ жадной погонѣ за богатствами, не щадили ни святыни, ни памятниковъ старины и рушили все, что могло служить ихъ практическимъ цѣлямъ. Они пощадили бы, конечно, монастырь, еслибъ онъ былъ католическій; и потому самый актъ разрушенія доказываетъ, что онъ былъ православный. Находящіеся близъ него ключи называются арнаутами—*Уйме-Дьюровичъ*, что въ переводѣ значитъ вода Дьюровича, и чѣмъ еще болѣе подтверждается пребываніе здѣсь сербовъ.

Итакъ, мы находимъ здѣсь слѣды пребыванія какого-то первобытнаго народа, можетъ-быть старыхъ илліровъ, затѣмъ—сербовъ, вытѣсненныхъ венеціянцами, а теперь на все это налегъ слой арнаутскій. Вся эта мѣстность, по народному сказанію, была когда-то покрыта густымъ лѣсомъ, въ которомъ водилось множество звѣрей всякаго рода: медвѣди, дикіе кабаны, олени и др., и на нихъ охотились знатные люди.

Часть лѣса сохраняется еще до настоящаго времени; но большая часть его истреблена и истребляется на дрова, которыя здѣсь же грузятся на морѣ и отвозятся въ безлѣсныя побережья Далмаціи и Италіи. Мѣстность внизу называется *Арате-барла*, что значитъ *бѣлыя нивы*: это дѣйствительно роскошныя поля, принадлежащія ближнему селу Кручe; здѣсь же имѣютъ свои участки нѣкоторые и изъ Ульцина. Черезъ нихъ и черезъ село идетъ дорога, когда-то вымощенная камнемъ, и сходится съ дорогой, идущей изъ Бара, подъ первымъ спускомъ съ Можура. Затѣмъ вы спускаетесь все ниже, переваливая черезъ косы, выбѣгающія отъ главнаго хребта и становящіяся поперекъ дороги. Мѣстами голый камень залегаетъ ровными плитами, которыя растреснулись на такіе правильные куски, что можно предположить тутъ участіе искусства человѣка; только громадность этихъ плитъ убѣждаетъ, что здѣсь работала не человѣческая рука, а стихійная сила.

Мѣстность эта не имѣетъ того величія, какъ въ окрестностяхъ Бара, но она не уступаетъ ей въ роскоши растительности и еще больше обработана. Она вся разбивается на мелкіе ландшафты, на которыхъ видна полная гармонія между природой и живущимъ среди нея человѣкомъ.

Другое село на пути—*Крюсе*, что значитъ «голова», потому что стоитъ во главѣ начинающейся отсюда долины, идущей вплоть до Ульцина. Немного далѣе эта же самая долина называется *Братица*. Это собственно названіе находящагося здѣсь поселенія, растянувшагося вдоль на цѣлый часъ; текущая же внизу рѣчка не имѣетъ никакого названія. По бокамъ ея невысокія горы Мали-барсъ (Бѣлая гора) и Кодра (холмы), покрытыя мелкимъ лѣсомъ и кустарникомъ, среди котораго весело выглядываютъ бѣлые дома, окруженные полями и седами. Оглянувшись назадъ на Можуръ, вы также видите сплошной лѣсъ и до половины его масличовыя рощи, такъ что только самый верхъ его сѣрою полосой рисуется по голубому фону неба; а сама рѣчка то растекается и тонкою струей журчитъ по мелкому каменнику, то, искуственно схваченная въ одинъ каналъ, идетъ высоко по косогору и съ высоты двухъ или трехъ саженъ съ гуломъ падаетъ черезъ трубу на мельничныя колеса, а потомъ несется далѣе, чтобы напоить лугъ или ниву.

При концѣ долина расширяется и соединяется съ равниной, идущей къ Боянѣ и къ морю; Бѣлая-гора, идущая справа, также оканчивается и является безъ лѣса, совершенно оправдывая свое названіе, потому что тутъ во всей наготѣ является бѣлый известнякъ, расщепленный на множество скалъ и разваливающійся на куски, которые завалили прижавшуюся къ горѣ дорогу.

И тутъ нѣсколько на возвышеньи, на голомъ камнѣ, совершенно одиноко стоятъ двѣ церкви, какъ двѣ сироты: одна—старенькая, маленькая и низенькая настолько, что высокій человѣкъ можетъ достать рукой подъ крышу; стѣны сѣрыя, небѣленыя, даже не совсѣмъ прямыя; маленькія окошечки высоко, подъ самой крышей, да и въ тѣхъ стекла выбиты; кругомъ лежатъ каменныя глыбы, замѣняющія могильныя плиты, заросшія татарникомъ и низкимъ кустарникомъ илекса съ колючимъ листомъ (видъ дуба), и два маслиничныя деревца, будущая доходная статья: это—православная церковь; другая—новая, еще не совсѣмъ отдѣланная и сравнительно довольно большая—католическая, и въ ней съ одной стороны также выбиты стекла. Это все магометанскіе маль-

чишки въ послѣднее время нарочно выбили стекла каменьями. Выгнанныя далеко изъ города, ткнутыя среди голыхъ скалъ, на голый камень, несчастныя церкви и тутъ не могли найти мира,— и тутъ подверглись поруганію и разоренію. Можетъ-быть говорятъ только на мальчишекъ, а сдѣлали это взрослые. Магометанскій ли законъ виноватъ въ этомъ, или вообще таковы нравы и обычаи его адептовъ? Отчего этого нѣтъ теперь, когда вмѣсто турецкаго паши завѣдуетъ Ульциномъ черногорскій воевода? Законъ магометанскій не подвергся ни малѣйшему нарушенію, нравы и обычаи также не могли сразу измѣниться, но только азіятъ выброшенъ за бортъ и его мѣсто занялъ европеецъ, и порядки измѣнились.

Ульциняне и весь Ульцинскій округъ, населенный одними арнаутами, магометанами и католиками, когда-то пугали всякаго своимъ самоволіемъ, нетерпимостью, убійствами и разбоями, а съ тѣхъ поръ, какъ вступили черногорцы, не было ни одного случая ни сопротивленія закону и власти, ни какого-нибудь нарушенія порядка; тогда какъ около, только черезъ границу, продолжается прежній безпорядокъ, воровство, убійство и вообще полное отсутствіе личной безопасности. Какими средствами достигаетъ этого Черногорія, мы скажемъ послѣ, а теперь поспѣшимъ войти въ городъ. Мы опишемъ его сначала такимъ, какимъ былъ принятъ отъ турокъ, и послѣ дадимъ то, что измѣнилось при черногорцахъ.

Ульцинъ, какъ улитка въ раковинѣ, весь втянулся внутрь узкой, сквозной долины между моремъ и упомянутою выше равниной. Съ моря вы видите только его бухту съ однимъ рядомъ домовъ при краѣ ея подъ отвѣсными стѣнами, а большая часть домовъ скрывается за крѣпостью, которая стоитъ на выоокой скалѣ, составляющей одинъ изъ краевъ бухты; тогда какъ на противуположномъ краю ея, на высокомъ, тоже скалистомъ мысу, стоитъ одиноко большое зданіе, *дворецъ* бывшаго вали скадарскаго Измаила-паши, который проводилъ здѣсь лѣто со своею красивой супругой мадьяркой. Вступая въ городъ съ дороги отъ Бара или Скадра, вы видите дома, разбросанные по низу и по горамъ съ обѣихъ сторонъ, перемѣшанные съ садами и потому совершенно скрывающіеся въ зелени, чтò придаетъ городу совершенно сельскій видъ. Если идете отъ Скадра, то прежде всего минуете цыганскій кварталъ: это до десятка или болѣе домовъ, передъ которыми кругомъ грязь; около нихъ копошатся грязныя,

растрепанныя, въ лохмотьяхъ, женщины, и васъ обсыпаетъ толпа полунагихъ мальчишекъ съ назойливымъ требованіемъ подачки.

Затѣмъ вы видите съ одной стороны на возвышеніи большой красный домъ, постоянная квартира почетныхъ гостей, съ другой—мечеть съ минаретомъ; все пространство внизу занято кладбищемъ, на которомъ живописно рисуются нѣсколько надгробныхъ кіосковъ съ куполомъ и арками съ четырехъ сторонъ, а остальное—все стоячіе камни съ чалмами и фесами различныхъ формъ, смотря по тому, былъ ли умершій ходжа, хаджи (поклонникъ ко святымъ мѣстамъ), дервишъ или свѣтскій человѣкъ, и просто заостренные вверху надъ женщинами. Вступая внутрь города, вы прежде всего встрѣчаете цыганскія кузницы, двѣ корчмы, ханъ, двѣ-три мастерскія слесарей и котельщика, и наконецъ идетъ базаръ, состоящій изъ одной узкой улицы, по обѣ стороны которой лавки съ разнымъ товаромъ; кое-гдѣ между ними кофейная, цирюльня; одинъ сапожникъ, приготовляющій новую европейскую обувь, другой—изготовляющій единственно башмаки турецкіе и еще двое, занимающіеся только починкой старой обуви. По срединѣ улицы, не шире 2—3 саженъ, идетъ канавка для стока дождевой воды. Мостовая неровная, какъ во всѣхъ турецкихъ городахъ. По улицѣ снуютъ дѣти: мальчики—одни разносятъ кофе по лавкамъ, другіе несутъ какую-нибудь покупку; дѣвочки таскаютъ кувшины съ водой. У лавокъ покупщики и покупщицы. Въ базарный день передъ лавками прямо на улицѣ разсаживаются женщины изъ селъ съ своими произведеніями: зеленью разнаго сорта, табакомъ въ листахъ, сыромъ, молокомъ и т. п., и тогда положительно нужно протискиваться; а тутъ же того и смотри наступитъ на васъ лошадь, или хватитъ зубами мазга, нагруженная чѣмъ-нибудь.

При концѣ базара, по срединѣ улицы, водопроводъ, покрытый сводомъ, и тутъ вѣчно толпятся люди: одни берутъ воду, другіе моютъ бѣлье, третьи поятъ лошадей. Вода отсюда стекаетъ въ глубокій оврагъ, по одну сторону котораго находятся кофейная и пекарня, а по другую—мясная лавка и бойня. Послѣдняя просто лабазъ, открытый съ улицы, съ деревяннымъ поломъ, покатымъ къ оврагу: по немъ стекаетъ кровь и сваливаются внутренности. Текущая въ глубинѣ оврага вода не въ состояніи уносить эти отбросы, и потому они тамъ гніютъ, заражая воздухъ зловоніемъ. Стая собакъ, голодныхъ и изувѣченныхъ, стоитъ мирно въ ожиданіи добычи, или терзаетъ выброшенныя киш-

ки, а по временамъ поднимаетъ грызню между собою, если появится собака изъ чужой махалы (квартала). Вонь здѣсь такая, что, проходя мимо, нужно затаить дыханіе, но и тогда,—я говорю безъ преувеличенья,—нѣсколько разъ меня чуть не смутило отъ этой вони и отвратительнаго вида.

А между тѣмъ какъ разъ vis-à-vis съ этой клоакой, на разстояніи какихъ-нибудь пяти саженъ, стоятъ двѣ наиболѣе посѣщаемыя кофейни. Передъ одной изъ нихъ, подъ раскидистымъ тутовымъ деревомъ, устроенъ особый досчатый помостъ, на которомъ въ лѣтнее время посѣтители разсаживаются, поджавъ подъ себя ноги, и спокойно ведутъ бесѣду, попивая кофе и покуривая трубки на длинныхъ чубукахъ. Они такъ свыклись съ вонью, что не только не чувствуютъ ея, но она какъ будто служитъ приправой и дополненіемъ къ испытываемому ими удовольствію, которое они вкушаютъ, якобы, на вольномъ воздухѣ.

Проходя по узкимъ улицамъ, гдѣ идутъ жилые дома, нужно остерегаться, чтобы васъ не обдали нечистотами, такъ какъ въ каждомъ домѣ есть въ стѣнѣ отверстіе изъ отхожаго мѣста, черезъ которое нечистоты текутъ прямо по стѣнкѣ, и если вы не остережетесь издали, васъ какъ разъ окропятъ вонючими брызгами. Сообразивъ при этомъ, что улицы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не болѣе сажени въ ширину съ конавкой по срединѣ, вы поймете всю опасность прохожденія по нимъ.

Когда здѣсь работаютъ маслобойни, на которыхъ выжимается масло изъ оливокъ, то съ этихъ дворовъ спускается остающаяся послѣ того черная жидкость съ запахомъ сильно протухлаго деревяннаго масла, которая, соединяясь въ канавкахъ съ другими нечистотами изъ дворовъ, дополняетъ общее зараженіе воздуха. Добавьте къ этому міазмы отъ разбросанныхъ всюду по городу кладбищъ, которыя воняютъ разлагающимися трупами, потому что ихъ зарываютъ на глубину аршина и не болѣе полутора, такъ что даже зимой я ощущалъ вонь, проходя мимо свѣжихъ могилъ, и видѣлъ, какъ куры копаются въ нихъ, доставая оттуда червей, повидимому, выползающихъ изъ гніющаго трупа.

О благообразіи здѣсь конечно не можетъ быть и рѣчи, хотя и есть стремленіе къ тому.

Здѣсь, какъ и въ Барѣ, всѣ дома венеціянской постройки, передѣланные новыми ихъ хозяевами на свой ладъ. Двери въ улицу, иногда съ высокими крыльцами, задѣланы, также какъ и окна въ нижнихъ этажахъ, а окна вверху постоянно закрыты мел-

кою деревянною рѣшеткой. Поэтому дома смотрятъ какъ бы поворотившимися спиной къ людямъ. Но въ то же время снаружи домъ расписывается различными красками и украшается надписями. Одинъ богачъ, наприм., вздумалъ построить домъ на славу, и построилъ такой, что всякій имъ любуется. Домъ этотъ занимаетъ довольно высокое мѣсто; съ трехъ сторонъ выходитъ на улицу, а съ четвертой примыкаетъ къ саду; онъ въ два высокихъ этажа съ черепичною крышей; въ длину саженъ 15, а ширина не одинаковая. Узкая стѣна, выходящая на площадь, покрыта узорами, выведенными синей и красною краской, а по срединѣ ихъ красуется крупная надпись, гласящая: «*Машалла*!» (т. е. «да не сглазитъ никто»). Окна не со всѣхъ сторонъ и расположены безъ симметріи, высоко подъ навѣсомъ крыши и, конечно, заставлены рѣшеткой. Входъ, какъ обычно, черезъ дворъ, изъ котораго вы сначала входите въ темный подвалъ, а изъ него уже по дрянной деревянной лѣсенкѣ поднимаетесь въ жилое помѣщеніе, гдѣ прежде всего вступаете въ темный корридоръ, изъ котораго ведутъ двери въ различныя комнаты, расположенныя также безъ симметріи.

Скрывая, сколько возможно, свою семейную жизнь отъ глазъ свѣта, магометанинъ всю заботу полагаетъ на внутреннее устройство дома: тутъ у него во дворѣ всегда найдется нѣсколько фруктовыхъ деревьевъ и цвѣтничокъ, въ которомъ непремѣнно есть кусты розъ, лѣтнихъ и зимнихъ, нарцисы и гіацинты; вдоль всей внутренней стѣны—крытая галлерея, гдѣ онъ любитъ проводить время въ кругу своихъ; тутъ же къ дому прилегаетъ цѣлый садъ, въ которомъ, кромѣ фруктовыхъ деревьевъ, нѣсколько маслинъ, различная зелень и овощи, а иногда посѣяна и кукуруза. Всякій магометанскій домъ имѣетъ при себѣ значительное количество земли сверхъ того, что имѣется внѣ города, въ полѣ.

Снаружи дома кажутся довольно большими, но внутри представляютъ тѣсныя клѣтки, приспособленныя именно къ магометанскому образу жизни, чтобы можно было только сидѣть, поджавши подъ себя ноги, и лежать. При всемъ томъ у нихъ нѣтъ никакой комнатной мебели, нѣтъ ни столовъ, ни стульевъ, ни скамеекъ, даже простора въ самой большой пріемной комнатѣ весьма мало. Кругомъ всей комнаты идутъ *миндеры*, помостъ вышиною отъ пола на четверть аршина и шириною въ аршинъ, покрытый шерстяными матрацами и коврами, съ продолговатыми подушками по стѣнѣ; подъ потолкомъ полки,

на которыхъ для украшенія размѣщена различная посуда; а со входа значительная часть занята перегородкой, за которой помѣщаются постели, подушки и т. п. вещи, требующіяся ночью и скрываемыя на день; а надъ нею нѣчто вродѣ галлереи, куда тоже сваливаются различныя вещи, чаще же всего не занято ничѣмъ, какъ будто въ театрѣ галлерея для зрителей; она сдѣлана единственно ради нижняго помѣщенія. А между тѣмъ на нее тратится не мало работы: она раздѣлена колоннами и арками съ рѣшетками вверху; и все это — рѣзное, иногда лакированное. Потолокъ изъ мелкихъ дощечекъ съ шести-восьмиугольникомъ по срединѣ, въ которомъ стороны къ центру постепенно съуживаются; и онъ также рѣзной и лакированный или раскрашенный разными красками.

Любятъ они очень, такъ-называемыя, *тѣошки*: это — выступы надъ нижнемъ этажомъ вродѣ балкона со множествомъ оконъ съ трехъ сторонъ, какъ въ фонарѣ. Одинъ устроилъ такимъ образомъ большую пріемную комнату, подперевъ ее съ двухъ угловъ деревянными столбами, которые своимъ необдѣланнымъ видомъ вмѣстѣ со стоящею на нихъ постройкой совершенно портятъ широкую террасу изъ массивныхъ каменныхъ плитъ, въ которую они упираются. Однажды лошадь, привязанная къ одному изъ столбовъ, испугавшись чего-то, рванулась и сдвинула его съ мѣста; еслибы не случилось тутъ людей, она вырвала бы его совсѣмъ, и все зданіе повалилось бы. Но паденье было предупреждено, столбъ вдвинули на его прежнее мѣсто и въ домѣ зажили по-старому.

Ни объ удобствѣ, ни о красотѣ здѣсь не имѣютъ никакого понятія, а чистота совершенно не входитъ и въ помыслы здѣшнихъ жителей. При этомъ не могу не вспомнить Сараева, гдѣ въ грязной обуви совѣстно пройти даже по двору, который чище, чѣмъ у здѣшнихъ людей въ комнатѣ; а войдите внутрь дома: ни пылинки нигдѣ; кругомъ все сіяетъ отъ чистоты; все тамъ приспособлено и умѣстно; войдя въ домъ, можно подумать, что находишься гдѣ-нибудь въ срединѣ Европы, у чистоплотнаго и экономнаго нѣмца.

Общій видъ города довольно веселый. Жилыхъ домовъ въ самомъ низу немного, большая же часть расположена съ обѣихъ сторонъ долины по горамъ, откуда всегда открывается прекрасный широкій видъ на море или на Бояну. Есть домики съ большими окнами и снаружи совсѣмъ похожіе на европейскіе, а въ

то же время вы встрѣчаете внизу и много развалинъ. Прежде городъ былъ расположенъ высоко по горамъ, гдѣ нѣтъ недостатка въ растительности и откуда видъ еще прелестнѣе и шире, но теперь тамъ все опустѣло. Близъ двухсотъ домовъ представляютъ изъ себя развалины, которыя постепенно разсыпаются, и только плющъ, устилая голыя стѣны своимъ густымъ зеленымъ покровомъ, скрываетъ ихъ безобразіе. Всюду, на самую высоту, была когда-то проведена вода, теперь же вы видите то умолкнувшій фонтанъ, то глиняную трубу, по которой шла вода. Внутри *града* всѣ почти дома въ три и четыре этажа и сохранили вполнѣ свою прежнюю форму. Немногіе изъ нихъ заняты современными жителями, которые живутъ обыкновенно только въ одной части дома, оставляя другую часть пустою. Въ нѣкоторыя, видимо, турки никогда и не входили; въ нихъ остались изящные лѣпные карнизы и украшенные рѣзьбой порталы, высокія каменныя крыльца. Есть одно зданіе, которое когда-то представляло палаццо какого-нибудь духовнаго сановника, судя по надписи: I. H. S., и тутъ же была церковь. Здѣшній *градъ* былъ больше Барскаго и въ послѣднее время не подвергался разрушенію; онъ разрушался постепенно. Въ первый разъ онъ былъ разгромленъ турками, когда они приняли его изъ рукъ венеціянцевъ. Это было въ 1571 году. Городъ тогда сдался на капитуляцію и турки обѣщали выпустить гарнизонъ и жителей и дать послѣднимъ возможность унести свое имущество. Но едва только впустили турокъ, они зажгли со всѣхъ концовъ городъ и кинулись рѣзать гарнизонъ и жителей и грабить имущество. Изъ гарнизона, состоявшаго изъ итальянцевъ и французовъ, спаслись только 12 человѣкъ съ начальникомъ Сарра Мартиненго: они успѣли пробить себѣ дорогу, вскочить въ лодку и уплыть, а жители погибли всѣ до единаго; остались, можетъ-быть, только молодыя женщины и дѣти, которыя конечно обращены въ магометанство. Затѣмъ онъ подвергался бомбардированію раза два со стороны венеціянцевъ, которые пытались его воротить. Городъ, конечно, былъ потомъ возобновленъ новыми поселенцами, но внутри крѣпости большая часть домовъ лежитъ въ развалинахъ. Тамъ теперь есть цѣлыя улицы, представляющія изъ себя груды мусора и всякихъ нечистотъ, а по краямъ только куски стѣнъ. Турки возобновили одни укрѣпленія, устроивъ бойницы и бастіоны. Смотря на массу пустырей и развалинъ, приходишь къ заключенію, что въ первоначальномъ видѣ Ульцинъ никогда послѣ венеціянцевъ не возобновлялся. Но затѣмъ

видишь всюду слѣды позднѣйшаго опустошенія домовъ безъ всякаго поврежденія извнѣ. Народное преданіе приписываетъ это чумѣ, которая поморила всѣхъ, жившихъ на возвышенныхъ мѣстахъ, не коснувшись низа. Это объясненіе однако не имѣетъ никакого вѣроятія, потому что противно обычному явленію, такъ какъ болѣзнь всегда дѣйствуетъ сильнѣе въ мѣстахъ низкихъ, особенно если тамъ нѣтъ заботы о чистотѣ, какъ это и существуетъ во всѣхъ турецкихъ городахъ. Видимо, что городъ какъ упалъ, такъ и не поднимается на прежнюю высоту. Но и въ турецкій періодъ ульцинянъ постигъ кризисъ: упадокъ ихъ торговли, вслѣдствіе усиленія пароходства, такъ какъ все ихъ благосостояніе заключалось въ парусномъ флотѣ, который всюду долженъ былъ уступить преимуществу пара. Этому кризису подверглись всѣ приморскіе города на Адріатикѣ, особенно Бокка и южное Приморье. Въ Перастѣ (въ Боккѣ) чуть ли не половина домовъ стоитъ пустая, потому что перастяне жили исключительно мореплаваніемъ.

Какъ бы то ни было, при первомъ же осмотрѣ города вы замѣчаете, что онъ упадаетъ и въ немъ нѣтъ задатковъ жизни. Да и создавали ли что-нибудь турки? Способны ли они вдохнуть жизнь? Они всюду только рушатъ и убиваютъ жизнь, эксплуатируя только то, что досталось имъ въ наслѣдство отъ прежняго культурнаго народа. Здѣсь вполнѣ оправдывается турецкая поговорка, произносимая съ гордостью правовѣрнымъ: «Куда только ступилъ конь султана, тамъ и травы больше не растетъ».

Что сталось съ первыми поселенцами Ульцина по занятіи его турками, мы не знаемъ; но теперь здѣсь всѣ—арнауты, за исключеніемъ двоихъ или троихъ беговъ изъ Герцеговины. Когда и какъ произошло это заселеніе арнаутами, также неизвѣстно, и напрасно вы будете спрашивать о томъ мѣстныхъ жителей, для которыхъ исторія какъ будто не существуетъ. Кромѣ темныхъ догадокъ о своемъ происхожденіи изъ той или другой мѣстности Албаніи, они не имѣютъ никакихъ фамильныхъ преданій, многіе же въ своей наивности считаютъ себя туземцами испоконъ вѣка. При всемъ томъ, какъ бы по преданію отъ венеціянцевъ, и они дѣлаются моряками. Сначала, говорятъ, они были морскими разбойниками и опустошали берега Италіи и Далмаціи, грабя и унося съ собою награбленныя богатства и уводя плѣнниковъ и плѣнницъ, которыхъ оставляли у себя или продавали въ рабство. Но съ тѣхъ поръ, какъ въ водахъ Средиземнаго моря по-

явились военные крейсеры, разбои кончились и изъ разбойниковъ образовались отличные моряки. Въ турецкомъ флотѣ они всегда считались лучшими капитанами, а нѣкоторые были и адмиралами флота. Собственный ихъ торговый флотъ одно время достигалъ значительной цифры—до 880 судовъ, по свидѣтельству Экара, до 1860 г. бывшаго французскимъ консуломъ въ Скадрѣ; а австрійскій консулъ Ганъ еще раньше его обращалъ вниманіе своего правительства на опасность для Австріи отъ постоянно возрастающей конкуренціи ульцинскаго флота. Опасность эта миновалась съ усиленіемъ пароходства, а усиленіе «Австрійскаго Лойда», пользующагося громадною казенною субсидіей и разными привилегіями, окончательно убило какъ ульцинское, такъ и все частное мореплаваніе Далмаціи, Бокки и Приморья. Ульцинскій флотъ страдалъ нѣсколько разъ то отъ греческихъ карсаровъ, во время войны грековъ за освобожденіе, то отъ собственнаго правительства, которое два раза жгло ихъ суда, а въ послѣднее время не выплачиваетъ имъ до полумилліона гульденовъ за оказанныя услуги во время войны. Было время, когда они плавали не только по всему Средиземному морю и Архипелагу, касаясь береговъ Азіи, Африки, Франціи и Испаніи, но бывали даже въ Англіи; многіе бывали въ Одессѣ и Таганрогѣ; но теперь они ограничиваются только близкими къ нимъ портами и занимаются доставкой товаровъ преимущественно для собственнаго города и Скадра. Въ настоящее время они имѣютъ до 120 судовъ большого размѣра и до 60 мелкихъ, которыя занимаются только каботажемъ. Такое уменьшеніе произошло отъ возрастающей съ каждымъ годомъ конкуренціи, а съ другой — отъ недостатка пристани. Представьте себѣ, что зимой, когда плаваніе пріостанавливается вслѣдствіе свирѣпствующихъ здѣсь бурь, они должны на все то время укрываться по чужимъ пристанямъ или съ трудомъ подниматься вверхъ по Боянѣ, тогда какъ возлѣ имѣютъ отличную природную бухту Вальданосъ (Val-di-noce). Черногорскому правительству предстоитъ непремѣнно устроить тамъ портъ или дождаться окончательнаго уничтоженія ульцинскаго флота, тѣмъ болѣе, что Турція при помощи Австріи можетъ устроить портъ въ Санджіовано-ди-Медуа, который находится недалеко отъ Бояны и въ одинаковомъ почти съ Ульциномъ разстояніи отъ Скадра.

Кстати здѣсь сказать нѣсколько словъ о постройкѣ судовъ и о способѣ управленія ими. Ульциняне сами строятъ свои су-

да и, по отзывамъ знатоковъ, суда ихъ постройки отличаются какъ хорошимъ ходомъ, такъ и прочностью. Объ этомъ можно судить и по ихъ столярамъ, которые нисколько не уступаютъ такъ-называемымъ *маранзунамъ*, лучшимъ мастерамъ въ этихъ краяхъ, обыкновенно изъ Италіи. Къ сожалѣнію, лѣса по близости вовсе нѣтъ, а въ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ, какъ Мрковичи, откуда прежде получался лѣсъ, его становится мало, и они должны привозить его моремъ изъ-за Драча въ Мирдитахъ, гдѣ въ настоящее время турецкое правительство дѣлаетъ имъ большія затрудненія. Въ этомъ отношеніи Черногорія могла бы помочь дѣлу, доставляя лѣсъ съ своихъ горъ съ Морачи, сплавляя его тою же рѣкой, Скадарскимъ озеромъ и Бояной.

Чего ни коснись, все нужно еще устроить, а безъ того, конечно, ничего не будетъ, и Ульцинъ съ его маленькимъ флотомъ пропадетъ совсѣмъ. На 180 судовъ здѣсь хозяевъ гораздо больше, потому что всякое судно строится компаніей изъ трехъ-четырехъ человѣкъ и болѣе на паяхъ; но оно записывается на имя одного хозяина—капитана, хотя бы онъ имѣлъ только одинъ пай, а другіе—десять. Приходъ дѣлится по паямъ, а капитанъ сверхъ того получаетъ свое содержаніе, которое опредѣляется собраніемъ пайщиковъ. И ничего не дѣлается безъ обсужденія на собраніи, причемъ распредѣлены должности: кто завѣдуетъ кассой, кто постройкой, а одинъ—нѣчто вродѣ предсѣдателя компаніи. Такой способъ веденія дѣла обусловливается конечно прежде всего отсутствіемъ большихъ капиталовъ, поэтому въ нихъ участвуетъ много пайщиковъ изъ Скадра, Драча и другихъ торговыхъ городовъ Албаніи, есть и итальянцы. Но въ то же время тутъ имѣется въ виду и другое обстоятельство: это—облегченіе потери, если судно погибнетъ или пострадаетъ. Всѣ почти имѣютъ паи въ различныхъ судахъ съ тѣмъ разсчетомъ, что если потерпитъ на одномъ, то останется что-нибудь въ другомъ и третьемъ. И тѣмъ уравновѣшивается и вообще торговое счастье: убытокъ одного можетъ покрыться прибылью на другихъ. Сложилось даже повѣрье, что гдѣ больше паевъ, тамъ больше и счастья.

Есть тамъ капитанъ Беддюли—человѣкъ самый богатый въ Ульцинѣ: нѣтъ, кажется, судна, въ которомъ онъ не имѣлъ бы пая; а между тѣмъ въ своихъ собственныхъ онъ имѣетъ также пайщиковъ. О немъ стоитъ сказать, потому что онъ представляетъ въ своемъ родѣ типъ. Этотъ капитанъ нажилъ богатство чисто торговлей, знаніемъ морского и торговаго дѣла, и, какъ го-

ворятъ, необыкновеннымъ счастьемъ. Но онъ былъ чрезвычайно великодушенъ по отношенію къ своимъ служащимъ: всякому онъ давалъ денегъ для покупки товара, когда на суднѣ оставалось мѣсто, а не пользовался этимъ самъ, и всякій отъ него поживился. Это конечно привлекало къ нему лучшихъ людей, которые и служили ему вѣрой и правдой. Если кто терпѣлъ убытокъ, онъ не требовалъ возврата денегъ, покуда тотъ не поправитъ своихъ дѣлъ, а иногда и совсѣмъ прощалъ. У него былъ отецъ, человѣкъ чрезвычайно скупой и жившій крайне просто, поэтому онъ никогда не хотѣлъ быть дома и всю свою молодость провелъ въ морѣ; когда же отецъ умеръ, онъ воротился и тотчасъ же выстроилъ новый большой домъ, который наполнилъ всевозможными европейскими предметами и открылъ его для друзей и знакомыхъ. Ему за 40 лѣтъ и онъ имѣетъ сына, который вмѣсто него ходитъ капитаномъ въ море, а зиму всю проводитъ дома, гдѣ у него есть уже жена и ребенокъ.

Беддюли даетъ денегъ взаймы не только своимъ служащимъ, но и постороннимъ, причемъ избѣгаетъ всякихъ формальностей. Обмана въ этомъ случаѣ конечно никогда не бываетъ, потому что онъ даетъ только людямъ, которыхъ хорошо знаетъ. Но, пользуясь его добротой, являются къ нему иногда люди совершенно не заслуживающіе довѣрія и—обманываютъ. Тогда онъ объявляетъ, что такому-то никогда больше не повѣритъ ни на *бешлыкъ* (турецкая монета въ 50 крейцеровъ), а требовать по суду никогда не будетъ, потому что поставилъ себѣ задачей никогда не имѣть дѣла ни съ какимъ судомъ, и не имѣетъ. Одно время онъ самъ былъ членомъ суда; но, увидѣвши, какъ люди ссорятся между собой и безсовѣстно поступаютъ другъ противъ друга, вышелъ въ отставку. Онъ не отказывается только отъ одного суда—капитанскаго, который собирается для обсужденія дѣлъ, касающихся мореплаванія. Это — учрежденіе, которое вообще регулируетъ и контролируетъ жизнь и дѣятельность корпорацій капитановъ: оно блюдетъ интересы своей корпораціи и потому, заботясь о чести ея, отнимаетъ капитанство у всякаго, кто скомпрометируетъ себя за границей, и потому всѣ ульцинскіе капитаны пользуются тамъ полнымъ довѣріемъ; оно же изыскиваетъ средства помочь пострадавшему. Я былъ свидѣтелемъ одного дѣла, которое показало мнѣ, какъ они дорожатъ своею честью.

Одинъ капитанъ доставлялъ соль изъ Бара въ Ульцинъ. Черногорскій чиновникъ при соли нашелъ недостатокъ, въ которомъ,

какъ послѣ убѣдились, виноватъ былъ самъ, потому что просто не умѣлъ мѣрить децималомъ. Капитаны не допустили этого дѣла до суда, не разсмотрѣвши его впередъ въ своемъ собраніи. И собраніе заявило воеводѣ такое рѣшеніе: за честность капитана они ручаются всѣ и потому съ его стороны обмана никакого быть не можетъ; честь капитана—честь ихъ всѣхъ, и они будутъ ее защищать передъ высшимъ судомъ и передъ княземъ; всѣ условія съ его стороны были соблюдены въ точности, тогда какъ со стороны чиновника сдѣлано много упущеній. Но они не хотятъ зла и чиновнику, котораго также считаютъ за честнаго человѣка; потому пусть воевода укажетъ имъ, что бы они могли сдѣлать въ облегченіе этому послѣднему. Со стороны воеводы также была вполнѣ признана справедливость капитана, который послѣ этого принялъ на себя половину недостатка въ облегченіе чиновнику, чтобы дѣло не шло въ судъ.

Не могу судить, насколько этотъ корпоративный духъ могъ подѣйствовать вообще на развитіе этихъ людей, знаю только, что въ средѣ ихъ никакъ не могъ развиться духъ узурпаторства; даже по отношенію къ христіанамъ съ ихъ стороны не допускалось тѣхъ злоупотребленій, которыя допускались въ другихъ мѣстахъ, наприм.—въ Барѣ и Скадрѣ. Извѣстно, что всѣ магометане дѣйствуютъ сообща чрезвычайно дружно; но въ этомъ всегда видно вліяніе ходжей и слѣпое послушаніе имъ, какъ уставщикамъ вѣры и закона. Здѣсь, напротивъ, ходжи не имѣютъ того значенія и ульциняне всегда дѣйствовали независимо отъ нихъ, вслѣдствіе рѣшеній своей собственной свѣтской корпораціи, которая всегда руководится практическими соображеніями, а не слѣпымъ фанатизмомъ. Духъ независимости всегда выражается однако у нихъ не отрицаніемъ власти султана, а только устраненіемъ вмѣшательства чиновниковъ въ ихъ внутреннія дѣла, которыя велись такъ, чтобы не было и повода имъ вмѣшиваться. Съ одной стороны постоянное плаваніе по морямъ, привычка не бояться ничего, кромѣ своихъ беговъ, моря и вѣтра, развили въ нихъ духъ свободы и независимости, которымъ вообще отличаются приморскіе жители; съ другой—необходимость искать средствъ къ жизни внѣ предѣловъ своего отечества сдѣлали ихъ космополитами, и имъ всегда было мало дѣла до того, что происходило въ Албаніи. Таковъ былъ Ульцинъ всегда, таковы были и другіе приморскіе города, когда были населены сербами и принадлежали Сербскому государству. Ульциняне никогда не были

открытыми противниками власти; потому въ пятидесятыхъ годахъ, когда султанъ долженъ былъ послать пашу съ войскомъ, чтобы привести въ покорность беговъ Босніи и Герцеговины и то же самое было въ Скадрѣ и Барѣ,—Ульцина не коснулась эта военная экзекуція.

Во время послѣдней войны Турціи съ Черногоріей ульциняне помогали своему правительству судами, подвозя войска и различный провіантъ, и вмѣстѣ съ другими защищались противъ черногорцевъ; но большого воодушевленія въ нихъ не было, и какъ скоро они увидѣли, что всѣ шансы на сторонѣ черногорцевъ, они сдались и живутъ съ черногорцами весьма дружелюбно. Въ послѣдній разъ ульциняне сопротивлялись занятію ихъ города черногорцами единственно подъ давленіемъ турецкаго правительства и албанской лиги, которыя имъ грозили военною силой; но какъ скоро эти два рычага были сломаны, они приняли черногорцевъ, какъ старыхъ друзей. При приходѣ черногорскихъ войскъ для занятія Ульцина, жители его — женщины и дѣти—за городомъ преспокойно занимались подбираніемъ маслинъ, а въ самомъ городѣ всѣ лавки были отворены, и торговля шла обычнымъ порядкомъ, какъ будто не произошло никакой перемѣны. Купцы зазывали своихъ старыхъ знакомыхъ въ лавки и угощали кофе, дѣти наперерывъ таскали воду и предлагали папиросы. Съ перваго же шага установились добрыя отношенія, которыя съ тѣхъ поръ не нарушались ни однимъ происшествіемъ, и ни въ комъ не замѣтно даже тѣни сожалѣнія о прошломъ.

Сравнивая ульциняпъ съ другими магометанами, нельзя не признать ихъ болѣе развитыми. Въ этомъ отношеніи конечно имѣло вліяніе ихъ постепенное сношеніе съ другими европейскими народами и спеціально торговый характеръ. Правда, они жили чрезвычайно замкнуто и къ нимъ заглядывалъ рѣдкій европеецъ, боясь за личную безопасность. Въ этомъ случаѣ они охраняли свои торговые интересы, боясь конкуренціи; поэтому они не охотно допускали къ себѣ и католиковъ, торговцевъ изъ Скадра, съ которыми имѣли постоянныя дѣла и отъ которыхъ зависѣли, такъ какъ въ ихъ рукахъ находятся капиталы и торговля. Однажды они убили каваса англійскаго консула и тѣмъ еще больше поддержали славу о своей дикости. Но это было вызвано самимъ кавасомъ, который, покупая что-то у женщины, не хотѣлъ заплатить, что она требовала, обругалъ ее, прибилъ мальчика и ушелъ. Честь женщины и дѣтей для нихъ святыня, а по-

ступокъ каваса сверхъ того былъ преувеличенъ, тогда они пошли и убили, но, по ошибкѣ, другого каваса, а тотъ скрылся. Произшествіе это тогда надѣлало большого шуму, и многіе изъ ульцинянъ за то жестоко поплатились; но съ тѣхъ поръ и ульциняне стали еще болѣе бояться и не любить европейцевъ. Имъ крайне тяжело было терпѣть въ своей средѣ турецкихъ офицеровъ, потому что они вносили развратъ въ ихъ жизнь, какъ общественную, такъ и семейную. Тогда, говорятъ, женщины ихъ совершенно не показывались на улицы. А между тѣмъ при черногорцахъ они смѣло ходятъ по улицамъ и не боятся даже припоздать вечеромъ. Сколько разъ я видѣлъ, какъ женщины поздно вечеромъ моютъ бѣлье, причемъ имъ нѣтъ необходимости скрывать лицо, какъ днемъ.

Женщины, въ противуположность мужчинамъ, чрезвычайно фанатичны. Проходя по улицѣ, онѣ сверхъ покрывала закутываются въ тяжелые косматые плащи, вродѣ бурки съ капюшономъ, и, встрѣчаясь съ вами, поворачиваются задомъ и обращаются лицомъ къ стѣнѣ; дѣвочкамъ внушаютъ, что всякое прикосновеніе невѣрнаго оскверняетъ такъ, что послѣ нужно просить разрѣшеніе ходжи; поэтому онѣ, вертясь и ласкаясь около васъ, съ крикомъ и плачемъ убѣгаютъ прочь, если вы только покуситесь погладить по головѣ. Мальчикамъ матери обыкновенно навязываютъ различные амулеты, предохраняющіе ихъ отъ глаза и нечистаго духа, и по вступленіи черногорцевъ ихъ навязано больше обыкновеннаго. Если вы случайно увидите женщину безъ покрывала, во время перехода черезъ дворъ или черезъ улицу, что случается нерѣдко, она вскрикнетъ и припадетъ къ землѣ, какъ будто съ ней дѣйствительно сдѣлалось что-нибудь ужасное.

Время и привычка однако взяли свое, и подъ конецъ наши отношенія стали измѣняться къ лучшему. Отъ простого черногорца, если онъ говоритъ по-арнаутски, онѣ уже не бѣгутъ и не кроются, когда онъ входитъ въ домъ по надобности. Мнѣ также приводилось входить въ домъ въ качествѣ врача (за отсутствіемъ врача дѣйствительнаго), и женщины не крылись передо мной. Иногда онѣ явно посылали воеводѣ букеты цвѣтовъ и охотно исполняли порученіе изготовить какое-нибудь турецкое кушанье, какъ, наприм., сладкую питу (родъ торта), въ чемъ онѣ очень искусны.

Эти отношенія, надобно замѣтить, вполнѣ заслужены черногорцами—ихъ до высшей степени доходящимъ уваженіемъ мѣст-

ныхъ обычаевъ. Какъ неизмѣримо выше стоитъ въ этомъ отношеніи черногорецъ передъ австрійцами, нахальное поведеніе которыхъ мнѣ привелось видѣть въ Босніи послѣ оккупаціи!

Что бы мы ни говорили объ ульцинянахъ, какъ особенномъ типѣ, сложившемся подъ вліяніемъ чисто мѣстныхъ, такъ-сказать случайныхъ, обстоятельствъ,—какъ бы они ни были изолированы отъ остальныхъ арнаутъ, какова бы ни была разобщенность ихъ интересовъ, — въ типѣ ихъ оказывается ихъ національный характеръ; а національный индифферентизмъ, на который мы указали, какъ на результатъ ихъ странствованій по свѣту, составляетъ въ то же время національную черту всѣхъ арнаутъ.

Во время послѣдней войны Черногоріи съ Турціей, въ черногорскій лагерь не разъ приходили толпы арнаутъ съ ихъ главарями съ предложеніемъ своихъ услугъ. Представители племенъ шали и шоши еще до войны приходили къ черногорскому князю, чтобъ онъ помирилъ ихъ, и послѣ того были при мнѣ въ Цетиньи съ заявленіемъ, что они хотятъ быть его подданными и готовы помочь ему противъ хотъ и грудъ, или противъ гусиньскаго Алибега, и дѣйствительно бились на границѣ съ тѣми и другими.

Это становится естественнымъ, когда вникнешь ближе въ ихъ жизнь. Вся жизнь ихъ сосредоточивается въ племени, и между отдѣльными племенами нѣтъ связи, которая основывалась бы на сознаніи общей народности. Эта идея имъ совершенно чужда, и всѣ усилія создать ее со стороны пропагандистовъ Австріи, Италіи и турецкихъ чиновниковъ, которымъ она нужна была для ихъ собственныхъ цѣлей, оказались напрасными. Арнаутъ вообще легко поднять на оружіе: дайте только средства и укажите цѣль, на кого нужно ударить, а во имя чего биться—имъ все равно. Нужно только задѣть ихъ честь и юначество, и они готовы сейчасъ. Пользуясь этимъ, Турція и Австрія сильно возбудили ихъ противъ Черногоріи; но національной вражды противъ черногорцевъ они не имѣютъ нисколько,—имъ нужно показать только свое превосходство въ силѣ и юначествѣ. У нихъ даже нѣтъ собственнаго слова для понятія «народъ»; они говорятъ: *milet* или *popul*, заимствуя первое слово изъ турецкаго языка, а второе—изъ латинскаго. Да и весь языкъ ихъ и національность составляютъ такой конгломератъ, что трудно отдѣлить коренной элементъ отъ чужихъ примѣсей и наслоеній. Но если онъ сохранился до сихъ поръ, пройдя длинный рядъ столѣтій, сквозь столь-

ко разнообразныхъ культурныхъ вліяній и такихъ радикальныхъ переворотовъ, былъ свидѣтелемъ возникновенія и паденія двухъ великихъ имперій и нѣсколькихъ государствъ меньшаго значенія, то онъ долженъ задержаться и, отнынѣ начавъ свое развитіе, открыть новую эпоху въ своей темной до сихъ поръ исторіи.

Послѣ этой общей характеристики ульцинянъ, какъ національной единицы, мы должны приступить къ ихъ внутренней жизни, гдѣ на первомъ планѣ стоятъ семейныя отношенія.

Замкнутость семейной жизни магометанъ не даетъ возможности постороннему временному наблюдателю узнать ихъ вполнѣ, во всѣхъ подробностяхъ. Но, говоря вообще, можно предполагать, что эти отношенія должны быть мягки и раціональны. Въ томъ убѣждаетъ насъ отсутствіе многоженства и чрезвычайно нѣжныя отношенія къ дѣтямъ. Заботливость матерей видна въ томъ, что дѣти ихъ всегда одѣты чисто, съ нѣкоторою даже изысканностью, и держатся свободно. Со стороны отцовъ мнѣ ни разу не случалось видѣть грубаго обращенія съ дѣтьми не только со своими, но и съ чужими; съ мальчиками они часто ходятъ на базаръ, водя ихъ, какъ помощниковъ своихъ; нерѣдко увидите, что отецъ ведетъ совсѣмъ маленькаго сына за руку, чтобы только доставить ему удовольствіе. Какъ ни много тамъ дѣтей, вы никогда почти не услышите дѣтскаго плача ни на улицѣ, ни въ домѣ. Это мнѣ особенно припоминается теперь, сидя въ Цетиньи, гдѣ я, не выходя изъ квартиры, каждый день съ утра до ночи принужденъ слушать со всѣхъ сторонъ, съ улицы и изъ ближнихъ домовъ, неумолкаемый ревъ дѣтей то отъ родительскихъ шлепковъ, то вслѣдствіе драки между собой, то отъ капризовъ.

Говорятъ,—и это можно видѣть по нѣкоторымъ внѣшнимъ фактамъ,—что у ульцинянъ въ семьѣ скорѣе мужъ подчиненъ женѣ, чѣмъ жена мужу. Супружеская вѣрность, по общимъ отзывамъ, нигдѣ не соблюдается такъ строго, какъ здѣсь, и скитанье моряковъ по свѣту не только не развращаетъ ихъ въ этомъ смыслѣ, но, напротивъ, какъ будто еще усиливаетъ супружескія привязанности. Надобно замѣтить, что браки здѣсь рѣдко основываются на разсчетѣ; да никто и не можетъ разсчитывать помочь себѣ приданымъ жены и жениными связями, такъ какъ приданое это состоитъ только въ одеждѣ и другихъ домашнихъ предметахъ, а не въ деньгахъ или имѣньи другого рода, и отношенія всѣхъ между собою равны. Здѣсь смотрятъ только на тѣлесное

совершенство и на нравственныя качества дѣвушки, причемъ отчасти принимается въ соображеніе и семья, которая ее воспитала. Строгаго затворничества здѣсь нѣтъ, да и кромѣ того дѣвушки затворяются лѣтъ съ 14, какъ разъ въ томъ возрастѣ, когда пора выходить замужъ. Мужчины также рано вступаютъ въ бракъ, и вы нерѣдко встрѣтите отца съ сыномъ, которыхъ скорѣе можно принять за братьевъ. Ульцинъ славится красотой своихъ женщинъ, поэтому есть пословица: «Призренскія яблоки, скадарскіе парни, ульцинскія дѣвушки»,—хотя, правду сказать, скадарскіе парни больше прельщаютъ своимъ франтовствомъ, чѣмъ истинною красотой; ульцинскій типъ у мужчинъ также весьма красивый.

Говоря, что здѣсь нѣтъ многоженства, мы не исключаемъ абсолютно его существованія: оно существуетъ по праву и по закону, но практикуется рѣдко. Есть, напримѣръ, одинъ дряхлый старикъ, о лѣтахъ котораго нечего и спрашивать, стоитъ только взглянуть на него: это—еле живой скелетъ, весь расшатавшійся не отъ какой-нибудь болѣзни, а отъ общаго разслабленія; у него не дѣйствуютъ уже ни руки, ни ноги, и потому онъ только сидитъ и лежитъ; а между тѣмъ два года назадъ, сверхъ двухъ имѣющихся женъ, онъ взялъ себѣ еще четырнадцатилѣтнюю дѣвочку, чтобъ, какъ онъ самъ выражается, «подмолодиться около нея». Но это единственный примѣръ въ цѣломъ Ульцинѣ, и всякій его осуждаетъ.

Противъ строгаго затворничества женщинъ, какъ я замѣтилъ выше, говоритъ то, что онѣ безпрестанно ходятъ по улицамъ— то въ гости, то въ лавки для покупокъ. Въ домахъ также нѣтъ строгаго раздѣленія половъ. Сколько разъ намъ приводилось слушать черезъ затворенныя окна домашнее веселье, въ которомъ ясно можно было разобрать смѣшеніе женскихъ голосовъ съ мужскими въ развязномъ говорѣ, смѣхѣ и пѣніи. Можно было иногда подмѣтить, что тамъ идутъ какія-то общія игры, нѣчто вродѣ домашнихъ представленій, и пляска. О послѣдней можно судить по видѣнной мною пляскѣ дѣвочекъ. Это не простая, безъискусственная пляска дѣтей, а скорѣе танецъ баядерокъ со страстными тѣлодвиженіями и мимикой. Видно, что ихъ учатъ дома танцамъ и что эти танцы практикуются тамъ и взрослыми.

Первоначальное воспитаніе дѣтей совершается, конечно, дома, подъ непосредственнымъ вліяніемъ матери. Затѣмъ лѣтъ съ 7 или 8, а иногда и раньше, дѣти обоихъ половъ идутъ въ *мейтепъ*, школу при мечети. Ученіе тамъ извѣстно: сидя на колѣ-

нахъ, ученикъ смотритъ на листокъ, по которому водитъ указной ходжа или старшій изъ учениковъ, и повторяетъ за нимъ, покачиваясь впередъ и назадъ, каждую строчку или фразу множество разъ, пока не будетъ знать на память и не будетъ угадывать по начертанію. Всѣ кричатъ въ одно время. Не раньше, какъ послѣ года или двухъ, начинаютъ учиться чтенію, т. е. разбирать каждое слово и отдѣльные звуки, и это идетъ вмѣстѣ съ письмомъ. Большинство однако останавливается на первой ступени, дѣвочки же никогда ея не переходятъ, и тогда вся наука оканчивается заучиваніемъ молитвъ и мудрыхъ изреченій, въ чемъ заключается вся магометанская мораль, которая у мужчинъ со временемъ вывѣтривается отъ столкновенія съ людьми изъ другого міра, тогда какъ у женщинъ она остается на всю жизнь единымъ руководящимъ правиломъ. Въ три года мальчикъ можетъ научиться кое-какъ читать и писать по-турецки и немного понимать; но для усовершенствованія въ языкѣ они занимаются у ходжей отдѣльно. Иные остаются, чтобы приготовиться въ ходжи, причемъ, конечно, главную задачу составляетъ заучиваніе Корана наизусть. Если онъ можетъ на память читать и пѣть все, что требуется въ мечети, онъ дѣлается *хафизъ*, что значитъ ученый. Курсъ этотъ можетъ продолжаться 6—7 лѣтъ и болѣе. Иной приготовляется быть только *муэззиномъ*, назначеніе котораго нѣсколько разъ въ день кричать съ минарета извѣстное призваніе. Нѣкоторые дѣлаются ходжами, но не практикуютъ своихъ обязанностей, а пользуются только почотомъ ученаго, мудраго и знатока турецкаго языка. Послѣднее для нихъ имѣетъ значеніе, потому что, начиная съ Александріи, куда они ходятъ, по берегамъ Африки вездѣ употребляется турецкій языкъ. Практическимъ путемъ капитаны выучиваются кое-какъ говорить по-итальянски, по ни одинъ изъ нихъ не умѣетъ ни читать, ни писать, между тѣмъ какъ вся корреспонденція и всѣ ихъ торговыя дѣловыя бумаги пишутся на итальянскомъ языкѣ, и потому они со всякой телеграммой, со всякимъ письмомъ, получаемымъ или отправляемымъ, обращаются къ кому-нибудь изъ католиковъ, у которыхъ обученіе итальянскому языку составляетъ одинъ изъ главныхъ предметовъ въ школахъ Скадра. Для итальянскаго языка и православные посылаютъ своихъ дѣтей въ католическую школу; но магометанинъ этого не смѣетъ сдѣлать передъ своимъ ходжей.

Такимъ образомъ и ульцинянинъ, при всей своей развитости, пріобрѣтаемой путешествіями, остается въ сущности круглымъ

невѣждой, благодаря деспотическому вліянію вѣры и ея представителей, и такимъ останется долго, пока не сломится его предубѣжденіе блестящими успѣхами другой школы. Но гдѣ же эта школа? — Ея покуда нѣтъ. Черногорія должна основать такую школу именно въ Ульцинѣ, принаровивъ ее вполнѣ къ мѣстнымъ потребностямъ и устранивъ всякій конфессіональный и строго національный характеръ.

Капитаны рано берутъ своихъ дѣтей въ море и такимъ образомъ доканчиваютъ ихъ воспитаніе и образованіе, приготовивъ изъ нихъ неустрашимыхъ и искусныхъ моряковъ и торговцевъ, что и составляетъ послѣднюю цѣль ульцинянина. Всякій капитанъ имѣетъ на своемъ суднѣ компасъ и карту; но послѣднюю они понимаютъ весьма слабо и держатъ, кажется, больше для вида.

Описывать обычаи и различные обряды ульцинянъ не входитъ въ нашу задачу, такъ какъ они тѣ же самые, какъ и у остальныхъ арнаутъ, и описаны въ сочиненіяхъ Гана и Экара, которые долго жили между этимъ народомъ, а первый изъ нихъ занимался спеціально изученіемъ арнаутскаго языка и народа и его сочиненіе по справедливости считается классическимъ. Для меня же знакомство съ арнаутами служило только дополненіемъ къ изученію Черногоріи, въ составъ которой вошла часть ихъ. Среди этого чуждаго народа я былъ просто туристъ, которому доступны только внѣшнія проявленія народной жизни. Для пополненія я могу сообщить нѣсколько наблюденій, взятыхъ на улицѣ или почерпнутыхъ изъ моихъ личныхъ сношеній и столкновеній. Но прежде представлю нѣсколько данныхъ о составѣ ульцинскаго населенія.

Мы говорили до сихъ поръ объ арнаутскихъ магометанахъ, которые составляютъ здѣсь главную массу и господствующее населеніе, но есть здѣсь и арнауты-католики. Это все торговцы и ремесленники, недавно выселившіеся изъ Скадра, и между ними есть одинъ домъ, существующій около ста лѣтъ, изъ котораго всѣ были въ свое время морскими капитанами. Они не занимаютъ особеннаго квартала, но все-таки живутъ преимущественно въ одномъ концѣ, частью въ своихъ собственныхъ, частью въ наемныхъ домахъ. Съ кореннымъ здѣшнимъ населеніемъ ихъ вяжетъ только языкъ, тогда какъ вѣра не только раздѣляетъ ихъ, но и вызываетъ взаимный антагонизмъ. Даже по внѣшности и по характеру они представляютъ совершенно особенный типъ;

у нихъ другіе нравы и другія тенденціи. Они считаютъ себя здѣсь чѣмъ-то вродѣ столичныхъ жителей въ какомъ-нибудь провинціальномъ городѣ и живутъ своею особенною жизнью, насколько то возможно среди господствующаго магометанскаго населенія. Какъ католики, они фанатичны менѣе всѣхъ другихъ католиковъ и ихъ религіозное чувство всегда покоряется практическимъ соображеніямъ.

Затѣмъ идутъ православные сербы изъ разныхъ мѣстъ, но больше всего изъ Кучъ. Они почти исключительно мастеровые и ремесленники, и только двое недавно открыли мелкую торговлю. Православный священникъ въ то же время ремесленникъ—*туфекджчія*, который починяетъ огнестрѣльное оружіе: это только и давало ему средства къ существованію и за то только его и терпѣли въ своемъ городѣ магометане. Онъ родомъ сербъ изъ Призрена, но жена его, хоть и сербка, и дѣти не знаютъ ни слова по-сербски, какъ арнауты. Православные не имѣютъ между собою тѣсной связи, какъ католики, вслѣдствіе того, что всѣ изъ различныхъ мѣстъ, притомъ весьма отдаленныхъ одно отъ другого. Не имѣя единства между собой, они держались всегда довольно близко къ магометанамъ, которые вообще относились бы къ нимъ хорошо, еслибы не подозрѣвали въ симпатіяхъ и сношеніяхъ съ Черногоріей. Какой смѣшанный типъ представляетъ это населеніе, можно судить по слѣдующему примѣру: спичанинъ поселяется здѣсь, бѣжавъ отъ преслѣдованія за что-то австрійскимъ правительствомъ; однажды онъ ходилъ въ Подгорицу, встрѣтилъ тамъ дѣвушку изъ Лѣшанской нахіи въ Черногоріи и женился на ней; у нихъ родилась дочь, которую выдали за прибывшаго въ Ульцинъ васоевича, и теперь имѣетъ дѣтей и эта пара. Всѣ они, однако, кромѣ семьи священника, учась поарнаутски, вполнѣ сохраняютъ свой языкъ, на которомъ всегда разговариваютъ въ кругу своей семьи и своихъ людей.

Затѣмъ идутъ цыгане, старые жители Ульцина, поселенные въ особомъ кварталѣ и занимающіеся кузнечнымъ ремесломъ. Жены же ихъ, кромѣ занятія дома, прислуживаютъ въ магометанскихъ домахъ, а отчасти занимаются выманиваніемъ денегъ гаданьемъ и переносомъ свѣдѣній о невѣстахъ и о домашней жизни, что и вызываетъ иногда противъ нихъ эдиктъ, по которому имъ запрещается не только ходить по домамъ, но и показываться на улицу и на базаръ. Они всѣ магометане.

Есть, наконецъ, еще народность, которая сообщаетъ особенный характеръ здѣшнему мѣсту: это—негры, до 20 семействъ.

Они въ разное время вывезены ульцинянами еще дѣтьми съ береговъ Африки, купленные тамъ за деньги или просто схваченные; они находились сначала въ услуженіи, а потомъ сдѣлались свободными, пріобрѣли кое-какое состояніе, обзавелись семьями, добывъ себѣ супругъ, тоже негритянокъ, и живутъ въ своихъ домикахъ, на своей землѣ. Есть между ними люди довольно состоятельные и капитаны; одинъ имѣетъ собственное судно и пользуется общимъ уваженіемъ, какъ человѣкъ честный, умный и полезный общественникъ. Но природные ульциняне питаютъ къ нимъ все-таки нѣкоторое пренебреженіе и, когда отправлялась депутація къ князю, никакъ не согласились принять въ свою среду негра. «Какъ можно,—говорили они,—чтобъ онъ, бывшій нашъ рабъ, купленный за деньги, сталъ съ нами на одной доскѣ?»

П. Ровинскій.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Значеніе театра, его упадокъ и необходимость школы сценическаго искусства.

Назначеніе поэзіи и искусствъ—предрасполагать душу человѣка къ воспріятію всего добраго, благороднаго, высокаго и наполнять всѣ его силы душевныя стремленіями къ высшимъ идеаламъ красоты и правды и къ осуществленію ихъ въ жизни. Поэзія и искусства освѣщаютъ свѣтомъ истины глубокія тайны силъ, строющихъ жизнь человѣчества,—тайны, сокрытыя подъ грубымъ покровомъ внѣшней случайности явленій обыденной дѣйствительности жизни,—и, расширяя кругозоръ для ума, умудряютъ нашъ разумъ. Если такова сила и таково значеніе поэзіи и искусствъ, взятыхъ порознь, то само по себѣ ясно, какое значеніе и какое могущественное вліяніе имѣетъ на насъ соединеніе ихъ въ художественномъ воспроизведеніи поэтическаго творенія на сценѣ,—воспроизведеніи, въ которомъ всѣ силы искусствъ и поэзіи сливаются въ одну общую творческую силу, неотразимо, обаятельно дѣйствующую на зрителей. Не даромъ посылаются человѣчеству великіе драматическіе поэты, поражающіе ужасомъ зло, смѣхомъ—порокъ и озаряющіе народное сознаніе свѣтомъ высшихъ идеаловъ. Со сцены говорятъ всему народу эти высокіе умы, эти лучшіе люди устами своихъ, если можно такъ выразиться, пророковъ, художниковъ-артистовъ. Художникъ-артистъ, являясь на сценѣ воплощеніемъ поэтической идеи, становится истолкователемъ ея, вдохновителемъ народа ко всему доброму и великому. Такъ высоко значеніе артиста. Когда на сценѣ раскрываются всѣ сокровища великаго произведенія, когда умною игрой артистовъ передаются всѣ мысли поэта въ ихъ истинномъ значеніи, тогда всѣ возбужденныя представленіемъ въ зрителѣ страстныя движенія чувствъ: ужаса, горя или

неудержимаго смѣха — охватываются серьезною, ясною мыслью и проникаются яркимъ свѣтомъ поэтической идеи цѣлаго и разрѣшаются высокимъ міросозерцаніемъ, которое усвоивается зрителемъ и становится его нравственнымъ достояніемъ, и онъ оставляетъ театръ, проникнувшись истиною, нравственно обогащеннымъ. Такъ художественныя исполненія великихъ поэтическихъ произведеній на сценѣ поднимаютъ нравственное сознаніе народа, расширяютъ его разумъ и облагораживаютъ чувства.

И самъ артистъ одѣвается ореоломъ своихъ творческихъ созданій, свѣтомъ идей, проводимыхъ имъ въ сознаніе народное, и дѣло его получаетъ въ глазахъ всѣхъ значеніе высокаго дѣла, служенія святому, ибо поэзія и искусства—святое въ жизни народа. Театръ, обладающій такою сценой, будучи великою воспитательною силой для народа, необходимо процвѣтаетъ и въ матеріальномъ отношеніи, ибо все великое и прекрасное неотразимо влечетъ къ себѣ и приковываетъ душу человѣка. Театральная зала бываетъ переполнена, когда на сценѣ даются и хорошо исполняются истинно великія произведенія.

Совсѣмъ иное въ противномъ случаѣ. Насколько сцена театра можетъ стать могущественною силой, поднимающею идеальное сознаніе народа,—силой, созидающею добрые нравы,—настолько же, и можетъ-быть въ большей степени, можетъ она содѣйствовать съуженію, приниженію народнаго міровоззрѣнія, отупленію народнаго разума, и стать развратительницей народа. Сцена губитъ нравственность, когда она вмѣсто того, чтобы срывать со лжи соблазнительные покровы, въ которые она маскируется въ жизни, только и дѣлаетъ, что одѣваетъ порокъ всею прелестью, доступною искусствамъ, забавляетъ зрителя, раздражая въ немъ плотскія страсти и часто, будто бы, поражаетъ смѣхомъ грязныя и мрачныя стороны жизни,—не только не призываетъ зрителя на борьбу съ ними, но манитъ его забыться въ мірѣ соблазнительныхъ, разнузданныхъ страстей.

Сцена отупляетъ, опошляетъ сознаніе, обкрадываетъ его сокровища, когда истину, которая должна царить на сценѣ, подмѣняетъ пошлою безсмысленною фотографіей только внѣшней стороны жизни и эту корку послѣдней выдаетъ за самую ея дѣйствительность. При такомъ репертуарѣ какое раздолье для писательской бездарности! Кто не въ силахъ подслушать пикантнаго происшествія, курьезнаго слова, подмѣтить того, что бросается ежедневно въ глаза! Въ такихъ фотографіяхъ жизни не-

чего и искать раскрытія внутреннихъ силъ, строющихъ ее, ея цѣлей и высокихъ идеаловъ; передъ зрителемъ только каррикатурно и грубо намалеванное кривляніе, выдаваемое за душевныя движенія, да и тѣ нанизанныя безъ всякой внутренней логики, или—вздорное резонерство прямо изъ прописей. И такой маскарадъ называютъ часто реальнымъ изображеніемъ жизни только потому, что передразнивается имъ одна внѣшность обыденныхъ явленій. При такомъ репертуарѣ бѣда еще не въ томъ, что подобныя произведенія плодятся, какъ тараканы, а въ томъ, что ими затопляется сцена, что къ нимъ пріучается зритель, что онъ начинаетъ довольствоваться безсмысленнымъ смѣхомъ при какой-нибудь каррикатурной выходкѣ актера,—что опошляется вкусъ общества, убивается его способность понимать истинное и прекрасное и замолкаетъ разумъ.

Но репертуаръ, составленный преимущественно изъ такихъ пьесъ и годный только для наполненія праздной пустоты времени посѣтителей театра, по своей безсодержательности, наскучиваетъ наконецъ. Зала театра все болѣе и болѣе пустѣетъ и масса зрителей естественно ищетъ болѣе привлекательнаго раздраженія своимъ нервамъ и устремляется тѣсною толпой на зрѣлища порнографическаго содержанія, гдѣ уже окончательно заглушенъ разумъ и говорятъ только дикіе, безобразные инстинкты, для удовлетворенія которыхъ нужны только деньги. Послѣдствія ясны...

А бѣдный артистъ?... Упражняясь постоянно и исключительно въ пьесахъ такого репертуара, онъ становится рабомъ капризныхъ похотей толпы, которую обязанъ забавлять, и мало-помалу превращается въ безсмысленнаго гаера и шута. Что требуется отъ человѣка, чтобы при такомъ репертуарѣ быть годнымъ для сцены и имѣть даже успѣхъ?—Ни труда, ни ума, ни знанія не нужно,—достаточно небольшой дозы жара чувствъ для ролей драматическихъ или нѣкоторыхъ природныхъ недостатковъ, способныхъ смѣшить, а главное—умѣнье передразнивать. Но кто же не обладаетъ извѣстнымъ количествомъ жара чувствъ, или въ природѣ многихъ ли людей не найдется извѣстной стороны, способной возбуждать смѣхъ? А передразнивать?... Кто-жь не можетъ передразнить хоть кого-нибудь? И много ли нужно наблюдательности и самой ординарной внимательности, чтобы развить въ себѣ это умѣнье? А для ролей въ порнографическихъ пьесахъ достаточно запастись порядочною долей наглости и немудрымъ умѣньемъ легкаго

пѣнья. Что-жъ мудренаго, что при такихъ условіяхъ сцены разводится такое множество актеровъ, какое мы видимъ, и складывается дикое, невѣжественное отношеніе къ искусству сценическому,— такое, что приходится очень часто слышать, къ сожалѣнію, и отъ нѣкоторыхъ артистовъ: «актеру нечему учиться,—ему нужно одно только *нутро;* ему достаточно выиграться». И кѣмъ при такихъ условіяхъ наполняются безконечные ряды актеровъ какъ на казенныхъ, такъ и на частныхъ сценахъ?—Неудачниками въ жизни, которыхъ, ни къ чему дѣльному не пристроившаяся, праздность бросила на сцену,—людьми, хотя подъ-часъ и одаренными нѣкоторымъ чувствомъ или способностью возбуждать смѣхъ, но большею частью непонимающими своего искусства и потому малопомалу нисходящими на степень простыхъ потѣшателей публики.

При такихъ условіяхъ, говоря вообще, въ глазахъ большинства общества актеръ является какимъ-то особымъ существомъ, стоящимъ не у серьезнаго дѣла.

Такъ однако не думаютъ о другихъ служителяхъ прекраснаго, о живописцахъ, музыкантахъ, скульпторахъ. Отчего же это?— Оттого, что каждому ясно, сколько усилій ума, упорнаго труда долженъ употребить живописецъ, скульпторъ, музыкантъ, чтобъ овладѣть матеріаломъ, изъ котораго онъ творитъ. Но представители сценическаго искусства у насъ въ большинствѣ случаевъ сами не сознали и другихъ не заставили сознать, какую школу долженъ пройти, какую гигантскую работу долженъ совершить сценическій артистъ, чтобъ овладѣть своимъ матеріаломъ, своею собственною природой, и овладѣть ею до самоотреченія, до уничтоженія такъ-сказать ея индивидуальности,—какого развитія долженъ достигнуть его умъ, чтобъ ясно понимать глубины сердца человѣческаго и великихъ поэтическихъ произведеній, и какъ велико его дѣло. Артистъ сценическій поднимается до высоты творчества поэта, которому служитъ истолкователемъ. Онъ не рабъ послѣдняго, но творитъ съ нимъ параллельно. Только тогда, когда сценическій артистъ явится въ свѣтѣ идеи, имъ олицетворяемой, яснымъ, живымъ выразителемъ ея, служителемъ истиннаго и прекраснаго, возвысится онъ и въ глазахъ общества,— оно преклонится передъ нимъ. Кому не извѣстно, какъ восторженно относится къ великимъ артистамъ то самое общество, которое въ то же время тѣшится и гаерами!

Ни о чемъ подобномъ и ни о какомъ облагораживающемъ и нравственно возвышающемъ сознаніи народа и общества значеніи

театра нельзя и думать, если сцена будетъ постоянно, или большею частью, наполняться бездарными измышленіями досужаго, неглубокаго ума или льстить грязнымъ похотямъ толпы, а среда артистовъ наполняться полуневѣжественнымъ людомъ, способнымъ только тѣшить измельчавшій, огрубѣвшій и приниженный умъ.

Наша Императорская сцена, несмотря на нѣкоторые весьма немногіе таланты, служащіе исключеніями, быстро приближается къ такому печальному состоянію. Лучшія произведенія нашихъ писателей постепенно сходятъ со сцены, или если держатся на ней, то только благодаря послѣднимъ могиканамъ трупы. А произведенія западныхъ великихъ поэтовъ совсѣмъ уже вытѣснены со сцены. Доморощенная же бездарность силится сказать что-то въ своихъ quasi-драматическихъ произведеніяхъ и затопляетъ ими сцену, потому что по плечу они подавляющему большинству артистовъ, которыхъ весь талантъ ограничивается умѣньемъ, усвоеннымъ привычкою, передразнивать внѣшность говора и жестовъ нѣкоторыхъ типовъ, ежеминутно встрѣчающихся и на улицахъ, и въ домахъ. Такія пьесы не требуютъ особаго труда отъ артистовъ, поэтому и исполняются съ нѣкоторымъ ансамблемъ. Еще бы не съиграться въ такихъ пустякахъ, играя каждый день! Но это не можетъ наполнить безсодержательную пустоту репертуара и сцена пошлѣетъ. Публика скучаетъ въ театрѣ, зала его пустѣетъ, а Салонъ де-Варіете и т. п., гдѣ наглый соблазнъ гордо поднимаетъ свою позорную голову, переполняется публикой. Вкусъ и чувство общества извращаются, мысль тупѣетъ и нравы дичаютъ.

Одно правительство можетъ съ полною увѣренностью въ успѣхѣ поднять театръ на подобающую ему высоту; а если можетъ, то, слѣдовательно, и нравственно обязано это сдѣлать, ибо театръ—одно изъ могущественнѣйшихъ орудій для нравственнаго воспитанія общества и народа, для подъема ихъ духа. Оно должно это сдѣлать даже ради успѣшности его правительственныхъ предначертаній, ибо можно ли управлять, съ какою-нибудь надеждою на успѣхъ, массою приниженныхъ духомъ, отупѣлыхъ и развращенныхъ людей!

Императорскій государственный театръ долженъ стать образцовымъ; его сцена должна давать образцовыя произведенія и привлекать къ себѣ лучшихъ, талантливѣйшихъ артистовъ, создать образцовѣйшую труппу. Ничего посредственнаго, неумѣлаго

не должно проникать на эту сцену. Каждый умный и любящій искусство и поэзію частный антрепренеръ непремѣнно стремится къ тому же; но, даже при хорошемъ капиталѣ, онъ связанъ опасеніемъ подорвать свои средства и даже разориться, а потому вынужденъ иногда противъ воли своей подчиняться прихотямъ публики, идущимъ въ разрѣзъ съ художественными цѣлями и требованіями. Но государственный театръ внѣ такихъ опасеній; они не должны существовать для него, его не могутъ пугать убытки (мы полагаемъ, что и убытковъ не будетъ, развѣ на первыхъ порахъ), ибо они сторицею вознаградятся въ другихъ направленіяхъ—нравственнымъ подъемомъ общественнаго духа.

Пусть рядомъ съ лучшими русскими произведеніями даются всѣ лучшія произведенія и старыхъ, и современныхъ намъ поэтовъ Запада. Если нѣкоторыя изъ нихъ не имѣются въ переводѣ, то пусть дирекція театровъ составитъ списокъ иностранныхъ непереведенныхъ пьесъ, которыя она желала бы поставить на русской сценѣ, и переводы ихъ предложитъ на конкуренцію, назначивъ за лучшія хорошія преміи. Нечего опасаться, прибавимъ мы для нѣкоторыхъ, что иностранный репертуаръ при сравнительно маломъ количествѣ образцовыхъ русскихъ пьесъ можетъ вредно повліять на оригинальность творчества нашихъ драматическихъ писателей. Во-первыхъ, надо имѣть очень невыгодное понятіе о русскихъ творческихъ силахъ, чтобъ опасаться, что ихъ оригинальность можетъ быть подавлена творчествомъ другихъ народовъ. Во-вторыхъ, надо совсѣмъ не знать общей исторіи развитія литературъ и даже собственной, чтобы бояться такого подавленія русской самобытности въ поэзіи. Только Амосы Амосовичи Тяпкины-Ляпкины доходятъ рѣшительно до всего собственнымъ умомъ; но міръ Божій такъ устроенъ, что каждый зажигаетъ свой огонь огнемъ другого.

Мы думаемъ, наоборотъ, что господство иностранной драматической литературы, хотя бы на половину въ репертуарѣ нашей сцены, подниметъ и возвыситъ требованія нашей публики, очиститъ вкусъ ея и тѣмъ заставитъ очнуться нашихъ писателей и возвыситъ ихъ помыслы и міровоззрѣнія, разбудитъ много спящихъ теперь сторонъ въ ихъ поэтическихъ силахъ, и даровитѣйшіе изъ нихъ, вмѣсто ничтожныхъ произведеній, которыми угощаютъ, обрадуютъ насъ истинно художественными произведеніями.

Но прежде, чѣмъ обновлять нашу сцену такими пьесами, необходимо приготовить для нихъ труппу. Отсюда вытекаетъ на-

стоятельная необходимость въ школѣ драматическаго искусства, хорошо организованной и построенной на ясно понятыхъ основаніяхъ дѣла,—школѣ, въ которой бы систематически преподавались всѣ элементы искусства, всесторонне развивались сценическія способности артиста. Безъ такой школы нельзя и думать о подъемѣ репертуара и безъ нея не обходится ни одинъ театръ, серьезно смотрящій на свое дѣло и понимающій свою задачу. Ни Théatre Français во Франціи, ни одинъ Hoftheart въ Германіи не приметъ въ свою труппу ни одного артиста, который не прошелъ всего курса хорошей школы сценическаго искусства. Въ Италіи лучшіе артисты образуются въ школахъ Флоренціи и Рима.

Здѣсь мы почитаемъ не лишнимъ отвѣтить на нѣкоторыя предубѣжденія противъ школы сценическаго искусства, которыя намъ приходилось слышать какъ въ обществѣ, такъ, къ сожалѣнію, даже въ средѣ актеровъ. Высказываютъ опасенія, что систематическое образованіе и упражненія въ школѣ способны будто бы стѣснить и даже подавить оригинальность таланта артиста и свободный полетъ его генія и вдохновенія.

Думающихъ такимъ образомъ школа пугаетъ призракомъ педантизма и становится въ ихъ глазахъ какимъ-то пугаломъ, отъ котораго должно бѣжать все живое. Какъ будто всякое ученье непремѣнно—педантизмъ, какъ будто невѣжество и умственная слѣпота—необходимыя условія, необходимые аттрибуты художественнаго творчества, какъ будто Амосъ Амосовичъ Тяпкинъ-Ляпкинъ—идеалъ для сценическаго артиста?! Намъ кажется скорѣе, что за такимъ взглядомъ на искусство укрывается просто-напросто или крайнее невѣжество, или постыдная лѣнивая боязнь всякаго труда. Когда же живописецъ или скульпторъ боялись изучать анатомію человѣческаго тѣла или теоретическія сочиненія о пластическихъ искусствахъ? Когда же музыканты и композиторы опасались изучать генералъ-басъ? Можетъ ли живописецъ написать хоть одну руку, скульпторъ—вылѣпить какую-нибудь статую, не изучивъ строенія тѣла человѣческаго? Могутъ ли они создать что-нибудь, не изучивъ законовъ и условій ихъ искусствъ? Можетъ ли композиторъ написать симфонію, не будучи знакомъ съ законами гармоніи? Развѣ могутъ непослушный, не гибкій, грубый голосъ и уста невѣжды передать поэтическое слово во всемъ значеніи его, со всѣми оттѣнками мысли, заключающейся въ немъ, во всей его красотѣ и т. д.? «Если,—говоритъ Эдуардъ Девріентъ въ своемъ небольшомъ сочиненіи:

«Theaterschule»,— техническое образованіе таланта лишаетъ его творческія силы той широты и того размаха (Swungkraft), которые возможны для нихъ, если усвоеніе имъ вспомогательныхъ наукъ уничтожаетъ его оригинальность, то надо уничтожить всѣ спеціальныя школы, ибо для всѣхъ стремленій человѣческой дѣятельности можно опасаться того же».

Говорятъ, что школа не можетъ создать ни геніевъ, ни талантовъ, какъ будто назначеніе школы—творить ихъ. Не созиданіе геніевъ и талантовъ—назначеніе школы, а ея дѣло вести такія способности къ всестороннему развитію и возводить ихъ на высшую ступень, до которой онѣ могутъ подняться. Призваніе школы—и слабымъ силамъ подать руку помощи, не дать имъ исказиться, задохнуться и погибнуть подъ давленіемъ невѣжества и рутины. Намъ случалось видѣть, какъ весьма сложныя и сильныя роли, при старательномъ и умномъ изученіи ихъ, исполнялись и посредственными талантами несравненно лучше, чѣмъ тѣ же роли болѣе сильными, но не обладающими достаточнымъ образованіемъ и преисполненными вѣрою только въ себя и въ пріобрѣтенную ими рутину. Мы видѣли, какъ въ игрѣ первыхъ, не довѣрявшихъ своимъ силамъ, но умно слѣдившихъ за каждымъ своимъ шагомъ, выступалъ созданный поэтомъ типъ и раскрывался внутренній психическій складъ изображаемаго артистомъ лица, и какъ безбожно та же роль рвалась вторыми на части, искажалась и опошлялась. Толпа рукоплескала послѣднимъ за ихъ *нутро* (за которое часто принимается простая рутина), тѣшилась ихъ выходками, а вдумчивые, мыслящіе зрители скорбѣли.

Школа можетъ и должна дать и посредственнымъ талантамъ, при доброй ихъ волѣ и устойчивомъ трудѣ, возможность не только выполнить мастерски роли, которыя по ихъ силамъ, но и создавать роли, требующія гораздо большихъ способностей, настолько удовлетворительно, чтобы поэтическій образъ, созданный драматическимъ писателемъ, и идея его выступали передъ зрителемъ съ ясностію и яркостію, способною приковывать къ себѣ вниманіе и сочувствіе. Кромѣ того школа хорошо организованная можетъ совершить и другое великое дѣло: часто родники богатыхъ творческихъ силъ могутъ быть, такъ сказать, завалены, какъ родники воды землею, наслоеніями, подавляющими дарованіе и зависящими отъ воспитанія, образа жизни, привычекъ и другихъ причинъ,—школа можетъ и должна снять эти наслоенія и дать просторъ творческимъ силамъ талантливаго артиста.

Мы знаемъ такія чудеса хорошей школы.

Произносились такія рѣчи даже иногда и присяжными артистами сцены: «Теоріи сценическаго искусства быть не можетъ». Такія слова въ устахъ не артиста означаютъ только непониманіе, незнаніе дѣла и не болѣе какъ звуки, безмысленно сопоставленные, на которые не стоитъ отвѣчать; но въ устахъ артиста они звучатъ дурно, получаютъ серьезное, не хорошее для него значеніе. Они выказываютъ просто, что такой артистъ никогда не думалъ о своемъ искусствѣ, никогда не помыслилъ о томъ, что дѣлалъ, а отдавался лѣниво случаю, куда кривая его ни вынесетъ. Приходило ли ему на мысль то, что такими словами онъ не только отрицаетъ свое искусство и самого себя, какъ артиста, но и все свое дѣло обращаетъ въ нѣчто неразумное, въ полнѣйшее ничтожество? Подумалъ бы онъ только: всѣ другія искусства—музыка, живопись, скульптура, поэзія—имѣютъ свои законы, свои теоріи, и вотъ почему-то одно сценическое искусство, сліяніе всѣхъ другихъ искусствъ, въ которомъ они проникаютъ другъ друга, взаимно другъ друга дополняютъ, выясняютъ и создаютъ новое, самостоятельное цѣлое, воплощающее полную ихъ гармонію,—оно одно не имѣетъ своихъ законовъ, своей теоріи. Возможно ли это? Когда же и какая гармонія не имѣла своихъ принциповъ и правилъ, какое гармоническое цѣлое лишено законовъ, обусловливающихъ гармонію его бытія?

Изъ такого безсмысленнаго отрицанія теоріи сценическаго искусства вытекаетъ и тотъ совѣтъ, который подаютъ актеры-рутинеры, довольные узенькою полоской, которую отвела имъ въ сценическомъ искусствѣ ихъ рутина, молодымъ людямъ, желающимъ посвятить себя сценической дѣятельности и прибѣгающимъ къ нимъ за наставленіемъ и совѣтами: «Сцена—единственная школа для сценическаго искусства и другой не можетъ быть. Играйте, играйте,—привыкайте къ сценѣ и выигрывайтесь». Подумаешь, идетъ рѣчь не о сценическомъ искусствѣ, а о какомъ-нибудь безсознательномъ дѣлѣ привычки, о какомъ-то акробатствѣ, ловкость въ которомъ и умѣнье пріобрѣтаются почти исключительно привычкой, дрессировкой подъ звуками ободряющаго гиканья и свиста бича, а въ настоящемъ случаѣ хлопанья рукъ и шиканья полуневѣжественнаго дрессировщика—толпы, собравшейся въ залу убить какъ-нибудь свое праздное время,—и подъ руководствомъ образцовъ игры артистовъ, выдрессированныхъ тою же толпой, тѣми же бичами и тѣми же гиканьями.

—

Оттого, что существуютъ такіе невѣжественные взгляды на теорію и практику драматическаго искусства, и падаетъ сцена, и оставляютъ ее истинно художественныя созданія драматической музы, а съ ними оставляетъ залу театра и интеллигентное общество. Эта зала или пустѣетъ, или наполняется публикой, удовлетворяющеюся вполнѣ и балаганомъ. Говоря это, мы очень хорошо понимаемъ высокое воспитательное значеніе сцены для артиста. Школа не выпускаетъ вполнѣ законченныхъ въ своемъ развитіи артистовъ и не можетъ ставить для себя такой задачи. Она только можетъ легче и скорѣе чѣмъ сцена разбудить дарованіе и должна нормировать его и дать ему всѣ средства для правильнаго, стройнаго развитія. Но если таланту сообщено до его публичной дѣятельности полное, систематически-методическое образованіе въ его спеціальности, то уже дальнѣйшее его развитіе практическою дѣятельностію на сценѣ будетъ совершаться безпрепятственно. Съ поступленіемъ на сцену наступитъ для сценическаго таланта высшій періодъ развитія, періодъ уже *самовоспитанія* и *самосовершенствованія* и укрѣпленія энергіи его творческихъ силъ въ борьбѣ сознаннаго имъ идеала и требованій массы, путемъ внутренняго и внѣшняго его опыта, въ которомъ яснѣе сознаются высшія задачи искусства и его собственныя силы.

Мы не говоримъ уже о томъ, какъ такіе взгляды на сценическое искусство, такіе совѣты—убійственны для посредственныхъ талантовъ, которыми, однако, и принуждена преимущественно наполняться наша сцена, ибо сильные таланты рѣдки; но жалки и послѣдніе, если они при началѣ своей дѣятельности будутъ руководствоваться такими взглядами и совѣтами.

Сколько времени и могучій талантъ, безъ теоріи и систематическаго, правильнаго сценическаго образованія, принужденъ употребить на блужданія по пути своего развитія, а время приноситъ упадокъ силъ и сѣдые волосы! Половину жизни своей истратитъ онъ,—ту лучшую половину ея, когда способности его полны свѣжести, молодой энергіи, чуткости и силъ на борьбу съ ошибками, заблужденіями, затрудненіями, которыя представятъ ему его природа и привычки, усвоенныя имъ съ дѣтства и его образомъ жизни,—борьбу неумѣлую, способную дурно направленными усиліями исказить то, что даровала ему природа, и подорвать его творческія силы. Останется ему только другая половина жизни. Въ результатѣ окажется, что въ тотъ моментъ, въ который артистъ уже достигаетъ полнаго, возможнаго для него совершен-

ства, время уже начинаетъ налагать свою печать и на его нравственныя и артистическія силы. Это отношеніе времени къ труду актера безъ руководства школы мы описываемъ почти словами знаменитаго учителя сценическаго искусства—Гутмана, опытнаго въ вопросѣ о трудностяхъ, которыя долженъ побороть артистъ, и о времени, которое онъ долженъ употребить на такую борьбу:

«Драматическое искусство,—говоритъ онъ въ своемъ сочиненіи: «Talent und Schule in der Darstellung dramatischer Kunst»,—труднѣйшее изъ всѣхъ искусствъ. Оно требуетъ дѣятельности и гармоническаго сочетанія дѣятельностей всѣхъ органовъ человѣка, физическихъ и психическихъ, тогда какъ каждое изъ другихъ искусствъ имѣетъ дѣло съ нѣкоторыми отдѣльными органами. И скульпторъ, и живописецъ могутъ и въ глубокой старости создать образъ юной Венеры, если зрѣніе ихъ не притупилось и руки не ослабѣли. Да и кто спроситъ ихъ объ ихъ лѣтахъ? А артистъ сценическій?... Какъ велико время для его полнаго всесторонняго творчества? Въ какой моментъ его жизни застанетъ его конецъ блужденій и борьбы съ затрудненіями на пути его развитія безъ школы? Будетъ ли онъ въ состояніи, останется ли для него достаточно времени, чтобы результаты, добытые долголѣтнимъ собственнымъ опытомъ,—результаты, которыхъ бы онъ достигъ въ школѣ въ короткій срокъ,—приложить къ дѣлу, когда достигнетъ конца своего совершенствованія? На это не можетъ быть ясно опредѣленнаго отвѣта. Время его жизни, въ продолженіе котораго сохранятся его физическія силы и средства, не стоитъ ни въ какомъ точномъ и опредѣленномъ отношеніи къ его артистическимъ блужденіямъ безъ школы. Будетъ ли онъ кромѣ того въ силахъ возстановить свой голосъ, силы своихъ легкихъ, неминуемо надорванныя ошибочными, безъ руководства, упражненіями?—Нѣтъ, или по крайней мѣрѣ въ рѣдкомъ случаѣ. А тѣлодвиженія?... Что толку въ томъ, что духъ бодръ еще, фантазія полна свѣжести, а вся мускульная сила и энергія не соотвѣтствуютъ ей?»

Приводилось намъ слышать указанія на Мочалова и Щепкина, какъ геніевъ, не прошедшихъ классическаго курса сценическаго искусства. Намъ казалось бы излишнимъ, послѣ всего сказаннаго, отвѣчать на такое наивное возраженіе; но такъ какъ оно имѣетъ вѣсъ въ глазахъ нѣкоторыхъ, то сдѣлаемъ небольшое замѣчаніе. Дѣйствительно, Мочаловъ былъ величайшимъ изъ трагиче-

скихъ геніевъ, какихъ намъ приходилось видѣть, не исключая и Рашели. Могущество его вдохновенныхъ минутъ и цѣлыхъ сценъ, необычайная сила выраженій его лица, интонацій его восхитительнаго голоса и всей его мимики въ такія минуты и сцены невыразимы, неописуемы для того, кто не видалъ его. Но Мочаловъ не выдерживалъ вполнѣ типично почти ни одной роли въ продолженіе всей пьесы, исключая развѣ роли Мейнау въ драмѣ «Ненависть къ людямъ и раскаяніе», въ которой онъ оставался самимъ собой, Мочаловымъ, и своею игрой вполнѣ передѣлывалъ роль по-своему. О лицѣ, подобномъ тому, какое намъ далъ Мочаловъ въ Мейнау, и не думалъ, врядъ ли и могъ думать сентиментальный и ограниченный умъ Коцебу. Что былъ бы Мочаловъ, еслибъ онъ воспользовался всѣмъ опытомъ и знаніемъ, которымъ богато сценическое искусство? Онъ взошелъ бы на высшую точку той высоты, которая доступна для сценическаго искусства. Несмотря на тотъ недостатокъ игры Мочалова, о которомъ мы упомянули, онъ выработалъ для себя превосходную дикцію. Ясность, чистота, изящная простота его умной декламаціи были образцовыми; въ этомъ отношеніи онъ много потрудился, какъ мы знаемъ лично отъ него самого. Онъ не могъ даже слышать неяснаго, дурнаго чтенія прозы. Въ выработкѣ устной декламаціи вообще и въ частности въ чтеніи стиховъ былъ ему совѣтникомъ-руководителемъ извѣстный нашъ драматическій писатель—Шеховскій. Мы видѣли у Мочалова въ кипѣ его бумагъ двѣ или три объемистыхъ тетради записокъ Шеховскаго по этому предмету и разборовъ игры самого Мочалова. Гдѣ теперь эти тетради—не знаемъ. Нельзя не пожалѣть, если онѣ погибли. «Будьте геніями такими, какъ Мочаловъ, — скажемъ мы нашимъ артистамъ-возражателямъ, — и дайте намъ то, что давалъ Мочаловъ зрителямъ».

Щепкинъ, конечно, также былъ великій геній; но знаютъ ли возражатели противъ классическаго образованія артиста въ сценическомъ искусствѣ, какую школу этотъ геній *самостоятельно прошелъ* при своемъ большомъ, пытливомъ умѣ, подъ вліяніемъ тѣхъ лучшихъ, образованнѣйшихъ умовъ его времени, которые его окружали съ любовію и почтеніемъ, при своей любви къ искусству и своемъ трудолюбіи? Всѣ рѣчи его объ игранныхъ имъ роляхъ и объ его искусствѣ обличали глубокое, тонкое, пріобрѣтенное долгимъ осмысливаніемъ дѣла, многостороннее знаніе сценическаго искусства; а объ умной сценической работѣ

его надъ самимъ собою, надъ своими природными средствами, мы не разъ слышали разсказы отъ высокодаровитаго артиста Шумскаго, ученика Щепкина, который самъ прошелъ великолѣпную школу сценическаго искусства подъ руководствомъ великаго маэстро. Мы слышали отъ Шумскаго, какъ учился Щепкинъ своему искусству и какъ училъ онъ другихъ.

Избавляетъ ли геній отъ систематическаго изученія искусства, можно видѣть на примѣрѣ великаго Тальмы, который, уже прославившись на сценѣ любительскихъ спектаклей въ Лондонѣ, поступилъ, уже будучи двадцати лѣтъ, въ Ecole de déclamation въ Парижѣ и только послѣ трехлѣтняго изученія сценическаго искусства въ ней выступилъ на сцену. Правда, геній, и не получивъ полнаго сценическаго образованія, можетъ иногда увлечь насъ великими сторонами своего творчества; и мы говоримъ указывающимъ на успѣхи геніевъ, не прошедшихъ должной школы: будьте геніями и дайте намъ то, что они въ состояніи дать, и мы простимъ ваши недостатки, но все-таки сожалѣя, что вы не достигли того, чего могли бы достичь, получивъ систематическое образованіе въ вашемъ искусствѣ.

Въ дополненіе къ сказанному приведемъ слова великаго Гёте въ его «Wilhelm Meister Lehrsjahre» (Erster Theil. 2 Buch. 9 Capitel) и слова извѣстнаго знатока сцены и сценическаго искусства Эдуарда Девріента, въ его краткомъ проектѣ сценической школы: Ueber Theaterschule.

Гёте говоритъ: «Конечно, первое и послѣднее, начало и конецъ для актера—талантъ; но въ срединѣ между ними будетъ многаго недоставать, если образованіе въ искусствѣ не сдѣлало артиста такимъ, какимъ онъ долженъ быть. Это упущеніе можетъ получить даже большее значеніе для генія, чѣмъ для человѣка, одареннаго обыкновенными способностями, потому что первый можетъ быть легче направленъ на ложный путь и идти поэтому съ большей энергіей, чѣмъ второй», вслѣдствіе большей воспріимчивости и энергіи его силъ.

На возраженіе: «Для генія нѣтъ надобности въ школѣ,—геній силой своего творчества заставляетъ легко забывать о недостаткѣ правильности въ его игрѣ; недостатки и ошибки его часто неразлучны съ его преимуществами, они даже дополняютъ выдающуюся индивидуальность»,—Эдуардъ Девріентъ отвѣчаетъ такъ: «Такое возраженіе я почитаю крайне неосновательнымъ. Разсмотримъ его по отношенію къ одному изъ величайшихъ мими-

ческихъ геніевъ новѣйшаго времени, Людвигу Девріенту. Все богатство его полной жизни фантазіи никогда не заставляло забывать объ однообразіи его декламаціи и о недостаткахъ его тѣлесной выправки. Во всѣхъ роляхъ, требующихъ благородства формъ, ему ставились въ упрекъ эти недостатки, даже болѣе того: *онъ самъ сознавалъ это и мучился этимъ*. И можно ли повѣрить, что эти техническіе недостатки были необходимою принадлежностью его особности? Можнò ли повѣрить, что этотъ геній, который каждымъ штрихомъ своимъ вѣрно схватывалъ жизнь, однимъ уже взглядомъ своимъ убѣждалъ,—долженъ былъ утратить свою свѣжую непосредственность, еслибы въ своей юности научился говорить стихи, измѣнять тонъ въ рѣчи и пріобрѣлъ бы твердость и благородство въ осанкѣ и движеніяхъ?

«Что касается утвержденія, что «недостатки генія и ошибки часто неразлучны съ его преимуществами и даже дополняютъ выдающуюся индивидуальность художника и его созданій», то предположимъ возможность, что въ другихъ искусствахъ личные недостатки художника сообщаютъ особаго рода пикантность его твореніямъ, въ драматическомъ искусствѣ они прямо вредятъ имъ. Личность актера никакъ не должна просвѣчивать въ его роляхъ, — она должна быть свободной отъ всѣхъ особностей, должна быть гибкой и способной приноравливаться внѣшнимъ образомъ ко всякимъ формамъ, какія только создаются внутреннею фантазіей. Въ томъ и задача актера, что онъ долженъ создавать свой художественный объектъ изъ своей собственной личности, что такимъ образомъ онъ въ одно и то же время и творецъ, и художественное произведеніе, и матеріалъ для послѣдняго; поэтому насущная необходимость для него — выработать въ своихъ тѣлесныхъ движеніяхъ опредѣленность, равномѣрность, выразительность и гибкость и вò-время заручиться неограниченною властью надъ ними. Если театральная школа этого достигнетъ, сверхъ того расширитъ кругозоръ художника и сообщитъ ему высшую точку воззрѣнія, то этимъ она никоимъ образомъ не можетъ ни уничтожить таланта, ни изуродовать его,—*напротивъ того, сдѣлаетъ его здоровымъ, сильнымъ и свободнымъ;* очевидно, *что даже величайшій* геній не можетъ достигнуть высшей степени своего совершенства—одинъ, безъ помощи такого классическаго развитія».

II.

Предметы занятій учениковъ въ школѣ сценическаго искусства.

Мы имѣемъ въ виду школу, исключительно посвященную сценическому искусству, и предполагаемъ, что къ занятіямъ предметами, въ ней преподаваемыми, будутъ допускаться только молодые люди, получившіе достаточно хорошее общее образованіе, дѣлающее ихъ способными съ надлежащей ясностію и отчетливостью воспринимать и усвоивать себѣ преподаваемое въ школѣ и совершенствоваться путемъ чтеній и размышленій.

Въ такой школѣ должны быть преподаны всѣ элементы сценическаго искусства и развиты способности и средства, которыя даровала природа посвящающему себя сценическому искусству, такъ чтобъ онъ могъ впослѣдствіи достигнуть возможнаго для него совершенства въ послѣднемъ. Мы сказали «впослѣдствіи» потому, что ни одна школа, къ какой бы области наукъ и искусствъ ни относилось ея преподаваніе, не имѣетъ и не можетъ имѣть задачей выпустить законченныхъ маэстровъ, для которыхъ уже не стоитъ надобности въ дальнѣйшемъ самостоятельномъ развитіи. Какъ университетъ не создаетъ вполнѣ ученаго, но сообщаетъ всѣ основанія, на которыхъ слушатель можетъ прочно строить далѣе развитіе своей учености, и нормируетъ ему путь этого развитія; какъ для техника и художника ихъ школы, сообщивъ своимъ ученикамъ въ систематической полнотѣ всѣ основныя знанія, на которыя должна опираться ихъ дальнѣйшая дѣятельность, предоставляютъ совершенствованіе ихъ практикѣ: такъ и сценическая школа должна имѣть цѣлью нормировать и развить всѣ способности ученика, по возможности (по выраженію Девріента) восполнить то, чего недостаетъ природнымъ дарованіямъ, сообщить всѣ необходимыя для сценическаго артиста свѣдѣнія, дать ему умѣнье справляться съ своимъ дѣломъ; дальнѣйшее же развитіе его совершитъ самостоятельная его практическая дѣятельность на сценѣ. Но только это сценическое образованіе въ школѣ должно быть полно, всесторонне и систематично. «Если театральная школа,—говоритъ Девріентъ въ своемъ сочиненіи: «Ueber Theaterschule»,—не сообщаетъ полнаго, всесторонняго и систематическаго сценическаго образованія, то она рѣшительно безполезна».

Какіе же элементы составляютъ содержаніе сценическаго искусства?

Было, есть и будетъ главнымъ и существеннымъ содержаніемъ всякой поэзіи и всякаго искусства, а слѣдовательно и искусства сценическаго, раскрытіе тайнъ внутренней жизни человѣка, тайнъ сердца человѣческаго.

Данное положеніе лица въ поэтическомъ произведеніи воздѣйствуетъ чрезъ посредство фантазіи на чувство артиста и возбуждаетъ его. Отдаваясь вполнѣ свободно исключительно только своему чувству, онъ сольется съ изображаемымъ имъ лицомъ въ общемъ только характерѣ этого чувства, но не въ индивидуальной его окраскѣ, не въ индивидуальномъ его выраженіи, ибо индивидуальность артиста, говоря вообще, отлична отъ индивидуальности представляемаго имъ лица. На этой стадіи онъ выражаетъ только самого себя, не живетъ жизнью своего объекта, онъ—плѣнникъ своего личнаго чувства, онъ еще не творитъ свободно, какъ артистъ. Его игра въ такомъ случаѣ ничѣмъ не отличается отъ всякаго другого явленія безсознательной природы. Конечно, сильное искреннее чувство, такъ-называемое на жаргонѣ нашихъ артистовъ *нутро*, есть необходимѣйшій и самый основной элементъ въ игрѣ артиста, безъ котораго не можетъ быть правды въ ней; но съ однимъ нутромъ онъ не воспроизведетъ художественно ни одного лица на сценѣ, исключая развѣ того случая, когда съ его индивидуальностью вполнѣ совпадаетъ индивидуальность лица, созданнаго поэтомъ. Безъ послѣдняго условія, если артистъ случайно въ какой-нибудь моментъ своей игры совпадетъ съ изображаемымъ имъ лицомъ, то непремѣнно будетъ противорѣчить ему во всѣхъ другихъ моментахъ и лгать на поэта. Онъ будетъ какимъ-то лирикомъ на сценѣ, но не художникомъ-артистомъ.

Истинный художникъ артистъ не можетъ и не долженъ оставаться на стадіи сценическаго лиризма. Онъ на сценѣ не для того, чтобы выражать только самого себя, только свои собственныя чувства по поводу такихъ-то и такихъ положеній и словъ, созданныхъ поэтомъ, а для того, чтобы быть другимъ лицомъ, живущимъ по своей индивидуальности отрѣшенною отъ него, самостоятельною индивидуальною жизнью.

Поэтому первымъ дѣломъ артиста, первымъ актомъ его свободы будетъ мысленно выйти изъ себя, перенестись въ лицо, которое онъ намѣренъ изобразить на сценѣ,—понять характеръ этого лица, уразумѣть путемъ мышленія всѣ внутреннія пружины его дѣйствій, всѣ органическія связи его съ другими лица-

ми пьесы и съ цѣлымъ поэтическимъ произведеніемъ и дать себѣ отчетъ въ художественныхъ намѣреніяхъ поэта, выяснить себѣ олицетворяемую даннымъ характеромъ идею и отношенія ея къ идеѣ цѣлаго поэтическаго созданія. Сверхъ того артистъ долженъ будетъ воспроизвести въ своей фантазіи, такъ-называемую на языкѣ сценическаго искусства, маску характера во всѣхъ подробностяхъ индивидуальнаго быта изображаемаго лица.

Но какъ одно непосредственное чувство, такъ и одно умное пониманіе роли не дѣлаетъ еще артиста художникомъ. Какъ бы глубоко ни обдумалъ онъ свою роль, какъ бы ни была она ему ясна, если чувство его молчитъ или оно не согласуется съ его пониманіемъ роли, онъ вынужденъ будетъ *изобрѣтать* выраженія для чувствъ, подходящія къ его мысли, искуственно поддѣлываться подъ нее, а всякая поддѣлка непремѣнно обличитъ себя, оскорбитъ чувство правды въ зрителѣ и породитъ въ немъ или отвращеніе, или по крайней мѣрѣ не произведетъ никакого впечатлѣнія на него, оставитъ его холоднымъ.

Кромѣ того сильно чувствовать и умно размышлять, и понимать, и изобрѣтать соотвѣтствующія такому пониманію мимическія выраженія можетъ каждый человѣкъ, не обладая сценическими, артистическими способностями. Къ сожалѣнію, очень многіе не понимаютъ, или не хотятъ понять этого и, обладая нѣкоторымъ жаромъ чувствъ, по одному этому воображаютъ, что они рождены сценическими артистами, и за такую ошибку платятся всею жизнью.

Настоящее же сценическое дарованіе заключается въ способности инстинктивно выходить изъ разрозненности мысли, чувства и внѣшняго выраженія ихъ голосомъ и тѣлодвиженіями въ художественномъ ихъ *синтезѣ*. Разумѣется, такой синтезъ и для дарованія возможенъ только при условіи, когда всѣ внѣшнія средства артиста покорны внутренней творческой силѣ художественнаго инстинкта. Послѣднее достигается систематическимъ спеціальнымъ образованіемъ артиста, а слѣдовательно школою,— разумѣется, въ размѣрѣ возможностей, представляемыхъ природой его.

Эта синтезирующая творческая сила, живущая въ душѣ таланта, все характерное въ роли, открытое его мышленіемъ, все индивидуальное, сознанное имъ въ ней, передаетъ его чувству такъ, что артистъ начинаетъ жить индивидуальною жизнью изображаемой имъ поэтической личности, что въ его голосѣ, въ

интонаціяхъ его рѣчи и во всей его мимикѣ, безъ особыхъ усилій съ его стороны, ярко, характерно и полно, какъ въ зеркалѣ, отражается вся внутренняя жизнь созданнаго поэтомъ характера. И наоборотъ: въ силу той же творческой способности артиста, каждое инстинктивно возбужденное въ немъ на сценѣ чувство, несмотря ни на какую интенсивность послѣдняго, въ тотъ же моментъ дѣлается достояніемъ его сознательной, критической мысли, и онъ оцѣниваетъ каждый звукъ своего голоса, чувствуетъ и мысленно видитъ каждый свой жестъ. Эта творческая сила таланта обладаетъ тою чудотворною способностью, въ силу которой артистъ, при глубоко потрясенномъ чувствѣ, сохраняетъ спокойную ясность ума и сознательно переходитъ изъ чувства въ чувство, слѣдуя указаніямъ своей мысли,—тою чудотворною способностью, въ силу которой онъ, живя на сценѣ полнотою жизни изображаемаго харктера, созерцаетъ его и мыслитъ объ немъ, какъ объ отдѣльномъ отъ себя объектѣ.

Сценическій талантъ, однимъ словомъ, обладаетъ какимъ-то особымъ, чуднымъ органомъ духа, который даетъ ему возможность въ одно и то же время, такъ сказать, и чувствовать и не чувствовать, и отдаваться всему пылу вдохновенія и спокойно разсуждать. Людей, одаренныхъ такимъ органомъ духа, мы выдѣляемъ изъ ряда прочихъ и называемъ собственно талантами и геніями, означая этими наименованіями различныя степени ихъ удивительной способности.

Мы сказали, что въ голосѣ, въ интонаціяхъ рѣчи артиста на сценѣ и въ его тѣлодвиженіяхъ должно, какъ въ зеркалѣ, отражаться все, что творится въ душѣ его, и въ самомъ дѣлѣ этою, такъ-сказать, *прозрачностью* всей внѣшности артиста на сценѣ отличается онъ отъ человѣка въ дѣйствительной жизни. Тогда какъ по интонаціямъ голоса послѣдняго и его тѣлодвиженіямъ почти никогда или, по крайней мѣрѣ, очень рѣдко и весьма неясно можно судить о томъ, что творится у него на сердцѣ и въ мысляхъ, въ интонаціяхъ голоса артиста на сценѣ и во всей его мимикѣ должны отражаться ясно всѣ его мысли, всѣ волненія его сердца, малѣйшая, такъ-сказать, рябь на поверхности его чувствъ. Во внѣшности артиста на сценѣ все должно быть опредѣленно, ясно и знаменательно. Но этого достигнуть не можетъ никакой геній, если голосъ его, мускульная сила и гибкость членовъ его тѣла остаются въ томъ ихъ необработанномъ состояніи (за крайне рѣдкими развѣ исключеніями), въ какомъ они даны ему приро-

дой, если голосовыя средства его не развиты, не увеличена удобоподвижность его мускуловъ, не пріобрѣтена гибкость членовъ его тѣла, и они не послушны ему, если не умѣетъ онъ ясно и осмысленно-правильно произносить слова и рѣчи, если не привыкъ онъ управлять и говорить своими тѣлодвиженіями. Поэтому первымъ дѣломъ артиста должно быть возможное для него развитіе его голосовыхъ средствъ и гибкости членовъ его тѣла, а затѣмъ, вторымъ дѣломъ, *устная декламація* и *краснорѣчіе тѣлодвиженій* или *сценическая пластика*. Само собою разумѣется, что для пониманія артистомъ требованій его искусства, художественныхъ произведеній и ролей, выполняемыхъ имъ на сценѣ, умъ его долженъ быть изощренъ и обогащенъ всѣми необходимыми для того свѣдѣніями и должны быть развиты его эстетическое чувство и эстетическое пониманіе.

Сценическій талантъ, какъ и всякая способность, какъ бы ни была она велика по своей природѣ, для полнаго раскрытія всего богатства ея творческихъ силъ, требуетъ постепеннаго развитія и правильнаго нормированія ея совершенствующейся дѣятельности.

Поэтому для развивающихся артистическихъ силъ сценическаго таланта необходимы хорошо обдуманныя, постепенныя упражненія, восходящія отъ простѣйшихъ къ сложнымъ, подъ опытнымъ и умнымъ руководствомъ.

На основаніи всего предыдущаго предметы преподаванія въ школѣ распадаются на слѣдующіе части и отдѣлы съ ихъ раздробленіями:

Первая часть преподаванія въ школѣ.

I. *Общія основныя и приготовительныя для сценической техники занятія*:

1) Для укрѣпленія и развитія голосовыхъ средствъ—пѣніе и преимущественно solfegio. Кромѣ того пѣніемъ развивается чувство *ритма* и сознаніе модуляцій тоновъ, къ тому и другому пріучаются и слухъ и голосъ. Самымъ цѣлесообразнымъ дѣломъ для учениковъ школы признаетъ Эдуардъ Девріентъ пѣніе, изъ нѣсколькихъ голосовъ составленное, а слѣдовательно и хоровое. Въ такомъ пѣніи ученикъ пріучается соразмѣрять и согласовать свой голосъ съ голосомъ другого, что составляетъ одну изъ важнѣйшихъ необходимостей для артиста на сценѣ.

2) Для укрѣпленія силы мускуловъ и развитія необходимой для артиста гибкости членовъ его тѣла, ловкости, стройности и

гармоніи въ тѣлодвиженіяхъ—вообще гимнастика, фехтованіе и танцы (конечно, не балетные). Тѣлодвиженія должны быть старательно очищаемы отъ всего случайно привитаго имъ особенностями быта и образомъ жизни артиста.

II. *Устная декламація*:

1) *Правильное и отчетливое, ясное произношеніе* буквъ, словъ и рѣчи, свободное отъ провинціализмовъ. *Красота рѣчи*, обусловленная ясностью, свободой и легкостью произнесенія ея.

2) Модуляція звуковъ, состоящая въ возвышеніи и пониженіи голоса, въ *портаментѣ*, т. е. въ умѣньи удлинять звуки, задерживать ихъ на элементахъ рѣчи, не дѣлая ея тянущеюся и монотонною, въ *волюбилитетности*, т. е. въ умѣньи произносить рѣчи быстро, съ пониженіемъ голоса до шепота и съ усиленіемъ его до крика. Искусство говорить шепотомъ на сценѣ. Само собою разумѣется, легкость и непринужденность произнесенія рѣчи и ясность каждаго слова должны быть при всемъ томъ соблюдены.

3) *Процессъ передышекъ* при произнесеніи рѣчей и умѣнье управлять дыханіемъ.

4) *Логическій акцентъ* или логическое удареніе, передающее логическій смыслъ рѣчи.

5) *Символическій акцентъ* или óбразное удареніе, передающее отвлеченную мысль, составляющую содержаніе рѣчи, созерцанію слушателя въ óбразныхъ формахъ посредствомъ измѣненій тона, возбуждающихъ и чувство и фантазію.

6) *Ритмъ* въ произнесеніи рѣчи. Логическій акцентъ говоритъ отвлеченному мышленію, а символическій акцентъ возбуждаетъ наше поэтическое созерцаніе. Оба эти элементы въ произношеніи рѣчи, взятые отдѣльно, еще не составляютъ художественнаго цѣлаго. Соединеніе ихъ въ одно органическое цѣлое производитъ художественное впечатлѣніе, сообщающее чувству то настроеніе, которое обусловлено содержаніемъ рѣчи. Это органическое цѣлое образуется *ритмическимъ колебаніемъ* тоновъ при произношеніи рѣчей и ея частей и называется *ритмомъ* рѣчи. Ритмъ прозаической рѣчи и ритмъ поэтической рѣчи.

7) *Темпъ* есть мѣра быстроты ритмическихъ колебаній въ произнесеніи цѣлой рѣчи или частей ея. Эта мѣра обусловливается содержаніемъ произносимаго и называется *темпомъ* рѣчи. Если эта мѣра служитъ вѣрнымъ отображеніемъ содержанія и возбуждаетъ въ насъ соотвѣтствующее послѣднему чувство

и такъ гармонируетъ съ движеніями нашей души, что подъ ихъ вліяніемъ не замѣчаемъ того, что есть искуственнаго въ темпическомъ чередованіи звуковъ, то темпъ называется вѣрнымъ. Онъ непремѣнно становится такимъ, когда мѣра его служитъ выраженіемъ внутренняго одушевленія или, еще лучше, есть прямой результатъ вдохновенія, управляемаго яснымъ сознаніемъ и отливающагося въ художественно-отчетливой формѣ. Каждое поэтическое произведеніе, каждый характеръ, каждое душевное движеніе требуютъ своихъ темповъ.

8) *Законы произнесенія рѣчи:* эпической, лирической и драматической.

9) Для упражненія въ ритмѣ и темпѣ необходимо упражненіе подъ опытнымъ и умнымъ руководствомъ въ произнесеніи рѣчей подъ музыку съ условіемъ сохранять при этомъ естественную простоту разговорной рѣчи.

III. *Сценическая пластика.* Кромѣ голоса, сценическій артистъ долженъ овладѣть и другимъ матеріаломъ довольно упорнымъ, въ которомъ онъ воплощаетъ также свои художественныя созданія и посредствомъ котораго онъ дѣйствуетъ на зрителя,—своими тѣлодвиженіями. Артистъ долженъ такъ овладѣть имъ, чтобъ онъ сдѣлался вполнѣ его послушнымъ орудіемъ, чтобы въ продолженіе игры его, безъ всякихъ преднамѣренныхъ съ его стороны усилій, во всѣхъ его тѣлодвиженіяхъ, сами собою выражались состоянія его души и движенія его мысли, чтобы при всей характеристичности этихъ тѣлодвиженій они были изящны, и, даже въ случаѣ требованія ролью угловатости и уродливости, не были лишены нѣкоторой пріятности, не становились отвратительными. Возможность послѣдняго доказывается игрою великихъ художниковъ сцены, созданіями великихъ скульпторовъ: напримѣръ, статуя Фавна въ Ватиканѣ,—и великихъ живописцевъ, напримѣръ: бѣсноватый на картинѣ Рафаеля «Преображеніе Господне».

Сценическая пластика распадается на двѣ части:

А) Эстетическія движенія.

Б) Мимика.

А) Эстетическія движенія.

1) *Благородство, пріятность и красота жестовъ.*

2) *Умѣнье держать себя на сценѣ:* выходить на сцену, ходить по ней, уходить, стоять, сидѣть и т. д. и сообразовать

свои движенія съ положеніемъ и движеніями другихъ лицъ на сценѣ.

3) *Символичность* (знаменательность) тѣлодвиженій и жестовъ вообще. Ясность и чистота ихъ.

4) *Гармоническое согласованіе жестовъ между собою.*

5) *Согласованіе жестовъ съ ритмомъ и темпомъ пьесы и роли.*

NB. При изученіи этой части сценической пластики весьма важны упражненія въ танцеваніи минуета и въ мимическихъ характерныхъ танцахъ, народныхъ русскихъ, а изъ иностранныхъ преимущественно испанскихъ, а затѣмъ и итальянскихъ.

Б) Мимика.

Мимика есть искусство изображать характерныя особенности индивидуумовъ и ихъ душевныя состоянія въ выраженіяхъ лица и жестами.

1) *Мимика лица.* Конечно, всѣ внутреннія движенія души и впечатлѣнія, получаемыя извнѣ, должны инстинктивно и безъ участія воли человѣка отражаться въ выраженіяхъ лица (какъ и во всѣхъ тѣлодвиженіяхъ), потому что все искуственное, вынужденное, *явно* преднамѣренное, особенно въ этомъ отношеніи, не только большею частію не производитъ впечатлѣнія, но весьма можетъ перейти въ карикатуру; но тѣмъ не менѣе мы въ состояніи непринужденно, свободно подчинять своей волѣ нѣкоторые мускулы лица и производить въ нихъ движенія, сообщающія физіономіи извѣстную характерность и выраженія различныхъ душевныхъ состояній. Существуютъ прекрасныя сочиненія по этому предмету. Содержаніе этихъ сочиненій и вообще результаты, добытые естествоиспытателями, относящіеся къ этому предмету, должны быть преподаны посвятившимъ себя сценическому искусству. Кромѣ того существуютъ практическія средства возбуждать нѣкоторыя физіологическія явленія въ лицѣ, способныя служить выраженіемъ извѣстныхъ состояній души, — средства, извѣстныя опытнымъ сценическимъ артистамъ, какъ-то: слезы, блѣдность, краску въ лицѣ и т. д. Изученіе этого предмета и практическія упражненія въ этомъ отношеніи, какъ и вся практическая сторона сценическаго искусства, должны, конечно, совершаться подъ руководствомъ опытнаго преподавателя-артиста.

2) *Жесты, какъ выразители антропологическихъ состояній человѣка*: a) относительно его лѣтъ, b) его темперамента, c) его народности. Во-вторыхъ, какъ выразителей его чувствующей души: a) состояніе сновидѣній, b) предчувствія, c) галлюцинацій, d) сумасшествія, e) умиранія, f) страстныхъ желаній и g) разныхъ другихъ душевныхъ эффектовъ.

Вторая часть преподаванія въ школѣ.

Устная декламація и сценическая пластика составляютъ первую элементарную часть преподаванія въ школѣ сценическаго искусства; вторую же, высшую, составляетъ художественное воспроизведеніе поэтическихъ характеровъ на сценѣ и цѣлыхъ драматическихъ произведеній.

I. Художественное воспроизведеніе драматическихъ характеровъ на сценѣ.

1) *Маска характера.* Дарованіе художника состоитъ не только въ способности мыслью и фантазіей воспроизвести въ своемъ созерцаніи, во всей жизненности, характеръ, созданный поэтомъ, но и дать его намъ на сценѣ во всей полнотѣ и опредѣленности чувственной дѣйствительности. Такимъ образомъ, прежде всего, въ лицѣ артиста *поэтическая личность должна явиться передъ нами, на сценѣ, въ ея внѣшнихъ характеристическихъ особенностяхъ.* Это составляетъ *маску характера.* При первомъ взглядѣ на артиста на сценѣ должна, по возможности, стать для насъ понятною прошедшая жизнь изображаемаго лица, все, что сдѣлало его такимъ, какимъ онъ есть: его національность, лѣта, соціальное положеніе, образъ жизни, даже паѳосъ его настоящей жизни, насколько все это можетъ быть выражено въ одной внѣшности.

Сюда, разумѣется, относятся и гримировка, и костюмъ.

2) *Нѣмая мимическая игра.* Умѣнье слушать на сценѣ рѣчи другихъ лицъ, дѣйствующихъ въ пьесѣ, и, безъ словъ, одною мимикой выражать волнующія душу чувства. Весьма важно и потому необходимо упражняться въ разыгрываніи одною мимикою, безъ словъ, не только сцены, но, по возможности, и цѣлыя пьесы.

3) *Основной тонъ роли и этическій акцентъ.* Маска характера даетъ намъ чувственное изображеніе характера, уже сложившагося до начала драматическаго событія, составляющаго со-

держаніе драматическаго представленія; но характеръ въ своей полнотѣ раскрывается не въ неизмѣнныхъ чертахъ пластическаго образа, но въ цѣломъ развитіи его въ дѣйствіи. Его духовное содержаніе съ наибольшею опредѣленностью и ясностью выражается въ его рѣчахъ, въ его словахъ. Тонъ, съ которымъ произносится слово, проникаетъ въ нашу душу и обличаетъ характеръ чувства, съ которымъ оно произносится. Въ общемъ тонѣ всѣхъ произносимыхъ даннымъ лицомъ рѣчей открывается внутренній строй его индивидуальной жизни ярче и полнѣе, чѣмъ въ его физіономіи и тѣлодвиженіяхъ. Этотъ тонъ, обличающій душевный строй характера, называется *основнымъ тономъ характера*. Онъ и то, что называютъ маскою характера, сопровождаютъ послѣдній во всѣхъ фазахъ его развитія. Какъ особенность чертъ лица данной физіономіи сохраняется при всѣхъ аффектахъ души даннаго индивидуума, такъ и во всѣхъ измѣненіяхъ звуковъ голоса его, при всѣхъ душевныхъ его состояніяхъ—слышится тотъ же основной тонъ его характерной индивидуальности. Темпъ рѣчей, свойственный данному характеру, само собою разумѣется, подчиняется его основному тону и вообще опредѣляется имъ. Понятіе основного тона приложимо не къ однѣмъ рѣчамъ, а распространяется и на тѣлодвиженія, характеромъ которыхъ одна индивидуальность должна отличаться отъ другой. Иной тонъ рѣчей и тѣлодвиженій Орлеанской дѣвы въ трагедіи Шиллера, какъ бы ни была играна эта роль правдиво въ бытовомъ отношеніи, и иной — простой пастушки въ какой-нибудь пьесѣ, изображающей простонародную жизнь. Даже весьма близко стоящія по своей индивидуальности роли, какъ, напримѣръ, Францъ-Мооръ, Шиллера, и Ричардъ III, Шекспира, должны быть оттѣнены въ основныхъ тонахъ ихъ исполненія, ибо въ индивидуальностяхъ ихъ существуютъ, хотя и весьма тонкія, отличія другъ отъ друга. Найти соотвѣтственный изображаемому характеру тонъ и сохранить его во всѣхъ фазахъ развитія этого характера составляетъ одну изъ труднѣйшихъ задачъ артиста. Хотя успѣхъ въ этомъ отношеніи главнымъ образомъ зависитъ отъ таланта, но большое значеніе для послѣдняго имѣютъ и относящіяся сюда упражненія подъ опытнымъ руководствомъ.

Изъ основного тона произнесенія рѣчей, отражающихъ въ себѣ духовный строй индивидуальности характера, какъ изъ своего основанія, возникаетъ болѣе глубокое проникновеніе въ индивидуальность до самаго глубокаго корня ея *въ этическомъ акцентѣ*.

Въ этическомъ же акцентѣ рѣчи раскрывается самая суть состоянія индивидуальнаго духа въ минуту произнесенія ея. Если основной тонъ произнесенія рѣчи характеризуетъ общій индивидуальный строй духа, то этическій акцентъ высказываетъ то глубокое духовное основаніе, изъ котораго истекаетъ этотъ индивидуальный строй его, выражающійся въ основномъ тонѣ. Этическимъ акцентомъ открываются самыя сокровенныя тайны внутреннихъ движеній духа изображаемаго лица, согласно съ характеромъ его индивидуальности и состояніемъ его духа въ *данный* моментъ. Этическій акцентъ, слѣдовательно, видоизмѣняется согласно съ настроеніями душевныхъ движеній характера, но всегда остается вѣренъ индивидуальности его и основному тону ея; и всѣ эти видоизмѣненія органически соединены другъ съ другомъ и вытекаютъ одинъ изъ другого. Понятіе этическаго акцента распространяется на всю мимику.

Для выясненія того, что разумѣется подъ этическимъ акцентомъ, постараемся объяснить слѣдующимъ:

Въ чемъ, напримѣръ, выразится этическій акцентъ въ 1-мъ монологѣ Гамлета въ трагедіи Шекспира? Общею чертой всего характера Гамлета служитъ его нерѣшительность, соединенная съ глубокимъ, сильно воспринимающимъ чувствомъ, но надъ которымъ преобладаетъ сила мышленія и критическая вдумчивость. Это должно сообщить основной тонъ всей игрѣ артиста въ этой роли, всѣмъ его рѣчамъ, всей его мимикѣ. Но этой нерѣшительности, на первый взглядъ, какъ бы коренной, прирожденной характеру Гамлета, служитъ источникомъ то, что Гамлетъ покланяется на землѣ только уму, его одного признаетъ законодателемъ и судьею правды и его только рѣшеніямъ подчиняетъ свою волю. И самые люди ему цѣнны только по степени ихъ умственной силы. Убивъ, наприм., случайно Полонія, онъ нисколько не жалѣетъ его и трупъ его, какъ бы съ презрѣніемъ, бросаетъ подъ лѣстницу, несмотря на то, что онъ—отецъ Офеліи. Полоній, недалекій умомъ, для Гамлета — презрѣнная ничтожность. Ставъ единственнымъ надъ собою судьею, онъ не приступитъ ни къ одному дѣлу, не спросясь, насколько оно право, и не начнетъ его, пока оно не оправдается передъ его умомъ вполнѣ, не станетъ внѣ всякаго сомнѣнія. Но критическая сила ума Гамлета велика: на каждомъ шагу возбуждаетъ она въ его головѣ вопросы, сомнѣнія, которые, ежеминутно охлаждаютъ пылъ движеній его души, подрываютъ его энергію, парализуютъ его дѣйствія. Даже въ

высшемъ напряженіи его гнѣва, когда онъ, увѣрившись въ злодѣйствѣ короля, идетъ къ матери въ минуту, когда душа полна мщеніемъ и негодованіемъ, и неожиданно встрѣчаетъ молящагося злодѣя,—когда, подъ напоромъ чувства, однимъ ударомъ шпаги совершилась бы казнь, умъ ему подсказалъ, что такая казнь неравномѣрна преступленію, и эта мысль останавливаетъ его руку и чувство не переходитъ въ дѣло. Совсѣмъ иное видимъ мы въ поступкѣ съ предателями, отвозившими его на убіеніе въ Англію. Безъ малѣйшаго колебанія, не удостоивъ своихъ стражей-спутниковъ ни малѣйшимъ обличеніемъ ихъ, послѣ котораго они бы, конечно, со страха раскаялись и выпустили его, гуманный и честный Гамлетъ, посредствомъ подлога въ документахъ, обманомъ отсылаетъ ихъ на вѣрную смерть и потомъ свободно, чуть не хвалясь, разсказываетъ о томъ. Все потому, что насиліе въ этомъ случаѣ такъ соразмѣрно съ преступленіемъ, что не могло возникнуть ни малѣйшаго возраженія или сомнѣнія. Въ такихъ случаяхъ Гамлетъ поступаетъ рѣшительно. Если съ одной стороны признаніе ума, мысли, единственнымъ законодателемъ и судьею правды служитъ источникомъ нерѣшительности Гамлета и паѳоса трагическаго его положенія, то изъ этого же признанія вытекаетъ другая, болѣе глубокая, сторона этого паѳоса. Гамлетъ—не только человѣкъ одаренный сильнымъ, глубокимъ умомъ, но широко и глубоко воспринимающею и чувствующею душой, въ которую живыми струями входитъ вся безконечность жизни міра,—душой, которая чувствуетъ присутствіе всюду міродержавной силы. Гамлетъ, ставящій разумъ единственнымъ царемъ правды, не могъ не признавать, что этому разуму противорѣчитъ Высшій Разумъ правленія міромъ, что тѣ же законы разума положены въ основу жизни, и пораженъ яснымъ сознаніемъ, что вся окружающая его жизнь противорѣчитъ этому богу жизни, этому разуму и правдѣ его. Сознаніе этого противорѣчія—источникъ второго, болѣе глубокаго паѳоса въ душѣ Гамлета. Такое сознаніе приводитъ въ смятеніе всѣ силы его духа и также съ своей стороны парализуетъ его дѣятельность, а затѣмъ и служитъ источникомъ глубокаго горя. Если артистъ выразитъ въ первомъ монологѣ Гамлета только одно горе о томъ, что мать его скоро забыла своего мужа, что терніемъ заглушены всѣ добрыя растенія въ саду жизни,—если изобразитъ онъ только одну печаль, одно проникнутое горемъ негодованіе,—онъ не дастъ намъ Гамлета. Нѣтъ, кромѣ горя, въ этомъ монологѣ артистъ въ тонѣ рѣчи и въ мимикѣ долженъ

выразить и негодованіе, и все смятеніе духа, и ужасъ при созерцаніи, что жизнь, вопреки разуму и правдѣ, вся покрыта нечестіемъ до извращенія и уничтоженія въ лицѣ его матери самыхъ священныхъ законовъ и чувствъ,—что на престолѣ возсѣдаетъ не доблесть, не благородство, а развратъ,—что все доброе заглушено, забыто и страшное смущеніе, такъ сказать, хаосъ въ душѣ, вслѣдствіе горькаго сознанія неразрѣшимости такого противорѣчія жизни. И это-то смятеніе духа и ужасъ, соединенные съ негодованіемъ и горемъ, то - есть самый паѳосъ роли, выскажутся въ этическомъ акцентѣ монолога Гамлета и онъ будетъ служить ключомъ ко всей роли и началомъ ея. Понять это, разумѣется, легко, но выразить чрезвычайно трудно и возможно только для артистическаго вдохновенія. Другой примѣръ: какъ только *лэди Макбетъ* (въ сценѣ 5-й акта I-го), по прочтеніи письма мужа, приняла уже твердое рѣшеніе осуществить послѣднее пророчество вѣдьмъ и сдѣлать мужа королемъ, слышитъ неожиданное для нея извѣстіе, что король къ вечеру прибудетъ въ ихъ замокъ,—она отвѣчаетъ вѣстнику словами:

Что-жь ты?
Съ ума сошелъ?... А господинъ?... Не съ нимъ?
Когда бы такъ, меня-бъ онъ извѣстилъ,
Чтобъ приготовиться могла.

Здѣсь этическій акцентъ долженъ идти гораздо далѣе непосредственнаго значенія этихъ словъ, потому что лэди Макбетъ въ неожиданномъ извѣстіи о прибытіи короля, полученномъ тотчасъ за прочтеніемъ ею письма, увидѣла заботливость о ней ада, который отдаетъ ей въ руки ея жертву прежде, чѣмъ успѣла она обдумать свое злодѣйство. Она потрясена такою неожиданностью и со всей страстью души, которая еще *внутренно страшится* своего замысла, принимаетъ вѣсть какъ счастливый, но страшный еще для нея, призывъ къ осуществленію его, къ которому готовилась, призывая адскія силы, но въ минуту ихъ появленія чувствуетъ, что еще не совсѣмъ приготовила себя. Она смущена и въ то же время восхищена и потому говоритъ отрывисто. Это внутреннее состояніе духа, лежащее за словами ея рѣчи, и долженъ передать этическій акцентъ. Здѣсь—вполнѣ самостоятельное творчество артиста. По словамъ свидѣтелей, знаменитая артистка мистрисъ Сидонсъ потрясала этическимъ акцентомъ, произнося эти слова. При произнесеніи словъ, которыми встрѣчала Макбета:

Великій Гламисъ! Доблестный Кавдоръ,
. . . .
Письмо твое, объявъ меня восторгомъ,
Перенесло далеко за предѣлы
Слѣпой минуты настоящей!
Я будущее вижу!...—

зрителямъ, по словамъ мистрисъ Джамсонъ, чудилось присутствіе демона, а при словѣ: «я будущее вижу» — какъ бы загоралось зарево приближающагося ада. Такъ этическій акцентъ великой артистки въ этомъ мѣстѣ трагедіи раскрывалъ самую суть мрачнаго, властолюбиваго духа леди Макбетъ, распаленнаго страстью.

На смыслъ этическаго акцента въ приведенныхъ нами примѣрахъ можно указать артисту, но научить выполнять—нельзя; тѣмъ не менѣе не малое, повторяемъ, значеніе для молодого артиста имѣетъ и самое указаніе и критика исполненія.

Этическій акцентъ раскрываетъ передъ нами самую тайну человѣческой жизни и самыя глубины характеровъ и составляетъ величайшее и труднѣйшее дѣло въ сценическомъ искусствѣ. Здѣсь уже все зависитъ отъ одного таланта при хорошей выработкѣ въ артистѣ всѣхъ другихъ сторонъ сценическаго искусства. Для преподавателя остается только объясненіе дѣла и, какъ въ общихъ, такъ и въ частныхъ случаяхъ, умѣнье направить талантъ; но это разъясненіе и направленіе вмѣстѣ съ критикою исполненія необходимы для начинающаго артиста.

4) *Идейное* изображеніе характеровъ. Мы употребляемъ слово *идейное* вмѣсто *идеальное*—во избѣжаніе недоразумѣнія, которое можетъ возникнуть вслѣдствіе привычки подъ послѣднимъ разумѣть *нравственно-совершенное*.

При осмысливаніи артистомъ характера лица, выведеннаго въ драмѣ или трагедіи, первымъ его долгомъ должно быть стараніе *понять* этотъ *характеръ* и уяснить себѣ его отношенія къ цѣлому поэтическому произведенію. Для этого артистъ долженъ дать себѣ отчетъ въ поэтической *идеѣ* послѣдняго, уразумѣть ее во всей полнотѣ и со всею ясностью, какъ принципъ, художественно организующій все поэтическое цѣлое. Чѣмъ яснѣе уразумѣетъ артистъ эту идею и глубже проникнетъ въ намѣреніе поэта, тѣмъ ярче и опредѣленнѣе выступятъ передъ его сознаніемъ и тѣ *идеи,* представителями которыхъ служатъ характеры, образующіе драму, а слѣдовательно и идея изучае-

маго артистомъ лица. Такое пониманіе характера роли мы называемъ *идейнымъ* пониманіемъ ея.

При такомъ пониманіи даннаго характера артистъ долженъ комбинировать въ своей игрѣ и всѣ индивидуальныя черты его такимъ образомъ, чтобы выдвинуть на первый планъ тѣ изъ нихъ, которыя служатъ яснымъ выраженіемъ представляемой характеромъ идеи. Такимъ образомъ созданное артистомъ лице перестаетъ быть случайнымъ явленіемъ, случайно выхваченнымъ изъ жизни, и становится поэтическимъ выраженіемъ принципа, воплотившагося въ индивидуальную форму, и служитъ къ выясненію идеи цѣлаго поэтическаго произведенія. Такое изображеніе поэтическаго лица на сценѣ будетъ *идейнымъ изображеніемъ характера*. Идейное пониманіе драматическихъ поэтическихъ произведеній и характеровъ, выведенныхъ въ нихъ, и идейное исполненіе ролей возводитъ сценическаго артиста на ту высоту искусства, на которой онъ становится истиннымъ истолкователемъ великихъ поэтовъ и высокимъ художникомъ. Развитіе такого пониманія въ ученикахъ школы и такого исполненія ими ролей должно быть одной изъ важнѣйшихъ задачъ при преподаваніи въ школѣ сценическаго искусства.

5) Выдержка характера и органическое развитіе послѣдняго въ продолженіе всей пьесы.

II. *Постановка цѣлыхъ пьесъ на сцену и выполненіе ихъ.*

Артистъ не для своей только роли на сценѣ, а для художественнаго исполненія цѣлаго поэтическаго произведенія. Цѣльность впечатлѣнія, производимаго послѣднимъ, есть высшая и главная цѣль сценическаго дѣла, которую долженъ имѣть артистъ въ виду. Въ достиженіи этой цѣли, хотя бы и съ ущербомъ своему тщеславному самолюбію, онъ долженъ полагать свою радость. Самоотверженіе въ этомъ смыслѣ—его главная добродѣтель. Онъ долженъ занимать въ художественной перспективѣ пьесы мѣсто, требуемое его ролью, и согласовать свою игру съ игрою другихъ дѣйствующихъ лицъ, такъ чтобы изъ игры всѣхъ артистовъ образовалось органически-объединенное, гармоническое цѣлое, проникнутое общимъ тономъ и одѣтое общимъ колоритомъ поэтическаго произведенія.

Если послѣднее не будетъ разыграно такимъ образомъ, то не произведетъ должнаго впечатлѣнія. Поэтому постановка и выполненіе на сценѣ драматическихъ произведеній распадается на слѣдующіе отдѣлы, которые должны войти въ составъ пре-

подаванія въ школѣ, чтобъ образовать вполнѣ знающаго свое дѣло и владѣющаго имъ сценическаго артиста:

1) Согласованіе игры одного артиста съ другимъ въ одной и той же пьесѣ.

2) Художественная и артистическая перспектива пьесы на сценѣ.

3) Темпъ и тонъ въ выполненіи пьесы на сценѣ, зависящіе отъ ея содержанія, ея характеровъ и поэтическаго колорита.

4) Постановка пьесъ и режиссированіе пьесъ.

III. *Предметы общаго образованія, которые должны быть преподаны въ школѣ*:

1) Свѣдѣнія изъ анатоміи и физіологіи, необходимыя для сознательнаго упражненія въ выработкѣ и развитіи голоса и для сознательныхъ упражненій въ эстетикѣ толодвиженій и мимикѣ.

2) Эстетика, преимущественно въ приложеніи къ сценическому искусству.

3) Всеобщая исторія со стороны быта различныхъ народовъ, характера историческихъ эпохъ. Изученіе характеровъ выдающихся историческихъ лицъ.

4) Исторія русской литературы и русская словесность.

5) Исторія литературы западныхъ народовъ.

6) Исторія драмы и театра.

7) Исторія костюмовъ.

8) Иностранные языки: обязательно для всѣхъ—французскій, нѣмецкій и только для желающихъ—англійскій и испанскій. Безъ знанія французскаго и особенно нѣмецкаго языковъ закрыты для артиста почти всѣ сокровища, добытыя человѣческою мыслію по эстетикѣ, теоріи сценическаго искусства и по художественной критикѣ великихъ драматическихъ произведеній. Англійскій же и испанскій языки желательны ради богатства драматической литературы на этихъ языкахъ.

9) Рисованіе, какъ практическое ознакомленіе съ красотою и характерностію выраженій лица, пластики положеній тѣла человѣческаго, драпировки одежды, картинности группъ и вообще какъ знаніе практически-полезное сценическому артисту во многихъ отношеніяхъ.

На основаніи этого перечня предметовъ, долженствующихъ составить курсъ преподаванія въ школѣ сценическаго искусства, и принимая по возможности отчетъ условія соотвѣтствія пред-

метовъ между собою и послѣдовательности при ихъ преподаваніи, составленъ слѣдующій планъ для распредѣленія предметовъ по курсамъ.

Планъ преподаванія въ школѣ сценическаго искусства.

Преподаваніе въ школѣ дѣлиться можетъ на два отдѣленія, изъ которыхъ каждое состоитъ изъ двухъ классовъ. Одно отдѣленіе посвящается преимущественно изученію элементовъ сценическаго искусства, другое—изученію выполненія ролей и пьесъ на сценѣ. На курсъ каждаго класса посвящается годъ времени, слѣдовательно весь курсъ школы разсчитанъ на 4 года времени.

Занятія перваго курса.

I. *Педагогическая гимнастика*:

1) Собственно гимнастическія упражненія для укрѣпленія и развитія гибкости отдѣльныхъ частей тѣла.

2) Фехтованіе.

3) Танцы.

II. *Пѣніе.*

III. *Декламація*:

1) Чистота произношенія.

2) Красота произношенія. Значеніе въ произношеніи гласныхъ и согласныхъ.

3) Произнесеніе отрывковъ рѣчи.

4) Законы логическаго акцента.

IV. *Выработка тона въ декламаціи*:

1) Возвышеніе и пониженіе этого тона.

2) Портаментъ.

3) Волюбилитетность.

4) Правила передышекъ и управленіе дыханіемъ.

5) Символическій акцентъ.

V. *Эстетическая гимнастика*:

1) Благородство и красота тѣлодвиженій и позъ.

2) Знаменательность тѣлодвиженій. Жесты.

3) Значеніе движеній глазъ, рта и бровей въ мимикѣ лица и другія соображенія, относящіяся къ этой мимикѣ.

VI. *Эстетика*:

1) Общія основныя начала эстетики.

2) Приложеніе этихъ началъ къ разговорной рѣчи, позамъ и жестамъ.

3) Умѣнье изящно и знаменательно носить костюмы древнихъ.

VII. *Свѣдѣнія необходимыя для артиста изъ физіологіи и анатоміи.*

VIII. *Всеобщая исторія:*

1) Древняя русская исторія и древняя исторія другихъ народовъ, преимущественно грековъ и римлянъ, съ бытовой, народной стороны, характеръ древнихъ народовъ и древнихъ эпохъ жизни. Біографіи и характеры выдающихся историческихъ личностей въ эти эпохи.

2) Исторія драмы и театра древнихъ и среднихъ вѣковъ.

3) Исторія костюмовъ древнихъ.

IX. *Иностранные языки:*

1) французскій и 2) нѣмецкій—обязательно, 3) англійскій и 4) испанскій—для желающихъ.

X. *Рисованіе.*

Занятія второго курса.

I. *Декламація:*

1) Ритмъ въ произнесеніи рѣчей: a) ритмъ прозы, b) ритмъ стиховъ.

2) Темпъ въ произнесеніи рѣчей.

3) Произнесеніе рѣчи въ стихахъ, содержанія: a) дидактическаго, b) эпическаго, c) лирическаго. Произнесеніе монологовъ драматическихъ и просто разговорныхъ. d) Произнесеніе рѣчей въ прозѣ и стихахъ подъ музыку.

II. *Мимика:*

1) Согласованіе жестовъ между собою.

2) Мимика жестовъ.

3) Мимика лица.

4) Согласованіе мимики жестовъ и лица съ содержаніемъ рѣчи.

III. *Эстетика:*

1) Начала и законы художественнаго произведенія.

2) Отношеніе природы къ искусству и въ частности отношеніе законовъ эстетики къ сценическому искусству, какъ къ художественному воспроизведенію дѣйствительности.

IV. *Исторія:*

1) Исторія русская и другихъ народовъ среднихъ вѣковъ съ той же стороны, съ какой изучалась на первомъ курсѣ исторія древнихъ народовъ.

2) Исторія средневѣковой драмы и драмы XVII и XVIII вѣковъ.

3) Исторія средневѣковыхъ костюмовъ.

V. *Психологія* душевныхъ состояній, наклонностей и страстей, насколько это доступно наукѣ и наблюденіямъ.

VI. *Иностранные языки:*

1) Французскій, 2) нѣмецкій—обязательно и для желающихъ— 3) англійскій и 4) испанскій.

VII. *Танцы.*

VIII. *Музыка* и *пѣніе.*

IX. *Рисованіе.*

X. *Упражненія въ выполненіи одною мимикою сценъ и небольшихъ пьесъ*, которыхъ сюжетъ взятъ изъ окружающей насъ жизни.

XI. *Постановка живыхъ картинъ* по хорошимъ копіямъ или по крайней мѣрѣ гравюрамъ съ картинъ великихъ живописцевъ, которыми должна запастись школа. Этимъ развивается эстетическій вкусъ въ картинной пластикѣ жестовъ и къ изящной группировкѣ на сценѣ. Пластическая сторона сценическаго представленія есть не что иное, какъ рядъ смѣняющихъ другъ друга живыхъ картинъ.

Занятія третьяго курса.

I. *Мимика:*

1) Практическое изученіе жестовъ, характеризующихъ національности, бытъ и бытовыя привычки разныхъ состояній и классовъ разныхъ народовъ и по возможности въ разныя эпохи ихъ исторій.

2) Маска характера.

II. *Изученіе и выполненіе роли на сценѣ*:

1) Основной тонъ характера въ рѣчи и жестахъ.

2) Этическій акцентъ въ рѣчи и жестахъ.

3) Идейное выполненіе роли.

4) Развитіе въ сценическомъ выполненіи цѣлыхъ характеровъ. Выдержка характера въ этомъ выполненіи.

III. *Эстетика:*

1) Разборъ художественныхъ драматическихъ произведеній и характеровъ въ этихъ произведеніяхъ.

2) Обсужденіе художественной постановки разобранныхъ въ классѣ драматическихъ произведеній.

IV. *Психологія.*

V. *Исторія:*

1) Новѣйшіе вѣка.

2) Исторія литературы, преимущественно драмы и ѳеатра въ новые вѣка.

3) Исторія костюмовъ современныхъ народовъ; ихъ костюмы по сословіямъ.

VI. *Иностранные языки.*

VII. *Танцы.*

VIII. *Пѣніе.*

IX. *Выполненіе на сценѣ школы пьесъ* такъ-называемыхъ бытовыхъ, взятыхъ изъ окружающей насъ жизни, съ несложными характерами. Кромѣ русскихъ бытовыхъ небольшихъ пьесъ рекомендуемъ для учениковъ этого курса Энтермессы Сервантеса и Лопе де-Вега. Упражненіе прежде всего учениковъ въ пьесахъ, которыхъ сюжетъ взятъ изъ окружающей насъ жизни, необходимо для того, чтобы пріучить ихъ къ изящной простотѣ и изящной естественности въ игрѣ. И только тогда, когда молодой талантъ прочно встанетъ на почву простоты и естественности, слѣдуетъ давать ему выполнять сцены пьесъ съ характерами, для которыхъ необходимы болѣе сильныя и идеальныя выраженія и болѣе патетическіе тоны, и при этомъ строго наблюдать, чтобъ и въ идеальныхъ и патетическихъ характерахъ, состояніяхъ и положеніяхъ на сценѣ не терялась почва дѣйствительности. Въ упражненіяхъ въ игрѣ такихъ сценъ должна быть соблюдена по возможности строгая послѣдовательность.

Эдуардъ Девріентъ, высказывая ту же мысль, совѣтуетъ составить особый сборникъ сценъ для постепеннаго упражненія въ выраженіи драматическихъ состояній и положеній въ формахъ, свойственныхъ разнымъ національностямъ, и въ изображеніи различныхъ страстей. Сцены въ сборникѣ, кромѣ того, должны быть избраны такъ, чтобы давали возможность, упражняясь, для драмы, въ изображеніи страстей, переходить отъ болѣе слабыхъ къ болѣе сильнымъ и, для комедіи, отъ смѣшного до каррикатурнаго. Также слѣдуетъ упражнять въ разыгрываніи такихъ сценъ патетическаго характера и одною мимикой.

Занятія четвертаго курса.

I. *Выполненіе цѣлыхъ пьесъ на сценѣ:*

1) Согласованіе игры одного артиста съ игрою другихъ въ той же пьесѣ.

2) Артистическая и художественная перспектива на сценѣ.
3) Тонъ и колоритъ пьесы.
4) Постановка пьесъ на сценѣ.
5) Режиссированіе пьесъ.

II. *Упражненіе въ выполненіи цѣлыхъ пьесъ на сценѣ школы.*

III. *Эстетика:*

1) Разборъ художественныхъ драматическихъ произведеній.
2) Обсужденіе ихъ художественной постановки на сценѣ.

IV. *Исторія:*

1) Новые вѣка.
2) Исторія драмы и театра въ новые вѣка.

V. *Танцы.*

VI. *Музыка.*

VII. *Пѣніе.*

VIII. *Частое упражненіе въ разыгрываніи на сценѣ школы пьесъ* классическихъ русскихъ и иностранныхъ писателей. Эдуардъ Девріентъ пріучалъ учениковъ къ импровизаціи небольшихъ пьесъ на школьной сценѣ.

IX. *Ежемѣсячное (два раза въ мѣсяцъ) публичное выполненіе пьесъ на сценахъ Императорскихъ театровъ.* Полагаемъ необходимымъ дѣломъ составлять изъ учениковъ четвертаго курса два раза въ мѣсяцъ спектакли на сценѣ Императорскаго театра во время, незанятое спектаклями самого театра. Почитаемъ это необходимымъ и полезнымъ, потому что:

1) участвуя въ этихъ спектакляхъ, ученики пріучаются къ публичной игрѣ и понимать свои отношенія къ публикѣ;
2) публика знакомится съ будущими артистами;
3) эти спектакли получаютъ значеніе публичнаго отчета самой школы въ ея дѣятельности и, кромѣ того,
4) они должны быть платными и приносить доходъ школѣ.

Пріемъ учениковъ въ школу сценическаго искуства.

Съ одной стороны изъ нашей программы преподаванія въ школѣ слѣдуетъ, что было бы желательно, чтобы тѣ, которые хотятъ воспользоваться этимъ преподаваніемъ, предварительно получили бы образованіе не ниже того, которое сообщается въ гимназіяхъ, по крайней мѣрѣ безъ такого знанія, какое требуется испытаніемъ въ зрѣлости. Иначе и быть не можетъ. Сценическое искусство, требующее развитаго ума и пониманія вопро-

совъ, относящихся къ его дѣлу, немыслимаго безъ знаній, по крайней мѣрѣ, въ сказанныхъ размѣрахъ гимназическаго курса, не можетъ быть усвоено безъ послѣдняго. Школа сценическаго искусства также спеціализируетъ общее образованіе въ своемъ направленіи, какъ каждый факультетъ университета въ своемъ.

Заниматься же въ школѣ сообщеніемъ ученикамъ начальнаго образованія,—на что потребовалось бы не мало времени,—значило бы заниматься ей не своимъ дѣломъ, а чужимъ. Кромѣ того при такой задачѣ пришлось бы принимать въ школу учениками мальчиковъ и дѣвочекъ не старѣе тринадцати лѣтъ, а возможно ли въ такіе годы рѣшить вопросъ объ ихъ сценическихъ способностяхъ? Школа рисковала бы въ такомъ случаѣ воспитать изъ ста человѣкъ одного способнаго къ сценѣ на 99 неспособныхъ и, потративъ много денегъ и заботъ безполезно для своей спеціальности дѣла, превратилась бы скорѣе въ благотворительное воспитательное заведеніе, чѣмъ сдѣлалась бы школою сценическаго искусства.

Съ другой стороны, по нашему мнѣнію, лучше всего принимать въ школу молодыхъ людей, не исключая, конечно, и болѣе возрастныхъ, съ 16 или 17 лѣтъ мужчинъ и 15 или 16 лѣтъ женщинъ, не моложе. Мы почитаемъ этотъ возрастъ наилучшимъ для пріема въ школу, потому что тогда способности опредѣляются съ достаточной ясностью и въ юномъ существѣ еще не успѣли окрѣпнуть привычки и вкусы, несоотвѣтствующіе дальнѣйшимъ цѣлямъ преподаванія. Но такъ какъ окончаніе гимназическаго курса для мужчинъ въ 17 лѣтъ и для женщинъ въ 16 лѣтъ—почти невозможность, то достаточно для молодыхъ людей этого возраста знаній, пріобрѣтаемыхъ въ эти года въ гимназіяхъ, учредивъ при сценической школѣ особый курсъ для дополнительнаго общаго образованія и исключивъ изъ него тѣ предметы старшихъ классовъ гимназическаго курса, въ изученіи которыхъ не настоитъ настоятельной необходимости для сценическаго артиста, наприм. древніе языки и математику. Для аспирантовъ старшихъ лѣтъ почитаемъ знаніе предметовъ гимназическаго курса обязательнымъ, исключая изъ этой обязательности знаніе древнихъ языковъ, требуемое испытаніемъ на аттестатъ зрѣлости въ классическихъ гимназіяхъ.

Соотвѣтственно этому должны быть составлены особыя програмы для испытанія въ знаніяхъ молодыхъ людей, вступающихъ въ школу и образовывавшихся въ гимназіяхъ.

Приведемъ въ подкрѣпленіе нашихъ словъ слова Эдуарда Девріента въ вышеупомянутомъ его сочиненіи: «Ueber Theaterschule».

Высказавъ, что принимать въ школу сценическаго искусства необходимо молодыхъ людей, мужчинъ никакъ не моложе 16 лѣтъ, а дѣвицъ не моложе 14 лѣтъ, Девріентъ ставитъ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ эти молодые люди при вступленіи въ школу уже обладали тѣмъ образованіемъ, соотвѣтственнымъ ихъ лѣтамъ, которое сообщается курсомъ высшихъ и лучшихъ среднеобразовательныхъ заведеній, и прибавляетъ:

Школа сценическаго искусства должна требовать съ полною строгостью такого образованія, независимо отъ неизбѣжной необходимости въ немъ для ученика школы по существу дѣла, также и для того, чтобы противодѣйствовать глупой иллюзіи (dem thörichten Wahne), что можно приступить къ изученію сценическаго искусства и даже поступать на сцену оставаясь невѣждою.

Принимать такихъ учениковъ, разумѣется, слѣдуетъ по испытаніи ихъ способностей къ сценическому искусству. Эдуардъ Девріентъ говоритъ, что такое испытаніе должно прежде всего относиться къ способности *подражать,* или лучше—способности становиться другимъ человѣкомъ по манерамъ и голосу и, вообще, мимикѣ. Для этого надо ученикамъ задавать небольшія въ этомъ смыслѣ задачи, не выходящія изъ круга видѣннаго ими. Затѣмъ ученикъ долженъ показать, насколько онъ способенъ выражать аффекты, посредствамъ рѣчи и мимики, даже такіе, которыхъ онъ самъ не переживалъ, то-есть обнаружить силу своего воображенія. Задачи изъ классическихъ поэтовъ выяснятъ дѣло скоро въ этомъ отношеніи. Конечно, отъ испытуемаго при этомъ требуется не полная удовлетворительность въ сценическомъ отношеніи, но только обнаруженіе признаковъ.

Мы полагаемъ, что для испытанія способностей желающихъ поступить въ школу лучше всего предлагать имъ нѣсколько пьесъ, избранныхъ завѣдующими преподаваніемъ въ школѣ, для того, чтобъ они съиграли ихъ на школьной сценѣ, разобравъ для себя роли сначала по своему желанію, потомъ по назначенію преподавателей. При этихъ представленіяхъ должно обращать вниманіе, конечно, не на умѣнье исполнителей, а на признаки, по которымъ можно судить о талантливости и характерѣ таланта каждаго изъ нихъ.

Въ наше время, когда почти уничтожилось предразсудочное предубѣжденіе противъ сцены, да и вообще, нельзя опасаться не-

достатковъ въ ученикахъ при сказанныхъ условіяхъ пріема ихъ въ школу. Чтобы въ этомъ убѣдиться, стоитъ только принять въ соображеніе, сколько молодыхъ людей, окончившихъ гимназическій курсъ, ежедневно упражняется въ сценическомъ искусствѣ въ любительскихъ спектакляхъ и какъ многіе изъ нихъ обнаруживаютъ дѣйствительную талантливость и серьезно желаютъ посвятить себя артистической дѣятельности,—стоитъ только принять въ разсчетъ, съ какою страстью они ищутъ учителей любимаго имъ искусства. Эта страстность такова, что не успѣетъ кто-нибудь, даже не имѣющій никакого нравственнаго на то права, объявить себя учителемъ сценическаго искусства, какъ къ нему тотчасъ же со всѣхъ сторонъ стекается множество учениковъ.

При такомъ условіи ученики школы не будутъ простыми школьниками, которыхъ нужно воспитывать; они могутъ и должны быть приходящими, и школа не принуждена будетъ тратить большія деньги на ихъ содержаніе и на воспитаніе съ дѣтскихъ лѣтъ. Въ случаѣ крайней бѣдности кого-нибудь изъ нихъ, при явныхъ его успѣхахъ въ школѣ, послѣдняя можетъ оказывать нѣкоторую помощь деньгами, и эту небольшую трату нельзя считать непроизводительною.

Точно также, въ случаѣ крайне рѣдкомъ, если будетъ открытъ сильный сценическій талантъ въ человѣкѣ крайне бѣдномъ и совершенно необразованномъ, то дирекція Императорскихъ театровъ можетъ изъ суммъ театра, — но не школы, чтобы не подрывать ея спеціальныхъ средствъ,—отдѣлить небольшую сумму изъ своихъ тратъ для образованія этого таланта или въ гимназіи, или особо. Онъ заплатитъ театру опредѣленными годами службы его на сценѣ.

Преподаватели въ школѣ.

Вопросъ о преподавателяхъ представитъ, конечно, на первыхъ порахъ, нѣкоторыя затрудненія; но ни одно новое дѣло не можетъ сразу идти вполнѣ хорошо, какъ по маслу. Тѣмъ не менѣе никакъ не слѣдуетъ начинать его по частямъ, чтобы не затруднить той стройности преподаванія въ школѣ, которая необходима и которой труднѣе вырабатываться при неполнотѣ и нестройности самаго начала дѣла. Для преподаванія пѣнія, фехтованія, а также и предметовъ, относящихся къ теоретической и научной сторонѣ образованія сценическаго артиста, имѣются хорошіе преподаватели; что же касается практической стороны

дѣла: декламаціи, эстетики тѣлодвиженій, выполненія ролей и т. д., то преподаваніемъ этихъ предметовъ могутъ заняться наши немногіе лучшіе артисты, которые хотя и не прошли классическаго курса по своему предмету, но много самостоятельно поработали въ этомъ отношеніи и собственнымъ умнымъ опытомъ выработали ясное пониманіе искусства. Приведемъ въ примѣръ хотя московскаго артиста Самарина и петербургскаго Самойлова, которые, по нашему мнѣнію, могутъ быть не только хорошими преподавателями въ школѣ, но и руководителями и для другихъ преподавателей по предметамъ, относящимся къ практикѣ искусства. Подъ руководствомъ такихъ учителей, даже учителя танцевъ, привыкшіе къ балетной мимикѣ, если будутъ приглашены для упражненія учениковъ въ выработкѣ изящныхъ тѣлодвиженій, поймутъ, чего отъ нихъ требуютъ, что идетъ дѣло не о балетномъ искусствѣ. Потомъ сами ученики школы, будучи, какъ мы предположили, достаточно образованными и умственно развитыми людьми, станутъ, занимаясь дѣломъ не рабски, махинально, но получая въ школѣ ясное пониманіе всѣхъ требованій искусства, самостоятельно восполнять недостатки, какіе могутъ оказаться въ преподаваніи на первыхъ порахъ, и сглаживать противорѣчія между преподавателями разныхъ предметовъ,—противорѣчія, неминуемыя при началѣ школы.

Черезъ четыре года, если школа будетъ устроена съ перваго раза правильно, она дастъ и полезныхъ преподавателей.

Управленіе школою.

Управленіе школою должно состоять изъ 1) *директора* ея, 2) *совѣта* при директорѣ, составленнаго изъ преподавателей и помощника директора, 3) *помощника* директора, 4) *смотрителя* школы и 5) изъ *канцеляріи* директора, заведующей письменною частью.

1) *Директоръ,* завѣдуя всѣми дѣлами школы, долженъ быть и руководителемъ преподаванія въ школѣ. Поэтому онъ долженъ быть лицомъ литературно и эстетически образованнымъ, любящимъ сценическое искусство и засвидѣтельствовавшимъ эту любовь тѣмъ, что пріобрѣлъ ясное, всестороннее пониманіе его.

Мы настаиваемъ на этой всесторонности пониманія потому, что, при этомъ только условіи, директоръ будетъ въ состояніи успѣшно и правильно гармонировать преподаваніе предметовъ, въ чемъ

и состоитъ одна изъ главнѣйшихъ его обязанностей, и, централизуя все дѣло, не поведетъ его по какому-нибудь одностороннему направленію, не положитъ препятствія свободному и самостоятельному развитію искусства.

2) *Совѣтъ при директорѣ изъ преподавателей* собирается непремѣнно въ началѣ каждаго годичнаго учебнаго семестра, въ концѣ его и въ другіе сроки въ продолженіе семестра, какъ по предварительному распредѣленію этихъ послѣднихъ самимъ совѣтомъ, такъ и по приглашенію директора въ случаѣ возникновенія особыхъ вопросовъ и дѣлъ.

Совѣтъ собирается непремѣнно:

1. Въ началѣ учебнаго семестра: a) для обсужденія преподаванія въ предстоящемъ семестрѣ, b) для согласованія между собою преподаваній различныхъ предметовъ, причемъ c) каждый изъ преподавателей представляетъ на обсужденіе совѣта составленную имъ програму своихъ занятій съ учениками въ наступающемъ семестрѣ и d) для распредѣленія занятій съ учениками по днямъ и часамъ недѣли.

2. Въ концѣ года, послѣ экзаменовъ въ школѣ: a) для обсужденія успѣховъ учениковъ и b) тѣхъ недостатковъ и упущеній въ преподаваніи, которые оказались, и средствъ исправить эти недостатки и пополнить упущенія.

Рѣшающее, послѣднее слово во всякомъ обсуждаемомъ совѣтомъ дѣлѣ остается за директоромъ. Въ случаѣ отлучекъ или болѣзни директора, онъ избираетъ замѣстителемъ себя или помощника своего, или кого-нибудь изъ преподавателей.

3) *Помощникъ директора* въ то же время и кассиръ школы. На его обязанности лежитъ: a) исполненіе порученій директора, b) хозяйственная часть и c) расходованіе денегъ по ассигновкѣ директора.

4) *Смотритель* школы. На обязанности его лежитъ смотрѣніе за порядкомъ въ школѣ и чистотою въ ней.

5) *Канцелярія* директора, состоящая изъ письмоводителя и писца.

Стоимость преподаванія въ школѣ и управленіе ею.

По нашему мнѣнію, учебный семестръ долженъ продолжаться съ 1-го сентября по 1-е мая, полагая плату преподавателямъ за часовое преподаваніе въ недѣлю въ продолженіе всего се-

местра по 200 рублей серебромъ и 7 часовъ (4 поутру и 3 вечеромъ) преподаванія въ каждый день, слѣдовательно 42 часа въ недѣлю, получимъ годичную стоимость преподаванія на одномъ курсѣ—8.400 рублей серебромъ, а на всѣхъ четырехъ курсахъ 33.600 руб. сер.

Полагая жалованье директору	3.000 р. с.
Помощнику директора.	2.000 » »
Смотрителю школы.	1.000 » »
Письмоводителю канцеляріи.	1.000 » »
Писцу.	700 » »
Стоимость управленія школою будетъ	7.700 » »

Соединяя эти 7.700 руб. съ 33.600 руб. сер., стоимость преподаванія въ школѣ и управленіе ею окажется въ 41.300 руб. сер.

Принимая въ разсчетъ, что воскресные спектакли, составляемые изъ учениковъ 4-го курса школы на сценѣ Императорскаго театра, будутъ даваться по 2 въ каждый мѣсяцъ съ начала сентября по май и будутъ платными, и полагая, что каждый спектакль дастъ сборъ хотя въ 500 рублей (а мы увѣрены, что больше), получимъ за 15 спектаклей (мы изъ 8 мѣсяцевъ исключили $1\frac{1}{2}$ на великій постъ) 6.500 руб. сер.

По исключеніи этой суммы изъ 41.300 руб. сер., окажется, что стоимость школы, принимая въ разсчетъ только стоимость преподаванія и управленія, будетъ въ 34.800 руб. сер.

Въ первые же три года существованія школы, когда еще она не будетъ пользоваться ученическими спектаклями, стоимость школы будетъ дешевле 34.800 руб. сер., а именно:

въ первый годъ, когда преподаваніе будетъ только на первомъ курсѣ	16.100 р. с.
во второй годъ преподаванія на 2-хъ курсахъ.	25.100 » »
въ третій годъ преподаванія на 3-хъ курсахъ.	32.900 » »

Слѣдовательно преподаваніе въ школѣ и управленіе ея никоимъ образомъ не превышаетъ 34.800 руб. сер. Мы при этомъ разсчетѣ не касались стоимостей зданія школы, его ремонта, устройства школьной сцены съ ея принадлежностями, меблировки комнатъ, отопленія, освѣщенія, прислуги, потому что все

это зависитъ вполнѣ отъ тѣхъ размѣровъ, которые даны будутъ дѣлу.

Мы полагали, что въ этомъ отношеніи можетъ быть соблюдена большая экономія, если учредители школы ограничатся только необходимымъ, ведущимъ прямо къ цѣли школы, и будутъ избѣгать ненужной роскоши.

Но нашему мнѣнію школа должна быть безплатною.

С. Юрьевъ.

СБИТЫЙ СЪ ТОЛКУ.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАНЪ

МАРКА МОНЬЕ.

XVI *).

Возвращеніе Ромены.

Ромена принялась читать сто восьмое изданіе и плохо понимала прочитанное. Первыя фразы удивили ее. Что это за театръ *Варьете*, пустой въ девять часовъ вечера? Что такое оркестръ, балконъ, въ полсвѣта горящая люстра? Все это было для нея ново, неизвѣстно. Миссъ Бессъ не ходила въ театры потому, что была протестантка; матушка-Розалія ноги туда пе накладывала потому, что была католичка; выходило такъ, что всѣ религіи запрещаютъ театры, слѣдовательно въ нихъ бываютъ только нечестивые. Она продолжала, однако же, читать, желая составить себѣ понятіе о томъ, что такое въ сущности театръ. Она уже узнала, что есть тамъ люстра, балконъ, кресла съ темнокрасною обивкой, занавѣсъ съ большимъ краснымъ пятномъ, утонувшимъ въ тѣни. Эта подробность привела ее въ большое недоумѣніе: какъ это пятно могло утонуть въ тѣни? Она продолжала читать, предполагая найти объясненіе дальше. Дальше говорилось о потушенной рампѣ, о пюпитрахъ музыкантовъ, о трехъ галлереяхъ и о ротондѣ плафона, въ которой голыя женщины и дѣти устремлялись къ небу, покрытому зеленью газовой копоти. Ея недоумѣніе удвоилось. Голые... Зачѣмъ же это они раздѣлись? Ей въ голову не могло придти, что дѣло идетъ о живописи на потолкѣ. Потомъ въ книгѣ говорилось о какихъ-то круглыхъ просвѣтахъ,

---

*) *Русская Мысль*, кн. VII.

обрамленныхъ золотомъ и биткомъ набитыхъ головами въ чепцахъ и фуражкахъ,—о женщинѣ, отворяющей ложи, суетящейся съ билетами, впускающей господина во фракѣ и тоненькую, стройную даму.

Ромена закрыла глаза и постаралась представить себѣ театръ; не получилось ровно никакого представленія. Отъ миссъ Бессъ она слыхала, что если встрѣчается въ книгѣ что-либо непонятное и спросить объясненія не у кого, то надо продолжать читать,—впослѣдствіи непремѣнно все выяснится. И такъ она продолжала. На второй страницѣ два молодыхъ человѣка разговариваютъ въ оркестрѣ и сожалѣютъ, что пришли слишкомъ рано,—пьеса еще не начиналась. Что такое пьеса, Ромена догадалась; она читала «Аталу» и «Эсфирь», знала даже отъ миссъ Бессъ, что ряженые люди декламируютъ стихи передъ публикой; разъ, желая нагляднѣе показать, какъ это дѣлается, воспитательница сняла очки, надѣла на плечи простыню и продекламировала монологъ изъ «Коріолана». На той же второй страницѣ говорилось еще о ложахъ, о какой-то зеленой бумагѣ, о бенуарахъ, ушедшихъ въ полный мракъ...

«Des baignoires?—подумала она. — Что же это такое? Baignoire—купальня... Впрочемъ, что же тутъ удивительнаго? Теперь и понятно, зачѣмъ раздѣлись женщины и дѣти...»

Съ каждой фразой росло ея удивленіе и, не въ обиду автору, росла и скука. Но миссъ Бессъ, желая заставить Ромену прочесть Вальтеръ-Скотовскія описанія, постоянно говорила, что никогда не слѣдуетъ находить книгу скучной, не дочитавши ее до конца. Ромена добросовѣстно исполняла наставленія учительницы и слѣдила за разговоромъ молодыхъ людей въ оркестрѣ. Одинъ изъ нихъ былъ высокаго роста съ маленькими черными усиками... Она опять закрыла глаза и ей сейчасъ же припомнился Франчискьель. Она часто,—чаще, чѣмъ хотѣла,—вспоминала незнакомца, котораго видѣла всего два раза, на спускѣ съ горы и въ церкви.

«Нѣтъ, онъ тогда не для меня приходилъ,—подумала она и вздохнула.—Съ тѣхъ поръ я его не видала».

Между тѣмъ молодые люди въ оркестрѣ вели бесѣду о новинкѣ—*Венерѣ*, занимавшей весь Парижъ. «Полгода только и говорятъ о ней,—сказалъ одинъ. — Ахъ, mon cher! И музыка же! Вотъ собака-то!...» Кто собака? Какое соотношеніе между музыкой и собакой? Дальше рѣчь шла о новой звѣздѣ, называемой

Нана (странное названіе для звѣзды); она-то, повидимому, и есть новая Венера... Объ этой планетѣ ей говорила миссъ Бессъ, и Ромена поняла, наконецъ, что молодые люди говорятъ объ астрономіи. Еще немного далѣе ей понравилась фраза: «Церковная тишина, нарушаемая сдержаннымъ шепотомъ и хлопаньемъ дверей».

«Такъ именно и было»,—подумала дѣвушка и, закрывши глаза, почувствовала на себѣ жгучій взглядъ.

— Ахъ! Я просто сумашедшая и гадкая...

Она стала читать быстрѣе. Высокій молодой человѣкъ съ черными глазами и съ усиками былъ бы интересенъ, еслибы не противное имя—Фошери; другое имя лучше: Гекторъ,—за то самъ онъ казался ей глуповатымъ. Скоро она добралась до того мѣста, гдѣ Гекторъ хочетъ сказать любезность директору театра, Борденаву: «Вашъ театръ...»—началъ онъ вкрадчивымъ голосомъ. Борденавъ спокойно остановилъ его такимъ словцомъ, которое ясно показывало, что директоръ любитъ точно опредѣленныя положенія, а въ выраженіяхъ стѣсняться не охотникъ: «Скажите лучше, моя...»

Дальше Ромена не дочитала. Донъ Руфъ, увидавши, что она читаетъ, выбѣжалъ на балконъ и вырвалъ книгу изъ рукъ.

— Несчастная!—вскричалъ онъ.—Что ты тутъ дѣлаешь?

Ахъ, донъ Руфъ, донъ Руфъ, гдѣ же ваши теоріи? Не вы ли на дняхъ говорили Франчискьелю: «Не то нужно для нашихъ дочерей. Показывайте имъ жизнь, какова она есть въ дѣйствительности, вводите ихъ какъ можно раньше въ реализмъ этой жизни, воспитывайте ихъ для насъ и для тѣхъ условій, въ которыхъ имъ предстоитъ жить...» Теперь что вы скажете?... Что такъ говорили о другихъ дѣвушкахъ, а не о Роменѣ? Она почему исключеніе? Потому, что она ваша дочь?... Такихъ вопросовъ никто не задалъ дону Руфу; а онъ готовъ былъ самъ *задать* бургиньонкѣ и накинулся на нее со словами:

— Какъ! Вы даете ей читать такія книги?

— Что это за книга?—спросила манахиня.

— Я здѣсь взяла, на креслѣ,—сказала Ромена.

— Стало-быть, не я даю, а она нашла эту книгу у васъ въ комнатѣ...—Это было сказано такимъ тономъ, что дону Руфу пришлось опустить голову. Онъ промямлилъ какія-то жалкія слова, стараясь какъ-нибудь вывернуться изъ неудобнаго положенія, и, краснѣя, обратился къ дочери съ неловкимъ вопросомъ:

— До какого мѣста ты дочитала?

— До того, гдѣ директоръ говоритъ, что театръ—это его... я забыла, какъ онъ назвалъ свой таетръ.

— Ну, все равно, все равно...

— Онъ сказалъ: моя... Ахъ, какъ это? Да... моя...—и, въ невинности своей, она повторила слово, вычитанное въ книгѣ.— Что это значитъ?

Донъ Руфъ покраснѣлъ, поблѣднѣлъ; все лицо ему избило въ пятны.

Что же, донъ Руфъ, вводите дочку-то скорѣе въ реализмъ дѣйствительной жизни!

— Я отвѣчу за васъ,—сказала Бургиньонка.—Никогда не произноси этого слова,—имъ называютъ неприличные дома.

— Понимаю,—проговорила Ромена.

Поняла она не совсѣмъ ясно, но объясненіемъ вполнѣ удовлетворилась. Послѣ этой вспышки наступило неловкое молчаніе. Чтобы завязать разговоръ, мать-Розалія обратилась къ дону Руфу:

— Посмотрите, какъ я прибрала эту комнату.

Донъ Руфъ одѣвался чисто, но не боялся ни пыли, ни грязи въ домѣ, какъ и подобаетъ истому неаполитанцу. Онъ замѣтилъ только, что кое-какія вещи исчезли.

— Я убрала ихъ сюда, — матушка-Розалія показала на шкафъ.—И хорошо бы было ихъ тамъ оставить.

Донъ Руфъ остался очень недоволенъ этимъ визитомъ, при которомъ ему пришлось разыграть довольно плачевную роль. Свою досаду онъ сорвалъ (про себя, конечно) тѣмъ, что нашелъ небезопаснымъ пребываніе дочери у бургиньонки. Дѣвочка проявляла излишнее любопытство и на свои вопросы получала отвѣты въ неудобныхъ выраженіяхъ. Монастырь отнюдь не представляетъ надежной охраны добродѣтели, особливо монастырь, изъ котораго можно выходить; настоящая охрана—это полнѣйшее невѣдѣніе. Несчастная дѣвочка умѣетъ читать; она неминуемо погибнетъ, если не принять своевременныхъ мѣръ, пока еще не поздно.

Вечеромъ донъ Руфъ встрѣтилъ въ кофейной сіяющаго отъ счастья Франчискьеля.

— Я ее видѣлъ,—тихо сообщилъ ему молодой человѣкъ.

— Которую? Нѣмку или русскую?

— Ну ихъ!... Я и думать забылъ объ этихъ мерзкихъ женщинахъ. Ее видѣлъ... Вы знаете...

— Терезину?

— Да, Терезину. Она шла по улицѣ съ своею матушкой и узнала меня... Оглянулась!

— Ну, и что же?

— Вся вспыхнула, потомъ оглянулась... Какъ вы полагаете, она это для меня оглянулась?

— Еще бы! Что же ты?

— Я... я ничего.

— Дальше-то что же было?

— Ничего не было... Все.

— Какъ все? И ты не пошелъ за нею, ничего не съумѣлъ передать ей... карточку съ нѣсколькими словами, наскоро написанными карандашомъ, кольцо, пустякъ, наконецъ, какой-нибудь, хотя бы цвѣтокъ? Нечего сказать, хорошъ... И это мой ученикъ!

— Я не посмѣлъ... Мнѣ даже въ голову не пришло.

— Слушай, въ томъ положеніи, въ какомъ сейчасъ ваши дѣла, надо идти на-проломъ. Она тебя любитъ,—это ясно,—и станетъ презирать, если ты окажешься мямлей.

— Что же нужно дѣлать?

— Смѣло забраться въ домъ. Твоя стѣна выше ихъ террасы, а какъ далеко онѣ другъ отъ друга?

— Метра на три, не больше.

— Купи лѣстницу и по ней перелѣзь въ садъ Терезины.

— Понимаю,—сказалъ Франчискьель.—А если ея мать поймаетъ?...

— Скажи ей: я экспериментирую.

На другой день раннимъ утромъ все было исполнено по указанію дона Руфа; непріятель пробрался въ крѣпость. Ромена видѣла изъ своего окна, какъ онъ сходилъ по лѣстницѣ, и ея сердце билось, билось... Она успокоилась лишь тогда, когда онъ ступилъ на землю; прошелъ страхъ за него, но она не перестала бояться,—почемъ знать,—быть-можетъ за себя. Она побѣжала къ матушкѣ и остановилась у ея двери.

«Если скажу, она его выгонитъ, и тогда конецъ... Если не скажу, какого же я тогда должна быть мнѣнія о самой себѣ? Чтò бы ни было, надо сказать...»

Она робко постучалась.

— Матушка, онъ тамъ... Знаете... тотъ, что въ церкви...

— И тотъ, что вчера...—сказала монахиня, отъ которой ничего не ускользало.

— Онъ по лѣстницѣ забрался въ садъ.

— Ты хорошо сдѣлала, что сказала мнѣ. Я съ нимъ поговорю...

— Матушка... не браните его...

— Будь покойна.

Трепеща всѣмъ тѣломъ, Ромена спряталась за бѣлой занавѣской окна и стала смотрѣть въ садъ. Незнакомецъ началъ съ того, что снялъ лѣстницу, чтобъ ее не увидали снаружи; съ его стороны это было очень смѣло,—такимъ образомъ онъ лишилъ себя возможности бѣгства. Потомъ онъ спрятался въ высокомъ и густомъ кустѣ камелій. Монахиня сразу его тамъ замѣтила и подошла прямо. Онъ уже приготовился на первый ея вопросъ отвѣтить, по наставленію дона Руфа: «Я экспериментирую», но мать-Розалія поставила дѣло иначе и, не обинуясь, спросила:

— Что вамъ нужно отъ Ромены?

— Ничего... Я вовсе не къ ней, не для нея, — бормоталъ юноша. — Я пришелъ... пришелъ воровать! — выговорилъ онъ вдругъ бойко и поднимая голову.—Да, воровать; я—воръ. Прикажите меня арестовать.

Бургиньонка покатилась со смѣху; Франчискьель не могъ удержаться и тоже расхохотался. Ничего подобнаго Ромена не ожидала и не могла придти въ себя отъ удивленія.

— Ладно!—сказала монахиня.—Это доказываетъ, что вы—хорошій малый. Вы готовы скорѣе отправиться въ тюрьму, чѣмъ ее компрометировать. До сихъ поръ я думала, что къ подобной лжи прибѣгаютъ только въ романахъ. Воровать или не воровать, это мы послѣ разберемъ, а теперь пойдемъ-ка на террасу и поговоримъ серьезно. Вы оттуда перебрались сюда по лѣстницѣ?—начала мать-Розалія, когда они усѣлись на террасѣ.—Теперь я понимаю назначеніе этой дыры въ стѣнѣ, которая меня порядочно безпокоила. Вы подсматривали оттуда, молодой человѣкъ. Я не люблю этого, но не въ томъ дѣло. Разъ вы тутъ проскакали на ослѣ; потомъ васъ видѣли въ церкви; потомъ... та-та-та!... я узнаю васъ, несмотря на ваши усы, погонщикомъословъ, — вы провожали меня на прогулкѣ за городъ. Теперь я понимаю, почему вы были такъ не въ духѣ,—вамъ бы хотѣлось везти Ромену. Наконецъ, вчера мы васъ встрѣтили на улицѣ. Извольте разсказывать, кто вы такой?

Подъ неотразимымъ вліяніемъ этой простоты и откровенности, Франчискьель разсказалъ свою исторію съ нѣкоторыми, впро-

чемъ, умолчаніями; такъ, говоря о своемъ отцѣ, онъ называлъ его «состоявшимъ на службѣ Бурбоновъ» и при этомъ сильно краснѣлъ, къ чему собственно не могъ быть поводомъ самый фактъ службы при низвергнутой династіи.

«Онъ чего-то не договариваетъ», подумала бургиньонка.

За то онъ не скрылъ отъ нея подробностей трудовой жизни, полной лишеній, и говорилъ о Чичилѣ въ такихъ теплыхъ выраженіяхъ, которыя понравились матери-Розаліи; она любила животныхъ и не прочь была бы держать у себя нѣсколькихъ, если бы забота о людяхъ не поглощала всего ея времени. Франчискьель ни словомъ не упомянулъ о донѣ Руфѣ, такъ какъ считалъ его дядей Ромены и боялся прямо поставленнаго вопроса: «Если вы такъ хорошо знакомы съ дядей, то почему не просите у него руки племянницы?»—что̀ поставило бы его въ необходимость заговорить о вещахъ, казавшихся ему крайне запутанными, каковыми онѣ, впрочемъ, и были въ дѣйствительности. Умолчавши о донѣ Руфѣ, онъ не могъ уже разсказать о поѣздкѣ въ Фризи и о двухъ иностранкахъ. Помимо этихъ пропусковъ, его повѣствованіе было довольно точно.

— Вы достаточно богаты для двоихъ,—сказала бургиньонка.—Вы свободны и были бы, кажется, человѣкомъ подходящимъ; но чѣмъ же вы занимаетесь, что дѣлаете?

— Ничего не дѣлаю,—отвѣтилъ Франчискьель.

— Въ такомъ случаѣ и думать забудьте о Роменѣ. Для меня, видите ли, бездѣльный человѣкъ есть синонимъ бездѣльника, т. е. попросту негодяя. Итакъ, первымъ дѣломъ прикажите задѣлать эту дыру въ стѣнѣ и обѣщайте мнѣ не тратить времени понапрасну въ этомъ лимонникѣ. Затѣмъ ищите дѣла, полезнаго для другихъ. Когда найдете такое и я его одобрю, тогда можно будетъ поговорить о васъ и за васъ; а до тѣхъ поръ не извольте являться сюда ни ко мнѣ, ни къ ней. Я вамъ запрещаю и смотрѣть-то на нее. Рѣшено на этомъ?

— Рѣшено,—сказалъ молодой человѣкъ, вздыхая.—Только сдѣлайте для меня одно одолженіе. Если я найду какое-нибудь дѣло, Чичиль будетъ скучать безъ меня, онъ не любитъ даже, когда я читаю. У васъ есть пустая конюшня, я буду платить за его кормъ. Онъ можетъ вамъ пригодиться для поѣздокъ, для прогулокъ. Оставивши его у васъ, я, по крайней мѣрѣ, буду покоенъ, что его не станутъ бить.

— Славный малый ты... вотъ что!—воскликнула бургиньонка и расцѣловала его въ обѣ щеки.

Ромена видѣла это изъ окна и, сложивши свои маленькія ручки, проговорила:

— Господи, Боже мой, что же это такое!

— Теперь убирайся отсюда, — сказала монахиня молодому человѣку.—Только уже черезъ ворота,—лѣстницу я тебѣ пришлю.

— Оставьте у себя,—мнѣ она не понадобится.

— Что?—спросила Ромена, когда дверь затворилась за Франчискьелемъ.

— Можешь его любить сколько душѣ угодно, если это тебѣ нравится,—отвѣтила мать-Розалія.—Только безъ томныхъ взглядовъ въ потолки и безъ вздоховъ. Люби весело,—только то и хорошо, что весело.

Между тѣмъ донъ Руфъ встрѣтилъ въ кофейной одного фламандскаго художника, проживавшаго круглый годъ на Капри, живописнѣйшемъ изъ итальянскихъ острововъ. Зимой тамъ воздухъ мягкій, лѣтомъ нѣтъ духоты; неаполитанцы туда не ѣздятъ, бываютъ только иностранцы, по большей части художники; тамъ можно вести совершенно уединенную жизнь, между небомъ, моремъ и скалами, не могущими внушить дурныхъ помысловъ. Обыватели отличаются нравами золотого вѣка.

— Я и женился на капріоткѣ,—заключилъ разговоръ фламандскій художникъ.

Донъ Руфъ тотчасъ же рѣшился вырвать Ромену изъ-подъ гибельнаго вліянія монастыря и поселиться съ нею вдвоемъ на Капри.

«Въ сущности я ничего не потеряю,—разсуждалъ онъ самъ съ собою. — Въ кофейной изо дня въ день все тѣ же лица, Франчискьель отстаетъ отъ меня, докторъ Шарфъ относится ко мнѣ какъ-то странно, не достаточно серьезно, аббатъ Симплицій — мистикъ... Надо пожертвовать собою для дочери. Тамъ, на Капри, я буду имѣть, по крайней мѣрѣ, возможность оградить ее отъ растлѣвающей городской среды; тамъ она не увидитъ ни театровъ, ни баловъ, ни концертовъ, ни другихъ мѣстъ разврата; даже дома не услышитъ мерзкой болтовни кухарокъ. Я стану самъ учить ее мало-по-малу, безъ книгъ; я покажу ей свѣтъ такимъ, каковъ онъ въ дѣйствительности, вылѣчу ее отъ романтическаго героизма, являющагося отрицаніемъ жизни. Она не будетъ такою, подобно другимъ женщинамъ, куклою,

сфабрикованною для забавы чувствительныхъ сердецъ и которою можетъ забавляться первый встрѣчный для собственнаго развлеченія. Я сдѣлаю изъ нея настоящую женщину, женщину-натуралистку.

Сильный такими доводами, донъ Руфъ отправился въ пансіонъ съ тѣмъ, чтобы говорить рѣшительно; несмотря на это, его рука немного дрожала, когда онъ взялся за веревку колокола. Очутившись же лицомъ къ лицу съ бургиньонкой, онъ совсѣмъ растерялся и, заикаясь и запинаясь, заговорилъ что-то очень безсвязное о родительской нѣжности, о желаніи ближе узнать дочь, провести съ нею хотя бы одинъ сезонъ... одинъ дачный сезонъ... Донъ Руфъ, всегда избѣгавшій причинять кому-либо неудовольствіе, заключилъ словами:

— Умоляю васъ,— отпустите со мною Ромену... на короткое время.

— Вы не хотите сказать, что желаете взять ее совсѣмъ... Имѣете полное право на это. Но надо такъ устроить, чтобъ она ѣхала съ вами не противъ своего желанія. Оставьте ее до завтра,—я ее уговорю.

Въ тотъ же вечеръ мать-Розалія имѣла длинный разговоръ съ молодою дѣвушкой, весело говорила ей о донѣ Руфѣ, о радостяхъ жизни съ любящимъ отцомъ, о прелестяхъ деревни, и столько разъ повторила: «Какая ты счастливица!»—что на слѣдующій день Ромена собиралась, какъ на прогулку. Только когда матушка поцѣловала ее въ послѣдній разъ и прошептала на ухо: «Ты вѣдь будешь мнѣ писать?»—она убѣжала въ свою комнату и вышла оттуда съ красными глазами и потомъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ не принялась ни за какую работу, палецъ объ палецъ не ударила, чего съ нею никогда не случалось.

Лодка, увозившая дона Руфа съ дочерью на Капри, повстрѣчала на рейдѣ прекрасную, совсѣмъ новенькую, паровую яхту, только-что пришедшую изъ Плимута. Ею командовалъ тотъ самый англичанинъ, который путешествовалъ съ Франчискьелемъ по Калабріи. Высадившись на молъ, онъ встрѣтилъ бывшаго погонщикаословъ и не узналъ его. Пять лѣтъ времени, усы, какъ у мушкатера, и костюмъ джентльмена совершенно измѣнили внѣшность молодого человѣка. Ему пришлось о себѣ напомнить.

— Вы перемѣнили занятіе?—спросилъ англичанинъ.

— Увы! У меня нѣтъ никакого занятія! — отвѣтилъ Франчискьель.

На самомъ дѣлѣ незнаніе за что приняться причиняло юношѣ большое горе. Онъ обращался за совѣтами къ доктору Шарфу и къ аббату Симплицію. Докторъ сказалъ:

— Изучайте анатомію.

— Изучайте богословіе,—отвѣтилъ аббатъ.

— Будьте медикомъ.

— Будьте священникомъ.

— Оставайтесь холостымъ,—совѣтовали оба.

Но Франчискьель, во-первыхъ, не хотѣлъ оставаться холостымъ; что же касается изученія медицины или богословія, то на это требовалось много времени, знаніе латинскаго и греческаго языковъ, курсъ гимназіи, курсъ лицея, экзамены и всякая чертовщина. Докторъ и аббатъ предложили давать ему уроки; но начинать приходилось все-таки съ склоненія слова *rosa,*—куда ни пойди, вездѣ одно и то же. Франчискьель доходилъ до настоящаго бѣшенства,—всѣ пути ему были закрыты. Его было прельстила адвокатура громкими словами о защитѣ вдовъ, сиротъ и угнетенныхъ; но для того, чтобъ имѣть право ихъ защищать и самому говорить громкія слова, надо было опять-таки начать съ склоненія слова *rosa*. Оказывалось, что, не зная этихъ проклятыхъ склоненій, нельзя предпринять ничего добраго. Пуститься въ торговлю, открыть лавку или начать играть на биржѣ?... Но донъ Руфъ говоритъ, что это—посягательство на чужой карманъ. Франчискьель хотѣлъ приносить пользу другимъ, а не отъ нихъ извлекать пользу для себя; таково было желаніе матушки-Розаліи. Что же дѣлать? Что предпринять?

Такъ раздумывалъ и разсуждалъ про себя Франчискьель, проходя по гавани. Еслибъ онъ пришелъ пятью минутами ранѣе, то увидалъ бы Ромену передъ ея отъѣздомъ на Капри. Ромену онъ не засталъ, за то постоянная дума о ней вдохновила его, внушила добрую мысль. Всякій неаполитанскій простолюдинъ родится морякомъ, и Франчискьель во дни бѣдности провелъ не мало ночей на рыбной ловлѣ, выучился мастерски работать веслами, управляться съ рулемъ и парусомъ. Почему бы не сдѣлаться морякомъ,—морякомъ для пользы ближняго? На морѣ часто случаются несчастья, въ особенности въ узкихъ проливахъ между Капри и Минервой, между Исшіей и Процидой, между Процидой и Мизеной... Сколько гибнетъ судовъ! Сколько слезъ льется на другой день!...

— Куплю себя судно, найму шесть здоровыхъ гребцовъ и буду выходить въ море въ опасное время.

Эта идея пришла ему въ голову, когда онъ встрѣтилъ англичанина.

— А вы, милордъ, что подѣлываете? — спросилъ Франчискьель.

— Живу на морѣ. Вотъ купилъ новенькую яхту, въ ней уютныя каюты, книги, шахматы, хорошій столъ, великолѣпный погребъ и все, что нужно для счастья человѣка... А я скучаю.

— Я найду вамъ развлеченіе,—сказалъ Франчискьель и сообщилъ англичанину свой проектъ.

XVII.

Письма дѣвочки.

Капри. 7-го мая.

Милая, добрая матушка! Мы пріѣхали. Пять часовъ утра, папа спитъ, а я пишу вамъ. Уѣзжая вчера, я его видѣла въ бинокль,—вы знаете, кого... Онъ былъ въ гавани, и я подумала, что онъ пришелъ проводить меня. Переѣздъ былъ чудесный, только папа,—пресмѣшной онъ,—запрещалъ все время смотрѣть на пассажировъ, показывалъ на берега, на Везувій, разсказывалъ про изверженія. Онъ, очевидно, хочетъ научить меня, а самъ не подозрѣваетъ, что я все это знала еще у миссъ Бессъ. Я не сказала ему этого, боясь, что ему не понравится. Онъ превосходный человѣкъ, и мнѣ кажется, что мы славно заживемъ съ нимъ вдвоемъ. У Капри пароходъ остановился передъ массою скалъ; насъ встрѣтило множество лодокъ, предлагали ѣхать въ лазурный гротъ. Мнѣ очень хотѣлось, но папа не согласился, боясь пассажировъ. Онъ меня такъ стережетъ, что вамъ нечего за меня опасаться. На берегу насъ встрѣтила толпа дѣвочекъ и предложила розъ. Всѣ дѣвочки—хорошенькія, тоненькія, смуглыя, какъ мѣдныя монетки, съ пунцовыми губками и искрящимися глазками. Я пишу вамъ все, что приходитъ въ голову, какъ попало... Потомъ мы пришли въ село Капри. Папа потребовалъ экипажъ; на островѣ не оказалось ни одного и онъ остался очень недоволенъ; а я очень рада, — я давно мечтала о такой странѣ, гдѣ бы не было экипажей, какъ въ Венеціи. Здѣсь всѣ ѣздятъ на ослахъ; погонщиками—дѣвочки, и какъ онѣ бѣгаютъ и лазаютъ по горамъ, кабы видѣли, — пре-

лесть! Мнѣ непремѣнно хочется выучиться такъ же лазить. Село маленькое, и все здѣсь маленькое—улица, дома, даже растенія не высоки. Насъ ожидалъ живописецъ—старый, нечесаный, съ всклокоченной бородой, страшный-престрашный. Папа не позволилъ мнѣ сказать съ нимъ ни одного слова. Мы наняли домикъ, такой крошечный, что онъ легко бы весь помѣстился въ нашей часовнѣ. Въ немъ пять комнатъ, величиной каждая въ птичью клѣтку; потолки такъ низки, что папа, забывшись, всталъ и сплюснулъ на головѣ свой цилиндръ. Теперь онъ купилъ соломенную шляпу, которая къ нему очень идетъ. При домѣ есть терраса, какъ у насъ, вся заросшая вьющимися растеніями; она выходитъ на сѣверную сторону и расположена на обрывѣ. Справа—тропинка, пробитая въ скалѣ, а внизу—море, чудное, прелестное море, точно голубая вата,—такъ бы и поваляласъ на ней. Но какъ ни хорошо здѣсь, какъ ни весело, а надо было подумать объ обѣдѣ. Старая Роза,—вы знаете, прислуга папы,—ничего не приготовила, и намъ пришлось идти обѣдать въ гостиницу Тиверія. Мы поспѣли какъ разъ къ общему столу. Я такъ проголодалась, что тотчасъ же сѣла; но папа приказалъ мнѣ встать и въ наказаніе посадилъ за маленькій столъ, что однако же не помѣшало мнѣ слышать разговоры, которые велись за большимъ столомъ. Все время говорили о Тиверіи. Здѣсь, впрочемъ, только и слышишь это имя; жители называютъ его *Тимберіо* и такъ говорятъ о немъ, точно лично его знали. Все связано съ его именемъ: тутъ онъ вырылъ колодезь, тамъ построилъ цистерну, тамъ стѣну, тамъ проложилъ дорогу. Здѣсь есть гротъ Тиверія, въ которомъ онъ приносилъ жертвы,—пещера Тиверія, куда запирали узниковъ,—скала Тиверія, съ которой онъ бросалъ ихъ въ море, есть площадь Тиверія, вилла Тиверія, его замокъ, даже мы обѣдали въ отелѣ Тиверія. Папа казался очень взволнованнымъ,—онъ видимо боялся, какъ бы я не узнала, кто былъ Тиверій.

— Папа,—сказала я,—да вѣдь я отлично знаю, кто онъ былъ, и повторила ему все то, что мнѣ говорила о немъ миссъ Бессъ.

Папа разсердился и пробурчалъ:

— Слишкомъ многому учатъ маленькихъ дѣвчонокъ!

На сегодня довольно, однако. Уже половина седьмого, пора будить папу и завтракать. Я умираю отъ голода.

. . . .

Капри. 14-го мая.

... Онъ воображаетъ, что учитъ меня; а самъ, говоря по правдѣ, ничего не знаетъ. Я отношусь къ нему съ полнымъ уваженіемъ, какъ вы приказывали; но вамъ пишу все, что думаю. Такъ вотъ вамъ я скажу, что не онъ меня, а я его учу. Во-первыхъ, пріучаю вставать во-время: представьте, до сихъ поръ онъ вставалъ въ полдень. Теперь я стучусь въ его дверь, пока онъ не отопретъ, отпереть же онъ не можетъ, не одѣвшись. Тогда мы завтракаемъ козьимъ молокомъ; онъ наливаетъ въ него кофе. Я ничего не говорю на это, —нельзя же отъ всѣхъ дурныхъ привычекъ отъ учить сразу. Послѣ завтрака въ шесть часовъ прогулка и непремѣнно пѣшкомъ. Прежде онъ иначе шага не дѣлалъ, какъ въ экипажѣ; теперь, дѣлать нечего, ходитъ, только часто останавливается. Надѣюсь, что привыкнетъ. Вчера мы взобрались на Анакапри по лѣстницѣ, высѣченной въ скалѣ,—536 ступеней. Папа останавливался отдохнуть всего только десять разъ. Анакапри настоящая пустыня. Проводникъ говорилъ, будто бы здѣсь тысячу двѣсти жителей, а мы и кошки не видали. Домики крошечные, низенькіе, съ низенькими дверями, въ которыя иначе нельзя пройти, какъ ползкомъ. Страшно становится отъ этой тишины, и къ тому же опять все полно воспоминаніями о Тиверіи; имъ пробита лѣстница въ известковыхъ скалахъ. На вершинѣ горы хорошее вино; по словамъ папы, лучшее на островѣ. Знаете ли, какъ его здѣсь называютъ?—Слезы Тиверія!

На обратномъ пути я выучила папу разпознавать растенія; повѣрите ли, недѣлю тому назадъ онъ только по плодамъ могъ различить лимонное дерево отъ фиговаго; теперь уже знаетъ почти всѣ встрѣчающіяся деревья и даже нѣкоторыя морскія растенія. Это, повидимому, занимаетъ его; онъ отличный ученикъ и я бы ему охотно поставила хорошіе баллы. Съ однимъ мнѣ будетъ много хлопотъ: это—съ исправленіемъ его нравственности. Представьте себѣ, дорогая матушка, онъ ни во что не вѣритъ! На дняхъ, напримѣръ, мы зашли въ церковь; намъ показали серебряный бюстъ святого, покровителя острова, и крестъ изъ кристалла и эмали, сохранившійся чудомъ. Разъ мавры сожгли церковь до основанія; уцѣлѣлъ только крестъ, и я къ нему прикладывалась. А папа увѣряетъ, что вся эта исторія выдумана. Почему онъ знаетъ, что она выдумана?... Въ соборѣ показываютъ еще гвоздь, вбитый въ колонну. Если кто-нибудь потеряетъ какую-нибудь вещь на островѣ, хотя бы цѣнную, черезъ нѣсколь-

ко дней онъ непремѣнно найдетъ ее висящею на гвоздѣ въ соборѣ. Ее приноситъ тотъ, кто найдетъ.

— Хочешь пари держать, что это вздоръ?—сказалъ папа.

— Держу пари,—отвѣтила я.

На другой день мы шли вдвоемъ по пустынной, каменистой тропинкѣ, и онъ бросилъ перчатки.

— Перчатки-то! — сказала я. — Онѣ не стоятъ того, чтобы ихъ приносить. Вотъ я вѣрю, такъ оставлю крестикъ,—въ немъ два бриллiанта...

— А если не принесутъ?...

— Если не принесутъ, пусть пропадетъ.

Черезъ два дня мой крестикъ висѣлъ на гвоздѣ. Папа крѣпко задумался.

Не правда ли, хорошенькая исторiйка?

. . . .

Капри. 17 мая.

... Онъ пересталъ говорить мнѣ непрiятное о религiи и, кажется, самъ начинаетъ склоняться къ нашимъ убѣжденiямъ; но все еще продолжаетъ высказывать самые еретическiе взгляды на людей. Чтобы просвѣтить меня, онъ увѣряетъ, будто бы нѣтъ въ мiрѣ ни одного честнаго человѣка, ни одной честной женщины. Тогда я ему указала на васъ, на нашихъ сестеръ, на миссъ Бессъ,— разсказала, что вы дѣлаете для другихъ, многое разсказала, хотя, конечно, далеко-далеко не все. Онъ возражалъ и высказалъ самыя мрачныя мысли.

— Я ничего не отрицаю,—сказалъ онъ,—и ничего не знаю. Но вглядись хорошенько во всѣ наипрекраснѣйшiе поступки и и ты вездѣ найдешь одну и ту же подкладку — самолюбiе. Ты говоришь о самоотверженности монахинь, у которыхъ ты жила; но все, что онѣ дѣлаютъ добраго, это для того, чтобы выказаться, заставить говорить о себѣ, или чтобы затмить другой орденъ, конкурирующiй съ ними, или чтобы получить такое влiянiе, которымъ бы можно было злоупотреблять для своихъ выгодъ, или наконецъ,—почему знать?—быть-можетъ изъ-за личнаго удовольствiя и, по меньшей мѣрѣ, ради царства небеснаго, такъ какъ, надѣлавши своихъ добрыхъ дѣлъ, онѣ начинаютъ считаться съ Богомъ, представляютъ ему счетъ, точно изъ лавочки: я, дескать, сорокъ лѣтъ была добродѣтельна и самоотвержена, такъ позвольте получить вѣчное блаженство. Это про-

сто-напрасто ростовщичество! Какъ ни прикидывай, а честныхъ людей нѣтъ.

Не бойтесь за меня, матушка,—такія разсужденія не собьютъ меня съ толку; будь они безусловно справедливы и вѣрны, я имъ все-таки не повѣрю. Много, должно-быть, зла надѣлали люди моему бѣдному папѣ.

Я сказала ему:

— Если вы во всемъ видите гадкія побужденія, такъ скажите, какъ же нужно поступать, чтобы быть по-настоящему честнымъ?

Онъ не зналъ, что отвѣтить. Удивительно, какъ мужчины не способны разсуждать здраво! Папа, напримѣръ, говоритъ о добрѣ и добродѣтели; слѣдовательно, онъ долженъ знать, что это такое, или, по крайней мѣрѣ, сознавать, чувствовать. Такъ нѣтъ же... Миссъ Бессъ навѣрное сказала бы, что у него нѣтъ идеала; вы бы сказали, что ему нечего дѣлать. Въ сущности это можетъ быть одно и то же.

Чтобы доказать мнѣ, какъ мерзки люди, онъ часто читаетъ въ газетахъ faits divers. Онъ ходитъ за газетами на пристань, какъ говорятъ здѣсь, къ приходу каждаго парохода. Я пользуюсь этимъ временемъ и сама отношу письма въ почтовый ящикъ; я мало довѣряю Розѣ, несмотря на всѣ ея достоинства,—она слишкомъ много болтаетъ, даже сама съ собою, когда поговорить не съ кѣмъ. Папа приноситъ: *Утренній Курьеръ*, *Pungolo*, *Piccolo* и др.,но мнѣ не даетъ въ руки,—боится, какъ бы я не прочла фельетона, который, по его словамъ, способенъ погубить меня на всю жизнь. Признаюсь вамъ, иногда мнѣ до страсти хочется узнать, что это за фельетонъ такой. За то папа прочитываетъ вслухъ обо всѣхъ случаяхъ; все это одни ужасы: тамъ мужъ убилъ кинжаломъ жену, въ другомъ мѣстѣ жена отравила мужа, сынъ обокралъ отца, братъ поджегъ домъ сестры и... уже я не знаю, еще что.

— Вотъ каковъ родъ людской!—говоритъ папа.

Сегодня утромъ я ему отвѣтила:

— Папа, вѣдь живемъ же мы спокойно здѣсь на Капри вдвоемъ съ тобою и, кажется, до сихъ поръ не зарѣзали, не отравили, не обокрали ни другъ друга, ни сосѣдей, и домовъ не подожгли. Отчего же объ этомъ не публикуютъ въ газетахъ?

— Ахъ, дитя! Это ни для кого не интересно.

— Въ такомъ случаѣ что же интересно?

— Все необыкновенное.

— Поэтому выходитъ, что убійства, отравленія, кражи и и поджоги—все это происшествія необыкновенныя, а обыкновенно-то добрые люди живутъ тихо и честно, какъ мы съ тобой?

Онъ не нашелся, что возразить, и я очень довольна. Пишите мнѣ на почту «до востребованія» и скажите, нашелъ ли себѣ дѣло... вы знаете кто.

. . . .

Капри. 21 мая.

Благодарю васъ за милое письмо, дорогая моя матушка! Оно коротко,—вамъ некогда писать длинныя посланія,—но въ немногихъ словахъ вы мнѣ все сообщили. Вы его видѣли; ему двадцать два года, зовутъ его Франческо Бальди, а уменьшительнымъ именемъ—Франчискьель. Какое чудесное дѣло онъ избралъ для себя! Только мнѣ будетъ очень страшно всякій разъ, когда море будетъ неспокойно. Вы еще не сообщили ему, гдѣ я живу, а также имени папы, боясь, какъ бы онъ не поспѣшилъ и не испортилъ дѣла. Но вы совѣтуете мнѣ подготовлять отца; а потомъ пріѣдите сами и переговорите съ нимъ. Какая вы добрая, какая милая! Я пишу лишь нѣсколько строкъ, чтобы только поблагодарить васъ. Завтра буду писать подробно и сообщу кое-что.

. . . .

Капри. 23 мая.

... Мы только-что вернулись съ длинной прогулки и папа отдыхаетъ. Отправились мы рано утромъ съ тѣмъ, чтобы забраться на самый верхъ горы. Я—большая охотница лазить—никакъ не воображала, что подъемъ такъ труденъ. Папа велъ себя молодцомъ; правда, останавливался часто, но не потерялъ ни бодрости, ни терпѣнія. Во время остановокъ мы говорили. Я прямо и весело повела мою атаку.

— Папа,—сказала я,—мнѣ уже шестнадцать лѣтъ; я чувствую, что начинаю старѣться. Надо подумать о моемъ замужствѣ.

— *Ah, pazzarella!*... (Ахъ, ты шалунья.)

— Совсѣмъ не *pazzarella*,—я говорю очень серьезно. Надѣюсь, вы не хотите, чтобъ я осталась старой дѣвкой.

— До этого еще долго,—успѣемъ и подумать, и поговорить.

— А откладывать все-таки не слѣдуетъ. Кто пускается въ путь, тотъ долженъ заранѣе знать, куда идетъ, иначе собьет-

ся съ дороги. Вотъ мы теперь лѣзимъ по ужасной дорогѣ, а зачѣмъ?—затѣмъ, чтобы добраться до пустынника и отъ него полюбоваться необыкновенными видами. У насъ есть цѣль, а потому, какъ вамъ ни трудно, вы все-таки идете впередъ. И мнѣ нужно знать, куда идти: если—къ замужству, то слѣдуетъ идти по одной дорогѣ; если же оставаться дѣвушкой, въ такомъ случаѣ отпустите въ монастырь.

— Неужели же въ твои годы ты уже думаешь о замужствѣ?

— Всякій думаетъ лишь въ томъ возрастѣ, какой имѣетъ.

Онъ засмѣялся и пошелъ дальше. На ходу нельзя разговаривать, этимъ онъ и пользуется. Только-что я открою ротъ, онъ пускается въ путь и не отвѣчаетъ. Но, къ счастью, онъ скоро запыхался и мы опять остановились.

— Что же, папа, подумалъ ты?

— О чемъ?

— О моемъ замужствѣ.

— А ты все еще о немъ думаешь? Такъ я же тебѣ скажу, что еще никогда не было ни одного счастливаго брака.

— А вашъ?

Онъ нахмурилъ брови.

Очень странно это,—онъ хмуритъ брови всякій разъ, когда я заговариваю о моей матери. Замѣтивши, что я сдѣлала неловкость, я замолчала. При слѣдующей остановкѣ онъ заговорилъ самъ.

— Ужь не знакома ли ты съ какимъ-нибудь молодымъ человѣкомъ?

Говоря это, онъ смотрѣлъ настоящимъ звѣремъ, почему я и поспѣшила отвѣтить отрицательно. Вѣдь это правда, я незнакома съ г. Франчискьелемъ,—вы знакомы съ нимъ,—правда вѣдь? Вы же мнѣ сказали, что я могу его любить, я и люблю.

— То-то!—продолжалъ папа, видимо успокоенный.—Молодые люди всѣ никуда не годятся: одни—болваны, не лучше парикмахерскихъ восковыхъ болвановъ, другіе — педанты, отупѣлые отъ школьной суши, большая же часть—негодяи, только и знающіе биржу и другія мерзкія мѣста...

Въ этомъ тонѣ онъ говорилъ по крайней мѣрѣ четверть часа. Такъ какъ Франчискьель не можетъ быть ни парикмахерскимъ болваномъ, ни педантомъ, ни негодяемъ, то я и пустилась въ путь, не дожидаясь окончанія его рѣчи. Мнѣ такъ было досадно на папу, что я сломала кончикъ зонтика о камни и ушла да-

леко впередъ. Папа сталъ кричать, чтобъ я остановилась и подождала его.

— Такъ вы хотите, чтобъ я оставалась дѣвушкой?—крикнула я ему сверху.—Тогда отвезите меня назадъ въ пансіонъ.

Онъ поднимался, тяжело вздыхая. Когда добрался до меня, то сѣлъ, или, вѣрнѣе, тяжело опустился на камни. Отдохнувши, онъ взялъ меня за руки и нѣжно сказалъ:

— Мы живемъ вмѣстѣ всего двѣ недѣли, и тебѣ уже такъ хочется меня покинуть!

Вы меня знаете, милая моя матушка, я не могу равнодушно слышать извѣстныхъ интонацій голоса. Я сѣла рядомъ съ нимъ, поцѣловала его щеку, несмотря на противный табачный запахъ отъ его бороды, и отвѣтила:

— Нѣтъ, папа, не хочу я васъ покидать; а для того, чтобъ этого не пришлось сдѣлать, надо меня отдать замужъ. Мнѣ очень хорошо съ вами здѣсь, на Капри; но не можемъ же мы прожить такъ цѣлый вѣкъ. Жизнь—не прогулка по горамъ. У васъ есть дѣла и вы не можете все ваше время тратить на то, чтобы смотрѣть за маленькою дѣвочкой или за взрослою дѣвушкой, за которую вы ежеминутно трепещете. Не станете же вы въ самомъ дѣлѣ отрицать, что постоянно боитесь, какъ бы кто меня не съѣлъ. Слѣдовательно, мнѣ нѣтъ другого выхода, какъ возвратиться въ пансіонъ и сдѣлаться монахиней. Если вамъ этого хочется, я готова...

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что на свѣтѣ!—перебилъ онъ меня, крѣпко сжимая мои руки.

Я предвидѣла это и продолжала, ласкаясь:

— Тогда какъ, выйдя замужъ, я буду подъ надзоромъ другого, а жить мы будемъ всѣ втроемъ вмѣстѣ. У васъ будетъ въ одно и то же время и семья, и полная свобода; вы будете выѣзжать, курить, читать ваши газеты мирно и покойно, ни о чемъ не заботясь; я буду съ вами, но уже никакихъ тревогъ вамъ отъ меня не будетъ.

Онъ задумался и не сказалъ ни слова до нашего прихода къ пустыннику. Этотъ пустынникъ очень милый и привѣтливый старичокъ; онъ повелъ насъ на кладбище, все заросшее розами, и позволилъ мнѣ сорвать два цвѣтка. Посылаю вамъ лучшій изъ нихъ.

Матушка, дорогая моя! Пріѣзжайте скорѣе,—ничего, подобнаго здѣшнимъ видамъ, вы навѣрное нигдѣ не видали. Природа

начинаетъ дѣйствовать даже на папу; до сихъ поръ онъ восхищался ею только по своимъ книжкамъ. Теперь же, когда онъ увидалъ ее своими глазами, она сама сказалась въ немъ, непосредственно и просто. Онъ до того увлекся, что вдругъ воскликнулъ:

— Безбрачіе имѣетъ свою прелесть, и я охотно бы сдѣлался пустынникомъ.

Старичокъ-монахъ разсмѣялся.

— Вы не выдержите трехъ дней,—сказалъ онъ.—Одиночество и безбрачіе хороши для меня, живущаго въ облакахъ, а не для васъ, добрый человѣкъ, и не для этой милой дѣвушки. Къ этой жизни надо имѣть особое призваніе. Вы понятія не имѣете о томъ, какое опьяняющее дѣйствіе имѣютъ на человѣка тишина и чистый воздухъ этихъ высотъ. Отъ нихъ голова кружится, а эти обрывы манятъ васъ къ себѣ своею притягательною силой. Повѣрьте мнѣ, возвращайтесь въ Неаполь и постарайтесь полюбить людей; это—единственный способъ истинно любить Бога. Что же касается вашей дочки, то отдайте ее скорѣе замужъ.

Такой милый этотъ пустынникъ! Онъ подошелъ ко мнѣ и сталъ показывать все, что отсюда видно, называя горы и разсказывая связанныя съ ними исторіи.

Папа покойно усѣлся передъ кружкою вина, принесенною пустынникомъ, закурилъ сигару и машинально вынулъ изъ кармана газеты, которыхъ не успѣлъ прочесть поутру. Вдругъ онъ ударилъ себя по лбу и вскочилъ съ мѣста.

— Что съ вами?—спросила я.

— А то, что я завтра ѣду въ Неаполь.

— Вотъ видите,—сказалъ старый монахъ,—вы пробыли не болѣе часа въ пустыни, и васъ уже зоветъ къ себѣ міръ.

XVIII.

Орденъ Итальянской Короны.

Почему дону Руфу понадобилось такъ неожиданно ѣхать въ Неаполь? Увы, можно быть натуралистомъ и все-таки имѣть свои маленькія слабости и не быть свободнымъ отъ мелкаго тщеславія. Года два или три тому назадъ докторъ Шарфъ получилъ коммандорскій крестъ королевскаго ордена Итальянской Короны. Насъ, конечно, не можетъ не радовать до нѣкоторой степени подобная честь, выпадающая на долю нашихъ друзей,

въ особенности же если мы сами не имѣемъ на нее претензіи. Тѣмъ не менѣе донъ Руфъ какъ-то невольно сдѣлалъ кислую гримасу, когда прочелъ въ газетѣ о пожалованіи доктору ордена. Это не помѣшало, однако же, дону Руфу сдѣлать визитъ старому пріятелю и разсыпаться въ поздравленіяхъ, настолько усердныхъ, что вновь пожалованный коммандоръ нашелъ нужнымъ принять наступательное положеніе.

— Милѣйшій мой,—сказалъ онъ дону Руфу,—вещи этого рода доставляютъ особенное удовольствіе лишь тѣмъ, кто ихъ не заслужилъ; и я смѣю думать, что вы были бы счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, еслибы вамъ дали крестикъ.

— Ахъ, полноте,—возразилъ донъ Руфъ, жеманясь, какъ старая дѣвка отъ предложенія выйти замужъ,—съ какой бы стати мнѣ его дали?

— Да хотя бы съ той стати, что у васъ его нѣтъ...

Докторъ, очень довольный такимъ поводомъ къ пожалованію ордена дону Руфу, такъ расхохотался, что стекла дрожали въ окнахъ. Въ тотъ же день онъ увидался съ министромъ, своимъ стариннымъ пріятелемъ, и говорилъ съ нимъ о донѣ Руфѣ, какъ о человѣкѣ безобидномъ и довольно ничтожномъ, собирающемся написать книгу объ атавизмѣ. Министръ обѣщалъ дать ему крестъ. Дону Руфу это показалось не совсѣмъ ловкимъ.

— Какъ же это однако?... Вѣдь я же республиканецъ,— сказалъ онъ доктору.

— Экая важность! Король—тоже республиканецъ.

— Конечно, конечно, но все-таки... придется ѣхать, просить...

Чтобы пощадить гордость дона Руфа, было рѣшено, что онъ просто сдѣлаетъ визитъ министру, причемъ не будетъ рѣчи объ орденѣ. Визитъ онъ сдѣлалъ, поговорили о Клодѣ Бернарѣ, министръ взвѣсилъ просителя и нашелъ его крайне легковѣснымъ; но, будучи человѣкомъ покладистымъ, онъ проводилъ его любезнымъ пожатіемъ руки и знаменательными словами:

— Прошу на меня разсчитывать...

Донъ Руфъ долго разсчитывалъ, а креста все-таки не получилъ. Послѣ него къ министру явилось еще пятьдесятъ девять охотниковъ до орденовъ; всѣмъ имъ онъ говорилъ любезныя слова, всѣмъ жалъ руки и, уѣхавши въ Римъ, забылъ обо всѣхъ. Пождалъ, пождалъ донъ Руфъ и, наконецъ, пересталъ ждать. Но вдругъ въ поднебесной выси горъ острова Капри онъ про-

челъ въ газетѣ, что министръ, успѣвшій со времени того визита пасть раза два или три, былъ опять министромъ и опять находился въ Неаполѣ въ отелѣ «Римъ». Извѣстно, что путешествующіе министры не останавливаются нигдѣ надолго, — слишкомъ много просятъ у нихъ орденовъ. Слѣдовательно надо было торопиться. Но въ настоящемъ случаѣ казусъ представлялся исключительнымъ: приходилось оставить Ромену одну на островѣ, по которому то и дѣло снуютъ заѣзжіе живописцы, быть-можетъ романтики! Съ другой стороны, не повидать министра — проститься, пожалуй, навсегда съ орденомъ Итальянской Короны, а ленточка-то — бѣлая съ краснымъ, титулъ—*cabaliero*!... Взять Ромену съ собою невозможно,—куда дѣвать ее, пока придется дожидаться въ пріемной министра? Во всякомъ случаѣ не разбойничій же притонъ Капри; принявши нѣкоторыя предосторожности, все-таки можно отъѣхать на короткое время. Итальянская Корона одержала верхъ надъ всѣми опасеніями, и донъ Руфъ уложилъ въ чемоданъ свѣжую сорочку, черную пару и бѣлый галстукъ. Чистя платье и тщательно складывая его, донъ Руфъ еще разъ повторилъ свои инструкціи Розѣ, смотрѣвшей на него съ величайшимъ недоумѣніемъ:

— Завтра я уѣзжаю рано, съ разсвѣтомъ, и вернусь только ночью. Безъ меня не смѣйте шагу дѣлать изъ дома—ни ты, ни Ромена. Если провизіи нѣтъ, сходи и купи сейчасъ. Будетъ кто-нибудь звонить, не смѣть отпирать ни подъ какимъ видомъ. Придутъ нищіе, гони ихъ прочь,—чего добраго, подъ видомъ-то нищаго какой-нибудь живописецъ... Отъ нихъ все станется, особенно отъ романтиковъ, или проще сказать—прохвостовъ... Вотъ револьверъ, — не бойся, — я разстрѣляю заряды въ окно, чтобы знали, что въ домѣ есть оружіе... Теперь ступай за провизіей, а завтра разбуди меня въ три часа утра.

Донъ Руфъ не сомкнулъ глазъ во всю ночь. Роза тоже не спала, боясь пропустить назначенный часъ. Она понимала, что дѣло идетъ о чемъ-то ей неизвѣстномъ, но необыкновенно важномъ.

Въ концѣ мая солнце встаетъ рано и къ четыремъ часамъ донъ Руфъ уже былъ на пристани, гдѣ его ждала палубная лодка, нанятая наканунѣ. И какая лодка! О трехъ парусахъ, съ шестью гребцами, съ капитаномъ, съ бархатными подушками подъ пестрымъ тентомъ, съ флагомъ на кормѣ. Донъ Руфъ не хотѣлъ дожидаться парохода, приходившаго слишкомъ поздно въ

Неаполь; онъ отправлялся на Сорренто, откуда экипажъ долженъ былъ доставить его въ Кастелламаре, а тамъ по желѣзной дорогѣ; лодка должна была дожидаться въ Сорренто и привезти его обратно на Капри. Такова была программа. Но, какъ на грѣхъ, вѣтеръ не шелохнулся и во весь путь пришлось идти на веслахъ. Донъ Руфъ опоздалъ къ поѣзду въ Кастелламаре и хотѣлъ доѣхать до Неаполя въ экипажѣ, взятомъ въ Сорренто; измученныя лошади стали. Онъ нанялъ другой экипажъ, который сломался между *Torre del'Annuncada* и *Torre del Greco;* до этой станціи пришлось идти пѣшкомъ въ пыли выше колѣнъ,— въ пыли, которую ни разу не сметали съ 79 года, со времени знаменитаго изверженія Везувія, разрушившаго и засыпавшаго множество городовъ. Геологи до сихъ поръ находятъ въ ней пепелъ и пемзу, остатки того изверженія. Донъ Руфъ пріѣхалъ поздно въ отель «Римъ» и только издали видѣлъ, какъ министръ садился въ экипажъ, окруженный сплошною толпою просителей, протягивавшихъ ему вчетверо сложенные листы бумаги; онъ бралъ ихъ, совалъ во всѣ карманы; а когда сѣлъ въ коляску, то просьбы посыпались со всѣхъ сторонъ и завалили бѣднягу до колѣнъ. Наконецъ лошади понеслись во всю прыть. Донъ Руфъ, съ головы до ногъ покрытый пылью, протискался къ подъѣзду.

— Не знаете ли,—обратился онъ къ швейцару,—въ которомъ часу вернется его превосходительство?

— Его превосходительство не вернется, — отвѣтилъ швейцаръ такимъ тономъ, какимъ обыкновенно отвѣчаютъ лакеи людямъ покрытымъ пылью, а слѣдовательно пришедшимъ пѣшкомъ.—Его превосходительство уѣхали въ Римъ.

Донъ Руфъ обѣщалъ извощику пять франковъ на водку за то, чтобъ онъ привезъ его на станцію до отхода поѣзда. Извощикъ получилъ на водку пять франковъ, но до министра донъ Руфъ опять-таки не добрался. Станція была биткомъ набита щегольски одѣтыми нищими, изъ которыхъ никакъ не меньше сотни выклянчивали крестики. Поѣздъ тронулся. Донъ Руфъ положилъ на полъ чемоданъ и дорожный мѣшокъ, приставилъ руки къ губамъ въ видѣ рупора и выкрикнулъ во весь голосъ свое имя. Услыхавши его, министръ могъ припомнить свое обѣщаніе, раскаяться въ забывчивости, приказать остановить поѣздъ... или, по меньшей мѣрѣ, подойти къ окну и тоже крикнуть: «Донъ Руфъ, поздравляю васъ кавалеромъ ордена Итальянской Короны!»

Поѣздъ не остановился, министръ ничего не крикнулъ. Съ быстро-убѣгающимъ поѣздомъ исчезла надежда на полученіе ордена. Донъ Руфъ опустилъ руки, чтобы взять чемоданъ и дорожный мѣшокъ, но исчезли и они.

Не печалься, донъ Руфъ, не тужи,—въ карманѣ остались кошелекъ и бумажникъ. За нѣсколько су тебѣ вычистятъ платье, на станціи славный буфетъ; наконецъ, если у тебя много свободнаго времени, ты можешь подать жалобу полицейскому коммисару, который, само собою разумѣется, не найдетъ твоей пропажи. За то въ газетахъ всѣ прочтутъ твое имя—не въ рубрикѣ награжденныхъ орденами, а въ отдѣлѣ обокраденныхъ. Кромѣ того, ты можешь ѣхать съ первымъ поѣздомъ; въ Сорренто тебя ждетъ прекрасная палубная лодка съ бархатными подушками, къ вечеру ты будешь на Капри и обнимешь Ромену; она радостно обовьетъ руками твою шею, а это пріятнѣе и слаще цѣпи Аннунціаты и Золотого Руна... Такъ мило-успокоительно шепталъ на ухо обокраденному и обманутому въ своихъ ожиданіяхъ человѣку добрый геній, избавляющій неаполитанцевъ отъ долгихъ печалей. Прибавьте къ этому, что донъ Руфъ былъ страшно голоденъ и что въ такихъ случаяхъ даже плохой обѣдъ прогоняетъ грустное настроеніе. По всѣмъ этимъ причинамъ нашъ пріятель пустился въ обратный путь не въ особенно дурномъ расположеніи духа и, благодаря, подувшему попутному вѣтерку, пріѣхалъ много ранѣе, чѣмъ его ожидали, вслѣдствіе чего произошла катастрофа.

Франчискьель съ своимъ англичаниномъ серьезно взялись за ремесло спасателей. Надо сказать правду, къ молодому человѣку очень шла соломенная шляпа, обтянутая широкою черною лентой съ золотыми буквами, изображающими слово *Сапфирина* (названіе яхты); цвѣтная рубашка и широкія панталоны придавали легкость и свободу движеніямъ. Въ двѣ недѣли онъ такъ привыкъ къ морю, будто выросъ на немъ. Каждый день, чтобы пріобрѣсти навыкъ къ своему дѣлу, онъ бросался одѣтый въ море, нырялъ до дна, проплывалъ подъ кораблемъ и взбирался на бортъ безъ лѣстницы; трудно было найти другого такого мастера-пловца и такого красавца. Его глаза искрились радостью; онъ зналъ, что дѣлаетъ все это для Ромены. Матушка-Разалія, къ которой онъ часто заходилъ, ласково сказала ему:

— Это хорошо, Франчискьель, я тобою довольна.

— А можно мнѣ её повидать?

— Нѣтъ, еще нельзя.

— Я приказалъ задѣлать отверстіе въ стѣнѣ.

— Знаю.

— Матушка, пошлите ее въ садъ,—я отсюда, изъ-за драпировки, однимъ глазкомъ только взгляну...

— Ея нѣтъ здѣсь.

— Гдѣ же она?

— Этого я пока не скажу тебѣ.

— Ее взялъ дядя?

— У нея нѣтъ никакого дяди

— А этотъ господинъ, что былъ здѣсь, цѣловалъ ее?...

— Не безпокойся, мой добрый Франчискьель. Скажи, довѣряешь ты мнѣ?

— Вполнѣ, матушка.

— Такъ не волнуйся и имѣй терпѣніе. Тише ѣдешь, дальше будешь. Не старайся увидать ее, не торопись, не то, пожалуй, все испортишь. Положись на меня.

Франчискьель обѣщалъ во всемъ слушаться матушки, а на дона Руфа страшно разозлился. По какому праву являлся онъ въ монастырь, если Ромена не была его племянницей? Какъ смѣлъ цѣловать ее, если онъ ей не дядя? Во всемъ этомъ была какая-то тайна, сильно его тревожившая. Къ тому же припоминались гадкіе совѣты, которые давалъ натуралистъ, грязныя исторіи, которыя онъ такъ любилъ разсказывать, всѣ мерзости, цѣлымъ потокомъ изливавшіяся съ его губъ... И этими оскверненными губами онъ осмѣливался касаться чистаго чела Ромены! Такъ разсуждалъ Франчискьель, до пуританства экзальтированный чистотою настоящей любви. Донъ Руфъ, доводившій его своими наставленіями до разныхъ экспериментальныхъ глупостей, показался ему отвратительнымъ; идя къ порту, Франчискьель горько раскаивался въ томъ, что слушался такого учителя и даже восхищался имъ. Но тихая волна скоро успокоиваетъ, убаюкиваетъ, какъ добрая нянька. Подъ сумракомъ ночи, охваченный необъятнымъ просторомъ звѣзднаго неба, безмолвнымъ покоемъ и тихою качкою моря, Франчискьель, лежа на палубѣ яхты, забылъ о донѣ Руфѣ,—передъ нимъ понеслись другія мечты, встали иные образы: матушка-Разалія, съ нею Ромена, веселая тишь монастырскаго сада въ цвѣту, внутренность церкви, въ ней бѣлое платье, смуглая головка въ вѣнкѣ флёръ-д'оранжа, склонившаяся подъ благословляющею рукой аббата Симплиція...

Франчискьель полною грудью вдохнулъ свѣжій воздухъ ночи и, засыпая, прошепталъ:

— Матушка обѣщала,—надо на нее положиться...

Затѣмъ онъ сталъ ждать терпѣливо; но его терпѣнія хватило лишь на двое съ половиною сутокъ,—къ вечеру третьяго дня онъ въ волненіи ходилъ по палубѣ.

— Вы скучаете?—сказалъ ему англичанинъ.—Ничего не сдѣлаешь, когда море такъ спокойно. Ради развлеченія не попутешествовать ли намъ? Вы бывали на Капри?

— Нѣтъ.

— Надо побывать. Я тамъ необыкновенно скучалъ; но Моррей приходитъ въ восторгъ отъ этого острова; на немъ былъ Гудсонъ Лоу. Меня только это и интересовало. Мнѣ показывали мѣсто, гдѣ французы напали на него врасплохъ. Онъ хорошо дрался и уступилъ послѣ почетной капитуляціи.

— Поѣдемте на Капри,—сказалъ Франчискьель.

На другой день рано утромъ затопили машину и противъ Сорренто увидали лодку съ пестрымъ тентомъ и съ флагомъ на кормѣ, на которой плылъ донъ Руфъ. Море было тихо и на лодку никто не обратилъ вниманія. Въ Капри англичанинъ не сошелъ на берегъ, пообѣдалъ на яхтѣ, за обѣдомъ выпилъ въ надлежащую мѣру, закурилъ длинную сигару и объявилъ, что его ничуть не интересуетъ островъ съ его ослами, босоногими и черномазыми дѣвчонками, съ двѣнадцатью дворцами Тиверія и со всѣмъ остальнымъ.

— Надоѣло все это. Я остаюсь на *Сапфиринѣ*. Если очень скучно станетъ, поѣду посмотрѣть скалу, на которую взобрался генералъ Ламаркъ. Онъ побилъ Гудсона Лоу, напавши на него неожиданно; не то островъ былъ бы нашъ, и были бы теперь на немъ заводы и парки.

Франчискьель вышелъ на берегъ одинъ и очень заинтересовался новостью представившейся ему картины. Все населеніе было на улицѣ; всѣ веселы, довольны малымъ, работаютъ, смѣются, поютъ и бесѣдуютъ, какъ дома. А дома такъ малы, что въ нихъ можно только спать ночью; днемъ же всѣ живутъ на воздухѣ, и кушанье готовятъ, и обѣдаютъ, даже спятъ, дѣлаютъ визиты, работаютъ и веселятся. На площадкѣ дѣвочки пляшутъ тарантеллу; у двери своего домика сидитъ священникъ и мирно покуриваетъ трубочку. Всѣ улыбаются Франчискьелю, киваютъ головой, привѣтствуютъ добрымъ словомъ, точно давниш-

няго пріятеля. Ему невольно вспомнилось, какъ расписываетъ родъ людской нашъ натуралистъ.

«Вотъ бы куда привезти дона Руфа хотя на недѣльку,—подумалъ молодой человѣкъ.—Ему бы это полезно было».

Отъ дона Руфа мысли естественно перешли къ Роменѣ, и Франчискьелю захотѣлось быть одному. Онъ вышелъ изъ села, побрелъ пустынною тропинкой и скоро очутился между обрывомъ и стѣною. На стѣнѣ балкончикъ вродѣ клѣтки, на балкончикѣ... Юноша вскрикнулъ.

— Ромена!

Она подбѣжала къ периламъ и нагнулась.

— Вы какими судьбами?—сказала она, смѣясь и преодолѣвая волненіе.—Идите сюда,—никого нѣтъ... Я одна.

Франчискьель хотѣлъ было залѣзть на стѣну.

— Нѣтъ, нѣтъ, проходите въ дверь... тамъ, дальше. Я сейчасъ отопру.

Роза спала въ кухнѣ, какъ убитая, послѣ тревожной ночи, проведенной ею по милости ордена Итальянской Короны. Донъ Руфъ въ то же время и по той же причинѣ не менѣе крѣпко спалъ въ вагонѣ между Неаполемъ и Кастеллямаре.

— Матушка позволила вамъ придти ко мнѣ?—спросила Ромена, отворяя дверь.

— Нѣтъ еще... Но...—пробормоталъ Франчискьель.

— Какъ нѣтъ?...

— Я попалъ сюда случайно, не зналъ...

— Стало-быть вы...

— Стало-быть... мнѣ уходить...

Онъ сдѣлалъ шагъ назадъ, не переступивши даже порога дома; при этомъ у него былъ такой грустный видъ, что Ромена готова была расплакаться.

— Случайно... А почему знать, можетъ-быть такъ Богу угодно?—сказала она. — Вѣдь безъ Его воли ничего не дѣлается... Входите.

Она осторожно притворила дверь, чтобы не разбудить Розу, и провела своего милаго на балконъ, гдѣ было два свидѣтеля: ясное небо и море лазурное. Сначала ихъ разговоръ былъ отрывочный, потомъ понемногу наладился и пошелъ гладко. Тѣмъ временемъ Роза проснулась; проснулся и донъ Руфъ, изъ вагона перешелъ въ карету и поѣхалъ въ Сорренто. Роза навострила было уши, прислушиваясь къ какому-то шепоту, но дремота

одолѣла, и она опять уснула подъ тихій говоръ на террасѣ; донъ Руфъ тоже уснулъ подъ мягкій стукъ колесъ по пыльной дорогѣ. А о чемъ шелъ на террасѣ тихій говоръ влюбленныхъ?—Обо всемъ, кромѣ любви. О ней впрочемъ и надобности не было говорить: она свѣтилась въ глазахъ, сказывалась въ звукѣ ихъ голосовъ, носилась надъ ними и охватывала ихъ своимъ блестящимъ ореоломъ... Они говорили о морѣ, о скалахъ, о пустынникѣ, о Чичилѣ и пансіонѣ, о матушкѣ-Розаліи и миссъ Бессъ, о темной церкви и докторѣ Шарфѣ, о прогулкѣ на ослахъ, объ аббатѣ Симплиціи, о яхтѣ Сапфиринѣ и о спасеніи гибнущихъ на морѣ, о Калабріи, объ Алфредѣ де-Мюссе, Вальтеръ-Скоттѣ, о житіяхъ святыхъ, о звѣздахъ... Они знакомились другъ съ другомъ; только ни тотъ, ни другая ни словомъ ни упомянули о донѣ Руфѣ: Ромена,—чтобы не омрачить перваго разговора, такъ какъ она предчувствовала, что съ этой именно стороны и ожидаютъ ихъ препятствія; Франчискьель—изъ скромности, изъ желанія не вспоминать нѣкоторыхъ наставленій своего учителя...

Между тѣмъ донъ Руфъ пересѣлъ изъ экипажа въ лодку и, благодаря попутноту вѣтерку, вздувшему паруса, быстро подвигался къ Капри. Роза выспалась и стояла у дверей, поджидая, не пройдетъ ли какой-нибудь добрый человѣкъ, съ которымъ бы можно было душу отвести—поговорить. Первый подошедшій человѣкъ былъ самъ хозяинъ.

— Какъ,—накинулся онъ на нее сразу,—ты не въ домѣ?

— Во весь день шагу не дѣлала, ишь и теперь у дверей стою.

— Никого не было?

— Ни единой живой душеньки.

Донъ Руфъ прошелъ прямо на балконъ. Франчискьель говорилъ, Ромена смѣялась.

— Несчастный!—воскликнулъ натуралистъ.—Ты что здѣсь дѣлаешь?

Ошеломленный, Франчискьель, подъ вліяніемъ охватившихъ его мрачныхъ подозрѣній, рѣзко отвѣтилъ:

— Экспериментирую.

XIX.

Лазурный гротъ.

Что̀ бы ни говорили, героевъ въ полномъ смыслѣ этого слова не существуетъ, а равно и героинь. Конечно, женщины, о

которыхъ миссъ Бессъ разсказывала Роменѣ, составляютъ настоящую гордость своего пола и своей націи, начиная съ пророчицы Деворы, воевавшей съ хананеями, угнетавшими избранный Богомъ народъ, и кончая Манонъ-Жанною Флипонъ, женою Ролана, безтрепетно взошедшею на эшафотъ; но всѣ онѣ, Девора, мадамъ Роланъ и даже Юдифь, убившая Олоферна, несказанно бы струсили, еслибы во дни ихъ ранней юности папаша засталъ ихъ въ сумерки съ глазу на глазъ съ молодымъ человѣкомъ, пришедшимъ тайкомъ. Можно смѣло подержать пари, что при подобномъ казусѣ каждая изъ нихъ обратилась бы въ самое поспѣшное и ничуть не постыдное бѣгство. Такъ точно поступила и Ромена.

Оставшись одни, донъ Руфъ и Франчискьель молчали съ минуту; обоимъ было крайне неловко. Молодой человѣкъ стоялъ, прислонившись спиною къ колоннѣ балкона; взволнованный родитель ходилъ взадъ и впередъ, сочиняя фразы, достаточно сильныя для выраженія его негодованія. Онъ ожидалъ извиненій; но Франчискьель не думалъ извиняться и упорно молчалъ. Тогда донъ Руфъ заговорилъ, сдерживая голосъ до шепота, чтобы не быть услышаннымъ съ тропинки:

— Отвѣтишь ты мнѣ, наконецъ, или нѣтъ?

— Мнѣ нечего отвѣчать.

— Зачѣмъ ты сюда попалъ?

— Сами-то вы сюда зачѣмъ попали?

— Я у себя дома.

— А я почему зналъ?

— Но эта дѣвушка...

— Что же это дѣвушка?... Вы знаете всю мою исторію съ этою дѣвушкой; я все вамъ разсказывалъ, только имя скрылъ. Я называлъ ее Терезиной.

— Какъ, Терезина—это...

— Это вотъ она. Вы же говорили мнѣ: иди на-проломъ! Вы посовѣтовали сдѣлать въ стѣнѣ дыру и подсматривать; вы сказали пойти за нею въ церковь, я и пошелъ; вы научили переодѣться погонщикомъ ословъ... По вашему же совѣту я купилъ лѣстницу и забрался въ пансіонъ. Еслибъ я васъ слушался во всемъ, она была бы не здѣсь, а давнымъ-давно у меня, и занимались бы мы съ нею натурализмомъ. На что же вы претендуете? Да и какое право имѣете на нее? Я видѣлъ разъ, какъ вы ее поцѣловали въ пансіонѣ; я побѣжалъ къ воротамъ, чтобъ убить

васъ... Я ее любилъ. Вы мнѣ сказали, что она ваша племянница. Съ тѣхъ поръ я только и думалъ объ одномъ: увидать ее, добиться ея любви и тогда просить у васъ ея руки. Вы все лгали: она не племянница вамъ. Что же она такое? Я не знаю, я теряюсь въ догадкахъ и задыхаюсь. Вы тайно увезли ее изъ пансіона и прячетесь съ ней здѣсь... Чего вы все прячетесь? Честные люди не прячутся... Не вы отъ меня, а я отъ васъ вправѣ требовать объясненія... Отвѣтите ли вы-то мнѣ, наконецъ, кто она, что она вамъ?...

Дону Руфу стоило сказать одно слово, чтобъ остановить Франчискьеля; онъ, однако же, не сказалъ этого слова. Все слышанное ошеломило его, подняло въ его головѣ цѣлый вихрь мыслей. Еслибъ онъ былъ въ состояніи ихъ отчетливо разюмировать, онъ, несомнѣнно, сказалъ бы самъ себѣ:

«Я хотѣлъ воспользоваться Франчискьелемъ для произведенія двухъ опытовъ: одного—надъ взрослою женщиной, другого—надъ дѣвушкой-ребенкомъ... Благодаря моимъ вѣчнымъ пряталкамъ, вышло такъ, что женщина—была моя жена, Маріанина, а дѣвушка—моя дочь, Ромена».

Франчискьель повторилъ свой вопросъ еще настоятельнѣе, схвативши дона Руфа за руку.

Но отецъ упорно не выдавалъ секрета, причинившаго ему столько непріятностей; къ врожденной скрытности примѣшивалось еще нѣкоторое чувство стыда и боязнь показаться смѣшнымъ. Въ эту минуту появилась Ромена; она оправилась отъ страха и, слыша шумъ на балконѣ, поспѣшила на выручку своему другу, не перестававшему неистово кричать:

— Она вамъ не племянница, кто же она, кто она? Вы ей что?...

— Онъ мой отецъ и я его дочь.

Франчискьель чуть не упалъ; донъ Руфъ закричалъ на Ромену во все горло:

— Убирайся вонъ!

Она опустила голову и скрылась. Наступила опять минута молчанія. Гнѣвъ молодого человѣка смѣнился раскаяніемъ въ своемъ гнусномъ подозрѣніи—въ томъ, что онъ оскорбилъ дона Руфа.

— Простите,—проговорилъ онъ тихо.—Но почему же вы давно не сказали?... Я не зналъ, что вы... что она здѣсь, пришелъ случайно, увидалъ ее на балконѣ.... Повѣрьте мнѣ, я не сказалъ ни одного слова, отъ котораго бы она могла покрас-

нѣть, не дотронулся до ея руки, клянусь вамъ въ томъ... Отдайте ее мнѣ, отдайте за меня!

— Нѣтъ!—отрѣзалъ донъ Руфъ, очень довольный тѣмъ, что опять его верхъ.

— Почему?

— Этого я вамъ объяснять не обязанъ. Извольте выйти вонъ!

Франчискьель пришелъ въ такое отчаяніе, что вскочилъ на перила балкона и хотѣлъ броситься внизъ, но донъ Руфъ схватилъ молодого человѣка и вытащилъ въ гостиную.

— Полно Франчискьель, брось ты свой романтизмъ! Изъза этого не стоитъ лишать себя жизни, мой бѣдный мальчикъ. Я все забуду, но обѣщай мнѣ уйти тою же дорогой, которою пришелъ, и спать ночь покойно. Завтра утромъ приходи на пристань,—я тамъ буду.

Онъ проводилъ его до подъѣзда, заперъ дверь на ключъ, задвинулъ засовъ и сталъ раздумывать—бранить Ромену или нѣтъ. Онъ очень скоро порѣшилъ не бранить, отчасти потому, что былъ сильно уставши, главнѣйше же вслѣдствіе убѣжденія въ ея полной невинности. Случись такое приключеніе съ другою дѣвушкой, онъ ни на минуту бы не усомнился въ томъ, что все произошло какъ въ его романахъ. Но Ромена была его дочерью. Гнѣвъ все-таки надо было на комъ-нибудь сорвать, и онъ позвалъ Розу. Но Роза заперлась въ своей комнатѣ и съ головою закуталась въ одѣяло, что она дѣлала всякій разъ, когда ожидала объясненія съ хозяиномъ. Не дозвавшись прислуги, донъ Руфъ выпилъ большой стаканъ воды и заснулъ, какъ только привалился къ подушкѣ, забылъ даже завести часы.

Услыхавши, что отецъ спитъ, Ромена надѣла маленькія туфельки и тихонько вышла на балконъ; ей почему-то казалось, что Франчискьель долженъ быть на тропинкѣ подъ обрывомъ. У нея въ рукахъ была старая корзина, въ которой въ оныя времена Маріанина находила сладкіе пирожки. На этотъ разъ, вмѣсто пирожковъ, въ ней лежали тетрадка бумаги и карандашъ. Луна серебрилась въ морѣ и яркимъ голубоватымъ свѣтомъ заливала балконъ. Ромена нагнулась черезъ перила, приложила палецъ къ губамъ и спустила корзину на длинномъ шнуркѣ. До самаго утра старая корзина въ наилучшемъ видѣ исправляла должность почтовой сумки.

Поутру донъ Руфъ проснулся и взглянулъ на часы; стрѣлки показывали двадцать минутъ третьяго. Донъ Руфъ перевернулся,

хотѣлъ было заснуть и не могъ. Тогда онъ сталъ раздумывать; на свѣжую голову всегда приходятъ добрыя мысли. Ему стало жаль Ромену.

«Неужели она любитъ этого Франчискьеля? — разсуждалъ онъ самъ съ собою. — Чего добраго... Вчера, когда я вошелъ, она казалась очень счастливою; потомъ, когда мы заговорили крупно, она вбѣжала въ странномъ волненіи. «Онъ мой отецъ... я его дочь...» Гм... Ясно—романтическое опьяненіе, помраченіе здраваго смысла. Бѣдная дѣвочка! Придется причинить ей большое горе. Надо развлекать ее... Сегодня же повезу въ Лазурный гротъ.

Придя къ такому хорошему заключенію, онъ опять взглянулъ на часы; на нихъ по-прежнему было двадцать минутъ третьяго. Донъ Руфъ отдернулъ занавѣску окна и невольно закрылъ глаза отъ ослѣпившаго его свѣта; солнце было уже высоко, а въ домѣ полная тишина. Ромена, уснувшая на бѣлой зарѣ, была погружена въ сладкій сонъ; Роза лежала въ постели, чтобы, по возможности, отдалить предстоящее объясненіе. На этотъ разъ,—первый, кажется, въ жизни,—дону Руфу пришлось поднимать заспавшихся. Онъ казался довольнымъ и веселымъ, особенно ласково поздоровался съ Роменою, назвалъ ее на простонародномъ нарѣчіи *dormillòne* и объявилъ, что повезетъ кататься въ парусной лодкѣ.

— Куда же мы поѣдемъ?—спросила Ромена.

— Въ Лазурный гротъ.

Разговоръ происходилъ на балконѣ; внизу на тропинкѣ стоялъ Франчискьель и не проронилъ ни одного словечка. Напрасно прождавши дона Руфа на пристани, онъ подумалъ, не случилось ли чего недобраго, встревожился и пришелъ узнать. Успокоенный слышаннымъ разговоромъ, онъ вернулся на пристань. Черезъ полчаса донъ Руфъ встрѣтилъ его тамъ и поздоровался очень любезно и мило, какъ ни въ чемъ ни бывало.

— Ну, юноша, каково провелъ ночь?

— Какъ нельзя лучше.

— И прекрасно. Очень радъ. Теперь мы можемъ поговорить по-дружески. Какъ ты однако странно одѣтъ; уже не во флотъ ли поступилъ?

Франчискьель передалъ о своихъ планахъ и показалъ стоящую на якорѣ яхту.

— Опять романтизмъ! Никогда ты отъ него, должно-быть, не отдѣлаешься, мой бѣдный мальчикъ!... Опасности бури, лордъ Байронъ и Корсаръ... Какъ старо все это! Брось лучше, живи обыденной жизнью, какъ всѣ добрые люди, попросту и логично. Мы живемъ въ такое время, когда никто не тонетъ.

— Почему вы не хотите отдать за меня Ромену?

— Во-первыхъ, вотъ по этому самому,—потому, что ты донкихотствуешь, потому что у тебя нѣтъ сознанія дѣйствительности въ ея реальномъ значеніи. Во-вторыхъ,—не сердись и не огорчайся, будемъ смотрѣть на вещи трезвымъ взглядомъ,—что ты такое, чтобы претендовать на руку моей дочери?

— Лаззарони, я это знаю... Но вамъ-то что? Вы же сами сто разъ говорили мнѣ, что люди всѣ равны...

— Конечно... въ теоріи. Но тутъ дѣло идетъ о моей дочери... и—чортъ возьми!—всякій вправѣ поддерживать свое достоинство...

— Но мнѣ кажется, что честный человѣкъ...

— Все это прекрасно и я совершенно согласенъ,—ты честный малый, я это знаю,—но этого мало: моя дочь можетъ выйти замужъ только за человѣка съ именемъ. Ну, а твое-то... Согласенъ и вполнѣ признаю, что не твоя вина; но поставь ты себя на мое мѣсто, пойми, что есть такія пятна...

— Не вы ли сами говорили, что миновало то время, когда эти пятна переходили съ отца на дѣтей, что это старый хламъ, затасканный романами и драмами?... Не вы ли показывали мнѣ на улицахъ Неаполя ряды экипажей со словами: «Всѣ катающіеся въ этихъ каретахъ и колясках—дѣти воровъ?»

— Да... все это такъ, но вѣдь дѣло-то идетъ о моей дочери,—пойми ты, наконецъ.

— Вы же говорили: «Еслибъ у меня была дочь, я бы ее съ радостью за тебя отдалъ».

— Мало ли что говорится, мой милѣйшій!... На жизнь надо смотрѣть съ реалистической точки зрѣнія. Еще туда-сюда еслибы ты что-нибудь дѣлалъ...

— Да сами-то вы что дѣлаете?

— Я... я пишу книгу объ атавизмѣ...

— Такъ же, какъ я спасаю погибающихъ... Все дѣло стало за началомъ у насъ обоихъ.

— Наконецъ, я долженъ тебѣ признаться, что имѣю поводы сомнѣваться въ твоей нравственности.

— Это еще что такое?

— Да вотъ хотя бы въ отношеніи религіи...

— Да вы же мнѣ всегда проповѣдывали атеизмъ!

— Какъ ты не хочешь понять, что это совсѣмъ не то?... Вѣдь она мнѣ дочь... Къ тому же въ твоей жизни были просто скандально-безнравственные поступки.

— Какіе, смѣю спросить?

— А ужинъ въ Фризи?...

— Кто же меня туда завезъ?

— Тамъ эта нѣмка, эта московитка ..

— Кто меня познакомилъ съ ними?

— Вотъ я тебѣ что скажу, мой милый: жизнь еще велика и кромѣ Ромены есть дѣвушки. Мы увидимся съ тобою въ Неаполѣ, въ кофейной, и я тебѣ дамъ кое-какіе добрые совѣты. Преодолѣй свое горе, воспользуйся имъ, какъ сюжетомъ для художественно - литературнаго произведенія, перестань изображать изъ себя страдальца, сдѣлайся экспериментаторомъ. Прощай, Франчискьель!

Донъ Руфъ отвернулся отъ молодого человѣка и направился домой очень довольный своею твердостью. На дорогѣ его повстрѣчалъ щеголеватый господинъ въ мундирѣ морского офицера: это былъ капитанъ парусной лодки, возившій его въ Сорренто.

— Патронъ, не пожелаете ли прокатиться?—спросилъ онъ, держа въ рукѣ расшитую галуномъ фуражку.

— Какъ же, какъ же... Сейчасъ ѣду въ Лазурный гротъ.

Черезъ полчаса донъ Руфъ возвратился на пристань съ Роменой, зорко осматриваясь, не притаился ли гдѣ Франчискьель. Потомъ они вошли въ лодку съ бархатными подушками и съ капитаномъ въ галунахъ. Море было тихо; лодка шла медленно на веслахъ и обогнула гряду мелкихъ камней, связанныхъ цементомъ; сквозь прозрачную воду виднѣлись обломки колоннъ. То были развалины бань Тиверія. Гребцы опустили весла. Маленькая, узкая лодочка вышла изъ отверстія, пробитаго въ скалѣ, и быстро приблизилась къ палубной лодкѣ.

— Пріѣхали,—сказалъ капитанъ.

— Гдѣ же гротъ?

— Вотъ отверстіе въ скалѣ. Наше судно въ него не пройдетъ. Надо пересѣсть въ эту лодочку.

— Я могу перевозить только по одиночкѣ,—прибавилъ лодочникъ,—такъ какъ при входѣ въ гротъ надо ложиться на дно лодки.

— Ахъ, чортъ возьми! — воскликнулъ донъ Руфъ въ виду необходимости разстаться на нѣсколько минутъ съ Роменою.

Случай былъ изъ ряда вонъ важный. Поѣзжай донъ Руфъ первымъ, онъ оставлялъ дочь во власти капитана, носившаго баки котлетами и фуражку въ галунахъ. Отпустить ее впередъ значило предоставить на произволъ незнакомаго лодочника. Донъ Руфъ подумывалъ было отказаться отъ осмотра знаменитаго грота; но тогда его могли бы счесть трусомъ, что во всякомъ случаѣ крайне непріятно. Лодочникъ былъ старъ и казался человѣкомъ честнымъ и смирнымъ. Донъ Руфъ крѣпко полагался на свое умѣнье распознавать людей съ перваго взгляда.

— Въ гротѣ никого нѣтъ?

— А кому же тамъ быть?

— Можно тамъ высадиться?

— Можно, signor eccellenza.

— Отвези синьорину, высади и сію же минуту возвращайся за мною.

Донъ Руфъ съ замирающимъ сердцемъ слѣдилъ за всею операціей и, когда лодка исчезла, пришелъ въ необыкновенное волненіе, смѣшившее гребцовъ. Что-то дѣлается въ этой чортовой трущобѣ?... Надо не быть натуралистомъ, чтобъ оставаться спокойнымъ въ подобныхъ обстоятельствахъ. Наконецъ лодочка опять показалась; донъ Руфъ перевелъ духъ.

Въ эту минуту Ромена сидѣла рядомъ съ Франчискьелемъ. Съ правой стороны грота есть нѣчто въ родѣ дебаркадера, небольшая площадка, отъ которой идетъ вверхъ высѣченная въ скалѣ лѣстница, ведшая когда - то къ одной изъ двѣнадцати виллъ Тиверія. По ней сходилъ купаться въ гротъ Барбаросса. Теперь верхній ея выходъ заваленъ огромнымъ камнемъ. Франчискьель заплатилъ приличную сумму лодочнику, спрятался на этой лѣстницѣ и вышелъ на встрѣчу Ромены. Увидавши его, она вздрогнула..

— Вы боитесь...—сказалъ онъ.—Если сомнѣваетесь во мнѣ, то оставайтесь въ лодкѣ и возвращайтесь къ отцу. Если вѣрите, то давайте руку.

Она протянула свою маленькую ручку, и лодочникъ поѣхалъ за дономъ Руфомъ.

—

— Ромена, любите вы меня?
— Вы говорили съ отцомъ?
— Онъ не соглашается.
— Что же мнѣ дѣлать теперь?
— Скажите, Ромена, любите ли вы меня?
— Онъ когда-нибудь согласится...
— Вы не хотите мнѣ отвѣтить...
— Мы молоды,—можемъ ждать...
— Скажите только, любите ли?

Она замолчала; въ глазахъ Франчискьеля стояли слезы. Тогда она припомнила старую пѣсенку, которой ее убаюкивали малюткою, и тихо, грустно стала напѣвать:

Вспомни, другъ, былое время,
Когда меня ты покидалъ,
Когда разлуки тяжкой бремя
Въ слезахъ и стонахъ изливалъ...
Не плачь же, другъ, теперь разлука
Не будетъ больше насъ томить...

Франчискьель перебилъ ее и продолжалъ, импровизируя:

Но, другъ жестокій, что за мука
Такъ безнадежно мнѣ любить!..

Ромена въ свою очередь перебила его и чуть слышно добавила:

О, что за счастье такъ любить,
Какъ я тебя...

Тутъ только они какъ бы очнулись, взглянули другъ на друга, взглянули на чудный гротъ.

— Ромена, будешь ждать?—прошепталъ Франчискьель.
— Буду, Франчискьель.
— И никогда не будешь принадлежать другому?
— Никогда и никому.
— Кромѣ меня?
— Кромѣ... тебя!

Ея головка склонилась на плечо Франчискьеля. Его губы нѣжнымъ, чистымъ поцѣлуемъ прикоснулись къ ея лбу. Они были неизъяснимо счастливы.

Снаружи, съ моря, донесся голосъ лодочника (условленный сигналъ); онъ громко пѣлъ старую рыбацкую пѣсню:

Волна бѣжитъ,
Волна шумитъ.
Услышь, мой другъ, услышь меня...

Франчискьель исчезъ въ просѣченной въ скалѣ лѣстницѣ.

— Eccellenza,— крикнулъ лодочникъ дону Руфу,—ложитесь на дно.

— Да мнѣ стоитъ только пригнуться... Мы могли бы проѣхать втроемъ, съ дочерью.

— Берегитесь... Ложитесь скорѣе и руки спрячьте!

Лодочникъ ударилъ веслами, направилъ лодку въ отверстіе, затѣмъ легъ самъ и сталъ проталкиваться руками о стѣнки узкаго корридора, ведущаго въ гротъ. Очутившись въ гротѣ, донъ Руфъ первымъ дѣломъ осмотрѣлся во всѣ стороны, точно ища глазами спрятавшагося въ какой-нибудь щели разбойника. Этотъ осмотръ встревожилъ Ромену; она встала, чтобы заслонить входъ на лѣстницу.

— Какъ, все тутъ?—воскликнулъ донъ Руфъ недовольнымъ тономъ. Онъ не расположенъ былъ ни удивляться, ни восхищаться.

— Что это? Театральный фокусъ... Балетная декорація! Никакой естественности... Сама природа впадаетъ въ романтизмъ! Начать съ того, что это мало до мизерности. (Двадцать пять саженъ въ длину и болѣе десяти въ ширину. Донъ Руфъ былъ требователемъ.) И какой же это Лазурный гротъ? Оттѣнокъ совсѣмъ не голубой, а скорѣе зеленоватый. Игра рефракціи и просвѣчиванія, интересная развѣ только для физиковъ, а уже никакъ не для натуралистовъ. Это явное мошенничество со стороны писакъ, составляющихъ гиды для путешественниковъ... Ихъ просто подкупаютъ трактирщики и лодочники, чтобы заманивать довѣрчивую публику, а эта каналья привезъ насъ врозь, чтобы содрать двойную плату. Пойдемъ, Ромена! Мы отправимся вмѣстѣ, стоитъ только пригнуться пониже. Воображаю, какъ ты здѣсь скучала, ожидая меня, бѣдняжка...

— Ахъ, нѣтъ, папа. Здѣсь такъ хорошо... Всю жизнь не вышла бы отсюда...

Франчискьель слышалъ эти слова изъ своей засады, и въ его сердцѣ они отозвались слаще самой чудной музыки.

XX.

Катастрофа.

На обратномъ пути въ Неаполь яхта повстрѣчала лодку, на которой докторъ Шарфъ, сидя на кормѣ, распоряжался толпою

рыбаковъ. Онъ упорно продолжалъ свои поиски за неизвѣстными еще морскими звѣрюгами.

— Не хотите ли прокатиться съ нами?—крикнулъ Франчискьель

— А вы куда?

— Куда вамъ угодно, — отвѣтилъ англичанинъ, искавшій только развлеченія.

Докторъ взошелъ на яхту и въ теченіе трехъ часовъ смѣшилъ англичанина, очень довольнаго новымъ знакомствомъ. Франчискьель все время сидѣлъ въ сторонѣ, молча, ничего не видя и не слыша.

— Вотъ два дня такой,—сказалъ англичанинъ.—Поговорите съ нимъ, пожалуйста, и постарайтесь развеселить его.

Докторъ подошелъ къ молодому человѣку и, смѣясь, спросилъ:

— Что, другъ, задумался? Ужь не поранила ли сердечко какая-нибудь капріотка?

— Не смѣйтесь, докторъ,—мнѣ совсѣмъ не до шутокъ...

По мѣрѣ того, какъ Франчискьель все откровенно разсказывалъ, подвижная физіономія доктора Шарфа мѣняла выраженіе,—изъ веселой стала серьезною, изъ серьезной сердитою.

— Дрянь этотъ Руфъ!—вскричалъ онъ.—Прячетъ отъ насъ дочь, точно принимаетъ насъ за какихъ-то разбойниковъ. Къ тому же она ему и не дочь совсѣмъ; онъ и женатъ-то былъ незаконно, только въ церкви вѣнчанъ... Тоже одна изъ гадкихъ штукъ нашего друга Симплиція. Если вы увезете дѣвочку, онъ ничего не можетъ вамъ сдѣлать; съ своею страстью вѣчно таиться да прятаться онъ потерялъ всякія права на нее. По закону. она не что иное, какъ незаконная дочь. Умри онъ безъ завѣщанія, и она останется на мостовой безъ куска хлѣба. И этотъ шутъ еще отказываетъ вамъ, когда самъ вашего башмака не стоитъ... Экая скотина!

— Такъ я могу ее увезти?—сказалъ Франчискьель, въ восторгѣ отъ этой идеи.

— Конечно, можете, и по дѣломъ ему будетъ... Но дѣлать этого все-таки не слѣдуетъ,—прибавилъ докторъ, становясь опять серьезнымъ.—Какъ бы тамъ ни было, онъ отецъ ей, а она—честная, хорошая дѣвушка. Увезти ее было бы нечестно. Кто позволилъ бы себѣ все то дѣлать, чего не запрещаетъ законъ, тотъ былъ бы отъявленнѣйшимъ негодяемъ. Донъ Руфъ—шутъ,

дѣлаетъ гадости, — это его дѣло и до насъ не касается. Мы должны быть снисходительны къ людямъ и строги къ себѣ.

Странно это: у всякаго своя мораль и своя религія; у иныхъ нѣтъ никакой религіи, и тѣмъ не менѣе всегда и всѣ люди могутъ быть честными только по одной мѣркѣ, однимъ способомъ. Франчискьель посмотрѣлъ на это иначе и сталъ распрашивать о женитьбѣ дона Руфа. Докторъ передалъ всѣ подробности въ такомъ комическомъ видѣ, что молодой человѣкъ умиралъ со смѣху.

— Насилу-то вы его развеселили, — сказалъ англичанинъ, подходя къ нимъ.

Въ тотъ же вечеръ Франчискьель былъ у аббата Симплиція и просилъ тайно обвѣнчать его съ Роменой. Аббатъ на-отрѣзъ отказался.

— Повѣнчали же вы дона Руфа...

— Я считаю это однимъ изъ самыхъ дурныхъ поступковъ въ моей жизни и послѣдствіемъ его были большія несчастія. На этотъ разъ я былъ бы еще болѣе виноватъ: я пошелъ бы противъ воли родителя и обманулъ бы его... Обманъ — худшій изъ грѣховъ.

— Нô донъ Руфъ самъ виноватъ,—онъ самъ ведетъ себя, какъ...

— Не намъ его судить, не намъ и карать. Истинный христіанинъ прощаетъ людямъ и не долженъ прощать только себѣ.

— Это, однако, удивительно,—подумалъ вслухъ Франчискьель,—какъ разъ то же говоритъ докторъ Шарфъ.

— Докторъ Шарфъ протестантъ и богоотступникъ,—проговорилъ аббатъ, сильно морща носъ, чтò его очень безобразило.

На слѣдующій день рано утромъ Франчискьель отправился къ матушкѣ-Розаліи.

— Милый мой,—сказала бургиньонка, выслушавши разсказъ молодого человѣка о томъ, что происходило на Капри,—ты напрасно поторопился; а твоя продѣлка въ Лазурномъ гротѣ мнѣ совсѣмъ не нравится. Я разбраню Ромену и строго запрещу что бы то ни было дѣлать безъ позволенія отца.

— Что же это такое, наконецъ? Вы всѣ противъ меня,—вы, матушка, и аббатъ, и докторъ.

— Я не знаю ни твоего доктора, ни твоего аббата, но знаю, что прямой путь для честныхъ людей одинъ. Надо дѣйствовать на дона Руфа. Обѣщаю тебѣ сама поѣхать на Капри и поговорить съ нимъ по-своему. Меня онъ послушаетъ, ручаюсь за это.

Франчискьелю пришла въ голову мысль, показавшаяся ему блистательной,—отвезти на Капри въ яхтѣ англичанина не только мать-Розалію, но и доктора, и аббата. Направивши такимъ образомъ на непріятельскаго короля всѣ свои фигуры разомъ, онъ разсчитывалъ сдѣлать матъ въ три хода. Этимъ элементарнымъ пріемамъ стратегіи обучилъ его англичанинъ, каждый день побивавшій его въ шахматы. Спрошенные порознь, добрякъ Симплицій и милѣйшій докторъ охотно согласились прокатиться, не подозрѣвая, что имъ предстоитъ ѣхать вмѣстѣ. Франчискьель тотчасъ же написалъ объ этомъ Роменѣ, адресовавши письмо «до востребованія». Онъ зналъ, что Ромена получаетъ такимъ образомъ свою корреспонденцію потихоньку отъ дона Руфа, отправляясь за нею сама въ то время, когда онъ отдыхаетъ. На бѣду случилось, что донъ Руфъ ждалъ присылки денегъ и самъ пошелъ на почту справиться. У дона Руфа было прекрасное зрѣніе и, пока разбирали для него пакетъ подъ буквою С., онъ разсмотрѣлъ фамилію Скапонъ на трехъ конвертахъ; только адресованы они были не господину, а госпожѣ Скапонъ.

— На ваше имя ничего нѣтъ,—сказалъ завѣдующій отдѣленіемъ.

— А для моей дочери, г-жи Ромены Скапонъ?—небрежно спросилъ донъ Руфъ.—Она не такъ здорова и просила взять ея письма.

Завѣдующій почтовымъ бюро, не задумываясь, отдалъ три письма. Это было запрещено закономъ; но мало ли что закономъ запрещено и дѣлается въ простотѣ сердечной? Чужія письма читать запрещаетъ не одинъ только законъ, однако же донъ Руфъ преспокойно распечаталъ и прочелъ всѣ три.

На первомъ былъ штемпель Локля; оно заключалось въ пяти листахъ очень тонкой бумаги, непревышавшихъ вѣсомъ пятнадцати граммъ и исписанныхъ мельчайшимъ почеркомъ вдоль и поперекъ.

«Это должно быть отъ миссъ Бессъ,—проговорилъ про себя донъ Руфъ съ видомъ глубочайшаго презрѣнія.—Навѣрное какія-нибудь романтическія бредни.

Во второмъ конвертѣ была коротенькая записка, написанная крупнымъ, твердымъ почеркомъ.

«Милая моя Ромена, я тобою недовольна. На дняхъ пріѣду и побраню. Надо всегда и во всемъ повиноваться отцу,—помни это. Но все-таки я тебя крѣпко цѣлую и крѣпко люблю. Твоя мать-Розалія».

«Вотъ это такъ!—подумалъ донъ Руфъ. — Это я понимаю. Молодецъ эта бургиньонка!»

Онъ вложилъ записку въ конвертъ и тщательно его заклеилъ.

Третье письмо было отъ Франчискьеля. Изъ него донъ Руфъ узналъ много вещей довольно непріятныхъ: во-первыхъ, бывшій погонщикъословъ былъ «на ты» съ его дочерью, что показалось ему чудовищною дерзостью; во-вторыхъ, они видѣлись въ Лазурномъ гротѣ, что было совсѣмъ невѣроятно.

«Чистѣйшій вздоръ,—разсуждалъ донъ Руфъ,—никого тамъ не было; я осмотрѣлъ всѣ уголки, а глаза у меня хорошіе. Гдѣ же бы могъ спрятаться этотъ негодяй?... А, понимаю!...»

И донъ Руфъ хлопнулъ себя ладонью по лбу; онъ сообразилъ, что старый лодочникъ былъ не кто иной, какъ Франчискьель, переодѣтый и загримированный. «Какова подлость!...» Натуралистъ забылъ, что онъ въ своей жизни тоже переодѣвался и загримировывался по меньшей мѣрѣ два раза. «Къ тому же какой слогъ! Каждая строка такъ и дышетъ романтизмомъ...» Всего болѣе озаботилъ дона Руфа конецъ письма, гдѣ говорилось о скоромъ пріѣздѣ матушки, доктора и аббата: «Всѣ трое будутъ хлопотать за насъ, моя Ромена. Не теряй надежды».

«Это мы примемъ къ свѣдѣнію; они насъ здѣсь не застанутъ».

Обѣдъ прошелъ спокойно. Донъ Руфъ приготовилъ было рѣзкіе выговоры Роменѣ, но не сказалъ ни слова изъ опасенія, что она заплачетъ. Онъ ограничился нѣкоторыми намеками и вопросами.

— Скажи, пожалуйста, Ромена, не замѣтила ты, каковъ изъ себя лодочникъ, возившій насъ въ Лазурный гротъ?

— Не особенно красивый: взглядъ какой-то плутовской, носъ картошкой, беззубый ротъ, сѣдая борода колючками...

— Ты, кажется, внимательно его разсматривала!...

— О, все это съ перваго взгляда бросается въ глаза...

— А почему ты знаешь, что у него борода колючая?

— Да вѣдь это видно.

— Ужь не цѣловалась ли ты съ нимъ?

— Ну, ужь лучше цѣловаться со щеткою.

«Ловко она притворяется»—подумалъ донъ Руфъ.

Въ сущности же онъ не считалъ ее способною сдѣлать большой проступокъ. Будь это посторонняя дѣвушка,—о, тогда другое

дѣло,—донъ Руфъ заговорилъ бы иначе. Къ тому же романтическое письмо бывшаго погонщика показалось ему слишкомъ глупымъ и тѣмъ успокоило относительно капитальныхъ пунктовъ. Вставая изъ-за стола, донъ Руфъ хотѣлъ произвести эффектъ.

— Ты можешь не ходить сегодня за письмами. Я былъ на почтѣ и взялъ ихъ. Вотъ они.

Онъ подалъ дочери записку матушки-Розаліи и посланіе миссъ Бессъ... Никакого эффекта не вышло. Ромена не только не смутилась, а, напротивъ, была въ восторгѣ отъ того, что отецъ узналъ о ея перепискѣ и не разсердился,—ей очень непріятно было переписываться потихоньку. Она бросилась къ нему на шею, повторяя:

— Какой вы добрый, какой милый!...

Потомъ побѣжала въ свою комнату и по десяти разъ перечитывала письма. Полученное отъ миссъ Бессъ показалось ей слишкомъ короткимъ; выговоръ матушки опечалилъ ее, и она дала себѣ слово быть покорной и послушной дѣвочкой. Потомъ она задумалась о Лазурномъ гротѣ.

«Что же мы дурного сдѣлали?»—спрашивала она себя.

Въ тотъ же вечеръ Донъ Руфъ сказалъ ей повелительнымъ тономъ:

— Укладывайся,—завтра мы ѣдемъ въ Неаполь.

— А какъ же матушка?... Она пишетъ, что на дняхъ будетъ у насъ.

— Мы застанемъ ее до отъѣзда, и ты можешь написать ей сейчасъ же, чтобъ она не безпокоилась ѣхать сюда.

Ромена была рада вернуться въ Неаполь, гдѣ она будетъ ближе къ Франчискьелю; кромѣ того, она свято исполняла приказаніе матушки о повиновеніи. Покорность дочери удивила дона Руфа и онъ сталъ напѣвать изъ Риголетто:

La donna è mabile
Qual piuma al vento...

Онъ пошелъ укладывать свои вещи и заперся на ключъ.

Для чего нужна была такая предосторожность?—Для того, чтобы дочь не увидала какъ-нибудь его книгъ въ желтыхъ оберткахъ, съ которыми онъ не разставался и которыя читалъ, ложась отдыхать днемъ и на сонъ грядущій послѣ ужина. Донъ Руфъ не находилъ ровно ничего дурного въ этихъ двадцати двухъ томахъ in 18°, такъ какъ дурна лишь ложь, а въ этихъ произведеніяхъ вдохновеннаго ученаго и прозорливца была только правда,—вся

правда, самая настоящая. Донъ Руфъ находилъ, что молоденькія дѣвушки должны знать все, даже то, чего не знаютъ честныя женщины, доживя до сѣдыхъ волосъ. Ну, а отъ Ромены-то онъ все-таки считалъ болѣе удобнымъ прятать свою излюбленную беллетристику и запираться на ключъ, когда брался за это полезное чтеніе. Разъ онъ забылъ припереть дверь и такъ увлекся однимъ прелестнымъ мѣстомъ (это былъ разсказъ о томъ, какъ двое молодыхъ людей спаиваютъ своего дядю, чтобы стащить у него двадцать франковъ), что не слыхалъ, какъ вошла Ромена.

— Папа, вы, кажется, читаете очень интересную книгу.

Донъ Руфъ привскочилъ, быстро сунулъ книжку подъ одѣяло и чуть не крикнулъ на дочь:

— Ты зачѣмъ? Что нужно? Я ничего не читаю... Уйди, уйди сію минуту...

Вотъ почему донъ Руфъ тщательно заперъ дверь, принимаясь за укладку своихъ двадцати двухъ томовъ. Услыхавши возню и нетерпѣливые возгласы отца, Ромена постучалась и спросила:

— Не хотите ли, я помогу? Я живо все уложу вамъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ и... нѣтъ!—кричалъ донъ Руфъ неистовымъ голосомъ.

На слѣдующій день довольно позднимъ утромъ донъ Руфъ, Ромена и Роза сошли на пристань, куда ихъ багажъ былъ доставленъ раньше. Оставался узелъ съ двадцатью двумя книгами, съ которыми натуралистъ не рѣшился разстаться и несъ собственноручно, несмотря на ихъ изрядную тяжесть.

— Папа, дайте я понесу. Вы устали,—сказала Ромена.

— Ни за что въ мірѣ!—вскричалъ донъ Руфъ, быстро удаляясь отъ дочери и перехватывая связку въ другую руку съ такимъ видомъ, будто въ ней лежали разрывные снаряды.

Тѣмъ временемъ Франчискьель былъ въ немаломъ затрудненіи. Докторъ и аббатъ обѣщали пріѣхать въ это утро на яхту и слѣдовательно должны были непремѣнно столкнуться. Франчискьель дождался священника и бургиньонку на берегу и перевезъ ихъ ранѣе прибытія доктора; надо было, по возможности, отдалить непріятную встрѣчу. Къ счастію, въ салонѣ яхты была богатая коллекція иллюстрированныхъ изданій. Близорукіе люди, за невозможностью любоваться природою, ни даже произведеніями искусства на извѣстномъ разстояніи, очень любятъ гравюры и фотографіи. Аббатъ почти легъ на столъ и водилъ но-

сомъ по огромнымъ in folio. Оставалось занять еще мать-Розалію, такъ какъ докторъ способенъ былъ отказаться отъ поѣздки, увидавши на бортѣ монахиню. Дѣло обошлось безъ хлопотъ,—бургиньонка скоро сама нашла себѣ дѣло. Она начала съ того, что осмотрѣла яхту и очень одобрила англійскую опрятность,—достоинство, которымъ не могутъ похвалиться неаполитанскія суда. Когда пріѣхалъ докторъ, она была въ кухнѣ и обстоятельно расспрашивала повара-француза; потомъ прошла въ каюту Франчискьеля, настоящее чудо столярнаго искусства, съ лакированными раздвижными перегородками.

— Все это очень хорошо,—сказала мать-Розалія,—а теперь скажи-ка мнѣ, не оборваны ли пуговицы у твоихъ рубашекъ?

— Не знаю.

— Давай ихъ сюда, я пересмотрю.

Бургиньонка осмотрѣла бѣлье, сѣла у окна, вынула изъ кармана маленькій несессеръ и принялась пришивать пуговицы. Яхта, шедшая по вѣтру, слегка покачивалась; но монахиня не обращала на это вниманія. Въ окно виднѣлось голубое море, небольшія волны съ вспѣнивающимися гребнями, слышался ихъ веселый плескъ, и добрая матушка усердно работала, очень довольная, что нашла себѣ дѣло. Надъ нею, на палубѣ, раздавались шаги, говоръ и смѣхъ. Это докторъ Шарфъ ходилъ и разговаривалъ съ англичаниномъ.

Донъ Руфъ, Ромена и Роза пришли на пристань. Рѣшено было не дожидаться парохода и ѣхать въ лодкѣ знакомаго капитана въ фуражкѣ съ галунами.

— Патронъ,—счелъ онъ своимъ долгомъ предупредить дона Руфа,—вѣтерокъ свѣжѣетъ и разводитъ волну.

— А что?... Развѣ опасно?

— Со мною никогда не опасно, только попляшемъ немножко.

— Ну, что же, попляшемъ. Ты что скажешь, Ромена?—обратился онъ къ дочери.

— Очень рада.

— Батюшки вы мои!—вскричала Роза, смертельно боявшаяся моря.—Что же это вы дѣлаете? Вернитесь домой... Бога въ васъ, что ли, нѣтъ... въ этакую погоду лѣзть въ воду?

Волненіе замѣтно росло, но донъ Руфъ спѣшилъ уѣхать; далеко въ морѣ, въ сторонѣ Неаполя, онъ запримѣтилъ подозрительный пароходъ; на немъ могли пріѣхать и застать ихъ мать-Розалія, докторъ и аббатъ. Къ тому же его измучила связка книгъ,

которую онъ принесъ съ такими мученіями; каково же было бы тащить ее обратно, въ гору?

— Трусиха,—сказалъ донъ Руфъ,—тонутъ только въ романахъ Купера.

Они вошли въ лодку. Все шло благополучно, пока плыли на веслахъ; но какъ только подняли парусъ, лодка весело запрыгала по волнамъ. Ромена смѣялась, Роза призывала на помощь всѣхъ святыхъ, донъ Руфъ крѣпко прижималъ къ груди узелъ съ книгами и глоталъ что-то горьковатое, подступавшее ему къ горлу. Вѣтеръ все крѣпчалъ, все сильнѣе и сильнѣе подпрыгивала лодка, то ныряя между двумя волнами, то выскакивая на ихъ гребни. Роза кричала раздирающимъ голосомъ, Ромена покачивалась, убаюкиваемая мечтами, у дона Руфа въ глазахъ позеленѣло, онъ судорожно схватился за желудокъ... Узелъ съ книгами весьма пострадалъ...

— Назадъ... на Капри!—едва слышнымъ голосомъ проговорилъ измученный натуралистъ.

— Перемѣни галсъ!—скомандовалъ капитанъ.

Одинъ изъ матросовъ побѣжалъ отвязать шкотъ, на бѣду затянувшійся за кнехтъ, въ то время, какъ рулевой уже исполнилъ команду. Парусъ лихорадочно заполоскался, потомъ вздулся и склонился на ту сторону, на которой сидѣлъ донъ Руфъ. Лодка качнулась разъ, другой и легла на бокъ; всѣ попадали въ море.

XXI.

Конецъ двадцати двухъ томовъ.

Яхта неслась на всѣхъ парахъ къ лодкѣ. Франчискьель издали узналъ Ромену, увидалъ неловкій маневръ и, предчувствуя бѣду, бросился въ море. Черезъ нѣсколько секундъ онъ уже держалъ въ объятіяхъ молодую дѣвушку. Съ яхты спѣшно спускали шлюпку. Полумертвую отъ страха Розу спасъ одинъ изъ гребцовъ. Донъ Руфъ барахтался подъ парусомъ, по счастью не успѣвшимъ намокнуть и вздувшимся надъ нимъ пузыремъ. Но терять нельзя было ни минуты. Ромена была уже въ шлюпкѣ; Франчискьель въ нѣсколько взмаховъ достигъ паруса и разрѣзалъ его ножомъ. Донъ Руфъ терялъ сознаніе и уже выпустилъ изъ рукъ не только рею, за которую было ухватился, но и драгоцѣнный узелъ, медленно пошедшій ко дну. Мелкая ры-

бешка жадно накинулась на произведенія французской литературы и почувствовала себя очень скверно,—типографская краска заключаетъ въ себѣ ядъ, гибельный для мелкой твари.

Ромену перенесли въ каюту Франчискьеля; бургиньонка живо ее раздѣла, завернула въ одѣяло, уложила на кушетку и затопила каминъ, передъ которымъ развѣсила сушить мокрое платье.

— Гдѣ я?—спросила Ромена, приходя въ себя.

— Ты на постели Франчискьеля,—отвѣтила бургиньонка и расхохоталась. Она считала дурнымъ лишь то, что дурно по существу.

Ромена покраснѣла до корней волосъ. Отчего?—Не извѣстно. Невинна и наивна она была, какъ новорожденный младенецъ, и все-таки покраснѣла. Въ эту минуту снаружи кто-то повернулъ дверную ручку.

— Сюда нельзя,—сказала бургиньонка.

Франчискьель отошелъ прочь мокрый до костей и восхищенный до неземного восторга,—онъ догадался, что Ромена въ его каютѣ.

Дона Руфа съ большимъ трудомъ втащили на бортъ, раздѣли и положили на диванъ англичанина. Услыхавши суету, произведенную крушеніемъ лодки, аббатъ оторвался отъ книгъ и принялъ самое дѣятельное участіе въ общихъ хлопотахъ. Докторъ былъ слишкомъ занятъ для того, чтобъ обращать на него вниманіе.

— Живо, друзья!—командовалъ докторъ Шарфъ.—Мокрыхъ полотенецъ и фланели! Растирайте его съ головы до ногъ; мы его спасемъ,—сердце еще бьется. Валяй его! Сильнѣй, сильнѣй растирай! Я буду нажимать ребра... Вотъ такъ..., вотъ такъ...

— А папа?—спросила вдругъ Ромена.

— Сейчасъ пойду узнаю.

Бургиньонка вышла изъ каюты и направилась въ помѣщеніе англичанина.

— Позвольте, mademoiselle,—крикнулъ докторъ.—Сюда нельзя,—здѣсь мужчина... совсѣмъ раздѣтый...

— Мнѣ что за дѣло.

— А въ такомъ случаѣ идите, добрая душа! На васъ, кажется, только платье противное, а сами-то вы человѣкъ хорошій. Растирайте всѣ... Кожа краснѣетъ, согрѣвается... Побѣда! Онъ вздохнулъ... Сильнѣе, аббатъ! Сильнѣе, мать! Сейчасъ

откроетъ глаза... Еще, еще... Такъ, такъ, аббатъ! Растирайте.. Еще одно усиліе... Дышетъ, глаза открылъ. Молодецъ вы, матушка!... Теперь уходите. Мы его одѣнемъ.

Въ избыткѣ восторга отъ быстраго возвращенія къ жизни дона Руфа добрякъ Симплицій вздохнулъ, отирая лобъ.

— Слава Христу-Спасителю!... Ахъ, докторъ, еслибы вы не были протестантомъ...

— Съ чего же вы взяли, что я протестантъ? Никогда не думалъ быть протестантомъ. Я—атеистъ.

— Такъ что же вы давно не сказали?—воскликнулъ аббатъ, протягивая руку доктору.

Черезъ минуту онъ сообразилъ, что сморозилъ глупость; но слово — не воробей, его не поймаешь. Аббатъ крѣпко пожалъ руку доктора Шарфа. Есть полное основаніе предполагать, что съ этой минуты бывшіе враги сдѣлались искренними друзьями.

Бургиньонка вернулась къ каютѣ Франчискьеля. Дверь была заперта извнутри задвижкою.

— Нельзя, нельзя...—крикнула Ромена.

— Это я, мать-Розалія. Отопри же.

— Умоляю васъ, не входите.

— Я принесла тебѣ извѣстіе про здоровье отца.

— Скажите такъ, черезъ дверь.

— Если не отопрешь сію минуту, ничего не скажу.

Ромена робко отперла дверь, потомъ отбѣжала въ уголъ и присѣла спиною къ двери, скрестивши руки на груди, въ позѣ нимфы, застигнутой въ купальнѣ. По уходѣ матери-Розаліи, она встала и, Богъ знаетъ вслѣдствіе какой фантазіи, одѣлась въ платье Франчискьеля. Панталоны, немного подогнутыя внизу, были почти въ-пору, рубашка оказалась длинна и имѣла видъ пальто; но широкополая соломенная шляпа восхитительно шла къ распущеннымъ чернымъ волосамъ. Бургиньонка хотѣла было разсердиться и не могла,—такъ мила была Ромена. Она крѣпко ее поцѣловала со словами:

— Какъ это глупо!

Что касается Розы, о которой всѣ забыли, то она побѣдила сердце одного пожилого кочегара-англичанина, не понимавшаго ни слова по-итальянски. Старый морякъ снесъ ее внизъ къ машинѣ, гдѣ она высушилась въ одну минуту, высохши, почувствовала страшную жажду, попросила стаканъ воды и выпила его залпомъ. Вмѣсто воды кочегаръ подалъ ей стаканъ джина. Ро-

за не умерла отъ услужливости своего обожателя, а только уснула такъ крѣпко, что опомнилась лишь къ вечеру.

Донъ Руфъ хотя оправился, но былъ въ самомъ дурномъ расположеніи духа. Во-первыхъ, у него болѣла голова и его все еще тошнило, что, какъ извѣстно, никогда не располагаетъ къ веселости; во-вторыхъ, онъ лишился всего багажа и, главное, своихъ книгъ, стоившихъ 77 франковъ. Потеря не разорительная, но донъ Руфъ хорошо зналъ счетъ деньгамъ и не любилъ терять ихъ понапрасну. Въ особенности же его выводило изъ себя присутствіе монахини, доктора и аббата на яхтѣ, куда онъ самъ попалъ совсѣмъ вопреки желанія. Въ этой случайности онъ усматривалъ всѣ признаки заговора противъ него, въ которомъ участвовали и капитанъ лодки, и его гребцы. Вдругъ онъ сообразилъ, что Франчискьель долженъ быть тутъ же съ Роменою, тотчасъ потребовалъ дочь къ себѣ и до вечера заперся съ нею вдвоемъ.

Наконецъ, яхта стала на якорь, въ рейдѣ, и въ каюту вошли докторъ, аббатъ, бургиньонка и Франчискьель.

— Мы пріѣхали...

— Насилу-то...—сказалъ донъ Руфъ.—Надѣюсь, сейчасъ съѣдимъ на берегъ?

— Нѣтъ, мой милѣйшій, мы ужинаемъ на яхтѣ. Изъ-за васъ намъ пришлось сдѣлать порядочный обходъ. Теперь мы умираемъ съ голоду...

— Я не голоденъ,

— Въ такомъ случаѣ посмотрите, какъ мы будемъ ѣсть.

— Я хочу сію минуту съѣхать на берегъ.

— Какъ хотите. Только прежде, чѣмъ уѣзжать, не лишнее было бы поблагодарить Франчискьеля, спасшаго вамъ жизнь.

— Нѣсколько дней тому назадъ я помѣшалъ ему броситься съ балкона въ обрывъ... Мы—квитъ.

— Выйдите отсюда всѣ! — крикнулъ докторъ, выведенный изъ себя этою выходкой.

Всѣ вышли; донъ Руфъ растерялся и хотѣлъ послѣдовать за другими.

— Нѣтъ, вы-то останьтесь!—скомандовалъ докторъ.—Ромена вамъ не дочь, — понимаете? Вы ее даже не признали и не узаконили. По закону вы не имѣете на нее никакого права. А потому мы ее оставляемъ здѣсь; можете отправляться одни, ес-

ли угодно, а за нею попробуйте явиться съ жандармами. Тогда васъ попросятъ показать ваши документы. Гдѣ они у васъ?

Выйдя изъ каюты, Ромена приблизилась украдкою къ своему возлюбленному и нѣжно сказала:

— Благодарю тебя, Франчискьель.

Черезъ минуту докторъ вывелъ дона Руфа.

— Я его уговорилъ,—мы ужинаемъ вмѣстѣ. Онъ—милѣйшій и любезнѣйшій изъ людей.

— За столъ, господа, за столъ!—пригласилъ англичанинъ и усадилъ рядомъ съ собою съ одной стороны мать - Розалію, съ другой—Ромену.

Франчискьель поспѣшилъ сѣсть около Ромены. Донъ Руфъ очутился на другомъ концѣ стола между докторомъ и аббатомъ. Ужинали на палубѣ; поваръ-французъ былъ настоящій артистъ, а вино не итальянскаго издѣлія...

— Да здравствуетъ Франція!—сказалъ докторъ.

Бургиньонка подняла стаканъ, въ которомъ рубиномъ сверкало настоящее кло-вужо. Какъ донъ Руфъ ни хмурился, а и ему пришлось сознаться, что романтикъ лордъ Байронъ былъ правъ, сказавши:

The best of remedies is a beef—steak
Against sea—sickness...

Послѣ двухъ или трехъ стакановъ шато-икема онъ даже нагнулся къ уху добряка Симплиція и посвятилъ его въ нѣкоторыя особенности нравовъ улицы Шуазёль. Аббатъ не нашелъ въ этомъ ничего остроумнаго; но вечеръ былъ такъ восхитителенъ! Полная луна поднялась во всей красѣ и засыпала море серебромъ и брилліантами; городскіе огни меркли въ ея сіяніи; свѣжій береговой вѣтерокъ доносилъ звуки музыки, пѣнья, ароматъ цвѣтущихъ акацій и лимонныхъ деревьевъ... Вино искрилось и пѣнилось въ бокалахъ... Искрились и глаза влюбленныхъ. Ахъ, какъ они любили другъ друга! Только донъ Руфъ оставался непреклоннымъ. Всѣмъ логическимъ доводамъ доктора, всѣмъ убѣжденіямъ аббата онъ противупоставлялъ пассивное и инертное сопротивленіе. Когда на помощь къ нимъ подошла мать-Розалія и, указывая глазами на юную парочку, тихо сказала:

— Жените ихъ...

Онъ всталъ, давая знать, что пора ѣхать, и коротко отвѣтилъ:

— Нельзя!

Это происходило 1 іюня 1882 года, въ день Святого Никодима. Съ тѣхъ поръ болѣе двухъ недѣль не было никакихъ извѣстій изъ Неаполя. За справками обратились къ доктору Шарфу, который, несмотря на массу дѣла, на все находитъ время. Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ его писемъ:

«21 іюня. — Донъ Руфъ и его дочь исчезли неизвѣстно куда. На другой день, послѣ ихъ невольнаго купанья въ морѣ, я отправился къ нимъ,—домъ запертъ, никого нѣтъ. Я говорилъ съ аббатомъ, но и онъ ничего не знаетъ, становится въ тупикъ,—на что, впрочемъ, не особенно многое и требуется. Я было хотѣлъ обратиться къ квестору и къ содѣйствію правительственнаго телеграфа, но потомъ раздумалъ, побоявшись огласки. Бѣдняга Франчискьель въ отчаяніи. Этими днями были порядочныя бури, и онъ кидается въ море, какъ сумашедшій,—уже вытащилъ изъ воды съ дюжину рыбаковъ и, кромѣ того, одну знатную даму съ любовникомъ,—они хотѣли вмѣстѣ утопиться. Мужъ этой барыни бѣснуется со злости. Но событіе надѣлало шуму и на Франчискьеля смотрятъ какъ на героя. Его представили къ ордену Итальянской Короны въ петличку; онъ предпочелъ бы Ромену на шею. Я весьма опасаюсь, что съ своимъ спасаніемъ утопающихъ онъ когда-нибудь нырнетъ и не вынырнетъ...»

«30 іюня. — Франчискьель сталъ, повидимому, спокойнѣе. Онъ получилъ отъ министра любезное письмо, въ которомъ сообщается, что онъ можетъ получить орденъ Итальянской Короны, если желаетъ. Онъ пришелъ ко мнѣ за совѣтомъ, что ему дѣлать. Я спросилъ, очень ли ему хочется быть «кавалеромъ». Онъ отвѣтилъ (какъ я того и ожидалъ), что ему ничего, кромѣ Ромены, не нужно. Тогда нашъ аббатъ,—святой человѣкъ, но святой неаполитанскій, т. е. себѣ на умѣ! — смѣясь, объявилъ, что знаетъ, какъ отвѣтить, взялъ листъ бумаги, уткнулся въ него носомъ и черезъ четверть часа прочелъ намъ приблизительно слѣдующее:

«Ваше превосходительство! Вы очень милостивы, но я еще молодъ и могу подождать столь высокой награды, тогда какъ мой тесть, господинъ Руфъ Скапонъ, человѣкъ уже пожилой (*attempato*), подвергавшійся гоненію и заключенію въ тюрьмѣ при Бурбонахъ, давно, въ тиши кабинета, работаетъ надъ капитальнымъ научнымъ трудомъ объ атавизмѣ. Много лѣтъ уже этотъ достойный человѣкъ посвятилъ изученію естественной и соціальной исторіи, и правительство имѣло бы полное основаніе

вознаградить его за перенесенныя имъ гоненія и поощрить его рѣдкія достоинства и полезный трудъ. Принимаю смѣлость ходатайствовать передъ вашимъ превосходительствомъ о томъ, чтобы милость, которой вамъ угодно почтить меня, была оказана моему тестю. Въ случаѣ исполненія этой просьбы, я сочту себя награжденнымъ выше моихъ заслугъ...»

«Далѣе слѣдовали обычныя фразы и выраженія преданности королю, королевѣ, наслѣдному принцу и всей королевской фамиліи. Вы знаете, какъ я подъ-часъ умѣю смѣяться; но, какъ я смѣялся на этотъ разъ, вы едва ли можете себѣ представить. Аббатъ рѣшительно молодчина...»

«7 іюля.—Франчискьель получилъ великолѣпную депешу отъ министра. Король, королева, наслѣдный принцъ и вся королевская фамилія выразили глубокое сочувствіе не только героизму, но и прекраснымъ душевнымъ качествамъ, выказаннымъ молодымъ человѣкомъ. Вслѣдствіе этого, третьяго дня подписанъ приказъ о пожалованіи ордена Франческо Бальди и его *illustrissime* тестю, синьору Руфу Скапону. Въ видѣ же особой милости сообщить ему о состоявшемся пожалованіи поручается самому Франчискьелю. Все это прекрасно, но мы до сихъ поръ еще не знаемъ, гдѣ искать *illustrissime* дона Руфа».

«20 іюля.—Наконецъ, мы напали на слѣдъ. Вчера вечеромъ я видѣлъ у книгопродавца Деткена, какъ запаковывали двадцать два тома in 18°, всѣ одного автора. Я предположилъ, что это для дона Руфа.

— Кому вы адресуете эту посылку? — спросилъ я книгопродавца.

— Одному иностранцу, живущему въ С..., въ округѣ Солерна.

— А какъ фамилія этого иностранца?

— Г. де-Сенъ-Меданъ.

Не знаю самъ почему, мнѣ показалось подозрительнымъ это имя. Къ счастью, я знаю въ С... одного швейцарца фабриканта, очень милаго человѣка. Завтра воскресенье, я поѣду къ нему съ Франчискьелемъ».

«21 іюля.—Я только-что вернулся изъ С... На мой вопросъ фабриканту, знаетъ ли онъ г. де-Сенъ-Медана, отвѣтъ былъ такой:

— Отлично знаю. Онъ—необыкновенный чудакъ. Разъ онъ явился ко мнѣ и спросилъ, нѣтъ ли у меня холостыхъ сыно-

вей. Я сказалъ, что нѣтъ, и онъ, повидимому, остался очень доволенъ. Тогда онъ попросилъ позволенія приходить иногда съ дочерью гулять въ моемъ саду. Дочка у него премиленькая и прежалкая; отецъ не позволяетъ ей взглянуть ни на одного мужчину, будь то погонщикъ ословъ или носильщикъ, самъ ни на минуту не выпускаетъ ее изъ вида, не позволяетъ ей ни читать, ни писать. Въ моемъ саду ему болѣе всего понравились высокія стѣны, которыми онъ обнесенъ еще въ старые годы изъ опасенія разбойниковъ. Бѣдная дѣвушка только здѣсь и бываетъ и не знаетъ другого развлеченія, какъ сидѣть тамъ на лавочкѣ и смотрѣть на ручей. Тѣмъ временемъ отецъ прогуливается со мной и страшно надоѣдаетъ разсказами самыхъ неинтересныхъ сальностей.

По этому портрету я узналъ дона Руфа. У воротъ сада раздались три удара въ колоколъ.

— Это онъ пришелъ,—сказалъ хозяинъ.—Онъ всегда такъ даетъ знать о своемъ приходѣ. — Если въ саду есть чужіе, то садовникъ не отпираетъ.

— Прикажите все-таки впустить его и оставьте насъ однихъ на минуту. А ты, Франчискьель, спрячься въ теплицу.

Самъ я зашелъ за кусты у ручья, гдѣ была скамейка. Ромена прошла прямо къ ней и вздрогнула, увидавши меня.

— Онъ въ теплицѣ, — шепнулъ я ей. — Не теряйте бодрости,—все устроится.

Потомъ обошелъ по травѣ, чтобы донъ Руфъ не услыхалъ моихъ шаговъ, и, подкравшись сзади, ударилъ его по плечу.

— А, здравствуйте, г. де-Сенъ-Меданъ!

Онъ весь затрясся и забормоталъ что-то совсѣмъ безсвязное.

— Успокойтесь, мой милѣйшій, — сказалъ я. — Никто вамъ никакого зла не сдѣлаетъ. Напротивъ, я пріѣхалъ сообщить вамъ пріятную новость. Вамъ пожалованъ орденъ Итальянской Короны.

— Я не люблю насмѣшекъ.

— Я и не думаю смѣяться,—даю въ томъ честное слово.

Я сдѣлалъ такое серьезное лицо, что онъ повѣрилъ.

— А кому я этимъ обязанъ?... Вамъ, конечно?

— Нѣтъ, Франчискьелю.

Я передалъ ему всю исторію и показалъ письмо министра.

— Такъ стало-быть я получаю орденъ лишь какъ тесть этого молодца?—спросилъ онъ.

— Да, какъ тесть кавалера Бальди.

— А если я напишу, что онъ мнѣ совсѣмъ не зять, а я ему не тесть?...

— Кавалеръ Бальди въ большой милости при дворѣ, и ваше письмо можетъ имѣть самыя дурныя послѣдствія.

— Что же мнѣ дѣлать?... Ромена!

— Она въ теплицѣ съ Франчискьелемъ.

— Ну... и пусть ихъ!... Пойдемте играть въ кегли.

Мы стали играть втроемъ съ подошедшимъ къ намъ хозяиномъ, не знающимъ, почему г. де-Сенъ-Меданъ зовутъ дономъ Руфомъ. Нашъ натуралистъ держалъ себя очень любезно, даже прилично, и выигралъ сряду пять партій. Вечеромъ самъ проводилъ насъ до станціи, пожалъ руку Франчискьелю и добродушно сказалъ:

— До свиданія, кавалеръ Бальди!

Въ сущности, онъ кажется очень доволенъ и счастливъ, хотя это счастье и омрачено нѣсколько тѣмъ, что до сихъ поръ не дошла до него посылка книгопродавца Деткена. По всей вѣроятности, она затерялась на почтѣ. Въ какія-то руки попали эти двадцать два тома in 18° въ желтыхъ оберткахъ? Очень можетъ быть, что мы когда-нибудь объ этомъ разскажемъ нашимъ читателямъ.

Р.

А. Н. Сѣровъ.

(Біографическій очеркъ.)

„Муза инкогнито бродитъ по земному шару и избираетъ себѣ любимцевъ въ тѣхъ рѣдкихъ существахъ, которыя въ изящномъ видятъ абсолютную цѣль человѣческаго бытія“.

(„Письма Сѣрова“. 1842 года.)

Кому неизвѣстенъ авторъ «Юдиѳи», «Рогнѣды» и «Вражьей силы»? А между тѣмъ много ли найдется такихъ, которые если не подробно знакомы съ біографіей этого замѣчательнаго таланта, то по крайней мѣрѣ знаютъ ее въ общихъ чертахъ? И не удивительно: до сихъ поръ у насъ не появилось ни одной обстоятельной біографіи Александра Николаевича Сѣрова. Правда, послѣ его смерти появлялись въ газетахъ разныя свѣдѣнія о его жизни; но, во-первыхъ, эти свѣдѣнія крайне неполны, отрывочны и составлены на скорую руку; во-вторыхъ, не вся читающая публика имѣетъ возможность прослѣдить *всѣ* органы, въ которыхъ были напечатаны эти краткія свѣдѣнія; въ-третьихъ, большею частью свѣдѣнія эти крайне невѣрны, — можно смѣло сказать, что многіе факты составляютъ плодъ досужей фантазіи; наконецъ, въ-четвертыхъ, за двѣнадцать слишкомъ лѣтъ времени, которое прошло съ момента его смерти, многое уже успѣло улетучиться изъ памяти. Въ видахъ этого, смѣемъ надѣяться, что нашъ очеркъ, какъ первый опытъ болѣе или менѣе полной біографіи, не будетъ лишенъ нѣкотораго интереса для читающей публики, желающей познакомиться съ жизнью и дѣятельностью нашего знаменитаго композитора.

Мѣсто, занимаемое А. Н. Сѣровымъ въ нашей музыкальной литературѣ, по мнѣнію всѣхъ критиковъ и цѣнителей отечествен-

наго искусства, кромѣ одного (но вѣдь извѣстно, что «одинъ въ полѣ не воинъ»),—безспорно первое послѣ Глинки и Даргомыжскаго. Но Александръ Николаевичъ, кромѣ того, что былъ первокласснымъ композиторомъ, былъ еще замѣчательнымъ музыкальнымъ критикомъ, и въ этомъ отношеніи, даже по мнѣнію того «одного», онъ не имѣетъ себѣ равныхъ и до сихъ поръ въ нашей музыкально-критической литературѣ. Чтò еще болѣе достойно удивленія въ дѣятельности Сѣрова, какъ композитора и критика, это то, что ни по той, ни по другой дѣятельности онъ никогда не имѣлъ ни учителей, ни руководителей, а до всего дошелъ своими собственными трудами, перерабатывая въ горнилѣ своего разума всѣ почерпнутыя свѣдѣнія изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ человѣческаго знанія. Жизнь его служитъ нагляднымъ доказательствомъ извѣстной поговорки: «терпѣніе и трудъ все перетрутъ». И дѣйствительно, онъ многаго желалъ, много трудился и многаго достигъ.

Но прежде, чѣмъ начнемъ изложеніе фактовъ, позволимъ себѣ оговориться, что статью эту мы составили, главнымъ образомъ, на основаніи писемъ самого Сѣрова къ В. В. и Д. В. Стасовымъ, г-жѣ Анастасьевой и другимъ,—писемъ, сообщенныхъ В. В. Стасовымъ и помѣщенныхъ въ *Русской Старинѣ* за 1875—78 гг. въ тт. XIII—XXII, кромѣ, разумѣется, разныхъ газетныхъ свѣдѣній и рецензій о его дѣятельности. Также позволимъ себѣ выразить нашу глубокую признательность и благодарность сестрѣ композитора, Олимпіадѣ Николаевнѣ Баниге, за сообщенныя ею воспоминанія и свѣдѣнія о покойномъ братѣ и за поправку неточностей, вкравшихся въ разныя «біографіи Сѣрова»; особенно много погрѣшностей было въ краткой «біографіи», помѣщенной въ *Нивѣ* за 1878 г., № 29.

Имя А. Н. Сѣрова извѣстно въ качествѣ музыкальнаго критика, еще болѣе—въ качествѣ композитора и автора трехъ названныхъ оперъ; но оно, какъ намъ кажется, мало извѣстно какъ имя «человѣка»,—человѣка, выходящаго изъ ряда вонъ по своимъ взглядамъ и убѣжденіямъ,—человѣка, если можно такъ выразиться, влюбленнаго въ идею, пожертвовавшаго своею жизнью ради достиженія разъ поставленной себѣ задачи и цѣли,—словомъ, человѣка-мыслителя. Вотъ почему смѣемъ думать, что предлагаемый нами біографическій очеркъ, направленный, главнымъ образомъ, на обзоръ жизни и дѣятельности Сѣрова съ точки зрѣнія его «человѣческо-артистической» стороны, при всѣхъ своихъ

несомнѣнныхъ недостаткахъ, какъ «біографія» такого извѣстнаго дѣятеля, не покажется безъинтересныыъ нашимъ читателямъ.

Вся жизнь Александра Николаевича продолжалась 51 годъ. Если отбросить первыя тридцать лѣтъ, которыя онъ употребилъ на образованіе и приготовленіе себя къ общественной дѣятельности, то въ суммѣ останется двадцать одинъ годъ работы, какъ критической (10 лѣтъ), такъ и композиторской (11 лѣтъ). Конечно, такое дѣленіе будетъ только приблизительное, потому что рядомъ съ критическою дѣятельностью у него идетъ и композиторская. Сообразно этому, мы и раздѣлимъ всю его дѣятельность на три періода: 1) отъ 1820 до 1850 г.—періодъ образованія и приготовленія, 2) отъ 1850 до 1860 г. — періодъ литературно-критической дѣятельности и 3) отъ 1860 до 1871 г.—періодъ композиторскій и творческій.

I.

(1820—1850 г.).

Александръ Николаевичъ Сѣровъ родился въ Петербургѣ, на Лиговкѣ, въ домѣ своего дѣда по матери, 11 января 1820 года. Отецъ его, Николай Ивановичъ, родомъ изъ Москвы, былъ человѣкъ замѣчательныхъ способностей, тонкаго сатирическаго ума, серьезнаго образованія (оставилъ послѣ себя громадную библіотеку) и большихъ практическихъ знаній,—успѣвшій достичь замѣтнаго положенія въ обществѣ и высокихъ чиновъ по службѣ. Такъ, онъ занималъ значительную должность въ министерствѣ финансовъ при графѣ Канкринѣ. Будучи человѣкомъ прямаго, но крайне крутого характера, онъ не могъ и не хотѣлъ никому подчиняться. Это послужило одной изъ причинъ, почему Николай Ивановичъ оставилъ службу; другая причина заключалась въ томъ, что онъ былъ подверженъ хронической болѣзни сердца. Благодаря этимъ обстоятельствамъ, Николай Ивановичъ, вышедши въ отставку, сталъ заниматься адвокатурой.

Мать композитора, Анна Карловна, урожденная Габлицъ, была очень добрая и умная женщина. Всѣ, помнящіе ее, отзываются о ней какъ о женщинѣ съ большимъ тактомъ и съ горячимъ сердцемъ. Любимыми ея дѣтьми были: первенецъ Александръ, Софья, отличавшаяся большими умственными способностями, и самый младшій сынъ, Сергѣй; кромѣ этихъ дѣтей, у Сѣровыхъ еще было трое: Юрій, Елизавета и Олимпіада. Ни отецъ, ни

мать Александра Николаевича не только не были артистами, но даже не чувствовали особеннаго расположенія къ музыкѣ.

Александръ Николаевичъ Сѣровъ чрезвычайно рано сталъ обнаруживать блестящія способности. Такъ, на четвертомъ году жизни онъ уже свободно читалъ книги. Артистическая его натура стала уже сказываться въ этомъ слишкомъ раннемъ возрастѣ: онъ до страсти любилъ драматическія представленія, чему особенно способствовало то обстоятельство, что его весьма рано стали брать въ театръ. Объ этомъ фактѣ Сѣровъ говоритъ между прочимъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ о М. И. Глинкѣ», гдѣ онъ разсказываетъ о первомъ впечатлѣніи, произведенномъ на него оперой «Жизнь за Царя»: «... Въ театръ,—пишетъ онъ,—меня стали брать съ моего трехлѣтняго возраста и весьма часто» (*Искусства* 1860 г., сентябрь, № 1). Учился онъ вообще всему весьма бойко и быстро. Пяти-шести лѣтъ Сѣровъ, пристрастившись къ естественной исторіи, прочелъ всего Бюффона. На седьмомъ году жизни онъ поступилъ въ пансіонъ г-жи Командеръ, гдѣ и пробылъ три года. Кромѣ чтенія книгъ, не только русскихъ, но и нѣмецкихъ и французскихъ, Сѣровъ въ это время особенно пріохотился къ рисованію; цѣлые дни, разсказываютъ, проводилъ онъ, рисуя звѣрей, птицъ, комнаты, садики и вообще окружавшіе его предметы. Судя по страсти, съ какой онъ предавался рисованію, всѣ предсказывали въ немъ будущаго знаменитаго живописца. Удивительно, что Сѣровъ, по словамъ супруги его, Валентины Семеновны, съ самаго ранняго дѣтства питалъ отвращеніе къ математическимъ наукамъ. Хотя родители Сѣрова обратили вниманіе и на музыкальное его образованіе, но будущій композиторъ такъ мало выказывалъ любви къ музыкѣ, что ничто не могло предвѣщать въ немъ знаменитости именно на этомъ поприщѣ. Онъ до того не любилъ играть, что его, по разсказамъ сестры, Олимпіады Николаевны, «силой заставляли садиться за рояль; рѣдкій урокъ музыки проходилъ безъ слезъ и причитаній». Первоначальные уроки игры на фортепіано стала ему давать извѣстная учительница музыки, Олимпіада Григорьевна Жебелева, на восьмомъ году его жизни. Благодаря замѣчательнымъ природнымъ способностямъ,—а не любви къ музыкѣ,—Сѣровъ дѣлалъ большіе успѣхи въ игрѣ, и уже на десятомъ году жизни игралъ сонаты съ аккомпаниментомъ скрипки или віолончели.

Въ 1830 году онъ поступилъ въ первую гимназію, гдѣ пробылъ до декабря 1835 года, когда онъ перешелъ въ Училище

Правовѣдѣнія и поступилъ сразу въ четвертый классъ. Только къ этому времени, или вѣрнѣе говоря—къ тринадцатилѣтнему его возрасту, въ немъ начинаетъ пробуждаться интересъ и любовь къ міру звуковъ; сильнымъ импульсомъ послужили игранныя имъ пьесы Моцарта, «Фрейшюцъ» Вебера и въ особенности «Робертъ» Мейербера, чудная музыка котораго не давала ему покоя. Съ этого времени онъ сталъ тщательно приготовлять уроки музыки и уже съ любовью относиться къ нимъ; но съ теоріей музыки никто его не знакомилъ. Слѣдуетъ замѣтить, что въ Училищѣ Правовѣдѣнія обращалось особенно серьезное вниманіе на музыку; каждый ученикъ долженъ былъ играть на какомъ-нибудь инструментѣ. Сѣровъ выбралъ, кромѣ фортепіанной игры, віолончель. Первымъ учителемъ игры на віолончели былъ нѣкій Кнехтъ, а впослѣдствіи его мѣсто заступилъ Карлъ Шубертъ, о которомъ Сѣровъ отзывался, впослѣдствіи, какъ о «высокомъ музыкантѣ» (письмо къ В. В. Стасову отъ 24 августа 1840 года). Шубертъ въ скоромъ времени пришелъ къ заключенію, что «въ отношеніи музыкальнаго смысла, выразительности и фразировки, Сѣровъ въ учителяхъ не нуждается», — столь велики были успѣхи, достигнутые юнымъ віолончелистомъ. Но чѣмъ болѣе учитель восторгался успѣхами ученика и чѣмъ большіе успѣхи ученикъ въ самомъ дѣлѣ оказывалъ въ игрѣ на віолончели, тѣмъ больше послѣдній приходилъ къ убѣжденію, что онъ «не родился быть виртуозомъ»; причина была чисто внѣшняя—физическій недостатокъ, состоявшій въ томъ, что пальцы были слишкомъ толсты и коротки.

Въ Училищѣ Правовѣдѣнія Сѣровъ пробылъ пять лѣтъ, и въ 1840 году, когда былъ первый выпускъ учениковъ, онъ окончилъ его съ медалью и вышелъ съ чиномъ IX класса. Въ этомъ же году, т. е. на двадцатомъ году его жизни, благодаря стараніямъ отца, непремѣнно желавшаго видѣть своего сына на юридическомъ поприщѣ и «карьеристомъ», что вполнѣ гармонировало съ его практическимъ взглядомъ на жизнь, Александръ Николаевичъ поступилъ на службу въ канцелярію правительствующаго сената по пятому (уголовному) департаменту и прослужилъ пять лѣтъ, до 1845 года, когда, по распоряженію министерства юстиціи, былъ перемѣщенъ въ Крымъ на должность товарища предсѣдателя симферопольской уголовной палаты. Здѣсь онъ пробылъ три года, послѣ чего вернулся въ Петербургъ въ 1848 году. Но отецъ, упорно преслѣдуя свою цѣль и не пред-

видя въ сынѣ не только будущей знаменитости на музыкальномъ поприщѣ, а просто считая занятія послѣдняго «пустымъ бездѣльемъ», выхлопоталъ Александру Николаевичу мѣсто на ту же должность, но на болѣе выгодныхъ условіяхъ, во Псковѣ. При этомъ слѣдуетъ упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ, сильно безпокоившемъ отца композитора: это, именно, сближеніе Сѣрова съ нѣкоей Анастасьевой въ Крыму, которая до того завлекла молодого артиста, что не давала ему служить. Желая отвлечь его отъ вліянія пожилой кокетки (ей уже было около сорока лѣтъ), отецъ и хлопоталъ о мѣстѣ, которое было бы подальше отъ Крыма и отъ южной поэзіи... Нужно однако замѣтить, что эта Анастасьева имѣла весьма хорошее вліяніе на Сѣрова и въ особенности на его музыкальную карьеру. Тѣмъ не менѣе, повинуясь желанію отца, Сѣровъ немедленно отправился въ Псковъ, гдѣ и пробылъ два года, т. е. до 1850 года.

Такова его частная жизнь за разсматриваемый періодъ времени.

Но хронологическій перечень фактовъ изъ тридцатилѣтней жизни Сѣрова не даетъ еще никакихъ данныхъ для выводовъ о его характерѣ и способностяхъ, о цѣли и желаніяхъ, о взглядахъ и убѣжденіяхъ, объ умѣ и сердцѣ,—словомъ, о внутренней сторонѣ его жизни. Мы до сихъ поръ только видѣли, что онъ отлично учился и служилъ. Но служба и канцелярская работа, какъ легко замѣтить и понять, не были конечною цѣлью его существованія: подъ чиновничьимъ мундиромъ жили и крѣпли иныя стремленія и иныя цѣли; тутъ ключомъ била артистическая натура; мысли, роившіяся въ его головѣ, не давали ему покоя,—онѣ жаждали простора и свѣта. Если справедливо изреченіе древнихъ: «poëtae nascuntur, non fiunt»,—то намъ кажется, что подъ общее понятіе «poëtae» можно подвести и артистовъ, и композиторовъ въ особенности: жажду творческой дѣятельности, которая кипитъ въ нихъ, и силу таланта, потокомъ стремящуюся къ внѣшнему выраженію этой дѣятельности, ни подъ какимъ покровомъ не утаишь,—раньше или позже онѣ найдутъ себѣ исходъ и форму выраженія. Проявятся ли онѣ въ образѣ статуи или картины, или же въ видѣ литературнаго произведенія и музыкальной пьесы, это — другой вопросъ; несомнѣнно только то, что не сегодня - завтра онѣ явятся въ свѣтъ и заявятъ міру о своемъ существованіи. Мало того, куда бы ни направляли эти способности, къ какой бы дѣятельности ихъ ни примѣняли, — естественный ихъ ходъ, такъ-сказать природный

даръ, всегда возьметъ верхъ надъ искуственно привитымъ направленіемъ. Въ исторіи жизни нашихъ выдающихся дѣятелей такихъ примѣровъ не мало. Припомнимъ хотя бы біографіи Ломоносова, Крылова, Шевченка, Лермонтова и другихъ, которыхъ прочили совсѣмъ не туда, гдѣ они впослѣдствіи заняли такое высокое и выдающееся положеніе.

А. Н. Сѣровъ принадлежитъ къ типу этихъ лицъ; жизнь и обстоятельства толкали его въ другую сторону, крайне противоположную той, куда стремилась его душа, его желанія и помыслы,—и нужно было не мало усилій употребить, чтобы, идя въ разрѣзъ съ требованіями обстоятельствъ, очистить дорогу для своей творческой силы и дѣятельности. Поэтому намъ кажется любопытнымъ прослѣдить, какъ постепенно развивалась въ немъ эта сила таланта, какими путями достигалась имъ цѣль, къ которой онъ стремился, и какихъ усилій, какой борьбы она ему стоила. На разные вопросы, которые могли бы быть предложены намъ по поводу Сѣрова, мы найдемъ отвѣты у самого же Сѣрова, т. е. въ его перепискѣ съ друзьями и въ особенности съ Владиміромъ Васильевичемъ Стасовымъ.

Разсматривая эту переписку, насъ поражаетъ въ Сѣровѣ одна черта, — черта, свойственная, впрочемъ, большинству великихъ талантовъ, — крайнее *недовольство собой*, являющееся, обыкновенно, прямымъ послѣдствіемъ, съ одной стороны, сомнѣнія въ своихъ силахъ, а съ другой стороны—строгаго отношенія къ себѣ, критическаго разбора своего «я», своихъ дѣйствій и мыслей, анализа своихъ способностей, стремленій, понятій и проч., — словомъ, послѣдствіемъ того состоянія, когда человѣкъ какъ бы безсознательно предлагаетъ себѣ вопросы въ духѣ философа Монтэня: «Qui suis-je? Que sais-je?» — и, не находя въ себѣ прямого отвѣта на нихъ, старается чѣмъ-нибудь удовлетворить это недовольство, пріискиваетъ средства и возможность исправить себя, загладить эти недостатки, восполнить эти пробѣлы, найти болѣе прочную опору,—старается пересоздать и перевоспитать свое «я». И это мы видимъ у Сѣрова на каждомъ шагу. Убѣдиться не трудно,—стòитъ только припомнить его письма за этотъ періодъ времени. Вотъ что мы читаемъ въ нихъ:

«Иногда мнѣ приходитъ въ голову,—пишетъ онъ къ В. В. Стасову,—съ чего ты взялъ, что я могу быть композиторомъ? Иногда какой-то внутренній голосъ преубѣдительно мнѣ нашеп-

тываетъ, что во мнѣ довольно силъ быть всѣмъ, чѣмъ я пожелаю!... Еслибы мнѣ какое-нибудь благодѣтельное существо могло однимъ разомъ рѣшить эту задачу,—о, какъ былъ бы я ему обязанъ! Иногда мнѣ опять кажется, что разрѣшить этотъ вопросъ никто въ мірѣ кромѣ меня самого не можетъ, и я изнываю въ тоскѣ» (20 ноября 1840 года).

Строго-критическій разборъ своего «я», о которомъ мы выше упомянули, рельефно выступаетъ въ письмѣ его, писанномъ за пять мѣсяцевъ до приведеннаго нами письма. Разсуждая о значеніи музыки, онъ приходитъ къ слѣдующему небезъинтересному заключенію:

«Я увѣренъ, что успѣхъ музыки никакъ не меньше подвигаетъ человѣчество, чѣмъ паровыя машины и желѣзныя дороги. Но, чтобы быть достойнымъ этой музы, надобно родиться съ музыкальнымъ призваніемъ, а если этого нѣтъ, manquez de vocation,—о, это ужасно!... *А мнѣ уже двадцать слишкомъ лѣтъ*! И еще nihil, omnino nihil!» (ничего, рѣшительно ничего) (12-го іюля 1840 года).

Или, если мы возьмемъ его письмо къ тому же г. Стасову, написанное черезъ мѣсяцъ, то и здѣсь найдемъ фразы, рисующія вполнѣ его недовольство собой, выражающія какое-то отчаяніе за себя, за свое призваніе, чувство непреодолимаго желанія и стремленія къ лучшему. Это «желаніе лучшаго» и есть слѣдствіе недовольства. Такъ, въ этомъ письмѣ мы находимъ:

«Я досадую на себя ужасно, что у меня слишкомъ мало энергіи. Была бы она,—было бы все! Я желаю только одного: произвесть много, создать что-нибудь такое, на что бы прежде всего я самъ могъ порадоваться, а тамъ — что будетъ, то будетъ. Поймутъ—хорошо, а не поймутъ—Богъ съ ними» (24 августа 1840 года).

Слова его: «на что бы я *самъ* могъ порадоваться»—ясно указываютъ, по нашему мнѣнію, на то душевное состояніе, въ которомъ находился въ то время Сѣровъ. Ему нужно самоуспокоеніе; онъ не только не ищетъ славы, но даже пренебрегаетъ мнѣніемъ тѣхъ, которые его «не поймутъ»; ему необходимо уничтожить это недовольство, это мучительное состояніе, не дающее ему покоя; средство онъ находитъ «въ желаніи» «произвесть много, создать». Но чтобы «произвесть, создать», да еще «много», нужны силы, нуженъ талантъ, а въ присутствіи ихъ въ себѣ онъ *сомнѣвается*; отсюда цѣлый рядъ новыхъ мученій: невыносимый

страхъ за будущность, незнаніе, въ чемъ найти спасеніе, неувѣренность въ возможности чего-либо достичь, — сомнѣнія въ своихъ силахъ и т. п. Позволимъ себѣ привести еще одинъ отрывокъ изъ того письма, въ которомъ это настроеніе ярко рисуется:

«Великихъ твореній я отъ себя не ожидаю, или по крайней мѣрѣ *сомнѣваюсь въ ихъ возможности для моихъ силъ*... Правда, при этомъ изученіи (онъ говоритъ о великихъ твореніяхъ) рождается un désir vague, indeterminé (темное, неопредѣленное желаніе) производить самому, но это какіе-то образы безъ лицъ, что-то мучительное! Мучительное и потому, что я не хочу, да и не могу уже быть превосходнымъ исполнителемъ чужого, а своего нѣтъ, *да и врядъ ли будетъ*!... Жалкое существованіе!...» (20-го февраля 1841 года).

Такого рода состояніе духа у такихъ натуръ, какова Сѣрова, не рѣдкость, и не разъ еще въ письмахъ его мы сталкиваемся съ нимъ. Такія мученія обыкновенно продолжаются довольно долго, что̀, впрочемъ, зависитъ отъ импульса, дающаго наконецъ извѣстное направленіе къ выходу изъ этого состоянія и къ свѣту; но пока этотъ импульсъ является, «существованіе» этихъ натуръ дѣйствительно «жалкое».

Такъ, перебирая его письма за 1842 годъ, мы видимъ, что это мучительно-сомнительное состояніе не только не успокоилось, но, напротивъ, все больше и больше возрастаетъ. Доказательствомъ можетъ служить письмо отъ 3 марта, въ которомъ, между прочимъ, находимъ:

«Пока онъ (отецъ) увидитъ настоящее мое значеніе, много воды утечетъ, а можетъ-быть ему и не суждено видѣть, или... *мнѣ не суждено быть чѣмъ-нибудь!*... О, сомнѣніе, сомнѣніе!... Неужели цѣлая жизнь моя такъ пройдетъ? Неужели никто никогда не скажетъ мнѣ: «Александръ, вотъ твоя дорога; теперь ужь—чуръ—не сбиваться!» Но нѣтъ, этого не будетъ: я тогда былъ бы слишкомъ счастливъ, а полнаго счастья, кажется, нѣтъ на землѣ».

И далѣе въ этомъ письмѣ онъ говоритъ:

«Ты какъ-то все щадишь меня, ожидая,—не знаю, на какомъ основаніи,—чего-то бо́льшаго. А это большее что-то не является. Казалось бы, пора: Александръ Македонскій четырнадцати лѣтъ смирилъ Буцефала, а нѣкоторый тебѣ извѣстный Александръ, 22 лѣтъ, не можетъ хорошенько распознать, на какого коня онъ посаженъ и куда ѣдетъ... Горькая участь!... Иногда, какъ я

тебѣ уже тысячу разъ высказывалъ, *мнѣ* дѣйствительно *кажется, что во мнѣ много, очень много силъ*, что онѣ только еще не всѣ проснулись, что поприще моей дѣятельности ясно открыто предо мной, что впереди многое манитъ меня... *За то иногда я самъ себѣ жалокъ*, предо мною туманъ, а *въ душѣ горькое чувство нищеты*. Эта отчаянная альтернатива ясно отражается въ моихъ слабыхъ попыткахъ».

Эта «альтернатива» — сознаніе, съ одной стороны, возможности стать тѣмъ, чѣмъ желаешь, а съ другой стороны—мучительное сомнѣніе въ своихъ способностяхъ,—сомнѣніе, терзающее и щемящее его душу, — дѣйствительно «отчаянная». Ужь одно сопоставленіе себя съ Александромъ Македонскимъ, обуздавшимъ на четырнадцатомъ году Буцефала, ясно показываетъ, во-первыхъ, цѣль, къ которой стремился Сѣровъ, чѣмъ онъ желалъ стать,—быть чѣмъ-нибудь посредственнымъ для такихъ натуръ немыслимо: ему нужно создать нѣчто удивительное, выходящее изъ ряду вонъ; а во-вторыхъ — то безсильное состояніе, когда человѣкъ готовъ какъ бы истить себѣ же, иронизируя и подсмѣиваясь надъ собой и своими дѣйствіями. Это саркастическое отношеніе къ себѣ ярче выступаетъ дальше въ томъ же письмѣ. Такъ, мы читаемъ:

«Ха-ха-ха!... Ей-богу, не могу удержаться отъ смѣху... Кто это такъ важничаетъ?» (Это письмо служитъ отвѣтомъ на письмо В. В. Стасова, въ которомъ послѣдній предлагаетъ ему написать оперу. Выше Сѣровъ высказывалъ свои требованія отъ либретто для оперы.)—«Человѣкъ, который не слыхалъ ни единой ноты своей,—человѣкъ, *который никогда не учился ни генералъ-басу, ни контрапункту,* который бродитъ на-пропалую, какъ слѣпецъ, по рвамъ и косогорамъ» и т. д.

Такія мысли роятся въ головѣ его очень и очень долгое время. Желаніе быть тѣмъ, чѣмъ онъ впослѣдствіи сдѣлался, нашло себѣ наконецъ исходъ въ познаніяхъ, неустанномъ трудѣ и въ критической обработкѣ всего добытаго. А чѣмъ онъ желалъ стать, видно изъ письма его къ тому же В. В. Стасову отъ 30 іюля 1843 г.:

«Ты не повѣришь, какъ меня радуетъ мысль, что и ты не отказываешься отъ идеи видѣть меня «*оперистомъ*». Постараюсь оправдать твои желанія хоть нѣсколько».

Еще недавно смѣявшійся надъ собой при мысли о композиторствѣ, онъ теперь серьезно начинаетъ подумывать объ этой

«идеѣ», съ которой мало-помалу свыкается; *она* становится его необходимой принадлежностью и постепенно охватываетъ все его существованіе, и онъ, въ концѣ концовъ, ей предается весь: для достиженія ея жертвуетъ всѣмъ; все свое время посвящаетъ ей,—словомъ, онъ весь сливается съ этой «идеей». Онъ работаетъ дни и ночи надъ разными «опытами», о которыхъ мы скажемъ ниже, и главное вниманіе обращаетъ на восполненіе въ музыкальномъ образованіи тѣхъ пробѣловъ, которые неминуемы при изученіи какого-либо предмета безъ всякой системы и метода, руководствуясь единственно своимъ чутьемъ и при полномъ отсутствіи руководителей. Убѣдившись въ недостаткѣ свѣдѣній въ теоріи музыки, гармоніи и контрапунктѣ, Сѣровъ всѣмъ пыломъ своей артистической натуры предается изученію этихъ предметовъ. Но то, что другимъ дается легко при помощи преподавателя и указаній, Сѣрову достается съ большими затрудненіями, потому что «до всего,—говоритъ онъ,—надо добираться самому тяжелымъ опытомъ» (16 ноября 1845 г.).

«Некому,—жалуется онъ въ этомъ письмѣ,—меня учить ни контрапункту, ни органу... Я надѣюсь скоро сдѣлать большіе успѣхи, хотя, къ сожалѣнію, никто не можетъ руководить меня».

Чтобы судить о томъ рвеніи, съ какимъ онъ занимался не только вышесказанными предметами, составляющими conditio sine qua non для композитора, но и такими предметами, которые входятъ въ районъ общеобразовательныхъ, или, вѣрнѣе, спеціальныхъ знаній,—стòитъ прочесть письмо его отъ 5 января 1846 г., въ которомъ онъ отвѣчаетъ В. В. Стасову по поводу выраженнаго послѣднимъ удивленія, что Сѣровъ сталъ заниматься «Феноменологіей» и «Логикой» Гегеля:

«Для чего?—Отвѣтъ простой: я не люблю упускать случая познакомиться съ какой угодно наукой, въ полной увѣренности, что если она мнѣ не принесетъ прямой пользы, то на сколько-нибудь расширитъ кругъ мышленія, а это ни въ какомъ случаѣ не вредно».

И далѣе онъ продолжаетъ на эту тему:

«Диллетантизмъ для меня смѣшонъ, если онъ избираетъ одинъ предметъ, безъ способности сдѣлать въ немъ что-нибудь, но имѣя въ виду *постоянную цѣль*—приводить къ ней нити съ совершенно разныхъ, быть-можетъ очень далекихъ, сторонъ: это—несомнѣнно, когда въ головѣ есть способность дѣйствительная сводить всѣ эти нити *во едино*».

Если столь велика была его жажда образованія и знаній вообще, то не трудно себѣ представить, насколько онъ былъ преданъ *своимъ* предметамъ, избраннымъ и излюбленнымъ, т. е. изученію гармоніи и контрапункта. Указанія на это мы находимъ въ письмахъ его за 1847—48 г.:

«Все мое вниманіе, всѣ усилія сосредоточены на контрапунктѣ, который хочу завоевать во что бы то ни стало,—безъ этого вѣдь и шагу сдѣлать нельзя. Жаль только одно, что я лишился руководителя. За двѣ тысячи верстъ нельзя имѣть учителя, когда надзоръ его нуженъ тутъ каждый часъ...» (Дѣло въ томъ, что профессоръ контрапункта, г. Гунке, нынѣ состоящій библіотекаремъ при с.-петербургской консерваторіи, посылалъ ему время отъ времени разныя задачи и указанія къ ихъ рѣшеніямъ.) *«Жажда моя заниматься контрапунктомъ не знаетъ границъ»* (15 декабря 1847 г.).

Послѣднія слова—не фраза въ устахъ Сѣрова. Не разъ онъ подумывалъ бросить службу, чтобы спеціально посвятить все время изученію контрапункта. Такъ, въ письмѣ отъ 2 февраля 1848 г., онъ между прочимъ говоритъ:

«Нѣтъ, я ни за что не останусь больше въ нашемъ министерствѣ, а то—просто убійство!»

Дѣйствительно, положеніе ужасное: человѣкъ, который «готовъ забыть все на свѣтѣ, чтобы сидѣть и обдумывать контрапунктическія сочетанія» (18 января 1848 г.), для котораго «контрапунктъ такъ привлекателенъ, что онъ готовъ дни и ночи просиживать надъ нимъ, не вставая съ мѣста», который удивляется, «какъ могутъ люди называть эти занятія сухими и скучными» (1 апрѣля того же года),—заброшенъ судьбой за двѣ тысячи верстъ отъ источниковъ знанія, осужденъ заниматься *ради существованія* предметомъ, нисколько его не интересующимъ, и ко всему этому лишенъ всякой возможности пользоваться чьими бы то ни было указаніями по избранному и дорогому его сердцу предмету!... Но такія натуры, какова Сѣрова, чувствуютъ въ себѣ силы превозмочь всѣ невзгоды, перенести всякія лишенія, претерпѣть всевозможныя неудачи ради достиженія «цѣли»; всякая преграда къ «ней» является новымъ импульсомъ къ болѣе энергической дѣятельности, а всякія препоны—ступенями, по которымъ онѣ взбираются на тронъ славы. То же мы видимъ у Сѣрова. Онъ нисколько не теряетъ надежды на достиженіе цѣли. «Богъ дастъ,—оканчиваетъ онъ вышеприведенное

письмо,—не все еще потеряно. Буду догонять всѣми силами то, что чуть-чуть отъ меня не ускользнуло».

Еще въ 1847 г. онъ хотѣлъ оставить службу, но два обстоятельства заставили его отречься отъ этой желанной мысли, а именно: вѣчный вопросъ—чѣмъ существовать. На отца, который не особенно благосклонно смотрѣлъ на «попытки» сына и на хладнокровное отношеніе послѣдняго къ службѣ, надѣяться нечего было, да къ тому же онъ былъ обремененъ большимъ семействомъ. Другое обстоятельство его еще болѣе безпокоило: это—боязнь превратить «музу»,—эту богиню, которую онъ мысленно лелѣялъ, составлявшую для него настоящее profession de foi,—въ источникъ кормленія, въ ремесло. Стать ремесленникомъ онъ боялся пуще всего.

«Писать музыку для денегъ,—разсуждаетъ онъ,—c'est toujours une bien triste chose: *кромѣ профанаціи*, огорченій и всего надоѣдательнаго *нельзя ничего ожидать*» (27 іюля 1847 г.).

Пришлось мириться съ обстоятельствами и снова приняться, скрѣпя сердце, за службу, чтобы быть хоть болѣе или менѣе обезпеченнымъ и такимъ образомъ имѣть возможность посвящать все остальное время, свободное отъ обязанностей по службѣ, избранному искусству. А работать приходилось много, что̀ видно изъ слѣдующаго мѣста переписки его съ В. В. Стасовымъ. Къ слову сказать, способъ его работъ аналогиченъ со способомъ занятій нашего знаменитаго историка Карамзина. Не припомню, гдѣ я это вычиталъ, что когда Карамзина однажды спросили: гдѣ онъ беретъ такой гладкій слогъ, — онъ отвѣтилъ: «въ печкѣ». Нѣчто подобное мы находимъ и у Сѣрова:

«Я ничѣмъ не доволенъ (онъ говоритъ о своихъ трудахъ и «попыткахъ»): завтра все брошу въ печь, что написалъ сегодня, и въ цѣлую недѣлю вырабатываю иногда только нѣсколько строкъ» (30 августа 1846 г.).

Этотъ способъ кристаллизаціи своихъ мыслей оставилъ свой глубокій слѣдъ; работая такимъ образомъ нѣсколько лѣтъ, онъ дошелъ до философіи: «познай самого себя»,—другими словами, онъ убѣдился въ томъ, *чего* ему недостаетъ въ композиторствѣ. Въ этомъ отношеніи достойно вниманія заключеніе, къ которому онъ пришелъ, спустя годъ:

«Разсматривая себя какъ можно строже, я убѣдился, что въ техникѣ композиторства мнѣ недостаетъ двухъ чрезвычайно важныхъ условій: 1) manier le contrepoint (владѣть контрапунктомъ),

о чемъ ты уже знаешь подробно, въ чемъ для меня трудность и какъ я стараюсь этому пособить, и 2) умѣть согласить чисто-музыкальную основу сочиняемой вещи съ поэтическимъ ея смысломъ, т. е. умѣть совладать съ техническимъ скелетомъ пьесы, le plier à volonté» (гнуть по волѣ) (12 іюня 1847 г.).

Дѣйствительно, онъ достигъ того, что ему нужно было: онъ восполнилъ эти два пробѣла, какъ мы увидимъ это въ третьей главѣ; но какъ?—Усидчивымъ трудомъ, работая безустанно надъ контрапунктическими сочетаніями, прочитывая все, что попадалось ему подъ руку по его спеціальности, критикуя и перерабатывая каждую мысль по-своему, анализируя каждую вещь и себя въ то же время самымъ добросовѣстнымъ образомъ и изводя нотную бумагу для выработки музыкальнаго стиля:

«Чтобы развязать себѣ руки, — говоритъ онъ,—надо писать бездну и притомъ *болѣе негоднаго, чѣмъ годнаго*» (13 августа 1846 г.).

Придя къ такому убѣжденію, онъ заключаетъ:

«Вотъ мой планъ: я буду трудиться постоянно надъ оперой, буду ею спѣшить au risque même d'en faire un avorton» (рискуя произвести выкидышъ) (тамъ же).

Теперь ужь намъ понятно будетъ, почему Сѣровъ, не заявившій себя въ качествѣ композитора ни однимъ выдающимся произведеніемъ, вдругъ появился въ свѣтъ своей громадной пятиактной оперой—«Юдиѳью»; но прежде, чѣмъ онъ рѣшился на этотъ шагъ, онъ *двадцать* лѣтъ постоянно работалъ, не щадя ни своихъ физическихъ и умственныхъ силъ, ни времени, ни средствъ— ради «цѣли». Поэтому намъ кажется особенно любопытнымъ заглянуть въ его мастерскую, посмотрѣть его приготовительные матеріалы,—тѣ матеріалы, изъ которыхъ онъ себѣ создалъ впослѣдствіи пьедесталъ безсмертія.

Въ разсматриваемомъ нами періодѣ его дѣятельность, изъ которой впослѣдствіи образовались двѣ самостоятельныя отрасли, критическая и композиторская,—что составитъ содержаніе двухъ послѣдующихъ главъ нашего очерка, — находилась, если можно такъ выразиться, въ эмбріональномъ состояніи: ни въ той, ни въ другой отрасли Сѣровъ въ разсматриваемое время не является цѣльнымъ, законченнымъ. Въ этомъ періодѣ обнаруживаются только зачатки и критической, и композиторской дѣятельности.

Что касается первой, то о ней, судя по письмамъ за это время, можно сказать весьма немного. Его особенно интересу-

ютъ классики: Моцартъ, Бахъ, Бетховенъ, Веберъ и др., которыхъ онъ изучаетъ со свойственнымъ ему рвеніемъ. Черта, которая съ особенною силой и яркостью выступаетъ въ его критической дѣятельности: это—крайнее непостоянство въ своихъ мнѣніяхъ. Будучи артистомъ, говоря словами Лира, «съ ногъ до головы», а слѣдовательно и дѣйствуя подъ вліяніемъ впечатлѣнія и минутнаго увлеченія, Сѣровъ такъ же часто мѣнялъ свои искреннія убѣжденія, какъ часто его артистическая натура увлекалась тою или другою стороной дѣла. Къ чести его слѣдуетъ отнести *искренность* убѣжденій; напускного, театральнаго въ немъ ничего не было; онъ всегда былъ увѣренъ въ томъ, что̀ онъ говорилъ; хвалилъ ли онъ кого-нибудь или что-нибудь, или порицалъ, — онъ въ эту минуту глубоко вѣрилъ въ истинность своего слова и въ свою правоту. Для примѣра сто́итъ прослѣдить его отношенія хотя бы къ знаменитому Мейерберу. Вотъ что онъ писалъ о немъ въ 1840 г.:

«Мнѣ кажется, что Мейерберу еще слишкомъ мало удивляются,—онъ чрезвычайно близокъ къ *идеалу*. Боже мой!... Что это («Гугеноты») за прелесть, что за мотивы, что за мастерская обработка!... *Несравненный* Мейерберъ!»

Или возьмемъ его мнѣніе о «Робертѣ»:

«Всѣ оттѣнки переданы Мейерберомъ неподражаемо... Просто *надо пасть предъ нимъ на колѣна*... Кажется, камень—и тотъ растаетъ при этихъ звукахъ» (20 февраля 1841 г.).

Въ другомъ мѣстѣ, говоря о немъ, онъ спрашиваетъ:

«Кто изъ всѣхъ композиторовъ, старыхъ и новыхъ, est *le favori de mon âme?*—Конечно, Мейерберъ» (17 марта 1841 г.).

«Для меня,—пишетъ онъ черезъ мѣсяцъ,—первый композиторъ все-таки Мейерберъ» (21 апрѣля того же года).

Казалось бы, что человѣкъ, относящійся съ такимъ благоговѣніемъ къ Мейерберу, творцу «Роберта», «Гугенотовъ», «Пророка» и «Африканки», котораго онъ иначе не называетъ, какъ «мой Мейерберъ», «несравненный Мейерберъ» и т. п. эпитетами,—казалось бы, что это заслуженное уваженіе и мнѣніе о немъ болѣе или менѣе прочны и основаны на незыблемыхъ началахъ; но нѣтъ, напрасно стали бы мы такъ думать: такія, крайне увлекающіяся, натуры не держатся однихъ взглядовъ, хотя бы и ими же выработанныхъ; они ихъ мѣняютъ, и очень даже часто, и чѣмъ больше они увлекаются, тѣмъ больше это отражается на ихъ мнѣніяхъ, и тѣмъ менѣе можно отъ нихъ

ожидать безпристрастнаго сужденія. Доказательство мы видимъ на Сѣровѣ въ его отношеніяхъ къ Мейерберу. Вотъ что онъ писалъ, пять лѣтъ спустя, о «своемъ Мейерберѣ»:

«Ты знаешь, какъ я смотрю теперь на этого *жида-шарлатана*... Въ «Гугенотахъ», гдѣ вся задача была историчность, Мейерберъ *не съумѣлъ сдѣлать въ этомъ отношеніи ровно ничего*» (22 октября 1846 года). Или:

«Мейерберъ до-нельзя *бѣденъ идеями въ музыкальномъ смыслѣ*»... «Онъ арранжеръ чужого: *у него почти нѣтъ собственной своей музыкальной жилки*» (15 декабря 1847 года).

И этотъ отзывъ даетъ о Мейерберѣ тотъ самый Сѣровъ, который по поводу біографіи Мейербера, написанной Шиллингомъ («Lexicon der Tonkunst»), гдѣ первый упрекается въ заимствованіи мотива изъ какой-то сонаты для сцены искушенія («Робертъ», 3-е дѣйствіе), громилъ филиппиками ненавистниковъ Мейербера à la Цицеронъ: «pecora, non homines» (скоты, не люди). «Да что̀ и говорить: нелѣпо и подло, вотъ и все тутъ!...» (20 февраля 1841 года).

Можно было бы привести еще много примѣровъ крайняго увлеченія Сѣрова то въ одну, то въ другую сторону, но намъ кажется, что приведенные факты достаточно убѣждаютъ въ правотѣ нашей мысли. Такія «увлеченія» были бы непростительны кому-нибудь другому, но не Сѣрову, артисту, мыслящему и живущему подъ вліяніемъ минуты и впечатлѣнія и руководящемуся симпатіями и антипатіями.

Если таково впечатлѣніе, которое производитъ его критическая дѣятельность, то этого никоимъ образомъ нельзя сказать о его композиторской дѣятельности. Напротивъ, здѣсь мы видимъ одно: желаніе выработать изъ себя композитора, желаніе преодолѣть всѣ трудности, встрѣчаемыя въ технической сторонѣ дѣла. Съ этою цѣлью онъ вырабатываетъ свой музыкальный стиль, пробуя различные роды композицій, или, говоря его словами, «дѣлая попытки». Такъ, мы встрѣчаемъ «попытки» и романсовъ, и оркестровыхъ вещей, и даже оперъ.

Къ самымъ первымъ его произведеніямъ относятся пьесы для віолончели и для голоса, о чемъ свидѣтельствуетъ его письмо отъ 21 апрѣля 1841 года, гдѣ мы между прочимъ читаемъ:

«Скоро пришлю тебѣ (В. В. Стасову) совершенно изготовленныя: «Cantique pour le violoncelle» (который, какъ *первѣйшій мой опытъ*, съ вашего позволенія, вамъ посвящается); по-

томъ еще маленькую балладу для голоса на слова Гёте: «Der Rattenfänger»; потомъ еще: «Une fantaisie en forme de valse pour violoncelle et piano».

Къ этому времени относится его «Майская ночь», пѣсня (на слова Гёте) въ голосахъ «canto и violoncello» (1 іюля 1841 г.).

Два года спустя онъ уже мечталъ объ оперѣ:

«Я горю нетерпѣніемъ сыскать молодчика, чтобы скропать мнѣ либретто для оперы въ трехъ актахъ, сюжетъ которой я недавно встрѣтилъ въ одномъ журналѣ. Мнѣ кажется, что если я начну надъ этимъ работать, то должно что-нибудь выйти порядочное, какъ слѣдуетъ. А то вѣдь, ей-богу, пора! Шутка ли, завтра мнѣ 24-й годъ» (10 января 1843 года).

И вотъ В. В. Стасовъ предлагаетъ ему, какъ хорошій сюжетъ для оперы, «Басурмана» Лажечникова; Сѣровъ забываетъ о задуманномъ и пишетъ слѣдующій отвѣтъ:

«Какъ мнѣ тебя благодарить за «Басурмана»! Мысль объ этой оперѣ уже совершенно слилась со всѣмъ моимъ существомъ, вошла въ жизнь мою и какъ будто для нея я себя готовилъ» (18 августа того же года).

Однако «Басурманъ» написанъ не былъ; причина понятна: автору недоставало теоретическихъ свѣдѣній; вмѣсто этого онъ берется за аранжировки классическихъ вещей, хотя мысль объ оперѣ, какъ мы сейчасъ увидимъ, его не оставляетъ. Въ письмѣ отъ 23 августа 1844 года мы находимъ слѣдующее свѣдѣніе о ходѣ его работъ:

«О, еслибы меня сподобилъ Богъ совершить, какъ слѣдуетъ, трудъ аранжировки этой мессы (вторая Бетховена), я уже могъ бы считать себя сдѣлавшимъ нѣчто!... Вмѣстѣ съ этимъ я трудился эти дни весьма прилежно и надъ «Idomeneo» Моцарта».

Не можемъ удержаться, чтобы не привести мнѣніе Сѣрова объ идеалѣ въ оперѣ. Въ письмѣ къ В. Р. Зотову, по поводу отказа послѣдняго сочинить для него либретто на текстъ «Виндзорскія кумушки» Шекспира (на этотъ сюжетъ ему также указалъ В. В. Стасовъ), онъ пишетъ:

«Шекспиръ можетъ быть выраженъ только такой музыкой, гдѣ *съ красотою формъ постоянно сливается истинность выраженія*, и именно *такая музыка* (до сихъ поръ существующая въ операхъ одного Моцарта) *мой идеалъ*» (17 сентября 1844 года).

Къ этому году относится знакомство Сѣрова съ А. С. Даргомыжскимъ. Когда послѣдній посѣтилъ Сѣрова и разсматривалъ его работы, то далъ о нихъ слѣдующій отзывъ: «Видна неопытность, но талантъ несомнѣнный»,—и при уходѣ, на прощаньи, сказалъ ему по-французски: «Je vous conseille de travailler fortement» (октябрь того же года).

Совѣтъ компетентнѣйшаго судьи не только былъ принятъ Сѣровымъ, но и выполненъ со стараніемъ, достойнымъ Сѣрова: онъ съ удвоенной энергіей принимается за работу, не взирая ни на какія трудности и препятствія.

Въ письмахъ его за 1846 годъ находимъ указанія на романсовыя его «попытки». Такъ, онъ сообщаетъ:

«На прошедшей недѣлѣ я написалъ русскій романсъ на слова Тургенева: «Отрава горькая слезы послѣдней» *). Музыка вышла преплохенькая» (1 апрѣля).

Небезъинтересно заключеніе, къ которому онъ приходитъ по поводу послѣднихъ словъ,—заключеніе, показывающее, насколько ему дорога была его музыка:

«Это показываетъ или какую-то глупость моей натуры, или отсутствіе настоящаго... Тогда *къ чему мнѣ самое лучшее на землѣ счастье?*» (Тамъ же.)

Черезъ нѣсколько дней онъ опять говоритъ объ оперѣ «Мельничихѣ» въ такомъ духѣ:

«Ты видишь (онъ разсуждаетъ о томъ, какъ опера будетъ принята), что мысль о «Мельничихѣ» сильно меня занимаетъ опять» (4 апрѣля 1846 года).

Насколько онъ былъ тщеславенъ и самолюбивъ, съ какой недовѣрчивостью онъ относился къ своимъ «попыткамъ» и «опытамъ»,—ясно видно изъ его отвѣта на предложеніе В. В. Стасова выпустить въ свѣтъ его арранжировки:

«Моихъ арранжировокъ,—пишетъ онъ,—нельзя напечатать, какъ назначенныхъ только для нашего собственнаго употребленія... Я знаю, что и теперь мои арранжировки по всему отличаются отъ обыкновенныхъ арранжировокъ Черни и К°, но знаю также, что *до Листа еще далеко, далеко!*» (19 января 1847 года.)

Вездѣ и во всемъ онъ избираетъ себѣ идеалъ, къ которому онъ неутомимо стремится: такъ, въ оперѣ, какъ мы видѣли, идеаломъ его является Моцартъ, въ арранжировкахъ предъ его

---

*) Изъ поэмы „Андрей“, помѣщенной въ „*Отеч. Зап.*“, январь 1846 г.

глазами стоитъ другой корифей — Листъ, и покуда онъ — если не достигнетъ, то по крайней мѣрѣ не приблизится къ идеалу, не рѣшается выступить въ свѣтъ; только ужь когда онъ *самъ* сознаетъ, что его работа не заурядная, т. е. хотя болѣе или менѣе приближается къ идеалу, онъ рѣшается на что - нибудь. Такъ было съ арранжировкой увертюры Бетховена «Коріоланъ»; объ этомъ онъ свидѣтельствуетъ:

«Увертюра Бетховена «Коріоланъ» арранжирована *à la Liszt* и ему посвящена» (16 августа 1847 года).

Листъ остался очень доволенъ этой работой, что видно изъ его письма въ отвѣтъ Сѣрову, въ которомъ онъ «хвалитъ ее». Письмо это помѣщено В. В. Стасовымъ въ статьѣ: «Музыкальные автографы Императорской Публичной библіотеки» (*Отечеств. Записки*, декабрь 1856 года).

Однако и въ это время у него нѣтъ-нѣтъ и прорываются мысли, обнаруживающія тѣ же мучительныя сомнѣнія, съ которыми мы уже раньше познакомились; такъ, въ письмѣ еще отъ 25 августа этого же (1847) года, мы между прочимъ находимъ:

«На каждомъ шагу вижу въ себѣ только диллетантскія желанія, а не настоящую художническую дѣятельность. Быть-можетъ недостатокъ серьезнаго ученія тому причиной, а можетъ-быть и не то...»

И еще долгое время онъ не довѣряетъ себѣ и вслѣдствіе этого не рѣшается что-либо издать изъ своихъ многочисленныхъ трудовъ и работъ по композиціямъ. Для нашей цѣли нѣтъ надобности перечислять *всѣ* его арранжировки и «опыты» композиторскаго пера; тѣмъ болѣе, что многіе изъ этихъ юношескихъ трудовъ растеряны. Для насъ важно только то, что онъ, несмотря на похвалы разныхъ компетентныхъ лицъ, все-таки не выпускаетъ ничего до тѣхъ поръ, пока самъ не находитъ, что его трудъ этого достоинъ. До этого же времени онъ занятъ самоприготовленіемъ къ такому труду, а пока выступаетъ въ качествѣ музыкальнаго критика, посвящая всѣ свои часы досуга толкованіямъ и распространеніямъ въ массѣ свѣдѣній о произведеніяхъ выдающихся музыкальныхъ дѣятелей, какъ иностранныхъ, такъ и русскихъ. Этотъ періодъ его общественной дѣятельности занимаетъ приблизительно около десяти лѣтъ; къ нему мы теперь и приступимъ, но прежде скажемъ нѣсколько словъ о его curriculum vitae за это время.

II.

(1850—1860.)

Нѣтъ ничего печальнѣе того факта, когда художникъ, въ силу обстоятельствъ, становится «дѣловымъ» человѣкомъ, или, точнѣе говоря, чиновникомъ. Каждому изъ насъ вѣроятно приходилось встрѣчать въ обществѣ эти два типа, и при наблюденіи, вѣроятно, каждый замѣтилъ, что эти лица питаютъ другъ къ другу какую-то тайную непріязнь: художникъ видитъ въ неутомимыхъ трудахъ дѣлового человѣка какое-то непонятное стремленіе къ чему-то неопредѣленному, которое, по его мнѣнію, никакихъ усилій во всякомъ случаѣ не стоитъ; дѣловой человѣкъ, съ своей стороны, считаетъ всѣ возвышенныя стремленія художника какою-то несбыточной мечтой, какимъ-то витаніемъ въ эмпиреяхъ, если не совсѣмъ безплодною тратой времени, которая не дастъ никакого матеріальнаго результата и отъ которой «толку» нечего ожидать. Если таковы отношенія между этими двумя лицами, то нетрудно себѣ представить, какая борьба должна произойти въ душѣ артиста, силой обстоятельствъ вынужденнаго быть чиновникомъ. Именно на долю Сѣрова и выпала такая двойственность положенія: будучи артистомъ въ полномъ смыслѣ слова, онъ, къ несчастію, долженъ былъ bon gré—mal gré сдѣлаться дѣловымъ человѣкомъ, съ опредѣленными занятіями и обязанностями, съ инструкціей, которой онъ долженъ былъ подчиняться, при работѣ, требовавшей отъ него опредѣленныхъ часовъ времени, при отчетности въ своихъ однообразныхъ дѣйствіяхъ, установленныхъ по извѣстнымъ правиламъ и формамъ, несоблюденіе которыхъ влечетъ за собой извѣстнаго рода отвѣтственность,—словомъ, при всѣхъ тѣхъ аттрибутахъ, съ которыми неизбѣжно связана служба. Не удивительно, что художническая натура, требующая полнѣйшей свободы дѣйствія, отсутствія всякой отчетности и стѣсненій въ выборѣ формъ для внѣшнихъ выраженій своихъ мыслей и безграничнаго произвола и власти, не подчиненныхъ никакимъ правиламъ, а тѣмъ болѣе разъ навсегда установленнымъ по извѣстному шаблону,—не могла ужиться съ обязанностями чиновника; артистъ долженъ былъ покорить чиновника и свобода должна была взять верхъ надъ узкой, монотонной и стѣсненной формой.

Дѣйствительно, занятія по службѣ, какъ мы ужь это отчасти и замѣтили, Сѣрова не только не привлекали и не дались, но надоѣли ему, опротивѣли, и онъ рѣшился бросить службу: не

вытерпѣла его артистическая натура чиновничьяго гнета и канцелярскаго формализма; душа его жаждала широкой и свободной дѣятельности; онъ искалъ простора и арены дѣятельности для своей мыслящей головы. Несмотря на всѣ предстоявшія затрудненія относительно добыванія средствъ къ существованію, Александръ Николаевичъ рѣшился выйти въ отставку и лишиться такимъ образомъ и послѣдняго источника къ жизни, болѣе или менѣе обезпечивавшаго его, лишь бы заниматься «своимъ» дѣломъ и всецѣло предаться его служенію. Вообще нужно замѣтить, что разсматриваемый нами періодъ жизни Сѣрова относится къ самому печальному времени его жизни: разрывъ съ родителями, о которомъ скажемъ ниже, лишеніе мѣста на службѣ и связанное съ нимъ отсутствіе какихъ бы то ни было средствъ (постоянныхъ, разумѣется) къ существованію, неопредѣленное положеніе въ обществѣ, неизвѣстность (для него лично) «береговъ», къ которымъ онъ стремился, постоянныя его душевныя терзанія, съ которыми мы уже отчасти познакомились, сомнѣнія за будущее, которое для него было еще вполнѣ неопредѣленно—все это вмѣстѣ сильно вліяло на его артистическую натуру и заставляло его побороть весьма много невзгодъ, переносить много непріятностей, пережить много горькихъ минутъ; но онъ героически стремился къ цѣли и не обращалъ вниманія, насколько это было въ человѣческихъ силахъ, на всѣ препятствія, мѣшавшія ему заниматься своимъ предметомъ. Мѣстомъ, наиболѣе выгоднымъ для занятій, оказался, конечно, Петербургъ, какъ музыкальный центръ и какъ пунктъ, гдѣ находились его родные и близкіе знакомые, каковы гг. Стасовы, Глинка, Даргомыжскій и другіе.

И вотъ въ 1850 году Сѣровъ пріѣзжаетъ изъ Пскова въ Петербургъ уже вышедшимъ въ отставку. Такого рода дѣйствія Александра Николаевича чрезвычайно не понравились отцу, который съ нимъ окончательно разошелся и даже запретилъ ему являться къ нему въ домъ. Характерна фраза, которую Николай Ивановичъ обыкновенно употреблялъ въ разговорахъ съ сыномъ: «живя такимъ образомъ (то-есть не на службѣ), ты умрешь на рогожкѣ гдѣ-нибудь возлѣ кабачка...» Вотъ до чего доходило ослѣпленіе отца относительно способностей сына! И это явленіе типичное: родители часто ослѣплены относительно способностей своихъ дѣтей,—они видятъ въ нихъ геніевъ и феноменовъ или же абсолютныхъ идіотовъ. Но Сѣровъ, чувствуя въ себѣ

громадныя духовныя силы, не могъ придавать слишкомъ большого значенія словамъ отца, фанатически убѣжденнаго въ вѣрности своихъ взглядовъ, и еще съ большей энергіей продолжалъ свое дѣло. Къ этому приблизительно времени относится начало его литературно-критической дѣятельности. Два года онъ провелъ въ крайней нищетѣ, работая то надъ статьями, которыя онъ приготовлялъ къ печати, то надъ своимъ «музыкальнымъ слогомъ». Но нужда, эта постоянная и неизмѣнная спутница всѣхъ почти выдающихся людей,—заставила его опять обратиться къ службѣ, какъ къ единственному, постоянному, мало-мальски обезпечивающему источнику въ матеріальномъ смыслѣ.

Вѣроятно, при стараніяхъ отца, онъ снова занялъ прежнюю должность въ Крыму, то-есть въ Симферополѣ. Здѣсь онъ пробылъ три года (1852 — 1855), откуда вернулся въ Петербургъ вмѣстѣ съ Марьей Павловной Анастасьевой. Со времени послѣдняго пріѣзда вплоть до 1860 года Сѣровъ на службѣ не состоялъ. На эти пять лѣтъ выпадаетъ наибольшее количество его литературныхъ трудовъ. Только въ 1860 году Сѣровъ, при содѣйствіи министра почтъ и телеграфовъ, Ѳ. И. Прянишникова, нѣкогда служившаго вмѣстѣ съ Николаемъ Ивановичемъ, былъ помѣщенъ цензоромъ иностранныхъ газетъ и журналовъ при почтовомъ департаментѣ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ онъ былъ назначенъ при немъ чиновникомъ особыхъ порученій; въ этой должности онъ оставался до 1869 года, когда окончательно вышелъ въ отставку съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Любопытенъ эпизодъ, передаваемый Валентиной Семеновной Сѣровой, женой композитора, по поводу послѣдней его должности: когда Александръ Николаевичъ пожелалъ узнать, въ чемъ будутъ состоять «порученія», онъ получилъ лаконическій, но весьма характерный отвѣтъ: «пишите оперы». Съ послѣднимъ выходомъ въ отставку навсегда прекращается служебная карьера Сѣрова.

Между тѣмъ въ 1856 г. умеръ Николай Ивановичъ—скоропостижно, отъ разрыва сердца (28 октября). Это обстоятельство произвело на Александра Николаевича весьма сильное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что онъ не получилъ прощенія отъ отца: Николай Ивановичъ такъ и умеръ въ убѣжденіи, что изъ старшаго сына «ничего путнаго не выйдетъ». Любопытныя подробности передаетъ объ этомъ фактѣ сестра композитора, Олимпіада Николаевна. Наканунѣ смерти отца Сѣровъ пришелъ просить позволенія у матери переночевать у нихъ, такъ какъ у него

въ квартирѣ (по Бассейной, въ д. Яхонтова) было весьма холодно и сыро. Дома никого не было, кромѣ Олимпіады Николаевны. Въ ожиданіи матери, которая была въ театрѣ съ дочерью, Софьей Николаевной (въ замужствѣ Дю-Туръ),—имѣвшей, къ слову сказать, весьма сильное вліяніе на своего брата, какъ нѣжно-любимая сестра и какъ человѣкъ одаренный отъ природы большими умственными способностями и музыкальнымъ талантомъ,—Сѣровъ задремалъ въ креслахъ. Утромъ дали знать изъ участка, что ночью поднятъ на улицѣ трупъ Николая Ивановича, котораго отправили въ пріемный покой, хотя при немъ находились визитныя карточки съ точнымъ обозначеніемъ адреса. Александръ Николаевичъ тотчасъ побѣжалъ въ участокъ, гдѣ и нашелъ мертваго отца. Онъ до того рыдалъ надъ гробомъ непримирившагося съ нимъ отца, что его насилу оторвали отъ его гроба. Онъ его искренно и горячо любилъ.

Каково было житье-бытье Сѣрова за эти десять лѣтъ, т. е. до 1860 г., каково было настроеніе духа его, чѣмъ онъ занимался, чтб онъ сдѣлалъ для себя и для искусства, и многіе другіе вопросы — найдутъ правдивый отвѣтъ въ его письмахъ къ Дм. Вас. Стасову, М. П. Анастасьевой и отчасти къ Владиміру Васильевичу Стасову.

Мы уже сказали, что за этотъ періодъ Сѣровъ пріобрѣлъ себѣ извѣстность своими критически-литературными произведеніями; но не слѣдуетъ думать, что Александръ Николаевичъ, увлекшись своими громадными успѣхами на этомъ поприщѣ, совершенно забываетъ о своей музыкально-композиторской дѣятельности. Напротивъ, онъ много дѣлаетъ въ этой области и даже, какъ увидимъ ниже, рѣшается показать свѣту нѣкоторые свои труды, которые, по его мнѣнію, этого заслуживаютъ.

Первая статья, появившаяся въ свѣтъ, была, по словамъ В. В. Стасова, «Музыка и виртуозы», помѣщенная въ 1856 году въ *Библіотекѣ для чтенія*. Съ этой статьи начинается цѣлая плеяда музыкально-критическихъ статей, напечатанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ — газетахъ и журналахъ. Такъ, онъ сотрудничалъ въ *Библіотекѣ для чтенія*, *Пантеонѣ*, *Современникѣ*, *Сынѣ Отечества*, *Театральномъ и Музыкальномъ Вѣстникѣ* и во многихъ другихъ изданіяхъ; позднѣе самъ издавалъ органъ—*Театръ и Музыка*. Съ какой осторожностью онъ выступаетъ на общественную дѣятельность, не вслѣдствіе незнанія предмета, а исключительно вслѣдствіе безгранич-

наго самолюбія и тщеславія,—качества, которыми Сѣровъ обладалъ въ высшей степени,—можно судить по слѣдующему факту: въ 1841 г. онъ между прочимъ писалъ къ В. В. Стасову: «A propos, у меня теперь въ головѣ довольно серьезный замыселъ—написать, можетъ-быть, публичную статью о Моцартовомъ «Донъ-Жуанѣ» (28 сентября)». Вотъ что мы читаемъ въ письмѣ къ Дм. В. Стасову отъ 14 янв. 1853 г.:

«Въ субботу я отправилъ къ тебѣ статью о «Донъ-Жуанѣ», страницъ въ 40 печатныхъ: это—первая статья; другая будетъ такая же, если не больше».

Итакъ, Сѣровъ *двѣнадцать* лѣтъ не рѣшался привести свой планъ въ исполненіе; только спустя 12 лѣтъ появилось въ свѣтъ (*Пантеонъ* за 1853 г.) то, что онъ задумалъ еще въ 1841 г. Чѣмъ инымъ можно себѣ объяснить это обстоятельство, какъ не самолюбіемъ и тщеславіемъ? Никакія мнѣнія и никакіе авторитеты въ глазахъ такихъ натуръ не играютъ роли; единственнымъ критеріемъ для оцѣнки своихъ дѣйствій является свое «я». Эта черта характера Сѣрова ярче выступаетъ впослѣдствіи; мы съ ней встрѣтимся ниже, при обзорѣ его композиторской дѣятельности.

Одновременно съ сотрудничествомъ въ разныхъ органахъ, Сѣровъ занимался и композиторствомъ. Такъ, къ этому времени относится его опера «Майская ночь» на сюжетъ Гоголя. Первая мысль о ней относится къ 1852 г., какъ видно изъ письма къ Дмитрію Васильевичу Стасову:

«Дорóгой, «im freien Nachdenken», какъ говорятъ нѣмецкіе артисты, я много кое-чего придумалъ для оперы «Майской ночи»; надо написать объ этомъ моей либреттисткѣ» *) (27 октября 1852 г.).

Все письмо отъ 22 того же мѣсяца посвящено планамъ и подробностямъ о «Майской ночи». Что эта опера была почти вся окончена, видно изъ слѣдующаго письма отъ 28 января 1854 г.:

«Мнѣ кажется, что въ паѳосѣ будетъ главный элементъ моей музыки. Сегодня я внутренно еще болѣе убѣдился, что совладаю съ какимъ бы то ни было трагическимъ сюжетомъ и incesamment примусь за дѣло (есть и сюжетецъ въ виду),—благо *«Майская ночь» въ этомъ году непремѣнно будетъ же на сценѣ».*

*) Прасковья Михайловна Бакунина, въ Москвѣ.

Однако же она никогда поставлена не была. «Майская ночь» была имъ уничтожена, по разсказамъ Валентины Семеновны, благодаря недружелюбному отношенію къ этому произведенію со стороны В. В. Стасова. И въ этомъ фактѣ нельзя не видѣть черты, свойственной нѣкоторымъ великимъ художникамъ: стóитъ только кому-нибудь не похвалить, или тѣмъ болѣе осудить ихъ твореніе, чтобъ оно опротивѣло имъ и предано было уничтоженію.

Недовольство собой—коренная черта его характера (на чтó мы обратили особенное вниманіе въ первой главѣ) — не оставляетъ его и въ этомъ періодѣ, несмотря на то, что онъ ужь обратилъ на себя вниманіе всего русскаго музыкальнаго міра и пользовался громаднымъ именемъ въ качествѣ музыкальнаго критика. Такъ, въ письмѣ къ В. В. Стасову отъ 14 іюля 1857 года мы слышимъ тѣ же жалобы на свое положеніе, какія выступили и тамъ:

«Вообще, какъ подумаю, скверно. На плечахъ малому сорокъ лѣтъ (шутка!!!), а чтó сдѣлано?... Неужели только и будетъ, что аранжировки да статеишки въ журналахъ?! А приходится рукой махнуть, потому что, не въ примѣръ прежняго, я самъ *начинаю терять вѣру во что-нибудь лучшее*».

Но эта «потеря вѣры» вскорѣ замѣняется полной увѣренностью, которая ужь больше его не покидаетъ никогда и которая все возрастаетъ и доходитъ до своего апогея:

«Меньше, чѣмъ когда-либо, — пишетъ онъ,—имѣю я право колебаться и сомнѣваться въ своемъ артистическомъ призваніи. Я доставилъ себѣ нѣкоторую извѣстность, составилъ себѣ имя музыкальными критиками, писательствомъ о музыкѣ; но главная задача моей жизни будетъ не въ этомъ, а въ творчествѣ музыкальномъ» (9 ноября 1860 года).

Если онъ раньше говорилъ: «... теперь вопросъ «быть или не быть» для меня рѣшенъ, теперь я на каждый день смотрю какъ на бѣлый листъ, на которомъ я непремѣнно долженъ что-нибудь написать» (18 мая 1841 года),—то только черезъ девятнадцать слишкомъ лѣтъ эти слова были приведены въ дѣло только съ этого времени онъ дѣйствительно «употребляетъ каждый день на должное», работая и не боясь за себя, потому что его внутренній голосъ, его «я», разрѣшилъ ему всѣ сомнѣнія, сказалъ ему, выражаясь его же словами: «Александръ, вотъ твоя дорога; чуръ—не сбиваться!» И онъ дѣйствительно не сбивался, какъ мы это ниже увидимъ; но пока онъ себѣ пріобрѣлъ популярность и извѣстность въ качествѣ критика.

Разобрать всѣ его критическія статьи намъ не позволяетъ объемъ нашего очерка, да такой трудъ нисколько не входитъ въ нашу задачу, а скорѣе составляетъ предметъ отдѣльнаго сочиненія съ спеціальнымъ музыкальнымъ содержаніемъ; перечислить же просто, когда, въ какомъ органѣ и подъ какимъ заглавіемъ была имъ написана та или другая статья—мы не беремся, потому что такой перечень кажется намъ слишкомъ сухимъ и едва ли интереснымъ для читателей. Поэтому считаемъ болѣе удобнымъ ограничиться нѣсколькими мнѣніями представителей нашей прессы о его критической дѣятельности, желающихъ же ближе познакомиться со статьями Сѣрова и вмѣстѣ съ тѣмъ провѣрить, насколько справедливо приведенное нами то или другое мнѣніе, отсылаемъ къ тѣмъ органамъ, гдѣ печатались его произведенія. Съ этою цѣлью прилагаемъ къ концу нашего очерка болѣе или менѣе подробный «Списокъ критическихъ статей А. Н. Сѣрова, составленный *имъ* самимъ лѣтомъ 1869 года» (съ подлинной рукописи), заимствованный нами изъ *Музыкальнаго Сезона* (1871 года, № 17), издававшагося г. Фаминцынымъ при сотрудничествѣ Сѣрова.

Но прежде позволимъ себѣ сказать два слова по поводу 1859 года, когда въ дѣятельности Александра Николаевича случились два обстоятельства, имѣвшія общественное значеніе.

Въ этомъ году Сѣровъ предпринимаетъ, какъ намъ кажется, неслыханное до него дѣло, а именно: чтеніе публичныхъ лекцій о музыкѣ и о значеніи въ этомъ отношеніи М. И. Глинки, а чрезъ годъ (т. е. въ 1860 году)—такія же лекціи о Рихардѣ Вагнерѣ. Къ сожалѣнію, публика не очень благосклонно отнеслась къ этимъ предпріятіямъ, какъ легко можно убѣдиться изъ письма его къ М. П. Анастасьевой отъ 7 апрѣля 1859 года. Это письмо для насъ особенно важно еще и потому, что оно намъ ярко рисуетъ картину его матеріальнаго благосостоянія,—картину, которая едва ли вѣроятна повидимому, а между тѣмъ она говоритъ о фактѣ, повторяющемся, къ сожалѣнію, почти съ каждымъ нашимъ выдающимся талантомъ. Позволимъ себѣ привести отрывокъ:

«Обстоятельства мои отвратительны! Съ половины курса (съ 9-й лекціи) слушателей только сорокъ человѣкъ! (Онъ читалъ свои лекціи въ университетскомъ залѣ.) Дохода ни гроша!!... Я статьями плачу за лампы на лекціяхъ!... Вотъ Петербургъ! *У меня буквально по цѣлымъ недѣлямъ трехъ копѣекъ не слу-*

чается!... На извощика беру иногда взаймы!... Иногда приходится хоть въ петлю».

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ живутъ наши первоклассные таланты! Дѣло доходило до того, что онъ серьезно подумывалъ искать счастья за границей. И какъ было не озлобляться, видя такое равнодушіе со стороны публики къ такому предмету,—и гдѣ?—въ Петербургѣ, центрѣ русскаго музыкальнаго міра, гдѣ на разныя бездѣлицы и глупости, лишь бы на нихъ была *мода*, сыпятся десятки тысячъ рублей,—въ Петербургѣ, гдѣ стоитъ только появиться бенефисной афишкѣ какой-нибудь бездарной французской актрисы, въ родѣ Дика-Пти, чтобы десятки тысячъ являлись по подпискѣ для поднесенія ей подарковъ въ видѣ поощренія ея таланта (?!) отъ поклонниковъ! (*Поклонницъ* обыкновенно у такихъ артистокъ не бываетъ.) Или припомните, читатель, что происходило въ лагерѣ нашихъ «европейцевъ» во время пребыванія наиэксцентричнѣйшей Сарры Бернаръ... Неудивительно, что это озлобленіе у Сѣрова доходило до такихъ размѣровъ; но за то вполнѣ достойна удивленія и уваженія цѣль, которую преслѣдовалъ онъ во время предполагавшагося пребыванія за границей; о ней мы узнаемъ изъ того же письма, т. е. отъ 7 апрѣля 1859 года:

«... Если ужь удастся мнѣ,—продолжаетъ онъ,—уѣхать въ концѣ мая,—кончено, рѣшено: Россія меня долго не увидитъ! Я улепетываю, чтобы, выйдя въ отставку, жить въ Германіи «корреспондентомъ русскихъ журналовъ», жить не въ анаѳемскомъ Петербургѣ, гдѣ со стороны любви къ искусству ничего никто знать не хочетъ... У Маркса буду заниматься фугами и прочимъ для того, чтобы получить въ Берлинскомъ университетѣ *дипломъ доктора музыки*».

Такого же приблизительно содержанія и письмо къ этой же Анастасьевой отъ 19 марта 1860 года:

«Начиная съ Пасхи я открываю небольшой курсъ (восемь лекцій) полупублично, т. е. по подпискѣ, собственно о *Вагнерѣ* (авось за то удастся сганашить копѣйку, а то совсѣмъ «обтрепался», хуже нищаго! Платья нѣтъ! Сапогъ нѣтъ! Срамота, о которой говорить совѣстно)».

Кстати замѣтимъ, что Сѣровъ души не чаялъ въ Вагнерѣ, о чемъ онъ не разъ говоритъ въ своихъ письмахъ и доказалъ это на дѣлѣ, т. е. въ своихъ операхъ, гдѣ онъ является ярымъ послѣдователемъ его направленія. Стоитъ только припомнить его

письма о Вагнерѣ, чтобъ убѣдиться въ томъ, до чего Сѣровъ возноситъ его. Такъ, въ томъ же письмѣ онъ говоритъ:

«Я только и брежу Вагнеромъ. Его играю, изучаю, о немъ читаю, говорю, пишу, проповѣдую. Я горжусь тѣмъ, что могу быть его апостоломъ въ Россіи, и апостольство это будетъ сильнѣе, когда я буду кричать изъ-за моря».

Или раньше онъ говорилъ о немъ же: «Какъ въ критика, я въ него просто влюбленъ» (13 августа 1853 года).

Еще рельефнѣе выступаютъ его отношенія къ Вагнеру, какъ къ композитору, въ слѣдующемъ письмѣ. По поводу «Фиделіо» Бетховена, говоря о второмъ дѣйствіи, онъ между прочимъ пишетъ М. П. Анастасьевой: «... онъ (т. е. Бетховенъ) въ своемъ родѣ *не хуже Вагнера* (?!), — это, ты знаешь, по моимъ понятіямъ, необыкновенная похвала» (27 іюня 1859 года).

Намъ думается, что и этихъ фактовъ достаточно, чтобъ убѣдиться въ отношеніяхъ Сѣрова къ Вагнеру.

Мы позволили себѣ нѣсколько подробныхъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и немного уклониться отъ нашей задачи, потому что Вагнеръ игралъ весьма важную роль, какъ мы ужь отчасти видѣли, въ творческой дѣятельности Сѣрова, какъ критической, такъ и композиторской.

Однако Александръ Николаевичъ за границу не уѣхалъ и въ скоромъ времени получилъ приглашеніе сотрудничать по «Энциклопедическому Словарю». Во главѣ этого предпріятія въ матеріальномъ отношеніи стоялъ А. А. Краевскій; вся музыкальная часть была отдана Сѣрову съ гонораромъ въ сто рублей за печатный листъ. По этому поводу онъ пишетъ къ М. П. Анастасьевой:

«Il faut faire un travail qui reste. А то я до шестидесяти лѣтъ только «собираться» буду сдѣлать что-нибудь путное по искусству» (19 марта 1860 года).

Итакъ, первое обстоятельство состояло въ публичномъ толкованіи произведеній Глинки и Вагнера. Второе обстоятельство заключалось въ томъ, что Сѣровъ рѣшился въ этомъ году (т. е. въ 1859-мъ) дебютировать предъ публикой въ качествѣ композитора. А именно: въ одномъ изъ концертовъ Русскаго Музыкальнаго Общества былъ исполненъ его «Рождественскій гимнъ», — хоръ и терцетъ для однихъ женскихъ или дѣтскихъ голосовъ, въ совершенно духовномъ характерѣ, — написанный въ томъ же 1859 году. Пьеса имѣла большой успѣхъ и произвела сильное впечатлѣніе.

Обращаясь къ критической дѣятельности Александра Николаевича, невозможно, прежде всего, не проникнуться чувствомъ глубокаго уваженія къ нему, какъ къ человѣку, который *первый* своими публичными лекціями и статьями въ разныхъ органахъ печати обратилъ вниманіе публики на музыку, какъ на предметъ, достойный серьезной, научной критики. И эту честь приписываютъ ему всѣ безъ исключенія. Къ этому слѣдуетъ прибавить другое качество—талантливое, мастерское изложеніе предмета, обнаруживающее глубокое знаніе музыкальной литературы, основательное изученіе предмета, убѣдительный слогъ рѣчи и прекрасныя формы выраженія. И въ этомъ отношеніи всѣ критики его также соглашаются. Начнемъ съ тѣхъ, которые не особенно дружелюбно относятся къ нему, т. е. съ мнѣній гг. Стасова и Кюи.

«Критическія статьи этого періода (1850—1860 г.),—говоритъ В. В. Стасовъ,—блещутъ энергіей, остроуміемъ, ѣдкостью и полемическимъ задоромъ, привлекавшими массу и часто способствовавшими общему музыкальному развитію; онѣ всегда доказывали громадное знакомство съ музыкальной литературой и музыкальными созданіями, но *мало заключаютъ глубины* и игнорируютъ или не понимаютъ почти все созданное послѣ Бетхевена» (*Русская Старина* 1875 г., т. XIII).

Почти такое же мнѣніе высказалъ Ц. А. Кюи:

«Онъ былъ одаренъ богаче *всѣхъ* нашихъ остальныхъ музыкальныхъ критиковъ: съ прекраснымъ образованіемъ, начитанностью, огромнымъ запасомъ свѣдѣній, большими музыкальными техническими способностями, онъ соединялъ много остроумія, ѣдкости; языкъ его былъ бойкій, живой, выраженія—очень мѣткія, изложеніе—ясное» (*Петербургскія Вѣдомости* 1871 года, № 41).

Однако, резюмируя результатъ, котораго достигъ Сѣровъ своей критическою дѣятельностью, г. Кюи находитъ, что онъ успѣха не имѣлъ,—и затѣмъ, доискиваясь причинъ неуспѣха, онъ приходитъ къ слѣдующему небезъинтересному заключенію:

«... неуспѣхъ надо искать въ «артистическомъ увлеченіи» Сѣрова, *въ отсутствіи твердыхъ музыкальныхъ мнѣній*, въ слишкомъ частомъ руководствѣ исключительно личными мнѣніями» (тамъ же).

Приблизительно въ такомъ же духѣ высказался и г. Незнакомецъ (г. Суворинъ), мнѣніе котораго (хотя онъ не спеціалистъ

по музыкѣ) заслуживаетъ вниманія по вѣрности взгляда. Онъ говоритъ слѣдующее:

«Ему недоставало настоящей выдержки и спокойнаго анализа. Будучи человѣкомъ чрезвычайно живымъ, подвижнымъ, нервнымъ, страстнымъ, онъ часто увлекался своей впечатлительностью, своей нервностью, и является не столько критикомъ, сколько горячимъ полемистомъ. Но то, что было недостаткомъ въ немъ, какъ въ критикѣ, явилось достоинствомъ, какъ въ оперномъ композиторѣ» (*Петерб. Вѣдом.* 1871 г., № 45).

Это мнѣніе намъ болѣе всего нравится, какъ по своей основѣ (критика требуетъ спокойнаго анализа), такъ и потому, что оно исходитъ отъ такого человѣка, который не можетъ быть заподозренъ ни въ какихъ *личныхъ* интересахъ къ Сѣрову: ихъ дѣятельности совершено различныя; слѣдовательно, ни о какихъ слабостяхъ человѣческой натуры, отъ которыхъ не въ силахъ отречься даже самые цивилизованные люди, здѣсь рѣчи быть не можетъ.

Если таково мнѣніе о Сѣровѣ, какъ о критикѣ, представителей «новаторской школы», то легко себѣ представить мнѣніе противниковъ ея. Приведемъ на выдержку два изъ нихъ, доказывающія то уваженіе, которымъ Сѣровъ такъ заслуженно долженъ пользоваться. Вотъ мнѣніе г. Столыпина:

«Критическую свою дѣятельность Сѣровъ началъ раньше композиторской, т. е. приблизительно съ 1852 года. До 1863 г. Сѣровъ совершаетъ четыре крупные подвига: 1) Критическими статьями и популярными лекціями въ университетскомъ залѣ онъ *первый* внушаетъ русскому образованному обществу сознательную необходимость и желаніе не только слушать, но и понимать музыку,—словомъ, первый въ Россіи установляетъ правильную, научную музыкальную критику и знакомитъ общество съ настоящимъ направленіемъ и положеніемъ искусства на Западѣ. 2) *Первый* (курсивъ вездѣ г. Столыпина) сознаетъ и выясняетъ значеніе Глинки и блестящимъ образомъ защищаетъ его противъ *космополитическихъ* посягательствъ мнимыхъ поклониковъ «Руслана»,—посягательствъ, направленныхъ противъ пониманія Глинки, какъ новаго элемента въ искусствѣ,—элемента *народности*. 3) *Первый* достигаетъ такого глубокаго пониманія Бетховена, что наталкивается на открытіе монотематизма девятой симфоніи,—открытіе, которое одно ужь можетъ выдвинуть человѣка изъ толпы. 4) Четвертый его подвигъ—«Юдиѳь» (Мнѣніе о ней

ниже приведемъ при обзорѣ его композиторской дѣятельности.) (*Всемірная Иллюстрація* 1871 г., № 128).

Къ этому же лагерю относится и Ростиславъ (Ѳ. Толстой), музыкальный рецензентъ *Голоса*:

«... Невозможно отрицать услугъ, оказанныхъ г. Сѣровымъ даже въ качествѣ музыкальнаго критика. Самая запальчивость тона и ѣдкая, жолчная діалектика, возбуждая любопытство читателей, не мало способствовали развитію кружка людей, интересующихся серьезными музыкальными вопросами» (*Голосъ* 1865 г., № 357).

Таковы въ общихъ чертахъ мнѣнія о Сѣровѣ, какъ о критикѣ. Если въ этомъ отношеніи почти *всѣ* сходятся во мнѣніи, то этого никоимъ образомъ нельзя сказать о мнѣніяхъ о немъ же, какъ о композиторѣ. Напротивъ, здѣсь мы видимъ полную рознь между критиками: одни воздаютъ ему должную честь и дань восхищенія, другіе же, въ особенности нѣкоторые представители «новаторской школы», такъ называемой «могучей кучки», отводятъ ему мѣсто, котораго онъ во всякомъ случаѣ не заслуживаетъ. Впрочемъ, наша задача—не входить въ оцѣнку справедливости того или другого мнѣнія, не полемизировать съ тѣмъ или другимъ критикомъ, а констатировать факты, передать все, насколько это въ нашихъ силахъ, касающееся жизни и дѣятельности Сѣрова. Въ слѣдующей книгѣ перейдемъ къ фактамъ.

В. Баскинъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Поэту.

Бой за идею кипитъ во вселенной,
    Кроетъ арену туманъ.
Ты, барабанщикъ, поэтъ вдохновенный,
    Бей въ барабанъ, въ барабанъ!
Пусть барабаны во вражіемъ станѣ
    Громче, сильнѣй и грубѣй,
Знамя идеи трепещетъ въ туманѣ,—
    Ближе туда, не робей!
Лагерь бойцовъ съ каждымъ мигомъ рѣдѣетъ,
    Но не ослабни душой:
Горсточка если одна уцѣлѣетъ,—
    Бей въ барабанъ и для той...
Если-жь падетъ остальная вся братья,—
    Даже и трупы зови
Рокотомъ громкимъ вражды и проклятья,
    Звуками теплой любви.
Пусть мы падемъ подъ мглою туманной,
    Но, не дождавшись зари,
Самъ ты подъ собственный бой барабанный
    Съ звукомъ послѣднимъ умри!...

Л. Пальминъ.

Политика Россіи и Пруссіи въ эпоху предшествовавшую первому раздѣлу Польши.

(По оффиціальнымъ документамъ, изданнымъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ).

Въ предыдущей статьѣ *) мы сказали, что Фридрихъ II, овладѣвъ почти беззавѣтно умами Екатерины II и ея ближайшаго совѣтника и перваго министра, графа Никиты Ивановича Панина, тщательно старался не допускать ни малѣйшей тѣни чьего-либо посторонняго вліянія на нихъ, не только препятствуя союзу Россіи съ кѣмъ бы то ни было, кромѣ Пруссіи, но даже всѣми мѣрами стараясь удалить отъ дѣлъ тѣхъ изъ русскихъ дѣятелей, которые не желали служить прусскимъ цѣлямъ и отдѣляли интересы Россіи отъ интересовъ Пруссіи. Приведемъ нѣсколько весьма любопытныхъ инструкцій Фридриха своему петербургскому послу и депешъ этого послѣдняго, доказывающихъ эти факты съ несомнѣнной ясностію, равно какъ и то, до какой степени русскій дворъ поддавался этимъ маневрамъ.

По отношенію къ русскимъ дѣятелямъ, не поддававшимся вліянію Фридриха, въ высшей степени интересна борьба его съ бывшимъ Елизаветинскимъ канцлеромъ, гр. Бестужевымъ-Рюминымъ, котораго, послѣ тщетныхъ попытокъ свергнуть путемъ обыкновенныхъ дворскихъ интригъ, представилъ наконецъ Екатеринѣ государственнымъ измѣнникомъ (увѣдомленіе о существованіи заговора, въ которомъ будто бы участвуетъ Бестужевъ, и о послужившей поводомъ къ обвиненію перепискѣ его съ Маріей-Терезіей и съ кн. Кауницемъ прислано было изъ Берлина). Но такъ какъ эта борьба относится къ самому началу царствованія Екатерины и, ко времени возникновенія «диссидентскаго дѣла», давно уже успѣла окончиться полнымъ торжествомъ иностранныхъ враговъ нетерпѣвшаго Пруссію старика-графа, то мы на ней и не будемъ останавливаться, а перейдемъ прямо къ маневрамъ противъ князя Николая Ва-

*) *Русская Мысль*, кн. VII.

сильевича Репнина, русскаго министра и экстраординарнаго посла въ Варшавѣ. Это былъ человѣкъ впечатлительный, вспыльчивый до крайности, крутой и рѣзкій въ обращеніи, съ замашками, нѣсколько напоминавшими азіятскаго деспота, не останавливающагося ни передъ какимъ насиліемъ, когда подчиненные не такъ, или не достаточно быстро творятъ его волю. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ честнѣйшій человѣкъ и патріотъ въ полномъ смыслѣ слова, что Екатерина знала очень хорошо, такъ что взвести на него обвиненіе въ измѣнѣ не представлялось никакой возможности. Къ тому же онъ былъ роднымъ племянникомъ Панина и, слѣдовательно, имѣлъ при дворѣ такую протекцію, бороться съ которой было не только трудно, но и не безопасно въ собственныхъ интересахъ Фридриха, очень дорожившаго въ высшей степени полезнымъ для него поклонникомъ своимъ, Панинымъ. Между тѣмъ Репнинъ отнюдь не раздѣлялъ чувствъ своего дяди и въ дѣйствіяхъ своихъ въ Варшавѣ менѣе всего заботился о прусскихъ интересахъ. Облеченный почти неограниченною властью, опираясь на многочисленное войско, онъ деспотически распоряжался съ поляками и рѣзкостію своею раздражалъ ихъ до крайности. Но въ сущности онъ любилъ Польшу и искренно желалъ добра полякамъ, съ которыми часто и поступалъ такъ круто собственно потому, что они своимъ легкомысліемъ и своей несговорчивостію мѣшали ему принести Польшѣ всю ту пользу, какую онъ хотѣлъ и какая справедливо казалась ему столь же необходимой для интересовъ Россіи. Въ особенности не раздѣлялъ онъ и русскаго мнѣнія, будто интересы эти непремѣнно требуютъ поддержанія анархіи и постоянныхъ смутъ въ Польшѣ. И умъ, и честное сердце, и личный опытъ одинаково убѣждали его, что на такой почвѣ нельзя построить ничего прочнаго, и онъ всѣми силами старался водворить порядокъ, гдѣ только могъ, а главное—помочь расширенію и упроченію королевской власти. Ему приходилось при этомъ дѣйствовать до извѣстной степени наперекоръ екатерининской инструкціи, которая предписывала именно слѣдовать прусской системѣ. Но такъ какъ полномочія его были очень широки, а прусская система явствовала скорѣе изъ духа, чѣмъ изъ буквы инструкціи, по обыкновенію преисполненной красивѣйшихъ фразъ о безкорыстіи, о желаніи блага, объ обезпеченіи свободы и т. п., то Репнинъ имѣлъ полную возможность дѣйствовать согласно своимъ личнымъ убѣжденіямъ, не нарушая прямо долга повиновенія государынѣ. Это было ему тѣмъ легче, что, при всемъ своемъ поклоненіи Фридриху, Панинъ очень долго, просто до смѣшного для государственнаго человѣка, сохранялъ иллюзіи насчетъ его дѣйствительныхъ плановъ относительно Польши. Уже планъ раздѣла представленъ былъ Фридрихомъ Екатеринѣ, уже и самое слово «раздѣлъ» произнесено было между ними, а Панинъ все еще продолжалъ надѣяться, что король прусскій приметъ его проектъ «сѣвернаго союза» и станетъ добросовѣстно помогать упорядоченію польскихъ дѣлъ, съ цѣлію пріобрѣсти

въ Польшѣ союзницу: для себя—противъ Австріи, для Россіи—противъ Турціи. Его наивность въ этомъ отношеніи простиралась до того, что онъ черезъ Сольмса просилъ Фридриха «сдѣлаться другомъ польскаго короля и поддержать его на трудномъ пути своими разумными совѣтами». При этихъ воззрѣніяхъ Панинъ не могъ, разумѣется, находить ничего дурного въ политикѣ своего племянника и если въ чемъ-нибудь не одобрялъ его поступковъ, такъ только въ рѣзкости и деспотичности обращенія, которая раздражала и отталкивала отъ него самыхъ расположенныхъ къ Россіи поляковъ, а ужъ никакъ не въ искреннихъ стремленіяхъ его честно помочь имъ выйти изъ пагубной сумятицы внутреннихъ отношеній. Сближеніе съ королемъ онъ находилъ не только полезнымъ, но и необходимымъ; дружбу съ Чарторыжскими тоже одобрялъ вполнѣ, потому что видѣлъ въ нихъ наиболѣе разумныхъ людей изъ всего польскаго магнатства и разсчитывалъ, что, поддерживая ихъ, Россія достигнетъ своихъ цѣлей съ выгодою и для себя и для Польши. Диссидентское дѣло онъ принималъ близко къ сердцу; но не потому, чтобы видѣлъ въ немъ, какъ Фридрихъ, предлогъ къ вмѣшательству въ польскія дѣла и удобное средство въ конецъ деморализовать и безъ того погрязавшую въ деморализаціи страну, а потому, что въ немъ, по его мнѣнію, заинтересованы были честь Россіи и слава государыни, поручившейся диссидентамъ за возстановленіе ихъ правъ. Однимъ словомъ, онъ считалъ диссидентское дѣло временнымъ и чрезвычайно непріятнымъ эпизодомъ, который лучше всего было бы окончить въ желательномъ для Россіи смыслѣ путемъ уступокъ въ дѣлѣ измѣненія конституціи, сообразно съ завѣтными стремленіями Станислава Понятовскаго и его партіи. Согласно съ этимъ, Панинъ очень одобрительно смотрѣлъ на поддерживаемыя Репнинымъ попытки сосредоточить въ рукахъ королевской власти верховное управленіе финансами, военнымъ вѣдомствомъ и юстиціей и на образованіе постояннаго совѣта при немъ, первыхъ членовъ котораго Репнинъ долженъ былъ назначить вмѣстѣ съ королемъ. Онъ ничего не имѣлъ даже и противъ уничтоженія зловреднаго liberum veto и еслибъ ему предоставлена была свобода дѣйствій, оно бы и случилось непремѣнно.

Но свобода дѣйствій ему предоставлена не была. Фридрихъ II неусыпно слѣдилъ за каждымъ движеніемъ всѣхъ прикосновенныхъ къ польскимъ дѣламъ лицъ и буквально бомбардировалъ какъ Екатерину, такъ и Панина жалобами на Репнина. Особенно не прощалъ онъ послѣднему недовѣрія и холодности къ Бенуа, прусскому министру въ Варшавѣ, который такимъ образомъ лишенъ былъ возможности своевременно, т. е. заранѣе, узнавать многое изъ совершавшагося въ Польшѣ. Лично на Репнина въ этомъ отношеніи нельзя было подѣйствовать, ибо онъ слишкомъ горькимъ опытомъ изведалъ, насколько можно довѣряться прусскимъ дипломатамъ, и былъ такъ сказать застрахованъ отъ вліянія съ этой стороны (это онъ былъ посланникомъ въ Берлинѣ въ то время, когда

Фридрихъ провелъ и его и русскій дворъ притворной несговорчивостію на требованія Австріи, а самъ, между тѣмъ, путемъ секретныхъ непосредственныхъ переговоровъ заключилъ съ нею мирный договоръ, который и предложилъ уже готовымъ подписать ошеломленному Репнину). Оставалось, слѣдовательно, привести русскій дворъ къ тому, чтобъ онъ удалилъ такого неудобнаго для Пруссіи человѣка, тѣмъ болѣе, что Репнинъ мало того, что самъ держался, насколько могъ, въ сторонѣ отъ Бенуа, но еще поощрялъ къ тому же и поляковъ, которые, напримѣръ, не пускали его на засѣданія совѣта и на частныя свои совѣщанія, гдѣ постоянно присутствовалъ Репнинъ, и вообще стали относиться къ нему не очень дружелюбно. Къ сожалѣнію, вспыльчивость и неумѣстная рѣшительность русскаго министра, побуждавшія его первымъ дѣломъ и часто безъ всякой нужды прибѣгать къ мѣрамъ насилія, давали Фридриху какъ нельзя болѣе удобные случаи дѣйствовать противъ него. Компанія началась почти тотчасъ же по прибытіи Репнина на мѣсто. Депеши, сюда относящіяся, тѣмъ болѣе интересны, что по нимъ можно шагъ за шагомъ прослѣдить весь ходъ диссидентскаго дѣла и въ оообенности того, какъ, при всей грубости внѣшнихъ формъ, въ сущности благонамѣренно было отношеніе русскихъ къ полякамъ и какъ неумолимо жестоко, безпощадно враждебно отношеніе Пруссіи. Въ виду этого мы наиболѣе характерныя депеши приведемъ почти цѣликомъ. Вотъ что писали Сольмсу, отъ имени короля, Финкенштейнъ и Герцбергъ (прусскіе министры—государственный и иностранныхъ дѣлъ) 13 августа 1767 г.:

«Изъ подробностей, которыхъ вы коснулись въ разговорѣ вашемъ съ графомъ Панинымъ, по поводу польскихъ дѣлъ, я вижу, что министръ этотъ начинаетъ сознавать всѣ трудности, которыя они могутъ причинить его двору. Сѣмена разъединенія легко было посѣять въ этомъ государствѣ,—они и привились тамъ какъ нельзя лучше; *но еще увидимъ, дастъ ли эта жатва желанные плоды*. Затрудненіе все болѣе и болѣе увеличивается. Броженіе умовъ все усиливается. Каждый только и думаетъ, что о своихъ интересахъ или о своей личной ненависти, такъ что кн. Репнинъ далекъ отъ того, что ожидалъ найдти въ конфедераціи, къ образованію которой онъ такъ былъ расположенъ... Гр. Панинъ, кажется, очень много разсчитываетъ на удачу своихъ проектовъ и на соединенныя усилія кн. Репнина и г. Бенуа. Какъ тотъ, такъ и другой, конечно, очень ревностны и дѣятельны, но если только русскій министръ полагаетъ успѣхъ дѣла въ соединенныхъ трудахъ этихъ лицъ, то *надо желать, чтобы кн. Репнинъ относился къ г. Бенуа съ нѣсколько большимъ довѣріемъ, чѣмъ теперь, и чтобъ онъ посвящалъ его немного болѣе въ тѣ мѣры, которыя онъ намѣренъ предпринимать*. Дѣла отъ этого могутъ только выиграть, потому что г. Бенуа очень хорошо знакомъ съ положеніемъ ихъ, вслѣдствіе своего долгаго пребыванія въ Польшѣ, и *можетъ быть очень полезенъ кн. Репнину своими совѣтами*

и указаніями относительно того оборота, который слѣдуетъ придать дѣламъ и какъ за что слѣдуетъ взяться, чтобы хорошенько управлять умами, съ которыми тамъ приходится имѣть дѣло. Это—единственная причина, заставляющая меня желать, чтобы между нашими министрами существовало немножко побольше согласія, чѣмъ, какъ мнѣ кажется, есть теперь. Затѣмъ мнѣ совершенно безразлично, кѣмъ изъ нихъ будетъ сдѣлано дѣло, лишь бы оно было сдѣлано...»

Мѣсяцъ спустя тѣ же лица снова пишутъ Сольмсу: «... Вы очень хорошо сдѣлаете, если будете продолжать, какъ и прежде, говорить съ гр. Панинымъ въ томъ же духѣ о польскихъ дѣлахъ, хотя при этомъ вамъ слѣдуетъ соблюдать нѣкоторыя предосторожности». (Въ первый разъ Сольмсъ черезчуръ прямо говорилъ о Репнинѣ, что, какъ видно изъ его донесенія, не совсѣмъ понравилось Панину.) «Несомнѣнно, какъ я и писалъ вамъ въ моихъ послѣднихъ депешахъ, что дѣла переживаютъ большой кризисъ. Неблагонамѣрѣнные пользуются такимъ положеніемъ дѣлъ, чтобы какъ можно болѣе вооружить польскій народъ противъ видовъ Россіи. Между прочимъ, они распустили слухъ, будто императрица хочетъ овладѣть Бѣлоруссіей. Хотя г. Бенуа и кн. Репнинъ стараются, какъ только могутъ, опровергнуть такіе спѣшные слухи, но тѣмъ не менѣе они на многихъ производятъ дурное впечатлѣніе; самъ нунцій и—тотъ выражаетъ по поводу ихъ нѣкоторое безпокойство. Насчетъ дѣйствія этихъ ложныхъ слуховъ» (не лишнее замѣтить, что молва того времени не кому иному, какъ прусскимъ же агентамъ, приписывала распусканіе этихъ слуховъ) «можно быть спокойнымъ, я знаю, потому что факты сами собой уничтожатъ ихъ. Но есть предметъ болѣе важный, котораго слѣдуетъ опасаться, если сеймъ будетъ ограниченъ, это—*чтобы дворъ не попытался воспользоваться этимъ временемъ, чтобы ввести какое-либо учрежденіе, могущее послужить основаніемъ будущаго величія Польши.* Мнѣ извѣстно, что уже издалека подготовляютъ кн. Репнина оказать помощь подобнаго рода планамъ, какъ бы въ благодарность за будущее содѣйствіе двора въ диссидентскомъ дѣлѣ, а что послѣ этого будетъ поднятъ вопросъ, уже возбужденный кн. Чарторыжскими, въ отвѣтѣ ихъ на письмо гр. Панина, въ началѣ этого года. Русскій дворъ настолько знакомъ съ дѣломъ, что не можетъ содѣйствовать ни въ малѣйшей степени расширенію и увеличенію верховной власти въ Польшѣ. Какъ бы ни выгодно было дѣло возстановленія противъ диссидентовъ, оно никогда не можетъ имѣть перевѣса надъ общимъ желаніемъ русскаго и сосѣднихъ дворовъ: *не дозволять никогда Польшѣ выходить изъ состоянія слабости и инертности, въ которомъ она находится теперь*, и я надѣюсь, что гр. Панинъ серьезно обдумаетъ этотъ предметъ и не допуститъ, чтобы голосъ двора въ пользу диссидентовъ былъ купленъ такою несоотвѣтственною цѣной, на что тамъ, кажется, разсчитываютъ при возстановленіи ихъ правъ». И затѣмъ, пять дней

спустя, снова настоятельно повторяется: «Вы недурно поступите, если дадите понять гр. Панину,—конечно, съ должными предосторожностями,— какъ намъ важно не поддаваться никакимъ нововведеніямъ въ формѣ правленія въ Польшѣ противъ нынѣ существующей. Было бы, безъ сомнѣнія, слишкомъ дорого покупать возстановленіе диссидентовъ подобною цѣной». Въ отвѣтъ на это Сольмсъ доноситъ, что «здѣсь (въ Петербургѣ) начинаютъ быть очень недовольны нерѣшительностію поляковъ. Частыя перемѣны въ образѣ мыслей вельможъ польскихъ даютъ полный поводъ сомнѣваться въ искренности ихъ обѣщаній императорскому двору». Это расположеніе русскаго двора, безъ сомнѣнія, порадовало Фридриха, но то, что слѣдовало далѣе, вѣроятно пришлось ему еще болѣе по вкусу, такъ какъ онъ увидалъ, что не одинъ кн. Репнинъ всегда готовъ на какое-нибудь, всюду создающее Россіи враговъ, насиліе, но и самъ благоразумный первый министръ россійскій, гр. Панинъ, не прочь подчасъ перещеголять племянника. «Графъ Панинъ,—продолжаетъ свое донесеніе Сольмсъ,—въ такомъ гнѣвѣ, что только и говоритъ о дѣйствіи войсками и о томъ, чтобы схватить нѣсколькихъ лицъ. Этой участи онъ хотѣлъ, въ послѣднее время, подвергнуть краковскаго епископа. Онъ находитъ, что имѣетъ право такъ поступить по деклараціи ея императорскаго величества, въ которой говорится, что она будетъ смотрѣть какъ на нарушителей общественнаго спокойствія на всѣхъ тѣхъ поляковъ, которые станутъ возставать противъ ея намѣреній, и что съ таковыми она поступитъ весьма строго. Такъ какъ возмутительное пастырское посланіе этого епископа служитъ явною уликой его сопротивленія, то онъ считаетъ себя вправѣ схватить его и посадить въ тюрьму. Не знаю, будетъ ли онъ настаивать на этомъ рѣшеніи, особенно послѣ того, какъ ему представили доводы, что подобное насиліе можетъ не привести къ его цѣли, что фанатики будутъ смотрѣть на епископа какъ на принявшаго мученическій вѣнецъ ради ихъ дѣла и что они выместятъ его участь на диссидентахъ и ожесточатся еще болѣе. Напротивъ того, еслибъ онъ могъ силой отстранить или привлечь подкупомъ эмиссаровъ, шляхтичей и мелкій людъ, находящійся на службѣ магнатовъ оппозиціи, онъ ихъ обезоружилъ бы, лишивъ магнатовъ оппозиціи ихъ приверженцевъ и оставивъ ихъ черезъ это въ бездѣйствіи. Кажется, нерѣшительность многихъ поляковъ происходитъ отъ внушеннаго имъ подозрѣнія, будто императрица вошла въ тайныя соглашенія съ польскимъ королемъ и что, добившись для диссидентовъ того, чего она требуетъ, она затѣмъ броситъ ихъ и предоставитъ мести двора. Вспыльчивость кн. Репнина, который, говорятъ, часто дурно обращается съ людьми, можетъ быть и служитъ причиной того, что онъ не можетъ разубѣдить ихъ въ противномъ. Но такъ какъ мы ожидаемъ сюда, въ скоромъ времени, четырехъ депутатовъ отъ конфедерацій, то остается еще надежда черезъ ихъ посредство увѣрить друзей нашихъ въ настоящихъ намѣреніяхъ Россіи и тѣмъ убѣдить ихъ твердо держаться ея

партіи. Несмотря на то, что дѣла идутъ не съ такою быстротой, какъ въ началѣ разсчитывали, тѣмъ не менѣе гр. Панинъ нисколько не сомнѣвается въ успѣхѣ и съ прежнею настойчивостью надѣется довести ихъ до конца. Онъ недавно еще говорилъ мнѣ, что русская императрица столько разъ и письменно и словесно поручалась за это дѣло, что, будучи связана своимъ словомъ, она отступить теперь не можетъ и что слѣдуетъ настойчиво идти впередъ. Самъ онъ увѣренъ въ успѣхѣ».

Донесеніе серьезное и такого свойства, что оно должно было взволновать Фридриха. Онъ былъ государь рѣшительный и смѣлый и совѣсть у него была чрезвычайно эластичная, никогда не вынуждавшая его останавливаться ни передъ какими насиліями или обманомъ, если они почему-либо казались ему необходимыми. Интересы и величіе Пруссіи—вотъ единственная цѣль, которая всегда была присуща его уму, единственный принципъ, которымъ онъ руководствовался. Если для этой цѣли и ради этого принципа нужно было совершить что-либо въ общепринятомъ смыслѣ безчестное или возмутительно-жестокое, онъ это совершалъ, не задумываясь. Но самодурства въ немъ не было и тѣни и прибѣгать къ насиліямъ безполезнымъ, или даже когда являлась хоть малѣйшая возможность обойтись безъ нихъ, онъ не любилъ. Въ особенности никогда не позволялъ онъ себѣ насилія надъ отдѣльными личностями, которыхъ всегда предпочиталъ подкупать деньгами или лестью, смотря по обстоятельствамъ. Свойственная-таки, надо сознаться, большинству русскихъ людей склонность всегда первымъ дѣломъ пустить въ ходъ кулачную расправу, а потомъ ужь разсудить, нужно ли это было, сильно не нравилась Фридриху и онъ обыкновенно старался воздерживать ихъ отъ нея. Когда онъ считалъ это нужнымъ и хотѣлъ, онъ умѣлъ, въ такихъ случаяхъ, говорить очень энергическимъ языкомъ не только съ Панинымъ, но и съ самой Екатериной. Во время избранія Понятовскаго, напримѣръ, когда тоже вздумали было съ самаго начала прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ, Фридрихъ не стѣснился даже пригрозить, что откажется помогать Россіи, если будутъ неосмотрительными поступками доводить дѣло до крайности. Въ письмахъ къ Екатеринѣ (тоже частію изданныхъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ) онъ съ злой и весьма мало скрываемой ироніей настойчиво совѣтуетъ ей быть поумѣреннѣе, а послу своему предписываетъ въ то же время деликатно и дружески, но энергично удерживать русскій дворъ отъ слишкомъ крутыхъ мѣръ. Въ данномъ же случаѣ, т. е. узнавъ о замышляемыхъ Панинымъ произвольныхъ арестахъ и т. п., Фридрихъ, наоборотъ, не только не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки отговорить его отъ этихъ неистовыхъ плановъ, но даже и виду не подалъ, что знаетъ о нихъ. Ни въ перепискѣ съ Екатериной, ни въ депешахъ, находящихся въ «Сборникѣ», изъ котораго мы заимствуемъ матеріалъ, нѣтъ и слѣда сдерживающихъ совѣтомъ Фридриха. Онъ преспокойно оставилъ русскій дворъ слѣдовать своему есте-

ственному влеченію и только два мѣсяца спустя, когда фактъ насилія уже совершился, удостоилъ обратить на него вниманіе. Мы поговоримъ сейчасъ о причинахъ такого необычнаго образа дѣйствій, да онѣ и сами сдѣлаются ясны, какъ Божій день, когда мы приведемъ депешу, относящуюся къ аресту епископовъ краковскаго и кіевскаго. Теперь же, чтобы не прерывать послѣдовательности изложенія, обратимся къ продолженію маневровъ противъ политики Репнина и его личности и «долбленія» насчетъ зловредности какихъ бы то ни было измѣненій во внутреннемъ строѣ Польши.

Въ теченіе осени Репнинъ, подъ вліяніемъ нарочитыхъ приказаній, показавшій было видъ сближенія съ Бенуа, снова вернулся къ своей прежней сдержанности относительно его и опять сталъ посвящать вопросамъ внутренняго строя Польши больше вниманія, чѣмъ это входило въ виды Фридриха. Между тѣмъ открылся сеймъ, первыя засѣданія котораго оказались весьма бурными. Поляки, наэлектризованные съ одной стороны религіознымъ фанатизмомъ своего духовенства, съ другой — темными слухами о намѣреніи русской императрицы уничтожить и конституцію и республику въ Польшѣ и сдѣлать въ ней Станислава Понятовскаго самодержавнымъ государемъ, въ благодарность за что первымъ актомъ самодержавія Понятовскаго должна быть уступка Россіи Бѣлоруссіи (такъ представляли имъ доброжелатели Россіи тѣ ничтожныя полумѣры, на стремленіе короля къ которымъ русская власть не отвѣчала еще положительнымъ отказомъ),—поляки волновались чрезвычайно и партія, враждебная «ставленнику царицы», росла съ каждымъ днемъ. Поднимался уже вопросъ о томъ, кѣмъ замѣнить Понятовскаго,—до того необходимость свергнуть его казалась большинству очевидной. Положеніе слишкомъ удобное для того, чтобы въ Берлинѣ не постарались его эксплуатировать. Вѣроятно, за это время много депешъ было отправлено къ гр. Сольмсу, но ихъ въ «Сборникѣ», изъ котораго мы заимствуемъ матеріалъ, не находится. Первая депеша, слѣдующая за вышеприведеннымъ донесеніемъ Сольмса, помѣчена 17 октября 1767 года. «Изъ депешъ моихъ, отправленныхъ вамъ нѣсколько недѣль тому назадъ,— значится въ ней,—вы знаете, что въ Варшавѣ говорятъ о проектѣ, составленномъ польскимъ королемъ для увеличенія его власти посредствомъ образованія съ этою цѣлью постояннаго совѣта при немъ. Подозрѣваютъ, что русскій посолъ оказываетъ въ нѣкоторой степени свое содѣйствіе въ этомъ двору для того, чтобы склонить его ускорить рѣшеніе диссидентскаго дѣла. Сначала эти слухи были основаны лишь на однихъ предположеніяхъ, теперь же они, повидимому, становятся достовѣрными, и, судя по послѣднимъ письмамъ, полученнымъ изъ Варшавы, почти не подлежитъ сомнѣнію, что между королемъ и кн. Репнинымъ существуетъ какое-то соглашеніе насчетъ...» (пропускъ въ текстѣ: нѣсколько словъ не разобрано). «*Это-то именно и произвело волненіе*, обнаружившееся на первыхъ

засѣданіяхъ только-что открывшагося сейма, и это служитъ причиной затрудненій, которыя русскій посолъ встрѣтилъ при назначеніи депутаціи для окончательнаго рѣшенія диссидентскаго дѣла. Нація только потому и противится съ такою горячностію этой депутаціи, что боится, чтобъ она...» (опять пропускъ въ текстѣ). Въ то время, какъ эта депеша ѣхала въ Петербургъ, изъ Варшавы въ Берлинъ прибыла другая, извѣщавшая, что, по разнымъ причинамъ, кн. Репнинъ и самъ нашелъ неудобнымъ потворствовать видамъ польскаго короля и уже далъ слово г. Бенуа дѣйствовать съ нимъ согласно. Въ Берлинѣ этому очень обрадовались, однако пощадить кн. Репнина и избавить его отъ лишняго выговора не сочли нужнымъ,—совсѣмъ наоборотъ. «Я весьма доволенъ,— говорится въ новой депешѣ къ Сольмсу,—что этотъ опасный проектъ вполнѣ рушился, но все же это нисколько не должно мѣшать гр. Панину отправить русскому послу тѣ приказанія, о необходимости которыхъ я уже говорилъ ему черезъ ваше посредство. Если они будутъ лишними ему въ данномъ случаѣ, то пригодятся въ будущемъ». Предосторожность старинныхъ педагоговъ, наказывавшихъ учениковъ своихъ pro memore, далеко не лишняя по отношенію къ кн. Репнину, еслибы только поручить ее кому-нибудь другому, а не гр. Панину. Не успѣлъ этотъ послѣдній услыхать минутное одобреніе дѣйствіямъ своего племянника, какъ уже Бенуа донесъ своему государю, что давно извѣстный ему въ проектѣ арестъ епископовъ состоялся. На этотъ разъ Фридрихъ удостоилъ обратить вниманіе на это обстоятельство. Онъ заговорилъ о немъ въ томъ тонѣ, который, какъ онъ зналъ, всегда производилъ впечатлѣніе на русскій дворъ и заставлялъ его—хоть и противъ воли иногда—подчиняться своему геніальному сосѣду. «Польскій сеймъ,—строго писалъ Фридрихъ,—становится со дня на день все болѣе и болѣе бурнымъ и я не предвижу, наконецъ, какой исходъ онъ можетъ имѣть. Мои послѣднія письма изъ Варшавы помѣчены 14-мъ числомъ и до этого дня, съ самаго своего открытія, сеймъ нисколько не подвинулся впередъ. Кн. Репнинъ дошелъ до такой крайности, которая вызоветъ крики негодованія и даже не преминетъ произвести сенсацію за границей. Я говорю о насильственномъ арестованіи епископовъ краковскаго и кіевскаго, извѣстіе о которомъ вы вѣроятно уже получили. Правда, что эти прелаты поджигали оппозиціонную партію и что первый изъ нихъ въ особенности явно нарушилъ обязательства, принятыя на радомскомъ актѣ, и такимъ образомъ сдѣлался виновнымъ противъ той самой конфедераціи, на которую самъ прежде согласился и которая теперь имѣетъ полное право наказать его за это, или, по крайней мѣрѣ, удалить, чтобы предупредить еще бо́льшія несчастія. Но къ какой бы увёрткѣ ни прибѣгнули для оправданія этого насилія, я сомнѣваюсь, чтобъ его можно было чѣмъ-нибудь замаскировать, и этотъ случай усугубляетъ мое желаніе, чтобы все это поскорѣе кончилось. Князь своею неумѣстною вспыльчивостію

испортилъ дѣло съ самаго начала: вмѣсто того, чтобы стараться привлечь поляковъ на свою сторону мягкимъ обращеніемъ, какъ бы слѣдовало, онъ своею горячностью натолкнулъ и вооружилъ всѣхъ противъ себя. Но я и самъ сознаю, что зло уже совершено и что зашли слишкомъ далеко, чтобы можно было отступать. Все, чего я прошу въ столь критическихъ обстоятельствахъ, это чтобы не вздумали, по крайней мѣрѣ, ради возстановленія правъ диссидентовъ, согласиться на какую-либо перемѣну въ образѣ существующаго образа правленія. Для представленій, которыя вы должны сдѣлать по этому предмету, прошу васъ слѣдовать наставленіямъ, посланнымъ вамъ съ двумя послѣдними почтами».

Кто подумаетъ, читая эту депешу, что авторъ ея давнымъ-давно предвидѣлъ и конечно успѣлъ двадцать разъ обдумать событіе, о которомъ говоритъ? Не кажется ли, будто оно ошеломило его своей неожиданностію, будто оно даже и въ воображеніи никогда не представлялось ему возможнымъ? А между тѣмъ мы знаемъ, что Фридрихъ имѣлъ полную возможность не только предвидѣть, но и предотвратить его, еслибы хотѣлъ. Не ясно ли, что и это молчаніе въ началѣ, это необычное предоставленіе свободы дѣйствій Россіи и это притворное направленіе все имѣло одну и ту же цѣль: дать русскимъ государственнымъ людямъ надѣлать всякихъ необдуманныхъ и опасныхъ выходокъ, позволить имъ запутаться въ собственныхъ сѣтяхъ и затѣмъ, представивъ имъ, къ какимъ гибельнымъ послѣдствіямъ это можетъ привести, страхомъ этихъ послѣдствій заставить ихъ безусловно подчиниться его, Фридриха, волѣ? По обыкновенію, неустанно практиковавшееся имъ «долбленіе» по вопросу о внутреннихъ порядкахъ въ Польшѣ на этотъ разъ если и не оставалось совершенно безуспѣшнымъ, то все же производило дѣйствіе не въ той полнотѣ, какъ бы хотѣлось Фридриху. Необходимо было найти предлогъ пустить въ ходъ другого боевого коня—застращиваніе, и онъ съ обычнымъ своимъ искусствомъ воспользовался благопріятнымъ для того случаемъ. Своимъ нетерпѣніемъ и страстію къ насилію русскіе государственные дѣятели сами поставили Россію въ положеніе, которое не безъ основанія можно было назвать критическимъ, — странно было бы Фридриху не воспользоваться этимъ. Есть даже серьезныя основанія думать, что онъ и самъ былъ въ значительной степени причастенъ къ возникновенію тѣхъ событій, которыя сразу истощили крошечный запасъ терпѣнія Панина и Репнина и заставили перваго напасть на мысль, а второго—исполнить актъ насилія, долженствовавшій «вызвать крики негодованія и даже произвести сенсацію за границей». Какъ извѣстно, многіе польскіе историки свидѣтельствуютъ, что Пруссія поддерживала подъ рукою враждебныя русско-королевской партіи мелкія конфедераціи и мы увидимъ ниже, что о томъ же самомъ извѣщали въ то время русскій дворъ иностранныя державы, враждебно относившіяся къ Фридриху II и имѣвшія, поэтому, основаніе желать разрыва тѣсной дружбы съ нимъ Екатерины.

Она, разумѣется, этому не вѣрила; не вѣрили и покорно вторившіе императрицѣ русскіе государственные люди. Но если даже не принимать во вниманіе вообще справедливой пословицы, что нѣтъ дыма безъ огня, то ужь одно странно: двусмысленное поведеніе Фридриха, обнаруживаемое нынѣ опубликованною дипломатическою перепиской его съ послами, доказываетъ, что въ данномъ случаѣ слухи не были вполнѣ безосновательны. Къ такому образу дѣйствій его должно было побудить не одно только желаніе произвести моральное насиліе надъ русскимъ дворомъ. У него была и другая цѣль, о которой мы уже упоминали выше: ему выгодно и нужно было натравливать русскихъ и поляковъ другъ на друга, выгодно и нужно всегда, а въ такое время, когда возникло опасеніе, какъ бы Россія не вздумала уклониться съ пути, указаннаго ей прусскими интересами, и не пошла своей собственною дорогой,—въ такое время даже необходимо. Что поводъ къ такому опасенію существовалъ, это не подлежитъ сомнѣнію и донесенія Сольмса доказываютъ это съ полной очевидностію. Вотъ какъ онъ описываетъ свои наблюденія и свои разговоры съ Панинымъ насчетъ вопроса, всецѣло поглощавшаго вниманіе Фридриха, то-есть объ измѣненіяхъ въ формѣ правленія Польши: «Давнишнія, но частыя попытки польскаго двора добиться перемѣны, которая могла бы впослѣдствіи имѣть большое значеніе для Польши, тѣмъ болѣе не могли ускользнуть отъ замѣчательной проницательности вашего величества, что *вы наблюдаете за всѣмъ происходящимъ тамъ съ меньшимъ пристрастіемъ, чѣмъ это дѣлается въ Россіи*. Боязнь неуспѣха (диссидентскаго дѣла) дѣлаетъ то, что здѣсь хватаются съ жаромъ за всякія средства, обѣщающія успѣхъ, не давая себѣ труда обдумать ихъ предварительно. Это даетъ возможность польскому королю учрежденіемъ финансовыхъ коммиссій увеличивать свои доходы, а военныхъ—взять подъ свое вліяніе гвардейскіе полки, то-есть забрать себѣ такія преимущества, которыми не пользовались его предшественники. Новый проектъ, о которомъ теперь идетъ рѣчь, можетъ быть изъ числа такихъ, которые, будучи различны по внѣшности, въ сущности стремятся къ одной и той же цѣли — увеличенію власти короля. Я говорю о проектѣ учрежденія постояннаго совѣта при особѣ польскаго короля, который дѣйствовалъ бы въ промежуткахъ между сеймами,—проектѣ, безъ сомнѣнія, уже извѣстномъ вашему величеству». (Эта депеша написана гораздо раньше предыдущихъ трехъ.) «*Когда сюда пришло извѣстіе о немъ, я немедленно предостерегъ гр. Панина, стараясь вооружить гр. Панина противъ этого и внушить ему подозрѣніе*. Я представилъ ему, что чрезмѣрная предупредительность польскаго короля къ русскому двору и обѣщанія его оказать свое содѣйствіе всѣмъ видомъ послѣдняго должны казаться подозрительными со стороны такого государя, который еще не такъ давно своими дѣйствіями и своими собственными письмами къ русской императрицѣ заявлялъ въ отношеніи къ ней совершенно противуположныя

чувства. Я даже рѣшился высказать мои соображенія по поводу кн. Репнина, что лестное положеніе, въ которомъ онъ находится, видя, какъ самъ король унижается предъ нимъ, можетъ ослѣпить его и отвести ему глаза отъ скрытыхъ намѣреній короля, заставивъ его слишкомъ легко войти въ запутанныя дѣла, требующія хладнокровія и безпристрастія, чтобы судить о нихъ надлежащимъ образомъ... Мнѣ показалось, что, выслушавъ все за и противъ, гр. Панинъ остановился на томъ рѣшеніи, чтобъ ему присылали сюда всѣ проекты предложеній, которые будутъ поданы тамъ кн. Репнину. *Что касается въ частности проекта о постоянномъ совѣтѣ, онъ того мнѣнія, что проектъ этотъ исходитъ не отъ короля, а скорѣе отъ противной ему партіи, и что онъ стремится скорѣе къ ограниченію королевской власти, нежели къ расширенію ея.* Тѣмъ не менѣе онъ согласился со мною, что прежде, чѣмъ рѣшиться на него, надо его хорошенько обсудить. *Что касается кн. Репнина, онъ считаетъ его неспособнымъ впасть въ заблужденіе.* Онъ говоритъ, что, кромѣ долга службы, замѣшанная въ успѣхѣ переговоровъ честь его должна служить достаточною гарантіей въ томъ, что онъ не вступитъ на ложный путь, а по положенію, имъ занимаемому, на немъ лежитъ такая задача, въ которой стѣснять его въ выборѣ средствъ для достиженія цѣли было бы неудобно. Мы, находясь вдали отъ него, не можемъ судить о каждыхъ отдѣльныхъ его мѣрахъ и должны вполнѣ вѣрить, что онъ не изберетъ другихъ средствъ, кромѣ самыхъ вѣрныхъ. Такъ какъ его разсужденіе въ отвлеченіи кажется вполнѣ вѣрнымъ, то я не настаивалъ болѣе на этомъ предметѣ и счелъ только необходимымъ настаивать на томъ, что не въ интересахъ вашего величества и Россіи благопріятствовать видамъ польскаго короля...» Принимая во вниманіе политическія цѣли Фридриха и его пятилѣтнюю привычку командовать не только поступками, но и мыслями и чувствами русскаго двора, нетрудно представить себѣ, какъ эти воззрѣнія вліятельнѣйшаго русскаго министра должны были раздражать его. Навѣрное онъ предпочелъ бы даже рѣшительный отпоръ своимъ планамъ, сознательное соперничество, открытую борьбу этой нерѣшительности, этой ужасной политикѣ полумѣръ, съ которой никогда нельзя разсчитать навѣрное, нельзя поручиться за завтрашній день. А Панинъ въ каждомъ шагѣ, въ каждомъ словѣ своемъ выказывалъ именно эти нерѣшительность и полумѣрность. Съ одной стороны онъ съ непонятною наивностью поддавался Фридриху и былъ его покорнѣйшимъ и преданнѣйшимъ слугою до того, что Сольмсъ имѣлъ возможность и право написать однажды такую, напримѣръ, совсѣмъ ужь дико звучащую, фразу: «*Сохраненіе величія Прусской монархіи составляетъ одинъ изъ основныхъ принциповъ русской политики*». Эти, для всякаго смѣшныя, но для русскаго еще и возмущающія душу, слова были вовсе не въ шутку и не въ насмѣшку, а весьма серьезно сказаны Сольмсомъ именно о Панинѣ— по поводу одного изъ его проектовъ, направленныхъ

къ осуществленію его любимой идеи «сѣвернаго союза». Этотъ проектъ, какъ и всѣ ему подобные, отнюдь не удовлетворилъ ни Сольмса, ни тѣмъ менѣе самого Фридриха, но первый все же съ понятнымъ въ пруссакѣ восторгомъ говоритъ о немъ, что въ «немъ есть двѣ вещи, которыя должны сдѣлать его драгоцѣннымъ для всѣхъ тѣхъ, которые желаютъ постояннаго союза между вашимъ величествомъ и Россіей. Во-первыхъ, то, что первая идея этого министра, служившая основаніемъ всѣмъ его дальнѣйшимъ разсужденіямъ, состояла въ соблюденіи интересовъ вашего величества. Графъ не имѣлъ времени приготовиться къ предмету, который онъ взялся мнѣ выяснить, а потому это обстоятельство, кажется, можетъ служить доказательствомъ того, что сохраненіе величія Русской монархіи составляетъ одинъ изъ основныхъ принциповъ русской политики. Во-вторыхъ... и т. д.». Но, будучи почти рабомъ Фридриха съ одной стороны, Панинъ съ другой стороны постоянно болѣе или менѣе противорѣчилъ его видамъ. Правда, это противорѣчіе ни къ чему не вело, потому что, во-первыхъ, Екатерина хотя и совѣтовалась съ нимъ обо всемъ, но поступала всегда по-своему; во-вторыхъ, и самъ онъ въ концѣ концовъ, наслушавшись вѣчныхъ повтореній одного и того же, приходилъ къ повиновенію Фридриху. Но случалось это большею частію лишь послѣ того, какъ какое-нибудь «случайное и непредвидѣнное» (для Панина) внѣшнее затрудненіе рѣзко напоминало ему, что обойтись безъ короля прусскаго никакъ невозможно. Поэтому понятно, что Фридриху нельзя было вполнѣ положиться на такого колеблющагося поклонника и что возня съ нимъ должна была казаться ему нестерпимой. Да и «затрудненія» могли не всегда оказаться подъ рукой въ должномъ количествѣ: создавать ихъ тоже бываетъ совсѣмъ не легко, тѣмъ болѣе, что все это требуетъ времени, а въ преклонные уже тогда годы Фридриха откладывать надолго исполненіе завѣтныхъ плановъ не приходилось. Еще относительно другихъ международныхъ отношеній своихъ Панинъ, равно какъ и Екатерина оказывались довольно удобоуправляемыми. Разъ они согласились было вступить въ союзъ съ Англіей, но Фридрихъ былъ противъ этого, и они ограничились торговымъ договоромъ. Въ другой разъ Панинъ совсѣмъ ужь собрался было оторвать отъ Австріи и втянуть въ свой «сѣверный союзъ» Саксонію, отлично подвелъ мины и нашелъ какъ нельзя болѣе подходящее орудіе въ лицѣ саксонскаго посланника графа Сакена, удивительнѣйшаго субъекта, который, будучи посланникомъ католической державы, открыто поощрялъ въ Польшѣ диссидентовъ къ сопротивленію политическимъ требованіямъ католическаго духовенства и заранѣе гордился мыслію, что онъ, графъ Сакенъ, будетъ тѣмъ славнымъ мужемъ, который «введетъ Саксонію въ новую систему». Панинъ ужь обѣщалъ ему испросить для него голубую ленту, готовилъ ему самый радушный пріемъ въ Петербургѣ,— словомъ, дѣло казалось настроено отличнѣйшимъ образомъ, оставалось только получить согласіе прусскаго короля. Но вмѣсто согласія послѣдовалъ

категорическій отвѣтъ слѣдующаго содержанія: «...Скажите ему (Панину) непремѣнно, что я ставлю условіемъ sine qua non, чтобы Россія никоимъ образомъ и ни подъ какимъ предлогомъ не заключала союза съ Саксоніей. Судя по опыту, я знаю, что мои интересы никогда не могутъ быть общими съ этимъ дворомъ, и потому ни за что не приму участія ни въ какомъ союзѣ, который Россія вздумаетъ заключить съ нимъ». Къ этому собственною рукой Фридриха приписано было: «Въ сторону саксонцевъ, или я съ этой же минуты буду считать нашъ союзъ (съ Россіей) недѣйствительнымъ». Этого было достаточно: саксонцевъ, какъ ненужную вещь, безпрекословно бросили въ сторону, и Панинъ никогда не выражалъ даже сожалѣнія о томъ. Но въ отношеніи польскихъ дѣлъ, т. е. тѣхъ, которыя именно составляли исходный пунктъ и центръ стремленій Фридриха, онъ выказывалъ далеко не такую абсолютную податливость. Тутъ не было ни одного вопроса, въ которомъ онъ, вполнѣ соглашаясь съ прусскимъ королемъ въ общемъ, не расходился бы съ нимъ въ подробностяхъ, и притомъ въ такихъ, которыя Фридрихъ считалъ весьма существенными. Относительно liberum veto онъ давно уже убѣдилъ русскаго министра, что его сохраненіе абсолютно необходимо для интересовъ Пруссіи и Россіи. Но было три второстепенныхъ пункта: образованіе постояннаго совѣта, уничтоженіе должностей великаго гетмана и главнаго казначея, съ замѣною ихъ военной и финансовой коммиссіями, и причисленіе экономическихъ дѣлъ къ разряду такихъ, которыя могутъ рѣшаться только единодушнымъ постановленіемъ сейма,—и насчетъ этихъ трехъ пунктовъ и еще насчетъ Репнина Фридриху удалось сладить съ Панинымъ не иначе, какъ путемъ «затрудненій». Постояннымъ совѣтомъ онъ пожертвовалъ только послѣ минутнаго переполоха по случаю ареста епископовъ, да и то вѣроятно не поспѣшилъ бы такъ, еслибы зналъ заранѣе, какъ вполнѣ равнодушно отнесутся къ этому католическія державы, изъ которыхъ ни одна даже энергическаго протеста не прислала. Что же касается до остальнаго, то тутъ только опасность войны съ Турціей заставила его уступить. Даже въ началѣ 1768 года, т. е. уже наканунѣ войны (впрочемъ тогда еще не грозившей Россіи безповоротно), онъ все еще отстаивалъ для Россіи право хоть мало-мальски поддержать Польшу въ ея грустномъ положеніи. «Насчетъ возстановленія двухъ главныхъ должностей (гетмана и казначея),—доноситъ Сольмсъ Фридриху въ половинѣ января 1768 года,—графъ Панинъ высказалъ мнѣ надежду, что ваше величество не будете непремѣнно настаивать на этомъ, какъ на чемъ-либо безусловно необходимомъ, да что кромѣ того ему и времени не хватитъ, чтобы подготовить умы и дѣла къ новой перемѣнѣ. Онъ льститъ себя еще надеждой, что ваше величество, представивъ себѣ внутреннее состояніе Польской республики, замѣтите, что для интереса обоихъ дворовъ выгоднѣе раздѣлить власть по этимъ должностямъ между нѣсколькими членами коммиссіи, чѣмъ, какъ было прежде, отдать ее въ руки немногихъ лицъ, ко-

торыя деспотически ею пользовались. Что такъ какъ Россія уже давно имѣетъ дѣло съ Польшей, то она имѣла случай вполнѣ убѣдиться, насколько власть великихъ гетмановъ могла быть опасной. Что не всѣ коммиссары могутъ быть подкупаемы королемъ, что вліяніе дворовъ, имѣющихъ интересъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Польши, можетъ быть сохранено при условіи равновѣсія между властію короля и властію государства. Что должность главнаго казначея по-истинѣ не представляетъ никакого интереса для сосѣднихъ государствъ, между тѣмъ для поляковъ было бы не малымъ облегченіемъ, если имъ позволятъ внести нѣкоторое улучшеніе въ ихъ финансовую систему, которая до сихъ поръ служила лишь къ обогащенію двухъ-трехъ лицъ. Что такъ какъ первоначальное устройство этихъ коммиссій было недостаточно, то и задумали его исправить, и что теперь въ Варшавѣ разрабатывается новый планъ, по которому финансовая система должна быть гораздо лучше...»

Только человѣкъ ослѣпленный пристрастіемъ можетъ не видѣть, сколько въ этихъ словахъ Панина проглядываетъ добраго чувства къ полякамъ и сердечной печали о горькой необходимости изъ политическихъ видовъ дѣлить и умышленно развращать несчастную націю. Однихъ этихъ словъ достаточно было для Фридриха, чтобы понимать, что, несмотря на все его могучее и тираническое вліяніе, ему не удалось сбить съ толку сердце Панина и что онъ охотно предпочелъ бы иную политику относительно поляковъ, хотя, какъ истинно-русскій человѣкъ, и готовъ былъ ежеминутно угостить ихъ тумакомъ, если они не хотѣли понимать его. Однихъ этихъ словъ было достаточно, говоримъ, но у Панина прорывались не разъ и болѣе знаменательныя еще. Напримѣръ, онъ всѣми силами возставалъ противъ всякой мысли о завоеваніяхъ, допуская ихъ только со стороны Турціи, да и то лишь если крайность вынудитъ къ тому; что же касается собственно Польши, то онъ разъ высказалъ Сольмсу, что ему кажется ужаснымъ и низкимъ строить политику своего государства на несчастіи и гибели сосѣдняго. Однимъ словомъ, инстинктъ и сердце Панина возставали противъ прусской политики раздѣла, котораго онъ еще не подозрѣвалъ, но безсознательно предчувствовалъ. Положимъ, Фридрихъ не имѣлъ никакого основанія опасаться, чтобы сердечныя чувства когда-либо возымѣли хоть малѣйшее вліяніе на Екатерину и ея политику, но тутъ существовала для него другая опасность. Ея вполнѣ правильный, здравый политическій разсчетъ могъ заставить отдать, въ одинъ прекрасный день, предпочтеніе Панинской политикѣ сердца относительно поляковъ,— политикѣ, которая могла помаленьку эмансипировать ее отъ прусской зависимости, особенно еслибъ осуществился многоосмѣянный, но вовсе не глупый,—напротивъ, очень умно и тонко составленный,—Панинскій же проектъ сѣвернаго союза, который могъ служить противовѣсомъ исключительному вліянію Фридриха. Наконецъ, независимо отъ политическаго разсчета, просто честолюбіе и тщеславіе могли внушить Екатеринѣ жела-

ніе эмансипироваться отъ вліянія прусскаго короля. Невозможно отрицать, что въ эпоху, о которой мы говоримъ теперь, она уже и высказывала несомнѣнные признаки такого честолюбиваго стремленія. Панинъ былъ очень откровененъ съ Сольмсомъ и могъ *говорить* ему многое, что думалъ только самъ лично; но *дѣлать* могъ только то, что приказывала, или, по крайней мѣрѣ, разрѣшала Екатерина, которая не дозволяла ему ни малѣйшей самостоятельности въ дѣлахъ внѣшней политики. Происходившее въ Польшѣ потому и волновало такъ Фридриха, что иниціатива почти всего принадлежала самой императрицѣ. Такъ все, что касалось вопроса о реорганизаціи основныхъ законовъ, исходило отъ нея, между прочимъ и мысль объ учрежденіи постояннаго совѣта при королѣ польскомъ. Т. е. мысль-то, конечно, подана ей была извнѣ, и именно, кажется, Чарторыжскими, но она приняла ее такъ охотно, что сдѣлала ее почти своею и притомъ дала свое согласіе, даже не освѣдомившись, понравится ли эта идея королю прусскому. Это-то и составляло самое важное для него явленіе, что Екатерина переставала спрашивать предварительнаго совѣта Фридриха насчетъ своихъ дѣйствій, и не только переставала, но видимо старалась даже, по возможности, скрыть отъ него свои начинанія. Какъ ни велика была антипатія Репнина къ прусскому дипломату, но онъ, разумѣется, никогда не посмѣлъ бы устранять Бенуа отъ дѣлъ, еслибы на то не было согласія императрицы. Между тѣмъ его систематически устраняли, несмотря на категорическія настоянія Фридриха,—устраняли даже послѣ дипломатическаго эпизода, который мы сейчасъ разскажемъ и который имѣлъ, повидимому, рѣшающее значеніе по отношенію къ дальнѣйшему направленію польскихъ дѣлъ. Точно также Екатерина съ жаромъ ухватилась за мысль Панина о союзѣ съ Польшей и очень ревностно хлопотала о заключеніи союзнаго трактата, проектъ котораго набросала сама. Этотъ трактатъ, въ которомъ онъ справедливо видѣлъ первый камень будущаго соединенія Польши съ Россіей, безъ всякой тѣни раздѣла, особенно безпокоилъ Фридриха. Онъ энергически требовалъ, чтобъ этотъ трактатъ прежде своего заключенія былъ предъявленъ ему. «Гр. Панинъ,—писалъ онъ Сольмсу чрезъ своихъ министровъ,—долженъ особенно помнить, что, по секретной статьѣ нашего союзнаго договора, императрица и я взаимно обязались совѣтоваться другъ съ другомъ обо всемъ касающемся дѣлъ республики и средствъ для поддержанія ея конституціи. А потому я имѣю полное право надѣяться, что въ инструкціяхъ, которыя гр. Панинъ пошлетъ своему племяннику, послѣднему дано будетъ полномочіе откровенно и съ довѣріемъ сообщать г. Бенуа все, о чемъ онъ уговорится съ членами депутаціи. Мнѣ въ особенности важно имѣть, тотчасъ по его составленіи, проектъ договора, который онъ имѣетъ заключить, чтобъ я могъ самъ просмотрѣть его содержаніе и переговорить, въ случаѣ надобностисти, съ императрицей прежде, чѣмъ она дастъ свое одобреніе къ подписанію его. Безъ замедленія переговорите объ этомъ съ гр. Па-

нинымъ, дабы онъ, если въ отправляемыхъ инструкціяхъ къ кн. Репнину объ этомъ не упоминается, могъ прибавить къ нимъ приказаніе передать г. Бенуа копію съ проектируемаго договора, тотчасъ по отправкѣ оригинала въ Москву, на разсмотрѣніе императрицы...» Веди политику одинъ Панинъ, такого рѣзкаго замѣчанія было бы вполнѣ достаточно, чтобы заставить его тотчасъ же смириться. Но съ Екатериной на это разсчитывать было нельзя. Разъ твердо укрѣпившись на престолѣ и извѣдавъ,—правда, благодаря Фридриху и подъ его руководствомъ,—свою силу во внѣшней политикѣ, въ дѣлѣ избранія Понятовскаго, она, по своему характеру, естественно должна была стремиться не только къ эмансипаціи, но и къ господству. Она была именно такая женщина, которая должна была ласкать мечту—въ свою очередь забрать когда-нибудь Фридриха въ свои руки. Не большой, но характерный для Екатерины случай показываетъ, что она чуть ли не вообразила, будто уже наступилъ моментъ потребовать этого наслажденія. При началѣ диссидентскаго дѣла у Фридриха происходили съ поляками какія-то пререканія насчетъ пограничныхъ дѣлъ. Исторія сама по себѣ не важная, но несносная своимъ постояннымъ повтореніемъ и тѣмъ, что она служила для Пруссіи предлогомъ прижимать поляковъ. Екатерина иногда заступалась за нихъ передъ Фридрихомъ. И между прочимъ, чувствуя желаніе оказать имъ милость послѣ избранія Понятовскаго, уговорила его отказаться отъ произвольно-назначенныхъ имъ пошлинъ въ Маріенвердерской таможнѣ. Когда дѣла въ Польшѣ запутались, волненіе оказалось сильнѣе, чѣмъ ожидали. Екатерина, основываясь на своемъ союзномъ договорѣ съ нимъ, который, надо сознаться, толковала гораздо шире, чѣмъ можно было, стала требовать, чтобы Фридрихъ двинулъ въ Польшу и свои войска. Разговаривая объ этомъ съ Сольмсомъ, она, между прочимъ, употребила выраженіе, что за помощь, оказанную ей теперь въ Польшѣ, она позволитъ Фридриху безпрепятственно распорядиться въ своихъ владѣніяхъ, какъ она сама пожелаетъ. Что именно она хотѣла сказать этимъ, трудно опредѣлить съ достовѣрностію, потому что депеши Сольмса съ отчетомъ объ этомъ разговорѣ въ «Сборникѣ» нѣтъ, а въ другихъ источникахъ эта мелочь, понятно, не упоминается и не могла бы быть упомянута. По всѣмъ вѣроятіямъ, слова императрицы относились именно къ таможеннымъ дѣламъ, потому что, сколько извѣстно, никакого иного вмѣшательства во внутреннія дѣла Пруссіи она себѣ никогда не позволяла, а въ то время, когда она употребила это неловкое выраженіе, къ этому не было и повода. Что бы тамъ ни было, но эти дѣйствительно неловкія слова породили цѣлый и притомъ, какъ сказано, весьма серьезный дипломатическій эпизодъ. Въ самомъ ли дѣлѣ выраженіе Екатерины переполнило мѣру терпѣнія Фридриха и заставило его выйти изъ границъ, какъ отъ лишней капли проливается черезъ край вода въ переполненномъ сосудѣ, просто ли онъ воспользовался этимъ удобнымъ случаемъ напомнить своей союзницѣ, чтобъ она не очень за-

бывалась передъ нимъ,—только Фридрихъ, получивъ донесеніе Сольмса, взволновался чрезвычайно. Устранивъ на этотъ разъ министровъ, онъ самъ принялся писать своимъ посламъ и заговорилъ при этомъ такимъ тономъ, который рѣдко принималъ съ Россіей, особенно когда дѣло касалось лично императрицы, которой онъ старался льстить даже въ депешахъ къ Сольмсу, что, впрочемъ, и понятно, потому что послѣдній всегда показывалъ ихъ Панину, кромѣ тѣхъ, въ которыхъ нарочито объяснялось, что онѣ для него одного. Итакъ, вотъ что говорилъ Фридрихъ: «Депешу вашу отъ 14 числа этого мѣсяца я получилъ исправно» (ея въ «Сборникѣ» нѣтъ). «Не замѣчаете ли вы и сами явныхъ противорѣчій, въ которыя впадаете? Съ одной стороны вы говорите, что императрица не желаетъ ни въ чемъ нарушать моихъ правъ, а съ другой, что она противится моимъ внутреннимъ распоряженіямъ. Вы говорите, что въ знакъ признательности за помощь, которую я могъ бы оказать ей въ Польшѣ, она дастъ мнѣ позволеніе устроить мои дѣла такъ, какъ мнѣ заблагоразсудится. Еще разъ я никогда не потерплю, чтобъ иностранная держава, не имѣющая на то ни правъ, ни предлога, могла вмѣшаться въ дѣла моего государства. Скажу болѣе—этого никогда и не случится до конца моей жизни. А потому этимъ господамъ остается принять свои мѣры по поводу того, что я вамъ писалъ, потому что подобныхъ посягательствъ какой бы то ни было державы никто терпѣть не будетъ. Перейдемъ къ диссидентамъ. Я приказалъ предъявить въ Варшавѣ декларацію сообразно тому, какъ мы условились, но этимъ и ограничусь, потому что императрица сама писала въ прошломъ году, черезъ г. Сольдерна, что она не отнеслась бы равнодушно, еслибы мнѣ наскучили польскія дѣла. Въ послѣдній разъ гр. Панинъ объявилъ вамъ, что они довольны моей деклараціей на варшавскомъ сеймѣ и что объ остальномъ Россія позаботится сама. Пусть же она и заботится и оставитъ меня въ покоѣ, потому что если я двину свои войска, то поляки примутся писать объ этомъ, а въ Петербургѣ, гдѣ часто бываютъ въ дурномъ расположеніи духа, найдутъ, что ужь я черезчуръ много... Эти сплетни и эта возня сдѣлаются мнѣ, наконецъ, невыносимы; да и кромѣ того я не имѣю ни малѣйшаго предлога вмѣшиваться въ польскія дѣла. Одна, другая демонстрація можетъ повести дѣло такъ далеко, что придется очутиться въ войнѣ съ половиной Европы, что конечно не согласовалось бы съ миролюбивой системой императрицы. Но на этомъ сеймѣ былъ возбужденъ еще вопросъ. Чарторыжскіе хотятъ настоять, чтобы рѣшенія сейма постановлялись постоянно большинствомъ голосовъ. Это значитъ — измѣнить до основанія форму правленія, что можетъ сдѣлаться весьма серьезнымъ, если только не обратятъ на это должнаго вниманія; между тѣмъ это главный предметъ, который насъ занимаетъ въ настоящее время. Эти поляки, которыхъ начали такъ превозносить въ Петербургѣ, бываютъ и отважны, и малодушны, и если только кто вздумаетъ поло-

житься на нихъ, то непремѣнно будетъ обманутъ имп. Поэтому слѣдуетъ соединиться и соединенными усиліями воспрепятствовать имъ измѣнить форму правленія. Вотъ это-то пусть и послужитъ вамъ инструкціей въ вашихъ переговорахъ». Въ тотъ же день къ Бенуа отправлена была депеша такого содержанія: «Сейчасъ получилъ депешу вашу отъ 22 числа. Относительно содержанія ея могу сказать вамъ — какъ для инструкцій на будущее время, такъ и для опредѣленія направленія въ настоящемъ, что вы очень хорошо поступаете, что противетесь продолжительности конфедераціи и всякому намѣренію произвести измѣненіе въ существующемъ образѣ правленія въ Польшѣ. Но такъ какъ я опасаюсь ссоры между Россіей и Польшей, въ которую мнѣ не хочется вмѣшиваться, то предписываю вамъ, чтобы вы въ совмѣстныхъ декларадіяхъ вашихъ съ русскимъ посломъ, по случаю сейма, собравшагося въ Польшѣ, съ своей стороны дѣлали одни лишь дружественныя представленія. Сообразуйтесь съ этимъ».

Всѣ эти приказанія посламъ отданы были лично Фридрихомъ и въ то же время назначенъ былъ состоять при посольствѣ въ Варшавѣ нѣкій прусскій дипламотъ Рексинъ, человѣкъ завѣдомо враждебный Россіи, который вдобавокъ имѣлъ поводъ лично ненавидѣть русскій дворъ, потому что, благодаря ему, лишился прекраснаго положенія. Онъ прежде (во время избранія въ Польшѣ короля) былъ посломъ въ Константинополѣ и—конечно, не безъ вѣдома, а всего вѣроятнѣе по приказанію Фридриха—велъ тамъ интриги противъ Россіи, но велъ такъ неловко, что это дошло до русскаго двора. На этотъ разъ Екатерина не могла не повѣрить, ибо услужливые друзья фактически доказали ей свои свѣдѣнія, и она, черезъ Панина и въ собственноручномъ письмѣ, жаловалась Фридриху на поведеніе его посла. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, неловкаго исполнителя сдѣлали козломъ отпущенія. Фридрихъ клятвенно увѣрилъ Екатерину, что если и были какія-нибудь интриги, то онъ о нихъ ничего не знаетъ, что Рексинъ велъ ихъ на собственный страхъ, и въ доказательство, не дожидаясь результатовъ назначеннаго слѣдствія, отставилъ Рексина отъ должности посла. Вотъ этого-то человѣка онъ послалъ теперь въ Польшу. Очевидно, снова требовался смѣлый дипломотъ, не боявшійся дѣйствовать «на собственный страхъ», на ловкость же его послѣ константинопольскаго опыта положиться было, вѣроятно, можно. Въ Россіи этимъ назначеніемъ были, разумѣется, очень недовольны и Панинъ съ большой горечью выговаривалъ за это Сольмсу, на что Фридрихъ однако не обратилъ особеннаго вниманія, хотя Панинъ говорилъ между прочимъ отъ имени императрицы.

Наружно этотъ эпизодъ, съ исторіей Рексина включительно, не повелъ ни къ какимъ важнымъ послѣдствіямъ. Отношеніе прусскаго и русскаго дворовъ остались по-прежнему интимны, союзъ ихъ крѣпокъ и проченъ и даже монархи продолжали обмѣниваться дружескими письмами и

взаимными любезностями. Екатерина посылала Фридриху свой «Наказъ» въ нѣмецкомъ переводѣ, а онъ съ своей стороны разсыпался въ восторженныхъ похвалахъ ей. Казалось, все шло какъ нельзя лучше. Но едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что въ глубинѣ вещей, по крайней мѣрѣ для одного изъ союзниковъ, все перемѣнилось изъ конца въ конецъ. Мы убѣждены, что если поискать хорошенько въ секретномъ прусскомъ государственномъ архивѣ, въ перепискѣ короля Фридриха II съ министрами Финкенштейномъ или Герцбергомъ, то въ числѣ писемъ непремѣнно найдется pendant къ тому, которое приведено нами въ первой статьѣ нашей, — pendant приблизительно такого содержанія: «Не скрою отъ васъ, что опытъ привелъ меня къ убѣжденію, что съ русской императрицей надо держать ухо востро. Ее можно смирить только серьезными и опасными для нея затрудненіями. Поэтому, если мы желаемъ извлечь пользу изъ союза съ Россіей, намъ надо снова поставить ее въ такое положеніе, въ которомъ она ежеминутно чувствовала бы себя въ нашей власти и понимала, что нуждается въ насъ. Это я и постараюсь устроить въ возможно скорѣйшемъ времени». Очень можетъ быть, что мы ошибаемся, что серьезныя затрудненія, дѣйствительно послѣдовавшія для Россіи почти тотчасъ послѣ разсказаннаго эпизода, лишь случайно явились такъ кстати для Фридриха, который только съумѣлъ воспользоваться ими. Но надо сознаться, что этому довольно-таки трудно повѣрить и, какъ мы видѣли выше, никто въ Европѣ не вѣрилъ, за исключеніемъ, впрочемъ, русскихъ, если допустить, что они въ этомъ случаѣ говорили правду.

Однако надо быть справедливымъ ко всѣмъ и поэтому слѣдуетъ замѣтить, что Фридрихъ, если онъ повиненъ былъ въ созданіи затрудненій для Россіи, не сразу прибѣгъ къ этому крайнему средству, а сначала попробовалъ, и не разъ, не удастся ли ему по-прежнему закабалить русскій дворъ путемъ простыхъ угрозъ и дипломатическаго воздѣйствія. Онъ возобновилъ,—впрочемъ, почти и не прерывавшуюся,—систему долбящихъ повтореній и раза два посылалъ, подъ видомъ депешъ къ Сольмсу, ноты, представлявшія какъ бы нѣкотораго рода ультиматумъ. Напримѣръ, нижеслѣдующая положительно носитъ этотъ характеръ: «...такъ какъ я, на коронаціонномъ сеймѣ, вмѣстѣ съ русскимъ дворомъ, принялъ на себя обязательство формально и неограниченно покровительствовать конституціи республики и настоящему образу правленія въ ней, то этому двору слѣдовало бы, кажется, съ того момента, какъ состоялось наше совокупное обязательство, сообщать мнѣ свои планы, по предполагаемымъ имъ различнымъ переустройствамъ, и что ни малѣйшая перемѣна въ существующей администраціи не должна бы была проектироваться безъ вѣдома всѣхъ тѣхъ, кто поручился за ея неприкосновенность. Между тѣмъ этого нѣтъ. Я охотно уступаю русскому двору преимущество первенствующаго положенія въ устройствѣ этихъ политическихъ дѣлъ, но однако съ

тѣмъ, чтобъ отъ меня уже не требовали гарантіи, которую я иначе далъ бы, и чтобы графъ Панинъ честно выполнялъ условія, на которыхъ я оказываю эту любезность. А потому скажите, что я, на основаніи его положительнаго обѣщанія, разсчитываю, что кн. Репнинъ будетъ дѣйствовать въ полномъ согласіи съ г. Бенуа и станетъ сообщать ему все, о чемъ будетъ трактоваться на конференціяхъ, такъ что не будетъ сдѣлано ни одного такого постановленія, о которомъ я не былъ бы заранѣе во всей полнотѣ увѣдомленъ и которое я не одобрилъ бы. Особенно же я требую, чтобы въ основные законы ни подъ какимъ видомъ не вошло ничего такого, что могло бы цѣликомъ, или частію, хотя въ малѣйшей степени, измѣнить существующую форму правленія, и что важнѣе всего—чтобы, согласно недавнимъ увѣреніямъ гр. Панина, ни въ какомъ случаѣ не былъ допущенъ вопросъ о постоянномъ совѣтѣ, на который я никогда не соглашусь...» На словахъ русскій дворъ вполнѣ соглашался на всѣ эти требованія и даже старался выказывать такую же свирѣпую ненависть къ полякамъ, какою постоянно дышало каждое слово Фридриха. Панинъ даже оскорблялся, что его могли заподозрить въ потворствѣ такому измѣнническому плану, какъ уничтоженіе этого палладіума русскихъ интересовъ—безнравственной польской конституціи, а Екатерина перестала демонстративно ласкать депутатовъ конфедераціи, еще продолжавшихъ пребывать при ея дворѣ. Но на дѣлѣ, подъ рукою, продолжалась прежняя политика и ничто не указывало, чтобъ ее намѣревались измѣнить. Вотъ тогда-то и явились непредвидѣнныя затрудненія, въ видѣ безчисленныхъ конфедерацій въ Польшѣ,—конфедерацій мелкихъ и въ отдѣльности взятыхъ ничтожныхъ, но сугубо опасныхъ, во-первыхъ, тѣмъ, что онѣ до крайности истомляли не особенно многочисленныя русскія войска, которыхъ подстерегали всюду; во-вторыхъ—тѣмъ, что эти постоянныя тревоги и лишенія до того раздражили русскихъ, что и солдаты и ихъ командиры стали совершать такія жестокости и насилія, которыя сдѣлали русское имя окончательно ненавистнымъ въ Польшѣ и въ самомъ дѣлѣ вызвали негодованіе всей Европы. Одинъ за однимъ, русскій дворъ уступилъ всѣ свои, отвергнутые Фридрихомъ, планы переустройства Польши, но... было уже поздно. Война съ Турціей, которой онъ старался во что бы то ни стало избѣжать, была близка и скоро разразилась. Кто подготовилъ эту войну, толкнувъ турокъ на защиту дѣла, которое ихъ столько же касалось, какъ и жителей луны, если таковые существуютъ? Историки говорятъ намъ, будто главною виновницей тутъ была Франція, а помощницей ея Австрія, Фридрихъ же прусскій будто бы заодно съ Россіей усиленно старался уладить дѣло миромъ. Не станемъ позволять себѣ сомнѣваться въ свидѣтельствѣ историковъ. Будемъ вѣрить ихъ сказаніямъ, покуда не явятся въ свѣтъ какіе-нибудь новые оффиціальные документы, напримѣръ—дипломатическая переписка прусскихъ посланниковъ при Блистательной Портѣ, изъ которой можетъ-быть окажется, что не однѣ Фран-

ція съ Австріей принимали участіе въ подстрекательствѣ турокъ. Посмотримъ лучше, каковъ былъ первый эффектъ турецкой войны на русско-прусско-польскія отношенія. О томъ, что никакого противорѣчія предначертаніямъ Фридриха со стороны русскаго двора не было болѣе и въ поминѣ, говорить нѣтъ надобности. Само собою разумѣется, политика полумѣръ, эта несчастная политика, которая никогда ничего не достигаетъ и никого не удовлетворяетъ, принесла свои обычные плоды. Вмѣсто того, чтобъ освободиться изъ-подъ его вліянія, Россія снова и на этотъ разъ безповоротно попала въ ловкія руки короля прусскаго. Но самъ этотъ король не замедлилъ показать, что если онъ не принадлежитъ къ числу людей, которые ждутъ, когда грянетъ громъ, чтобы перекреститься, за то умѣетъ ковать желѣзо, пока оно горячо. Онъ не ратовалъ больше противъ мысли о союзѣ Россіи съ Польшею. Напротивъ, съ полной симпатіи любезностію просматривалъ и одобрялъ проектъ торжественнаго трактата съ нею, самымъ безкорыстнымъ образомъ помогалъ Россіи выпутаться изъ тамошнихъ затрудненій и даже охотно взялся за попытку, оказавшуюся, впрочемъ, безуспѣшной, склонить Чарторыжскихъ содѣйствовать всѣмъ видамъ Россіи, вполнѣ отказавшись отъ своихъ собственныхъ. Но въ то же время не успѣли еще на русско-турецкой границѣ загрохотать пушки, какъ уже изъ Берлина прилетѣлъ въ Петербургъ пробный шаръ, получившій въ перепискѣ прусскаго короля съ своимъ посломъ названіе «проекта графа Линара». Что это за проектъ и кто такой графъ Линаръ, скажетъ намъ слѣдующая собственноручная депеша Фридриха, помѣченная 2 февраля 1769 года: «Графъ Линаръ пріѣхалъ въ Берлинъ, чтобы выдать замужъ свою дочь за графа Камеке. Это тотъ самый, который заключилъ клостеръ-севенскій миръ. Онъ большой политикъ и еще въ настоящее время управляетъ Европой изъ деревни, въ которую онъ удалился. Графъ Линаръ возымѣлъ довольно странную мысль соединить въ пользу Россіи интересы всѣхъ государей и разомъ дать дѣламъ Европы другой оборотъ. Онъ хочетъ, чтобы Россія предложила вѣнскому двору, за его содѣйствіе противъ турокъ, городъ Леопольдъ съ его окрестностями и землюЦипсъ (спискую?), а намъ—польскую Пруссію съ Варміею и право покровительствовать Данцигу, а Россія, чтобы вознаградить себя за военныя издержки, захватила бы такую часть Польши, какую хочетъ, и что тогда всякая зависть между Австріей и Пруссіей прекратилась бы и онѣ наперерывъ другъ передъ другомъ помогали бы Россіи противъ турокъ. Этотъ планъ не лишенъ блеска, кажется соблазнителенъ, и я счелъ своимъ долгомъ сообщить его вамъ. Вы, знающій образъ мыслей гр. Панина, оставите все это втунѣ, или употребите въ дѣло, смотря по тому, какъ найдете нужнымъ. Мнѣ, впрочемъ, кажется, что въ планѣ этомъ больше блеску, чѣмъ основательности».

Вотъ подъ какимъ флагомъ явился впервые точно формулированный проектъ раздѣла Польши и вотъ какимъ мило-простымъ тономъ не вѣ-

дающаго политики добряка-бюргера, невинно сообщающаго пріятелю разныя новости интимнаго характера, говоритъ о немъ король прусскій Фридрихъ II Великій,—этотъ король, много лѣтъ уже жившій одною мыслію, работавшій для одной цѣли: построить величіе своей возлюбленной родной Пруссіи на костяхъ и крови ненавистной славянской Польши, раздробивъ и уничтоживъ ее руками другой ненавистной славянки—Россіи...

В. К.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Съ Южнаго берега Крыма.

За малыми исключеніями, люди всегда имѣютъ случай спросить себя: «какое мнѣ до этого дѣло?» Предположимъ, что постановка такого вопроса имѣла бы всеобщее и господствующее вліяніе; она подняла бы насмѣхъ не только письменный трудъ, но даже всякій разговоръ, содержащій въ себѣ восхваленіе или хулу людей или нравовъ.

(*Дэвидъ Юмъ:* „Изслѣдованіе относительно началъ нравственности".)

Русскимъ читателямъ не откуда почерпать свѣдѣнія о Крымѣ. Ежегодный наплывъ туристовъ мало содѣйствуетъ ознакомленію нашей публики съ бытомъ этой мѣстности. Русскій путешественникъ ограничивается обыкновенно весьма бѣглымъ осмотромъ мѣстности. Въ большей части случаевъ онъ пріѣзжаетъ въ нашъ край съ увлекательно написанной, но не дающей полнаго понятія объ условіяхъ мѣстной жизни, книжкой Е. Маркова въ рукахъ, или съ «Путеводителемъ» г-жи Сосногоровой, который, разумѣется, содержитъ только необходимыя для туриста практическія указанія. Почерпнувъ изъ этихъ книгъ свѣдѣнія о полуостровѣ, осмотрѣвъ бахчисарайскій дворецъ и славныя развалины Севастополя, путешественникъ удѣляетъ нѣсколько времени и обзору Южнаго берега, ограничиваясь поѣздкою по южно-бережному шоссе, посѣщеніемъ садовъ Алупки и Гурзуфа и нѣсколькодневнымъ пребываніемъ въ веселой и шумной Ялтѣ, нашемъ сезонномъ пунктѣ; если туристъ изъ разряда людей болѣе предпріимчивыхъ, онъ еще совершитъ восхожденіе на Чатырдагъ. Результатомъ такихъ экскурсій являлись понынѣ только сообщенія въ газеты о дороговизнѣ жизни въ Крыму, или объ отсутствіи на Южномъ берегу удобствъ для купанья въ морѣ.

Оффиціальныя свѣдѣнія (если они и могутъ быть доступны частнымъ лицамъ), составляемыя самымъ безжизненнымъ образомъ, по господствующимъ шаблонамъ, не даютъ полнаго понятія о дремлющихъ силахъ нашего края и склонны освѣщать розовымъ свѣтомъ административнаго оптимизма даже обветшалые, не мирящіеся съ жизнью, порядки. Серьезныя

сочиненія о Крымѣ на русскомъ языкѣ принадлежатъ къ давно прошедшему времени; устарѣлые «Досуги крымскаго судьи» Сумарокова, или путешествіе Муравьева-Апостола, являющіеся нынѣ библіографическими рѣдкостями, замѣнены «Универсальнымъ описаніемъ Крыма» въ трехъ частяхъ, г. Кондараки, который публикуетъ еще о предстоящихъ десяти томахъ новаго, посвященнаго Крыму, изданія. Труды Палласа и нѣкоторыхъ, болѣе близкихъ по времени къ намъ, европейскихъ ученыхъ и путешественниковъ не принадлежатъ русской литературѣ и многіе изъ нихъ по своему спеціальному, научному оттѣнку, доступны только малой части публики. Даже въ предѣлахъ спеціально-научныхъ сочиненій, касающихся края, матеріалы, собранные нашими присяжными изслѣдователями старины, ожидаютъ опять появленія какого-либо нѣмецкаго ученаго, который, не выходя изъ своего кабинета, но пользуясь въ числѣ другихъ источниковъ и трудами русскихъ спеціалистовъ прошлаго времени (нынѣ и таковые стали рѣдкимъ явленіемъ), привелъ бы въ систему результаты отдѣльныхъ, разрозненныхъ по академическимъ изданіямъ или меморіямъ ученыхъ обществъ, изслѣдованій, какъ то сдѣлалъ въ пятидесятыхъ годахъ Нейманъ (Neumann), книга котораго объ эллинахъ въ Скиѳіи даетъ живую картину греческой цивилизаціи на нашихъ берегахъ Чернаго моря.

Со времени Пушкина даже русская муза забыла о существованіи береговъ Салгира и утесовъ Аюдага, откуда туристы нашего матеріальнаго вѣка подымаютъ вопль о недостаткахъ комфорта, предлагаемаго нѣмецкими курортами, о высокихъ цѣнахъ гостиницъ и извощичьихъ таксъ.

Не станемъ говорить объ интересѣ, возбуждаемомъ историческимъ прошлымъ края, которое такъ занимало русскихъ писателей о Крымѣ въ первой четверти нашего столѣтія, не закрывавшихъ однако глаза и на экономическія условія быта, насколько послѣднія выяснились въ ихъ время, полной непочатости, еще новаго тогда пріобрѣтенія. Забудемъ про то, что въ теченіе полувѣка нѣга южной природы полуострова не исторгла изъ русскаго сердца ни одного живого звука пѣсни, но литература наша молчитъ даже о матеріальныхъ богатствахъ Тавриды и о бытѣ обрабатывающихъ таковыя жителей. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ распространялось редакціей одной изъ газетъ нѣчто вродѣ воззванія, приглашающаго русскихъ людей къ созданію общества, задачей котораго должно было стать содѣйствіе къ разработкѣ средствъ богатаго края. Хотя авторъ этого приглашенія и совершенно правъ въ своихъ взглядахъ на предстоящее великое значеніе для Россіи еще нетронутыхъ силъ щедро одаренной природою страны, но изъ его энтузіастическаго воззванія не ясно, какимъ образомъ предполагаемое имъ общество можетъ помочь задачѣ приближенія, ярко обрисованной имъ, свѣтлой будущности Крыма; не видно даже, должно ли это общество ограничиться учено-экономическимъ характеромъ, или дѣйствовать на практической почвѣ финансовыхъ предпрія-

тій. Богатый край дѣйствительно нуждается во всестороннемъ развитіи его силъ и во всѣхъ видахъ энергическаго содѣйствія къ тому. Для исполненія этой задачи наступило удобное время, такъ какъ Таврида связана желѣзнодорожнымъ путемъ съ центральными мѣстностями Россіи, а съ другими ея окраинами—съ сосѣднимъ Левантомъ и Европой—сносится сильно развившимся пароходнымъ сообщеніемъ.

Остается сожалѣть о томъ, что, въ виду наступившей уже практической возможности извлекать богатую пользу изъ принадлежащаго Россіи края, общество наше не имѣетъ понынѣ въ виду никакой програмы для обработки средствъ этой страны. Такая программа могла бы быть выработана только на основаніи изученія мѣстныхъ богатствъ и условій ихъ извлеченія. Что она отсутствуетъ, доказываетъ, между прочимъ, и неясность помянутаго воззванія.

Мы никакъ не можемъ похвалиться тѣмъ, что за сто лѣтъ нашего обладанія Тавридой полно изучили ея природныя богатства, причемъ бросается въ глаза лицу знакомому съ этимъ вопросомъ и то, что, въ отношеніи къ научному ознакомленію съ краемъ, несравненно больше сдѣлано въ болѣе отдаленные отъ насъ годы, чѣмъ въ послѣднія десятилѣтія. При внимательномъ наблюденіи дѣла практическаго пользованія средствами страны, замѣчается также не только застой, а скорѣе регрессъ, даже относительно недалекаго прошлаго.

Изъ минеральныхъ богатствъ полуострова разрабатывается понынѣ одна соль, источники которой такъ обильны, что добываніе соли можетъ, при благопріятныхъ условіяхъ, принять гораздо большіе размѣры; въ его современномъ состояніи оно не соотвѣтствуетъ могущимъ даже теперь быть поставленнымъ требованіямъ отъ этого промысла. Не говоря уже о другихъ ископаемыхъ богатствахъ, существованіе минеральнаго топлива на полуостровѣ несомнѣнно доказано. Нельзя также сомнѣваться въ пользѣ физической обработки нѣкоторыхъ предметовъ нашего минеральнаго богатства. Къ пользованію этими средствами края не дѣлается ни одного серьезнаго шага. Горная часть Крыма обладаетъ сохранившимися еще, но совершенно безвыгодно истребляемыми лѣсами, невеликая площадь которыхъ составляетъ все-таки цѣнное сокровище въ широкой полосѣ степей южной Россіи. Въ житницѣ древней Греціи—Крыму—слабо развито нынѣ землепашество; садоводство и винодѣліе горной полосы, занятіе которыми составляло гордость нашихъ отцовъ, въ послѣднія десятилѣтія не оказываютъ никакого стремленія къ дальнѣйшему развитію, а напротивъ являютъ несомнѣнные признаки упадка; исчезло, процвѣтавшее до выселенія татаръ, овцеводство въ безводныхъ степяхъ сѣверной части полуострова; рыбный промыселъ, процвѣтавшій въ древнія греко-римскія времена, кормитъ нынѣ небольшое количество рукъ и мѣстами начинаетъ покидаться населеніемъ; торговля крымскихъ портовъ въ послѣдніе годы также не представляетъ утѣшительнаго оживленія; о

развитіи заводской или фабричной промышленности и ремеслъ понынѣ вовсе нельзя даже упоминать.

Какъ бы равнодушно ни относилась русская публика къ судьбамъ Тавриды, все мною сказанное ей извѣстно. Статистическія цифры указываютъ на это печальное состояніе малонаселеннаго края, и жалобы на торговый и промышленный застой, на трудное положеніе всѣхъ видовъ обработки почвы—появляются и на газетныхъ столбцахъ, не указывая никакого исхода изъ современныхъ невыгодныхъ условій экономическаго быта страны.

Я не намѣренъ касаться въ этихъ замѣткахъ общаго состоянія полуострова и предлагаю читателямъ только, можетъ-быть не безъинтересныя для нихъ, указанія на нѣкоторыя явленія хозяйственной жизни наиболѣе знакомой мнѣ части страны, такъ-называемаго Южнаго берега.

Какъ извѣстно читателямъ, подъ названіемъ Южнаго берега Крыма подразумѣвается узкая полоса, простирающаяся отъ крайняго на западѣ пункта—Ласпи до Судакской долины, составляющей уже отдѣльный районъ. Вдоль всей этой береговой полосы горный хребетъ, прерываемый одною только Алуштинскою долиной, крутою стѣной обрывается къ морю, оставляя небольшую полосу болѣе отлогаго спуска между этою стѣной и берегомъ. Эта полоса, защищенная отъ сѣверныхъ вѣтровъ горною стѣной, нагрѣваемая полуденнымъ солнцемъ и открытая теплымъ и влажнымъ вѣтрамъ съ моря, представляетъ для растительности положеніе нѣсколько сходное съ искуственно-создаваемыми условіями для шпалерной культуры. Оживленію пышной мѣстной растительности содѣйствуютъ еще обильныя, стекающія съ горъ воды, иногда принимающія характеръ горныхъ потоковъ, но также и выступающія безчисленно разсѣянными по всему берегу ключами. На менѣе крутыхъ обрывахъ горъ находятся довольно обширные лѣса, спускающіеся мѣстами къ самому морю, но вырубленные въ другихъ пунктахъ берега, гдѣ, пріютившееся въ непосредственномъ сосѣдствѣ моря, населеніе не пощадило таковыхъ. Исчезновенію многихъ лѣсовъ приписывается и замѣтное умаленіе прежняго обилія источниковъ. Берегъ обладаетъ довольно большимъ числомъ маленькихъ бухтъ, но не представляетъ ни одной природной гавани, удобной для большихъ судовъ, такъ какъ Ялтинскій рейдъ въ бурную погоду не считается безопасною стоянкою. Шоссейная дорога, подымаясь отъ Севастополя на невысокую точку горнаго хребта, входитъ чрезъ такъ-называемыя Байдарскія ворота въ полосу Южнаго берега и, оставляя въ сторонѣ крайніе его западные пункты, послѣ быстраго, извилистаго спуска заворачиваетъ къ востоку, далеко не доходя до моря. На дальнѣйшемъ своемъ пути шоссе это держится ближе къ первому, крутому, уступу хребта, чѣмъ къ болѣе отлогому и плодородному продолженію горнаго спуска къ морю. Только въ близкомъ сосѣдствѣ Ялты шоссе это, идущее параллельно съ морскимъ берегомъ и на довольно большой

отъ него высотѣ, спускается къ морю и, образуя въ Ялтѣ морскую набережную, опять взбирается удобнымъ подъемомъ въ гору. Затѣмъ оно продолжаетъ держаться далеко отъ моря, прикасаясь къ нему опять около Алушты, откуда, поднявшись до половины Чатырдага и обогнувъ его, сворачиваетъ къ Симферополю. Такимъ образомъ такъ-называемое южно-бережное шоссе соединяетъ берегъ съ двумя главными городами Крыма—Севастополемъ и Симферополемъ; отъ Алушты строится новое шоссе до Судака и дастъ, по окончаніи своемъ, удобное сообщеніе весьма значительной полосѣ Южнаго берега, малоизвѣстной нынѣ, вслѣдствіе отсутствія дорогъ. Помянутое Севастополе-Симферопольское шоссе Южнаго берега не можетъ однако удовлетворить путевымъ потребностямъ болѣе обработанной части его, по которой оно проходитъ. Къ находящимся у моря селеніямъ и дачамъ берегового склона отъ этого шоссе спускаются неудобныя и часто опасныя дороги. Приходится дивиться выносливости лошадей, везущихъ по нимъ грузы и экипажи, зачастую однако замѣняемыхъ волами. Средствами удѣльнаго вѣдомства и богатыхъ частныхъ владѣльцевъ проложены въ немногихъ имѣніяхъ прекрасныя садовыя дороги, наприм. въ царскомъ имѣніи Ливадія, въ имѣніяхъ княжеской Воронцовской фамиліи и нѣкоторыхъ другихъ, но сообщеніе береговыхъ жителей между собою необходимою, параллельной съ верхнимъ шоссе, дорогою достигнуто только на весьма небольшомъ протяженіи, доставляя удобства только немногимъ имѣніямъ. На казенный счетъ было приступлено къ сооруженію еще третьяго шоссе, ведущаго отъ г. Ялты чрезъ помянутый горный хребетъ, такъ-называемый «Яйлой», и плодородныя долины сѣвернаго склона этого хребта,—къ Бахчисараю, для соединенія Южнаго берега прямою линіей сообщенія съ желѣзною дорогой. Такое шоссе, во многихъ отношеніяхъ, было бы желательно для насъ, жителей береговой полосы, но по неизвѣстнымъ намъ причинамъ постройка его, доведенная до высшей точки горъ и преодолѣвшая всѣ главныя трудности сооруженія, пріостановлена. Въ настоящее время можно изъ Ялты подняться только до вершины Яйлы, откуда открывается видъ на значительную часть Южнаго берега, прелестью своей могущій соперничать съ самыми прославленными видами міра. Однако на плоской вершинѣ Яйлы ничего нѣтъ, кромѣ рѣдкихъ стадъ овецъ, а потому практической пользы эта, дорого стоившая, дорога въ ея неоконченномъ видѣ не приноситъ. Путешественники, чтобы сѣсть въ желѣзно-дорожный вагонъ, по-прежнему ѣдутъ изъ Ялты въ Симферополь или Севастополь, что увеличиваетъ разстояніе вдвое, а жители сѣвернаго склона Яйлы продолжаютъ пользоваться первобытными путями въ мѣстности, позволяющей безъ большихъ затратъ строить удобныя дороги, и лишены возможности снабжать Южный берегъ продуктами своихъ плодородныхъ долинъ. Пути сообщенія для Южнаго берега важны уже потому, что вся эта полоса, по своимъ условіямъ, не знаетъ хлѣбопашества и въ ней не процвѣтаетъ и скотовод-

ство, вслѣдствіе чего жители, для удовлетворенія первыхъ насущныхъ потребностей, должны прибѣгать къ привознымъ продуктамъ. Отсюда вытекаетъ дѣйствительная дороговизна жизни. Бездорожье, кромѣ того, еще обезцѣниваетъ земли и мѣшаетъ заведенію раціональнаго хозяйства, не дозволяя жителямъ дешево и удобно доставлять свои произведенія въ мѣста сбыта. Весьма нелегко нынѣ изъ многихъ мѣстностей добраться даже до Ялты, единственнаго пункта берега, откуда мыслимо дальнѣйшее отправленіе нѣкоторыхъ мѣстныхъ произведеній морскимъ путемъ. Мелкіе порты совершенно игнорируются нашими пароходными компаніями. Одна такая компанія ввела жителей Алушты, богатаго приморскаго мѣстечка и центра довольно обширнаго района винодѣлія, въ большой и совершенно напрасный расходъ. Алуштинская бухта доступна большимъ судамъ и служила портомъ во времена грековъ, генуэзцевъ и даже татаръ. Въ настоящее время въ нее заходятъ, за отсутствіемъ пристани, только маленькія фелукки отважныхъ малоазіятскихъ моряковъ, вытаскиваемыя, для выгрузки и нагрузки товара, на самый берегъ. Пароходная компанія обязалась содержать правильныя сообщенія другихъ черноморскихъ пунктовъ съ Алуштинскимъ портомъ, если жители выстроятъ удобную пристань. Жители мѣстечка, зажиточные татары, согласились на это и исполнили требуемое условіе; компанія же, обѣщавшая удобства морского сообщенія, лопнула, не выдержавъ конкуренціи съ монопольнымъ «русскимъ обществомъ пароходства и торговли», дающимъ, благодаря казенной субсидіи, баснословные барыши своимъ акціонерамъ. Это общество, пріобрѣтя пароходы ликвидированной компаніи, и не вспомнило о снабженномъ новою пристанью портѣ, такъ какъ нисколько не нуждается въ эксплуатаціи мелкихъ пунктовъ. Нынѣ эта пристань пришла въ разрушеніе, и хотя теперь появились новыя пароходныя предпріятія, но едва ли алуштинцы вторично рѣшатся подвергнуться риску новаго условія. Это было бы, можетъ-быть, въ смѣломъ характерѣ американцевъ, но никакъ не соотвѣтствуетъ робкой натурѣ, непривыкшаго къ рискованнымъ предпріятіямъ, татарина. При всѣхъ неудобствахъ морского пути, онъ исключительно кормитъ, въ буквальномъ смыслѣ, мѣстное населеніе, продовольствуя его хлѣбомъ. Въ прежнее—варварское, татарское—время на Южномъ берегу строились незатѣйливыя суда, и крымскіе татары, не хуже жителей Мало-Азіятскаго прибрежья, пускались на такихъ судахъ въ отважныя плаванія. Зная очень многихъ татаръ, я между ними встрѣтилъ только одного бывшаго моряка, почтеннаго старца, который разсказывалъ мнѣ о тѣхъ дняхъ, когда татары сами сооружали суда, нагружали ихъ произведеніями своей культуры и отправлялись въ порты Азовскаго моря, гдѣ сбывали свой товаръ за хлѣбъ, необходимый для ихъ продовольствія. Отъ осторожнаго татарина я не могъ добиться разъясненія причинъ, по которымъ этотъ промыселъ совершенно прекратился нынѣ у татаръ. Имѣю основанія полагать, что настоящее полное отсутствіе мореходства у этихъ примор-

скихъ жителей не коренится въ отвращеніи ихъ къ морскому дѣлу, а вызвано какими-либо прежними административными распоряженіями, затруднявшими мореплаваніе этому народу, руководясь вѣроятно при этомъ и опасеніями политическаго свойства, такъ какъ въ татарахъ администрація была всегда склонна усматривать непримиримыхъ враговъ русскаго владычества и обвиняла ихъ въ измѣнническихъ сношеніяхъ съ единовѣрцами-турками, поддерживающими будто бы въ нихъ мусульманскій фанатизмъ. Въ настоящее время продовольствованіе хлѣбомъ населенія Южнаго берега породило здѣсь, извѣстное по цѣлой Россіи, явленіе паразитовъ-кулаковъ. Предприниматель, изъ татаръ же, закупаетъ хлѣбъ въ азовскихъ портахъ, грузитъ его на нанимаемые въ этихъ портахъ парусныя суда и занимается изъ своихъ складовъ или наглымъ ростовщичествомъ, отпуская хлѣбъ своимъ соплеменникамъ въ кредитъ, до будущаго урожая садовъ или табаку и принимая при этомъ уплату продуктами, или, въ стачкѣ со своими товарищами по занятію, устанавливаетъ произвольно высокія цѣны. «Что мѣшаетъ татарамъ соединяться вмѣстѣ для борьбы съ этими недобросовѣстными торговцами?» —спросятъ меня читатели.—Вліятельность этихъ лицъ въ средѣ забитаго и запуганнаго, хотя не бѣднаго, народа. Много пройдетъ времени, пока исчезнутъ условія, не позволяющія подняться духу населенія. Въ настоящую минуту оно готово видѣть во всѣхъ видахъ разбогатѣвшихъ кулаковъ, вышедшихъ изъ его среды, представителей своихъ интересовъ передъ враждебными, будто бы, татарскому элементу властями. Хитрые эксплуататоры охотно играютъ передъ русскими, не менѣе покланяющимися успѣху и богатству, чѣмъ татары, роль передовыхъ и развитыхъ дѣятелей, противодѣйствующихъ невѣжеству и предубѣжденіямъ толпы, а своихъ соплеменниковъ умѣютъ увѣрить въ своей привязанности къ самобытной старинѣ и въ силѣ своего заступничества за единовѣрцевъ. Дѣйствительно, на цѣломъ Таврическомъ полуостровѣ такіе типы съ одной стороны вліятельны между татарами, съ другой—умѣютъ дѣйствовать на земство и администрацію, искусно ловя рыбу въ мутной водѣ тщательно поддерживаемаго ими недоразумѣнія.

Отъ этого короткаго отступленія я возвращаюсь къ начатому мною описанію Южнаго берега. Одно изъ условій пышной растительности этой мѣстности — обиліе воды. Крымскіе татары знаютъ цѣну воды и у нихъ не пропадаетъ ни одна струя, которая можетъ быть употреблена на пользу мѣстной культуры. Изъ горныхъ потоковъ вода отводится каналами (арыками) иногда даже на протяженіе многихъ верстъ. Въ расчисткѣ и содержаніи этихъ каналовъ участвуютъ всѣ владѣльцы, пользующіеся поливкой изъ нихъ. Даже иногда не пропадаютъ мелкія струйки, бѣгущія изъ фонтановъ, и ниже таковыхъ видны посадки, по роду культуры указывающія на получаемое ими орошеніе. Отъ большихъ каналовъ идетъ цѣлая сѣть маленькихъ канавъ, которыми вода бережно

напускается на плантаціи или сады и съ религіозною добросовѣстностью, по минованіи необходимости поливки, передается сосѣднему владѣльцу. Не обходится дѣло безъ возникающихъ иногда споровъ, но я не даромъ употребилъ слово «религіозный» въ данномъ случаѣ. Татары смотрятъ на этотъ обычай водопользованія какъ на дѣло религіозной совѣсти и рѣшаютъ споры въ духѣ мусульманскаго исповѣданія, священная книга котораго запрещаетъ обижать единовѣрцевъ, а о водѣ, какъ о драгоцѣннѣйшемъ дарѣ Божіемъ, упоминаетъ на каждой страницѣ. Такъ бываетъ среди татарскаго населенія, рѣдко прибѣгающаго вообще къ посредничеству власти въ своихъ спорахъ, а въ этомъ случаѣ въ особенности; но много земли покупкою перешло въ другія руки и среди населенныхъ татарами мѣстъ живутъ также русскіе владѣльцы. Тѣ изъ нихъ, которые сами пользуются водой, поливающей много садовъ, принадлежащихъ различнымъ собственникамъ, охотно подчиняются удобному для нихъ обычаю, но, разумѣется, въ случаяхъ возникающихъ недоразумѣній имъ приходится обращаться къ судебному разбору. Вотъ тутъ и является неудобство. Русскій законъ, признающій обычаи, регулирующіе пользованіе водой изъ оросительныхъ каналовъ на Кавказѣ, молчитъ о Крымѣ, и суды отказываютъ въ жалобахъ, основанныхъ не на доказанныхъ договорныхъ условіяхъ такого водопользованія, а на порядкахъ крымскаго мѣстнаго обычая. Если наши законы часто невыгодны въ этомъ отношеніи для мелкихъ русскихъ владѣльцевъ, изъ лицъ «власти не имущихъ», иногда тѣснимыхъ сосѣдями изъ татаръ, плотно держащимися другъ за друга, то крупные владѣльцы, съумѣвшіе, благодаря оплошности, а можетъ-быть и забитости населенія, владѣвшаго когда-то всѣми землями края, пріобрѣсть самые истоки воды, не признаютъ вовсе общаго водопользованія и, ссылаясь на смыслъ нашихъ законовъ, отводятъ воду отъ цѣлыхъ мѣстностей, руководясь только собственными потребностями, а иногда даже однимъ капризомъ, какъ въ томъ, извѣстномъ всѣмъ жителямъ Крыма, случаѣ, гдѣ обильная вода, поддерживавшая прежде садовую культуру обширнаго пространства татарскихъ владѣній, отведена владѣльцемъ большого имѣнія, который въ предѣлахъ этого имѣнія выпускаетъ эту воду прямо въ море. Легко представить себѣ чувство татарина, у котораго сохнетъ кормившій его садъ, при видѣ красиваго каскада, которымъ вода эта низвергается у морского берега съ крайняго уступа скалы. Вопросъ о пользованіи источниками орошенія въ Крыму давно уже разрабатывается законодательнымъ путемъ, но до сихъ поръ этотъ важный и безотлагательный вопросъ, такъ какъ отъ него зависитъ отвращеніе грозящей садамъ опасности обратиться въ пустыни,—вопросъ, который уже привлекъ просвѣщенное вниманіе правительства,—еще не рѣшенъ, и прежнія недоразумѣнія продолжаются, очевидно не способствуя сліянію татаръ съ русскимъ элементомъ въ краѣ. Что касается вліянія лѣсовъ на обиліе воды, то на Южномъ берегу нагляднѣе, чѣмъ гдѣ-либо, дѣйствительность таковаго. Много лѣтъ тому

назадъ выгорѣли лѣса на Яйлѣ, въ которыхъ зарождались источники, питавшіе такъ-называемое Магарачское урочище. Это урочище, раздѣленное на отдѣльные участки, украшенное дачами и хорошо разработанное, со времени лѣсного пожара начало страдать отъ большого недостатка въ водѣ. Пожары лѣсовъ, по счастью останавливаемые свойствами пересѣченной скалистыми оврагами мѣстности, весьма часты, вслѣдствіе привычной безпечному характеру татаръ небрежности въ обращеніи съ огнемъ. Татары способны безъ всякой осторожности зажигать костры въ лѣсахъ такъ же беззаботно, какъ номадные ихъ предки разводили огни въ просторѣ степей. Неумѣлое пользованіе лѣсомъ и безсмысленное его истребленіе татариномъ можетъ - быть коренится тоже въ его пастушескихъ традиціяхъ, не пріучившихъ его цѣнить и уважать лѣсъ, въ которомъ непривольно пастись стадамъ. Несомнѣнно то, что вырубленные лѣса на Южномъ берегу служатъ единственнымъ пастбищемъ для одичало - бродящаго татарскаго скота и только строгія полицейскія мѣры удерживаютъ татарина отъ разведенія, наиболѣе вредныхъ для молодого лѣса, козъ, держать которыхъ въ горной части Крыма запрещено закономъ, охотно обходимымъ татариномъ. Вырубленный лѣсъ, молодые побѣги котораго обгрызаетъ скотъ, не растетъ вновь, но, стелясь мелкимъ кустарникомъ, съ годами и совсѣмъ исчезаетъ. Такимъ образомъ на вырубленныхъ мѣстахъ исчезаетъ всякая растительность. Достаточно огородить извѣстное пространство такого кустарника изгородью, препятствующей вторженію скота, чтобы получить современемъ хотя и не прямоствольный, но изрядный лѣсокъ. Сохраненію лѣсовъ на Южномъ берегу способствовало понынѣ мѣстами то, что нѣкоторые лѣса, оспариваемые у татаръ казною, взяты въ казенное управленіе; но за то татары дошли тамъ до такого положенія, что, нуждаясь въ топливѣ, вырубили свои чаиры, сѣнокосныя мѣста, снабжающія ихъ сѣномъ, необходимымъ для лошадей и скота, а трава выгораетъ здѣсь безъ защиты древесной тѣни. Нуждающійся въ лѣсѣ житель деревни нынѣ уже становится порубщикомъ въ чужихъ лѣсахъ, причемъ въ порубкахъ высказывается пока только характеръ вынужденныхъ крайнею необходимостью; но татаринъ, зная, что исполненіе приговоровъ за самовольныя порубки въ спорныхъ лѣсахъ отлагается до рѣшенія вопроса о принадлежности лѣсовъ, уже приступаетъ въ нихъ къ болѣе опустошительнымъ порубкамъ, въ надеждѣ на благопріятный исходъ дѣла. Если вопросъ объ этихъ лѣсахъ, въ подробности котораго не мѣсто вдаваться здѣсь, рѣшится возвращеніемъ лѣсовъ мѣстному населенію, крайне нуждающемуся въ лѣсѣ, то можно надѣяться, что горькій опытъ научитъ татаръ, какую печальную будущность они готовятъ своимъ потомкамъ безтолковымъ лѣсоистребленіемъ. Всего прискорбнѣй было бы, если возможностью рубить возвращенный лѣсъ воспользуются промышленники-кулаки, дѣлая изъ продажи его предметъ крупной и хищнической спекуляціи. Это весьма возможно у здѣшнихъ татаръ и грековъ,

потому что подобные промышленники руководятъ и дѣлами сельскихъ обществъ. Въ Таврической губерніи приняты правительственныя мѣры для огражденія лѣсовъ, ограничивающія даже права самого лѣсовладѣльца, но законы эти, покуда, остаются мертвою буквой, такъ какъ земство, на которое возложена обязанность блюсти за порядками лѣсопользованія, не имѣетъ средствъ и возможности ни контролировать владѣльцевъ, ни даже привести въ извѣстность самую площадь лѣсовъ. Главная причина, мѣшающая веденію правильнаго и бережливаго лѣсохозяйства, это, разумѣется, бездоходность таковаго въ настоящихъ условіяхъ. Даже казна по отношенію къ пользованію всѣми доходами лѣса стоитъ не много выше владѣльцевъ частныхъ имѣній. Я укажу на одинъ примѣръ: въ лѣсахъ Южнаго берега вовсе не существуетъ смолокуренія, а между тѣмъ хвойные лѣса изобилуютъ высокаго качества смолою. Нѣсколько смѣлыхъ предпринимателей разсчитали, что въ нѣкоторыхъ казенныхъ лѣсныхъ дачахъ находится значительное количество бурелома и погорѣлыхъ мѣстъ, и рѣшили воспользоваться гніющими пнями и стволами для извлеченія изъ нихъ продуктовъ сухой перегонки дерева. При выборѣ казеннаго лѣса ими руководило то обстоятельство, что въ казенныхъ лѣсахъ существуютъ хорошо устроенныя дороги. Они затѣяли построить въ казенныхъ лѣсахъ заводъ. Разсчитывая на высокую цѣнность нѣкоторыхъ продуктовъ, добываемыхъ при усовершенствованіи техники и спѣша перейти къ осуществленію предпріятія, чтобы не разстроилась ихъ компанія, эти лица рѣшились предложить казнѣ высокую цѣну какъ за гніющіе пни, такъ и за топливо, которое должны были покупать у казны, и соглашались на всѣ требованія, которыя казна поставила бы имъ для огражденія себя отъ ущерба со стороны промышленниковъ. Пространство, на которомъ промышленники хотѣли выговорить себѣ у казны исключительное право этого занятія, не было велико, и условіе это, также какъ и пятнадцатилѣтній срокъ, послѣ котораго всѣ сооруженія завода должны были перейти въ собственность казны, были существенно необходимы, по свойству предпріятія, для обезпеченія его выгодности, еще проблематической въ виду новизны дѣла въ краѣ. Предпринимателямъ было отказано только въ виду долговременности срока, дабы не допускать монополизаціи промысла. Большая часть этого срока нынѣ истекла, а новое и рискованное дѣло не состоялось. Въ частныхъ и общественныхъ лѣсахъ отсутствіе дорогъ дѣлаетъ невозможнымъ правильное пользованіе лѣсами; тамъ рубится только та часть, которая можетъ быть удобно вывозима, за то рубится вполнѣ варварскимъ образомъ, въ чемъ легко можетъ убѣдиться каждый туристъ, если совершитъ послѣ-обѣденную прогулку изъ Ялты къ живописному Аутинскому водопаду, по красивой дорогѣ, проложенной черезъ когда-то бывшій тамъ дремучій сосновый лѣсъ. Трудно повѣрить, что, еще богатый лѣсомъ, Южный берегъ получаетъ нерѣдко дровяное топливо изъ Анатоліи. Легкость подвоза

каменнаго угля изъ азовскихъ портовъ соблазнила нѣкоторыхъ ялтинскихъ промышленниковъ устроить склады каменнаго угля, но произвольность въ назначеніи цѣнъ и отсутствіе увѣренности въ достаточности запасовъ такихъ складовъ удерживаютъ жителей отъ того, чтобы приспособить печи къ отопкѣ этимъ, несомнѣнно болѣе дешевымъ, топливомъ, при правильныхъ условіяхъ его продажи. При богатствѣ строевого и даже мачтоваго лѣса, весь матеріалъ для деревянныхъ сооруженій выписывается изъ Херсона, ведущаго обширную торговлю сплавляемымъ по Днѣпру лѣсомъ. Крымскій видъ сосны (pinus taurica) имѣетъ цѣнныя свойства; онъ отличается большимъ содержаніемъ смолы и такимъ сильнымъ, своеобразнымъ ароматомъ, что люди съ тонкимъ обоняніемъ, приплывая моремъ въ Крымъ, за много верстъ отъ Южнаго берега узнаютъ приближеніе къ нему по запаху сосновыхъ лѣсовъ. Видъ этотъ принято считать негоднымъ для плотничнаго дѣла, но для нѣкоторыхъ частей деревянныхъ построекъ выгода этого лѣса передъ привознымъ доказана. Кромѣ сосны, въ южно-бережныхъ лѣсахъ растутъ: дубъ, букъ, грабъ и ясень и многіе виды весьма цѣнныхъ для разныхъ подѣлокъ деревьевъ, какъ-то: дерево кизилевое, карагачъ и терпентинное, а ближе къ морскому берегу и дерево можжевеловое (juniperus excelsa). Такими деревьями вовсе не пользуются здѣсь, если не считать продаваемыхъ на Южномъ берегу туристамъ несокрушимыхъ палокъ изъ кизиля. Если крутая часть верхняго, перваго, уступа Яйлы содержитъ совершенно бездоходныя для мѣстности или грубо эксплуатируемыя лѣсныя богатства, то идущая къ морю, болѣе отлогая, часть склона составляетъ собственно полосу садовъ. Въ рѣдкихъ мѣстахъ лѣса подходятъ еще къ самому морю; на всемъ болѣе культивированномъ пространствѣ берега только небольшія группы лѣсовъ и мелко растущій кустарникъ свидѣтельствуютъ о бывшихъ здѣсь когда-то лѣсныхъ чащахъ, на исчезновеніе которыхъ неумѣстно роптать,—тамъ они замѣнены виноградниками, чаирами, садами и парками, изъ которыхъ одни представляютъ статьи дохода, другіе—прославленную красу Южнаго берега. Къ сожалѣнію, господствующій видъ цѣлаго пространства, особенно крайней, западной полосы его, довольно грустенъ: малое количество виноградниковъ, нѣсколько селеній, окруженныхъ чаирами, и дачъ, осѣненныхъ зеленью и пріютившихся у самаго моря, не скрашиваютъ пустыннаго вида, оголенной отъ лѣсной растительности мѣстности. Многія изъ этихъ дачъ, процвѣтавшія до войны 1853—56 годовъ, пришли въ совершенное запустѣніе и мѣстные остряки подбираютъ въ виршахъ, говорящихъ о быломъ ихъ блескѣ и объ окружающихъ ихъ, нынѣ одичалыхъ, садахъ, на слово «кипарисы»—плохую риѳму: «крысы», обжорливый, заатлантическій видъ которыхъ, завезенный сюда въ благословенный нашъ край судами англійскаго флота, дѣйствительно безпрепятственно разгуливаетъ въ заброшенныхъ покояхъ развалившихся нынѣ, а когда-то красивыхъ, иногда даже

дворцеобразныхъ, виллъ. Только протяженіе отъ Алушки до Аю-Дага, верстъ на 30 съ небольшимъ, представляетъ почти не прерывающуюся полосу сплошно воздѣланнаго и застроеннаго изящными постройками пространства. На этомъ протяженіи лежатъ имѣнія: Алупка, Мисхоръ, Корецкія дачи, имѣнія Августѣйшей Фамиліи—Айтодоръ, Оріанда и Ливадія. Далѣе слѣдуетъ городъ Ялта съ прелестными дачами и очаровательными долинами, у краевъ которыхъ, на горномъ склонѣ, расположены живописныя, зажиточныя деревни. Далѣе, къ тому же протяженію густой культуры принадлежатъ имѣнія княгини Воронцовой—Массандра и Айданиль и между ними Магарачскія дачи, Гурзуфскій садъ и живописная деревня Гурзуфъ—крайній предѣлъ этой хорошо воздѣланной полосы, которая въ глазахъ туристовъ и представляетъ собственно красоту Южнаго берега. Я лично нахожу, что романтическій видъ скалъ за Кикинеизомъ, у подножія Чортовой лѣстницы, близъ Мухалатки и далѣе, по направленію къ Байдарскимъ воротамъ, воспѣтый Мицкевичемъ, гораздо болѣе говоритъ воображенію, по условіямъ природной живописности, но на вышеупомянутомъ пространствѣ, прельщающемъ нашихъ туристовъ, дѣйствительно достигнуто соединеніе пріятнаго съ полезнымъ, при преобладаніи перваго. Дворцы и дачи здѣсь чередуются съ хозяйственными постройками, между которыми не малую роль играютъ подвалы для вина; среди парковъ и садовъ съ акклиматизированными растеніями южныхъ странъ находятся веселые, чисто содержимые, виноградники, а мѣстами—оливковыя рощи. Весною это—царство розъ, лѣтомъ здѣсь цвѣтутъ роскошныя магноліи и даже зимою мѣстность эта не утрачиваетъ своего улыбающагося, южнаго характера, благодаря преобладанію вѣчно-зеленой растительности; здѣсь тѣ мѣста: «Гдѣ дремлетъ нѣжный миртъ и темный кипарисъ» (Пушкинъ).

Подвигаясь далѣе къ востоку, мы видимъ опять большія полосы пустыннаго пространства, гдѣ, въ рѣдкихъ оазисахъ культуры, вполнѣ уже преобладаетъ полезное надъ пріятнымъ. Здѣсь гораздо менѣе красивыхъ дачъ, исключительно находящихся у самаго берега моря; кипарисы и лавры почти исчезаютъ, за то въ сосѣдствѣ моря продолжаются виноградники, а табачныя плантаціи господствуютъ вездѣ, гдѣ только существуетъ какая-либо возможность орошенія. Въ богатой виноградниками, обильной водою и усѣянной хуторами Алуштѣ можно легко сосчитать по пальцамъ всѣ существующіе кипарисы и такъ мало развитъ вкусъ къ изящному садоводству, что при всѣхъ усиліяхъ немыслимо собрать даже небольшой букетъ изъ садовыхъ цвѣтовъ, если не ограничиваться одними вульгарными—желтыми и непріятно пахнущими шапочками—бархатцами, которые разводятъ татары, любящіе ихъ не менѣе малороссовъ. Дальнѣйшая часть Южнаго берега—до Судака — находится въ еще болѣе первобытномъ состояніи, такъ какъ тамъ менѣе владѣльческихъ усадьбъ, а сады татаръ мало привлекательны видомъ.

Изъ видовъ почвенной культуры Южнаго берега самый значительный—по несомнѣнной его доходности и полезности для края, а также по затраченнымъ на него капиталамъ—разумѣется, винодѣліе. Культура эта могла бы развиться, по свойствамъ мѣстности, до баснословныхъ размѣровъ, еслибы не существовало къ тому трехъ препятствій: недостатка рукъ, отсутствія у большинства винодѣловъ значительныхъ оборотныхъ капиталовъ и, наконецъ, рутинныхъ пріемовъ самаго дѣла. Винодѣліе на Южномъ берегу возможно какъ въ малыхъ, такъ и въ большихъ размѣрахъ. Мѣстные поселяне владѣютъ достаточнымъ количествомъ втунѣ лежащей нынѣ, но вполнѣ пригодной для винодѣлія, земли. Это производство щедро вознаграждало бы ихъ личный трудъ, но, къ несчастію, для нихъ винодѣліе невозможно, вслѣдствіе запретовъ Корана. Они должны или запродавать другимъ винодѣламъ свой виноградъ, или сдавать имъ выдавленный сокъ еще до броженія. Встрѣчались попытки татаръ обходить религіозное запрещеніе—наймомъ русскаго винодѣла, но эта уловка доступна только богатымъ лицамъ и претила бы господствующей набожности населенія, не допускающаго «сдѣлокъ съ небомъ», какъ выражается Тартюфъ. Въ виду такого обстоятельства, за исключеніемъ очень немногочисленныхъ владѣльцевъ изъ русскихъ и давнишнихъ колонистовъ-грековъ, извлекающихъ доходъ изъ ограниченнаго пространства виноградниковъ, здѣсь вовсе не существуетъ мелкаго винодѣлія, а между тѣмъ такое количество лозъ, которое могло бы быть посажено и обработано собственными руками владѣющаго небольшимъ участкомъ земли семейства, съ нѣкоторымъ приспособленіемъ для винодѣлія, при снаровкѣ и тщательномъ уходѣ за виномъ, да еще въ соединеніи съ какою-либо другой культурой, въ свободное отъ работы по винодѣлію время, могло бы быть источникомъ полнаго благосостоянія такой семьи. Очень жаль, въ интересахъ края, что появленіе такихъ мелкихъ самостоятельныхъ хозяевъ составляетъ только pium desiderium и по многимъ причинамъ совершенно недостижимо. На Южномъ берегу нынѣ господствуетъ болѣе или менѣе крупное винодѣліе, съ соотвѣтственнымъ количествомъ виноградниковъ, помѣстительными и дорогими подвалами, постоянными рабочими виноградарями и кавистами, и эти хозяйства затрачиваютъ еще значительныя суммы на наемъ рабочихъ, для ежегодной перекопки виноградныхъ посадокъ, составляющей главную ежегодную затрату. Отсутствіе работниковъ, знакомыхъ съ усовершенствованными пріемами обработки виноградниковъ и хорошо обученныхъ винодѣлію, составляетъ большое зло для этого крупнаго вида хозяйства и обрекаетъ его на рутину. Существованіе казеннаго „Магарачскаго училища садоводства и винодѣлія“ весьма мало выручаетъ нашихъ хозяевъ, составившихъ себѣ, можетъ-быть и преувеличенное, мнѣніе о непригодности для практическаго дѣла питомцевъ, выпускаемыхъ этою школою. Здѣсь полагаютъ, что магарачскіе ученики ищутъ себѣ немедленно, по окончаніи курса, полубарскаго занятія управляющаго какимъ-либо имѣ-

ніемъ этой мѣстности, а на такія мѣста крупные хозяева охотнѣе приглашаютъ лицъ болѣе опытныхъ въ практическомъ веденіи хозяйства, хотя и менѣе обладающихъ спеціальною подготовкой. Средней руки хозяева, сами ведущіе дѣло, въ управляющихъ вовсе не нуждаются. По обще распространенному убѣжденію, эти молодые люди считаютъ какъ бы унизительнымъ для себя скромное положеніе подчиненнаго рабочаго-спеціалиста. Достаточно оплачиваемое и представляющее увлекательное и разумное занятіе, хотя и сопряженное съ физическою работой, положеніе это можетъ легко привести пріобрѣвшаго опытъ въ хозяйствѣ труженика къ болѣе обезпеченному мѣсту управляющаго крупнымъ винодѣліемъ или къ самостоятельному труду арендатора, а современемъ и собственника-винодѣла, чему примѣромъ служатъ многіе землевладѣльцы изъ скромныхъ рабочихъ-винодѣловъ, нѣмецкаго и французскаго происхожденія, выписанныхъ когда-то нашими помѣщиками. Предполагая даже вполнѣ невѣрнымъ распространенное, къ сожалѣнію, между нашими помѣщиками убѣжденіе въ томъ, что питомцы Магарача заражены такимъ взглядомъ неуваженія къ физическому труду, все-таки небольшое число лицъ, выпускаемыхъ казеннымъ училищемъ, изъ которыхъ еще многіе находятъ себѣ занятія въ другихъ мѣстностяхъ Имперіи, преимущественно на Кавказѣ, не устранило бы помянутаго мною недостатка въ интеллигентныхъ спеціальныхъ рабочихъ. Я позволю себѣ высказать здѣсь свое личное мнѣніе о дѣятельности казеннаго учрежденія въ Магарачѣ, вмѣстѣ съ казеннымъ же Никитскимъ садомъ предназначеннаго служить, кромѣ цѣли образованія практическихъ садоводовъ и винодѣловъ, еще и образцомъ для веденія правильныхъ и сообразныхъ съ усовершенствованіями науки и практики пріемовъ культуры. Въ старое время, говорятъ, эта послѣдняя цѣль достигалась. И понынѣ прекрасныя, давно посаженныя деревья рѣдкихъ породъ въ Никитскомъ саду, а также богатая систематизированная коллекція сортовъ магарачскаго виноградника— свидѣтельствуютъ о трудахъ прежнихъ устроителей этого дѣла. Въ послѣднія десятилѣтія учрежденіе это задалось мыслію само окупать по возможности издержки своего существованія, составляя такимъ образомъ значительную экономію для казны. Для разрѣшенія этой задачи, на первомъ планѣ поставлено винодѣліе, такъ какъ полезныя для края попытки извлеченія серьезнаго дохода изъ садовыхъ питомниковъ до сихъ поръ не увѣнчивались хорошимъ практическимъ результатомъ. Винодѣліе, поставленное на торговую ногу, пользующееся свѣдѣніями спеціалистовъ, служащихъ въ этомъ казенномъ заведеніи въ качествѣ преподавателей и практиковъ, располагающее также даровымъ и разумнымъ трудомъ учениковъ, обладающее кромѣ того прекрасными подвалами и образцовыми орудіями, составляетъ непріятную конкуренцію для владѣльцевъ, не имѣющихъ возможности достигать одинаково выгодныхъ результатовъ. Но не въ самой конкуренціи, весьма незначительной впрочемъ по количеству

продаваемаго вина, лежитъ, по моему мнѣнію, зло такой постановки дѣла. Мнѣ сдается, что этотъ коммерческій характеръ веденія дѣла отвлекаетъ полезное учрежденіе отъ первоначальной его задачи—служить образцомъ и разсадникомъ правильныхъ способовъ спеціальной культуры, и цѣль торговой конкуренціи необходимо втягиваетъ магарачское винодѣліе въ ту же рутину, которой оно должно бы противодѣйствовать примѣромъ,—въ рутину, мѣшающую усовершенствованію винодѣлія у частныхъ владѣльцевъ, поддерживаемую, разумѣется, установившимися неправильными условіями доходности и сбыта. Я могъ бы, въ подтвержденіе своего мнѣнія, привести многія имѣющіяся у меня данныя, но размѣръ моихъ замѣтокъ не позволяетъ мнѣ вдаваться въ подробности. Вѣроятность моего предположенія несомнѣнно будетъ признана читателемъ, если онъ вникнетъ въ значеніе такого заведенія и нѣсколько знакомъ съ условіями веденія торговыхъ дѣлъ. Упомяну здѣсь о двухъ обстоятельствахъ. На Южномъ берегу разведены почти всѣ извѣстные въ мірѣ сорта виноградныхъ лозъ, изъ числа которыхъ нѣкоторыя успѣли окончательно переродиться, причемъ, благодаря разности почвы, въ предѣлахъ самаго Южнаго берега перерожденіе это дало не вполнѣ одинаковые результаты. Какъ ни интересно такое явленіе, мы понынѣ, несмотря на существованіе здѣсь спеціальнаго заведенія, обладающаго всѣми средствами для научныхъ изслѣдованій, несмотря на возникновеніе въ городѣ Ялтѣ общества садоводовъ и винодѣловъ, въ которомъ принимаютъ участіе какъ лица обладающія научными свѣдѣніями, такъ и мѣстные хозяева-практики,—не имѣемъ ни приведенныхъ въ систему наблюденій надъ этими условіями перерожденія, ни химическаго анализа почвъ. Еще знаменательнѣе другое явленіе, а именно: если посѣтитель магарачскаго подвала пожелаетъ себѣ составить понятіе о вкусѣ и качествѣ вина, выдѣланнаго изъ того или другого сорта лозы, растущей въ самомъ Магарачскомъ казенномъ винограднике, то и этого ему не удастся, такъ какъ за исключеніемъ двухъ или трехъ сортовъ дессертныхъ винъ всѣ остальные сорта, для удобства винной спекуляціи, въ Магарачскомъ подвалѣ выдѣлываются изъ смѣшенія разныхъ сортовъ винограда, чего до 1865 года, если не ошибаюсь, не дѣлалось. Такое смѣшеніе лозъ извинительно еще частному владѣльцу, потому что въ большинсвѣ случаевъ онъ продастъ вина маловыдержанныя, да къ тому же при такомъ способѣ его выдѣлки достигается возможность соединенія въ одну партію большого количества вина съ наименьшею затратою, послѣдствіемъ упрощенія производства; но Магарачскому заведенію, выпускающему свои вина уже хорошо выдержанными, такое, ведущее къ ухудшенію репутаціи нашихъ винъ, производство непозволительно, тѣмъ болѣе, что учрежденіе это—казенное, основанное съ цѣлью служить образцомъ винодѣльнаго хозяйства въ краѣ. При этихъ пріемахъ всегда страдаетъ качественная сторона и благодаря имъ наши винодѣлы не могутъ добиться опредѣленныхъ неизмѣнныхъ типовъ вина, мѣняю-

щагося по годамъ, что зависитъ отъ разницы урожая и степени зрѣлости, входящихъ въ составъ помянутыхъ смѣсей сортовъ. Этотъ обычай несомнѣнно приводитъ въ ухудшеніе наше винодѣльное хозяйство. Относительно виноградарства можно сказать, что для нашихъ хозяевъ остаются до сихъ поръ открытыми многіе вопросы, какъ, напримѣръ, выборъ мѣстъ и почвы подъ виноградники, способъ обрѣзки таковыхъ, наиболѣе выгодныя системы подпоръ виноградныхъ лозъ и многое другое. Всѣ подобные вопросы рѣшаются каждымъ хозяиномъ, какъ ему самому заблагоразсудится, чаще всего на основаніи заведенныхъ уже порядковъ, безъ всякаго сомнѣнія въ ихъ правильности. Что касается собственно винодѣлія и виноторговли, то въ нихъ рутина и неправильность условій даютъ себя чувствовать еще болѣе. Винодѣлы употребляютъ всѣ усилія для того, чтобы пускаемыя ими въ продажу вина походили бы на французскія сорта, типа бордосскихъ, какъ наиболѣе распространенныхъ въ средѣ русской публики и предпочитаемыхъ ею. Чего не дѣлается для достиженія этой цѣли! Появленіе филоксеры *) пріостановило выписку лозъ, до перерожденія на крымской почвѣ дающихъ вино сходное съ французскими образцами; нынѣ цѣль эта достигается исключительно путемъ изготовленія смѣсей, между прочимъ, и съ болѣе слабыми винами другихъ мѣстностей, а иногда и подбавкою воды къ виноградному соку, во время броженія, такъ какъ наши вина слаще и крѣпче французскихъ. По поводу количества добываемаго у насъ вина я долженъ сказать, что на почвахъ и склонахъ, дающихъ хорошіе качественные результаты, урожай виноградниковъ мало обиленъ. Многіе изъ лучшихъ видовъ виноградной лозы не принадлежатъ къ плодовитымъ и владѣльцы разводятъ ихъ преимущественно для улучшенія качества смѣсей. Вообще количество получаемаго вина съ десятины на Южномъ берегу очень невелико, но условія почвы и климата, мѣшающія плодовитости виноградниковъ, способствуютъ густотѣ и сладости, а поэтому и качеству вина. Вино наше въ чистомъ его видѣ не можетъ быть, по его малому количеству, дешевымъ, а по природнымъ его качествамъ—легкимъ, что составляетъ пре-

*) Завозъ филоксеры на Южный берегъ вызванъ, по моему мнѣнію, желаніемъ винодѣловъ получать не переродившееся здѣсь, на мѣстной почвѣ, вино. Благодаря усиленной дѣятельности одного изъ здѣшнихъ винодѣловъ, лица близкаго къ администраціи, и энергіи той личности, на которую возложены были правительствомъ мѣры, необходимыя для спасенія крымскаго винодѣнія, можно надѣяться, что мы освобождены отъ дальнѣйшей опасности, уничтоживъ площадь зараженныхъ виноградниковъ и подвергнувъ тщательному наблюденію сосѣднія мѣста. Слѣдуетъ ожидать, что южно-русскія земства, которымъ переданъ нынѣ вопросъ о филоксерѣ, и управленіе Кавказскимъ краемъ будутъ продолжать строго и неуклонно дѣйствовать въ смыслѣ тѣхъ мѣръ, которыя хотя и были сопряжены съ немалыми издержками, но доказали свою полную дѣйствительность въ Крыму въ дѣлѣ пресѣченія дальнѣйшаго развитія этого бича винодѣлія.

пятствіе къ достиженію цѣли соперничества съ французскими винами. Въ виду увеличенія количества добываемаго сока, винодѣлы наши стремятся при выборѣ сортовъ лозы для насажденія виноградниковъ избирать тѣ, которые даютъ наиболѣе вина,—стремятся не къ улучшенію качества, а количества продукта; не служащія для сдабриванья помѣсей, лозы, при маломъ урожаѣ дающія высокія по вкусу вина, не разводятся совсѣмъ въ послѣднее время.

Въ виду маніи нашей производить сорта винъ французскаго типа, я воображаю себѣ, какъ бы разсмѣялся прирейнскій или венгерскій винодѣлъ, которому предложили бы изъ родныхъ его лозъ выдѣлывать бордоское или бургонское вино.

Хотя наши южно-бережныя вина и не могутъ пользоваться репутаціей издревле прославленныхъ типовъ французскихъ, рейнскихъ или венгерскихъ винъ, но тѣмъ не менѣе они имѣютъ свои несомнѣнныя достоинства и вполнѣ характерныя и отличительныя природныя свойства, на уничтоженіи которыхъ нынѣ основанъ преобладающій характеръ нашего винодѣлія, обусловленный неправильными условіями нашего торговаго сбыта, о чемъ я и позволю себѣ сказать теперь нѣсколько словъ.

Южно-бережное вино изъ французскихъ бордоскихъ лозъ, переродившихся на мѣстной почвѣ, если оно хорошо выдержано и чисто отъ всякой примѣси, имѣетъ слѣдующія качества: оно по меньшей мѣрѣ на два процента богаче содержаніемъ алкоголя, чѣмъ французское, соотвѣтственное этому сорту лозъ. Этимъ гарантируется доставка его на всякій рынокъ и сохраненіе отъ порчи. Оно много гуще и маслянистѣе; красные виды гораздо темнѣе цвѣтомъ и имѣютъ небольшую горечь, присущую и французскимъ натуральнымъ винамъ нѣкоторыхъ другихъ, не бордоскихъ, типовъ; бѣлые немного болѣе оцвѣчены. Вино это—какъ бѣлое, такъ въ особенности красное—отличается сильно ароматическимъ, иногда нѣсколько вяжущимъ букетомъ, къ которому скоро привыкаетъ потребитель и который несравненно нѣжнѣе вяжущаго вкуса, отличающаго кавказскія вина. Въ результатѣ—это не бордоскія вина, а совершенно отличный отъ нихъ сортъ, вполнѣ достойный уваженія цѣнителей. Вино изъ лозъ испанскихъ гораздо менѣе крѣпко, чѣмъ имѣющіеся въ продажѣ хорошіе привозные испанскіе сорта. Хотя мы знаемъ изъ испанскихъ винъ только сильно наспиртованныя, но вѣроятно наши вина слабѣе несмѣшанныхъ съ алкоголемъ испанскихъ, каковыми потребляются они на мѣстѣ производства. Тѣмъ не менѣе и крымскіе сорта изъ акклиматизированныхъ испанскихъ лозъ очень богаты алкоголемъ и даютъ довольно сходное на вкусъ съ испанскимъ и пріятное вино. Вино изъ токайскихъ лозъ хотя нѣсколько грубѣе оригинальнаго типа, но имѣетъ много общаго съ нимъ по отличительному букету и крѣпости. Къ сожалѣнію, высокое вино это не можетъ быть дешевымъ, такъ какъ требуетъ многолѣтняго ухода въ подвалѣ и особыхъ пріемовъ выдѣлки.

Мускатные и ликерные сорты всѣ, безъ исключенія, при хорошой выдѣлкѣ, превосходны, ароматичны, сладки и огненны и могутъ смѣло выдержать конкуренцію съ самыми прославленными привозными видами этихъ винъ. Немногіе посланные образцы ихъ обратили на себя особенное вниманіе на Вѣнской всемірной выставкѣ. Всѣ южно-бережныя вина могутъ выдержать долгій срокъ лежанія, не теряютъ вкуса съ годами, а положительно улучшаются. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ двадцатилѣтнія и даже болѣе старыя вина не были совершенною рѣдкостью въ Крыму. Надо сказать, что бѣлые сорта гораздо выше и пріятнѣе на вкусъ, чѣмъ красные, хотя торговля главнымъ образомъ требуетъ послѣднихъ. Во всѣхъ странахъ, выработавшихъ прославленные столѣтіями типы вина, существуютъ педантически-строгіе и до мелочей аккуратные пріемы винодѣлія. Еслибъ у насъ болѣе обращалось вниманія на технику производства, то многія наши вина стали бы разомъ на ряду съ хорошими, если не высшими заграничными сортами, отличаясь можетъ-быть нѣкоторою своеобразностью вкуса, чего нельзя было бы считать недостаткомъ; напротивъ, въ ихъ оригинальности привыкшіе къ нимъ потребители находили бы особенную прелесть и на подобіе девиза любителей венгерскаго вина, пожалуй, утверждали бы, что nullum vinum, nisi tauricum. Вспомнимъ, что привычный кавказецъ предпочитаетъ всѣмъ винамъ міра грубоватое кахетинское, отличающееся главнымъ образомъ своимъ страннымъ вкусомъ даже тогда, когда оно не воняетъ смазанными нефтью бурдюками. Знакомые съ нашими крымскими винами англичане, любители крѣпкихъ сортовъ, высоко цѣнятъ ихъ. Принцъ Вельскій, со своею свитой посѣтившій Южный берегъ и пробовавшій старыя, хорошо выдержанныя въ подвалахъ, не подмѣшанныя наши вина, каковыя существуютъ нынѣ только для собственнаго владѣльческаго потребленія въ подвалахъ богатыхъ имѣній, нашелъ ихъ весьма хорошими и партіи таковыхъ были посылаемы въ Англію къ его двору. Опыты отправки нашего вина въ Остъ-Индію, куда не могутъ доходить не испорченными вина французскія, увѣнчались полнымъ успѣхомъ, и посланное туда количество весьма хорошо разошлось. Къ сожалѣнію, такая отправка была случайнымъ явленіемъ: существуетъ цѣлый рядъ условій, мѣшающій организаціи этого выгоднаго сбыта. Лицо, распоряжавшееся доставкою изъ Крыма моремъ въ Петербургъ (до существованія желѣзной дороги къ Крыму) большой партіи крымскаго вина, въ первый разъ появившагося въ Петербургѣ этимъ путемъ, разсказывало мнѣ, какъ петербургскіе кависты не хотѣли вѣрить, что вино выдержало долгій морской путь безъ подбавки спирта, котораго однако не было влито въ бочки ни одной капли. Досадно, что это предпріятіе задавалось мыслію снабжать публику столовыми винами французскаго типа, т. е., на мой взглядъ, ухудшенными борьбою съ самою природою южно-бережныхъ винъ. До сихъ поръ, кажется, не сдѣлано ни одной серьезной попытки предложить публикѣ

вполнѣ типическіе, крѣпкіе и хорошо выдержанные наши сорта, несмотря на издержки болѣе тщательнаго производства и долговременный уходъ въ подвалахъ, могущіе быть болѣе дешевыми, чѣмъ даже худшія, по качеству, привозныя вина. Разумѣется, такое предпріятіе не могло бы разсчитывать на успѣхъ у публики, слишкомъ привычной къ ежедневному потребленію нѣжныхъ и легкихъ французскихъ столовыхъ винъ. Такая публика по-прежнему будетъ предпочитать продукты французскихъ виноградниковъ, а современемъ, въ виду дешевизны, можетъ-быть обратится къ легкимъ винамъ другихъ крымскихъ мѣстностей (долинъ Судакской, Альмы, Бельбека и другихъ), или Бесарабіи, когда винодѣлы этихъ районовъ научатся пріемамъ, необходимымъ для придаванія своимъ произведеніямъ прочности, обезпечивающей возможность далекой доставки ихъ, и перестанутъ сбывать свой продуктъ исключительно такимъ виноторговцамъ, которые нуждаются въ немъ, для разбавленія болѣе крѣпкихъ и дорогихъ винъ, или для еще менѣе добросовѣстныхъ спекуляцій, въ родѣ фабрикаціи вина, основанной на значительной подмѣси постороннихъ веществъ. Станемъ надѣяться, что въ близкомъ будущемъ сбудется патріотическое мое желаніе, чтобы потребленіе иностранныхъ столовыхъ винъ замѣнилось менѣе дорогими сходными произведеніями отечественныхъ винодѣловъ многихъ обширныхъ районовъ, получаемыми притомъ прямо изъ складовъ самихъ производителей, что, гарантируя публику отъ вредныхъ пріемовъ фальсификаціи, увеличило бы еще выгодность русскаго винодѣлія. Для южно-бережныхъ сортовъ открывается не менѣе хорошая перспектива. Они должны будутъ стремиться къ сохраненію въ возможной чистотѣ своихъ высокихъ природныхъ качествъ, при тщательной и аккуратной выдѣлкѣ самаго продукта, не соперничая съ винами столовыми, такъ какъ въ чистомъ, не подмѣшанномъ видѣ никогда не смогутъ вытѣснить произведенія болѣе плодовитыхъ мѣстностей, отличающіяся дешевизной и легкостью. Употребленіе столовыхъ винъ развито понынѣ только въ извѣстной части нашего общества, болѣе знакомой съ Европой и перенявшей европейскій складъ жизни и заграничныя привычки. Не говоря о простолюдинѣ, уже купцы средней руки, духовенство, даже лица чиновничьяго класса и небогатые помѣщики—непривычны къ ежедневному потребленію столоваго вина, и эти классы общества являются главными потребителями дешевыхъ крѣпкихъ видовъ, которыми снабжаютъ ихъ недобросовѣстные виноторговцы извѣстнаго разряда. Сколько расходится по нашимъ провинціямъ всевозможныхъ ярлыковъ лиссабонскаго вина, шестигривеннаго портвейна или хереса и мадеры не дороже рубля, приготовляемыхъ изъ подслащенной смѣси кизлярскаго вина съ водкою, а въ лучшемъ случаѣ доставляемыхъ изъ центровъ болѣе искусной заграничной фальсификаціи! Неужели, доступное по цѣнѣ, крѣпкое, натуральное вино, отличающееся пріятнымъ ароматомъ отъ этой возбуждающей тошноту смѣси, не вытѣснитъ съ

праздничнаго стола нашего средняго сословія эту отвратительную и часто не безвредную для здоровья бурду? Я полагаю противное и мнѣ случалось замѣчать, насколько южно-бережное вино приходится по вкусу нашихъ любителей хереса и мадеры, не избалованныхъ высокими качествами обычно потребляемыхъ ими винъ. Приведу въ подтвержденіе такого мнѣнія, на выдержку, два факта, доказывающіе, съ одной стороны, что наша публика легко пріучается къ южно-бережному вину, нѣсколько подходящему къ излюбленнымъ ею сортамъ; съ другой, что попытка нашихъ винодѣловъ снабжать подобныхъ потребителей крѣпкими винами могла бы имѣть очень хорошій успѣхъ при знаніи ими пріемовъ винодѣлія, дающихъ хорошія вина такого типа.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ изъ южно-бережныхъ винодѣловъ, обладающій весьма ограниченными средствами, съ двухъ или трехъ десятинъ своего виноградника умудрился получать доходы, которымъ, по значительности ихъ, могли вполнѣ завидовать сосѣди его, обладавшіе, вмѣсто миніатюрнаго погреба, подвалами настоящими, въ которыхъ выдерживалось много большее количество вина, чѣмъ могъ получить съ своего маленькаго имѣнія помянутый владѣлецъ. Онъ развелъ у себя только два сорта лозъ: одинъ былъ видъ мускатный, изъ котораго получается у насъ хороше ликерное сладкое вино; оно, при тщательной выдѣлкѣ, выходило у него очень хорошимъ; наши винодѣлы напрасно пренебрегаютъ этимъ выгоднымъ производствомъ и практичность помянутаго владѣльца выказалась въ такомъ выборѣ лозы,—онъ сбывалъ свой продуктъ по очень дорогимъ цѣнамъ. Другой сортъ избралъ онъ тоже подходящій къ мѣстнымъ условіямъ—лозу «мадера». Для приготовленія вина изъ него, онъ прибѣгъ къ знакомымъ ему по наслышкѣ или изъ чтенія пріемамъ, практикуемымъ на мѣстѣ изготовленія оригинальнаго сорта; по неумѣлости его, получаемый напитокъ очень мало напоминалъ мадеру настоящую, но въ результатѣ онъ настолько понравился туристамъ, что предпріимчивый винодѣлъ продавалъ его небольшими количествами по очень выгодной цѣнѣ и никогда не могъ удовлетворить всѣхъ получаемыхъ заказовъ; въ это самое время сосѣдей его, изъ болѣе крупныхъ владѣльцевъ, вводили въ убытки притѣсненія скупщиковъ, держащихъ въ рукахъ дѣло нашего винодѣльнаго сбыта. Другой владѣлецъ, изъ людей весьма практическихъ, но смотрѣвшій на винодѣліе какъ на обузу, навязанную ему доставшимися ему по наслѣдству большими виноградниками, желая спастись отъ невыгодныхъ условій продажи на мѣстѣ своего вина, затѣялъ устроить сбытъ его въ нашемъ Поволжьѣ, детальной бутылочною продажей въ одномъ изъ большихъ городовъ. Онъ жаловался, что для достиженія своей цѣли, такъ какъ публика мало спрашивала столовыя вина, онъ былъ принужденъ передѣлать свое вино на хересъ, понравившійся потребителямъ. Лицамъ, знающимъ, насколько вывезеное имъ вино, само по себѣ очень хорошее, мало походило на этотъ сортъ, онъ

сообщилъ рецептъ своего приготовленія, давшій выгодный, въ смыслѣ торговомъ, результатъ, но совершенно не могущій быть принятымъ серьезными винодѣлами. Въ рецептъ этотъ, horribile dictu, входилъ даже спитой чай. Содрогаясь при одной мысли отвѣдать такого напитка, я все-таки указываю на вышеприведенные примѣры, подтверждающіе мое мнѣніе, что крѣпкія вина, которыя при усовершенствованіи выдѣлки могутъ быть вырабатываемы на Южномъ берегу, обходясь въ покупкѣ дешевле, чѣмъ хорошіе заграничные сорта, понравятся русскимъ потребителямъ. Вѣдь у большей части публики понынѣ слово «хересъ»—синонимъ виноградняго вина, красное вино называется церковнымъ, а бѣлое столовое совершенно исключено изъ употребленія. Не думаю, чтобы въ анекдотѣ, приводимомъ въ весьма извѣстныхъ мемуарахъ Герцена, квартальному, безцеремонно выпившему «бычкомъ» цѣлый стаканъ дорогого рейнвейна, особенно понравился этотъ цѣнный нектаръ, хотя онъ и счелъ себя обязаннымъ, крякнувъ, похвалить его, болѣе изъ вѣжливости, словами: «отмѣнная мадера-съ!» Я нисколько не счелъ бы правильнымъ, чтобы наши винодѣлы занялись мыслію продавать свои вина подъ испанскими названіями и старались бы достигнуть непремѣннаго сходства вкуса своихъ произведеній съ этими образцами, какъ дѣлаютъ они теперь относительно французскихъ винъ, стараясь получать продукты сходные съ бордоскими сортами, хотя подражаніе болѣе однородному по природнымъ качествамъ вину было бы, вѣроятно, удачнѣе. Я полагалъ бы только, что пріемы, употребляемые за границей при выдѣлкѣ болѣе крѣпкихъ винъ, приблизили бы произведенія нашего южно-бережнаго винодѣлія ко вкусамъ большинства публики, давая при этомъ возможность нашимъ винодѣламъ, пользуясь для этого выгодными климатическими и почвенными условіями нашими, создать мѣстные типы винъ, въ которыхъ выражались бы высокія качества природнаго продукта. Теперь я коснусь условій сбыта нашего винодѣлія. При всей выгодности этого дѣла, доходность его вообще подвержена сильнымъ колебаніямъ, какъ вслѣдствіе нападающихъ на виноградъ болѣзней, требующихъ еще и расходовъ со стороны винодѣла для противодѣйствія имъ, такъ и вслѣдствіе случающихся неурожаевъ, вызываемыхъ неблагопріятностью природныхъ явленій, бороться съ которыми не во власти человѣка. Въ исключительно дурные годы владѣлецъ можетъ не получить и половины вина, даваемаго годами средняго урожая, причемъ мѣстныя цѣны на вино не повышаются, такъ какъ цѣна вина устанавливается условіями весьма обширнаго рынка, причемъ даже повсемѣстный неурожай на русское вино можетъ не повліять на поднятіе этой цѣны, благодаря соперничеству дешевыхъ заграничныхъ сортовъ. Принимая во вниманіе большія единовременныя затраты капитала, сопряженныя съ винодѣліемъ, и крупные ежегодные расходы въ этомъ дѣлѣ, владѣлецъ можетъ серіей неблагопріятныхъ годовъ быть поставленъ въ очень затруднительное положеніе и тогда — полное отсут-

ствіе правильно-организованнаго кредита для этой отрасли хозяйства не дастъ возможности продолжать дѣло, не попадаясь въ руки разныхъ эксплуататоровъ. Онъ или обращается къ ростовщикамъ, или запродаетъ за безцѣнокъ будущій урожай спекулятору, разсчитывающему на минуты крайне стѣсненнаго положенія владѣльца. Въ такомъ состояніи находится нынѣ почти все наше винодѣліе и не исключительно вслѣдствіе неурожаевъ, а также отъ другихъ условій, затрудняющихъ полученіе доходовъ. Безденежность многихъ винодѣловъ заставляетъ ихъ часто, предъ наступленіемъ времени осеннихъ или весеннихъ работъ, продавать часть вина за ту цѣну, которую назначаютъ лица, занимающіяся покупкою винъ; а такъ какъ каждый годъ ухода за этимъ продуктомъ, въ подвалѣ, улучшаетъ его качества и возвышаетъ стоимость къ большой выгодѣ владѣльцевъ, имѣющихъ уже хорошо приспособленные подвалы, то легко себѣ представить, какіе убытки несутъ они, будучи поставлены въ необходимость продавать еще невыдержанное вино. Нѣсколько разъ возникалъ въ средѣ южно-бережныхъ владѣльцевъ вопросъ объ устройствѣ общества, которое могло бы спасти ихъ отъ такого положенія, принимая вина въ принадлежащіе обществу склады, обладающіе хорошими условіями для подвальнаго ухода, и выдавая владѣльцу вина хорошую ссуду до продажи представленнаго въ складъ продукта. О разрѣшеніи такого проекта хлопотало мѣстное земство, но, несмотря на легкую устранимость недоразумѣній, тормозившихъ оффиціальную санкцію дѣла, вопросъ этотъ и въ настоящую минуту остался вопросомъ, вслѣдствіе разныхъ мѣстныхъ причинъ, помѣшавшихъ его осуществленію. Средней руки винодѣлы по-прежнему запродаютъ невыгодными контрактами даже и будущіе урожаи и, при такой ихъ кабалѣ у скупщиковъ, трудно думать объ улучшеніи способовъ культуры и тщательной выдѣлкѣ вина. Если эти условія не измѣнятся, наше винодѣліе обречено на прозябаніе въ настоящемъ его видѣ, или, еще вѣроятнѣе, даже на ухудшеніе. Уже теперь южно-бережное вино не только неизвѣстно внѣ Крыма въ неиспорченномъ видѣ, но даже на мѣстѣ трудно достать небольшое количество какого-либо хорошо выдержаннаго сорта, такъ какъ всѣ безъ исключенія продавцы нашихъ винъ, закупая еще не вызрѣвшій продуктъ у нашихъ винодѣловъ, разбавляютъ его болѣе дешевыми сортами другихъ мѣстностей. Прежде являвшіеся покупщики изъ отдаленныхъ русскихъ пунктовъ, хотя нуждавшіеся въ нашихъ винахъ для того только, чтобы сбывать ихъ подъ иностранными ярлыками, но которые тѣмъ не менѣе поддерживали запросъ именно на хорошіе сорта, перестали ѣздить къ намъ, не разсчитывая болѣе найти здѣсь выдержанныя и вызрѣвшія въ подвалахъ партіи, что избавляетъ обычныхъ нашихъ скупщиковъ отъ всякой конкуренціи. Не существуетъ даже какого-либо учрежденія, могущаго давать справки объ имѣющихся для продажи количествахъ вина у производителей. Въ центрѣ Южнаго берега, г. Ялтѣ, понынѣ нѣтъ даже коммиссіонерской конторы, могущей служить

посредникомъ между производителями, желающими освободиться отъ мѣстныхъ эксплуататоровъ и нуждающимися въ винахъ торговцами, которые нынѣ должны сами рисковать поѣздкою въ Крымъ, предвидя возможность не найти на мѣстѣ годнаго для нихъ товара. Такое опасеніе несомнѣнно играетъ немалую роль въ рѣдкомъ нынѣ и вполнѣ случайномъ появленіи покупщиковъ изъ отдаленныхъ мѣстъ.

Изъ сказаннаго видно, насколько недостатокъ оборотныхъ капиталовъ вредитъ дѣлу нашего винодѣлія, обрекая хозяевъ на зависимость отъ нѣсколькихъ монополистовъ-скупщиковъ; о пагубномъ вліяніи на дѣло рутины я также не стану болѣе говорить. Что касается третьей помѣхи развитію этой отрасли хозяйства—отсутствія рабочихъ рукъ, то въ настоящее время это обстоятельство не имѣетъ одинаковаго значенія съ двумя другими, болѣе серьезными, препятствіями, если понимать слова «рабочія руки» въ смыслѣ предложенія исключительно физическаго труда. Недостатокъ послѣдняго сказался бы, въ случаѣ расширенія винодѣлія, которое при вышеупомянутыхъ условіяхъ нынѣ немыслимо. Крымъ почти не зналъ крѣпостного труда, а Южный берегъ еще менѣе другихъ мѣстностей полуострова, куда въ старые года были переселяемы въ небольшомъ числѣ помѣщичьи крестьяне.

Во время сильнаго и энергическаго толчка, даннаго поднятію края княземъ М. С. Воронцовымъ, существовалъ въ Крыму дешевый трудъ степныхъ татаръ, искавшихъ работы на Южномъ берегу. Благодаря ихъ рукамъ была создана вся культура Южнаго берега, и если послѣ ухода татаръ и раздавались долгое время жалобы на недостатокъ рабочихъ, то нынѣ уже провѣдали про совпадающія съ вполнѣ зимнимъ временемъ въ болѣе сѣверныхъ краяхъ работы поздней осени и ранней весны на Южномъ берегу жители нѣкоторыхъ русскихъ мѣстностей. Они охотно стекаются сюда для заработковъ и число ихъ, разумѣется, много возросло со времени открытія желѣзной дороги. Передъ послѣднею войной явились сюда въ большомъ числѣ, движимые, вѣроятно, голодомъ на родинѣ, анатолійскіе турки, очень дешево предлагавшіе свой трудъ, и въ это время были сдѣланы кое-какія попытки къ увеличенію площади виноградниковъ нѣкоторыми крупными владѣльцами. Несомнѣнно, что жалобы на отсутствіе рабочихъ слышны иногда и теперь, но причиною тому слѣдующее явленіе: зачастую винодѣлы, не имѣющіе денегъ, ждутъ хорошихъ цѣнъ за лежащія въ ихъ подвалахъ вина; при отсутствіи правильно-организованнаго, дешеваго кредита, они затрудняются своевременно приступать къ необходимой и весьма значительной застратѣ на перекопку виноградниковъ. Благопріятное время для такой работы уходитъ, а выгоднаго покупщика на вино—нѣтъ, какъ нѣтъ; тогда владѣльцы, чтобы не потерять дохода и не запустить виноградниковъ, потому что не перекапываемые виноградники хирѣютъ, рѣшаются или занимать деньги на трудныхъ условіяхъ, или дешево продавать свое вино, и начинаютъ

искать рабочихъ. Въ такомъ положеніи находятся весьма многіе, и единовременное требованіе большого числа рукъ, такъ какъ необходимо нанимать значительныя партіи рабочихъ, чтобы наверстать потерянное время, поднимаетъ цѣну рабочаго дня. Можетъ случиться при этомъ, что часть виноградниковъ такъ и останется неперекопанною, вслѣдствіе вызваннаго единовременнымъ запросомъ недостатка въ предложеніи труда; но такое явленіе будетъ, разумѣется, случайнымъ и можетъ быть избѣгнуто при нѣкоторой осмотрительности самихъ хозяевъ. Такіе пришлые рабочіе, незнакомые съ уходомъ за виноградниками, представляютъ изъ себя только хорошихъ землекоповъ, а людей, которымъ можно бы поручить другую работу въ виноградникахъ, сопряженную съ нѣкоторымъ пониманіемъ требованій этого хозяйства и спеціальною снаровкой, по-прежнему нѣтъ. Повторяю, что при настоящемъ грустномъ положеніи дѣла не возрастаетъ запросъ на чисто-матеріальную рабочую силу; за то послѣ ухода татаръ невозможно было бы, за недостаткомъ рукъ и для черной работы, такое возбужденіе дѣятельности, какъ извѣдалъ его край въ тѣ дни, когда князь М. С. Воронцовъ создалъ винодѣліе Южнаго берега. Лучшіе годы, въ смыслѣ предпріимчивости мѣстныхъ хозяевъ послѣднихъ десятилѣтій, не могутъ дать приблизительнаго понятія о томъ, что дѣлалось во время этого славнаго періода, и если количество виноградниковъ во многихъ имѣніяхъ въ послѣдніе годы понемногу возрастало, то надо принять во вниманіе и большое пространство совершенно заброшенныхъ и погибшихъ виноградныхъ плантацій стараго времени.

Выходъ изъ всѣхъ этихъ невыгодныхъ условій, препятствующихъ лучшей будущности винодѣлія, какъ видитъ читатель, весьма затруднителенъ. Первымъ шагомъ къ нему должно быть непремѣнно хотя нѣкоторое улучшеніе условій сбыта, на что существенно повліяло бы измѣненіе самаго характера винодѣлія; необходимо затѣмъ создать, не теряя времени, классъ спеціальныхъ рабочихъ въ виноградникахъ, трудъ которыхъ можетъ хорошо вознаграждаться; также существенно было бы возникновеніе болѣе мелкаго винодѣльнаго хозяйства, при которомъ только возможенъ будетъ у насъ тщательный уходъ за плантаціями и виномъ: на помощь такому хозяйству должна бы придти правильная организація кредита, чтобы въ трудныя минуты не отдавать небогатыхъ людей въ жертву крупныхъ предпринимателей-виноторговцевъ, даже изъ мѣстныхъ большихъ владѣльцевъ, такъ какъ въ этомъ дѣлѣ менѣе опасны мелкіе кулаки. Существующее въ Ялтѣ общество взаимнаго кредита, выдавая ссуды мѣстнымъ владѣльцамъ, гарантированныя ихъ недвижимымъ имуществомъ, все-таки по своей програмкѣ не имѣетъ характера земельнаго банка, а потому такія ссуды обставлены обременительными и неудобными для заемщика условіями. Крупные земельные банки не признаютъ винодѣльнаго хозяйства и оцѣниваютъ виноградники не свыше ста рублей за десятину, въ нѣсколько разъ ниже покупной стоимости пустопорожней удобной земли;

между тѣмъ какъ первоначальное устройство даже незначительнаго винодѣлія, по здѣшнимъ условіямъ, обходится въ нѣсколько тысячъ, не считая постройки подвала, стоимость котораго зависитъ отъ его величины и удобства. Виподѣліе на десяти, или на двѣнадцати десятинахъ считается здѣсь уже крупнымъ и требуетъ большихъ издержекъ на устройство подвала. Преобладаніе большихъ имѣній обрекаетъ громадныя пространства земли на пустынность, при совершенномъ отсутствіи немыслимаго здѣсь мелкаго арендпаго хозяйства. Не считая дачъ въ окрестностяхъ Ялты, служащихъ исключительно предметомъ роскоши, а также и алуштинскихъ хуторовъ, площадь небольшихъ имѣній, на протяженіи всего Южнаго берега, очень незначительна. За исключеніемъ небольшого пространства, занятаго мелкими владѣніями, и земель, принадлежащихъ татарскому населенію прибрежныхъ деревень, вся винодѣльная и садовая полоса Южнаго берега, отъ Судака до крайняго пункта Ласпи, принадлежитъ крупнымъ владѣльцамъ, число которыхъ далеко не достигаетъ сотни. Въ лѣсной, верхней, части южно-бережнаго склона владѣльцами земли являются, вмѣстѣ съ сельскими обществами и казной, только князь Воронцовъ, графъ Мордвиновъ и немногіе другіе владѣльцы, имена которыхъ мало извѣстны внѣ Крыма. Только въ послѣднія десять лѣтъ какъ будто остановилось стремленіе крупныхъ владѣльцевъ расширять границы своихъ имѣній новыми пріобрѣтеніями, причемъ далеко не обрабатывается и двадцатая часть составляемыхъ такимъ образомъ латифундій.

Въ послѣднее время появились даже нѣкоторыя попытки продавать земли небольшими участками; понынѣ такія покупки служили исключительно цѣли устройства увеселительныхъ дачъ, а это едва ли можно считать началомъ появленія въ краѣ мелкаго хозяйства желаемаго образца. Несмотря на большое протяженіе необработанной земли, здѣсь весьма еще затруднительна покупка небольшого участка, примѣрно отъ десяти до пятнадцати десятинъ, вполнѣ достаточныхъ для устройства небольшого винодѣлія, а при удобныхъ условіяхъ еще и садоваго хозяйства. Продаваемыя татарами земли состоятъ обычно изъ мелкихъ черезполосныхъ участковъ, вслѣдствіе дробленія ихъ по наслѣдству. Пріобрѣтеніе ихъ неудобно и по многимъ другимъ причинамъ, о которыхъ долго было бы распространяться здѣсь, какъ-то: по существованію такъ-называемыхъ вакуфовъ, непродажныхъ мѣстъ, принадлежащихъ духовенству, отсутствію формальныхъ документовъ на недвижимую собственность и т. п. Владѣльцы большихъ имѣній, между которыми есть богатыя и громкія фамиліи, или не нуждаются въ продажѣ своихъ имѣній, или не продаютъ ихъ по частямъ. Къ цѣли образованія небольшихъ винодѣльныхъ и садовыхъ хозяйствъ послужитъ выходъ большихъ имѣній изъ однѣхъ рукъ путемъ наслѣдственнаго дробленія, или продажи ихъ нынѣшними владѣльцами спекуляторамъ, которые, оставивъ себѣ уже культированныя части имѣній, охотно продадутъ остальное. Обѣднѣніе нѣкоторыхъ немногихъ крупныхъ

собственниковъ и теперь уже грозитъ имѣніямъ ихъ близостію такой развязки и, вѣроятно, скоро появятся предложенія покупки земли незначительными количествами; но условія современнаго здѣшняго хозяйства не скоро привлекутъ сюда мелкіе капиталы и личный трудъ новаго склада будущихъ владѣльцевъ. Какъ я ни сожалѣю о томъ, что въ большихъ имѣніяхъ много лежитъ втунѣ земли, не знающей обработки, я вовсе не считаю полезнымъ для края исчезновеніе большихъ хозяйствъ, между прочимъ и потому, что винодѣліе и садоводство одинаково нуждаются для своего усовершенствованія въ большомъ, какъ и въ маломъ видѣ культуры, и считаю ненормальнымъ явленіемъ только тѣ имѣнія, которыя по своему пространству никогда не смогутъ быть обрабатываемы вполнѣ, при средствахъ ихъ владѣльцевъ.

Переходя къ плодоводству, я долженъ сказать, что состояніе его на Южномъ берегу еще печальнѣе, такъ какъ на него правительство, содѣйствовавшее оживленію крымскаго винодѣлія, обращало понынѣ меньшее вниманіе, а частная предпріимчивость почти ничего не сдѣлала. Русскіе землевладѣльцы здѣсь ограничились разведеніемъ нѣсколькихъ небольшихъ фруктовыхъ садовъ для собственнаго потребленія. Въ Алупкѣ, напримѣръ, имѣніи Воронцовской фамиліи, стоившей много милліоновъ рублей, существуетъ самыхъ миніатюрныхъ размѣровъ фруктовый садъ. Большая часть сдѣланнаго понынѣ сводится къ тому, что почти на всѣхъ дачахъ посажено нѣсколько фруктовыхъ деревьевъ, да изъ Никитскаго сада можно получить въ весьма ограниченномъ размѣрѣ черенки заграничныхъ сортовъ; кое-гдѣ разведена шпалерная культура персиковъ, но и тутъ преобладаютъ виды, давно вытѣсненные за границей успѣхами этой отрасли плодоводства. При незначительности этихъ результатовъ, если не говорить о крупномъ и расширяющемся разведеніи столовыхъ сортовъ винограда, также относящемся къ плодовому хозяйству, но, по своимъ экстенсивнымъ пріемамъ, здѣсь не отдѣлимымъ отъ виноградной культуры вообще, можно смѣло сказать, что плодоводства въ частныхъ имѣніяхъ не существуетъ вовсе, даже какъ подспорья общему хозяйству. Обращаясь къ татарамъ, мы видимъ, что плодовые сады въ былое время составляли главный источникъ ихъ существованія. Посаженныя еще въ старыя времена громадныя орѣховыя деревья прокармливали цѣлыя семейства; на поливныхъ мѣстахъ разводились плантаціи фундуковъ, дающія здѣсь хорошіе доходы; сады татаръ и виноградники, разводимые, между прочимъ, съ цѣлью получать исключительно столовые сорта, даже чаиры,—утыканы различными фруктовыми деревьями неправильной посадки, такъ какъ всякая систематичность претитъ восточному характеру. Тутъ все въ перемежку; за то, чего нѣтъ? Грецкія орѣховыя деревья (juglans regia), миндальныя, каштановыя, персиковыя и абрикосовыя деревья, груши, яблони, сливы, черешни, мѣстная рябина, айва, мушмола (кажется, видъ mespilus, по-французски nefflier), садовый кизилъ, любимая татарами, но не съѣ-

добная на вкусъ всякой другой націи, хурма (diospyrus lotus) и много видовъ инжира (смоковницы)—все это толпится одно надъ другимъ и растетъ почти безъ всякаго ухода и присмотра, благодаря богатой природѣ. Въ такомъ же видѣ сады грековъ тамъ, гдѣ послѣдніе, тяготѣющіе къ рыболовству и торговлѣ, не бросили занятія своими садами и не продали таковыхъ. Разведенные сорта не доказываютъ разборчивости нашихъ садовладѣльцевъ-поселянъ. Сливы, персики, абрикосы, пригодные развѣ для сушенія, которымъ здѣсь занимаются рѣдко, а никакъ не для ѣды въ сыромъ видѣ, хотя съ малымъ трудомъ могутъ быть замѣнены высшими сортами, также не нуждающимися здѣсь въ значительномъ уходѣ. Разводимыя южно-бережными татарами яблони и груши совсѣмъ ни на что не годятся, за исключеніемъ развѣ мѣстнаго сорта грушъ: «буздурганъ», удобнаго для сушенія. Относительно происхожденія этого названія существуетъ здѣсь два предположенія, изъ которыхъ я, лично, не вѣрю ни одному: одни говорятъ, что это исковерканное татарами французское названіе, «bon-chrétien» (съ лѣтнимъ сортомъ такого вида грушъ буздурганъ имѣетъ несомнѣнное сходство); по другимъ—это татарское произношеніе русской фамиліи Бороздинъ, такъ какъ содѣйствовавшее развитію мѣстнаго хозяйства лицо этой фамиліи, извѣстное какъ администраторъ и мѣстный землевладѣлецъ, распространяло будто бы этотъ хорошій сортъ плодовъ между татарами; хотя, нѣтъ сомнѣнія, что татаринъ почти не можетъ выговорить этого русскаго названія иначе, я все-таки считаю этотъ буздурганъ крымскимъ сортомъ, существовавшимъ и до прибытія въ край русскихъ. Очень трудно словами убѣдить татарина, что, разводя лучшіе виды плодовъ, онъ будетъ, при одинаковомъ расходѣ на разведеніе сада и немного большемъ трудѣ, получать съ сада лучшіе барыши. Дѣйствовать на этихъ уроженцевъ края можно исключительно примѣромъ. Видя, что нѣкоторые сорты столоваго винограда хорошо окупаются у русскихъ хозяевъ, татаринъ охотно разводитъ ихъ въ своихъ виноградникахъ. Я утверждаю смѣло, что развитіе плодоводства у русскихъ хозяевъ, выгодное нынѣ вслѣдствіе существованія скораго сообщенія съ центральной Россіей, дало бы толчокъ и татарскимъ садамъ. Къ сожалѣнію, все, что не идетъ впередъ, способно легко пятиться назадъ. Татары нынѣ забросили свое садоводство для болѣе выгодной временно, но опасной въ будущемъ, культуры табаку. Въ настоящее время не замѣтно, чтобы татары увеличивали количество садовъ разведеніемъ новыхъ, а старые сады губятъ они неумѣренной поливкой, требуемой разводимымъ въ садахъ табакомъ, который кромѣ того истощаетъ самую почву. Увлекаясь большими выгодами этого продукта, татаринъ посвящаетъ ему всѣ силы и пересталъ даже садить новыя деревья на смѣну одряхлѣвшихъ. Если отцы нынѣшняго поколѣнія еще главнымъ образомъ кормились садами, разведенными ихъ дѣдами, то уже внуки современныхъ намъ татаръ не получатъ такого наслѣдства отъ своихъ предковъ.

Если татары берутъ тяжкій грѣхъ на душу, уничтожая своимъ небреженіемъ завѣщанное прадѣдовское богатство, то нѣтъ оправданія и для насъ, русскихъ піонеровъ цивилизаціи этого края, пренебрегающихъ легкимъ и въ близкомъ будущемъ даже выгоднымъ видомъ культуры. Хотя разведеніе вообще яблонь и грушъ, по климатическимъ и почвеннымъ условіямъ, успѣшнѣе идетъ въ долинахъ сѣвернаго склона Яйлы, по обильнымъ водою теченіямъ рѣчекъ, то на Южномъ берегу несомнѣнно давали бы хорошіе результаты нѣкоторые особенно нѣжные виды, страдающіе отъ болѣе холодныхъ зимъ остальной части полуострова. Нечего намъ ссылаться на примѣръ Франціи и Италіи, гдѣ въ полосѣ оливковыхъ плантацій мало распространены посадки яблонь и грушъ. Культура этихъ сѣверныхъ плодовъ распространена и въ средней Франціи, климатъ которой не влажнѣе и не холоднѣе южно-бережнаго. Дикая и пустая растительность Южнаго берега, не выжженная мистролемъ Прованса и сочнымъ своимъ характеромъ отличающая нашу мѣстность отъ лишенной тѣни Италіи, указываетъ на совершенно другія условія: масличныя деревья, хотя переносятъ самыя холодныя зимы наши, не считаютъ себя дома у насъ, давая плохіе урожаи маслинъ, что доказалъ опытъ немногихъ, существующихъ здѣсь, оливковыхъ плантацій. Помимо яблонь и грушъ, разведеніе которыхъ составляетъ понынѣ существенное богатство сѣверныхъ долинъ горнаго Крыма, много и другихъ видовъ плодовыхъ деревьевъ могутъ преуспѣвать на Южномъ берегу. Не требующія орошенія и рано цвѣтущія, миндальныя, абрикосовыя и персиковыя деревья здѣсь не боятся холодовъ и способны покрыть большія пространства нашего склона въ мѣстностяхъ, защищенныхъ отъ свирѣпствующихъ здѣсь, по временамъ, бурь. Эта культура была бы выгодна, такъ какъ посадки эти чрезъ немного лѣтъ начинаютъ давать обильные плоды. Быстро растущія, хотя не скоро приносящія доходъ, деревья грецкихъ орѣховъ скоро становятся здѣсь прекрасными декоративными деревьями, обѣщая будущему богатство своихъ плодовъ и цѣнной древесины. Я не упоминаю о красивыхъ гранатахъ и любимой южными жителями смоковницѣ, разведеніе которыхъ не представляетъ большихъ выгодъ и, придавая пейзажу характерный, южный колоритъ, можетъ соблазнить только любителей изящнаго садоводства.

Если плодоводство мало развито на Южномъ берегу, то эстетическое разведеніе садовъ вмѣстѣ съ цвѣтоводствомъ весьма распространено на извѣстномъ, сравнительно небольшомъ, пространствѣ берега. Я уже сказалъ, что мѣстность между Алупкою и Гурзуфомъ отличается веселымъ и обработаннымъ характеромъ. Въ этой-то мѣстности находятся волшебные сады Алупки, замѣчательный въ декоративномъ отношеніи Оріандскій садъ, восхитительный паркъ Ливадіи, небольшіе, но роскошные садики Ялтинскихъ дачъ, парки и цвѣтники Массандры, Никитскій садъ съ большими и прекрасными экземплярами рѣдкихъ хвойныхъ породъ и живо-

писныя группы деревьевъ Гурзуфа, освященныя воспоминаніями о Пушкинѣ. Внѣ этой дивной полосы существуютъ только небольшіе оазисы садовой культуры. Большинство владѣльческихъ усадьбъ ограничивается тѣнью, находимой подъ исполинскими орѣховыми деревьями, разведенными еще до поселенія здѣсь русскаго элемента, да еще кое-гдѣ, въ болѣе новое время, посаженными кипарисами. Въ Алуштѣ и далѣе до Судака и кипарисы нельзя насчитать десятками, а декоративныхъ садовъ почти вовсе не существуетъ. Издержки изящнаго садоводства, увеличивающія бездоходность южно-бережныхъ имѣній, напоминаютъ мнѣ выраженіе одного изъ извѣстныхъ лицъ времени Александра I-го: «la Crimée est une gueuse parfumée» (Таврица—раздушенная нищая). Сады и парки берега съ ихъ южнымъ характеромъ, возвышая прославленную природную живописность мѣстности, играютъ не малую роль въ привлеченіи туристовъ и новыхъ владѣльцевъ и должны имѣть высокое значеніе для будущности этого края, удовлетворяя эстетическимъ потребностямъ населенія. Не отъ хлѣба единаго живъ будетъ человѣкъ, а глаголъ божества слышится и въ красотѣ природы. Впрочемъ нѣкоторые спеціальные виды цвѣточной культуры, считающіеся очень доходными въ южной Франціи, могли бы и здѣсь стать предметомъ матеріальной выгоды, такъ какъ легкій успѣхъ любительскаго цвѣтоводства, доводимаго иногда до широкихъ размѣровъ, указываетъ на возможность подобныхъ предпріятій. Получаемыя нами изъ-за границы эссенціи духовъ, необходимыя для нашего парфюмернаго производства, оплачиваются высокою пошлиной, и петербургскіе или московскіе парфюмеры, вѣроятно, охотно обращались бы съ заказами если не непосредственно къ нашимъ цвѣтоводамъ, что, по отдаленности разстояній, было бы невозможно, то къ могущимъ явиться въ нашей мѣстности предпринимателямъ не сложнаго и не требующаго большихъ затратъ приготовленія эссенцій.

Отъ душистой культуры цвѣтовъ и эстетическаго разведенія вѣчнозеленыхъ лавровъ и магнолій нѣсколько рѣзокъ переходъ къ весьма прозаической статьѣ—табаководству, ставшему матеріально выгоднѣйшимъ видомъ мѣстнаго хозяйства. Чтобы дать понятіе о доходности этого дѣла, достаточно сказать, что высшая арендная плата за десятину пригодной для разведенія табака поливной земли доходитъ до пятисотъ рублей въ годъ, а за такую сумму, до появленія табаководной горячки, на Южномъ берегу татаринъ продавалъ охотно не одну десятину поливной земли. Разумѣется, minimum арендной платы много ниже, а тамъ, гдѣ у татаръ-табаководовъ достаточно собственной, пригодной для этого дѣла, земли, они еще вовсе не являются съ арендными предложеніями и даже сами сдаютъ, превышающее ихъ средства обработки, количество поливныхъ мѣстъ за сравнительно небольшія, но выгодныя цѣны плантаторамъ изъ грековъ (по большей части, пріѣзжимъ). Недостатокъ умѣлыхъ наемныхъ рабочихъ на Южномъ берегу позволяетъ однимъ только поселянамъ

татарамъ, или спеціалистамъ изъ грековъ, заниматься этимъ хозяйствомъ. Татарскій обычай враждебенъ привлеченію къ полевымъ работамъ женщинъ и дѣтей, которыя прежде появлялись въ садахъ только для сбора фруктовъ, считающагося вездѣ, гдѣ населеніе кормится плодоводствомъ, не трудомъ, а праздникомъ. Нынѣ татаринъ для нѣкоторыхъ кропотливыхъ и частыхъ, хотя не тяжелыхъ, работъ отправляетъ всю свою семью на табачныя плантаціи. Привыкшія уже ко всѣмъ пріемамъ руки женщинъ и дѣтей помогаютъ хозяину, пересаживаютъ разсаду, поливаютъ ее, полятъ траву, цапаютъ, обрываютъ листья и т. д. Пришлыхъ рабочихъ для такого дѣла у насъ не любятъ нанимать, а мѣстные татары зажиточны, сами табаководы и вообще хозяева и рѣдко нанимаются на какія бы то ни было работы, за исключеніемъ бездомныхъ лицъ, предпочитающихъ легкое занятіе сторожей, или обязанности домашней прислуги, особливо—кучеровъ. При отсутствіи удобныхъ для этого дѣла рабочихъ, табаководство правильно исключается изъ помѣщичьяго хозяйства, хотя помѣщики зачастую порываются заняться имъ. Южно-бережные табаководы вообще занимаютъ этою культурой столько земли, сколько они въ состояніи обработать собственными руками, и для этого соединяются иногда въ компаніи.

Грустно, что выгодности этой культуры препятствуетъ эксплуатація ея промышленниками. Агенты караимовъ, табачныхъ торговцевъ и фабрикантовъ, даютъ табаководамъ задатки, снабжаютъ ихъ сѣменами удобныхъ для торговли сортовъ и въ крутую пору нужды и дороговизны хлѣба скупаютъ у татаръ и грековъ будущій ихъ урожай табаку. При этомъ соблазнительная, довольно крупная цѣна за пудъ, хотя не соотвѣтствующая барышамъ фабрикантовъ и торговцевъ, не получается сполна производителями, благодаря стѣснительнымъ условіямъ относительно права браковки. Агенту представляется такими условіями возможность получить большую часть табаку за безцѣнокъ. Къ этому пріему присоединяется еще иногда легкость обвѣсить и обсчитать людей неграмотныхъ и притомъ весьма простодушныхъ, включая даже и грековъ. Слова Нестора о льстивости грековъ и распространенная репутація коммерческой смѣтки этой націи не оправдываются относительно анатолійцевъ, весьма безхитростнаго типа людей, къ которому принадлежитъ большинство табачныхъ плантаторовъ не изъ татаръ. Въ рѣдкихъ случаяхъ, когда русскіе землевладѣльцы затѣваютъ разводить табакъ, они затрудняются пріискиваніемъ удобнаго сбыта продукта, потому что агентамъ крупныхъ табачныхъ фирмъ выгоднѣе имѣть дѣло съ темнымъ народомъ. Несмотря на эксплуатацію промышленниковъ, въ настоящее время татаринъ смотритъ на табакъ какъ на своего главнаго кормилица, не думая о томъ, что, забросивъ плодоводство, онъ еще и истощилъ почву табакомъ, котораго нельзя производить много лѣтъ къ ряду на одномъ и томъ же мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что въ хозяйствѣ здѣшнемъ не получается никакого удоб-

ренія. Когда крупные табачные спекуляторы доведутъ въ Крыму дѣло до истощенія поливныхъ земель, что ускоряется высокою пошлиной на провозный табакъ, способствующей быстрому развитію табаководства, они накинутся на дѣвственный еще кавказскій берегъ Чернаго моря, который по условіямъ почвы и климата способенъ производить табаки еще высшаго качества, чѣмъ наши южно-бережные. Кавказскій берегъ неудобенъ нынѣ, вслѣдствіе отсутствія путей сообщенія и совершенной пустынности; но когда эти препятствія исчезнутъ, привыкшіе къ легкому и крупному заработку татары горько оплачутъ охватившее ихъ нынѣ увлеченіе.

Виподѣліемъ, плодоводствомъ и табаководствомъ исчерпаны всѣ виды почвенной культуры на Южномъ берегу. Огородничество развито въ малыхъ размѣрахъ, недостаточныхъ даже для мѣстнаго потребленія. На всемъ протяженіи южно-бережнаго шоссе буквально не сѣютъ и не жнутъ, такъ какъ мѣстное населеніе не производитъ зерновыхъ хлѣбовъ; оно оставило также культуру льна на поливныхъ мѣстахъ, которымъ еще занимаются татары сѣверпаго склона горъ, дающаго сравнительно плохіе сорта табаку и поэтому меньше охваченнаго табачною горячкою. Въ весьма умѣренномъ размѣрѣ существуютъ еще остатки хлѣбопашества на Южномъ берегу за Алуштою, гдѣ очень дикое еще населеніе кормится овцеводствомъ.

За исключеніемъ этой вышесказанной мѣстности Южнаго берега, овцеводство здѣсь не особенно развито, такъ какъ крутой склонъ горъ не представляетъ хорошихъ пастбищъ и овцы татаръ зимою только спускаются по этому склону, находя на Южномъ берегу теплую погоду, хотя и скудный кормъ, въ зимнее время, когда пастбища вершины Яйлы занесены снѣгомъ. Въ теплое время года ровная поверхность хребта Яйлы, на высотѣ четырехъ тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, покрыта ароматической травой. Татары держатъ овецъ ради мяса и молока, изъ котораго приготовляютъ сыръ, а также ради тулуповъ, составляющихъ ихъ зимнее одѣяніе, и смушекъ. Всѣ татары носятъ шапки изъ смушекъ и многіе еще торгуютъ послѣдними на вывозъ. Табуны лошадей, пасущіеся также лѣтомъ на Яйлѣ, когда - то славились своими качествами. Это были малорослыя, но выносливыя лошади. Послѣ войны 1853—56 годовъ, роковаго времени для Крыма, такъ какъ за нимъ послѣдовало выселеніе татаръ, эта отрасль хозяйства упала. Нынѣ, благодаря тому, что татары перестали подборомъ производителей поддерживать старый типъ горной лошади, эта порода выродилась и обычная татарская лошадь на Южномъ берегу изображаетъ собою клячу самаго грустнаго свойства, годную только для несенія вьюковъ. Изъ прежнихъ внѣшнихъ признаковъ породы уцѣлѣла одна низкорослость, а изъ другихъ прославленныхъ когда-то качествъ—способность долго голодать и привычка къ горамъ. Экземпляры стараго типа—съ умными головками, маленькими копытами, съ рѣзвымъ и быстрымъ бѣгомъ—попадаются весьма рѣдко. Дер-

жащіе наемныхъ лошадей для туристовъ, ялтинскіе татары закупаютъ лошадей, приведенныхъ издалека, изъ степныхъ мѣстъ, и недостаточно привычныхъ къ горамъ, а при случаѣ, для любителей верховой ѣзды, пріобрѣтаютъ кабардинскихъ лошадей. Порода рогатаго скота у татаръ весьма мелкая и тоже отличается способностью карабкаться по горамъ и голодать, такъ какъ на Южномъ берегу нѣтъ хорошихъ пастбищъ. Скотъ этотъ, дико и вольно бродя по вырубленнымъ лѣсамъ, гдѣ не находитъ въ кустарникахъ, особенно зимой, достаточной пищи, искусно и болѣе ловко, чѣмъ любая коза, перепрыгиваетъ черезъ всякія—какъ низкія, такъ и высокія—изгороди и, находя себѣ лучшій кормъ въ огороженныхъ садахъ русскихъ владѣльцевъ, а часто и самихъ татаръ, производитъ въ садахъ довольно крупныя опустошенія. При такихъ условіяхъ скотъ этотъ сытно продовольствуетъ сильно расплодившихся и очень смѣлыхъ волковъ, но очень мало кормитъ своихъ хозяевъ. Татары однако держатъ не мало рогатаго скота, потому что содержаніе его рѣшительно ничего не стоитъ. За то, впряженные въ татарскія арбы (повозки), волы иногда ростомъ и объемомъ мало превосходятъ большую свинью, а рѣзвые акробаты-коровы буквально не даютъ болѣе двухъ стакановъ молока въ сутки. Русскіе владѣльцы здѣсь вовсе не занимаются скотоводствомъ и на всемъ Южномъ берегу существуетъ только одна ферма въ царскомъ имѣніи Ливадія, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ крупный и прекрасный скотъ весь палъ отъ чумы, которой, кажется, менѣе боится выносливая татарская порода скота, легко отгуливающаяся отъ болѣзни, по техническому выраженію скотоводовъ. Нынѣ скотъ на ливадской фермѣ обновленъ; красивый видъ его и результаты ферменнаго хозяйства, обильные удои молока, дающаго прекрасный сыръ и масло, доказываютъ возможность веденія раціональнаго скотоводства на Южномъ берегу, сильно нуждающемся во всѣхъ продуктахъ такого хозяйства отъ мяса и до удобренія. Если южно-бережные татары не занимаются шелководствомъ, то надо сказать въ ихъ оправданіе, что это производство не привилось нигдѣ въ Крыму, несмотря на успѣхъ плантацій тутоваго дерева. Давно уже оставлены прежнія усилія правительства для поощренія этого дѣла. Пчеловодство, весьма небезвыгодное здѣсь, также очень мало во вкусахъ татаръ. О существованіи этихъ подспорій хозяйства въ русскихъ имѣніяхъ, разумѣется, нѣтъ и рѣчи.

Между мѣстными жителями Южнаго берега не развитъ ни одинъ видъ ремеслъ. Южно-бережный татаринъ, при всей своей зажиточности, живетъ дурно. Онъ не умѣетъ даже сплести хорошаго плетня, или выстроить себѣ сносную хату, имѣя подъ рукою прекрасный матеріалъ. Жилища его отличаются живописностью, лѣпясь по скаламъ, какъ птичьи гнѣзда, которыя представляютъ однако гораздо болѣе сложный и разумный видъ архитектуры въ примѣненіи къ птичьимъ потребностямъ. Хаты татаръ вполнѣ неудобны для житья; очаги, потребляющіе много топлива, горятъ

зяйства должны будутъ уступить новымъ условіямъ. Возьмите татарина изъ этой мѣстности: онъ пріѣзжаетъ на Южный берегъ на мажарѣ, сооруженной собственными руками; въ нее впряжены волы мѣстной породы и нагружена эта мажара продуктами горныхъ его долинъ. Отъ домотканной рубашки изъ собственнаго льна до кожаныхъ поставъ обуви, полушубка и овечьей шапки—на немъ нѣтъ ничего покупного, если не считать ножа за поясомъ, который тоже татарскаго издѣлія и купленъ въ Бахчисараѣ, центрѣ татарской же промышленности. Еще не такъ давно уроженецъ Южнаго берега Крыма мало отличался отъ своего горнаго собрата. «Что ты жалуешься на новое время?»—спрашивалъ я, негодующаго на новые порядки и со вздохами перебиравшаго свои молитвенныя четки, знакомаго старика изъ южно-бережныхъ татаръ.—Ты сравнительно бѣдный человѣкъ и земли у тебя мало, но вѣдь съ сада, огородничества, отъ перевозки товаровъ и другими промыслами ты выручаешь столько денегъ, что еслибы тебѣ въ молодости предсказали о возможности такого богатаго заработка, ты считалъ бы подобное пророчество несбыточнымъ, а цифру твоего нынѣшняго дохода вполнѣ баснословной».—«Это такъ,—отвѣтилъ онъ:—благодаря Бога, моя работа окупается хорошими барышами, но вѣдь въ прежнее время мнѣ и денегъ не было нужно: я почти ничего не покупалъ, а теперь долженъ платить большія деньги за хлѣбъ, прикупать сѣно, даже топливо; я плачу большіе налоги и мнѣ дорого стоитъ прокормить и одѣть себя и семью. Я съ большимъ трудомъ могу при этомъ свести концы съ концами». Спрашивается, что мы, русскіе цивилизаторы, сдѣлали для этого полудикаго народа, чтобъ облегчить ему рѣзкій переходъ отъ матеріальныхъ условій старой жизни къ новому экономическому существованію, перевернувшему весь его хозяйственный строй и отозвавшемуся потрясеніемъ даже нравственной почвы его? Что получаетъ татаринъ взамѣнъ хотя бы платимыхъ имъ земскихъ налоговъ, не пользуясь ни врачебною частью, въ помощь которой онъ не вѣритъ, ни средствами для народнаго образованія, такъ какъ онъ понынѣ почти ограничивается татарской грамотностью, изучаемой вмѣстѣ съ правилами вѣры въ существовавшихъ и прежде и содержимыхъ татарами понынѣ школахъ при мечетяхъ? Муштровки и дрессировки, которую получалъ онъ въ прежнія времена исключительно административной опеки, онъ не переноситъ: гдѣ могъ, онъ откупался отъ нея, гдѣ же не могъ, тамъ хитро обходилъ ее,—и понынѣ ставитъ главною задачей лицъ своего сельскаго управленія—ладить съ русскими властями такъ, чтобъ онѣ не вмѣшивались въ его бытъ. Достигая этой послѣдней цѣли, онъ все-таки продолжаетъ чувствовать себя нравственно приниженнымъ и еще недавно затѣвалъ сплошное бѣгство въ Турцію, покидая кормящую его землю и родной кровъ, несмотря на несомнѣнное матеріальное довольство; и эту страшную жертву приносилъ онъ безъ всякаго новаго серьезнаго повода, такъ какъ нельзя было назвать таковымъ введеніе общей воинской повинности, при ко-

татаръ, неумѣренно предающихся всякой охватившей ихъ страсти. Къ счастью, еще набожные ревнители Корана избѣгаютъ пьянства вообще, хотя болѣе вредная для здоровья водка не считается также строго воспрещенной, какъ вино, потому что о ней не могъ упоминать Коранъ. «Цивилизованные» очень падки до дорогого портера и многіе знаютъ вкусъ шампанскаго, увѣряя единовѣрцевъ, что это вовсе не виноградное вино, въ чемъ можетъ-быть они гораздо правѣе, нежели предполагаютъ сами, потому что здѣсь въ большомъ ходу подозрительныя марки этого вина. Любовь къ правдѣ заставляетъ меня сказать, что южно-бережный татаринъ зачастую не представляетъ качествъ идеальной честности и полнаго добродушія, маску которыхъ онъ надѣваетъ. Тамъ, гдѣ онъ приходитъ въ соприкосновеніе съ русскими, онъ скоро вовсе не оказывается такимъ добрякомъ, какимъ кажется по наружности. Прославленныя добродѣтели этого народа уцѣлѣли только въ той глуши, куда не проникла русская цивилизація. Здѣсь принято многими русскими «культурными людьми», по выраженію Щедрина, искать популярности у татаръ и притомъ свысока покровительствовать имъ. Весьма нетрудно пріобрѣсти расположеніе татарина, но не трудно только по наружности. Смѣясь втихомолку надъ русскою тароватостью и широкою натурой, онъ вовсе не прочь, что называется, погрѣть около нея руки. Присмотрѣвшись поближе къ такому, обласканному русскимъ магнатомъ, сыну природы, вы часто, за его фамильярнымъ добродушіемъ, усмотрите наглаго и развращеннаго попрошайку, или беззавѣтнаго плута. О недобросовѣстности нѣкоторыхъ содержателей извознаго промысла и многихъ торговцевъ изъ татаръ могутъ повѣдать всѣ бывавшіе на Южномъ берегу туристы. Эти вполнѣ цивилизованные уроженцы края часто становятся и вполнѣ беззастѣнчивыми негодяями, у которыхъ, несмотря на входящую въ ихъ привычки обидчивость, никакимъ упрекомъ вы не вызовите дѣйствительной краски стыда на лицѣ. «Что же это?— спроситъ меня читатель.—Неужели можетъ быть какой-либо прокъ въ ханжескомъ, склонномъ къ легкой наживѣ и паразитству и нравственно-развращенномъ населеніи?»—«Кто виноватъ въ этихъ грустныхъ явленіяхъ?»—также вопросомъ отвѣчу я.

Въ горахъ, гдѣ татаринъ еще вполнѣ изолированъ отъ вліянія русской цивилизаціи, онъ имѣетъ всѣ пороки дикаря, но также и всѣ его добродѣтели. Тамъ онъ умѣренъ въ своихъ требованіяхъ и трудолюбивъ, хотя продолжаетъ вести свое хозяйство тѣмъ несложнымъ путемъ, который онъ унаслѣдовалъ отъ своихъ предковъ. Тамъ онъ такъ же строго придерживается составившагося у него кодекса нравственныхъ правилъ, какъ и религіозныхъ предписаній закона и обычаевъ своей страны. Хотя такой дикарь, вполнѣ имѣющій право на наше уваженіе, презрительно относится къ новому типу, зародившемуся на Южномъ берегу, но понятно однако, что нравы, чистота которыхъ основана на полной отчужденности отъ русскаго населенія, и первобытный складъ жизни и хо-

ся единственные пролетаріи края. Ловимая ими рыба исключительно потребляется въ свѣжемъ видѣ, вслѣдствіе чего промышленники эти имѣютъ самый ограниченный сбытъ своихъ улововъ только для мѣстнаго потребленія. Ни вяленія, ни соленія, ни копченія рыбы они здѣсь не предпринимаютъ, между тѣмъ какъ водящаяся у здѣшнихъ береговъ камса (рыбка, похожая на анчоуса), весьма вкусная въ соленомъ видѣ и дешевая по своему изумительному обилію, могла бы стать предметомъ вывоза. Высоко цѣнимая еще древними римлянами скумбрія (scumber, французское: maquereau) превосходитъ качествами скумбрію Средиземнаго моря, которую въ жестяныхъ коробкахъ посылаютъ намъ французы. Рыба эта здѣсь замѣчательно нѣжна вкусомъ и особенно хороша въ копченомъ видѣ, такъ что можетъ удовлетворить самого изысканнаго любителя тонкаго стола. Впрочемъ и здѣшніе рыболовы занимаются изготовленіемъ одного спеціальнаго предмета потребленія гастрономовъ: они вялятъ кефалью икру, любимую весьма многими на югѣ Россіи. Въ Константинополѣ этотъ продуктъ нашъ оплачивается почти на вѣсъ золота. По небольшому количеству добываемой изъ кефали икры, этотъ хищническій промыселъ, въ зародышѣ истребляющій рыбу, существенную для прокормленія прибрежнаго населенія, не способенъ къ большому развитію. Недавно начали на Южномъ берегу промышлять еще отправкою устрицъ, доходящихъ даже до Петербурга. Устрицы здѣсь—явленіе сравнительно новое: онѣ были разведены у здѣшнихъ береговъ по распоряженію князя М. С. Воронцова. Изъ рукъ мѣстнаго берегового населенія чуть было навсегда не исчезъ весьма выгодный промыселъ, связанный съ рыболовствомъ, но которымъ наши рыбаки не занимаются въ большомъ размѣрѣ, вслѣдствіе своей малочисленности, а отчасти и вслѣдствіе отсутствія предпріимчивости. Въ этомъ дѣлѣ хотя играютъ роль рыбачьи лодки, но также и ружья. Это—морская охота, весьма увлекательная съ точки зрѣнія спорта. Я говорю о боѣ дельфиновъ, большими стадами приплывающихъ къ берегу, которыхъ убиваютъ для извлеченія изъ нихъ жира. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ большія компаніи турокъ приплывали для этого промысла къ Южному берегу и вывозили отсюда ежегодно многія сотни тысячъ рублей, сбывая жиръ изъ Севастопольскаго, Ялтинскаго и Ѳеодосійскаго портовъ. Одна изъ этихъ компаній, въ 40 человѣкъ, обладавшая семидесятью паями, раздѣлила между пайщиками 300.000 руб. Топленіе жира производилось безъ соблюденія какихъ бы то ни было санитарныхъ предосторожностей, по всему пространству берега, даже вблизи приморскихъ деревень. Когда мѣстная администрація обратила вниманіе на зараженіе воздуха гніющими трупами дельфиновъ, правительственныя мѣры пріостановили продолженіе этого хищенія, у насъ передъ глазами, нашего богатства чужестранными промышленниками. Жаль, что мѣстное населеніе мало извлекаетъ выгоды изъ этого промысла, съ соблюденіемъ, разумѣется, нѣкоторыхъ условій, предупреждающихъ зарож-

деніе міазмовъ и избѣгая отвратительнаго и вонючаго процесса жиротопленія въ сосѣдствѣ обитаемыхъ мѣстностей. Какъ я уже сказалъ, для будущаго значенія Южнаго берега важны не только непосредственныя матеріальныя выгоды его почвеннаго богатства, но играетъ также большую роль теплый его климатъ и красота природы, привлекающая туристовъ и заманивающая дачниковъ, число которыхъ возрастаетъ съ каждымъ годомъ. Этимъ условіямъ мы обязаны тому осчастливившему Тавриду обстоятельству, что Августѣйшая Фамилія обратила высокое вниманіе на Южный берегъ, сдѣлавъ изъ него одну изъ своихъ любимыхъ резиденцій и тѣмъ самымъ уже могущественно содѣйствуя процвѣтанію прекраснаго края. Климатическія удобства дѣлаютъ Южный берегъ хорошимъ лѣчебнымъ пунктомъ, куда въ послѣднее время врачи изъ всѣхъ мѣстъ Россіи посылаютъ своихъ больныхъ. Судить о мѣстности въ климато-лѣчебномъ отношеніи — дѣло спеціалистовъ, но несомнѣнный фактъ поправленія здѣсь даже трудно-больныхъ можетъ быть подтвержденъ всѣми постоянными жителями Южнаго берега. Теплый климатъ, вліяніе моря и бальзамическій воздухъ представляютъ несомнѣнно выгодныя условія для излѣченія многихъ недуговъ. Помимо содѣйствія климата, паціентамъ предлагаются здѣсь еще спеціальные виды пользованія отъ болѣзней: лѣченіе кумысомъ, виноградомъ и морскія купанья. Быстро растущій городъ Ялта хотя представляетъ единственный портъ въ нашей полосѣ и служитъ средоточіемъ присутственныхъ мѣстъ и центромъ торговли, все-таки обязанъ своимъ процвѣтаніемъ лицамъ, имѣющимъ въ его окраинѣ дачи, а главнымъ образомъ пріѣзжающимъ на Южный берегъ туристамъ и больнымъ. Здѣсь находятся прекрасныя гостиницы, со всѣми приспособленіями европейскаго комфорта и, разумѣется, высокими цѣнами, на которыя жители обѣихъ столицъ и городовъ Кіева, Харькова и Одессы не имѣютъ серьезнаго права жаловаться, такъ какъ цѣны эти не выше, чѣмъ въ подобныхъ заведеніяхъ этихъ центральныхъ пунктовъ, а здѣсь жизненныя условія не дешевле, если не дороже даже петербургскихъ. Небогатые посѣтители Южнаго берега могутъ въ Ялтѣ, какѣ и въ любомъ нѣмецкомъ курортѣ, найти помѣщенія дешевыя въ частныхъ домахъ и дачахъ, на болѣе продолжительные сроки, а въ меблированныхъ комнатахъ даже на короткое время. По желанію, тамъ снабдятъ пріѣзжихъ и не дорогимъ столомъ, если они сами не предпочтутъ посѣщать существующіе рестораны съ невысокими цѣнами. Въ виду того обстоятельства, что содержатели гостиницъ, квартиръ и вообще большинство ялтинскихъ промышленниковъ извлекаютъ выгоды только во время такъ-называемаго сезона, жалобы пріѣзжихъ на дороговизну въ рѣдкихъ случаяхъ бываютъ вполнѣ основательными. Болѣе правильны сѣтованія на то, что во время этого краткаго сезона все бываетъ до того переполнено, что некуда дѣваться пріѣзжимъ и за отсутствіемъ свободныхъ помѣщеній приходилось имъ ночевать въ купальняхъ, палаткахъ и на скамь-

яхъ набережной и бульвара, а бильярды сплошь да рядомъ обращались въ семейныя кровати. Увеличивающееся ежегодно число новыхъ построекъ вѣроятно скоро устранитъ это неудобство. Поныне единственное мѣсто развлеченія въ городѣ — клубъ, имѣющій при своемъ лѣтнемъ помѣщеніи тѣнистый и красивый садъ. Въ клубѣ этомъ, почти безъ всякихъ формальностей, открытъ доступъ для всѣхъ пріѣзжихъ и въ немъ устраиваются спектакли и семейные вечера. Легкость входа въ этотъ клубъ нѣсколько неправится извѣстному классу посѣтителей Южнаго берега, не находящему это мѣсто достаточно «комильфотнымъ» и устраивающему иногда отдѣльныя увеселенія въ гостинничныхъ залахъ. Помимо развлеченій, пріѣзжіе въ г. Ялтѣ находятъ и всѣ матеріальныя удобства, какъ-то: магазины, снабженные всѣми предметами необходимости и роскоши, отличные экипажи и порядочныхъ верховыхъ лошадей для экскурсій, а больные могутъ пользоваться совѣтами многихъ врачей, поселившихся здѣсь. Открытый, а потому неудобный для купальщиковъ, во время бурь, берегъ и каменистый грунтъ мѣшаютъ нѣсколько пользоваться морскими купаньями, но болѣе пригодныя для этой цѣли мѣста— Ѳеодосія или Евпаторія—страдаютъ недостаткомъ всякаго комфорта, а Евпаторія отвращаетъ пріѣзжихъ еще своимъ полнымъ отсутствіемъ тѣни и своими грустными солонцеватыми и степными окрестностями. Къ тому же въ Ялтѣ много заведеній для теплыхъ морскихъ ваннъ, считающихся особенно дѣйствительными. Настоящій разгаръ сезона, почему-то, начинается здѣсь съ половины августа и длится до половины октября, такъ что сезоннымъ гостямъ приходится переживать здѣсь время равноденственныхъ бурь, весьма непріятныхъ на открытомъ для морскихъ вѣтровъ берегу. Октябрь, а часто и ноябрь бываютъ здѣсь очень теплы; зима наша — вполнѣ зелёная и, переживъ нѣсколько недѣль болѣе холодной температуры, рѣдко доходящей до дѣйствительнаго мороза (во всякомъ случаѣ небольшого), мы вступаемъ въ періодъ прелестной и долговременной весны, иногда омрачаемой скоропреходящими бурями. Цвѣты не прерываются во всю зиму. Розы, такъ называемыя мѣсячныя, цвѣтутъ часто еще и въ декабрѣ; фіалки перестаютъ цвѣсть только лѣтомъ, во время жары, зимою же онѣ въ изобиліи; въ февралѣ зацвѣтаютъ миндальныя деревья, въ мартѣ — все остальное. Время отъ апрѣля до половины іюня превращаетъ Южный берегъ въ какое-то волшебное царство цвѣтовъ. Жаркое время падаетъ на іюль и августъ; въ остальное время вѣтеръ съ моря поддерживаетъ прохладу. Впрочемъ жара мало ощутительна въ густой тѣни крымскихъ садовъ. Въ настоящее время городъ исходатайствовалъ разрѣшеніе сбора съ пріѣзжихъ, для цѣли предоставленія разныхъ удобствъ этой же пріѣзжающей публикѣ. Такой сборъ, существующій въ сезонныхъ мѣстахъ за границей, разрѣшенъ у насъ только на пять лѣтъ. Можетъ-быть правительство имѣло въ виду сдѣлать опытъ удобства у насъ подобныхъ порядковъ; но кратковременный

срокъ разрѣшенія не позволяетъ приступить немедленно къ обширнымъ предпріятіямъ, не могущимъ быстро оплатиться, а потому едва ли осуществится мысль предполагавшагося казино, по примѣру подобныхъ устройствъ за границей, соединяющаго въ одномъ пунктѣ всѣ удобства и увеселенія, которыя не хуже любого нѣмецкаго «бада» могла бы предложить своимъ посѣтителямъ красивая и веселая Ялта.

Въ Ялтѣ, кромѣ административныхъ мѣстъ, существуетъ, какъ вездѣ, и городское самоуправленіе, и этотъ же городъ — центральный пунктъ мѣстнаго земства, включающаго въ себя и города Балаклаву и Севастополь съ ихъ районами. Въ виду исключительнаго положенія какъ города, такъ и мѣстнаго земства, здѣсь было бы можетъ-быть умѣстно поговорить о характерѣ дѣятельности этихъ учрежденій и отношеній ихъ къ предстоящимъ въ краѣ задачамъ, но это завело бы меня слишкомъ далеко, за предѣлы моего очерка, цѣль котораго — указать на нѣкоторыя наиболѣе выдающіяся черты настоящаго положенія дѣлъ мѣстности. Я ограничусь тутъ только нѣсколькими короткими сообщеніями читателю. Несмотря на многое, уже сдѣланное новымъ еще въ Ялтѣ городскимъ управленіемъ, порядки города, имѣющаго претензію, отвлеченіемъ русскихъ гостей отъ заграничныхъ мѣстъ лѣченія и отдыха, соперничать съ водами Германіи и купаньями Бельгіи и Франціи, еще, разумѣется, далеко не совершенны. Желательно было бы, поэтому, привлечь къ дѣлу городского управленія энергическія и свѣжія силы. Нынѣ въ городской думѣ не даетъ себя достаточно чувствовать предпріимчивый элементъ. Въ составѣ гласныхъ преобладаютъ или мѣстные торговцы, изъ здѣшнихъ уроженцевъ, мало имѣющіе понятія о предстоящей задачѣ города, или владѣльцы дачъ, утлыя ладьи которыхъ, примѣняясь къ цвѣтистому стилю Павла Ивановича Чичикова, потерпѣвъ крушенія на житейскомъ морѣ, пристали въ тихую гавань идиллической жизни на Южномъ берегу. Всякое веденіе дѣла, сопряженное съ какою-либо энергіей, устрашаетъ безмятежныхъ искателей уединенія на лонѣ природы своимъ кажущимся рискомъ, а между тѣмъ голоса этого-то элемента рѣшаютъ всѣ дѣла, такъ какъ другой видъ гласныхъ безучастно относится къ возбуждаемымъ вопросамъ. Ролью своею въ городскомъ управленіи эти почтенные дачники обязаны нѣсколькимъ менѣе покойнымъ дѣятелямъ, примѣнившимъ употребляемый иногда въ медицинѣ, съ другою цѣлью, электрическій способъ возбужденія къ впавшему было въ старческій маразмъ честолюбію мѣстныхъ Филимоновъ и даже ихъ Бавкидъ. Еще помогло имъ мнѣніе нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ о пользѣ участія въ городскомъ самоуправленіи этого quasi-аристократическаго элемента. Для проведенія этихъ лицъ на выборахъ, на избирателей, не раздѣлявшихъ высокаго мнѣнія о махровыхъ старыхъ піонахъ дачной флоры, потребовались исключительныя энергическія мѣры вліянія, о которыхъ чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, можетъ-быть, вспомянетъ какой-либо «Русскій Архивъ», какъ о

курьезѣ прошлаго времени. Можно надѣяться однако, что, даже при нѣкоторой растерянности нашихъ заправителей городскими дѣлами, сознанная уже жителями Ялты потребность приспособленія городскихъ условій къ требованіямъ дальнѣйшаго развитія интересующаго всю Россію пункта приведетъ рано или поздно къ удовлетворительному результату. Я позволяю себѣ сказать еще нѣсколько словъ о двухъ задачахъ дѣятельности городского и земскаго управленія: объ организаціи врачебной помощи въ краѣ и о дѣлѣ образованія юношества. Къ крайнему моему прискорбію, совмѣстные труды городского и земскаго представительства представляютъ понынѣ мало утѣшительнаго.

Татарское населеніе почти не прибѣгаетъ къ врачебной помощи. Это, вѣроятно, не удивитъ читателя, знающаго, какъ не легко привить довѣріе къ результатамъ медицинской науки даже русскому простолюдину, съ которымъ врачъ можетъ объясняться на его родномъ языкѣ и предразсудки котораго понемногу разсѣиваетъ проникающее въ его среду образованіе. Что же можно ожидать отъ полудикаго народа безпечнаго и не предусмотрительнаго характера, взгляды котораго еще затемнены присущимъ его религіи фанатизмомъ? Къ тому же онъ не довѣряетъ администраціи, къ которой причисляетъ и земство, и не понимаетъ русской рѣчи, между тѣмъ какъ не только персоналъ нашихъ врачей, но и фельдшеровъ или не можетъ вовсе объясняться на мѣстномъ языкѣ, или владѣетъ имъ неудовлетворительно. Отсутствіе удобнаго сообщенія въ горныхъ мѣстностяхъ затрудняло бы земство явиться, повсемѣстно, съ медицинскою помощью, даже еслибы населеніе сознало ея благодѣянія. Современное отношеніе татаръ къ врачамъ довольно комично. Татаринъ охотно обращается къ нимъ, спрашиваетъ ихъ совѣта, принимаетъ иногда даже нѣкоторыя лѣкарства (напримѣръ—хину, въ противулихорадочныхъ свойствахъ которой онъ убѣдился), но одновременно обращается и къ своимъ знахарямъ, парализующимъ всю пользу лѣченія; измѣнить какія-либо условія жизни, враждебныя гигіенѣ, его нельзя заставить никакими средствами, даже тогда, когда это не сопряжено съ расходами. Такимъ образомъ, безъ всякаго явнаго противодѣйствія со стороны населенія дѣйствіямъ врачей, помощь ихъ оказывается вполнѣ иллюзорною. Видя въ медикахъ нѣчто приближающееся къ начальству, татаринъ иногда допускаетъ прививку оспы своимъ дѣтямъ, которую болѣе фанатичныя матери немедленно кидаются высасывать, чтобы помѣшать проникновенію яда невѣрныхъ въ организмъ ребенка. Въ случаяхъ поврежденій херургическихъ, населеніе довѣряетъ исключительно своимъ доморощеннымъ искусникамъ. Въ больницу татаринъ поступаетъ только по принужденію, въ болѣзняхъ заразнаго характера. При такомъ отношеніи къ врачамъ хитрящаго и въ этомъ дѣлѣ населенія, медицинская помощь не достигаетъ никакихъ серьезныхъ результатовъ въ жизни оріентала, избѣгающаго прямо высказываться противъ этого полезнаго дѣла. Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, раз-

рѣшеніе вопроса зависитъ отъ распространенія въ средѣ поселянъ образованія, которое еще должно имѣть задачей содѣйствовать примиренію съ русскимъ культурнымъ элементомъ, компрометированнымъ—почти всегда презрительнымъ и суровымъ, а иногда даже безсердечнымъ обращеніемъ съ покорнымъ народомъ ближайшихъ къ нему властей былого времени. Существовавшая въ городѣ Ялтѣ небольшая земская больница достигала благотворной цѣли по отношенію лишь къ пришлому рабочему населенію; но такой видъ мидицинской помощи, сосредоточенной въ одной Ялтѣ, въ своемъ ограниченномъ видѣ, возбуждалъ неудовольствіе плательщиковъ уѣзда, въ составъ котораго не входитъ одинъ Южный берегъ, а также и сѣверный склонъ горъ и города Балаклава и Севастополь. Городъ Ялта, съ своей стороны, не оказывалъ никакой денежной поддержки этой больницѣ и не зналъ никакихъ затратъ на лѣчебную часть, кромѣ содержанія городового врача и отпуска ста рублей въ годъ одной изъ мѣстныхъ акушерокъ. Въ виду несомнѣнной пользы больничнаго учрежденія, земство содержало его исключительно на свой счетъ, пока враждебное столкновеніе городского управленія съ земскимъ по вопросу предотвращенія грозившихъ намъ опасностей заразительной болѣзни не порѣшило вопроса въ смыслѣ желанія большинства земскихъ плательщиковъ. Земство постановило отпускать городу, какъ оно дѣлало уже въ пользу Севастополя, извѣстную сумму ежегодно на организацію больничной части, предполагая, что и этотъ городъ можетъ уже по своему разросшемуся бюджету найти недостающія средства для этого дѣла; само же земство рѣшило посвятить свои небольшія силы, главнымъ образомъ, на организацію медицинской помощи въ уѣздѣ. Противъ юридической правильности такой постановки вопроса трудно сказать что-либо, но, къ сожалѣнію, мѣра эта, заставши городъ врасплохъ, тяжело отозвалась на населеніи, прибѣгающемъ къ больничному пользованію. Въ дѣлѣ изысканія средствъ на какое-либо полезное предпріятіе городское наше управленіе, если можно такъ выразиться, слишкомъ увлекается принципомъ осторожности, не допускающимъ поспѣшности, и вотъ уже прошло болѣе двухъ лѣтъ, а ничего въ смыслѣ устройства правильной больницы не сдѣлано. Между тѣмъ медицинскія учрежденія въ уѣздѣ, при отсутствіи больницъ, оказались не вполнѣ достигающими цѣли, въ виду чего и земство изъявило готовность войти въ соглашеніе съ городомъ относительно открытія больницы въ городскихъ окрестностяхъ. Такое благое предположеніе понынѣ не состоялось и городъ теперь содержитъ только, совершенно недостаточное для потребностей мѣстности, больничное помѣщеніе для заразительныхъ больныхъ на одной изъ дачъ. Въ результатѣ является то, что рѣдкій трудно-больной имѣетъ вообще шансъ попасть въ больницу, такъ какъ губернская земская больница отстоитъ отъ Ялты на разстояніи почти ста верстъ.

При частомъ появленіи болѣзней заразнаго характера въ средѣ рабочаго, какъ пришлаго, такъ и мѣстнаго, населенія города и уѣзда, изъ такого положенія надо какъ можно скорѣе выйти какимъ-либо усиліемъ.

Что касается дѣла собственно народнаго образованія, то на него городъ не тратитъ ни одной копѣйки и находящаяся въ Ялтѣ, отлично-устроенная, народная школа содержится исключительно земствомъ, хотя въ ней обучаются несомнѣнно только дѣти горожанъ изъ ремесленнаго, преимущественно русскаго, населенія. Въ предѣлахъ уѣзда существуетъ еще нѣсколько школъ, содержимыхъ земствомъ, но онѣ удовлетворяютъ потребностямъ русскаго и греческаго населенія другихъ мѣстностей; на Южномъ же берегу ялтинская школа — единственная изъ содержимыхъ земствомъ, дающимъ еще вспомоществованіе устроенному на счетъ мѣстнаго греческаго общества училищу въ селеніи Аутка. Помимо этихъ школъ, еще и удѣльное вѣдомство содержитъ училище въ Ливадіи для дѣтей служащихъ и рабочихъ, а въ Алупкѣ существуетъ училище на иждивеніи владѣльца имѣнія. Въ первой нѣтъ вовсе татаръ, во второй же ихъ число весьма незначительно. На Южномъ берегу существуетъ, однако, не мало спеціально татарскихъ школъ, но земство понынѣ не принимаетъ никакого участія въ поддержкѣ ихъ, за исключеніемъ вспомоществованія, выдаваемаго одному изъ учителей русскаго языка, лицу татарскаго, хотя не мѣстнаго, происхожденія, извѣстному земству давно своею благотворною педагогическою дѣятельностью. Такимъ образомъ плательщики-татары не пользуются выгодами земской организаціи народныхъ школъ. Нѣкоторые дѣятели земства ссылаются на то, что состоящія непосредственно въ завѣдываніи министерства народнаго просвѣщенія школы эти лежатъ на попеченіи самого министерства и что земство затруднялось бы въ оказаніи имъ денежной помощи, такъ какъ ему неизвѣстны ихъ нужды, а вслѣдствіе изъятія ихъ даже изъ вѣдѣнія училищныхъ совѣтовъ земство и черезъ своихъ представителей въ этихъ совѣтахъ не можетъ ознакомиться съ положеніемъ дѣла собственно татарскаго народнаго образованія. Содѣйствіе города дѣлу просвѣщенія выражается матеріальною поддержкой двухъ прогимназій, изъ которыхъ одна, мужская, содержится главнымъ образомъ на счетъ министерства народнаго просвѣщенія, а въ содержаніи другой, женской, участвуетъ еще и земство. Въ виду неполноты курса прогимназій, было бы, разумѣется, желательно преобразованіе ихъ въ полныя гимназіи, но недостаточное число учениковъ въ мужской и составъ ученицъ въ женской прогимназіи служатъ тому препятствіемъ еще болѣе, чѣмъ недостаточность средствъ, отпускаемыхъ понынѣ разными вѣдомствами совмѣстно. Дѣвочки, принадлежащія главнымъ образомъ къ недостаточному классу, съ большими усиліями могутъ оканчивать курсъ даже прогимназіи. Невольно рождается мысль о томъ будущемъ, которое могли бы имѣть учебныя заведенія на Южномъ берегу, еслибъ они были поставлены на вполнѣ достаточную ногу и соединены съ полными пан-

сіонами. Въ Швейцаріи существуютъ учебныя заведенія въ лучшихъ по климату мѣстностяхъ, гдѣ воспитанники пользуются теплою зимой, здоровымъ, благорастворенныиъ воздухомъ и гдѣ научныя занятія не подвергаютъ опасности здоровье болѣе слабыхъ дѣтей, физическое сложеніе которыхъ не вынесло бы сидячей работы въ спертыхъ городскихъ помѣщеніяхъ, или какъ, напримѣръ, у насъ, въ мѣстностяхъ суровой зимы, въ испорченномъ воздухѣ закупоренныхъ двойными рамами отъ морозовъ комнатъ. Хотя въ числѣ воспитанниковъ подобныхъ заграничныхъ пансіоновъ встрѣчаются и русскія дѣти, но здоровое для тѣла воспитаніе это, отчуждая ихъ отъ совершенно отличныхъ условій быта нашей родины, отъучающее ихъ отъ родного языка и сопряженное съ практическими неудобствами, не приводитъ къ хорошему результату въ смыслѣ нравственномъ и не образуетъ изъ нихъ русскихъ въ душѣ гражданъ. Неужели бы родители слабогрудыхъ дѣтей, такъ часто становящихся жертвою преждевременной смерти, вывозящіе ихъ нынѣ за границу, не предпочли бы дать окрѣпнуть ихъ организму въ счастливой природѣ Южнаго берега до физической зрѣлости, когда взрослые уже юноши и дѣвицы могли бы безопаснѣе бороться съ трудностями суроваго климата? Этотъ берегъ нынѣ приближенъ къ другимъ пунктамъ Россіи быстрымъ паровымъ сообщеніемъ, а дѣти могли бы дышать круглый годъ здоровымъ воздухомъ, пользоваться благодѣяніями научнаго образованія, не отчуждаясь отъ родины, находясь подъ руководствомъ русскихъ наставниковъ и оставаясь въ предѣлахъ русской рѣчи и русскихъ интересовъ. Предпріимчивость частныхъ лицъ для такого устройства недостаточна, да и дѣло это не должно становиться предметомъ спекуляціи. Кромѣ того. дѣло это явится вполнѣ полезнымъ, если оно не будетъ разсчитывать на однихъ только дѣтей богатыхъ родителей, дорого оплачивающихъ нынѣ, неудобное даже въ практическомъ смыслѣ, воспитаніе дѣтей своихъ внѣ Россіи. Здѣсь необходимо исключительно обращеніе къ правительственной инпціативѣ. Если министерство народнаго просвѣщенія, дѣлая уже обширныя затраты на учебныя заведенія Таврическаго полуострова, затруднялось бы въ средствахъ для такого предпріятія, то мнѣ извѣстно, что Крымъ давно ходатайствуетъ объ устройствѣ военно-учебнаго заведенія, и я позволю себѣ тутъ высказать практическое предположеніе. Несомнѣнно, что упомянутая мною добрая цѣль превозможетъ стремленіе другихъ горовъ Крыма помѣстить въ своихъ стѣнахъ это училище. Соперничающіе нынѣ города согласятся въ пользу Ялты, какъ готовы были согласиться они, во время бывшаго ходататайства таврическихъ дворянъ, относительно устройства военно-учебнаго заведенія въ центральномъ Симферополѣ. Даже мурзы (татарскіе дворяне), особенно нуждающіеся въ существованіи въ Крыму корпуса для своихъ дѣтей, по своему традиціонному влеченію къ военной профессіи и затрудняющіеся понынѣ посылать своихъ, мало знающихъ русскій языкъ, дѣтей въ заведенія,

находящіяся далеко отъ родины, выразили бы свое сочувствіе этому дѣлу, хотя для нихъ удобнѣе другіе пункты, а на Южномъ берегу не существуетъ почти татарскаго дворянскаго элемента. Вмѣстѣ съ городами и дворянство и земство края будутъ готовы на матеріальныя пожертвованія, въ размѣрѣ мѣстныхъ силъ, для благодушнаго и патріотическаго предпріятія.

А высокое учрежденіе заведеній вѣдомства Императрицы Маріи? Не найдетъ ли оно возможнымъ спасеніе многихъ молодыхъ жизней отъ развитія опасныхъ и грозящихъ раннею смертію недуговъ? Небольшое отдѣленіе, въ которое посылались бы болѣзненныя воспитанницы институтовъ, можетъ-быть достигало бы этой цѣли—соединенія благъ воспитанія съ укрѣпленіемъ силъ юныхъ организмовъ и могло бы современемъ разростись до размѣровъ лучшихъ воспитательныхъ заведеній этого, движимаго высоко-сострадательнымъ женскимъ чувствомъ, вѣдомства.

Я далеко не исчерпалъ всего, что хотѣлось бы мнѣ высказать по поводу края, котораго я не уроженецъ, но который сталъ близокъ моему сердцу за долгое время пребыванія въ немъ. Опасаюсь однако, чтобы размѣры моей статьи не утомили читателя. Если приведенныя мною данныя, въ его глазахъ, хоть нѣсколько подтвердили мое предположеніе о предстоящей Южному берегу розовой будущности и о существенномъ значеніи этого маленькаго уголка для Россіи, при условіи полнаго развитія богатыхъ его силъ, то я буду считать задачу своего очерка вполнѣ достигнутою.

Э. Майкель.

Нѣмецкая династія въ Румыніи.

Подъ этимъ заглавіемъ напечатана въ журналѣ Deutsche Rundschau (1883 г., мартъ, № 6) статья, заслуживающая, по нашему мнѣнію, серьезнаго вниманія; почему мы и считаемъ не безполезнымъ познакомить съ нею нашихъ читателей въ переводѣ, помѣщаемомъ ниже. Статья эта имѣетъ значеніе не потому только, что напечатана въ журналѣ, который служитъ выраженіемъ идей и политическихъ стремленій наиболѣе популярныхъ въ Германіи, особенно въ Пруссіи, но преимущественно потому, что, указывая на цѣль, вполнѣ гармонирующую съ политическими мѣропріятіями Германіи за послѣднее время, эта статья написана съ очевидно предвзятымъ намѣреніемъ содѣйствовать осуществленію этой цѣли, согласно съ видами правительственной политики,—что̀ придаетъ статьѣ уже характеръ оффиціозный.

Цѣль эта—созданіе изъ Румыніи оплота противъ панславистскихъ стремленій Россіи,—слѣдовательно, обращеніе Румыніи въ послушное орудіе нѣмецкой политики, направленной къ тому, чтобъ отрѣзать Россію отъ соплеменныхъ ей балканскихъ славянъ, подчинить послѣднихъ германскому вліянію, или, вѣрнѣе, отдать въ руки нѣмецкой эксплуатаціи и лишить русскихъ доступа къ Средиземному морю. Эта послѣдняя цѣль, само собой разумѣется, не высказана въ нижеприводимой статьѣ; но она, какъ нельзя болѣе, ясна изъ ея содержанія и изъ всѣхъ политическихъ актовъ Германіи и вполнѣ послушной ей Австріи и изъ всей политической нѣмецкой печати. Австрія захватила Боснію и Герцеговину, накинула свои сѣти на Сербію и тѣснитъ теперь Черногорію; Польша до Вислы заселяется нѣмцами. Нѣмецкая печать, оффиціозная и неоффиціозная, въ одинъ голосъ кричитъ о коварныхъ замыслахъ Россіи, о необходимости оградить славянъ балканскихъ отъ ея властолюбія, отрѣзать ихъ отъ Россіи; во всѣхъ органахъ періодической нѣмецкой прессы и въ многочисленныхъ брошюрахъ, распространяемыхъ въ тысячахъ экземпляровъ, обсуждаются планы войны съ Россіей; наконецъ, заключенъ тройственный союзъ между Австріей, Германіей и Италіей. Теперь Румыніи назначается роль оплота

противъ панславистскихъ стремленій Россіи, а ея королю изъ дома Гогенцоллерновъ—быть исполнителемъ этой задачи.

Въ этихъ видахъ авторъ приводимой ниже статьи не задумывается искажать факты, будучи весь поглощенъ одною задачей—увѣрить читателей въ нѣжной и безкорыстной заботливости нѣмцевъ о благѣ славянъ, о ихъ независимости, на которую посягаетъ Сѣверная имперія, въ заботливости о свободѣ и цѣлости Румыніи, угрожаемыхъ Россіей. Но какъ славяне, такъ и румыны знаютъ по опыту и не хуже нѣмцевъ понимаютъ, кто врагъ, кто другъ славянства и съ какой стороны грозитъ опасность славянамъ Балканскаго полуострова и румынамъ. Не понимать этого можетъ лишь тотъ, кто закроетъ глаза на только-что совершившіяся событія: захваты Австріи у всѣхъ на виду; причины неурядицы въ Сербіи ни для кого не секретъ; виновники этой неурядицы, какъ равно волненій въ Албаніи—слишкомъ извѣстны. И ужь, конечно, не нѣмецкому журналу (Deutsche Rundschau), издающемуся въ Берлинѣ, урекать Россію въ возвратѣ послѣ побѣдоносной войны придунайскаго клочка Бессарабіи, отнятаго у нея несчастною Крымскою войной. Въ замѣну этого клочка, возвратить который было дѣломъ чести, Россія дала Румыніи Добруджу, на которую Румынія не имѣла ровно никакихъ правъ. Клочокъ берега Дуная въ рукахъ Россіи полезнѣе для Румыніи, чѣмъ еслибъ онъ принадлежалъ ей самой; но дѣло-то въ томъ, что врагамъ Румыніи понятно значеніе этой ничтожной полосы земли въ рукахъ могущественной державы,—имъ онъ оказывается бѣльмомъ на глазу. Вотъ почему приводимая нами нѣмецкая статья такъ и поддразниваетъ имъ Румынію, прималчивая о томъ, какое количество чистокровныхъ румынъ находится подъ австрійскимъ господствомъ. Но румыны не забыли своей связи съ родичами и своихъ историческихъ правъ на Банатъ и Семиградіе и недавно осмѣлились вспомнить о нихъ во всеуслышаніе; на банкетѣ въ Яссахъ сенаторъ Градистіану въ рѣчи, обращенной къ королю Карлу Гогенцоллерну, сказалъ: «Въ коронѣ вашего величества недостаетъ трехъ перловъ: Баната, Буковины и Семиградія»—и выразилъ надежду, что не въ отдаленномъ будущемъ эти перлы возвратятся въ корону Румыніи.

Король Карлъ по происхожденію нѣмецъ; но онъ принцъ благороднаго и славнаго дома Гогенцоллерновъ; ему, быть-можетъ, судьба готовитъ великую будущность—стать родоначальникомъ румынскихъ Гогенцоллерновъ; вступая на престолъ только-что возрождавшагося государства, онъ сказалъ, что съ той минуты дѣлается румыномъ. Какъ государственный человѣкъ и какъ румынъ, онъ твердо знаетъ, что присоединеніе части Бессарабіи, принадлежащей Россіи, еслибы таковое и могло осуществиться, не придастъ блеска его королевской коронѣ, ничего ровно не дастъ его народу и было бы скорѣе вредно, чѣмъ полезно для юнаго, не окрѣпшаго государства. Иное значеніе могло бы имѣть присоединеніе къ нему Семиградія и Баната, какъ бы таковое ни было непріятно берлинскимъ поли-

тикамъ. Что касается до правъ, то они никакъ не меньше, чѣмъ права Пруссіи на Эльзасъ и Лотарингію, и во всякомъ случаѣ были бы подтверждены народнымъ голосованіемъ, еслибы до него дошло дѣло. Заботы румынскаго правительства объ укрѣпленіи своей границы съ Австріей ясно доказываютъ, что румынскій Гогенцоллернъ хорошо понимаетъ положеніе и интересы своего народа и что съ прямого пути не сбить его правительства никакимъ статьямъ нѣмецкихъ журналовъ.

Приводимая нами статья вся съ начала до конца наполнена самою беззастѣнчивою ложью, какъ, впрочемъ, того и ожидать должно отъ оффиціозной статьи, преслѣдующей извѣстныя политическія цѣли. Авторъ статьи, или, по меньшей мѣрѣ, редакція такого журнала, какъ Rundschau, не могли не знать, что они выпускаютъ въ свѣтъ завѣдомую ложь, когда говорятъ о стремленіяхъ Россіи присвоить себѣ Молдавское и Валахское княжества, когда историческія данныя неотразимо доказываютъ, что въ теченіе всего XVIII вѣка она одна отстаивала ихъ независимость и не успѣла въ томъ лишь по милости противодѣйствія Пруссіи и Австріи, очень хорошо предвидѣвшей, въ какую сторону должны будутъ обратиться взоры возрожденной Румыніи и гдѣ окажется Румынія irredenta.

Мы не имѣемъ въ виду вступать въ полемику съ Rundschau и передаемъ нашимъ читателямъ статью, помѣщенную въ этомъ журналѣ, единственно для того, чтобы показать, до какой наглости доходитъ ложь нѣмецкой печати по отношенію къ Россіи, къ какимъ неблаговиднымъ пріемамъ прибѣгаютъ нѣмецкіе публицисты, когда заигрываютъ съ тщеславіемъ молодого народа и стараются увѣрить его, что не онъ обязанъ Россіи за свое освобожденіе отъ турецкаго господства, а что будто-бы Россія обязана Румыніи за избавленіе ея арміи отъ конечнаго пораженія въ послѣднюю войну. Такая ложь не заслуживала бы ни упоминанія, ни тѣмъ менѣе опроверженія, еслибы не была разсчитана на возбужденіе нелѣпой страсти къ милитаризму въ румынахъ, на восхваленіе многочисленности ихъ арміи, совершенно непосильной и едва ли нужной такому маленькому государству противъ его сосѣдей. Стотысячная румынская армія не въ состояніи защитить королевство ни отъ Россіи, ни отъ Австріи; она нужна нѣмцамъ,—чего они и не скрываютъ,—какъ авангардъ ихъ полчищъ противъ славянъ и, отчасти, какъ instrumentum regni противъ самихъ румынъ, еслибы дѣйствія правительства пошли наперекоръ желаніямъ и интересамъ народа, что̀ нѣмцы тщательно скрываютъ. Ясно, что румыны ни въ какомъ случаѣ не могутъ (географически) стать авангардомъ Германіи въ случаѣ столкновенія Россіи и славянства съ нѣмцами; слѣдовательно, сама собой очевидна роль, предназначаемая Австріи въ этой борьбѣ,—роль, не особенно почетная,—доставать нѣмцамъ каштаны изъ огня.

Допуская, что въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ въ дѣйствительности разразится эта столь упорно предвидимая и обсуждаемая нѣм-

цами борьба, въ которую они такъ усердно зазываютъ мадьяръ и румынъ, нѣмцы германско-прусскіе ничѣмъ въ ней не рискуютъ и тщательно стараются предотвратить рискъ съ своей стороны, выдвигая впередъ разноплеменную Австрію и юную Румынію и оставляя за собой *честное маклерство*, когда дѣло дойдетъ до разборки, или же вступничество въ борьбу въ ту минуту, когда побѣдители и побѣжденные будутъ достаточно ослаблены. Что можетъ ожидать Румынію при исходѣ такой борьбы? Какъ бы побѣдоносно таковая ни окончилась для Россіи, румынамъ опасаться нечего; допуская всевозможный панславизмъ Россіи, провозглашаемый нѣмцами, въ силу этого самаго панславизма, т. е. идеи единства національностей, Румынія должна объединиться полученіемъ *всѣхъ* румынскихъ земель и, не будучи сама землею и націей славянской, ни при какихъ обстоятельствахъ не можетъ войти въ составъ Россійской имперіи или иного славянскаго государства. Чѣмъ можетъ стать Румынія съ своею обособленною національностью?—Тѣмъ, чѣмъ стала Бельгія. Вотъ будущность новаго королевства съ Гогенцоллерномъ во главѣ и въ союзѣ съ Россіей въ случаѣ исхода борьбы, благопріятнаго для Россіи и славянства. Въ противномъ случаѣ, — при неблагопріятномъ исходѣ, — корона съ головы Гогенцоллерна легко можетъ быть снята и перевезена въ Вѣну для пополненія уже имѣющейся тамъ коллекціи коронъ, и не Семиградіе и Банатъ присоединятся къ Румыніи, а Молдавія и Валахія присоединятся къ нимъ для увеличенія разноплеменной и разноязычной имперіи Габсбургской. Какою бы лестью ни обольщали нѣмецкіе публицисты румынъ и славянъ, какую бы ложь и клевету ни взносили они на Россію, правда за себя говоритъ,—истинное положеніе дѣлъ достаточно ясно. Если суждено произойти «страшному столкновенію» между нѣмцами и славянами, то уже, конечно, не Россіей оно будетъ вызвано, и чѣмъ бы оно ни окончилось, несомнѣнно одно, что время примучиванія народовъ завоевателями проходитъ, или уже миновало. Историческое колесо повернулось и выдвинуло на міровую арену новые народы; эту арену открыла для нихъ Россія кровью своихъ сыновъ, и ни штыки, ни дипломатическіе обманы и ухищренія не столкнутъ ихъ съ широкаго поприща. Будущее принадлежитъ молодымъ силамъ, молодымъ народамъ.

Ред.

«Если когда-либо соперничеству между нѣмцами и славянами суждено разразиться страшнымъ столкновеніемъ, то мадьяры и румыны неизбѣжно станутъ въ этой борьбѣ передовымъ постомъ со стороны нѣмцевъ, не столько по связямъ ихъ съ нѣмецкою націей, сколько въ силу географическаго положенія Венгріи и Румыніи, вынуждающаго ихъ за-одно съ нѣмцами бороться за собственное существованіе, которому грозитъ славянство. Должно надѣяться, что столкновеніе между германскимъ и славянскимъ міромъ будетъ отсрочено еще на многіе годы, быть-можетъ

даже устранено навсегда, благодаря успѣхамъ цивилизаціи. Но, во всякомъ случаѣ, для Германіи въ данный моментъ интересно имѣть о нынѣшней Румыніи и постепенномъ ходѣ ея развитія болѣе обстоятельныя свѣдѣнія, чѣмъ какія даютъ отрывочныя газетныя статьи, складывающіяся нерѣдко подъ вліяніемъ партій. Это тѣмъ болѣе важно, что въ ряду новыхъ государствъ, возникшихъ на востокѣ Европы, Румынія занимаетъ, безспорно, первенствующее положеніе, котораго она достигла подъ семнадцатилѣтнимъ главенствомъ и водительствомъ нѣмецкаго принца. До послѣдняго времени Румынія была удалена отъ западно-европейской культуры, представляя собою въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ театръ борьбы между четырьмя сильными сосѣдями (Польшей, Венгріей, Россіей и Турціей); въ своемъ внутреннемъ развитіи она постоянно встрѣчала помѣхи и задержки отчасти въ турецкомъ владычествѣ, отчасти же со стороны Россіи, интригами *подготовлявшей завоеваніе* Молдавіи и Валахіи.

Турція ставила своихъ чиновниковъ господарями этихъ двухъ княжествъ и по своему произволу свергала ихъ, по временамъ занимала войсками части княжествъ, оставшихся независимыми по письменнымъ трактатамъ, и для поддержки господарей держала при нихъ янычарскую гвардію.

Кайнарджійскій договоръ (1774 г.) далъ Россіи право заступничества за княжества. Изъ него Россія вывела совершенно своеобразное, не точно опредѣленное и тѣмъ болѣе стѣснительное на практикѣ право протектората, дававшее ей поводы къ періодическимъ занятіямъ Молдо-Валахіи, къ захватамъ въ свои руки управленія, къ постоянному вмѣшательству въ крупныя и мелкія дѣла княжествъ и приведшее, наконецъ, къ присоединенію къ Россіи принадлежащей Молдавіи провинціи Бессарабіи.

Удручающимъ гнетомъ тяготѣло надъ Румыніей съ каждымъ днемъ все опредѣленнѣе выражавшееся намѣреніе Россіи втихомолку, безъ борьбы, приготовить для Молдавіи и Валахіи, лежавшихъ на пути ея стремленій къ Западу, ту же участь, какой подверглась Бессарабія. Это намѣреніе русскихъ государственныхъ людей часто выражалось совсѣмъ недвусмысленно. «Je ne laisserai aux Moldau-Valaques que leurs yeux pour pleurer», злобно говорилъ генералъ графъ Кутузовъ въ 1810 году; въ 1848 году графъ Нессельроде замѣтилъ: «l'origine des Moldau-Valaques se perd dans la nuit des temps», а въ 1853 году онъ же высказалъ угрозу: «le temps viendra, aù ces Valaques insoumis, qui ont excitè au plus haut point le mécontentement de S. M. l'empereur, payeront chérement leur déloyauté».

Во всякомъ случаѣ на положеніе Румыніи еще и въ настоящее время нельзя смотрѣть съ точки зрѣнія высокоразвитаго Запада и въ сужденіяхъ о немъ примѣнять нашу мѣрку,—многое показалось бы въ немъ

незрѣлымъ, лишь затронутымъ началомъ развитія и невѣрно понятымъ. Какіе бы быстрые шаги ни дѣлалъ народъ на пути прогресса, онъ не въ силахъ наверстать въ какія-нибудь двадцать пять лѣтъ потерянное въ теченіе двухъ-вѣковой насильственной задержки. Но всякій, внимательно слѣдившій за Румыніей въ эти послѣднія двадцать пять лѣтъ, вынужденъ признать, что въ ней все радикально измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ ея судьбы находятся въ рукахъ государя изъ дома Гогенцоллерновъ.

Если сравнить положеніе Румыніи 1866 года, при вступленіи на престолъ принца Карла, съ положеніемъ въ 1880 году (годъ признанія ея независимости), то не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что страна эта во всѣхъ отношеніяхъ сдѣлала рѣшительные и замѣтные шаги впередъ,— станетъ ясно, что стремленіе къ развитію, образованію и совершенствованію охватило всю политическую и экономическую жизнь народа и наложило на нее свою печать. Это выяснится съ особенною яркостью, когда мы окинемъ бѣглымъ взглядомъ прошлое.

Двѣ разрозненныя страны, лишенныя всякой иниціативы въ дѣлахъ внутреннихъ и внѣшнихъ, низведенныя въ глазахъ цивилизованнаго міра до положенія турецкихъ провинцій, превратились, фактически и по международному признанію, въ одно независимое государство. Вмѣсто избираемыхъ князей, не только повиновавшихся приказаніямъ извнѣ, но превратившихся въ послушныя орудія чуждыхъ интересовъ, Румынія имѣетъ теперь высокочтимую династію, связанную родствомъ съ большинствомъ царственныхъ фамилій. Подчиненность деспотическимъ вліяніямъ Турціи и Россіи смѣнилась правомѣрными и равенственными отношеніями ко всѣмъ европейскимъ державамъ. Произволъ господарей, всевластно распоряжавшихся внутренними дѣлами страны, уступилъ мѣсто конституціонному, парламентскому образу правленія. Прежній судъ, бывшій лишь орудіемъ въ рукахъ князя, отмѣнявшаго по своему произволу рѣшенія высшихъ судебныхъ мѣстъ, смѣнился новыми судебными учрежденіями, совершенно изъятыми изъ-подъ вліянія правительства. Управленіе страною, находившееся въ полной зависимости отъ воли и своеволія чиновниковъ, упорядочено постоянно совершенствующимся законодательствомъ. Финансовое управленіе, едва удовлетворявшее самымъ примитивнымъ потребностямъ, приведено въ стройную систему, выработанную наукой и соотвѣтствующую всѣмъ нуждамъ новѣйшаго государственнаго механизма. Благодаря строгой опредѣленности государственныхъ расходовъ, Румынія получила возможность пережить тяжелое время послѣдней войны, не обременяя себя долгомъ, кромѣ выпуска ассигнацій на 26 милліоновъ франковъ, хотя пришлось возобновить и увеличить вооруженія и выстроить на счетъ государства сто километровъ желѣзной дороги (Маразешти—Фокшаны—Бузео). Не менѣе поразительные результаты достигнуты и въ частныхъ отрасляхъ управленія: такъ, напримѣръ, валовой доходъ отъ табачной монополіи возросъ съ 18½ до 25½ милл., тогда какъ расходъ

на сборы по этой статьѣ понизился съ 47 на 34°/о *). Того же результата можно ожидать отъ перехода въ казну желѣзныхъ дорогъ.

Къ слову о желѣзныхъ дорогахъ. 16 лѣтъ тому назадъ Румынія едва имѣла самонеобходимѣйшія грунтовыя дороги. Въ настоящее время 1.500 километровъ желѣзныхъ дорогъ связываютъ буковинскую границу съ Галацомъ и Браиловымъ на Дунаѣ; оттуда черезъ Букарештъ рельсовый путь доходитъ до Желѣзныхъ Воротъ, на западной границѣ (Версіорово—Орсова), со многими развѣтвленіями (Бутошаны—Яссы) къ русской границѣ; къ этой же линіи примыкаютъ вѣтви на Берладъ, Маразешки—Бузео, Плоэшти — Предіаль (семиградская граница), Букарештъ—Журжово (граница Болгаріи); кромѣ того палатами утверждена цѣлая сѣть новыхъ развѣтвленій и уже приступлено къ постройкѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Протяженіе грунтовыхъ дорогъ увеличилось впятеро. Вслѣдствіе этого торговля и производительность страны возвысились въ такой мѣрѣ, что, несмотря на низкій таможенный тарифъ, пошлины даютъ казначейству 12 милл., вмѣсто прежнихъ 5 милл., а платежныя средства страны усилились настолько, что уже съ 1880 г. финансовое управленіе съ большею легкостью и правильностью получаетъ 120-милліонный сборъ, чѣмъ это дѣлалось въ 1866 г. при 60 милл. бюджетѣ. Дошедшія было до крайней натянусти отношенія между помѣщиками и крестьянами приведены въ порядокъ въ 1864 г. **), отмѣна же крѣпостного права совершилась еще въ 1855 году. Дѣло поземельнаго кредита улучшено 10 лѣтъ тому назадъ устройствомъ поземельно-кредитныхъ учрежденій по прусскому образцу, давшихъ возможность понизить невыносимый для недвижимой собственности размѣръ процентовъ съ 12 на 6.

Румынская армія состояла изъ двухъ полковъ для парадовъ; въ 1866 г. съ трудомъ сформированъ 8.000-ный корпусъ, едва снабженный самымъ необходимымъ вооруженіемъ. Въ настоящее время армія доведена до 100.000 человѣкъ пѣхоты, артиллеріи и кавалеріи, вооружена лучшимъ оружіемъ новѣйшихъ системъ, снабжена всѣмъ боевымъ матеріаломъ, прекрасно обучена, можетъ быть быстро сосредоточена и въ 1877 году въ Болгаріи блистательно выдержала первое испытаніе въ бою съ непріятелемъ. Политическая жизнь, ограниченная въ былое время мелкими, личными интригами господарей и бояръ, получила надлежащій просторъ черезъ сознаніе высшихъ государственныхъ соображеній, опредѣленныхъ цѣлей и правильно понятыхъ гражданскихъ обязанностей. Правда, въ борьбѣ партій все еще прорываются сочувствіе старымъ, побѣжденнымъ порядкамъ, поползновенія искать поддержки иноземной державы, чтобы съ ея содѣйствіемъ вліять на внутреннія дѣла, возникаютъ пререканія изъ-за често-

*) 18½ милл.×47°/о=8.695.000 фр., 25½ милл.×34°/о=8.670.000 фр., слѣдовательно расходъ остался прежній, увеличился лишь доходъ на счетъ платежныхъ средствъ страны. *Прим. перев.*

**) Слѣд. ранѣе избранія Гогенцоллерна.

любія и личныхъ побужденій, проскальзываетъ порою забвеніе великихъ національныхъ задачъ въ виду затрудненій минуты. Но, вообще, представительство страны проникнуто сознаніемъ великаго призванія Румыніи— стать на юго-востокѣ Европы оплотомъ противъ завоевательныхъ и ославянивающихъ (slavisirungsgelüste) стремленій Россіи. Нельзя пройти молчаніемъ рѣзко проявляемаго румынами сознанія независимости въ такихъ дѣлахъ, какъ дунайскій вопросъ, въ которомъ они противустоятъ неправильнымъ притязаніямъ Австро-Венгріи. Румыны не хотятъ быть ни русскими, ни австрійскими, а независимыми. (А нѣмцамъ хочется ихъ сдѣлать прусскими!)

Не легко имъ было стать въ такое положеніе, не сразу достигли они его,—не разъ сбивались они на ложный путь, полный скорби. Румынскіе патріоты совершенно правильно признавали, что, для избавленія страны отъ турецкаго ига и отъ еще болѣе, пожалуй, удручающаго протектората Россіи и для достиженія независимости, необходимы двѣ вещи: соединеніе княжествъ Молдавіи и Валахіи въ одно цѣлое и установленіе наслѣдственной монархіи подъ главенствомъ одного изъ членовъ наиболѣе уважаемой въ Европѣ династіи. Возсоединеніе княжествъ совершилось фактически въ 1859 году, когда Молдавія и Валахія (вопреки Парижскаго трактата) избрали, вмѣсто двухъ господарей, одного государя въ лицѣ князя Александра-Іоанна Куза.

Этимъ былъ сдѣланъ первый шагъ къ достиженію независимости; второй—учрежденіе наслѣдственной монархіи—былъ на время отложенъ. Тѣмъ не менѣе князь Куза передъ своимъ избраніемъ вынужденъ былъ подписать обязательство (реверсъ), которымъ онъ самъ признавалъ свое правленіе лишь временнымъ, до избранія иностраннаго принца, и обѣщался всѣми силами стараться объ осуществленіи этого предположенія. Но едва успѣлъ полковникъ Куза превратиться въ князя Александра—Іоанна I, какъ онъ, повидимому, совершенно забылъ о торжественно данныхъ обѣщаніяхъ. Всѣ свои заботы онъ направилъ къ укрѣпленію собственнаго положенія, къ устраненію затрудненій, которыя могли возникнуть со стороны великихъ державъ Европы. Законныхъ наслѣдниковъ у него не было, а потому онъ сталъ подготовлять переходъ короны къ одному изъ своихъ незаконныхъ сыновей и съ этою цѣлью усыновилъ ихъ.

Князь Куза былъ человѣкъ очень умный, хотя не достаточно образованный и безхарактерный. У него не хватило государственной мудрости, чтобъ уразумѣть высоту своего призванія. На свое положеніе онъ смотрѣлъ какъ на дойную корову, дающую средства вести необузданную жизнь и интриги, къ которымъ имѣлъ особенную склонность, обусловленную, вѣроятно, его византійскимъ происхожденіемъ. Онъ смолоду не привыкъ къ серьзному труду и, конечно, не могъ находить въ немъ большого удовольствія, сдѣлавшись государемъ. Еще менѣе правилось ему конституціонное ограниченіе его власти и онъ не замедлилъ устра-

нить его, такъ - называемымъ, статутомъ. Его правленіе весьма скоро превратилось въ безсовѣстную камарилью и хозяйничанье любовницъ, истощавшихъ средства страны, а при ихъ недостаткѣ вынуждавшихъ прибѣгать къ займамъ. Къ концу его правленія казначейство было буквально опустошено и чиновники не получали жалованья за нѣсколько мѣсяцевъ.

Замѣчательно вѣрное сужденіе о послѣднемъ національномъ князѣ Румыніи встрѣчается у Вебера въ его «Всеобщей исторіи». Вотъ что онъ говоритъ: «Александръ - Іоаннъ I, потомокъ незнатнаго боярскаго рода, возвысился и одержалъ верхъ надъ болѣе высокопоставленными соперниками благодаря счастью и уму. Но онъ былъ склоненъ къ самовластію и расточительности и своей семейною и домашнею жизнью подавалъ поводы къ скандалу. Какъ только представители сословій оказались не особенно предупредительными къ исполненію его желаній, то онъ отдѣлался отъ стѣсненій по примѣру своего доброжелателя Наполеона, принятаго имъ за образецъ, и посредствомъ плебисцита добился болѣе широкой власти. На основаніи этой власти началось господство произвола и деспотизма, а такъ какъ при этомъ своекорыстіе и безнравственность Александра навлекли на него общую ненависть и презрѣніе, то черезъ два года произошло въ Букарештѣ возстаніе, имѣвшее послѣдствіемъ изгнаніе Кузы».

Народъ вздохнулъ свободно, точно очнувшись послѣ тяжелаго кошмара, когда 11 (23) февраля 1866 г. разнеслась вѣсть объ удаленіи Александра и объ избраніи на престолъ Румыніи графа Фландрскаго подъ именемъ Филиппа I. Его отказъ произвелъ удручающее впечатлѣніе въ Дембовицѣ. Однако же временное правительство 1866 года не потеряло бодрости. Несмотря на рядъ препятствій, возникшихъ на пути къ осуществленію его желаній, несмотря на возбужденное Россіей въ апрѣлѣ мѣсяцѣ сепаратистское возстаніе въ Яссахъ, на холодность и недоброжелательство, съ которыми были встрѣчены на парижской конференціи требованія румынскаго народа, — послѣ трехъ тяжелыхъ и тревожныхъ мѣсяцевъ временному правительству удалось убѣдить принца Карла Гогенцоллерна принять корону, предложенную ему на основаніи избирательнаго плебициста, и придти на зовъ румынскаго народа.

Полный вѣры въ будущность Румыніи, одушевленный серьезнымъ желаніемъ взять твердою рукой судьбы довѣрившагося ему народа и вывести его изъ затрудненій, князь Карлъ торжественно вступилъ 10 (22) мая 1866 года въ свою будущую столицу, Букарештъ, изукрашенный флагами и вѣнками. Недруги страны были изумлены, поражены, тогда какъ румыны ликовали въ одушевленіи восторгомъ и надеждами. Явился мессія страны, и до сихъ поръ еще не забыты слова, обращенныя къ парламенту юнымъ княземъ, окидывающимъ собраніе гордымъ и кроткимъ взглядомъ. Въ этихъ короткихъ, но многознаменательныхъ словахъ выразилась цѣлая правительственная программа. «Вступая въ эту страну,—

говорилъ принцъ,—я дѣлаюсь румыномъ. Я сознаю великость лежащихъ на мнѣ обязанностей и надѣюсь ихъ выполнить. Моему новому отечеству я посвящаю открытое сердце, чистыя намѣренія, твердую волю служить добру, безграничную преданность и уваженіе къ законамъ, унаслѣдованныя мною отъ предковъ. Сегодня—гражданинъ, завтра, въ случаѣ нужды, я стану солдатомъ и отнынѣ буду дѣлить съ вами радостные и тяжелые дни. Вѣрьте мнѣ, какъ я вамъ вѣрю! Только Всемогущему Богу извѣстно, что предстоитъ въ будущемъ нашему отечеству. Будемъ неустанно исполнять наши обязанности, и Промыслъ Божій, направлявшій до сихъ поръ вашего избранника и устранявшій съ моего пути всѣ препятствія, не оставитъ вашего дѣла неоконченнымъ». Слова, сказанныя еще юнымъ тогда принцемъ, вполнѣ оправданы его дѣйствіями,—въ теченіе слишкомъ шестнадцати лѣтъ онъ ни на волосъ не отступилъ отъ нихъ.

Прошло много лѣтъ постоянной, упорной работы, не разъ возникала парламентская борьба, смѣнилось не одно министерство—прежде, чѣмъ въ послѣднюю русско-турецкую войну наступилъ день испытанія для народа и князя. Не легкая была задача вѣрно угадать надлежащій моментъ и воспользоваться имъ для доказательства своей силы и жизнеспособности. Неясное пониманіе положенія, ошибочный шагъ, недостатокъ энергіи въ свое время могли разрушить въ прахъ всѣ надежды и ожиданія.

Взглядомъ государственнаго человѣка съумѣлъ князь Карлъ найти людей способныхъ помочь ему разрѣшить трудную задачу. Съ своей стороны народъ выказалъ князю и его правительству полное довѣріе и неограниченную преданность. Только при этихъ условіяхъ возможно было въ тяжеломъ и критическомъ положеніи европейской политики не упустить изъ вида конечной цѣли и найти вѣрный путь къ ея достиженію.

При началѣ войны между Россіей и Турціей задача состояла въ томъ, чтобы Румынія не сдѣлалась театромъ столкновенія воюющихъ сторонъ и необходимо было предохранить страну отъ неизбѣжныхъ при этомъ опустошеній и неисчислимыхъ потерь. Во время войны нужно было оградить ея самостоятельность, дабы при заключеніи мира ея независимость была фактомъ существующимъ въ дѣйствительности, а не формально только. Ея освобожденіе изъ-подъ вассальной зависимости Турціи должно было явиться не подаркомъ Россіи, а результатомъ самодѣятельнаго развитія силъ, добытымъ борьбою, въ которой румынскій народъ доказалъ бы свою энергію; независимость должна была оказаться плодомъ, сорваннымъ патріотизмомъ и самопожертвованіемъ націи. Равнымъ образомъ, при совокупномъ дѣйствіи съ Россіей, необходимо было избѣжать всего того, что могло бы обобщить рѣзко различествовавшіе между собою интересы сѣверной державы и Румыніи и что могло лишить самостоятельнаго, обособленнаго значенія дѣйствія этой послѣдней. Необходимо было передъ страной и державами установить и постоянно поддерживать различіе между стремленіями Румыніи и панславистскими цѣлями Россіи.

Особенная трудность заключалась въ томъ, чтобы во время военныхъ дѣйствій, въ командованіи войсками, выказать индивидуальность Румыніи. Въ силу этого кн. Карлъ рѣшительно уклонился отъ подчиненія своей арміи русскому полководцу,—будь таковымъ самъ императоръ,—и въ теченіе всей войны ограждалъ самостоятельность военныхъ силъ Румыніи. Это было тѣмъ необходимѣе, что русскіе и румыны сражались изъ-за весьма различныхъ цѣлей: первые бились за велико-славянскую идею, а румыны—за свою независимость не только отъ турецкаго господства, но и отъ русскаго протектората. У всего міра свѣжо въ памяти, какъ была разрѣшена эта въ высшей степени мудреная задача. Исторія же выведетъ изъ единичныхъ фактовъ и установитъ, что князь Карлъ фонъ-Гогенцоллернъ и его министръ Іоаннъ Братіано въ теченіе всего критическаго періода — до войны, во время войны и по ея окончаніи—дали поразительныя доказательства ума, осторожности, твердости и патріотизма,—однимъ словомъ, высокихъ государственныхъ способностей. Кромѣ того князь Карлъ выказалъ блистательныя качества личной храбрости и талантъ полководца, исполнившія его маленькую армію такимъ воодушевленіемъ и довѣріемъ, что она вызвала удивленіе всего міра.

По окончаніи же войны на румынскую армію и на подъемъ духа румынской націи тяжкимъ ударомъ обрушилась «русская благодарность»; въ изъявленіе признательности къ своему маленькому союзнику, спасшему русскую армію отъ окончательнаго уничтоженія ея неудачъ подъ Плевной, Сѣверная имперія отобрала у него клочокъ Бессарабіи, который послѣ Крымской войны она была вынуждена возвратить Молдавіи. Но единодушіе и энергія, съ какими румынскій народъ выступилъ противъ вѣроломства своего кичливаго и могущественнаго союзника и отстаивалъ, хотя безуспѣшно, свои права передъ европейскимъ ареопогомъ, возбудили во всѣхъ цивилизованныхъ націяхъ такое уваженіе и симпатіи, что этимъ почти окупается потеря провинціи. Несправедливость, выказанная въ этомъ случаѣ Россіей, не мало способствовала вящшему закрѣпленію и упроченію связи между княземъ и народомъ, уже установившейся на боевомъ полѣ.

Признаніе полной независимости Румыніи всѣми державами, ея возведеніе въ королевство и установленіе наслѣдственности престола въ династіи Гогенцоллерновъ были наградою націи и князю за неутомимость, труды и доблести. Но князю и народу предстоятъ еще впереди двѣ великія задачи: внутри страны—окончательное устройство и завершеніе государственнаго зданія, извнѣ—въ случаѣ необходимости—защита отъ внѣшняго врага. При исполненіи этой послѣдней задачи Румынія можетъ навѣрное разсчитывать на поддержку великаго германскаго народа, ибо, выступая на бой въ защиту отъ завоеванія Румыніи, этого передового поста противъ стремленій славянства охватить собою нѣмецкія земли,—Германія будетъ защищать самое себя».

(*Deut. Rudschau.*)

БИБЛІОГРАФІЯ.

В. А. Жуковскій и его произведенія. Сочиненіе *П. Загарина.* Изданіе *Льва Поливанова.* Москва. 1883 года.

Если правильное пониманіе поэтическихъ произведеній требуетъ освѣщенія ихъ біографіей автора, то въ такомъ освѣщенія особенно нуждается поэзія Жуковскаго. Лирикъ по преимуществу, онъ можетъ показаться однообразнымъ, повторяющимся для читателя, незнакомаго съ разнообразными жизненными мотивами, отразившимися на произведеніяхъ поэта. Славный въ первую половину своей дѣятельности, забываемый впослѣдствіи, учитель, побѣжденный геніальнымъ ученикомъ, Жуковскій не можетъ занять строго опредѣленнаго мѣста въ ряду нашихъ писателей, пока біографъ не представитъ намъ ясный его образъ.

Жуковскій скончался въ 1852 году. Общество давно уже нуждалось въ біографіи «Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ», пѣвца «Моря» и насадителя лучшихъ цвѣтовъ чужеземной поэзіи на русской почвѣ. Тридцать лѣтъ никто не отвѣтилъ на эти нужды: у насъ не было ни одной біографіи Жуковскаго до столѣтняго юбилея его рожденія. Мы говоримъ—«ни одной»—потому, что трудъ г. Зейдлица, двѣнадцать лѣтъ назадъ вышедшій на нѣмецкомъ языкѣ, въ отрывкахъ помѣщенный тогда же на русскомъ языкѣ въ спеціальномъ журналѣ и сдѣлавшійся, наконецъ, общедоступнымъ къ юбилею поэта,—имѣетъ прежде всего значеніе матеріала для біографіи. Почтенный авторъ, стоявшій въ дружескихъ отношеніяхъ къ поэту, передаетъ большею частью свои воспоминанія, не избѣгаетъ, правда, и критики; но это—критика друга, въ которой, можетъ-быть, увидятъ нѣкоторую односторонность, хотя всегда оставятъ за трудомъ г. Зейдлица неоцѣнимое достоинство правдиваго разсказа и драгоцѣннаго собранія фактическихъ данныхъ.

Первымъ біографическимъ опытомъ исторіи жизни Жуковскаго и его поэзіи является юбилейное изданіе г. Поливанова, вскорѣ повторенное съ дополненіями въ текстѣ. У насъ такъ мало произведеній такого рода, что не установилось еще точнаго пониманія, чѣмъ должна быть біографія по-

эта. Такъ въ вышедшемъ недавно прекрасномъ изданіи: «Альбомъ Пушкинской выставки», г. Венкштернъ назвалъ свой трудъ біографическимъ очеркомъ, представивъ единственно подборъ фактовъ семейной и общественной жизни Пушкина, правда искусный, но почти не связанный съ поэтическою дѣятельностью геніяльнаго писателя, у котораго жизнь и поэзія далеко не были одно и то же. Жизнь поэта, болѣе чѣмъ кого-либо, представляетъ смѣшеніе множества сложныхъ, разнообразныхъ и часто, повидимому, несовмѣстимыхъ элементовъ. Лицо, взявшее на себя трудъ изобразить такую жизнь, должно собрать массу этихъ элементовъ и—что всего важнѣе—указать ихъ взаимное отношеніе. Изображеніе одной внѣшней стороны жизни поэта, хотя бы и весьма добросовѣстное, весьма полное, но лишенное связи съ ходомъ жизни внутренней, не можетъ заслужить названія ни біографіи, ни даже біографическаго очерка. Но это полное, безпристрастное изображеніе фактовъ внѣшней жизни поэта, поскольку они открыты современною наукой, составляетъ необходимое требованіе біографіи, непремѣнно на ряду съ обозрѣніемъ всѣхъ по возможности литературныхъ трудовъ поэта, съ объясненіемъ ихъ фактическими данными и съ правильной ихъ оцѣнкой. Наконецъ, также необходимо указать состояніе общества, современнаго поэту, отношеніе послѣдняго къ этому обществу, историческое развитіе идей поэта и идей ему современныхъ, отвести ему мѣсто въ исторіи литературы и отечества. Удовлетворяя такимъ требованіямъ, пишущій можетъ дать ясный, законченный образъ поэта. Конечно, это задача весьма трудная, требующая усидчивой работы, разностороннихъ знаній, обширной литературной подготовки. До сихъ поръ мы имѣли одинъ блестящій образецъ такого труда—біографію Державина, написанную академикомъ Гротомъ.

Сочиненіе г. Загарина представляетъ опытъ въ такомъ же родѣ. Мы говоримъ—«опытъ», потому что для полной біографіи Жуковскаго далеко еще не приспѣло время, по сравнительно крайне ограниченному количеству матеріаловъ. Во всякомъ случаѣ г. Загаринъ удачно совпалъ съ авторомъ біографіи Державина въ выборѣ правильнаго метода для своего сочиненія.

Авторъ вводитъ читателя не только въ тѣсный кругъ семейной и личной жизни поэта, но рисуетъ передъ нами картины жизни общественной и государственной, поскольку онѣ нужны для ясности образа Жуковскаго. Въ предисловіи онъ отводитъ поэту то мѣсто, которое онъ занимаетъ въ исторіи умственной жизни нашего отечества, тѣсно связанной тогда съ жизнью всей Европы. Жуковскій,—говоритъ онъ,—«принадлежитъ той порѣ исторіи нашего отечества, да и всей Европы, когда за эпохой дѣйствія, ужаснувшей весь міръ своею силой и потоками крови, пролитой революціей и всемірнымъ завоевателемъ, наступила почти сорокалѣтняя пора интересовъ литературно-художественныхъ и господства философіи, этой «приготовительницы дѣлъ», по выраженію Фихте.. Въ евро-

пейскихъ воззрѣніяхъ XVIII вѣка царилъ крайній дуализмъ. Мистицизмъ и піэтизмъ съ одной стороны, матеріализмъ—съ другой были естественными послѣдствіями этого дуализма. Возрастаніе Жуковскаго совпало съ новымъ движеніемъ въ области европейской философіи и поэзіи, но ближайшее знакомство съ его жизнью и произведеніями убѣждаетъ насъ въ томъ, что онъ былъ явленіемъ самобытнымъ. Напрасно станемъ мы объяснять міровоззрѣніе Жуковскаго какимъ-нибудь однимъ изъ теченій времени. То не метафизика деизма, не мистика масоновъ и не чистое воззрѣніе церкви, и однако же въ цѣльномъ и законченномъ міровоззрѣніи Жуковскаго мы найдемъ элементы всѣхъ этихъ теченій». Указавъ такимъ образомъ отношеніе Жуковскаго къ умственному движенію въ современномъ обществѣ, авторъ отводитъ далѣе ему мѣсто въ исторіи литературы: «Жуковскій явился на рубежѣ двухъ ея эпохъ: такъ-называемаго классицизма съ одной стороны и такъ-называемаго романтизма—съ другой». Авторъ допускаетъ, что «можно говорить о недостаткѣ широты воззрѣній Жуковскаго, можно упрекнуть его даже въ узкости ихъ; но никто не назоветъ ихъ эклектическими или шаткими. Одному этому поэту, съ такой своеобразной душой, можно было разрушить всякіе шаблоны предшествующихъ стихотворцевъ и научить поэтовъ новыхъ тому, *чѣмъ* должна быть поэзія. Предназначеніе его этимъ и завершилось». Такимъ образомъ авторъ считаетъ Жуковскаго родоначальникомъ новыхъ поэтовъ.

Біографія Жуковскаго дитяти изложена авторомъ кратко, преимущественно по воспоминаніямъ А. П. Зонтагъ и книгѣ г. Зейдлица. Затѣмъ авторъ долго останавливается на воспитаніи Жуковскаго въ Московскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ. Направленіе пансіонскихъ воспитателей было общимъ направленіемъ всей мыслящей Москвы. Это было масонство не исключительное, но примирительное между двумя господствовавшими тогда философскими теченіями, что несомнѣнно отражалось и на воспитанникахъ. Однако Жуковскій, при всей мягкости натуры, при всей склонности ко всему примиряющему, не подпалъ вполнѣ подъ господствующее направленіе, не сдѣлался масономъ. Но онъ вынесъ изъ пансіона свѣтлые образы гуманныхъ воспитателей, иногда повидимому слишкомъ наивныхъ, какимъ былъ, напримѣръ, А. А. Прокоповичъ-Антонскій, но всегда вѣрныхъ честнымъ правиламъ масонскаго Дружескаго Общества. Тайное ученіе не выносилось наружу осторожными воспитателями. Они старались высказываться въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Въ рѣчи къ воспитанникамъ Пр.-Антонскій говорилъ въ публичномъ собраніи: «Дни благоденствія народовъ были вмѣстѣ и днями торжества религіи»; но какой религіи — объ этомъ онъ давалъ только нѣкоторые намеки отрицательнаго характера: «не фанатизмъ, не суевѣріе, не мрачная лжесвятость». Результатомъ по крайней мѣрѣ для Жуковскаго была совершенно своеобразная религія, которой онъ остался вѣренъ до конца жизни. Являлся ли онъ благоговѣйно на родину романтиковъ поклониться

главамъ романтизма, онъ уходилъ разочарованный, замѣтивъ крайне легкое ихъ нравственное содержаніе, какое, напримѣръ, онъ увидѣлъ въ Тикѣ. Бросила ли его судьба въ центръ борьбы двухъ замѣчательныхъ дѣятелей церкви русской, какими были Филаретъ и Павскій, онъ поспѣшилъ стать отъ нея въ сторонѣ, потому что мало зналъ дѣла церкви. Но онъ не сомнѣвался, что духъ умершей Марьи Андреевны Мойеръ присутствуетъ при кончинѣ ея сестры. Вѣра въ безсмертіе, при горячей поэтической фантазіи, развила въ Жуковскомъ наклонность къ мысли объ умершихъ, «отжившихъ тѣняхъ», кладбищахъ,—однимъ словомъ, къ тому, что г. Загаринъ назвалъ «некроманіей». Не совсѣмъ одинокимъ былъ поэтъ нашъ съ своимъ міровоззрѣніемъ. Онъ нашелъ себѣ кружокъ, гдѣ его понимали, ему сочувствовали. Это былъ кружокъ французскихъ и русскихъ дѣятелей, въ центрѣ котораго стояла графиня Разумовская. Гизо и его жена, братья Тургеневы были ближайшими ея друзьями. Графиня писала Жуковскому о смерти г-жи Гизо: «Я думала о васъ подлѣ этой умирающей, сіяющей безсмертіемъ, и пожалѣла о вашемъ отсутствіи: вашъ благородный геній нашелъ бы тутъ вдохновеніе, его достойное. Я не думала, чтобы можно было съ такимъ удовольствіемъ цѣловать мертвую. Мои губы не могли оторваться отъ нея... Постель ея была пустою лишь одну ночь... Мужъ ея можетъ тутъ спать: онъ еще услышитъ тутъ благословенія жены своей». Понятно, почему близокъ былъ къ этому кружку Жуковскій, писавшій г. Зейдлицу по поводу смерти Александры Андреевны Воейковой: «Для меня теперь все прекрасное будетъ синонимомъ смерти». Г. Загаринъ вполнѣ правъ, высказавъ, что міровоззрѣніе Жуковскаго было не мистика масоновъ, не метафизика деизма и не чистое воззрѣніе церкви. Это былъ своеобразный, спиритуалистическій идеализмъ, это—міросозерцаніе романтическое, впрочемъ далеко не вполнѣ то, которое господствовало въ странѣ романтизма, отмѣченнаго авторомъ даже именемъ «такъ-называемаго».

Поэтическая дѣятельность Жуковскаго вся проникнута этимъ міросозерцаніемъ, и ни одинъ посторонній звукъ не нарушаетъ цѣльной гармоніи его поэзіи. Эта поэзія обращаетъ на себя главное вниманіе автора. Онъ слѣдитъ въ хронологическомъ порядкѣ почти за всѣми поэтическими созданіями Жуковскаго, проникаетъ въ его поэтическія думы, въ таинственную лабораторію его духа. Мы отвыкли видѣть на страницахъ неучебной книги эстетическую оцѣнку поэтическихъ произведеній. На основаніи взгляда, что прежнія эстетическія теоріи отжили свой вѣкъ, а новыхъ мы не имѣемъ, всѣ какъ будто боялись приступить къ эстетической оцѣнкѣ. И странное дѣло: въ прелестномъ созданіи поэта никто какъ будто не находилъ ничего, кромѣ числа строкъ, спорныхъ годовъ появленія на свѣтъ, подправокъ автора или позднѣйшихъ издателей и тому подобныхъ мелочей, будто даже забыли, что такое поэзія. Г. Загаринъ не ограничился обзоромъ поэзіи Жуковскаго съ одной истори-

ческой точки зрѣнія, — онъ дѣлаетъ и эстетическую оцѣнку. Трудъ не только не лишній, но даже необходимый по отношенію къ Жуковскому, которому привелось уступить мѣсто Пушкину въ то именно время, когда его талантъ достигъ полной зрѣлости и блестящія произведенія его пера прошли почти незамѣченными современниками.

Лицо, взявшее на себя трудъ раскрыть намъ красоты музы Жуковскаго, указало, какими перлами поэзіи нашей мы до сихъ поръ пренебрегали. Г. Загаринъ разсмотрѣлъ далеко не всѣ произведенія Жуковскаго, но и тѣмъ, что сдѣлалъ, онъ оказалъ великую услугу забываемому поэту. Замѣчательное по гармоніи стиха и красотѣ изображенія, стихотвореніе «Море» едва ли было замѣчено многими. Авторъ даетъ ему еще новую окраску: «будучи символомъ души,—говоритъ онъ,—море въ стихотвореніи этомъ есть и символъ поэзіи, какъ ее понималъ Жуковскій. Небо является источникомъ красоты для моря и—какъ любящій живетъ одною жизнію съ тѣмъ, кого любитъ». Такое освѣщеніе, основанное на строгомъ, почти построчномъ разборѣ, придаетъ новое значеніе и новую красоту этому стихотворенію. Авторъ не пренебрегаетъ и стихотвореніями, на первый взглядъ незначительными. Такъ въ «Птичкѣ», написанной для дѣтей, онъ находитъ «подъ символомъ прелестной гостьи, украшающей своимъ присутствіемъ міръ и потомъ покидающей его», мотивъ былыхъ элегій Жуковскаго, всецѣло излившихся въ лаконическомъ его девизѣ:

О милыхъ спутникахъ, которые намъ свѣтъ
Своимъ присутствіемъ животворили,
Не говори съ тоской: «ихъ нѣтъ»,
Но съ благодарностію: были».

Какъ въ «Птичкѣ» авторъ нашелъ дѣтскую элегію, такъ въ «Жаворонкѣ» — дѣтскую религіозную оду. Останавливается авторъ и на внѣшней сторонѣ стиха Жуковскаго. Въ гекзаметрѣ «Ундины» онъ нашелъ замѣчательное музыкальное дѣленіе нѣкоторыхъ стиховъ:

Ты смѣлый рыцарь,
Ты бодрый рыцарь.
Я силенъ, могучъ,
Я быстръ и гремучъ.
Не сердиты
Волны мои,
Но люби ты,
Какъ очи свои,
Молодую,
Рыцарь, жену,
Какъ живую
Люблю я волну...
И волшебный

Шепотъ,
Какъ ропотъ
Волны разлетѣвшейся въ брызги,
Умолкнулъ.

Вмѣстѣ съ указаніемъ красотъ видимъ и недостатки. Такъ послѣдніе авторъ замѣчаетъ въ стихотвореніи «Вечеръ». «Десятокъ строфъ перечисляютъ закатъ солнца за горою, наклоненную иву и луну съ ея трепетнымъ лучомъ. На изображеніе этой неизбѣжной обстановки истратилось все чувство поэта. Картина, уже много разъ видѣнная читателями, остается пустою. Луна свѣтитъ, но ей некого освѣтить, развѣ унылую фигуру, «склоненную задумчиво на пѣнистыя волны». Лиризмъ прерывается избитыми выраженіями: «сижу задумавшись, въ душѣ моей мечты», и т. д. Въ другомъ стихотвореніи поэтъ разсуждаетъ, ходитъ вокругъ чувства, его наполняющаго, не находя формы, въ которую могъ бы отлить это чувствованіе. Въ «Тоскѣ по миломъ» дѣвица повѣствуетъ языкомъ мѣрной прозы, а затѣмъ строитъ и умозаключеніе». Въ длинномъ посланіи «Къ Нинѣ» авторъ указываетъ «прозаическое изложеніе догматовъ любви». Такъ безпристрастно относится авторъ къ эстетическимъ достоинствамъ произведеній Жуковскаго. Не менѣе удачна критика историческая.

Авторъ старательно доискивается источниковъ, изъ которыхъ черпалъ поэтъ. Онъ подробно излагаетъ романъ Шписа «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ», послужившій Жуковскому для Громобоя и Вадима. Сличеніе нѣмецкаго романа съ «Двѣнадцатью спящими дѣвами» нашего поэта убѣждаетъ, «какъ далекъ Жуковскій отъ нѣмецкаго романиста, какъ изъ непрерывной цѣпи сценъ, то ужасныхъ, то чувственныхъ и всегда грубыхъ, онъ сумѣлъ создать балладу, которая въ сравненіи съ оригиналомъ невольно поражаетъ насъ и простотою своего построенія, и изяществомъ языка, и мѣрою въ освѣщеніи выражаемаго, и выдержаннымъ тономъ, который сообщается всему разсказу правственно-религіозною мыслію, положенною въ его основаніе». Для изображенія поэтъ пользовался пріемами Гёте и Шиллера. Сличая «Кассандру» съ балладой Шиллера того же имени, авторъ указываетъ источники Шиллера и объясняетъ уклоненія Жуковскаго даже въ мелочахъ. Въ этой балладѣ поэтъ «изобразилъ весь ужасъ страданія, происходящаго отъ неимѣнія никакихъ надеждъ». Въ «Людмилѣ» и «Ленорѣ» авторъ не ограничился указаніемъ на балладу Бюргера и сличеніемъ съ этимъ непосредственнымъ источникомъ, но онъ указываетъ и народныя сказанія, послужившія Бюргеру для его баллады, равно находитъ близость «Свѣтланы» съ малороссійскими и русскими сказками. Замѣчательно интересно сочиненіе «Войны мышей и лягушекъ» съ Гомеровой «Батрахоміомахіей», съ старинной поэмой Ролленгагена и даже съ русскими лубочными картинами. Въ «Плаваніи Карла Великаго» авторъ находитъ мѣткій народный русскій юморъ, который такъ удачно

оттѣняетъ балладу Уланда. Говоря объ «Агасоерѣ», самостоятельной поэмѣ Жуковскаго, авторъ считаетъ долгомъ указать пять-шесть стиховъ, близкихъ съ Шубартомъ. Однимъ словомъ, онъ не упускаетъ изъ виду даже, повидимому, незначительныхъ мелочей, которыя въ совокупности весьма характерны и во многомъ освѣщаютъ какъ своеобразныя свойства таланта Жуковскаго, такъ и процессъ его творчества. Для цѣльности изображенія отношеній Жуковскаго къ поэтамъ чужеземнымъ, авторъ не ограничивается однимъ указаніемъ на заимствованіе, но даетъ и краткія характеристики иностранныхъ писателей въ связи съ ихъ біографіями, чѣмъ яснѣе очерчиваетъ направленіе музы нашего поэта.

Говоря объ отношеніяхъ Жуковскаго къ знаменитымъ преемникамъ его на поэтическомъ поприщѣ, авторъ касается болѣе ихъ личнаго характера и ихъ сношеній въ частной жизни. Жуковскій и Гоголь—таланты разнородные; но Пушкинъ, прямой преемникъ Жуковскаго, побудилъ автора провести нѣкоторую параллель между ученикомъ и учителемъ. Не находя въ Жуковскомъ таланта въ національномъ духѣ въ первую эпоху его дѣятельности, авторъ однако полагаетъ, что впослѣдствіи Жуковскій иногда не уступалъ Пушкину въ произведеніяхъ народнаго характера, и что во всякомъ случаѣ не шелъ за Пушкинымъ. Этотъ послѣдній, связанный уваженіемъ и дружбою съ своимъ учителемъ, всегда отдавалъ должную дань его высокому таланту: «намъ не мѣшаетъ подбирать то, что бросаютъ отъ Жуковскаго» — сказалъ онъ однажды; но онъ не избѣгъ нѣкотораго чувства соперничества, чего не замѣтно въ Жуковскомъ. Послѣдній являлся постояннымъ заступникомъ Пушкина во всѣхъ его многочисленныхъ бѣдахъ, по первому его зову: «Милый, помоги!» Гоголь познакомился съ Жуковскимъ въ пору своего душевнаго перелома, когда онъ, по собственному выраженію, «размахнулся въ своей книгѣ («Перепискѣ съ друзьями») такимъ Хлестаковымъ, что не имѣлъ духу заглянуть въ нее», и когда Жуковскій достигъ своего «тихаго счастія». Нечего и говорить, что ни Пушкинъ, ни Гоголь не имѣли той мягкости, «елейности» личнаго характера, того свѣтлаго взгляда на міръ, которые были всегда присущи Жуковскому. Безпокойный Пушкинъ и раздражительный Гоголь невольно уступаютъ передъ его величавымъ спокойствіемъ.

Всѣ факты свидѣтельствуютъ о поразительной чистотѣ свѣтлой личности Жуковскаго. Доброта его не имѣла предѣловъ. Бѣдные художники, музыканты, даже какой-то сербскій князь, всѣ искавшіе помощи, находили ее у жившаго въ Зимнемъ дворцѣ поэта; онъ тратилъ на нихъ половину своего годоваго дохода. Помочь готовъ онъ былъ всякому. Исторія не забудетъ, что при его содѣйствіи получилъ свободу Шевченко, что подъ его покровительствомъ выходилъ Кольцовъ на свою дорогу. Понятно, что сердце Жуковскаго болѣло еще болѣе за несчастіе людей близкихъ: Николай Тургеневъ многимъ обязанъ ходатайству своего друга,

сумашествіе Батюшкова не давало покоя Жуковскому. Не мало молодыхъ жертвъ тяжелаго времени получило облегченіе черезъ заступничество поэта.

Уясняя міросозерцаніе Жуковскаго, авторъ неоднократно касается движенія его политическихъ убѣжденій. Въ 1833 году «горная философія» поэта привела его къ такимъ заключеніямъ: «Средство не оправдывается цѣлью: что вредно въ настоящемъ, то есть истинное зло; никто не имѣетъ права жертвовать будущему настоящимъ и нарушать вѣрную справедливость для невѣрнаго блага... Работая безпрестанно, неутомимо, наряду со временемъ, отдѣляя отъ живого то, что оно уже умертвило, питая то, въ чемъ уже таится зародышъ жизни, и храня то, что зрѣло и полно жизни, ты безопасно, безъ всякаго гибельнаго потрясенія, произведешь или новое необходимое, или уничтожишь старое, уже безплодное или вредное. Однимъ словомъ, живи и давай жизнь; а паче всего блюди Божію правду». Такія убѣжденія не шли въ разрѣзъ съ политическимъ ученіемъ нѣкоторыхъ романтиковъ. Фохтъ также полагалъ, что «каждая нація и каждая часть свѣта должны поджидать другъ друга и приносить въ жертву всечеловѣческому союзу цѣлыя столѣтія кажущагося покоя или попятныя движенія... Ты долженъ относиться къ разумнымъ существамъ какъ къ самимъ для себя существующимъ, свободнымъ, самостоятельнымъ, отъ тебя не зависимымъ... Уважай ихъ свободу, прими съ любовію ихъ цѣли, подобно твоимъ собственнымъ. Вѣчная жизнь усвояется лишь пожертвованіемъ чувственнаго и его цѣлей закону высшему»—такъ выражаетъ философъ-романтикъ отношеніе человѣка къ Божіей правдѣ.

Подъ конецъ жизни Жуковскій сблизился съ Хомяковымъ и его славянофильскимъ кружкомъ. Общія положенія горной философіи перешли у него въ славянофильскую политическую систему. Онъ увлекся судьбой своего отечества. «Россія,—писалъ онъ тогда,—не будетъ Европа, не будетъ и Азія... Россіи нужно внутреннее не блистательное, но строго постоянное національное развитіе... Если Россія далеко отстала отъ Европы въ цивилизаціи, то въ такой же мѣрѣ сохранила вѣру въ святое... Призваніе Россіи есть возстановленіе церкви въ ея первобытной чистотѣ,—возстановленіе не мечомъ, не притѣсненіемъ, не ужасами нетерпимости, а великимъ примѣромъ вселюбящей вѣры... Россія—самобытный великій міръ, сплоченный вѣрою и самодержавіемъ въ одну несокрушимую, нынѣ вполнѣ устроенную громаду». Авторъ однако не видитъ въ усвоеніи славянофильскихъ идей отказа Жуковскаго отъ своего прошлаго. Онъ находитъ, что «многія мысли, которыя лелѣялись славянофилами, были гораздо прежде нихъ достояніемъ ума и сердца Жуковскаго. Это—вѣра въ сохранившееся въ русскомъ крестьянствѣ чувство собственнаго достоинства, которое онъ замѣтилъ во время путешествія своего по Россіи; это—глубокое убѣжденіе въ необходимости уничтоженія

крѣпостного права,--убѣжденіе, которое онъ пронесъ непоколебимо черезъ два царствованія и возрастилъ въ сердцѣ Августѣйшаго ученика своего; это—прозорливое и плодотворное сомнѣніе во всемогуществѣ учрежденій; это—признаніе неразрывности христіанской нравственности съ ученіемъ, служащимъ ея источникомъ, и такой же неразрывной связи философіи съ религіей. Съ другой стороны, Жуковскій не поддавался пасторали пережевывателей идей Руссо, которые безусловно возненавидѣли всѣ дары западнаго просвѣщенія».

Таковы были политическія убѣжденія Жуковскаго, положенныя имъ между прочимъ и въ основаніе наставленій Августѣйшему ученику своему. Авторъ беретъ также на себя трудъ разсмотрѣть педагогическія силы поэта. Весьма подробно разбирая планъ ученія Великаго князя, составленный Жуковскимъ, авторъ находитъ въ немъ «методическую народную школу въ курсѣ первомъ (отъ 8 до 13 лѣтняго возраста), а затѣмъ философскій факультетъ въ курсѣ третьемъ (отъ 18 до 20 лѣтъ) съ шестилѣтнимъ зыбкимъ интерваломъ въ срединѣ». Поэтому онъ не видитъ въ Жуковскомъ серьезнаго педагога и называетъ научныя свѣдѣнія, предложенныя въ планѣ, «гостинцами, разложенными на двѣ красивыя бомбоньерки». Жуковскій и самъ писалъ государынѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ: «съ прискорбіемъ сознаюсь, что не чувствую себя на высотѣ этой идеи». Но авторъ отдаетъ должную дань любви Жуковскаго къ Августѣйшему воспитаннику и къ дѣлу обученія его—серьезному отношенію къ принятой на себя обязанности, о чемъ свидѣтельствуетъ и молчаніе музы поэта за время обученія и громадная переписка его по этому предмету. Императоръ и императрица, преподавателемъ при которой ранѣе былъ Жуковскій, оцѣнили по достоинству труды наставника, который нашелъ во дворцѣ жизнь тихую среди любящихъ его лицъ.

Приближенный ко Двору еще въ царствованіе Александра I, Жуковскій былъ близкимъ свидѣтелемъ важныхъ событій нашей исторіи въ теченіе двухъ царствованій. Авторъ такъ характеризуетъ положеніе общества и состояніе просвѣщенія въ выдающіеся моменты этихъ царствованій: «Въ послѣдніе годы царствованія Александра I,—говоритъ онъ,—зло чувствовалось и самимъ правительствомъ, но, къ сожалѣнію, недальновидно лѣчилось средствами ложными. Послѣдовалъ цѣлый рядъ дѣйствій со стороны лицъ, ложно понявшихъ нужды отечественнаго просвѣщенія... Гоненіе было направлено на университеты, а бѣда оказалась въ столичныхъ войскахъ. Зло полупросвѣщенія принято было за зло просвѣщенія. Лучшіе люди съ умомъ свѣтлымъ и сердцемъ чистымъ умѣли только плакать, безсильно простирая руки къ милосердію, при видѣ юныхъ жертвъ полупросвѣщенія, отвозя ихъ въ дома умалишенныхъ или провожая на казнь и въ далекую ссылку... Рядомъ самыхъ сердечныхъ, настоятельныхъ заступничествъ за молодыя жертвы тяжелаго времени Жуковскій явилъ себя истиннымъ другомъ молодости, ангеломъ-хранителемъ нашего бѣд-

наго юношества, лишеннаго и серьезной школы, и просвѣщеннаго руководительства».

Переходя затѣмъ къ положенію русскаго общества въ слѣдующее царствованіе, авторъ полагаетъ, что «велико было бремя честнаго Государя, который, по выраженію поэта, такъ зорко имъ оцѣненнаго,

«На рубежѣ Европы бодро сталъ».

«Исторія показала,—продолжаетъ авторъ,—какъ непривѣтлива жизнь въ той средѣ, гдѣ, за неимѣніемъ благъ истиннаго просвѣщенія, суровая необходимость замѣняетъ его путемъ кратчайшимъ—путемъ предписаннаго долга и безразличнаго повиновенія. Первымъ примѣромъ исполненія этого долга былъ самъ юный Императоръ, руководимый единственно голосомъ доблестнаго сердца».

Въ заключеніе нашего обзора книги г. Загарина не можемъ не указать массы фактовъ частной жизни Жуковскаго, собранныхъ авторомъ изъ множества обнародованныхъ матеріаловъ для біографіи поэта, причемъ, какъ мы уже указывали, рѣдкій фактъ оставленъ безъ освѣщенія. Тутъ видимъ отношеніе поэта къ семьѣ Буниныхъ и Протасовыхъ, исторію его любви и брака, его отношенія къ многочисленнымъ друзьямъ, по большей части виднымъ русскимъ дѣятелямъ того времени.

Мы хотѣли въ нашемъ отчетѣ указать читателямъ какъ методъ, избранный авторомъ для своего сочиненія, такъ существенныя части содержанія книги г. Загарина. Много интересныхъ подробностей читатели найдутъ въ этомъ трудѣ. Характерное впечатлѣніе, производимое этою книгой—цѣльность общаго. Нѣкоторая разрозненность и несоотвѣтственность частностей, какъ намъ кажется, происходитъ отъ недоконченности труда. Однѣ части сочиненія вполнѣ обработаны, другія—впрочемъ, меньшинство—разсмотрѣны недостаточно. Объясняется это иногда отсутствіемъ матеріаловъ, въ другихъ случаяхъ, можетъ-быть, спѣшностью юбилейной работы. Поэтому хотя правильностью метода, обиліемъ фактическихъ данныхъ и вѣрностью выводовъ книга г. Загарина и удовлетворяетъ условіямъ біографіи, но, требуя нѣкоторыхъ дополненій, можетъ пока служить лишь опытомъ біографіи.

Во второмъ изданіи мы уже замѣтили нѣкоторое пополненіе пробѣловъ перваго. Надѣемся, что г. Загаринъ не оставитъ своего труда безъ дальнѣйшаго усовершенствованія и современемъ, по мѣрѣ появленія новыхъ матеріаловъ, обогатитъ нашу литературу полною біографіей «дивнаго человѣка», какъ онъ называетъ Жуковскаго.

Л.

Соціальное равенство. *Маллока* (**L'égalité sociale.** *W. H. Mallock.* 1883).

Названное сочиненіе находится у насъ въ рукахъ во французскомъ переводѣ г. Салмона. Этотъ «этюдъ о наукѣ, которой намъ недостаетъ»,

заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Его авторъ уже пріобрѣлъ извѣстность книгою, посвященною вопросу: «какова цѣнность жизни, стоитъ ли жить?»

Маллокъ начинаетъ съ наброска сцены, ежедневно повторяющейся на главныхъ улицахъ большихъ провинціальныхъ городовъ Великобританіи. У крупнаго магазина остановился блестящій экипажъ, и сидящій въ немъ богачъ составляетъ предметъ почтенія и замѣчаній торговца и проходящихъ по улицѣ. Приведемъ на эту улицу,—говоритъ писатель,—англійскаго радикала и континентальнаго демократа. Они посмотрятъ на упомянутую сцену далеко не равнодушно. Они вмѣстѣ скажутъ, что видятъ въ происходящемъ множество несправедливостей и злоупотребленій, что такому порядку вещей необходимо положить предѣлъ. Но требованія демократа съ европейскаго материка идутъ дальше стремленій великобританскаго радикала: первый настаиваетъ на всеобщемъ и полномъ имущественномъ равенствѣ.

Къ перевороту въ этомъ смыслѣ,—утверждаетъ Маллокъ,—быстро двигается современный міръ, и многимъ уже виднѣется въ туманѣ будущаго исполинская соціальная катастрофа, неслыханная въ исторіи.

До нашей эпохи, сторонники прогресса требовали только политическихъ правъ и не мечтали даже о равенствѣ въ условіяхъ частной жизни. Немногіе философы-поэты создавали системы, гдѣ давался въ воображеніи полный просторъ идеѣ равенства во всѣхъ отношеніяхъ. Теперь, наоборотъ, явною или скрытою цѣлью желаній и усилій такъ-называемой партіи прогресса является строгое, безпощадное проведеніе въ жизнь начала имущественнаго равенства, т. е. коренного измѣненія въ распредѣленіи собственности.

Это движеніе,—говоритъ Маллокъ,—растетъ въ Англіи, во всей Европѣ, въ Америкѣ. Но непосредственной опасности не существуетъ, переворотъ вовсе не можетъ еще быть признанъ неизбѣжнымъ, и поэтому можно и должно спокойно и внимательно взвѣсить всѣ обстоятельства, изучить современный порядокъ вещей и подтачивающее его движеніе. Надо,—замѣчаетъ англійскій писатель,—удалять эти чрезмѣрные страхи и чрезмѣрную увѣренность въ безопасности. Намъ необходима наука, которая освѣтила бы путь, проходимый человѣчествомъ, дала бы непоколебимое основаніе мнѣніямъ, которыя теперь такъ разнообразны и съ такою страстностью запрещаются и оспариваются. Отдѣльныя замѣчанія, вѣрныя соображенія высказывались нѣкоторыми писателями, но,—прибавляетъ Маллокъ,—именно, вслѣдствіе своей отрывочности и недоконченности, такія соображенія и замѣчанія не могли имѣть достаточно сильнаго и благотворнаго вліянія. Мы должны, наконецъ, убѣдиться,—продолжаетъ авторъ,—что старые аргументы консерваторовъ отжили свой вѣкъ, что противъ новаго теченія мысли слѣдуетъ выступать и съ новыми силами, съ новыми знаніями и доводами.

Маллокъ даетъ очеркъ принциповъ современной демократіи. Онъ оговаривается, что между демократами существуетъ большое разнообразіе, но это разнообразіе относится, по его мнѣнію, только къ практическому приложенію общихъ для всѣхъ демократовъ принциповъ, и поэтому вполнѣ возможно задаться вопросомъ: что именно общаго у Чамберлена съ Прудономъ и у Брайта съ Луизой Мишель?

Во-первыхъ, слѣдующее основное положеніе: совершенствованіе общества предполагаетъ соціальное равенство. Этимъ не хотятъ, конечно, утверждать, что совершенствованіе и равенство—одно и то же, потому что можетъ быть и равенство горькой нищеты. Демократы настаиваютъ лишь на томъ, что существующее неравенство есть злоупотребленіе и несовершенство, что при немъ немногочисленный классъ пользуется всѣми благами цивилизаціи, а большинство населенія не имѣетъ даже удовлетворительнаго хлѣба, одежды и жилища. Существующія въ этомъ отношеніи между демократами различія состоятъ въ выборѣ средствъ для достиженія цѣли и въ большей или меньшей увѣренности, что цѣль эта можетъ быть вполнѣ достигнута.

Второе положеніе, общее всѣмъ демократамъ, заключается въ слѣдующемъ: неравенство не только не совершенство, съ теоретической точки зрѣнія, но и практически устранимое зло, главныя причины котораго состоятъ въ общественной организаціи.

Демократы,—говорятъ Маллокъ,—не рѣшаются утверждать, что желаемое ими равенство должно осуществиться на основаніи дознанныхъ законовъ развитія. Никогда и нигдѣ въ исторіи такого равенства не существовало. Но въ основѣ разсужденій демократовъ лежитъ мысль, что измѣненія въ учрежденіяхъ измѣняютъ строеніе общества,—иными словами, глубокое различіе между руководящими классами и руководимыми, между богатыми и бѣдными, производительными и непроизводительными,—нуждаются въ законахъ и государственныхъ формахъ, это различіе освящающихъ и укрѣпляющихъ. Отсюда слѣдуетъ, что большинство можетъ въ интересахъ равенства, то-есть своихъ собственныхъ, кореннымъ образомъ измѣнить законодательство и государственныя формы. Вся эта аргументація резюмируется въ слѣдующемъ силлогизмѣ: природа общества зависитъ отъ учрежденій; учрежденіе можно перемѣнить,—слѣдовательно, возможно перемѣнить природу общества.

Маллокъ утверждаетъ, что это умозаключеніе не основывается на историческомъ опытѣ и никогда и нигдѣ не было провѣрено опытнымъ путемъ. Такъ какъ равенство, къ которому стремятся демократы, есть прежде всего равенство имущественное, то существующій порядокъ вещей, съ ихъ точки зрѣнія, заключаетъ въ себѣ несправедливое отношеніе между производствомъ и распредѣленіемъ богатства. Несправедливость же эта обусловливается признаніемъ труда единственнымъ творцомъ имущества.

Это положеніе,—говоритъ Маллокъ,—и по историческимъ, и по логическимъ основаніямъ является краеугольнымъ камнемъ демократической теоріи. Критикой этого-то положенія,—прибавляетъ англійскій писатель,—и должно начинать и кончать опроверженіе демократическихъ воззрѣній.

Маллокъ пускается въ психологическія опроверженія того взгляда, по которому человѣкъ имѣетъ естественную потребность, влеченіе къ труду; но эти опроверженія не заключаютъ въ себѣ ничего выдающагося и грѣшатъ въ основаніи, потому что именно современная психо-физіологія неотразимо доказала, что трудъ есть требованіе здороваго организма, что правильная работа ведетъ къ совершенствованію человѣка, а праздность есть явленіе болѣзненное, влекущее за собою вырожденіе племени. Маллокъ пространно доказываетъ, что трудомъ руководятъ мотивы, что ничѣмъ не вызванная дѣятельность есть нелѣпость, какъ будто такую нелѣпость защищаютъ опровергаемые имъ демократы. Нѣтъ ничего новаго и въ утвержденіи Маллока, что мотивы человѣческой дѣятельности образуются подъ сложнымъ вліяніемъ характера человѣка и окружающихъ условій.

Англійскій мыслитель приступаетъ затѣмъ къ построенію «истинной» соціальной науки. Такъ какъ,—говоритъ онъ,—желанія людей различны, ихъ способности также, то необходимо соотвѣтствующее разнообразіе во внѣшнихъ благахъ, которыя люди пріобрѣтаютъ. Еслибы дарованіе и самолюбіе вознаграждались въ одинаковой степени съ лѣностью и глупостью, то всѣ люди сдѣлались бы одинаково лѣнивыми и глупыми. Это совершенно справедливо; но только какое же ученіе опровергается такимъ доводомъ? Люди, утверждающіе, что трудъ творитъ богатство, нисколько не задѣты основательнымъ, хотя и безполезнымъ замѣчаніемъ, что лѣность, т. е. отсутствіе труда, никакого богатства не производитъ.

Справедливо вооружаясь противъ такого строя, гдѣ различіе въ индивидуальныхъ желаніяхъ и способностяхъ будетъ сглажено, гдѣ исчезнутъ Колумбы и Мильтоны,—Маллокъ указываетъ на то, что неравенство въ дарованіяхъ и стремленіяхъ людей обусловливается ихъ неравнымъ соціальнымъ положеніемъ. И эта мысль подлежитъ существенному ограниченію. Вопреки Маллоку, легко видѣть, что люди одинаковаго соціальнаго положенія обнаруживаютъ и совершенно различныя способности, и прямо противоположныя наклонности, и наоборотъ.

Наука, которой намъ недостаетъ,—говоритъ наконецъ Маллокъ въ пятой главѣ своего сочиненія,—есть наука о человѣческомъ характерѣ. На этотъ дѣйствительно важный пробѣлъ въ нашихъ знаніяхъ давно уже указывали мыслители; но существованіе этого пробѣла объясняется чрезвычайною трудностью его наполненія. Посмотримъ, какія новыя данныя сообщитъ намъ Маллокъ.

Онъ основательно возстаетъ противъ Бокля и Герберта Спенсера, которые отрицаютъ значеніе великихъ людей, не придаютъ выдающимся

дарованіямъ отдѣльныхъ личностей никакого серьезнаго значенія. Критическія замѣчанія Маллока отличаются на этотъ разъ пылкостью и силою. И въ концѣ этихъ замѣчаній онъ приходитъ къ слѣдующему выводу: всякій производительный трудъ, который превосходитъ необходимое удовлетвореніе насущныхъ потребностей, всегда мотивируется *желаніемъ соціальнаго неравенства* (The desire for social inequality). Другими словами, человѣкъ добивается во всѣхъ подобныхъ случаяхъ или богатства, или общественнаго возвышенія. А любовь не можетъ развѣ подвинуть человѣка на такой трудъ? Филантропъ, отдавшій все свое состояніе, всѣ силы своей души на устраненіе причинъ и послѣдствій соціальнаго неравенства, тоже, стало-быть, дѣйствуетъ подъ вліяніемъ *желанія соціальнаго неравенства?*

Маллокъ самъ задаетъ себѣ сходные съ поставленными нами вопросами и отвѣчаетъ на нихъ слѣдующимъ образомъ. Онъ не утверждаетъ, что *всякое* дѣйствіе человѣка внушается стремленіемъ къ неравенству, а только такія дѣйствія, которыя называются *производительнымъ трудомъ* (какъ будто воздвигнуть зданіе для безпріютныхъ дѣтей не есть, напримѣръ, производительный трудъ). Маллокъ перечисляетъ тѣ отрасли дѣятельности, гдѣ мотивъ неравенства не участвуетъ: это—наука, искусство, дѣла благотворительности, религіозная пропаганда. Устраняя послѣднюю, какъ не имѣющую ничего общаго съ производительнымъ трудомъ, въ экономическомъ смыслѣ слова, Маллокъ говоритъ, что и благотворительность имѣетъ въ виду уменьшеніе нищеты, а не увеличеніе богатства. Въ произведеніяхъ искусства, которыя являются дѣйствительно орудіями богатства, участвуютъ и другіе мотивы, помимо стремленія къ соціальному неравенству. Маллокъ сознается въ этомъ, хотя и отрицаетъ важность этого исключенія въ практическомъ отношеніи, ибо художники часто руководятся тщеславіемъ, погоней за богатствомъ и т. п. Наконецъ, въ области научнаго изслѣдованія, англійскій писатель признаетъ господство болѣе возвышенныхъ побужденій къ производительному труду. Истинный ученый отличается «простою жизнью, высокою мыслью». Маллокъ можетъ только оговориться такимъ образомъ: чисто научное открытіе вовсе не совпадаетъ съ производительнымъ трудомъ. Да; но это открытіе, какъ онъ и самъ признаетъ, можетъ произвести полный переворотъ въ техникѣ любого производства. Нельзя не согласиться съ другимъ замѣчаніемъ Маллока: къ чистому стремленію раскрыть истину въ жизни ученаго примѣшивается и то стремленіе, которое нашъ авторъ называетъ желаніемъ соціальнаго неравенства. Повсюду,—утверждаетъ Маллокъ,—это послѣднее желаніе не только не заключаетъ въ себѣ нечего унизительнаго, но, наоборотъ, является вполнѣ законнымъ и полезнымъ. Во всякомъ случаѣ однако между цѣлью стремленій ученаго или артиста, съ одной стороны, и цѣлью производительнаго труда (въ тѣсномъ смыслѣ слова) съ другой стороны, будетъ глубокое различіе: ученый и артистъ

ищутъ славы, а производительный трудъ—богатства. Затѣмъ на многихъ десяткахъ страницъ Маллокъ разсуждаетъ на тему извѣстнаго вольтеровскаго изреченія: «Le superflu—chose très nécessaire». Меньшинство, по его мнѣнію, творитъ богатство; неравенство въ соціальномъ положеніи обусловливаетъ цивилизацію, ея прогрессъ. Разстояніе между бѣдными и богатыми никогда не можетъ значительно сблизиться, и день этого сближенія, этого общественнаго уравненія былъ бы днемъ гибели для просвѣщенія и благосостоянія націи. Но счастье вовсе не находится въ прямой зависимости, въ полномъ соотвѣтствіи съ количествомъ имущества человѣка, и бѣдный нерѣдко счастливѣе богача, не зная тѣхъ тревогъ и горя, отъ которыхъ страдаютъ въ роскошныхъ дворцахъ, въ пышной обстановкѣ. Нищета прискорбна,—говоритъ Маллокъ,—но неравенство отнюдь не прискорбно. Зло заключается въ томъ, что у многихъ не удовлетворены насущныя потребности человѣческой природы, а не въ томъ, что всѣ иныя потребности удовлетворены у однихъ въ большей, у другихъ въ несравненно меньшей степени.

Книга Маллока, не составляющая, вопреки увѣренію автора, никакого переворота въ наукѣ, заслуживаетъ тѣмъ не менѣе внимательнаго прочтенія и заключаетъ въ себѣ, на ряду съ жесткими заявленіями и ошибочными взглядами, не мало справедливыхъ соображеній.

Рабочіе классы въ Европѣ. *Рене Лаволле* (Les classes ouvrières en Europe. Etudes sur leur situation matérielle et morale. *René Lavollée*. 2 v. Paris. 1882).

Въ обширномъ сочиненіи Рене Лаволле (французскаго консула) собраны и обработаны свѣдѣнія о положеніи рабочихъ классовъ въ Германіи, Голландіи, Скандинавскихъ государствахъ, Швейцаріи, Италіи, Бельгіи, Австро-Венгріи, Испаніи, Португаліи и Россіи. Нашему отечеству изъ 800 почти страницъ этого труда отведено только 40 страницъ.

Сочиненіе Лаволле служитъ новымъ доказательствомъ того глубокаго измѣненія, которое совершается въ общественномъ сознаніи европейскаго Запада и въ экономической наукѣ. Авторъ выступаетъ рѣшительнымъ противникомъ соціалистическихъ утопій и въ то же время открыто высказывается и противъ теоріи laissez faire, laissez passer. Отношенія между предпринимателями и рабочими,—говоритъ онъ,—не могутъ быть предоставлены свободной игрѣ соперничества частныхъ интересовъ, и равнодушіе къ судьбѣ рабочихъ классовъ является преступнымъ и опаснымъ, потому что создаетъ благопріятныя условія для разрушительной пропаганды. Соціальный вопросъ,—утверждаетъ Лаволле,—со всѣхъ сторонъ тѣснитъ и волнуетъ насъ. Отъ него мы страдаемъ, отъ него, быть-можетъ, и погибаемъ.

Авторъ пользовался многочисленными источниками и представляетъ весьма интересную картину положенія рабочихъ классовъ въ названныхъ

странахъ. Въ главѣ, посвященной Германіи, Лаволле долго останавливается на теоріяхъ и практической дѣятельности нѣмецкихъ соціалистовъ.

Для русскаго читателя особый интересъ представляютъ главы, въ которыхъ говорится о рабочихъ въ Швеціи, Норвегіи и Даніи, такъ какъ положеніе этихъ нашихъ сосѣдей извѣстно намъ едва ли не менѣе, чѣмъ положеніе Бразиліи или австралійскихъ колоній.

Приведемъ нѣсколько цифръ: Швеція есть страна по преимуществу земледѣльческая и лѣсная. Въ 1873 году изъ общаго числа 4.298.000 жителей на долю земледѣльческаго класса приходилось слишкомъ три милліона, а на фабрикахъ, заводахъ, рудникахъ и т. д. работало только немногимъ болѣе 150.000 (собственно на фабрикахъ менѣе 50.000 ч.). Всѣхъ фабрикъ въ Швеціи считалось въ 1872 году 2.356, сумма производства которыхъ опредѣлялась въ 173 милліона франковъ. Въ 1871 году изъ 713.000 дѣтей школьнаго возраста лишь около 19.000, по разнымъ причинамъ, вовсе не обучались. Въ Норвегіи, въ 1865 году, земледѣліемъ жило 1.035.000 ч., фабричною, заводскою и ремесленною промышленностью—241.400 ч., остальными профессіями—407.500 ч. *) На фабрикахъ занималось менѣе 7.000 челов. въ 1850 году, болѣе 44.000 въ 1875 году (кромѣ того 14.000 на рудникахъ и малолѣтнихъ 20.000 городскихъ ремесленниковъ). Школъ существовало семь лѣтъ тому назадъ 6.396. Изъ 270.780 дѣтей, которыя должны были обучаться, не посѣщало школъ лишь 4.769. Данія приближается уже къ строю Германіи, Франціи и другихъ европейскихъ странъ съ сильно развитою обрабатывающею промышленностію.

Матеріалъ, которымъ пользовался Лаволле, не одинаковаго достоинства. Кромѣ того, многія статистическія данныя, приводимыя въ сочиненіи, нѣсколько устарѣли. Но въ общемъ это изслѣдованіе положенія рабочихъ классовъ представляетъ значительный интересъ.

В. Гольцевъ.

---

*) Общая сумма населенія поднялась въ 1877 г. до 1.925.000 ч.

Редакторъ **С. Юрьевъ.**
Редакторъ-издатель **В. Лавровъ.**

Группа всадниковъ скрылась за поворотомъ дороги, и Радзивилъ обратился къ Букштѣ съ приказаніемъ:

— Когда голубчика доставятъ, пусть его тотчасъ же приведутъ ко мнѣ. Будетъ онъ у меня помнить!

Нужно замѣтить, что Радзивилъ не столько сердился на Тимка за оборванные шлейфы, за отдавленныя ноги, сколько за его самозванство,—за то, что онъ назвалъ себя шляхтичемъ. Послѣднее возмутило его до глубины души. Такой поступокъ онъ считалъ заслуживающимъ самаго суроваго наказанія, со всѣми отягчающими обстоятельствами. Ему хотѣлось показать этому мужику общество, куда тотъ хотѣлъ проникнуть, хотѣлось возбудить въ немъ сожалѣніе объ этомъ обществѣ. Безъ сожалѣнія кара, къ которой онъ приговорилъ его, была бы неполна.

Поговоривши съ Букштой, Радзивилъ обратился къ домнѣ:

— Соизвольте войти, любезная и уважаемая теща, въ тѣ покои, которые ваша любезность предоставила въ распоряженіе мое и моей жены.

Онъ подалъ домнѣ руку; домна вошла, за ней—княгиня, домница, дамы, по порядку, смотря по положенію ихъ отцовъ или мужей. Князь провелъ гостей въ обширную комнату, что прежде была монастырскою столовой, а теперь обратилась, благодаря своимъ украшеніямъ, въ рыцарскую залу. Вдоль комнаты тянулись диваны, лавки и стулья. Хозяинъ усадилъ домну на почетномъ мѣстѣ; княгиня сѣла сбоку, домница по другую сторону, остальныя дамы размѣстились по другимъ сидѣньямъ. Мужчины заняли средину комнаты.

— Разступитесь!—раздался громкій голосъ въ дверяхъ.

— Хмельницкій!—пробѣжало въ толпѣ.

Нѣкоторыя дамы при этихъ словахъ поблѣднѣли, въ томъ числѣ и Розанда. Всѣ съ тревогой смотрѣли на входныя двери, около которыхъ образовалось свободное мѣсто для прохода плѣнника и его стражи. Стража подвигалась серединой комнаты. Дворяне и свита Радзивила заслоняли ее такъ, что она прошла уже домну, сбоку которой стояли Радзивилъ, Мирскій и прочіе. Вотъ наконецъ всѣ разступились, стража могла идти свободно; вотъ она остановилась, отошла назадъ и плѣнникъ, со скрученными назадъ руками, предсталъ предъ лицо Радзивила.

— А-а-а!—протянулъ послѣдній.— Что это? Вы? Вы? Какимъ образомъ?

— Падаю къ ногамъ вашего сіятельства, къ самымъ ногамъ!—проговорилъ плѣнникъ и склонился, насколько ему позволяли его узы.

— Гдѣ же тотъ... тотъ негодяй, самозванецъ... Хмельницкій?

— Бросилъ меня на дорогѣ, а самъ...

— Убѣжалъ, что ли?

— Покинулъ меня голоднаго и жаждущаго...

— Ахъ!—князь махнулъ рукой и саркастически спросилъ:—болѣе голоднаго или жаждущаго?

— Вы узнаете о томъ, ваше сіятельство, когда дадите мнѣ ѣсть и пить.

— Развязать его! Напоить и накормить!—громко сказалъ князь и сдѣлалъ знакъ стражѣ удалиться.

Панъ Краска (то былъ онъ), низко кланяясь, попятился къ дверямъ, гдѣ и исчезъ, къ великому успокоенію встревоженныхъ дамъ и домницы.

ГЛАВА IX.

Приключенія пана Краски.

Итакъ, первый дебютъ Тимка въ большомъ свѣтѣ былъ неудаченъ; хорошо еще, что ему удалось спасти свою шкуру. Не извѣстно, какую судьбу готовилъ ему Радзивилъ. Гнѣвъ князя былъ великъ и изъ него могли возникнуть самыя печальныя послѣдствія, тѣмъ болѣе, что его ничто не сдерживало. Значеніе Радзивила во главѣ большой арміи на Волошской землѣ равнялось значенію капитана на кораблѣ въ открытомъ морѣ. Люди, подчиненные ему, зависѣли безусловно отъ его воли,—отъ воли, которая управлялась единственно капризною фантазіей. Положеніе Тимка сразу стало весьма забавнымъ. Ему ничего не оставалось дѣлать, какъ пустить себѣ пулю въ лобъ (по теперешнимъ понятіямъ), или удрать (по понятіямъ тогдашнимъ). Онъ и удралъ. Но—нужно сказать въ его оправданіе—онъ сдѣлалъ это не по собственному побужденію. Возвратившись съ турнира домой, онъ почти задыхался отъ гнѣва, хотя и не зналъ, на кого или на что онъ злится.

— Триста чертей! — повторилъ онъ, иногда употребляя вмѣсто трехсотъ „три тысячи", и, конечно, съ соотвѣтственнымъ выраженіемъ.

Произнося такія пріятныя слова, онъ непремѣнно дождался бы прихода княжескихъ гайдуковъ, еслибы надъ нимъ не бодрствовалъ добрый духъ въ лицѣ пана Краски и Данилы Кривоноса. Панъ Краска передалъ, чтò произошло, а Кривоносъ, въ свою очередь, далъ совѣтъ.

— Съ тобой случилось въ Яссахъ то же самое, точка въ точку, чтò со мной въ Сорокѣ, только немного на иной манеръ. Мнѣ, какъ видишь, сошло съ рукъ задаромъ, а почему?—потому, что я, не долго думая и не дожидаясь, пока мнѣ накладутъ въ шею, показалъ Радзивилу пятки. Вотъ и ты, Тимко, сдѣлай то же самое.

— О, чтобъ ему три тысячи чертей!—злился Тимко.

— Э, твои ругательства ни въ чемъ не помогутъ! Мой совѣтъ тебѣ—удирай поскорѣе.

— Развѣ такъ?... Эй,—крикнулъ Тимко прислужнику,—сѣдлай коней, да живо! Слышишь?

— Сейчасъ, сейчасъ...

— Да чтобъ это „сейчасъ" было покороче, если ты не хочешь, чтобъ я тебѣ голову свернулъ на сторону... Чтобъ одна нога была здѣсь, другая тамъ. Сѣдлать, вьючить, собираться въ дорогу! Черезъ минуту и слѣдъ нашъ долженъ простыть... О насъ послѣ вотъ панъ Краска разскажетъ.

— Съ какой же стати я-то буду разсказывать? Нѣтъ, ужь, пожалуйста, увольте!—запротестовалъ панъ Краска.

— Останьтесь здѣсь, пане... На кой дьяволъ намъ такую тушу!

— Нѣтъ, нѣтъ! Вотъ тебѣ еще на! Да я... я отъ самого вельможнаго ротмистра приставленъ здѣсь.

— Куда?

— Учить Тимка хорошему обращенію въ свѣтѣ.

— Хорошо же вы его выучили, коли онъ дамамъ всѣ ноги отдавилъ и юпки пооборвалъ!... Что касается юпокъ, то тутъ еще не велика бѣда, а ноги, а?... Съ ногами-то и я, хоть меня ни одинъ Краска не училъ, обхожусь такъ, что не отдавливалъ ихъ никогда.

— Ну, ужь это пошло не отъ моей науки.

— А отъ чьей же, позвольте спросить? Ха-ха-ха! Отъ моей, что ли?

— Не отъ моей.

— Вотъ, заладилъ одно и то же... Вы его такъ выучили, что ему въ Валахію и носа показать нельзя.

— Ну?...

— Что-жь, коли между волошками пойдетъ слава о ногахъ? Что-жь, онѣ ноги для того имѣютъ, чтобъ имъ молодые люди отдавливали ихъ?

— Да не моя же тутъ вина! — съ отчаяніемъ вскрикнулъ панъ Краска.

— Да чья же?

— Такъ, просто случилось...

— Случилось за тѣмъ, чтобы вы за это своей шкурой расплатились.

— Ну, ужь, пожалуйста!... Это черезчуръ много.

— Э, да что тутъ толковать попусту!... Радзивилу нужно что-нибудь бросить на добычу, какъ волкамъ бросаютъ поросенка... Вы какъ разъ подходите къ этому, потому и останетесь.

— Ни за что, ни за что!—отмахивался руками Краска. — Нѣтъ, ѣду и я.

Онъ съ этими словами выскочилъ изъ палатки и началъ торопливо сѣдлать свою лошадь въ дорогу. Кривоносъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ съ ядовитой усмѣшкой. Всѣ приготовленія были окончены необычайно быстро. Не долѣе какъ черезъ полчаса шесть человѣкъ, не включая въ это число пана Краску, выѣзжали изъ обоза.

Двое изъ нихъ вели подъ узцы навьюченныхъ коней. Впереди ѣхали Тимко и Кривоносъ: первый—мрачный, злой, молчаливый, второй—съ миной беззаботнаго человѣка, вовсе не думающаго ни о какихъ послѣдствіяхъ. Кривоносъ слегка покачивался на сѣдлѣ и тихонько насвистывалъ какую-то пѣсенку, отъ времени до времени поправляя висѣвшую черезъ плечо флягу, изъ которой струился крѣпкій ароматъ алкоголя. Она видимо мѣшала ему, и онъ, поправляя ее, оборачивался кое-когда и изъ подлобья, насмѣшливо, посматривалъ на пана Краску, что̀ ѣхалъ позади Тимка и выказывалъ полнѣйшее недовольство.

Кучка всадниковъ спустилась съ горы, проѣхала городъ, миновала рогатку и достигла пункта, откуда дороги развѣтвлялись на всѣ стороны свѣта, за исключеніемъ одной, и ее-то Кривоносъ избралъ для себя и своихъ спутниковъ. Черезъ эту рогатку люди выѣзжали и въ Седмиградъ, и въ Сучавы, и въ Черневицы, и въ Каменецъ; она называлась Сучавской. Только Сорокская дорога начиналась въ другомъ мѣстѣ. Кривоносъ все-таки вывелъ своихъ товарищей черезъ сучавскую рогатку и когда всѣ отъѣхали отъ нея саженей на триста, круто поворотили направо, въ поле, и объѣхали городъ съ сѣверо-западной стороны. Все это заняло часъ времени. Вотъ и Сорокская дорога, но и ту Кривоносъ перерѣзалъ и пустился по бездорожью. Дѣлалось это для того, чтобы сбить съ толку погоню. Кривоносъ хотѣлъ направить её на двѣ дороги, а самъ ѣхать по третьей, извѣстной подъ именемъ Бѣлгородской, потому что она вела въ городъ Бѣлгородъ, переименованный турками въ „Акъ-керманъ". Какъ видно, турки въ дѣлѣ переиначиванія городскихъ названій были предшественниками, а можетъ-быть—кто знаетъ—и учителями нѣмцевъ. Что тѣ дѣлали въ XVI вѣкѣ, то другіе дѣлаютъ въ XIX, придерживаясь того же самаго правила, т. е. или переводя, или измѣняя по-своему. Какъ турки переименовали Бѣлгородъ въ Аккерманъ, Шумны въ Шумлу, Свистово въ Шистовъ, такъ нѣмцы перекрестили Дологоръ въ Таленбергъ, Турунь въ Торнъ, Гнѣзно въ Гнезенъ и т. д. Но дѣло не въ томъ. Обратимся вновь къ Кривоносу и его товарищамъ. Послѣ различныхъ хитрыхъ пріемовъ, чтобы скрыть свои слѣды, они очутились въ оврагѣ, могущемъ укрыть не одинъ десятокъ людей и лошадей.

— Ну, здѣсь и ночуемъ,—скомандовалъ Кривоносъ своей маленькой дружинѣ.—Огня у меня не зажигать, громко не говорить, не каш-

лять, не чихать, и если кони будутъ ржать, зажать имъ ротъ... Завтра чуть свѣтъ—въ дорогу.

Солнце начинало заходить. Короткіе лучи еще пробивались сквозь верхушки деревьевъ, но внизу уже сгущался мракъ. Прислужники разнуздали коней, ослабили подпруги и навязали имъ торбы съ овсомъ, а господа тѣмъ временемъ разлеглись подъ деревьями, на мягкой подстилкѣ прошлогоднихъ листьевъ.

— Э... хе-хе,—вздохнулъ Кривоносъ,—вотъ и дотанцевались! Вмѣсто того, чтобы сидѣть на мягкихъ диванахъ, слушать цыганскую музыку, облизываться на чернобровыхъ волошекъ, да изъ золотыхъ кубковъ попивать сладкое вино, сидимъ мы теперь на мокрыхъ листьяхъ... Такъ-то все на этомъ свѣтѣ, чортъ бы побралъ!

Панъ Краска утвердительно кивнулъ головой.

— Тимко нахмурился, точно дождливая ночь... Ляхи говорятъ, что вино помогаетъ горю... Какъ вы скажете?

— Правда,—согласился панъ Краска.

— Вина нѣтъ, за то есть горѣлка.

Панъ Краска сладострастно облизнулся.

— Тимко, слышишь ты, какіе разговоры ведемъ мы съ паномъ Краской? Слышишь, что ли, или глухимъ притворяешься?... Молчитъ... Вѣрно, младшая господаревна сильно голову ему вскружила, вотъ онъ и думаетъ о ней... Залилъ бы червя горѣлкой?... Ну, что-жъ дѣлать, коли не хочетъ, мы и безъ него выпьемъ... Пожалуйте-ка, панъ Краска!

Кривоносъ взялъ флягу, ототкнулъ оба отверстія сбоку, потянулъ изъ одного и отдалъ флягу пану Краскѣ.

Панъ Краска откашлялся, сплюнулъ въ сторону и взвѣсилъ на ладонѣ флягу.

— Что, тажела?—спросилъ Кривоносъ.

— Не особенно.

— Въ рукахъ-то она не тяжела, а коли попадетъ въ голову, такъ не то скажете... Предупреждаю васъ, тяните потихоньку.

Панъ Краска сдѣлалъ большой глотокъ.

— Однако, горло у васъ хорошее, дай Богъ вамъ здоровье! Только, повторяю, помните о себѣ... Эй, слуги, подите сюда, обмочите морду тоже!

Слуги подошли и почтительно приложились къ фляжкѣ, прежде чѣмъ она вновь не очутилась въ рукахъ Кривоноса. Тотъ заткнулъ пробки, положилъ флягу между собой и паномъ Краской и медленно провелъ рукой по длиннымъ усамъ.

— Вотъ что я скажу вамъ,—обратился онъ къ своему сосѣду:— еслибъ не горѣлка, плохо людямъ было бы на свѣтѣ... Повѣситься пришлось бы, ей-богу! Горѣлка хороша при всякомъ случаѣ: веселъ

ты—пей,—веселья еще больше будетъ; грустенъ—пей,—горе уменьшится; объѣлся—пей,—пища переварится лучше; голоденъ — опять пей,—голодъ забудешь... Такъ, или нѣтъ?

Панъ Краска, вмѣсто отвѣта, началъ жмурить глаза.

— Кажется, у васъ глаза слипаются. Выпейте—пройдетъ.

— Нѣтъ... что же... благодарю васъ,—легко сопротивлялся панъ Краска.

— Совѣтую вамъ по-пріятельски.

— Можетъ быть...

— Что тамъ—можетъ быть! Не можетъ быть,—нужно, необходимо.

— Развѣ что изъ вашихъ рукъ.

— Э, хоть въ путешествіи оставьте церемоніи въ покоѣ, въ особенности въ такомъ путешествіи, когда мы бѣжимъ, какъ зайцы. Зайцы не церемонятся, панъ Краска!

Убѣжденіе это подѣйствовало на пана Краску. Онъ взялъ баклажку, вынулъ одну пробку, приставилъ отверстіе ко рту, тянулъ, тянулъ и въ изнеможеніи поставилъ посуду на земь.

— Ну, что же?—спросилъ Кривоносъ, искоса посматривая на эти упражненія.

— Чортъ его знаетъ,—отвѣтилъ панъ Краска, задумчиво осматривая кругомъ баклагу.

— Попробуйте-ка еще...

Еще проба—и такая же безплодная, несмотря на бóльшія усилія.

— Какъ теперь?

— Не идетъ...

— А, ну—еще.

Панъ Краска, поболтавши слегка баклагу и убѣдившись, что тамъ еще довольно жидкости, снова поднялъ ее кверху и приставилъ ко рту.

— Добились?

— Да нейдетъ же, говорю вамъ!

— Гм...—покачалъ головой Кривоносъ.—Я вижу, почтеннѣйшій, что вы легко справились бы съ соской, еслибы вамъ ее въ ротъ всунуть, а съ баклагой не знаете, какъ обращаться.

— Да я-то почомъ знаю?

— Въ томъ-то и дѣло, что не знаете... Попробуйте-ка вылить на земь.

— Жалко...

— Попробуйте, попробуйте,—ничего!

Панъ Краска повернулъ отверстіе баклаги внизъ и, къ его великому изумленію, жидкость не потекла.

— А, чтò вы скажете, хитрая штука?

— Не льется.

— Видите тамъ... ту, другую пробочку?

— Вижу... Что-жь изъ того?

— Выньте ее.

Панъ Краска безмолвно исполнилъ приказаніе.

— А теперь приставьте губы.

— Къ обоимъ?

— Попробуйте къ обоимъ... Посмотримъ, какъ пойдетъ дѣло.

Дѣло пошло такъ, что въ ротъ пана Краски хлынулъ такой потокъ горѣлки, что когда онъ попытался проглотить жидкость, часть пошла въ горло, часть направилась въ носъ и черезъ носовой каналъ нашла себѣ выходъ наружу. Бѣдный гувернеръ подавился; глаза его налились кровью и, казалось, вотъ-вотъ вылѣзутъ вонъ. Онъ хотѣлъ удержаться, но никакъ не могъ, давился, кашлялъ, сопѣлъ и ежеминутно извергалъ фонтаны то изъ носа, то изо рта.

— Эге... Вотъ тебѣ на!—кричалъ Кривоносъ.—Тпрру! Голубчикъ, что съ вами?

Ничего не помогало. Бѣдный Краска такъ комически метался изъ стороны въ сторону, такъ морщился и издавалъ неясные какіе-то звуки, что даже угрюмое лицо Тимка освѣтилось улыбкой.

— Видишь вотъ, какъ расходился,—сказалъ Кривоносъ Тимку.— И котъ не съумѣетъ такъ сдѣлать, когда ему носъ начинятъ чемерицей... Ляхъ коли начнетъ играть, то бѣда.

— Панъ Краска, панъ Краска,—кричалъ Тимко,—запейте водой!

Но панъ Краска былъ недостижимъ ни для какого слова.

— Водой!—заворчалъ Кривоносъ. — Откуда тутъ воды взять! Къ водѣ-то люди идутъ, а мы сами отъ людей бѣжимъ. Вотъ, Богъ дастъ, дождемся утра, тогда и до воды доберемся. Тогда ужь недостатка въ водѣ не будетъ.

— Да,—согласился Тимко.—Прутъ, потомъ Сорока.

— А ты думаешь, что нашъ путь идетъ на Сороку?

— А то какъ же?

— Вотъ это было бы недурно!... Лучше вернуться прямо въ Яссы и отдаться въ руки господарской стражѣ... Да ты пойми: насъ по Сорокской дорогѣ погоня будетъ искать.

— Ну... развѣ?

— Мы переберемся на Бѣлгородскую дорогу.

— А съ ней, окольными путями, свернемъ на Сорокскую?

— И поѣдемъ себѣ спокойно до Аккермана.

— Да коли я не хочу ѣхать въ Аккерманъ!—протестовалъ Тимко тономъ избалованнаго ребенка.

— А позволь спросить, куда же ты хочешь?

— Въ Чигиринъ.

— Ты ошалѣлъ, кажется, ей-богу! Тебя подстароста спроситъ: гдѣ отрядъ, а ты что скажешь?... Замѣть еще, что въ Чигиринѣ

мы можемъ найти новаго старосту, а къ нему, по всей вѣроятности, дойдутъ уже письма отъ Радзивила, писанныя такими буквами, отъ которыхъ голова твоя сразу слетитъ съ плечъ.

— Эхъ!—нетерпѣливо перебилъ Тимко.

— Или не такъ?

— Что мнѣ тамъ голова!

— А спина?... О головѣ ты не заботишься, хорошо,—кто заботится о ней,—ну, а спина—дѣло другое... Только въ Сѣчи не стыдно, коли палками отъ пятъ до затылка вздуютъ,—на то она и Сѣчь,—а въ Чигиринѣ не такъ... Вотъ что.

Тимко глубоко вздохнулъ.

— Я знаю, чтò тебя въ Чигиринъ тянетъ: русая коса, да черные глаза,—тянетъ теперь тѣмъ болѣе, что съ волошками все дѣло испортилъ... Но... покуда голова у человѣка на своемъ мѣстѣ сидитъ, потуда она и нужна для того, чтобы соображать и думать... Да, наконецъ, что тутъ толковать долго. Отецъ...

— Прогналъ,—перебилъ молодой человѣкъ,—прогналъ, чтобъ отдалить меня...

— Отъ русой косы и черныхъ очей молодой польки. Эка, велика бѣда! Ты въ Яссахъ убѣдился, что не одна она на свѣтѣ.

— Такъ что же?

— Остался бы среди волошекъ, еслибъ имъ ногъ не поотдавилъ.

— Ну, это еще вопросъ, остался ли бы.

— А еслибы молодая господаревна тебѣ пальчикомъ только поманула, такъ ты бы въ Бахлюй бросился, пожалуй.

Тимко только рукой махнулъ. Бахлюй—это скверная, грязная рѣчонка, протекающая черезъ Яссы. Не велика важность вываляться по уши въ грязи!

А панъ Краска въ то время обрѣтался въ позѣ не менѣе забавной, чѣмъ предыдущая: освободивши всѣ свои дыхательные каналы отъ докучливой влаги, онъ теперь переводилъ духъ, т. е. запрокинулъ голову назадъ, прижмурилъ глаза и неистовымъ образомъ сопѣлъ носомъ.

— Сопитъ, собака проклятая, ляхъ!—тихонько пробормоталъ Кривоносъ.

— Да перестаньте же, наконецъ, панъ Краска!—уговаривалъ Тимко, но совершенно безплодно.

— А вы выкушайте еще глотокъ горѣлки, — посовѣтовалъ Кривоносъ.

— Нѣтъ, ужь будетъ!—горячо началъ отказываться панъ Краска.

— Отчего же... будетъ?

— Охъ, и такъ скверно!

— Горѣлка, — воскликнулъ Кривоносъ тономъ великаго недоумѣнія,—горѣлка можетъ произвести какое-нибудь скверное дѣйствіе?! Если она и не поможетъ, то ужь и не повредитъ никогда, только не нужно ее пить изъ двухъ дырокъ. Не она виновата, что вы захлебнулись, а вы сами. Попробуйте только потянуть изъ одной дырки и сами увидите, какъ у васъ на сердцѣ легче станетъ... Нате-ка, попробуйте.

Онъ такъ чистосердечно говорилъ, такъ предупредительно подалъ ему баклажку, что панъ Краска не нашелъ силы отказаться, приложилъ баклажку къ губамъ и потянулъ.

— Ну, что?

Панъ Краска, вмѣсто отвѣта, только головой мотнулъ.

— Не правда ли, точно рукой сняло?

Дѣйствительно, панъ Краска сразу почувствовалъ себя легче, утеръ усы и глубоко вздохнулъ.

— Какъ теперь?—опять спросилъ Кривоносъ.—Вотъ вы раздѣлались съ вашими непріятностями, значитъ болѣе ничего не остается, какъ закусить, да и на-боковую. Закусокъ-то у насъ не особенно много, а все, глядишь, что-нибудь въ торокахъ найдется.

Онъ позвалъ одного изъ пажей и приказалъ принести всю пищу. Вскорѣ на травѣ появились деревянныя миски съ сыромъ, солониной, ветчиной; пажъ потомъ принесъ краюху хлѣба, горсть соли, пучокъ луку и чесноку и отошелъ въ сторону.

— О, да тутъ больше, чѣмъ нужно!—замѣтилъ Кривоносъ.—Намъ ужь не до деликатесовъ, а все-таки.... Панъ Краска, придвигайтесь поближе!

Панъ Краска не заставилъ себя долго просить. Тимко присѣлъ тоже. Кривоносъ досталъ изъ кармана складной ножъ, нарѣзалъ хлѣба, накрошилъ мелкими кусками копченую свиную лопатку и принялся за ѣду съ аппетитомъ, въ которомъ его товарищи не уступали. Панъ Краска потягивалъ изъ баклаги сначала осторожно, потомъ все смѣлѣй и смѣлѣй.

— Пейте, пейте,—поощрялъ его Кривоносъ.—Горѣлка вреда не принесетъ.

— Только хватило бы ея,—замѣтилъ панъ Краска.

— Какъ, вы находите, что можете выпить всю баклагу сразу?

— Нѣтъ, не то... Передъ нами такая длинная дорога.

— Э, не загадывайте о завтрашнемъ днѣ! Сегодня—наше, что будетъ завтра—увидимъ... Ваша очередь.

Послѣдствія такого угощенья скоро сказались: панъ Краска началъ сгибаться подъ бременемъ своихъ трудовъ; голова его опустилась на грудь; онъ тревожно ёрзалъ по травѣ; когда хотѣлъ сказать что-нибудь, то издавалъ неясные звуки; наконецъ наклонился, свалился на бокъ и захрапѣлъ.

— Мы тутъ долго отдыхать не будемъ,—сказалъ Кривоносъ Тимку.—Вздремнемъ немного и, какъ только покажется полуночная звѣзда, опять въ путь.

— Трудно справиться съ нимъ будетъ,—указалъ Тимко на Краску:—когда онъ заснетъ пьяный, его не добудешься.

— Мы его оставимъ здѣсь.

— Что?

— На кой онъ тебѣ чортъ нуженъ?

— Онъ-то мнѣ не нуженъ, но... это будетъ выглядывать какъ-то не особенно хорошо.

— Обуза... Мы бѣжимъ, скрываемся... И что тутъ дурного, если мы дадимъ ему хорошенько выспаться!—отвѣтилъ Кривоносъ, подкладывая кулакъ подъ голову и потягиваясь.—Вотъ обозлится ляхъ, когда проснется! Мы ему въ утѣшеніе оставимъ баклагу; теперь онъ ужь знаетъ, какъ обращаться съ пробками,—не подавится.

Тимко не отвѣчалъ ничего. Вскорѣ въ лѣсу воцарилась тишина, прерываемая только храпѣньемъ спящихъ, да топотомъ стреноженныхъ лошадей.

Время проходило, полночь наступила скоро. Вотъ запѣли пѣтухи вдали и разбудили лѣсное эхо. Кривоносъ сразу вскочилъ на ноги, встряхнулся, посмотрѣлъ сквозь листья на небо и промолвилъ самому себѣ: „пора уже".

Проснувшіеся отъ его толчковъ козаки начали торопливо сѣдлать коней, за исключеніемъ коня пана Краски,—тотъ такъ и остался подъ деревомъ. Когда все было готово, Кривоносъ разбудилъ и Тимка. Черезъ часъ шесть всадниковъ и двѣ лошади безъ сѣдоковъ перерѣзали Сорокскій трактъ, выѣхали въ зáросли на противуположномъ берегу рѣки и тропинками начали пробираться къ Бѣлгородскому тракту, держась отъ него всегда въ нѣкоторомъ разстояніи и не выѣзжая на торную дорогу. Кривоносъ ѣхалъ впереди, указывая дорогу съ опытностью, обличающей большое знакомство со всякими тропинками, оврагами и болотами, поросшими тростникомъ. Никто не могъ бы догадаться, что среди этихъ тростниковъ, обиталища дикихъ кабановъ, водяныхъ птицъ да милліардовъ комаровъ, маленькая кучка людей подвигается впередъ какъ по битой дорогѣ. Даже болѣе: пробираясь этимъ бездорожьемъ, Кривоносъ еще сокращалъ дорогу, которая была бы значительно длиннѣе, еслибъ онъ держался твердаго грунта. Темнота ночи ни мало не мѣшала ему,—онъ только нѣтъ-нѣтъ да поглядывалъ на звѣзды. Но вотъ и звѣзды начали мигать, блѣднѣть, наконецъ погасли совсѣмъ и на краю горизонта показался огненный шаръ солнца.

Въ это время панъ Краска, мирно почивавшій на травѣ, перевернулся на другой бокъ, плюнулъ, открылъ глаза, потянулся и заснулъ

вновь. Заснулъ, но не надолго,—утренній холодокъ давалъ себя чувствовать. Панъ Краска свертывался въ клубокъ, натягивая полы жупана на спину, конечно съ ущербомъ для нижнихъ частей тѣла, которыя тѣмъ сильнѣй обнималъ холодъ. Еслибъ онъ могъ приблизить колѣна къ бородѣ, дѣло, можетъ-быть, пошло бы лучше. Онъ и пробовалъ, нагибалъ голову, вбиралъ въ себя брюхо, чуть не сломалъ спину,—все напрасно. Холодъ дѣлалъ свое дѣло и дошелъ до того, что панъ Краска поднялся, сѣлъ и повелъ вокругъ налитыми кровью глазами, точно искалъ чего-нибудь. Онъ, дѣйствительно, искалъ, чѣмъ бы прикрыться,—искалъ, искалъ и наконецъ нашелъ. На передней лукѣ его лошади висѣла епанча его, пана Краски, широкая, теплая, удобная епанча. Сѣдло покоилось на войлокѣ, который при случаѣ тоже могъ бы сослужить роль одѣяла, но епанча была все-таки лучше. Она занимала все вниманіе пана Краски; онъ всталъ, охнулъ,—его что-то кольнуло въ бокъ,—снялъ епанчу съ сѣдла, накинулъ ее на плечи и началъ высматривать мѣсто, удобное для отдыха.

Еслибъ не эти несчастные поиски, то онъ, вѣроятно, соснулъ бы еще, но, оглядываясь кругомъ, онъ вдругъ увидалъ что-то такое, что поразило его великимъ недоумѣніемъ, заставило разинуть ротъ и выпучить глаза.

— Что такое?—воскликнулъ онъ.—Гдѣ же... они?

Панъ Краска съ досадой искалъ своихъ товарищей.

— Да гдѣ-жь они? Что за дьявольщина!

Онъ не вѣрилъ собственнымъ глазамъ и сначала подумалъ, что, благодаря какому-то странному стеченію обстоятельствъ, отдѣлился отъ товарищей, которые гдѣ-то здѣсь, въ лѣсу, находятся и по сихъ поръ.

„Можетъ-быть они для спанья выбрали другое какое-нибудь мѣсто?"—думалъ онъ, стараясь проникнуть взоромъ въ лѣсную глушь.

Онъ никакъ не могъ отдѣлаться отъ первой своей догадки и убѣдился въ ней еще болѣе, когда его взглядъ упалъ на лежащую на травѣ баклажку.

„Это непремѣнно штуки бездѣльника Кривоноса! О, негодяй!... Однако ему не удастся... Скажите, баклажку забылъ! А я вотъ съ нимъ тоже устрою штуку—лягу и покажу видъ, что какъ будто ихъ удаленіе вовсе не произвело на меня никакого дѣйствія".

Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Панъ Краска улегся и покрылся епанчей. Подъ епанчей такъ тепло, такъ хорошо!... Онъ непремѣнно заснулъ бы, еслибъ не какое-то странное безпокойство. Кромѣ того, вчерашняя попойка оставила послѣ себя не особенно пріятное воспоминаніе,—его страшно мучила изжога.

— О, мерзавецъ Кривоносъ!—восклицалъ бѣдный панъ Краска.

Онъ и самую изжогу приписывалъ Кривоносу.

— О, Господи ты, Боже мой!

Вдругъ пана Краску осѣнила счастливая мысль. Онъ поднялся, пододвинулъ къ себѣ баклажку, долго пытливымъ взоромъ смотрѣлъ на пробки, потомъ ототкнулъ ихъ и приставилъ сосудъ съ живительною влагой къ устамъ. Буль, буль, буль...

— Ахъ!—съ облегченіемъ произнесъ онъ, отнимая, наконецъ, баклагу.

Ему сразу сдѣлалось легче. Онъ легъ, но скоро поднялся вновь, потому что ему пришла мысль повторить бесѣду съ баклажкой, затѣмъ еще и еще... и, наконецъ, панъ Краска заснулъ мирнымъ сномъ. Когда онъ проснулся, солнце уже довольно высоко стояло надъ горизонтомъ, былъ уже девятый часъ утра. Тѣ же самыя предположенія пана Краски побудили его къ тѣмъ же дѣйствіямъ и привели къ тѣмъ же результатамъ. Панъ Краска напился вновь и вновь уснулъ. Послѣ новаго пробужденія,—третьяго по порядку,—онъ, наконецъ-то, догадался, что былъ покинутъ, брошенъ, какъ старая, негодная вещь. Солнце страшно палило, панъ Краска вспотѣлъ и не чувствовалъ ни малѣйшаго желанія спать. Изжога палила его внутренности, въ горлѣ пересохло, безпокойство за свою участь дошло до крайней степени. Онъ не зналъ, что начать дѣлать, и искалъ вдохновенія въ баклагѣ. Ему казалось, что вотъ-вотъ его голову осѣнитъ какая-нибудь блестящая мысль; онъ пошелъ ее разъискивать въ лѣсу, но тамъ не отыскалъ ничего, кромѣ мухоморовъ и волчьихъ ягодъ. Наконецъ, тропинка привела его къ дорогѣ, у которой онъ и остановился. Прошло нѣсколько минутъ. Вдругъ панъ Краска вздрогнулъ,—ему послышался конскій топотъ.

„Это они!“—рѣшилъ онъ, подперся въ бокъ лѣвою рукой и ждалъ. Но, увы, то были драбанты господаря, которые, какъ увидали его, такъ и бросились, словно лютые звѣри. Пана Краску возмутило подобное обращеніе; онъ хотѣлъ было сопротивляться, но долженъ былъ уступить грубой силѣ, тѣмъ болѣе, что не могъ говорить съ разбойниками ни на какомъ языкѣ—ни по-русски, ни по-польски, ни по-латыни. Они связали его и увезли съ собой. Что случилось далѣе, читатель уже знаетъ изъ предъидущей главы.

ГЛАВА X.

Предсказаніе цыганки.

На сколько насъ ни интересуетъ личность пана Краски, мы все-таки разстанемся съ нею, тѣмъ болѣе, что, за исключеніемъ нѣсколькихъ пинковъ, которыми угостили его драбанты, особенно дурного съ нимъ ничего не приключилось, и вернемся къ нашимъ путешественникамъ,— бѣглецамъ вѣрнѣе.

Они были и путниками, и бѣглецами въ одно и то же время: бѣглецами потуда, покуда попирали ногами землю господаря Лупулу,—путниками, какъ скоро перейдутъ на территорію буджакскихъ татаръ.

Буджакъ значитъ уголъ. Край этотъ получилъ свое названіе вѣроятно потому, что находится между Дунаемъ и Чернымъ моремъ и напоминаетъ собою уголъ. Здѣшніе татары считались подданными турокъ. Султанъ считался верховнымъ повелителемъ, держалъ здѣсь „кулюки", т. е. крѣпости, вооруженные замки, и de jure правилъ, хотя управляемый имъ народъ разсыпался какъ песокъ при первомъ дуновеніи вѣтра. Татары кочевали въ обширныхъ степяхъ, лежащихъ между устьями двухъ рѣкъ, составляющими границы этихъ степей, но эти границы существовали только для вида. Подвижное населеніе переправлялось черезъ нихъ, заходя съ одной стороны за Днѣстръ, въ такъ называемыя Дикія Поля, съ другой—въ Валахію, которая, благодаря этому, хорошенько не знала, гдѣ именно проходитъ ея юго-восточная граница. Такая же неопредѣленность существовала какъ по отношенію теперешней Молдавіи (Валахія тогдашняя), такъ и Бессарабіи. Не было сдѣлано даже попытокъ поставить пограничные столбы,—это вовсе не помогло бы дѣлу. Татары, когда солнце выжигало ихъ пастбища, направлялись, куда глаза глядятъ. Для нихъ было совершенно безразлично, находились ли тѣ страны внутри демаркаціонной линіи или за нею,—подобнаго рода понятія о правѣ были чужды имъ. Они просто шли и удаляли препятствія съ дороги, если кому-нибудь приходила охота ставить ихъ. Однимъ изъ такихъ пунктовъ былъ востокъ, который они считали своимъ. Кто былъ въ состояніи разрушить это убѣжденіе съ помощью оружія, тому они и уступали.

Волошскіе господари не всегда были въ состояніи прибѣгнуть къ помощи такихъ аргументовъ, поэтому татары и не особенно церемонились съ ихъ собственностью. Они искали пастбищъ, а пастбища и нынѣ въ тѣхъ мѣстахъ считаются общимъ достояніемъ, во время же нашего повѣствованія и подавно считались таковыми. Свободно и безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти, большія и меньшія шайки татаръ, старыхъ, молодыхъ, дѣтей, женщинъ, врывались въ чужія владѣнія, выбирали себѣ болѣе удобное мѣсто, разбивали шалаши, строили минареты для муэззина и оставались до тѣхъ поръ, пока ихъ стада не уничтожатъ всю траву въ окрестностяхъ. Недостатокъ травы былъ сигналомъ новой перекочовки. Шайка собирала стада, упаковывала пожитки на скрипучія телѣги и двигалась далѣе—на востокъ или на западъ, на сѣверъ или югъ, куда ей заблагоразсудится. Направленіе движенія почти ни отъ чего не зависѣло, иногда отъ какого-нибудь слуха, иногда изъ Аккермана отъ какого-нибудь мурзы являлся гонецъ съ приказомъ и скакалъ черезъ степь отъ одного кочевника къ другому. Рѣдко бывало, чтобъ этотъ приказъ не предписывалъ нападеніе

на польскія земли. Въ такомъ случаѣ все, что могло носить оружіе, направлялось въ сборный пунктъ, остальные же, то-есть старики, женщины и дѣти, шли назадъ, подальше отъ пограничной линіи. Поэтому случалось такъ, что одно время окрестности Барлада и Тикича то кишѣли татарскими поселеніями, то совершенно освобождались отъ нихъ.

Нашимъ бѣглецамъ было весьма важно знать, въ какомъ положеніи стоятъ теперь дѣла. Отъ того, находятся ли татары въ Валахіи или нѣтъ, зависѣла большая или меньшая степень ихъ безопасности во время путешествія. Въ послѣднемъ случаѣ имъ представила бы нѣкоторое затрудненіе переправа черезъ Прутъ, рѣчку, разливающуюся лѣтнею порой отъ таянія снѣговъ въ горахъ, гдѣ она брала свое начало. Разлитіе происходило вдругъ, сразу. Вода поднималась такъ быстро, что иногда въ теченіе одной ночи совершенно измѣняла картину всего окружающаго. Гдѣ съ вечера можно было перейти въ бродъ, тамъ на утро необходимы были для переправы лодки. Трудность увеличивалась еще тѣмъ, что рѣка протекаетъ посреди недоступныхъ болотъ и трясинъ. Пониже Цецоры, правда, есть нѣсколько удобныхъ пунктовъ, но они всѣ находятся подъ присмотромъ: тамъ что ни шагъ — поселеніе, а нашимъ бѣглецамъ показываться туда было не особенно выгодно. „Одинъ злой человѣкъ поборетъ двухъ добрыхъ“, а кто знаетъ, въ какой пропорціи могло свалиться на нихъ зло, если господарское повелѣніе схватить ихъ опередило прибытіе ихъ въ Фальчѣ или Леовѣ.

„Береженаго и Богъ бережетъ“—таково было мнѣніе Кривоноса, какъ только вопросъ о переправѣ потребовалъ разрѣшенія, а потребовалъ онъ скоро, при первомъ же ночлегѣ въ болотахъ.

Поэтъ жалуется на мухъ и гиппопотамовъ въ Египтѣ:

„Еслибы не мухи, не гиппопотамы!“

Наши путники могли бы измѣнить это такъ: „Еслибъ не комары!“

Ахъ, комары!... Эти насѣкомыя извѣстны съ дурной стороны во всей Европѣ, но всей ихъ надоѣдливости, всей злобы, всей кровожадности и не знаетъ европеецъ, если не имѣлъ съ ними дѣла въ долинахъ, спускающихся къ устьямъ Дуная. Комары страшны въ долинѣ Припети, немилосердно кусаются во всемъ Подлясьи, но боятся, по крайней мѣрѣ, дыма. Въ окрестностяхъ Дуная окуриваніе нисколько не помогаетъ; помогъ бы огонь, еслибы человѣкъ могъ временно превратиться въ саламандру. Огня они не пробили бы, но дымъ пробиваютъ и сквозь густѣйшіе клубы ухитряются проникнуть къ человѣческой крови. Горе человѣку, который, отдавшись сну, выставитъ имъ на жертву какую-нибудь часть тѣла. Иначе поступать невозможно, какъ герметически закрывши ноги, руки, голову, все тѣло, вѣрнѣе— обречь себя на задушеніе. Люди, живущіе въ болотахъ, устраиваютъ

себѣ постели въ корзинахъ, обтянутыхъ тонкой, но частою тканью, пропускающею воздухъ, но не проницаемою для комаровъ, наши же путешественники лишены были возможности прибѣгнуть къ помощи такого средства. Первый ночлегъ ихъ былъ чистымъ мученіемъ. Цѣлая ночь прошла въ неустанной борьбѣ съ комарами,—борьбѣ жестокой и неблагодарной, которая въ концѣ концовъ такъ измучила всѣхъ, что когда взошло солнце, они заснули, вмѣсто того, чтобъ ѣхать далѣе. Комары не нападаютъ при свѣтѣ солнца. Наши путники проспали почти до полудня. Кривоносъ проснулся первый и началъ понукать козаковъ сѣдлать лошадей.

— Ну, живо!—кричалъ онъ.—До захода солнца еще проѣдемъ мили двѣ.

— А потомъ?—спросилъ Тимко.

— А потомъ остановимся на ночь.

— Такъ же, какъ и сегодня?

— Что-жь дѣлать. Козачья жизнь ужь такова: обороняйся и защищайся отъ всего... Вотъ мы бѣжимъ отъ Радзивила, а на насъ нападаютъ комары.

— Выѣдемъ изъ этого проклятаго болота!—крикнулъ Тимко.

— Нельзя выѣхать-то.

— Долго это будетъ продолжаться?

— Дня два, пожалуй.

— Да насъ комары совсѣмъ заѣдятъ.

— Вотъ еще!... Мы сильнѣй ихъ.

— А ихъ больше.

— Вѣрно. Терпи козакъ, атаманомъ будешь.

— Не велико утѣшеніе. Я предпочиталъ бы ночевать въ открытой степи.

— Будешь и въ открытой степи,—дай только перебраться на правый берегъ Прута.

— Переберемся сегодня. Прутъ долженъ быть недалеко отсюда.

— Недалеко... Еслибъ у меня были семимильные сапоги, такъ ступилъ бы шагъ и Прутъ плылъ бы между моими ногами; да что-жь дѣлать, если такихъ сапогъ нѣтъ!

— Еслибъ мы пошли прямо къ Пруту, то достигли бы берега черезъ какихъ-нибудь два часа.

— То, да не то. Достигли бы мы не берега Прута, а дна болота, если у болота есть дно. Говорятъ, что когда человѣкъ тонетъ въ болотѣ, то не такъ, какъ въ водѣ—бултыхъ, и пузыри пошли на верхъ,—но идетъ внизъ и годъ, и два, и три, все идетъ, до скончанія вѣка.

— Такъ говорятъ?—заинтересовался Тимко.

— А ты развѣ не слыхалъ объ этомъ?

Тимко только пожалъ плечами.

— Не знаю только, какъ выкарабкаешься изъ болота, когда архангельская труба всѣхъ людей позоветъ на страшный судъ. Какъ жаль, что мы бросили пану Краску!

— Отчего?

— Онъ—умный такой. Вотъ онъ намъ и разсказалъ бы, что будетъ съ тѣми, которыхъ свѣтопреставленіе застанетъ на сто, на тысячу саженъ въ глуби болота. Что, они выберутся оттуда, или останутся на вѣки вѣчные?... Что ты думаешь объ этомъ?

Тимко не былъ въ состояніи разрѣшить эту задачу.

— Не знаешь?... И я не знаю.— Кривоносъ при этомъ сѣлъ на коня. — Ну, будь, что будетъ, а мнѣ все-таки, хотя бы даже и для опыта, не хотѣлось бы тонуть въ болотѣ. Поѣзжайте за мной гуськомъ.

Онъ оглянулся вправо и влѣво и поѣхалъ впереди. За нимъ двинулся Тимко, за Тимкомъ—козаки и пажи. Дорога шла болотистой мѣстностью, покрытою кочками. При каждомъ конскомъ шагѣ кочки выжимали изъ себя воду, хотя все-таки давали нѣкоторую точку опоры, тогда какъ сбоку кони вязли по колѣна въ иловатомъ, вязкомъ грунтѣ. Бѣдныя животныя страшно утомлялись. Черезъ полчаса Тимко первый соскочилъ на земь.

— Чортъ бы побралъ!—выругался онъ.—Лошадь жаль.

— Что-жь ее жалѣть? Не отецъ она тебѣ,—замѣтилъ Кривоносъ.

— Отецъ не отецъ, а все созданіе Божіе.

— Оно и сотворено на то, чтобы носить на спинѣ человѣка. Небойсь, оно не пожалѣло бы меня, еслибъ я долженъ таскать его на спинѣ.

— Почомъ ты знаешь?

— Да ужь знаю... Ой!

Конь Кривоноса оступился и глубоко завязъ въ грязь. Кривоносъ тоже соскочилъ, ухватилъ его за поводья, чмокнулъ и вытащилъ лошадь.

— Чуть было онъ меня не утопилъ. И вышла бы глупая штука. Я предпочитаю погибнуть на полѣ битвы, на висѣлицѣ, на колу, только не въ болотѣ, куда, вслѣдъ за мной, и вы отправились бы непремѣнно.

— А теперь мы не потонемъ?—спросилъ Тимко.

— Нѣтъ, выкарабкаемся какъ-нибудь... Теперь передъ нами самое трудное мѣсто; скоро выберемся на твердый грунтъ. Нужно только совсѣмъ приготовиться къ дорогѣ.

Онъ снялъ обувь и нижнюю часть платья, остальную подобралъ кверху и перевязалъ поясомъ. То же самое сдѣлали и прочіе.

— Ну,—весело воскликнулъ Кривоносъ,—теперь мы готовы! Недостаетъ только того, чтобъ попали на свадьбу.

— На свадьбу?... На чью?—спросилъ одинъ изъ козаковъ.

— А ты не знаешь, кто справляетъ свадьбу въ болотахъ?

— Тьфу! Исчезни, провались!—отплюнулся козакъ и осѣнилъ себя крестомъ.—Еще что выдумалъ.

— Ты, братъ, не бойся. Черти, когда солнце свѣтитъ, прячутся, какъ зайцы въ вербахъ и лозинахъ. А впрочемъ они меня знаютъ, и я ихъ знаю.

Козаки и пажи крестились, не обращая вниманія на завѣренія Кривоноса, и недовѣрчиво оглядывались вокругъ, прислушиваясь къ громкому крику водяныхъ птицъ. Всѣ молчали,—говорить никому охоты не было. Вдругъ кто-то громко крикнулъ.

— Ай, ай!

Кривоносъ громко расхохотался.

— Ага, конская пьявка укусила!

Всѣ обратили вниманіе на свои ноги и нашли ихъ сплошь покрытыми черными пьявками.

— Господи, Боже мой!—раздался общій крикъ.

— Это ничего, ничего!—утѣшалъ Кривоносъ.—То пьявки обыкновенныя. Когда кусаетъ обыкновенная пьявка, то вовсе не больно, а тебя вотъ укусила конская, потому ты и завизжалъ. Дурного отъ того ничего не будетъ,—поболитъ, поболитъ да и пройдетъ. Развѣ такія боли проходятъ? Когда тебѣ всыпятъ сотню батоговъ, тогда болитъ не такъ, какъ отъ одной пьявки, хотя бы даже и конской. Что, или не правда?

Никто не спѣшилъ съ отвѣтомъ. Всѣ шли въ молчаніи и только черезъ часъ кучка бѣглецовъ выбралась на почву менѣе вязкую.

— Надѣюсь, у насъ больше не будетъ такой переправы?—спросилъ Тимко.

— Можетъ-быть будетъ и еще хуже, а то пожалуй можно и совсѣмъ выйти изъ болота.

— Такъ выйдемъ лучше.

— Гм... Прямо передъ нами лѣса, за лѣсами Бирладъ, а за Бирладомъ...—Кривоносъ задумался.—Э, попробуемъ!... Или панъ, или пропалъ. Ляхи говорятъ, что все равно, за одну ли ногу тебя повѣсятъ, за двѣ ли. Если татары кочуютъ тамъ, то наша попытка удастся, а если не кочуютъ...—Онъ прищелкнулъ языкомъ и кивнулъ головой.

— Если не кочуютъ?—переспросилъ Тимко.

— Нужно думать, что наши въ Яссахъ такъ гуляютъ, такъ пируютъ, что забыли о насъ.

Кривоносъ началъ одѣваться и, когда всѣ были готовы, сѣлъ на коня.

— За мной!—крикнулъ онъ.

Болото простиралось не болѣе какъ на полчаса ѣзды. Вскорѣ показался лѣсъ, гдѣ, по заходѣ солнца, наши путники нашли безопас-

ное и спокойное пристанище. Зажгли костеръ. Вотъ ужъ два дня, какъ не видали они огня, и потому легко представить ихъ радость при видѣ веселыхъ языковъ пламени, охватывающихъ кучу хвороста. Повеселѣлъ даже сумрачный Тимко. Тутъ уже не было запрета говорить громко, даже пѣть пѣсни, если есть на то охота, лошадямъ не мѣшали ржать, сколько имъ угодно. Людямъ охота пѣть не приходила, но лошади, какъ только ихъ разсѣдлали, начали валяться по травѣ, стричь ушами и ржать. По лѣсу пошло громкое эхо.

— Ого!—сказалъ одинъ изъ козаковъ.—Это не безъ причины.

— Чуютъ кони,—добавилъ другой.

И правда, едва онъ сказалъ это, какъ эхо принесло отголосокъ конскаго ржанія. Неподалеку кто-то былъ еще. Кривоносъ напрягъ слухъ и наморщилъ брови.

— А!—сказалъ онъ, указывая пальцемъ направленіе,—это тутъ... цыганскій таборъ.

— Цыганскій?—спросилъ Тимко.

— Да... Развѣ кони не ржутъ по-цыгански? Оно и хорошо. Вотъ и узнаемъ все. Грицко!—крикнулъ онъ одному изъ козаковъ,—пойди, достань кого-нибудь, приведи сюда „языка“ *).

Грицко не особенно охотно всталъ отъ костра и потягивался. Кривоносъ давалъ ему наставленія.

— Иди туда... вотъ такъ... Тутъ скоро нападешь на дорогу, перейдешь ее и все иди впередъ. Дальше ужь по запаху найдешь.

— Ну, и что-жь дальше?—спросилъ Грицко.

— Какъ что дальше? Намъ нужно добыть кого-нибудь, кто бы намъ все разсказалъ, что тутъ дѣлается вокругъ. Это тебѣ въ первый разъ, что ли?

— А ихъ тамъ можетъ-быть много?

— Такъ что-жь?

— А я одинъ.

— Важная штука... Пошелъ, пошелъ!

Козакъ почесалъ спину, кивнулъ головой и пошелъ въ указанномъ направленіи, откуда скоро вновь послышалось цыганское ржаніе.

Читатели наши, вѣроятно, недоумѣваютъ, что такое значитъ цыганское ржаніе? Развѣ конское ржаніе такъ же разнится, какъ человѣческая рѣчь? Съ недоумѣніемъ этимъ соглашаемся и мы и не можемъ объяснить, какъ Кривоносъ могъ узнать въ конскомъ ржаніи цыганскую рѣчь. Однако онъ не ошибся. Грицъ пошелъ въ указанномъ направленіи, вышелъ на лѣсную дорогу, перерѣзалъ ее и вскорѣ достигъ цыганской банды, расположившейся на небольшой полянкѣ. Нѣсколько телѣгъ, разставленныхъ полукругомъ, служило основаніемъ

*) „Языкъ“—человѣкъ, могущій дать свѣдѣнія о положеніи непріятельскаго стана.

для ряда полотняныхъ шатровъ. Передъ шатрами горѣли костры съ навѣшанными котелками. Неподалеку отъ костровъ расположилось и все населеніе табора, начиная отъ грудныхъ младенцевъ до дряхлыхъ стариковъ, въ безпорядкѣ, который можно было бы назвать поэтическимъ, еслибы не лохмотья и грязь, обильно украшавшіе каждое существо. Правда, темная ночь придавала всему фантастическій оттѣнокъ; во мракѣ лохмотья казались фестонами, яркія металлическія бездѣлушки, какими цыгане украшаютъ себя, сверкали, точно драгоцѣнные каменья, черныя очи цыганокъ свѣтились, какъ раскаленные уголья. Все это могло сбить съ толку кого угодно, только не Грица, которому и въ голову не приходило разсматривать фестоны и яркія очи. Его занимало болѣе другое, занималъ его „языкъ", за которымъ онъ собственно явился. Грицъ долго разглядывалъ, въ какомъ положеніи находятся вещи, потомъ тихо поползъ по травѣ, но вскорѣ измѣнилъ своему первоначальному намѣренію, выпрямился, громко кашлянулъ и пошелъ прямо по направленію къ цыганскому табору.

Кашель Грица обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Тѣ, что сидѣли, повернули головы въ его сторону, лежавшіе поднялись; изъ шатровъ высовывались любопытныя мужскія и женскія лица, дѣти прятались, только одна старая, сгорбленная старуха, сидѣвшая около костра, не пошевельнулась. Какъ пристально смотрѣла она въ огонь, такъ и осталась въ такомъ же положеніи. Молчаливая, она, казалось, слѣдила за языками пламени, лижущаго вѣтви костра, надъ которымъ висѣлъ котёлъ съ закипающею водой. Она молчала, пока Грицъ не приблизился совсѣмъ. Тогда она движеніемъ руки остановила начинающееся волненіе въ таборѣ. Всѣ умолкли. Одни сѣли, другіе легли по-прежнему, всѣ успокоились, точно подъ вліяніемъ какой-то тайной силы.

Грицъ пошелъ прямо на нее и проговорилъ какое-то привѣтствіе. Старуха медленно подняла очи на пришельца, оглядѣла его съ головы до ногъ и движеніемъ руки указала мѣсто около себя. Козакъ нѣкоторое время колебался; наконецъ, успокоенный царствующей вокругъ безмятежностью, опустился на земь.

— Я къ тебѣ, тетка, пришелъ не со злыми намѣреніями.

— Я ждала тебя,—перебила цыганка.

— Ждала... меня?—переспросилъ удивленный донельзя Грицъ.

— Пріѣхали вы на осьми коняхъ,—продолжала, смотря въ огонь, цыганка,—ночуете недалеко отсюда. Восемь лошадей.

Козакъ внимательно поглядѣлъ на нее. Онъ что-то соображалъ и потомъ проговорилъ, вполовину про себя:

— Восемь коней... Они ржали одинъ за другимъ. Ты слышала ржаніе и сосчитала.

Цыганка тоже посмотрѣла на него изподлобья. Въ глазахъ ея мелькнула молнія гнѣва,—козакъ угадалъ причину ея ясновидѣнія. Фокусъ не удался. Грицъ продолжалъ:

— Ты слышала конское ржаніе, слышали и мы. Вотъ мы догадались, что Господь посылаетъ намъ сосѣдей, я и пришелъ привѣтствовать васъ.

— О, не съ однимъ привѣтствіемъ!—отпарировала цыганка.

— Нѣтъ, нѣтъ... Къ сосѣду коли не за огнемъ, то за водою,—отвѣтилъ Грицъ пословицею.

— У васъ ни въ огнѣ, ни въ водѣ недостатка нѣтъ.

— Нѣтъ... У насъ недостатка, благодаря Бога, нѣтъ ни въ чемъ, только...

— Ну?—нехотя спросила старуха.

— Намъ недостаетъ знанія того, что будетъ впереди.

— Эге!—Цыганка кивнула головой и начала раскачивать ею вправо и влѣво, произнося слова на-распѣвъ: — Я знаю, что вамъ недостаетъ этого, знаю, потому-то и ждала тебя.

— Поворожи, тетка.

Цыганка помолчала минуту.

— Хорошо, поворожу: на огнѣ, на водѣ, на чеснокѣ...

— На ладони, по звѣздамъ...—добавилъ Грицъ.

— На ладони, по звѣздамъ...—повторила и цыганка и пробормотала подъ носъ что-то непонятное.

— Такъ пойдемъ,—продолжалъ Грицъ,—по-волѣ, если только нѣтъ охоты идти по-неволѣ. У насъ достаточно пистолетовъ и самопаловъ. Есть среди насъ молодой барчукъ, которому хочется знать, что ждетъ его въ жизни: счастье ли великое, или горести, невзгоды, преждевременная смерть. Вотъ онъ, какъ до нашихъ ушей дошло цыганское ржаніе, и послалъ меня къ тебѣ, тетка.

Цыганка вздохнула и произнесла:

— И барчукъ явился мнѣ здѣсь,—она указала глазами на огонь.— Видѣла и его за минуту до того такъ же, какъ вижу тебя теперь. Чернобровый...

— Да,—утвердительно кивнулъ головой Грицъ.

— Чернобровый и красивый.

— Да.

— Тоскуетъ по немъ, вздыхаетъ, дѣвушка.

— Не одна даже,—вставилъ козакъ.

— Одна больше всего.

— Господаревна, развѣ.

— Знаю я. О, знаю!... — продолжала все на-распѣвъ цыганка. — Видѣла его, видѣла и ее. Она любовью своею держитъ его и отпустить не можетъ. Хотѣла бы, да не можетъ.

Цыганка выпытывала у козака то, что могло послужить ей за матеріалъ будущихъ предсказаній.

— Его зовутъ...

— Тимко,—подсказалъ Грицъ.

— Такъ, такъ... Тимко... Это онъ самый и есть.

— Пойдемъ же, тетка.

Цыганка подняла взоръ къ небу, горѣвшему звѣздами.

— Зашла уже, зашла... та звѣзда.

Она отвернулась отъ огня и что-то проговорила, обращаясь къ своимъ. Тотчасъ же поднялся съ земли одинъ цыганъ, нырнулъ подъ шатеръ и скоро вышелъ обратно съ торбою въ рукѣ и двумя палками — короткой и длинной — въ другой. Цыганка охая поднялась на ноги, напялила на себя одежду и пошла впередъ, указывая дорогу Грицю и цыгану съ торбой. Она не спрашивала, куда идти,—ее безошибочно велъ инстинктъ, какъ ведетъ лѣсныхъ звѣрей. Черезъ заросли, черезъ поваленныя деревья она шла напрямикъ, вскорѣ очутилась у костра нашихъ бѣглецовъ и остановилась, облокотившись обѣими руками на свою длинную палку.

— Ахъ!—крикнулъ Кривоносъ, какъ только увидалъ ее. — Тьфу! Цыганка! Точнехонько смерть, что намалевана въ чигиринской церкви. И за коимъ лихомъ она здѣсь?

— Будетъ ворожить,—многозначительно отвѣтилъ Грицъ, занимая свое старое мѣсто.

Кривоносъ сразу догадался, въ чемъ дѣло.

— Ну, хорошо,—сказалъ онъ:—коли ворожить, такъ ворожить... Пусть она напророчитъ намъ поблизости татарскій кочевникъ. Татары далеко?

— Почемъ я знаю?—отвѣтила цыганка.

— Кто же лучше ворожеи можетъ знать?

— Лучше знать?... Знать я могу, но нужно прежде спросить звѣзды.

— Спроси и звѣзды, спроси кого хочешь,—мнѣ все равно. Отвѣтишь, гдѣ татары, и убирайся къ чорту.

— Скажу, молодецъ, скажу,—протянула цыганка и опустилась на земь, опираясь на палку.—Какъ кончится лѣсъ въ той сторонѣ, откуда встаетъ солнце,—тамъ одинъ кочевникъ; идя напротивъ солнца, найдешь другой, отъ солнца направо—третій.

— Довольно. Больше мнѣ ничего не надо.

— Татары идутъ за солнцемъ, а оно отъ нихъ уходитъ.

— Пусть они идутъ, а оно уходитъ. Слава тебѣ Господи, что намъ за ними не надо идти на край свѣта.

— Но ихъ много, много...—отозвалась цыганка, догадывающаяся, что Кривоносъ распрашиваетъ о татарахъ съ воинственными намѣреніями.

— А какъ много?

— О, чтобы сосчитать ихъ, надъ взять одну горсть гороху, и другую горсть—и то будетъ мало.

— Тѣмъ лучше.

— Тамъ и воины, и семейные, и женщины, и дѣти.

— И кони, и овцы... Дѣло извѣстное.

Очевидно, что Кривоносъ хотѣлъ отдѣлаться отъ цыганки, а та, въ свою очередь, не хотѣла примириться съ этимъ. Она была призвана ворожить, хотѣла ворожить и, вещь понятная, получить что-нибудь за приподнятіе завѣсы будущаго. Грицъ говорилъ ей что-то о барчукѣ, ей и хотѣлось видѣть барчука. Опустивъ голову, цыганка внимательно посмотрѣла вправо и влѣво изъ-подъ покрывавшаго ее платка и наконецъ высмотрѣла Тимка, сидящаго невдалекѣ отъ нея.

— Охъ,—вздохнула она,—и кони, и овцы и... дорога черезъ лѣса, черезъ степи молодому бояриму.

— Какому?

— Черноокому, чернобровому. Вижу я ту дорогу, освѣщенную свѣтомъ звѣзды, что идетъ вслѣдъ за молодымъ бояриномъ. Куда онъ пойдетъ, туда и она. Вижу я и звѣзду.

— А бояринъ—кто онъ таковъ?

— Охъ,—не знаю еще!... Знаю только, что онъ гдѣ-то здѣсь, недалеко... сидитъ и тоскуетъ.

— Не тамъ ли?—спросилъ Кривоносъ, указывая глазами на Тимка.

— Статный и красивый молодецъ тоскуетъ, только не одинъ...—все на-распѣвъ тянула цыганка.—Гдѣ онъ пройдетъ, тамъ всюду за нимъ грустная дума идетъ, точно туманъ окружаетъ его. Знаетъ онъ, что было, да не знаетъ, что будетъ.

Тимко, сначала не обращавшій вниманія на цыганку, теперь заинтересовался ею, въ особенности ея послѣдними словами.

— Что же будетъ?—спросилъ онъ у старухи.

— Будетъ, что предназначено.

— Что предназначено?...

— Что написано на звѣздахъ, что шумитъ въ огнѣ, что бурлитъ въ водѣ, что воетъ въ порывахъ вѣтра...

— Что же это такое?

— Пусть она поворожитъ тебѣ,—посовѣтовалъ Кривоносъ.—Цыганки знаютъ, что случится. Она вычитаетъ тебѣ, точно по книжкѣ. Тебѣ еще ни одна не ворожила?... Мнѣ ворожила, что я буду ходить окольными дорогами и что деньги будутъ сыпаться у меня изъ кармана, какъ изъ рѣшета. И вѣдь наворожила, черти-бъ ея побрали! Ни разу не пошелъ я напрямикъ, а деньги... самъ нечистый не сосчиталъ бы, сколько ихъ высыпалось изъ моего кармана!... Пусть поворожитъ тебѣ, по крайней мѣрѣ будешь знать, чего держаться. Въ особенности

теперь, когда князь, господарь, бояры, домна и доминица—всѣ на тебя смотрятъ какъ на волка дикаго... Такія свѣдѣнія могутъ пригодиться.

Цыганка жадно прислушивалась къ каждому слову Кривоноса. Тимко колебался. Знать будущее очень любопытно, но вмѣстѣ съ тѣмъ страшно. Боялся и Тимко. Молодой и полный жизни, онъ былъ полонъ надеждъ,—ну, какъ цыганка разобьетъ всѣ эти надежды?

Но любопытство все-таки взяло верхъ.

— Ну, ворожи!—махнулъ онъ рукой.

— А на чемъ тебѣ ворожить, молодецъ: на водѣ, огнѣ, или на ладони?

— На ладони,—посовѣтовалъ Кривоносъ.—И мнѣ такъ же ворожила.

Тимко протянулъ старухѣ ладонь. Та вытребовала отъ цыгана торбу и вытащила оттуда множество разныхъ прутиковъ и крючковъ. Тамъ же находились и двѣ какія-то косточки, очевидно, принадлежавшія когда-то животному. Цыганка смѣшала все вмѣстѣ и, вынимая правою рукою изъ лѣвой горсти одно за другимъ, раскладывала все это на ладони Тимка.

— Эге!—замѣтилъ, внимательно присматривающійся, Кривоносъ,—то не простая, не обыкновенная ворожба.

Цыганка составила изъ косточекъ и прутиковъ многоугольникъ, съ однимъ острымъ угломъ, обращеннымъ вершиною къ линіи, идущей отъ мизинца. Все совершалось въ торжественномъ молчаніи. Цыганка составила фигуру, но все еще молчала, вглядываясь въ Тимкину ладонь, слегка дотрогивалась до нея пальцемъ и наконецъ заговорила:

— Гей, горы и лѣса, огни и воды, пройдетъ черезъ васъ молодой бояринъ, завоюетъ себѣ славу, славу великую, славу отъ восхода до запада. Нѣтъ тебѣ, молодецъ, преграды, которой бы не преодолѣлъ,—нѣтъ врага, котораго бы ты не побѣдилъ. Будешь...—она пытливо всматривалась въ его ладонь,—будешь на тронѣ.

— На тронѣ!—подхватилъ Тимко, силясь побѣдить восторгъ, овладѣвшій имъ отъ звука словъ цыганки.

— Будешь, но не одинъ. Обокъ тебя сядетъ княжна, яснѣе зари утренней, прекраснѣе розы, богатая, богатая...—Цыганка протяжно вздохнула,—черноокая, чернобровая, черноволосая, юная...

— Когда, когда?—нетерпѣливо перебилъ Тимко.

— Не въ этомъ году,—отвѣтила цыганка, вглядываясь въ ладонь,—ни въ будущемъ. Суженая твоя растетъ, растетъ и стремится къ тебѣ своими думами. Спитъ она теперь и видитъ тебя около себя; ищетъ тебя бѣлою рукой и шепчетъ сквозь сонъ: „милый, дорогой!...“ Проѣдешь ты черезъ горы, черезъ лѣса, переплывешь рѣки, побьешь всѣхъ, что тебѣ станутъ на дорогѣ, и черезъ степи, черезъ поля придешь къ

ней... только не теперь, не завтра, не въ этомъ году и не въ будущемъ... А!—вдругъ тревожно крикнула она.

— Что такое?—спросилъ Тимко.

— Показалась мнѣ русая коса... Русая коса... Ухъ!

— Русая коса?—переспросилъ юноша тономъ, въ которомъ звучало не то сожалѣніе, не то раскаяніе.

— Берегись ты русой косы! Будетъ она вставать предъ восходомъ солнца, будетъ собирать зѣлья, варить ихъ,—зѣлья не простыя... Берегись ты ея!... Если убережешься, будешь жить, жить, пока не посѣдѣешь, какъ лунь, выдашь внучку замужъ и дождешься правнуковъ, не умрешь, пока не окрестишь правнука. А если... Смотри, берегись русой косы! Награди цыганку за ворожбу и отпусти ее съ миромъ домой.

Она собрала свои прутики и уложила ихъ обратно. Тимко сунулъ ей въ руку серебряную монету. Ворожея попросила солонины,—дали ей и солонины. Она ушла, оставивъ у костра Тимка въ глубокой задумчивости. Его и сонъ не бралъ, несмотря на страшное изнуреніе.

ГЛАВА XI.

Козачья дипломатія.

Ворожба цыганки!... И теперь она имѣетъ нѣкоторое значеніе,—значитъ, какое же имѣло въ XVII столѣтіи! Она совершенно вскружила голову юноши, какъ не вскружилъ бы ее самъ дьяволъ, смущающій людей различными искушеніями, въ особенности тѣми, которыя имѣютъ непосредственную связь съ тщеславіемъ. Туманъ тщеславія подъ видомъ домницы совершенно окуталъ разумъ Тимка и поставилъ его передъ двумя дѣвушками: одной, разлуки съ которой онъ не надѣялся даже пережить, и другой, представляющейся ему въ радужной, дивной перспективѣ. Къ той тянула его любовь, на эту полушутливо натолкнулъ его отецъ, остальное додѣлала фантазія и, наконецъ, предсказаніе цыганки. Не надо забывать времени и общества, насквозь проникнутаго суевѣріемъ, среди котораго жилъ и развивался молодой человѣкъ. Все складывалось такъ, чтобы предсказанія цыганки произвели особенно могущественное впечатлѣніе на Тимка: и дурное расположеніе духа, не покидавшее его отъ самыхъ Яссъ, и утомленіе, и ночь, и лѣсъ, и фигура старой цыганки, болѣе похожей на скелетъ, вызванный изъ могилы, чѣмъ на живущее существо, и могильный ея голосъ.

Долго ворочался Тимко съ боку на бокъ: сонъ бѣжалъ отъ него. Предсказанія цыганки не давали ему заснуть, несмотря на то, что онъ страшно былъ утомленъ приключеніями предшествующихъ дней. Вотъ

ночной мракъ началъ рѣдѣть, вотъ появилось солнце. Кривоносъ потянулся, всталъ и началъ будить свою команду. Вскорѣ кони были осѣдланы и наши путники поѣхали впередъ, пробираясь межъ деревьевъ. Свернувши съ большой дороги на лѣсную тропинку, они, послѣ двухчасовой ѣзды, выбрались на открытое пространство. Куда ни кинь взоромъ, повсюду волновалась высокая, зеленая трава. Степь, освѣщенная солнечными лучами, точно улыбалась.

— Гм...—промычалъ Кривоносъ,—татары остановились развѣ тамъ, больше негдѣ.

Онъ указалъ пальцемъ направленіе и повернулъ туда же коня. Онъ не ошибся. Вскорѣ въ полѣ показалось нѣсколько всадниковъ, быстро приближающихся къ нашимъ путешественникамъ. За первымъ отрядомъ слѣдовалъ другой, третій... Первые скакали во всю лошадиную прыть, остальные подвигались медленнѣе.

— О-о,—воскликнулъ Кривоносъ,—пронюхали насъ таки!

То были татары, молодежь, лѣтъ по семнадцати, по двадцати. Вотъ они приблизились; кони остановились сами въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нашихъ путниковъ.

— *Гошъ гелди, оланляръ!*—привѣтствовалъ ихъ Кривоносъ.

— *Сафалъ гелды!*—отвѣчали татары.

Татары съ величайшимъ любопытствомъ разглядывали сѣдла, вьюки, коней, даже и самыя лица Кривоноса, Тимка и ихъ товарищей. Въ особенности ихъ заинтересовалъ необычный носъ перваго,—носъ, придававшій физіономіи своего обладателя видъ чего-то страннаго, не то человѣка, не то птицы. Все это поглотило вниманіе татаръ до такой степени, что Кривоносъ долженъ былъ по два раза повторять свои вопросы прежде, чѣмъ добиться отвѣта.

— Ну, какъ поживаете?

— Слава Богу,—отвѣтилъ одинъ.

— Кобылицы даютъ молоко?

— Даютъ помаленьку.

— И родятъ татаръ?

Татары переглянулись между собой, но отвѣтить не рѣшались.

— Такъ что ли, или нѣтъ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ наконецъ одинъ.

— И отлично! Значитъ, вы татары не изъ того поколѣнія, что живетъ тамъ,—онъ указалъ рукою, гдѣ именно,—а въ той сторонѣ дѣлается такъ: татарки родятъ жеребятъ, а кобылицы татаръ. Такой ужь порядокъ,—такъ Аллахъ заповѣдалъ. Вы слыхали, конечно, объ этомъ?

Татары только недовѣрчиво пожимали плечами.

— А, не слыхали? Отцы не говорили вамъ? Ну, значитъ такъ приказалъ муфтій, который бесѣдуетъ съ Аллахомъ. Ваша судьба запи-

сана въ небесной книгѣ такъ, тѣхъ—иначе. А вамъ, молодежи, не говорятъ, чтобъ вы не нарушили закона. Да, тамошніе татары, какъ только увидятъ кобылицу, такъ сейчасъ начинаютъ ржать... Эхъ, хорошій край!

— Ты былъ тамъ?

— Еще бы! Спроси, гдѣ я не былъ!

— Далеко отсюда?

— Нельзя сказать, чтобъ очень далеко... Что у насъ сегодня?—среда?... Ну, такъ вотъ, еслибъ ты сѣлъ верхомъ на вѣтеръ и ѣхалъ бы, не отдыхая, и днемъ и ночью, то въ будущую середу былъ бы на мѣстѣ. Понимаешь? Это не особенно далеко.

Татаринъ, вѣроятно, былъ не согласенъ, потому что закивалъ головой.

— А есть кони, что летятъ быстрѣе вѣтра.

Послѣдній аргументъ былъ очень убѣдителенъ; недовѣріе исчезло съ татарскихъ лицъ. При такихъ условіяхъ разстояніе до необыкновенной татарской расы не казалось имъ очень далекимъ. Одинъ, побойче прочихъ, все-таки замѣтилъ, что коня нужно кормить, давать ему отдыхъ, а такъ, пожалуй, проѣдешь и цѣлый мѣсяцъ.

— Попробуй... Только если разъ уѣдешь, то ужь не возвращайся къ своимъ; а когда будешь тамъ, то всегда держи ухо востро.

— Почему?

— Ошибиться можешь. Тамъ татарки ходятъ въ полѣ стадами. Подойдешь къ какой-нибудь, а послѣ и самъ не радъ будешь.

— Что же онѣ сдѣлаютъ?

— Какъ что? Кусаются и брыкаются.

— Женщины?—удивился татаринъ.

— Женщины... Какъ же ты хочешь, чтобъ онѣ иначе жеребятъ родили!... Кусаются и брыкаются, а брыкаются такъ, что если тебя какая-нибудь угоститъ ногою въ животъ, въ грудь, куда бы то ни было, то...

— Заднею ногой?

— Ну, да,—совершенно свободно продолжалъ Кривоносъ, — онѣ тамъ на четвереенькахъ ходятъ и, разумѣется, безъ фереджей, безъ шальваръ, даже безъ рубашки.

Удивленіе татаръ, казалось, не имѣло предѣловъ.

— Правда, тамъ онѣ обростаютъ немного шерстью, но не особенно, и притомъ разною: иная гнѣдою, иная буланою, — какъ кому придется.

Долго бы длился любопытный разсказъ Кривоноса, еслибъ его не прервало приближеніе другой группы всадниковъ, людей пожилыхъ, вооруженныхъ, сидящихъ на осѣдланныхъ и взнузданныхъ коняхъ (молодые ѣхали безъ сѣделъ и были безоружны).

— Какъ разъ во-время!—крикнулъ панъ Кривоносъ послѣ обоюдныхъ привѣтствій. — Ваши показались именно въ ту самую минуту, когда мы не знали, какъ попасть къ вамъ.

Старый татаринъ, очевидно начальникъ, отвѣтилъ на слова Кривоноса вопросомъ:

— Вы къ намъ ѣдете?

— Къ вамъ, прямо... къ вамъ.

— Съ какими намѣреніями?

— Съ добрыми... въ гости.

— Коли такъ, будьте гостями!—отвѣтилъ татаринъ и потомъ недовѣрчиво спросилъ:—А къ вамъ еще присоединятся ваши?

— За нами нѣтъ никого, а передъ нами дальній путь, который окончится только передъ гостепріимнымъ порогомъ Тугай-бега.

— Въ Аккерманѣ?

— Въ Аккерманѣ. Тугай-бегъ съ добрыми словами и раскрытыми объятіями ждетъ вотъ этого юношу,—Кривоносъ указалъ пальцемъ на Тимка,—сына своего сердечнаго друга, Богдана Хмельницкаго.

Татаринъ видимо обрадовался.

— Мы слышали о Богданѣ и знаемъ о его дружбѣ съ Тугай-бегомъ. Сынъ Богдана займетъ почотное мѣсто въ нашей палаткѣ, а лошадямъ и слугамъ его мы предоставимъ всякія удобства. Вы уѣдете отъ насъ накормленные и довольные.

Присоединилась третья группа и наши герои прибыли на мѣсто съ многочисленною свитой. Самый таборъ былъ раскинутъ въ долинѣ, надъ рѣчкой, и расположенъ согласно требованіямъ тогдашняго времени. Телѣги, придвинутыя одна къ другой, образовали замкнутый четырехугольникъ, готовый каждую минуту сняться съ мѣста въ видѣ подвижной крѣпости. Внутри къ телѣгамъ примыкали шатры, похожіе на цыганскіе. Въ одномъ изъ угловъ четырехугольника красовалась большая палатка, съ полумѣсяцемъ наверху, а возлѣ поднимался высокій и тонкій деревянный минаретъ для муэззина, сзывающаго вѣрныхъ пять разъ въ день на молитву. Все поселеніе не умѣщалось въ таборѣ, — за нимъ тутъ и здѣсь виднѣлись то землянки, служащія помѣщеніемъ для цѣлыхъ семей, то загородки для лошадей и овецъ. На длинныхъ, горизонтальныхъ шестахъ висѣли свѣжія шкуры, распространяя вокругъ не особенно пріятный запахъ. Сѣрыя, выжженныя пространства обозначали мѣста костровъ, изъ которыхъ въ настоящій моментъ горѣлъ только одинъ. На площадкѣ минарета, пониже мѣста для муэззина, стоялъ человѣкъ, очевидно часовой; небольшая кучка вооруженныхъ людей неподалеку отъ него указывала, что таборъ всегда готовъ къ оборонѣ, несмотря на отсутствіе угрожающихъ признаковъ.

На встрѣчу козакамъ высыпала цѣлая толпа полунагихъ дѣтей, крича писклывыми голосами: „плѣнники, плѣнники!“,—но всѣ разсыпались въ разныя стороны отъ одного слова:

— *Муссафиртаръ*...

Слово это произнесъ одинъ изъ татаръ, слѣзая съ коня. Примѣру его послѣдовали и козаки. Начальникъ проводилъ Тимка и Кривоноса въ палатку и пригласилъ занять мѣста на разостланныхъ бараньихъ шкурахъ. Потомъ вошло еще нѣсколько татаръ, тѣ также усѣлись полукругомъ на земь и начали угощать гостей кумысомъ изъ деревяннаго сосуда. А въ это время надъ огнемъ появился котелъ, наполненный водою и гречневою крупою; три козленка лишились жизни и пошли на вертелъ; кромѣ того изъ шатровъ появились различныя посудины съ яствами и лакомствами: вяленымъ конскимъ мясомъ, сыромъ, медомъ, сушоными овощами. Все это дѣлалось одними мужчинами,— женщины только изъ шатровъ подавали различныя вещи, необходимыя для приготовленія пищи. Дѣло кипѣло, и не прошло и часа послѣ прибытія козаковъ, какъ передъ ними предсталъ дымящійся котелъ съ кашей и владѣлецъ палатки пригласилъ ихъ воспользоваться ею.

Во время ѣды шли разговоры. Велъ ихъ исключительно Кривоносъ, выручавшій Тимка, не особенно знакомаго съ татарскимъ языкомъ. Тимко зналъ только одно слово: „*бельмесъ*.“ Слово это значитъ—„не знаю.“ Оно перешло и на нашъ языкъ, какъ обозначеніе полнѣйшаго незнанія. „Ни бельмеса“—говорятъ о томъ, кто не знаетъ чего-либо, а самъ говорящій тоже не знаетъ, откуда взялся этотъ „бельмесъ“. Такъ, вотъ, явился онъ благодаря сношеніямъ татаръ съ нашими предками, которые, увы, часто должны были объясняться при помощи этого одного слова... И Тимко ограничивался только имъ однимъ и конечно не могъ принять участія въ бесѣдѣ, только слушая непонятный обмѣнъ рѣчей межъ татарами и Кривоносомъ.

Татары желали узнать, что за гости пріѣхали.

— Изъ Яссъ,—сообщилъ Кривоносъ.

— Изъ Яссъ?—съ видимымъ недовѣріемъ повторилъ одинъ.

Козакъ догадался о причинахъ недовѣрія. Татары встрѣтили ихъ въ чистомъ полѣ; часовой, впервые завидѣвшій ихъ, сообщилъ, что они выбрались изъ лѣса, а туда попасть можно было или черезъ болота, или по окольной дорогѣ, гораздо болѣе длинной, чѣмъ прямая.

— Изъ Яссъ, да... Убѣжали.

— Ага!—догадался татаринъ.—Тамъ, говорятъ, свадьба какая-то.

— Свадьба... Съиграли уже. Мы, вотъ, тоже думали было, что и на нашу долю что-нибудь перепадетъ, а пришлось, взявши хвостъ въ зубы, скрываться въ очеретахъ, точно волкамъ какимъ-нибудь.

Татары съ видомъ сожалѣнія причмокивали губами.

— Вотъ онъ, сынъ Хмельницкаго, хотѣлъ добыть себѣ дѣвушку.

— Выкупъ давалъ?

— Выкупъ!... И онъ христіанинъ, и она христіанка... Такъ о выкупѣ и рѣчи быть не могло.

— Что же дальше-то, дальше?—интересовался татаринъ.

— Не только не дали, но еще и побить хотѣли.

Татары вновь зачмокали.

— Ну, значитъ, и не было резона оставаться долѣе. Выскочили мы оттуда, какъ изъ бани,—очень ужь горячо тамъ... среди женщинъ.

— А много ихъ тамъ?

— Много ли?... Хо-хо! И не сочтешь... А каждая — какъ звѣзда небесная... *Чокъ гюзель*...

— А дочки господарскія?

— Краше всѣхъ. Та, которую князь Радзивилъ взялъ за себя, хороша, а та, на которую молодецъ нашъ заглядѣлся, еще лучше.

— О, да!—кивнулъ головою начальникъ.—Ханъ, мурзы и старшины наши, когда собирались зимою въ польскую землю, говорили: „есть тамъ нашъ другъ, братъ нашъ,—здѣсь татаринъ прижалъ руку къ сердцу,—другъ истинный, съ которымъ мы дѣлили хлѣбъ и соль, есть тамъ Богданъ, что сидѣлъ у нашего костра,—онъ на насъ не оскалитъ зубы, какъ собака“. А онъ и взаправду оскалилъ... Еслибы не то,—продолжалъ татаринъ,—то охматовская битва окончилась бы иначе и сынъ Богдана могъ бы выбирать изъ дочерей господарскихъ ту, которая ему пришлась бы по вкусу.

— Такъ-то оно такъ,—сказалъ Кривоносъ.

— Вмѣсто того, чтобъ онъ,—татаринъ указалъ на Тимка,—билъ ихъ, они еще бить хотѣли.

— Такъ-то оно такъ...

— За всякое дѣло своя награда. Богданъ не сдержалъ своего слова, измѣнилъ и разбилъ насъ подъ Охматовымъ...

— Да вѣдь онъ не одинъ былъ тамъ.

— Не одинъ, я знаю, только онъ одинъ всему причиной, онъ одинъ.

— Да вы были подъ Охматовымъ?

Татаринъ утвердительно кивнулъ головою.

— Мы туда, а онъ намъ на встрѣчу; мы сюда, и онъ здѣсь,—извивался, какъ змѣя, выскальзывалъ изъ рукъ, какъ вьюнъ, кидался изъ стороны въ сторону и заманилъ всю орду въ польскую засаду... О, еслибъ не онъ!...

— Онъ жалѣетъ о томъ.

— А!...—Татаринъ досадливо махнулъ рукой.

— Онъ дѣлалъ это скрѣпя сердце.

— Такъ Аллахъ хотѣлъ... Аллахъ великъ.

— Тугай-бегъ...

— Знаю,—перебилъ татаринъ: — Богданъ защитилъ Тугай-бега. Знаемъ мы о томъ. Сначала таборъ нашъ былъ по ту сторону, въ Буджакѣ, когда мы возвращались изъ-подъ Охматова. Здѣсь мы недавно. Тугай-бегъ ночевалъ у насъ и сидѣлъ вотъ въ этой самой палаткѣ. Онъ и разсказалъ намъ. Богданъ много зла сдѣлалъ... столько вѣрныхъ сгубилъ, но поправился: защитилъ Тугай-бега. Это ему сосчитается... Аллахъ великъ!

Тутъ съ минарета раздался жалобный крикъ муэззина, возвѣщающаго, что „нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и что Магометъ его пророкъ“.

— Эль Магометъ рессуль Аллахъ!

У насъ это называется призывомъ вѣрныхъ къ молитвѣ, на самомъ же дѣлѣ оно есть не что иное, какъ напоминаніе мусульманамъ главнаго догмата ихъ религіи, долженствующаго побудить ихъ къ молитвенному размышленію. Мусульманская молитва отличается отъ христіанской тѣмъ, что не заключаетъ въ себѣ ни просьбъ, ни благодарностей, одно только восхваленіе. Она—бесѣда съ Богомъ, чисто моральная потребность, проявляющаяся въ человѣкѣ помимо его желанія. Двое изъ татаръ почувствовали въ себѣ эту потребность и вышли изъ палатки, остальные продолжали сидѣть съ гостями и вести разговоръ. Дѣло было весьма деликатнаго свойства: рѣчь шла о томъ, какъ проводить козаковъ подъ прикрытіемъ татаръ изъ владѣній господаря.

Татары считали Богдана Хмельницкаго измѣнникомъ по отношенію къ себѣ, но не ставили это ему въ вину. Аллахъ такъ велѣлъ, такъ значилось въ книгѣ предопредѣленія, написанной Аллахомъ разъ навсегда, до скончанія міра. Это совершенно снимало съ Хмельницкаго всякую отвѣтственность и друзьямъ его не оставалось ничего, кромѣ дружескаго сожалѣнія, тѣмъ болѣе, что его вина повлекла за собой такія послѣдствія. Благодаря ему, погибло нѣсколько тысячъ татаръ, но уцѣлѣлъ Тугай-бегъ, а Тугай-бегъ стоилъ тысячъ. Что Богданъ уничтожилъ одною рукой, то поправилъ другою. Несмотря на что бы то ни было, татары считали нашихъ путниковъ гостями не только своими, но и Тугай-бега,—значитъ болѣе почотными и заслуживающими радушнаго пріема, чѣмъ обыкновенные гости. Угостили ихъ на славу и упрашивали остаться въ таборѣ какъ можно больше. Но у Кривоноса были свои планы,—ему нужно было во что бы то ни стало перебраться на тотъ берегъ Прута. Онъ и ѣлъ и поглаживалъ рукою усы, а разговоръ все-таки сводилъ къ Пруту.

— Что, какъ тамъ вода?—спрашивалъ онъ.

— Вода—какъ вода, извѣстное дѣло.

— Низка, высока?

— Была низка.

— А теперь?

— Теперь?—Теперь должно-быть высока.

— Вы, вѣдь, перешли же ее въ-бродъ?

— Перешли-то перешли, только не безъ хлопотъ. Нѣсколько жеребятъ потонуло.

— Съ жеребятами все равно, какъ съ дѣтьми,—наставительно замѣтилъ Кривоносъ.

— И дѣтей тоже двое потонуло.

— Ну, что дѣти!... Вотъ еслибъ женщина какая-нибудь...

— Одна утонула,—равнодушно сказалъ татаринъ.

— О, вотъ дура-то!... Ну, а еслибъ вамъ теперь, при высокой водѣ, пришлось перебираться на тотъ берегъ?

— Мы пошли бы на Леово, на Фальчу.

— А еслибъ вамъ кто-нибудь дорогу загородилъ?

— Гм... Еслибъ кто загородилъ дорогу? Развѣ нѣтъ другой дороги?

— Пониже, я знаю ее, но...

— Но?

— А она безопасна?

— На что тебѣ знать?

— Да вѣдь мы бѣжимъ... Въ гости ѣдемъ къ Тугай-бегу.

— Къ Тугай-бегу въ гости ѣдете... Правда, правда...

Татаринъ задумался, какъ бы помочь дѣлу.

— Что же, придется разузнавать.

— Пошли кого-нибудь, пусть посмотритъ, нѣтъ ли тамъ драбантовъ.

— Хорошо, хорошо... Пошлю. Да вѣдь это займетъ время.

— А много?

— Назадъ вернутся развѣ только завтра къ вечеру.

Теперь настала очередь Кривоноса задуматься.

— Видишь,—сказалъ онъ черезъ минуту,—все это хорошо, только нужно поискать чего-нибудь лучшаго. Вотъ ваши пойдутъ, осмотрятъ все и драбантовъ господарскихъ не то увидятъ, не то нѣтъ... Допустимъ на время, что не увидятъ. Возвратятся они и скажутъ: „не видали, молъ, никого“. А, какъ ты думаешь, драбанты не могутъ нагрянуть послѣ ихъ ухода?... Вамъ, конечно, все равно, попадемся мы или нѣтъ...

— Какъ можно!—воспротивился татаринъ.—Вы наши гости.

— И вы рады были бы, еслибъ мы перебрались благополучно?

— Конечно, рады.

— Такъ вотъ видишь ли что: вѣроятно, у васъ найдется шесть паръ татарской обуви, шесть халатовъ и шесть тюрбановъ? Можно бы устроить такъ, чтобъ эти халаты, тюрбаны и обувь перешли на наши плечи, головы и ноги? Правда?

— Правда,—повторилъ татаринъ,—не догадываясь еще, въ чемъ будетъ состоять самое дѣло.

— И,—продолжалъ Кривоносъ,—скрыли бы насъ такъ, что развѣ самъ чортъ догадался бы, что мы не татары. Въ такомъ нарядѣ мы поѣхали бы съ вашими напрямикъ до Фальчи, переправились бы вмѣстѣ съ ними черезъ рѣку на паромѣ, проѣхали бы, тоже вмѣстѣ, мили съ двѣ, переодѣлись въ свое платье и уже одни поѣхали бы въ Аккерманъ. Какъ ты находишь мой планъ?

— *Машалла*!—воскликнулъ старый татаринъ.—Твоя правда, дорога хорошая, только, только...

— Ну, что только?

— Ты говорилъ, я слушалъ, слушалъ и согласился съ тобой. Теперь посмотримъ, что скажутъ другіе. Нужно переговорить съ нашими старшинами, потому что, видишь, обувь, халаты, тюрбаны...

— Да говори ты толкомъ,—понукалъ Кривоносъ.

— Обувь, халаты, тюрбаны...—опять повторилъ татаринъ.

Дѣло шло о великомъ совѣтѣ для разрѣшенія важнаго вопроса о покрытіи тѣлъ невѣрныхъ одеждой поклонниковъ Пророка. Кромѣ этого, предстоялъ еще вопросъ: нашлось ли бы въ таборѣ такое количество свободной одежды?

Татаринъ обратился къ сидящимъ полукругомъ старикамъ. Несмотря на то, что каждому присутствующему хорошо было извѣстно, о чемъ идетъ рѣчь, онъ изложилъ въ подробности всѣ событія текущаго дня, начиная съ момента появленія козаковъ вплоть до предложенія Кривоноса.

Татары широко раскрывали глаза и покачивали головами, что служило дурнымъ знакомъ. Всѣ молчали, каждый ожидалъ, не начнетъ ли кто другой, а другой не очень торопился. Кривоносъ внимательно слѣдилъ за движеніями губъ татарскихъ старшинъ, и когда замѣтилъ, что одинъ собирается говорить, заговорилъ самъ:

— Вы знаете, — спросилъ онъ, — какъ скрывался отъ ляховъ Тугай-бегъ?

Всѣ обратили на него вниманіе.

— А скрывался онъ подъ козачьей одеждой. Въ палаткѣ Богдана покрывался одною съ нимъ буркой, спалъ рядомъ съ нимъ, какъ братъ родной около брата, а потомъ, когда козачій отрядъ отправился провожать Радзивила и когда ляхи сотнями глазъ смотрѣли на козаковъ, не высмотрѣли Тугай-бега только потому, что на ногахъ у него были козачьи сапоги, на плечахъ козачья бурка, на головѣ козачья шапка.

— Кхе, кхе...—закашлялся тотъ, что собирался заговорить. За нимъ закашлялся другой, третій, четвертый... То былъ уже хорошій знакъ. Кривоносъ хорошо съумѣлъ воспользоваться выгодами своего положенія.

— Татарамъ стыдно было бы не сдѣлать для Богданова сына того, что Богданъ сдѣлалъ для Тугай-бега.

Всѣ изъявили согласіе наклоненіемъ головы. Теперь оставалось добыть необходимое количество одежды. Увы, свободныхъ халатовъ оказалось только два, тюрбановъ четыре, обуви же не оказалось вовсе.

Что тутъ дѣлать? Татары окончательно смутились.

— По-нашему, по-козацки,— рѣшилъ Кривоносъ,— еслибъ шло о томъ, чтобы, напримѣръ, шестерыхъ васъ провести посреди ляховъ, а у насъ бы не было лишней одежды, то шестеро козаковъ тотчасъ бы раздѣлись и ждали бы, хоть голые. Раздѣлись бы и не подумали, что солнце печетъ. А еслибъ солнце и не грѣло, то козакъ бы голый вытерпѣлъ на морозѣ часокъ другой... дружбы ради.—Послѣднія слова онъ выговорилъ съ особымъ удареніемъ.

Татары, видимо, находились подъ впечатлѣніемъ его словъ. Нѣсколько минутъ среди нихъ царствовало молчаніе, потомъ одинъ, что помоложе, вытянулъ изъ-подъ себя ноги и молча же началъ снимать обувь, другой всталъ и вышелъ изъ палатки. Остальные поочередно потягивали кумысъ изъ деревяннаго сосуда.

— Долго мы будемъ сидѣть здѣсь?—спросилъ Тимко. Онъ ни бельмеса не понималъ изъ того, что происходило при немъ.

— А вотъ если межъ татарами найдется нѣсколько такихъ, какъ тотъ, что снималъ обувь, то насъ здѣсь черезъ часъ не будетъ.

— Какое же отношеніе имѣетъ къ этому обувь?

— Какое?—Увидишь самъ. Ты ходилъ въ ней когда-нибудь?

— Никогда въ жизни.

— Теперь попробуешь.

— Зачѣмъ?

— Чтобы влѣзть въ другую шкуру. Тебѣ не надоѣло ходить въ козацкой съ самаго рожденія?

Тимко только пожалъ плечами.

— Польскую ты, можетъ-быть, съ охотою надѣлъ бы, а теперь по неволѣ на часокъ надѣнешь и татарскую. Не бойся, отъ этого корона не свалится съ твоей головы.

Кривоносъ въ краткихъ чертахъ объяснилъ свой планъ переправы черезъ Прутъ, и едва кончилъ свой разсказъ, какъ въ палатку явился татаринъ съ цѣлою охапкой одежды. Татары всѣ вышли, оставивъ Тимка наединѣ съ Кривоносомъ. Переодѣванье не заняло много времени. Изъ козаковъ одинъ было запротестовалъ противъ принятія татарской вѣры.

— Экій дурень!—крикнулъ Кривоносъ.—Черезъ то ты еще не сдѣлаешься татариномъ, если походишь въ татарскомъ платьѣ. Переправимся черезъ Прутъ, а тамъ, въ степи, опять козаками станемъ.

Немного спустя изъ татарскаго табора выѣхала большая группа всадниковъ, среди которыхъ никто не узналъ бы нашихъ друзей. Кривоносъ ухитрился даже скрыть свой грандіозный носъ,—надвинулъ пониже тюрбанъ и спустилъ концы на лицо.

Татарская молодежь съ большою охотой сопровождала нашихъ бѣглецовъ. Конечно, тутъ было не безъ нѣкотораго разсчета: всѣхъ очень интересовалъ тотъ странный край, гдѣ женщины родятъ жеребятъ, а кобылы даютъ жизнь татарятамъ. Молодежь окружила Кривоноса и осыпала его вопросами. А онъ, занятый другими думами, и позабылъ о своемъ разсказѣ и только, послѣ долгаго недоумѣнія, вспомнилъ.

— Ага!—сказалъ онъ.—Такъ чего-жь вамъ отъ меня надо?

— По какой дорогѣ проѣхать въ тотъ край?

— Погодите немного. Дорогу вамъ разскажу, только на томъ берегу Прута. Теперь мнѣ не до разговоровъ.

Переправа черезъ Прутъ совершилась, благодаря защитѣ татаръ, самымъ благополучнымъ образомъ. Драбанты, правда, сновали кое-гдѣ, но вовсе не мѣшали татарамъ,—напротивъ, были рады, что тѣ убираются. Наши бѣглецы превосходно разыгрывали свои роли во время перевоза и, отъѣхавши двѣ мили по ту сторону рѣки, перемѣнили свои костюмы на козацкіе. Татары при разставаніи вновь аттаковали Кривоноса:

— А дорога?

— Дорога-то?... Дорога, братцы мои, на концѣ языка.

ГЛАВА XII.

Въ гостяхъ у Тугай-бега.

Было бы черезчуръ длинно и скучно описывать дальнѣйшія похожденія нашихъ бѣглецовъ. Все одно и то же повторялось съ изумительнымъ однообразіемъ: привалъ то въ открытомъ полѣ, на солнечномъ зноѣ, то въ татарской юртѣ. Кочевники занимали мѣсто теперешнихъ деревень. Въ то время осѣдлаго жилья въ степяхъ не было. Русины не стремились въ тѣ стороны, румыны держались подальше отъ нихъ; колонисты, которыхъ теперешнія богатыя населеніемъ мѣстности разсылаютъ по долинамъ и по лиманамъ, и не мечтали еще о переселеніи изъ нѣметчины, изъ Венгріи, изъ Болгаріи въ окраины Чернаго моря. Тамъ блуждали только кочующіе татары. Среди нихъ наши путники были въ полной безопасности. Характеръ гостей охранялъ ихъ отъ всякой непріятности, а имя Тугай-бега играло роль печати на пропускной грамотѣ. Въ каждомъ кочевникѣ ихъ встрѣчали вопросами: „Куда Богъ несетъ?“ и провожали: „Уръ-алла!“ Кромѣ того являлся неизбѣжный на Востокѣ проводникъ, каланза.

Такъ, маленькая кучка нашихъ друзей переѣхала черезъ рѣку и достигла надлиманской столицы.

Бѣлыя стѣны Аккермана показались издалека, съ пригорка, откуда взоръ обнялъ все заразъ: зеленую степь, песчаное прибрежье, синее море и широкій, какъ море, днѣстровскій лиманъ. Зелень степей, золото песковъ и зеркальная поверхность моря образовали точно рамку для крѣпости, которая издали казалась кораблемъ, качающимся на волнахъ. Тутъ еще помогало и солнце. Оно вызывало изъ земли испаренія, что вмѣстѣ съ солнечными лучами образовали рядъ миражей, постоянно вводящихъ въ заблужденіе путниковъ. Такъ и глазамъ нашихъ козаковъ Аккерманъ казался кораблемъ съ мачтами и парусами. Мачтами были высокіе, граціозные минареты. Козаки молча залюбовалисьчудною картиной, а Кривоносъ воскликнулъ:

— Что за дьявольщина! Вотъ ужь десятый разъ я подъѣзжаю къ Аккерману, и все мнѣ кажется, что онъ плыветъ... Присягнешь, что плыветъ.

— Да, да,—согласился не менѣе удивленный Тимко,—городъ точно плыветъ.

— А онъ стоитъ, да и какъ еще! Турки, собаки, долго добивались его. Достали-таки, наконецъ. Еслибъ не онъ, то не было бы ни цецорской битвы, ни какой другой, и татары не удержались бы въ этихъ мѣстахъ.

Кривоносъ былъ правъ. Стефанъ Великій, господарь молдаванскій, имѣлъ основаніе, какъ ленникъ Польской республики, требовать помощи отъ Казиміра Ягеллонида, когда Аккерманъ подвергся осадѣ. Отсутствіе политической прозорливости, того ясновидѣнія, безъ котораго государственные люди не могутъ создать ничего прочнаго, и были причиною будущихъ несчастій Польши. Никто не умѣлъ пользоваться обстоятельствами. Спохватились, но поздно; да когда и спохватились, то ни до чего лучшаго не додумались, какъ до буковинской экспедиціи (во время Яна Альбрехта), прямого послѣдствія паденія Аккермана. Въ историческихъ фактахъ есть логика.

Путешественники наши не теряли уже изъ виду Аккермана. По мѣрѣ приближенія мнимый корабль все росъ и росъ, движенія его становились медленнѣй, наконецъ совершенно измѣнилъ свои очертанія и сталъ неподвижнымъ. Вмѣсто неопредѣленныхъ очертаній показались стѣны и башни съ бойницами, изъ которыхъ грозно выглядывали жерла пушекъ. Все говорило о бдительности и готовности къ оборонѣ. Дорога привела нашихъ бѣглецовъ къ воротамъ, открытымъ настежь. Никто не задержалъ ихъ, стража—янычары—не обратила на нихъ ни малѣйшаго вниманія, да и, дѣйствительно, что могли шестеро рыцарей сдѣлать въ крѣпости съ большимъ гарнизономъ! Присутствіе ихъ едва ли могло повести за собоой какія-нибудь неблагопріятныя

послѣдствія. Миновавъ ворота, они очутились въ городѣ, среди улицъ, напоминающихъ обложенные каменьями крѣпостные рвы. Стѣна справа и стѣна слѣва, а въ стѣнахъ на нѣкоторомъ разстояніи то калитка, то ворота, наглухо запертыя. Вездѣ тишина и спокойствіе. Изъза стѣнъ виднѣлись верхушки деревьевъ, да какія-то деревянныя перегородки. Изрѣдка черезъ улицу перепархивали египетскіе голуби— птица, почитаемая турками, и только они нарушали царящую вокругъ томительную тишину.

— У татаръ не такъ,—сказалъ Кривоносъ, ѣхавшій сбоку Тимка.— Турки, собаки, запираются наглухо и подступиться къ себѣ не даютъ.

— Развѣ здѣсь нѣтъ татаръ?—спросилъ Тимко.

— Есть, да и они должны подлаживаться подъ турецкій ладъ. Для нихъ турки то же самое, что, напримѣръ, для насъ ляхи.

— Ляхи не запираются.

— Нѣтъ, не запираются. А еслибъ потурчились, то запирались бы и мы должны были бы дѣлать то же самое. Отецъ твой не держалъ бы свои ворота настежъ въ Суботовѣ.

При напоминаніи о Суботовѣ Тимко слегка вздохнулъ и спросилъ немного погодя:

— Гдѣ же домъ Тугая?

— Скоро пріѣдемъ; дай только выбраться на рынокъ.

Вотъ и рынокъ—четырехугольная площадь, съ мечетью по одной сторонѣ, съ большимъ строеніемъ, утвержденнымъ на столбахъ по другой. Двѣ остальныя стороны заняты были рядами низкихъ и тѣсныхъ лавочекъ съ самыми разнообразными товарами. Сначала шли лавки съ шелковыми матеріями, потомъ съ золотыми и серебряными вещами, сукнами, москательныя и т. д. Въ иныхъ производилась работа. Портные шили, сидя на низенькихъ и широкихъ скамейкахъ, слесаря и мѣдники подпиливали и постукивали молотками, токаря вытачивали, а въ одной лавочкѣ, запертой, сидѣлъ врачъ, *хекимъ*, и сквозь окошко давалъ совѣты и лѣкарства. Линія лавокъ прерывалась широкими воротами, ведущими на не менѣе широкій, застроенный кругомъ, дворъ. То былъ караванъ-сарай, складъ для товаровъ и мѣсто остановки для проѣзжающихъ.

— Вотъ сюда бы мы и заѣхали, еслибъ въ Аккерманѣ у насъ не было знакомыхъ,—указалъ Кривоносъ на ворота.

На рынкѣ никого не было, кромѣ маленькихъ ребятишекъ, что копались въ кучахъ сора. Нельзя сказать, чтобы дѣти казались очень привлекательными: грязныя, полунагія, они мало походили на человѣческія существа. Появленіе чужихъ людей произвело на нихъ нѣкоторое впечатлѣніе; они подняли голову и широко пораскрывали рты и глаза. Но дѣло тѣмъ и окончилось: незнакомцы тотчасъ исчезли изъ ихъ глазъ и повернули къ строенію на столбахъ.

— Вотъ мы и пріѣхали,—сказалъ Кривоносъ и, соскочивъ съ коня, началъ барабанить кулаками въ ворота.

Въ воротахъ открылось круглое окошечко, въ окошечкѣ показалась татарская голова и спросила, кто прибылъ и съ какими намѣреніями. Кривоносъ сказалъ, что они друзья и съ намѣреніями прибыли добрыми. Голова зачмокала и скрылась.

Минутку спустя ворота отворились настежь. Маленькій отрядъ въѣхалъ на дворъ. Тамъ по серединѣ мѣсто было отведено для лошадей, а жилыя помѣщенія находились на столбахъ. Изъ-подъ широкой крыши выглядывала терраса,—*чардакъ*,—снабженная широкими лавками, покрытыми разноцвѣтною матеріей. Въ жилую часть дома входили черезъ конюшню; оттуда узкая и крутая лѣстница вела прямо вверхъ на *чардакъ*, гдѣ и находилась дверь въ самый домъ.

На встрѣчу гостей высыпала цѣлая толпа мужской прислуги и окружила Тимка. Тотъ взялъ коня подъ узцы, другой придерживалъ его за гриву, третій придерживалъ стремена и подставлялъ гостю свою спину. Тимко слѣзъ съ лошади. Прислуга разстановилась въ два ряда. Тимко пошелъ впередъ, за нимъ Кривоносъ.

— Лѣзь,—шепнулъ онъ сзади,—да осторожнѣй, а то упадешь.

Осторожность во всякомъ случаѣ не мѣшала. Съ крутыхъ узенькихъ ступенекъ упасть было очень не мудрено. Хорошо, что тутъ же были деревянныя поручни. Схватившись за нихъ и перескакивая чечезъ ступеньку, герой нашъ очутился наконецъ на верху.

На *чардакѣ* встрѣтилъ его Тугай-бегъ.

Лицо татарина свѣтилось неподдѣльной радостью.

— *Гошъ гелды! Гошъ гелды!*—вскричалъ онъ, протягивая руки молодому человѣку и усаживая его на софѣ. —Принималъ я твоего отца, приму и сына. Иди сюда и садись, садись на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ сиживалъ когда-то твой отецъ, другъ мой, братъ, *кардашъ*... Въ моемъ домѣ ты не будешь терпѣть ни въ чемъ недостатка. Ѣсть захочешь,—ѣшь, сколько влѣзетъ, пить—пей, вливай въ себя какъ въ бочку. Тугай-бегъ не пожалѣетъ для тебя ничего. Хочешь отдохнуть съ дороги,—отдыхай: сейчасъ тебѣ обмоютъ ноги, очистятъ отъ пыли, дадутъ свѣжей воды и пахучаго *батлы*, чтобъ освѣжился. Ну?

— И *раки* *)...—вставилъ Кривоносъ.

— И раки, — повторилъ бегъ и добавилъ тономъ добродушной шутки:—а у тебя, пріятель, только и рѣчи, что о водкѣ.

— Если падишахъ...

— Тсс... молчи!

— Да вѣдь это правда.

---

*) Водки.

— Я не говорю—нѣтъ... Но зачѣмъ о надишахѣ,—бегъ осторожно оглядѣлся вокругъ, — толковать? Точно будто нельзя говорить о чемъ-нибудь другомъ?

— Ну, положимъ, и ты отъ раки не отворачиваешься.

— Я отворачиваюсь отъ *шарапа* (вина)... Шарапъ запрещенъ, но о раки въ Коранѣ нѣтъ ни словечка.

— Кумысъ, раки... все одно и то же,—замѣтилъ Кривоносъ.

Тугай-бегъ согласился и, вѣроятно, что-нибудь прибавилъ бы отъ себя, еслибы не появленіе слугъ съ разными принадлежностями для мытья ногъ. Все дѣло окончилось живо. Потомъ подали прохладительные напитки, и такъ какъ время клонилось къ вечеру, то вскорѣ и обѣдъ, а вмѣстѣ съ нимъ и водку. Люди Востока ѣдятъ до отвала и послѣ обѣда не годятся уже ни къ чему; наши путники, тоже не пренебрегали пилавами, кебафами и прочими татарскими и турецкими блюдами, которыми потчивалъ ихъ гостепріимный хозяинъ. Послѣ обѣда, кромѣ сна, конечно, ничего не оставалось. Тугай-бегъ ушелъ въ свои апартаменты, а они расположились тамъ, гдѣ за минуту до того стояли блюда съ яствами, и впали въ какое - то полубезчувственное состояніе. Только храпѣнье Кривоноса и прерывало окружающую тишину.

Воспользуемся ихъ сномъ и осмотримъ домъ Тугай - бега. Мы не будемъ долго останавливаться на этомъ. Тугай - бегъ, какъ и другіе почитатели Пророка, раздѣлялъ свой домъ на двѣ половины: одну, назначенную для женщинъ, окружала абсолютная недоступность для всякаго, кто не былъ ни женщиной, ни евнухомъ, ни хозяиномъ дома; другая стояла открытою для гостей. Послѣдняя находилась на первомъ планѣ дома и состояла только изъ двухъ комнатъ, но за то включала въ себѣ чардакъ, дворъ, конюшни, кладовыя и всякія постройки на дворѣ. Садъ принадлежалъ къ первой половинѣ, сообщающейся съ остальнымъ свѣтомъ при помощи калитки, запирающейся извнутри. Нужно замѣтить, что садъ не представлялъ ничего интереснаго. Полнѣйшее запущеніе отнимало половину его прелести. Только фруктовыя деревья были еще довольно въ сносномъ положеніи, остальное росло какъ ему хотѣлось; аллеи, бесѣдки, цвѣтныя клумбы и прочія особенности садовъ Востока блистали полнѣйшимъ отсутствіемъ. Во всемъ этомъ не нуждался ни бегъ, ни его жены, набранныя съ разныхъ сторонъ свѣта, ни евнухи, приставленные на - стражѣ у воротъ рая блаженства. Но, несмотря на все это, въ саду не было недостатка въ тѣни, такъ цѣнимой во время лѣтнихъ жаровъ.

Утомленные длиннымъ путемъ, послѣ сытнаго обѣда и обильнаго пріема горѣлки, Кривоносъ и Тимко спали богатырскимъ сномъ и неизвѣстно, долго ли проспали бы еще, еслибы не мухи... О, эти проклятыя мухи! Мало было имъ разгуливать по козацкимъ лицамъ,—од-

на вздумала залѣзть въ носъ Кривоносу. Тотъ поморщился, повернулся, чихнулъ и обругалъ муху самымъ крѣпкимъ словомъ.

Благодаря этому проснулся и Тимко.

— Тьфу ты пропасть!—сплюнулъ на сторону Кривоносъ, разгладилъ усы, сѣлъ и покачалъ головой.—Вотъ оно что значитъ—человѣческая-то жизнь! Пробуждается человѣкъ для того, чтобъ опять ложиться спать,—протрезвляется, чтобы напиться снова... Не лучше ли было бы такъ: коли спать, то не просыпаясь,—коли быть пьяныхъ, такъ чтобъ отрезвленіе не приходило никогда? Ой, горе, горе человѣку на свѣтѣ!

— Откуда это тебѣ въ голову такія мысли лѣзутъ?—спросилъ потягиваясь Тимко.

— Откуда?—А вотъ оттуда, что нужно вставать, спускаться внизъ по лѣстницѣ и смотрѣть, какъ бы головы себѣ не сломить.

Кривоносъ всталъ, спустился по лѣстницѣ безъ всякаго изъяна, вошелъ на дворъ и началъ оглядываться вокругъ.

Разсматривать особенно было не много: кругомъ высокія стѣны, въ глубинѣ домъ непривлекательной наружности, однимъ словомъ—почти клѣтка. Козаку все это не особенно нравилось; онъ предпочелъ бы степь и даже подумалъ было о ней, какъ вдругъ конюхи начали выводить лошадей изъ конюшни, чтобы напоить и вычистить ихъ. Передъ Кривоносомъ прошелъ цѣлый десятокъ коней—гнѣдыхъ, буланыхъ, польскихъ, турецкихъ и только одинъ заинтересовалъ его. Онъ обошелъ его кругомъ, осмотрѣлъ, наконецъ позвалъ Грица.

— Видишь ты?—спросилъ Кривоносъ.

— Эге!—отвѣтилъ Грицъ и слегка кивнулъ головой.

Въ это время на дворъ сошелъ и Тимко и только какъ взглянулъ на коня, то вскрикнулъ:

— Вѣдь это нашъ конь!

— Не вашъ уже, а Тугай-бега.

— Прошлой осенью на ярмаркѣ украли... Тугай его торговалъ у отца.

— Не сторговалъ и укралъ. Что-жь ему оставалось дѣлать? Что съ возу упало, то пропало.

— Я скажу ему.

— Что скажешь-то?... Онъ самъ тебѣ скажетъ.

— Собака!—злобно пробормоталъ молодой Хмельницкій.

— Если ты хочешь отплатить ему, то другого средства нѣтъ, какъ только украсть коня у него самого. Да трудно...—Онъ указалъ глазами на стѣны, на ворота и вздохнулъ.

Обзоръ коней занялъ около часу, потомъ наступила очередь охотничьихъ собакъ. Когда покончили и съ ними, съ чардака послышался голосъ Тугай-бега, приглашавшаго гостей къ обѣду, послѣ котораго хозяинъ обратился къ Тимку:

— Вотъ что, сынъ моего друга: я не пожалѣю для тебя ни хлѣба, ни соли, хоть бы ты прожилъ въ моемъ домѣ цѣлый годъ, два года...

— Такъ долго... нѣтъ!

— Вы въ Чигиринъ ѣдете, что ли?

— Н...нѣтъ,—нерѣшительно отвѣтилъ Тимко.

— Одно притягиваетъ, другое отталкиваетъ, — подхватилъ Кривоносъ.

— Отталкиваетъ?—съ удивленіемъ повторилъ Тимко.

— Развѣ забылъ ты, почему и какъ мы удрали изъ Яссъ? Что прошло въ Яссахъ задаромъ, то можетъ откликнуться въ Чигиринѣ... Спина у тебя чешется, что ли, или на плечахъ-то у тебя двѣ головы?

— Ну, ну?—настаивалъ бегъ.

Кривоносъ точно, хотя вкратцѣ, разсказалъ, въ чемъ было дѣло, и замолчалъ. Тугай-бегъ долго сидѣлъ въ молчаніи, закрывъ глаза, только причмокивалъ языкомъ, потомъ спросилъ:

— И зачѣмъ же онъ женщинамъ порвалъ платья и отдавилъ ноги? Глаза-то его гдѣ были?

— Глаза при немъ были, да только помутилось въ нихъ.

— Напился, вѣрно.

— Нѣтъ, трезвъ былъ, какъ теперь, только...

— Только что?

— Приглянулась ему господарская дочка,—ну, и ослѣпила.

Тугай глубоко вздохнулъ и сочувственно кивнулъ головой.

— Ого,—протянулъ онъ.

Онъ какъ будто бы хотѣлъ сказать этимъ: „знаю, дескать, и я“, потомъ вздохнулъ вновь, облизнулся, погладилъ бороду и промолвилъ сентенціознымъ тономъ:

— Такъ всегда бываетъ, когда одинъ другъ идетъ на другого. Богданъ пошелъ на насъ и по его милости мы были побиты подъ Охматовымъ. О, еслибъ онъ былъ съ нами, то господарь въ поясъ бы ему поклонился, чтобъ онъ его дочку взялъ себѣ въ невѣстки... Да, да, глупо сдѣлалъ Богданъ.

Тимко широко открытыми глазами уставился на бега. Ему казалось въ высшей степени естественнымъ, что отецъ ошибся, пойдя съ ляхами противъ татаръ, а не наоборотъ. Еслибы не эта ошибка, то господарь выдалъ бы за него дочь, не было бы этого громогласнаго публичнаго скандала, не нужно было бы бѣжать изъ Яссъ и все это произошло по милости отцовскаго заблужденія. А предсказанія старой цыганки? Впрочемъ, и они относятся къ тому, что случится, а не къ тому, что должно было случиться.

Мысли эти молніей промелькнули въ головѣ Тимка въ то время, когда Кривоносъ защищалъ Богдана противъ обвиненій Тугай-бега.

— Да вѣдь не одинъ же онъ былъ подъ Охматовымъ! Тамъ былъ и гетманъ съ сыномъ, былъ Потоцкій, тотъ, бѣшеный, князь Еремія, Чарнецкій...

— Онъ всѣхъ ихъ вмѣстѣ собралъ и заманилъ насъ въ ловушку... Нѣтъ, нѣтъ!... Богданъ надѣлалъ глупостей и измѣнилъ дружбѣ.

— Что касается дружбы, то нѣтъ.

— Мы побратались съ нимъ.

— А ты не укралъ у него коня съ звѣздой на лбу?

— Правда.

— А, вотъ видишь! Ты братался съ нимъ, а онъ съ тобою; ты у него коня укралъ, а онъ тебя заманулъ подъ польскія пушки. Вы теперь сквитались. Такъ, что ли?

— Правда,—еще разъ и болѣе рѣшительно повторилъ Тугай-бегъ.

— А еслибъ не Богданъ, ты сидѣлъ бы теперь на своемъ чардакѣ или нѣтъ?

— О, да! Такъ я уже и не остался неблагодаренъ ему. Клянусь Аллахомъ, я люблю его...

Тугай-бегъ приложилъ руку къ сердцу, для вящшаго доказательства любви къ Богдану, и сказалъ Тимку:

— Сиди подъ моей кровлей, сколько хочешь, пей и ѣшь, сколько влѣзетъ. Я не пожалѣю для тебя ничего.

— И даже проводника для козака,—прибавилъ Кривоносъ.—Нужно отправить гонца въ Чигиринъ, дать знать, что съ нами дѣлается.

— А, гонца!—подхватилъ бей.—Хорошо, хорошо, дамъ... И мнѣ нужно кое-что сказать Богдану... А когда нуженъ проводникъ... завтра?

— Завтра? Гмм... черезъ недѣлю, я думаю. Мы перемахнули черезъ всѣ буджакскія степи,—нужно же человѣку, что поѣдетъ, дать отдыхъ, и не столько человѣку, сколько коню.

— Черезъ недѣлю, такъ черезъ недѣлю.

— А ты, Тимко, пока напиши письмо отцу. Напиши и ему, и еще кому-нибудь, чтобъ отвѣтилъ тебѣ, какъ тамъ и что дѣлается.

— Кому же?—спросилъ Тимко.

— Да хоть бы тому лысому шляхтичу пану Михалу.

У Тимка блеснули глаза при воспоминаніи о панѣ Михалѣ. Образъ русокудрой его дочери мелькнулъ передъ его глазами и наполнилъ его сердце какой-то сладкой болью.

Хозяинъ пригласилъ гостей въ гостиную, *мусафертикъ*.

— Чѣмъ намъ здѣсь плохо!—отговаривался Кривоносъ.

— Я вамъ покажу мое оружіе, моихъ соколовъ.

— Если такъ, то дѣло другое. Ну, идемъ.

Онъ всталъ. Тимко послѣдовалъ его примѣру. Бей проводилъ ихъ въ большую, низкую, слабо освѣщенную комнату, гдѣ валялось въ безпорядкѣ различное оружіе. Большая часть была добыта въ Поль-

шѣ: панцыри съ орлиными крыльями у нараменниковъ, гусарскія копья, булавы, дротики. Въ слѣдующей комнатѣ, на деревянныхъ колышкахъ, вбитыхъ въ стѣну, дремали соколы. Птицы остались неподвижными и только тѣ, къ которымъ приближался Тугай-бегъ, приподнимали слегка крылья и издавали легкій, подавленный крикъ.

— Вотъ этотъ,—объяснялъ хозяинъ,—съ пеликаномъ управится, тотъ сразу убиваетъ лебедя, отъ того не уйдетъ ни одна цапля. Впрочемъ, вы увидите сами,—мы поохотимся.

Они возвратились на чардакъ. Муэззинъ съ ближайшаго минарета только-что началъ оглашать второй намазъ. Тимко и Кривоносъ сидѣли молча, ожидая окончанія религіознаго обряда. Бей окончилъ молитву и ушелъ, оставивъ гостей одниxъ. Такъ прошелъ цѣлый часъ, разговоръ не клеился, кромѣ того Тимко весь погрузился въ свои безъотвязныя думы. Наконецъ Кривоносу надоѣло его бездѣйственное положеніе.

— Да,—сказалъ онъ,—нечего говорить, тутъ намъ не худо; но если это добро протянется долго, то тутъ, чего добраго, заплѣсневѣешь... Нужно начать что-нибудь дѣлать.

— Что именно?

— Что?... А чортъ его знаетъ, что именно.

— Придетъ Тугай, тогда можетъ-быть...

— Какъ же!—перебилъ Кривоносъ.—Ты думаешь, онъ придетъ? Еслибъ ты былъ на его мѣстѣ, то не торопился бы возвращеніемъ. Ему теперь тамъ... какъ у Аллаха за пазухой. Лежитъ теперь подъ деревомъ кверху брюхомъ, посадилъ, чай, теперь около себя одалиску, а та ему въ головѣ ищетъ. Ого! Онъ не такъ-то скоро оторвется отъ этого исканія... Да и я самъ не прочь былъ бы отъ этого—не отказался... А тутъ извольте сидѣть сложа руки и думать о томъ, что теперь этой невѣрной собакѣ дѣвушка своими бѣлыми пальчиками перебираетъ волосы,—да тутъ поневолѣ зло начнетъ разбирать! Да вѣдь онъ и не заставитъ какую-нибудь,—знаетъ толкъ, бестія!

— Знаетъ толкъ,—повторилъ Тимко, котораго начала интересовать болтовня Кривоноса.—И это тамъ?—указалъ онъ пальцемъ на перегородку.

Досчатая перегородка доходила до чардака такъ, что оттуда никакимъ образомъ не было возможности заглянуть въ садъ.

— Тамъ,—отвѣтилъ со вздохомъ Кривоносъ,—тамъ, чортъ бы его побралъ! Онъ лежитъ, а она у него въ головѣ ищетъ.

Надо замѣтить, что операція этого рода составляетъ одно изъ величайшихъ наслажденій, извѣстныхъ въ поэтичной Украинѣ и практикующихся еще и до сихъ поръ. Въ обыкновенныхъ случаяхъ такую услугу оказываетъ жена мужу, мать сыну, сестра брату, въ необыкновенныхъ же, романтическихъ, любовница любовнику. Въ мысляхъ о

Эленѣ Тимко навѣрно не разъ мечталъ о нѣжныхъ пальчикахъ польки, погружающихся въ его волосы. Простые любовники вкушаютъ эти наслажденія среди бурьяновъ, растущихъ у плетней. Воображеніе юноши, возбужденное словами Кривоноса, сильно разыгралось. У него въ головѣ промелькнула то дочь лысаго шляхтича, то опять черноволосая домница. Сдѣлаться воеводой, гетманомъ, господаремъ и отдать свою голову въ распоряженіе пальчикамъ той или другой—представлялось ему самымъ радужнымъ идеаломъ.

Идеаломъ, да! Не всѣ же идеалы воздушны и поэтичны,—все зависитъ отъ сущности самого человѣка.

Вздохнулъ нашъ герой, вздохнулъ за нимъ и Кривоносъ и тоже по своему идеалу, впрочемъ немного иного свойства.

Попробовалъ было онъ затянуть пѣсню, да и то не ладилось, наконецъ плюнулъ и спустился на дворъ.

Тимко тоже послѣдовалъ его примѣру. Опять начался обзоръ конюшенъ, хлѣвовъ и пр. Подали обѣдъ; за обѣдомъ послѣдовалъ сонъ, вечеромъ опять пріемъ пищи и опять сонъ. На слѣдующій день, съ восходомъ солнца, соколиная охота съ бегомъ. Наконецъ Кривоносъ напомнилъ Тимку:

— Пиши же къ отцу... Пора уже отправлять Гриця.

— Хорошо, напишу, только чѣмъ и на чёмъ?

Въ домѣ бега можно было найти что угодно, только не перо, чернильницу, бумагу и вообще письменныя принадлежности. Тугайбегъ обходился безъ этой излишней роскоши. Онъ даже поклялся, что никогда не имѣлъ ничего подобнаго.

— А какъ же мы письмо напишемъ?—спросилъ Кривоносъ,—то-есть не мы, а онъ, Тимко, потому что и я умѣю писать только такъ же, какъ и ты, бегъ: кривою саблей по вражескимъ головамъ. Тимка же учили и выучили; ему-то и нужна бумага, перо и чернила.

— А если ихъ нѣтъ?

— Прикажи поискать въ городѣ,—можетъ-быть найдется.

— А какъ не найдется?

— Очевидно, не найдется, если искать не будешь. Живутъ же здѣсь итальянцы, армяне... мало ли. При беглербеѣ есть же секретарь какой-нибудь?

— Секретарь Коранъ читаетъ, а писать не пишетъ; пишутъ ли итальянцы или армяне, я что-то не слыхалъ.

Кривоносъ все стоялъ на своемъ, наконецъ бегъ призвалъ свою дворню и началъ распрашивать ее о письменныхъ людяхъ. Никто не могъ подать ни малѣйшаго мнѣнія въ этомъ дѣлѣ. Всѣ, почти единогласно, сказали, что слыхали о такихъ, да тѣ живутъ въ Бахчисараѣ. Бегъ послалъ разузнавать въ городѣ. Ходили, узнавали и вернулись одинъ за другимъ ни съ чѣмъ.

— Въ Бахчисараѣ,—отвѣчалъ каждый.

— Въ Бахчисарай нужно посылать,—рѣшилъ бей.

— Пожалуй, другого исхода и нѣтъ... А когда гонецъ возвратится?

— Это ужь когда Аллахъ велитъ.

— Дорога не коротка: мѣсяцъ туда, мѣсяцъ назадъ, мѣсяцъ на розыски, мѣсяцъ на то, если гдѣ заболтается, а можетъ-быть гдѣ нибудь конь издохнетъ, самого волки съѣдятъ... Ну, пусть ѣдетъ! Подождемъ, что ли, а?—спросилъ онъ у Тимка.—И отецъ подождетъ... Посылай, коли такъ, за бумагою, чернилами и перомъ.

— Перо можетъ-быть и здѣсь найдется, замѣтилъ—Тимко.—Гуси-то здѣсь есть, навѣрно. Только я чинить не особенно хорошо умѣю.

— Чинилъ же, когда писалъ?

— Панъ Краска чинилъ. Можетъ-быть и я какъ-нибудь съумѣю.

— Такъ значитъ только бумагу и чернила?... Постой, постой,—вѣдь и деготь тоже чернила.

— Дегтемъ нельзя писать. Ну, да это какъ-нибудь устроимъ. Панъ Краска, помнится, дѣлалъ чернила изъ сажи.

— Ну, такъ значитъ,—Кривоносъ обернулся къ бегу,—пусть гонецъ ѣдетъ за чернилами, перомъ и бумагой, но заботится болѣе всего о бумагѣ. Если привезетъ чернила и перо—хорошо: нѣтъ—и такъ обойдемся.

Бегъ тотчасъ же отдалъ распоряженіе и на слѣдующій день, съ восходомъ солнца, со двора выѣхалъ татаринъ въ Крымъ за бумагой. Бегъ наказывалъ ему особенно помнить о бумагѣ.

— Бумага... понимаешь?—бумага... Она словно полотно, но не совсѣмъ... Понимаешь?—спрашивалъ онъ.

При этомъ онъ далъ нѣсколько порученій къ одному пріятелю—мурзѣ, приближенному хана, и прибавилъ, что еслибы гонецъ встрѣтилъ какія-нибудь препятствія при розыскѣ бумаги, то пусть обратится къ мурзѣ, а тотъ ужь все дѣло устроитъ. Гонецъ поѣхалъ.

ГЛАВА XIII.

Задуманная встрѣча.

Еслибы все дѣлалось такъ, какъ желалъ бы человѣкъ, то жить представлялось бы... дорогой, устланной розовыми лепестками?—хотите сказать вы.—Ничуть не бывало! Безъ препятствій, столкновеній, жизнь была бы просто цѣпью предвидѣнныхъ и ожидаемыхъ событій. Скучно было бы тогда на свѣтѣ.

Мы не знаемъ достовѣрно, чего желалъ себѣ Тимко. Долженъ же былъ быть у него планъ, извѣстная программа, первымъ пунктомъ которой стояло возвращеніе гонца изъ Крыма. Тимко терпѣливо ожидалъ

это событіе, не такъ, какъ Кривоносъ; для послѣдняго время, несмотря на охоту, рыболовство, болтовню съ бегомъ и длинный сонъ днемъ и ночью, тянулось нестерпимо-долго.

— Ей-богу, тутъ заплѣсневѣешь, сгніешь,—повторялъ онъ. — Нечистый угораздилъ насъ покинуть этого пана Краску на дорогѣ... Въ дорогѣ, правда, онъ мѣшалъ бы намъ, за то теперь пригодился бы: было бы, по крайней мѣрѣ, надъ кѣмъ смѣяться до слезъ. О, панъ Краска, явись, явись сюда!

Но, увы, напрасны были вопли Кривоноса.

— Ни трактировъ, ни кабаковъ, ни женщинъ!

Кривоносъ проклиналъ всѣхъ и все, начиная съ часа своего рожденія, но по неволѣ долженъ былъ искать развлеченія въ томъ, что окружало его подъ кровлей Тугай-бега. Искалъ онъ, искалъ самъ незная чего,—такъ слѣпая курица ищетъ зерно,—и наконецъ нашелъ. Однажды какъ-то началъ онъ, отъ нечего дѣлать, постукивать пальцемъ въ перегородку чардака и додолбился до дырки. Когда образовалась дырка, любопытство побудило его приставить къ ней глазъ.

— Эге,—крикнулъ онъ,—вотъ такъ штука!

Крикъ его привлекъ вниманіе Тимка.

— Чего ты кричишь?—спросилъ онъ.

— Поди сюда, самъ увидишь.

Тимко тоже приложилъ глазъ и тоже вскрикнулъ. Что такъ удивило его?—Ничего особеннаго; въ другомъ мѣстѣ онъ не закричалъ бы отъ такого зрѣлища. Онъ просто увидалъ женщинъ. Съ самаго момента выѣзда изъ Яссъ особа женскаго пола не представлялась ему иначе, какъ подъ видомъ чего-то нестройнаго, закутаннаго съ головы до ногъ. А здѣсь онъ увидалъ нѣсколько женщинъ, къ тому же молодыхъ и красивыхъ, сидящихъ за работой въ тѣни деревьевъ. Одежда не покрывала ихъ такъ, чтобъ ихъ прелести не были видны,—напротивъ. Работа, видимо, не особенно интересовала ихъ, а служила только средствомъ, чтобъ убить ненужное время. Всѣ онѣ что-то жевали. Женщины гарема ѣдятъ постоянно, за исключеніемъ ночи, или вѣрнѣе времени сна, да и ночью если какая не спитъ, то ѣстъ что-нибудь—не столько для подкрѣпленія силъ, сколько для развлеченія. И женщины, такъ неожиданно представшія очамъ нашего героя, работали мало, ѣли много и болтали безъ умолку. О чемъ они говорили, судить было трудно. Дырка давала возможность видѣть, но слова не доходили на такомъ большомъ разстояніи. Видно было только, какъ татарки шевелили губами, жестикулировали и смѣялись.

Тимко насмотрѣлся досыта и уступилъ мѣсто Кривоносу, и такъ далѣе, по очереди, одинъ за другимъ пользовались тѣмъ запретнымъ плодомъ, какимъ является на Востокѣ лицезрѣніе непокрытой женщины.

Во всякомъ случаѣ, одною лишнею забавой стало болѣе.

— Дырку-то нужно заткнуть,—сказалъ Кривоносъ, насмотрѣвшись вволю,—какъ бы Тугай, сохрани Богъ, не замѣтилъ.

Онъ остругалъ колышекъ и заложилъ отверстіе.

Занятіе это сильно сокращало праздное время нашихъ козаковъ. Повторялось оно изо дня въ день и приняло характеръ изученія гаремныхъ особенностей. Къ первой дыркѣ вскорѣ прибавилась другая, идущая вкось, къ ней еще третья, но въ другомъ уже направленіи. Теперь взоръ можно было направлять и прямо, и въ сторону, да притомъ Кривоносъ и Тимко не имѣли уже надобности чередоваться. Конечно, они могли предаваться своимъ изысканіямъ лишь въ то время, когда на нихъ никто не смотрѣлъ, да и лучше: это придавало подсматриванью особенно заманчивый колоритъ опасности, заставляло каждый день ожидать чего-нибудь новаго. Дѣйствительно, иногда случалось и новое. Что именно?—Ничего другого, какъ какая-нибудь живая картинка,—картинка вродѣ тѣхъ, что въ наше время фигурируютъ на художественныхъ выставкахъ, вызывая чувства, противъ которыхъ когда-то сильно боролись святые Василій, Антоній и другіе. Женщины гарема принимали позы интересныя, а главное—не принужденныя. Позы эти часто вызывали изъ устъ Кривоноса восклицанія подобнаго рода:

— Ахъ, чтобъ тебя, ишь какъ расположилась!

Тимко восклицаній никакихъ не издавалъ, но однажды замѣтилъ:

— Тутъ только однѣ татарки.

— Да, татарки.

— Татары берутъ же въ плѣнъ и полекъ, и русинокъ.

— Берутъ-то берутъ, только продаютъ потомъ. Полекъ и русинокъ татары берутъ не для себя. Еще бы что!...

— Тугай—все-таки бегъ...

— Ты хочешь сказать, могъ бы позволить себѣ?—Конечно, но Тугай-бегъ такихъ и подбираетъ... Помнишь, какъ онъ облизывался на панну Элену, когда былъ въ Суботовѣ? Еслибъ такая панна Элена попала ему, то онъ ее не выпустилъ бы, а другія... нѣтъ,—боится.

— Чего-жь ему бояться?

— Въ гаремѣ такой кавардакъ пошелъ бы, что ему пришлось бы хоть вонъ бѣжать; прочія женщины глаза бы себѣ выцарапали.

— Онѣ выцарапали бы также и изъ-за панны Элены.

— Нѣтъ, потому что бегъ сдѣлалъ бы изъ нея *ханемъ*, то-есть далъ бы такую власть, что по ея приказанію каждую, обидѣвшую ее, въ мѣшокъ, да и въ лиманъ прямо. Понимаешь?

Тимко понялъ.

Конечно, не одно это занимало нашего героя. Передъ глазами у него былъ Аккерманъ, крѣпость. Онъ, рыцарь, не могъ оставаться равнодушнымъ при видѣ стѣнъ, рвовъ, башней, принадлежностей обо-

роны и наступленія. Турки въ то время служили за примѣръ. То не были теперешніе турки. Тимко, разгуливая по городу и лазая по укрѣпленіямъ, сравнивалъ ихъ съ тѣмъ, что видалъ въ Чигиринѣ, въ польскихъ и козацкихъ крѣпостяхъ, и учился.

Пользовался онъ также и бесѣдами съ беемъ, который нерѣдко возвращался къ обсужденію политическихъ отношеній Польши и Турціи и тѣхъ послѣдствій, какія они могли бы имѣть для татарскаго и козацкаго народовъ. Тугай-бегъ не былъ особенно умнымъ человѣкомъ, не обладалъ особенно широкими взглядами, но нѣкоторыя его сужденія не были лишены смысла.

— Эхъ, еслибы мы такъ...—сказалъ онъ однажды.

— Какъ?—спросилъ Кривоносъ.

— Мы и козаки *барабаръ*...

Тугай-бегъ вытянулъ руки, сложилъ вмѣстѣ указательные пальцы и началъ потирать ими одинъ о другой. Это значило держаться вмѣстѣ.

— Ага!—догадался Кривоносъ.

— Мы, татары, взяли бы за шиворотъ турокъ, а вы, козаки, ляховъ и...

Онъ показалъ, какъ именно нужно держать,—крѣпко.

— Туркамъ и ляхамъ это не понравилось бы, — замѣтилъ Кривоносъ.

— Конечно, еслибъ мы пошли на обоихъ вмѣстѣ. А то такъ: взять сначала одного, а потомъ другого.

— Котораго же прежде?

— Котораго?—Татаринъ задумался.

— Ляха развѣ,—сказалъ Тимко, которому тотчасъ представились князья Еремія и Янушъ, какъ воплощеніе Польши.

— Сильны они, собаки!—въ раздумьи проговорилъ Кривоносъ.

— На него турокъ пойдетъ, — отвѣтилъ бей, — и станетъ у насъ за плечами.

— А за плечами ляховъ никто не станетъ?

— Кто?

— Цезарь можетъ, Москва, а можетъ...

Онъ никакъ не могъ припомнить названіе царства, которое имѣлъ въ виду.

— Шведъ,—подсказалъ Тимко.

— Ну, вотъ, вотъ, шведъ!

— И!—махнулъ Тугай рукою.—Нѣмецъ, москаль, шведъ—всѣ готовы утопить ляха въ лужѣ воды. Ляхъ имъ всѣмъ поперекъ глотки сталъ... Такъ вотъ еслибъ мы, татары и козаки, пошли вмѣстѣ, то ужъ доѣхали бы ляха. О, мы ужъ говорили о томъ съ Богданомъ!...

— Ну, и что жъ?—спросилъ Кривоносъ, видя, что Тугай мнется.

— А тутъ подоспѣла охматовская битва.

— Можетъ-быть ты отъ него требовалъ того, чего онъ не въ силахъ сдѣлать?

— Гм... Чего же я могъ добиваться отъ него? Еслибъ не былъ христіаниномъ, не былъ бы женатъ, то не могъ бы сдѣлать, но...—Тугай говорилъ болѣе самому себѣ,—не думаю, чтобы Богданъ, мой другъ, мой братъ, былъ такимъ, какъ песъ, что лежитъ на сѣнѣ, ворчитъ, скалитъ зубы, самъ не ѣстъ и другихъ къ пищѣ не подпускаетъ.

Кривоносъ спросилъ было, что это такое, но татаринъ ничего не отвѣтилъ.

Тѣмъ подобные разговоры и кончались. Политическіе взгляды и какія-то загадки сильно заставляли работать голову молодого человѣка. Тимко не имѣлъ за собою ровно ничего; передъ нимъ развертывалось необъятное пространство; въ самомъ въ немъ не было ничего кромѣ великаго честолюбія, да невыясненной любви къ одной изъ двухъ дѣвушекъ.

Такъ прошло четыре мѣсяца въ ожиданіи бумаги, чернилъ и перьевъ. Наконецъ, уже подъ осень, гонецъ вернулся,—вернулся, но, увы, съ пустыми руками. Не привезъ онъ ни бумаги, ни чернилъ, ни перьевъ.

— Отчего?—спрашивалъ бей.

— *Йокъ-теръ*. Въ Бахчисараѣ нѣтъ и не было ничего подобнаго.

— Да ты спрашивалъ ли, искалъ ли?

— Спрашивалъ, и по базарамъ ходилъ, и у разныхъ людей допытывался; никто и не слыхалъ о бумагѣ.

Бегъ разгнѣвался, обругалъ гонца постыдными словами по-татарски, обругалъ потомъ по-турецки, сдѣлалъ движеніе, точно желалъ вцѣпиться ему въ глаза, наконецъ спросилъ у Тимка и Кривоноса, что теперь дѣлать.

— Послать гонца поумнѣе,—посовѣтовалъ Кривоносъ.

Бегъ согласился и на то, сталъ искать болѣе умнаго гонца и, наконецъ, нашелъ. Но поиски заняли нѣсколько недѣль; подошла зима. Умный гонецъ все ждалъ болѣе благопріятнаго времени года и выѣхалъ только весною. Что случилось съ нимъ, намъ неизвѣстно: онъ просто поѣхалъ и не возвратился. Напрасно ждали его. Можетъ-быть онъ не попалъ въ Бахчисарай, можетъ-быть убѣжалъ, можетъ-быть его убили разбойники или съѣли волки,—пропалъ съ конемъ, съ сѣдломъ и слѣда никакого не оставилъ. Бегъ долго повторялъ:

— Вотъ и не увидите, какъ онъ пріѣдетъ.

Наконецъ и самъ бегъ утратилъ надежду и спросилъ:

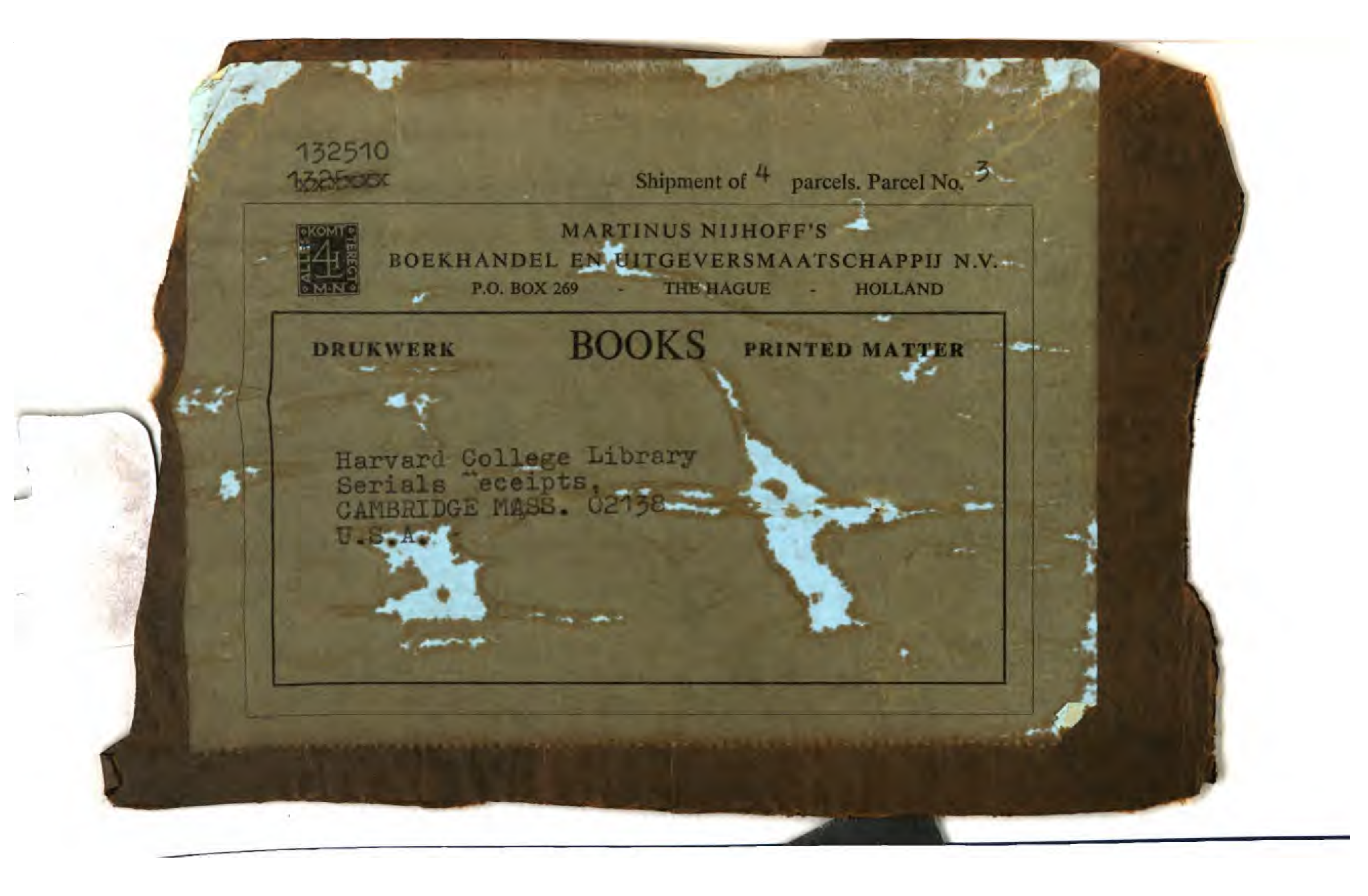
— Ну, теперь какъ быть?

— Послать двоихъ, троихъ.

— Вамъ дѣло очень къ спѣху?

— Нѣтъ, не то, что къ спѣху, а пора же дать знать Богдану, что дѣлается съ его сыномъ.

132510
Shipment of 4 parcels. Parcel No. 3
MARTINUS NIJHOFF'S
BOEKHANDEL EN UITGEVERSMAATSCHAPPIJ N.V.
P.O. BOX 269 - THE HAGUE - HOLLAND
DRUKWERK
BOOKS
PRINTED MATTER
Harvard College Library
Serials "eceipts,
CAMBRIDGE MASS. 02138
U.S.A.

Widener Library
3 2044 099 718 645